

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XIX—XXI ВВ. — ШЕМЯКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
— ВЫПУСК 2

ШЕМЯКИНСКИЕ
ЧТЕНИЯ
ВЫПУСК 2

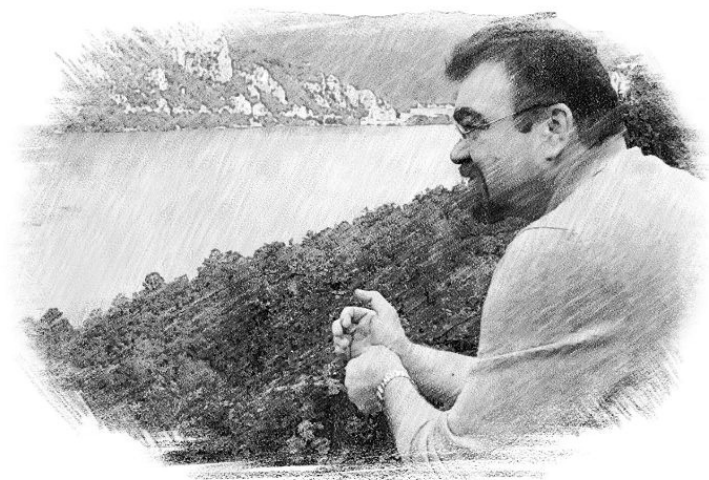
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В XIX—XXI ВВ.

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ИМ. М. ЙОВАНОВИЧА
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
АРХИВ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ

ШЕМЯКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 2

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ В XIX–XXI ВВ.

Москва – Белград
2023

УДК
ББК

Издатель/Издавач
Институт славяноведения РАН
Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича
Философского факультета Белградского университета
Архив Сербской православной церкви
Русский научный институт

За издателя/за издавача
Ирина Антанасијевић

Научный редактор
Алексей Юрьевич Тимофеев

Редколлегия выпуска:
к.и.н. А.А. Силкин (отв. редактор)
к.и.н. Ю.В. Лобачева (отв. секретарь)
д.и.н. Е.П. Серапионова
д.и.н. А.Ю. Тимофеев

Рецензенты:
к.и.н. Н.С. Пилько
к.и.н. А.В. Морохин

Вопросы истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XXI вв. / отв. ред. А.А. Силкин; редкол.: Ю.В. Лобачева, Е.П. Серапионова, А.Ю. Тимофеев. – М.: Институт славяноведения РАН; Белград: Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича ФФ БУ; Архив Сербской православной церкви; Русский научный институт, 2023. – 472 с. (Шемякинские чтения. Вып. 2).

ISBN 978-86-81328-13-2
ISBN 978-5-7576-0495-4
ISSN 2949-625X
DOI 10.31168/7576-0495-4

Коллективный труд посвящен памяти видного российского историка-слависта Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). Он является результатом научного сотрудничества российских и сербских исследователей. В фокусе внимания авторов широкий круг вопросов, охватывающий события из истории народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы XIX–XXI вв., как и сюжеты, относящиеся к истории исторической науки и источниковедению.

© Коллектив авторов, 2023
© Институт славяноведения РАН, 2023
© Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского факультета Белградского университета, 2023
© Русский научный институт, 2023
© Архив Српске Православне Цркве, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Юлия Владимировна Лобачева	
Предисловие	9
Александр Сергеевич Стыкалин	
«Среди румын мадьяризация не имела почти никакого успеха». (Румынское национальное движение Трансильвании эпохи австро-венгерского дуализма во взаимоотношениях с официальным Будапештом. 1867–1914 гг.)	13
Ольга Анатольевна Дубовик	
Болгария (1889–1894 гг.): настройка на войну	46
Ярослав Валерианович Вишняков	
Дунайская стратегия Петербурга и русско-сербские экономические связи конца XIX – начала XX в.	64
Никита Сергеевич Гусев	
Русские добровольцы в Болгарии во время Балканских войн 1912–1913 гг.: основные категории, особенности поведения и восприятия современниками	77
Елена Павловна Серапионова	
Чешские и словацкие левые в России в годы Гражданской войны (1917–1919 гг.)	95
Петр Владимирович Мошечков	
Освещение действий чешско-словацких легионеров в 1918–1920 гг. в работах французских военных представителей в России	109
Андрей Владиславович Ганин	
«Честно пойти общей дорогой туда, куда влекут... жизненные потребности страны». История тайных переговоров красных и белых о сдаче Русской армии генерала П.Н. Врангеля в Крыму осенью 1920 г.	136
Александр Животич	
Никола Пашич и Советская Россия/Советский Союз (1917–1926 гг.)	165
Божица Ж. Славковић-Мирић	
Косово и Метохија 1929. године – покушај решавања националног питања поделом југословенске државе на бановине	185
Анна Николаевна Канарская	
Коминтерн и планы воссоздания Коммунистической партии Польши (1937–1939 гг.)	211

Александр Александрович Силкин «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвествь, когда такие люди в стране в советской есть!» – жизнь и смерть в СССР югославского коммуниста Стефана Богдановского	222
Никола Миликић Совјетски ратни заробљеници у сећањима југословенских заробљеника у немачким логорима током Другог светског рата	237
Милана Живанович Встреча с соотечественниками: Советская и «Заграничная» России в Югославии в 1944 г.	258
Алексей Юрьевич Тимофеев Последние годы русской эмиграции в Югославии: 1941–1954 гг. – исторический опыт	278
Биљана Марцојевић Суђење Јурају Шпилеру у Зрењанину и објект Хелеров млин као неми сведок	302
Анатолий Семенович Аникеев Становление югославского рабочего самоуправления в Югославии. 1950-е годы. Борис Кидрич	319
Јована Перишић Политика или спорт: ко одлучује о освојеним медаљама? Светска првенства у кошарци (1959, 1962, 1978.)	341
Андрија Јовановић Америчке санкције Совјетском Савезу и изградња гасовода Уренгој – Помари – Ужгород	363
Константин Владимирович Никифоров Диссиденты в социалистической Сербии	391
Љубомир З. Поповић Посјета патријарха Пимена Косову у октобру 1984. године у контексту међуцрквених односа	415
Михаил Валерьевич Белов «Воспоминания» Васы Чубриловича как исторический источник	439
Людмила Васильевна Кузьмичева Содружество энтузиастов. Историки Латинка Перович и Андрей Шемякин	461

CONTENTS

Yulia V. Lobacheva Introduction	9
Alexander S. Stykalin “Magyarization had almost no success among Romanians”. (The Romanian national movement of Transylvania during the era of Austro-Hungarian dualism in relations with official Budapest. 1867–1914)	13
Olga A. Dubovik Bulgaria (1889–1894): First Intention to War	46
Yaroslav V. Vishnyakov The Danube strategy of St. Petersburg and Russian-Serbian economic relations in the late 19th and early 20th centuries	64
Nikita S. Gusev Russian volunteers in Bulgaria during the Balkan Wars of 1912–1913: the main categories, features of behaviour and perception by contemporaries	77
Elena P. Serapionova Czech and Slovak Leftists in Russia during the Civil War (1917–1919)	95
Petr V. Moshechkov The Interpretation of Action of the Czecho-Slovak legionaries in 1918–1920 in the Works of the French Military Representatives in Russia	109
Andrey V. Ganin “It’s fair to go the common road where... the vital needs of the country lead.” The history of secret negotiations between the Reds and Whites on the surrender of the Russian army by General P.N. Wrangel in Crimea in the fall of 1920	136
Aleksandar Životić Nikola Pašić and Soviet Russia/Soviet Union (1917–1926)	165
Božica Ž. Slavković Mirić Kosovo and Metohija in 1929 – an attempt to solve the national question by dividing the Yugoslav state into banovinas	185
Anna N. Kanarskaya The Comintern and plans for the re-establishment of the Communist Party of Poland (1937–1939)	211
Alexander A. Silkin “I know the city will be, I know the garden will bloom when there’re such people in a soviet country!” – The Yugoslav communist Stefan Bogdanovski’s life and death in the USSR	222

Nikola Milikić Soviet prisoners of war in the memories of Yugoslav prisoners in German camps during the Second World War	237
Milana Živanović Encounter between compatriots: Soviet Russia and Russia abroad in Yugoslavia in 1944	258
Aleksej Yu. Timofejev Russians in FNRJ 1948–1954: the transformation from emigration towards a persecuted minority	278
Biljana Marcojević Juraj Špiler's trial in Zrenjanin and the Heller mill building as a silent witness	302
Anatoly S. Anikeev Formation of the Yugoslav workers' self-management in Yugoslavia. The 1950s. Boris Kidrič	319
Jovana Perišić Politics or sport: who decides on the medals won? Basketball World Championships (1959, 1962, 1978)	341
Andrija Jovanović American sanctions against the Soviet Union and construction of the Urengoy – Pomari – Uzhgorod gas pipeline	363
Konstantin V. Nikiforov Dissidents in socialist Serbia	391
Ljubomir Z. Popović The visit of Russian Patriarch Pimen to Kosovo in October 1984 in the context of inter-church relations	415
Michael V. Belov “Memoirs” of Vasa Čubrilović as a historical source	439
Lyudmila V. Kuzmicheva A Community of Enthusiasts. Historians Latinka Perovich and Andrey Shemyakin	461

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы держите в руках, является результатом научного сотрудничества российских и сербских историков, призванным отдать дань памяти видному российскому историку-слависту, сербисту, Андрею Леонидовичу Шемякину (1960–2018).

А.Л. Шемякин почти 30 лет являлся сотрудником Института славяноведения РАН и внес немалую лепту как в изучение исследуемых исторических проблем и вопросов, так и развитие Института и сербистики в России в целом; много способствовал он и укреплению, расширению российско-сербских научных связей¹.

Напомним, что в 2019 г., благодаря усилиям коллег и друзей ученого, были проведены две международные научные конференции, посвященные его памяти: 5 марта в Москве – «Человек на Балканах. Памяти А.Л. Шемякина»² и 19–20 апреля в Белграде – «Россия и Сер-

1 Об А.Л. Шемякине и его научном пути см., например: *Денда Д.* In Memoriam др. Андреј Леонидович Шемјакин, научни саветник Института за славистику РАН (Тула, 1. мај 1960 – Тула, 8. март 2018) // *Војно-историјски гласник*. 2018. № 1. С. 280–282; *Никифоров К.В.* «Спасибо России за то, что она подарила нам Андрея...» // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2018. № 1–2. С. 7–11; *Поповић Р. Ј.* Андреј Шемјакин (1960–2018) // *Историјски часопис*. 2018. Књ. LXVII. С. 485–487; *Силкин А.А.* Человек на Балканах: творческий путь А.Л. Шемякина // *Славяноведение*. 2018. № 5. С. 109–117; Памяти Андрея Леонидовича Шемякина [Текст, автор – Н.С. Гусев] // *Новая и новейшая история*. 2019. № 1. С. 246–247; *Русија и Србија на прелому века: српске теме Андреја Шемјакина / [одговорни уредник Алексеј Ј. Тимофејев]*. Београд: Институт за новију историју: Центар за Руске и Источноевропске студије «М. Јовановић» Филозофског факултета Универзитета: Информатика; Москва: Институт за словенске студије РАН, 2020 (Београд: Графо сан). 354 с.; *Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А.А. Силкина, Е.П. Серапионовой, Ю.В. Лобачевой, А.Ю. Тимофеева*. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 432 с.; *Лобачева Ю.В.* Андрей Леонидович Шемякин и его вклад в развитие славистики // *Славяне и Россия: Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию основания Института славяноведения*. Колл. монография / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 319–341 и др.

2 *Человек на Балканах. Памяти А.Л. Шемякина. Конференция*. Москва, 5 марта 2019 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/conference/5-marta-2019-g-chelovek-na-balkanah-pamyati-l-shemyakina> (дата обращения: 25.04.2022).

бия на изломе веков. Сербские темы Андрея Шемякина»³. На основе их материалов были подготовлены и опубликованы в 2020 г. два коллективных труда⁴.

В октябре 2021 г. в Сербии прошли первые, посвященные слависту, «Шемякинские чтения» на тему: «145 лет русского военного добровольческого движения на Балканах», в которых приняли участие сербские и российские историки. Их работы вошли в изданный в 2022 г. тематический сборник «Русские добровольцы в Сербии в 1876 г.»⁵.

16 и 17 мая 2023 г. в Институте славяноведения в память об Андрее Леонидовиче состоялись вторые «Шемякинские чтения»⁶. Международная научная конференция «Шемякинские чтения. Актуальные проблемы истории стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.» была организована Отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения совместно с Центром по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского факультета Белградского университета⁷.

Участие в мероприятии приняли исследователи из разных учреждений Сербии и России: Университета в Белграде, Института новейшей истории Сербии, Института европейских исследований (Белград),

3 Россия и Сербия на изломе веков. Сербские темы Андрея Шемякина. Международная научная конференция. Москва, 19 апреля 2019 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/conference/19-aprelya-2019-g-rossiya-i-serbiya-na-izlome-vekov-serbskie-temy-andreya-shemyakina> (дата обращения: 25.04.2022). Также см.: *Бжељац М.* Уводни говор директора Института за новију историју Србије // Русија и Србија на прелому века: српске теме Андреја Шемјакина. С. 11; *Русија и Србија на прелому века: српске теме Андреја Шемјакина.* С. 9.

4 Русија и Србија на прелому века: српске теме Андреја Шемјакина.; *Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018).*

5 Руски добровольци у Србији 1876.: тематски зборник радова = Русские добровольцы в Сербии 1876.: тематический сборник трудов / [главни и одговорни уредник Алексеј Ј. Тимофејев]. Београд: Руски научни институт: Центар за руске и источно-европске студије М. Јовановић Филозофског факултета Универзитета у Београду; [Москва]: Институт славяноведения Российской академии наук, 2022 (Београд: Графо сан). 400 с.

6 Шемякинские чтения. Актуальные проблемы истории стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Международная конференция. Москва, Сеть «Интернет», 16–17 мая 2023 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/node/4059> (дата обращения: 13.11.2023).

7 Подробнее см.: *Лобачева Ю.В.* Международная научная конференция «Шемякинские чтения. Актуальные проблемы истории стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв.» // *Славяноведение.* 2023. № 5. С. 141–144.

Исторического музея Сербии (Белград), Музея жертв геноцида (Белград); Института славяноведения РАН, Института востоковедения РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского государственного института международных отношений МИД РФ и Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Подготовленные на основе ряда выступлений статьи составили основу данного издания.

В фокусе внимания 22 авторов весьма широкий круг вопросов, охватывающий события из истории народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы, а также два сюжета, относящиеся к истории исторической науки и источниковедению. Хронологический охват книги также широк – от 1867 г. до 2022 г., в соответствии с ним выстроено и ее содержание. Многие рассмотренные в книге темы – как и на предварявшей ее конференции, перекликаются с исследовательскими интересами А.Л. Шемякина, память о котором и объединила авторский коллектив.

Работы публикуются на русском и сербском языках, при сохранении ряда стилистических особенностей авторских текстов.

Ю.В. Лобачева

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН

Александр Сергеевич Стыкалин

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,

Ленинский проспект, 32 А.

zhurslav@gmail.com

**«Среди румын мадьяризация не имела почти никакого успеха»
(Румынское национальное движение Трансильвании эпохи
австро-венгерского дуализма во взаимоотношениях
с официальным Будапештом. 1867–1914 гг.)**

Соглашение дома Габсбургов с венгерским национальным движением, вследствие которого Австрийская империя в 1867 г. трансформировалась в двуединую Австро-Венгерскую монархию, привело к полной ликвидации автономии Трансильвании и нанесло сильнейший удар по румынскому национальному движению этого края, переживавшему подъем в 1860-е годы. На несколько десятилетий в этом движении возобладала тактика бойкота венгерской политической жизни, что резко ограничивало возможности противостояния усиливавшейся политике мадьяризации. Переход к более активной тактике произошел лишь в начале XX в., в условиях углублявшегося кризиса системы дуализма. В канун Первой мировой войны разворачивается борьба за влияние на румынское национальное движение Трансильвании между двумя политическими тяжеловесами Дунайской монархии – кронпринцем Францем Фердинандом, стремившимся к реформированию монархии за счет ослабления позиций Венгрии, и венгерским премьер-министром графом Иштваном Тиса, наиболее последовательным в империи защитником системы дуализма. В предвоенной обстановке, когда все труднее было прогнозировать пути дальнейшего переустройства монархии, успех был на стороне наследника императорского престола, однако его гибель перечеркнула все надежды на возможность реформирования империи с учетом интересов ее румынского национального меньшинства. По мере того, как начавшаяся мировая война делала все менее определенными перспективы сохранения Дунайской монархии, взоры румынских политиков Трансильвании обращаются только на Бухарест, в их сознании однозначно возобладала идея будущего присоединения Трансильвании к королевской Румынии.

Ключевые слова: Австро-Венгерская монархия, Трансильвания, Румыния, румынское национальное движение, Первая мировая война, Франц Фердинанд, Иштван Тиса

Соглашение дома Габсбургов с венгерской элитой о трансформации в 1867 г. Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию открыло путь к полной интеграции Трансильвании в политико-административное пространство Королевства Венгрии, одной из двух неотъемлемых частей возникшего двуединого государства. В соответствии с восторжествовавшей концепцией унитарного венгерского государства и единой политической нации (включающей в себя граждан разных национальностей, в том числе сербов, румын, словаков, подкарпатских русин)¹ этот край на востоке монархии, обладавший длительной традицией собственной государственности, полностью лишился автономии. А между тем, борьба за ее сохранение и расширение была краеугольным камнем в идеологии национального движения трансильванских румын и в условиях революции 1848 г., и позже, в первой половине – середине 1860-х годов, когда с падением режима неоабсолютизма и началом либеральных реформ в монархии перед этим движением открылись новые возможности. После 1867 г. происходит формирование единой системы комитатского административно-территориального управления, в которой не нашлось места даже сформировавшейся еще в Средние века автономии немецких переселенцев (саксов) в Юго-Восточной Трансильвании с городами Херманштадтом (венг.: Надьсебен, рум.: Сибиу) и Кронштадтом (венг.: Брашшо, рум.: Брашов), упраздненной в середине 1870-х годов. Закон о национальностях 1868 г. в соответствии с либеральной концепцией его инициатора Йозефа Этвёша пытался совместить доктрину единой венгерской политической нации с гарантированным предоставлением национальным меньшинствам права на создание в необходимом количестве собственных школ, прессы, культурных институций, широкое использование местных языков на комитатском уровне в административной и судебной практике, обращение на родных языках в вышестоящие инстанции. Однако сама идея вхождения румын в состав венгерской политической нации была в принципе неприемлема для выдвинувшейся в 1848 г. и в течение двух десятилетий заметно окрепшей трансильванской румынской элиты. Она не только приобре-

1 Эволюцию феодальной концепции «нацио хунгарика» к современному пониманию нации идеологами венгерского национального движения изучал Т.М. Исламов в статье: Исламов 1984.

ла в 1860-е годы определенный опыт организации политической жизни на комитатском уровне, но и приобщилась к законотворчеству на трансильванском собрании (краевом протопарламенте), созданном в Сибиу в 1863-1864 гг., а кроме того, внимательно следила за ускорившимся становлением единой румынской государственности по другую сторону Карпат, где в 1859 г. объединились Молдавское и Румынское княжества, а в 1866 г. централизованная власть перешла к будущему королю Карлу (Каролю) из немецкой династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. При этом либеральные принципы закона 1868 г. после смерти в 1871 г. Й. Этвёша (первого министра просвещения Венгрии эпохи дуализма, одного из корифеев венгерской политической мысли XX в.) стали все более выходить на практике, а в бытность с 1875 г. на протяжении 15 лет премьер-министром Кальмана Тисы власти вопреки мягкому противодействию православной и униатской церковью все более усиленно насаждают через школьную систему венгерский язык в румынских школах на уровне выше начального. Принятый в 1874 г. новый избирательный закон создал для румын Трансильвании (преимущественно крестьянской нации с еще довольно узкой в то время прослойкой национальной интеллигенции и зачатками собственного предпринимательского слоя) гораздо менее благоприятные условия, нежели существовали до 1867 г., поскольку поднял имущественный ценз.

Таким образом, компромисс 1867 г., предполагавший растворение трансильванской специфики в унитарном Венгерском королевстве, нанес сильнейший удар по румынскому национальному движению этого края, вызвав настоящий шок в политически активных кругах румын. Ведь в сохранении широкой автономии Трансильвании, исторической области, где румыны составляли более половины населения, виделся единственный гарант приобщения их представителей к власти, без чего было немислимо полноценное национальное развитие. Правда, после 1867 г. румынское национальное движение Габсбургской монархии уже не было сковано прежними административными границами между Трансильванией и Восточной Венгрией (а также Банатом), где тоже существовало значительное румынское население, и это создавало более благоприятные условия для политического единения около 3 млн румын, проживавших на венгерских коронных землях. Все-таки в автономной Трансильвании румынские политики могли реально претендовать на сильные позиции во власти, что было немислимым применительно ко всему Венгерскому королевству, в рамках которого количество этнических румын никак не превышало 15% населения.

С конца 1860-х годов в румынской среде Трансильвании все больше проявляется склонность к пассивному сопротивлению венгерским властям, к бойкотированию официальной политической жизни². Расчет делался на недолговечность компромисса 1867 г.: в нем виделся не более чем эксперимент дома Габсбургов (проводимый едва ли не в первую очередь за счет интересов румын), который в обозримом будущем закончится неминуемым провалом. Такие представления подпитывались извне. В условиях существования в Габсбургской монархии развитых чешского и польского (галицийского) национальных движений скептицизм в отношении перспектив дуализма разделялся многими в империи, в том числе и в высших венских бюрократических кругах, куда были вхожи и те, кому официально было доверено представлять интересы румын – лояльные Габсбургам церковные иерархи, в частности православный епископ (а позже митрополит) А. Шагуна, его преемник М. Романул и униатский епископ А. Стерка-Шулуциу. Бойкотирование венгерской политической жизни не означало, впрочем, полного отсутствия контактов. Харизматический лидер венгерской нации и один из создателей системы дуализма Ференц Деак, приняв румынскую делегацию, указал, что в унитарной Венгрии все граждане будут наделены равными правами независимо от их родного языка и румыны получают возможности для развития своей культуры и общественной жизни. Была предпринята и попытка привлечь румынских деятелей к непосредственной реализации либеральной школьной программы, не подвергавшей, впрочем, сомнению принцип единой нации в венгерском государстве. Попытка оказалась безуспешной: один из лидеров румынского национального движения Трансильвании Джорже Баричиу, приглашенный Й. Этвёшем, отказался играть по правилам, продиктованным из Пешта, поскольку это было бы равнозначно недопустимому для элиты трансильванских румын признанию себя частью венгерской политической нации.

В условиях, когда румынское национальное движение начинает сторониться участия в венгерской политической жизни, на первый план в его деятельности выходит развитие культуры. Объектом притяжения всех национально ориентированных сил неизменно оставалось образованное в 1861 г. культурное общество ASTRA (*Asociația Transilvană pentru Literatura Română și Cultura Poporului Român*), имевшее в своем активе немало людей с политическим опытом и оказывавшее влияние на выработку национальной стратегии в широком плане. Оно распространяло свою

2 Бойкот распространился и на церемонию коронации австрийского императора Франца Иосифа венгерской короной.

деятельность на все земли венгерской короны, где проживали румыны. В 1867 г. на конференции в Араде (созванной под эгидой православной церкви), а в 1869 г. на более широком собрании близ Сибиу было декларировано создание румынской национальной партии. В ее программных документах нашли отражение принципы блажской революционной программы эпохи революции 1848 г. и прежде всего традиционные требования автономии Трансильвании со своим представительным органом, реального национального равноправия, более демократического избирательного законодательства. Создание румынской национальной политической партии в это время не было разрешено, а ее оргкомитет распущен по требованию свыше (власти осознавали внесистемность этой силы в Венгрии). Тем не менее партия полулегально функционировала, оставаясь при этом аморфной структурой без строгого членства, по сути, была активом более широкого политического движения. Ставя препоны ее деятельности, власти всё же не прибегали к слишком жестким мерам, опасаясь дестабилизации в Трансильвании. В свою очередь, и со стороны румын проявилась склонность к компромиссам. Так, составители меморандума, врученного в 1872 г. премьер-министру М. Лоняи, понимая слабость позиций своего движения без поддержки Вены, были готовы с оговорками признать систему дуализма, но при соблюдении целого ряда условий (проведение новых комитатских границ в соответствии с этническим принципом; официальное использование румынского языка в администрации и судебной системе в ряде комитатов; более демократическая выборная система; назначение румын на чиновничьи должности). Врученный меморандум фактически не возымел последствий, хотя формально не противоречил закону 1868 г. о национальностях.

Преобладавшие в румынской партии сторонники пассивной линии устранились (часто себе во вред) от участия не только в парламентских выборах, но зачастую даже в общественной жизни Трансильвании на комитатском уровне (всё это квалифицировалось как чуждая румынам «венгерская политика»). В то же время в Восточной Венгрии (Парциуме) и Банате, где у румынского движения и ранее не было перспектив приобщения к власти (а с другой стороны, существовал немалый опыт борьбы за свои права в крайне неблагоприятной для этого среде), проявилась склонность к более активной политике, направленной на завоевание своего места под солнцем дуалистической системы. Попадая в парламент по спискам венгерских партий, румынские депутаты зачастую блокировались с сербскими, отстаивая общими усилиями права нацио-

нальных меньшинств³. В начале 1869 г. в Темешваре (Тимишоаре) было создано собрание банатских румын, в резолюциях которого нашел отражение принцип солидарности с движениями других народов монархии (особенно православных сербов). Со временем расширяется деятельность румынских активистов на уровне комитатских собраний не только в Банате, но и в тех районах Трансильвании, где румыны составляли явное большинство.

Пассивную тактику подкреплял громадный моральный авторитет митрополита Андрея Шагуны, также склонного верить, что система дуализма установилась не на века, а потому участвовать в чуждой им «венгерской политике» румынам нет необходимости⁴. Но после ряда очевидных неудач румынских национальных сил, не добившихся никаких уступок от венгерской власти, немолодой митрополит отходит от общественной жизни, а вскоре умирает. Ослабление харизмы выдающегося церковного деятеля сказалось на смене тактики румынского движения в пользу большей активности в отстаивании своих интересов перед лицом прямого давления Будапешта. Это проявилось в 1879 г. в борьбе против явно дискриминационного для национальных меньшинств нового закона об образовании, инициированного тогдашним министром А. Трефором⁵. Вообще позиции клира (как православного, так и греко-католического) в румынском национальном движении с каждым новым десятилетием ослабевали, и это несмотря на достигнутое повышение формального статуса румынской православной церкви, ее отделение от сербской церкви, возведение епископа в сан митрополита и т.д.

Новые импульсы румынскому движению в монархии Габсбургов придали война 1877-1878 гг. на Балканах и международное признание на Берлинском конгрессе 1878 г. независимости Румынии (преобразованной в 1881 г. из княжества в королевство), с огромным воодушевлением

3 Инициированный в этих кругах план Мочони-Милетича, направленный на признание в законе о национальностях коллективных прав за национальными меньшинствами, не мог быть принят из-за сильного противодействия венгерских депутатов.

4 Из литературы об А. Шагуне см.: Hitchins 1977; Răcurariu (ed.) 2008.

5 12 февраля 1879 г. православный митрополит Мирон Романул возглавил депутацию румынских церковных иерархов и представителей православной общественности Трансильвании, передавшую императору Францу Иосифу I петицию протеста против нового венгерского закона об образовании, призванного способствовать более широкому распространению венгерского языка во всех сферах общественной жизни регионов, в которых доминировали этнические меньшинства; закон этот, обозначив начало нового этапа в венгерской политике по национальному вопросу, вызвал открытый конфликт между будапештским правительством и национальными меньшинствами.

воспринятое румынским обществом по другую сторону Южных Карпат. Немало выходцев из Трансильвании вступило добровольцами в румынскую армию, что было естественным на той возникшей волне настроений общенационального единения, хотя, конечно, и вызывало дипломатические неудобства для официальной Венны, сохранявшей нейтралитет. Румынская общественность Трансильвании вопреки противодействию венгерских властей собирала средства на нужды армии, отправляла одежду, медикаменты для румынских войск, сражавшихся на турецком фронте. Торжество румынской государственности вследствие разрешения Восточного кризиса, равно как и усиление общерумынских национальных чувств по обе стороны Карпат создавали новые проблемы для правительства К. Тисы, пытавшегося всячески сдерживать румынский национализм на подвластных ему венгерских коронных землях. В 1881 г. Барициу посетил Бухарест, обсудив перспективы общенационального движения с представителями политической элиты королевской Румынии. Его поездка привлекла внимание широкого общественного мнения в Румынии к положению соотечественников в монархии Габсбургов.

Перспективы румынского движения в Австро-Венгрии напрямую зависели от формирования и укрепления на ее заселенных румынами землях (не только в венгерской половине монархии, но и в австрийской Буковине) национально ориентированного и экономически состоятельного румынского среднего класса⁶. Национальные институции, включая прессу и культурные общества, никак не могли рассчитывать на материальную поддержку австрийских, а тем более венгерских властей, зависели прежде всего от формирования собственного, румынского гражданского общества. Особенно сильная прослойка экономически довольно самостоятельной и политически активной румынской буржуазии, имевшей тесные связи и с Бухарестом, формируется вблизи границы с королевской Румынией, в Брашове, где сложилась целая банковская система, фактически контролируемая румынскими предпринимателями⁷. Важным средоточием румынского финансового капитала был и Арад в тогдашней Восточной Венгрии.

6 Из работ румынских историков по социальной истории и исторической демографии Трансильвании рассматриваемого периода следует выделить исследования И. Болована: Bolovan 2000; Bolovan 2000a; Bolovan, Bolovan 2003. Из работ о процессе модернизации Трансильвании и формировании национальной румынской буржуазии см. также: Balog 2007.

7 См.: Drecin (ed.) 1996–2001; Dronca 2003. Об особенностях развития капитализма в Трансильвании и его социальных последствиях см. также: Egyed 2002.

Важной вехой в развитии румынского политического движения в венгерской половине Габсбургской монархии стала конференция в Сибиу в мае 1881 г.⁸ Наряду с «Мемориалом» Барициу (1882 г.), по сути политическим завещанием одного из признанных лидеров этого движения⁹, майская декларация стала важным программным документом, вызвавшим международный отклик¹⁰. Акцент в ней делался на выходе Трансильвании из-под юрисдикции Будапешта и восстановлении ее широкой автономии в составе монархии, что, разумеется, воспринималось венгерским правительством как посягательство на конституционные основы существующей системы правления. В тактическом плане оставались в силе многие прежние установки. Если трансильванские румынские политики по-прежнему склонялись к бойкоту венгерской политической жизни (успехи «румынского дела» по другую сторону Карпат только прибавляли им уверенности в своих силах¹¹), то в Восточной Венгрии и Банате политически развитый румынский слой был отвержен, как и ранее, более активной политике. Значение конференции в Сибиу заключалось в создании более консолидированной румынской национальной партии, распространявшей свою деятельность на все венгерские коронные земли. Председателем партии был избран П. Косма, адвокат «Альбина-банка», контролируемого развивающимся румынским бизнесом. Сам этот факт свидетельствовал о том, что к участию в работе партии склонились и экономически активные румынские круги Трансильвании, увидевшие в ней новый инструмент давления на власть.

-
- 8 В ней приняло участие 117 делегатов из Трансильвании и 34 из Восточной Венгрии и Баната.
- 9 В «Мемориале» Барициу приводились как юридические, так и исторические аргументы, доказывавшие не только несправедливость ликвидации Трансильванской автономии, но и несоответствие установленной системы дуализма интересам большинства населения монархии. См. из литературы: Hitchins 1999.
- 10 Его содержание нашло отражение в меморандуме 1882 г. венским властям, переведенном на иностранные языки и широко распространенном за пределами монархии. См.: *Acte și documente privind elita politică românească din Transilvania (1869 – 1896)* // *Selecția documentelor, note și studiu introductiv de V. Popovici*. Cluj-Napoca: Mega, 2010.
- 11 Установление в начале 1880-х годов союза Румынии с Германией и Австро-Венгрией также играло в этом плане свою роль, поскольку внушало румынским политикам как в Трансильвании, так и в Бухаресте, надежды на то, что не только венский двор, но даже официальный Берлин могут влиять на Будапешт в интересах улучшения положения румынского меньшинства на землях, находившихся под венгерской юрисдикцией.

В сравнении с предшествующими партийными проектами эта партия отличалась не только более четко проработанной программой, впрочем, сохранявшей всё то же неприятие дуалистической системы, но и индивидуальным членством. Правда, серьезного влияния партия не имела, ее социальная база оставалась крайне узкой, членство колебалось в промежутке 1-2 тыс. человек (на 3 млн румын в венгерской половине монархии). Румынский избиратель (в условиях высокого имущественного ценза речь шла об имущем крестьянстве, духовенстве, интеллигенции, мелкой городской буржуазии), пусть без особого энтузиазма, но продолжал голосовать за венгерские партии, главным образом за партию власти¹².

Определенный идейный догматизм программы 1881 г., проявившийся в сохранявшейся фетишизации лозунга об автономии Трансильвании и других традиционных требований, отсутствие свежих подходов в тактике сужали поле политического маневрирования, диктовали партии идеологические самоограничения, не способствовавшие повышению ее влияния. Между тем, программа 1881 г. определяла круг требований румынского движения на многие последующие годы¹³. Тактика, сложившаяся в определенных конкретно-исторических условиях, исходила из слабости и временности компромисса 1867 г., что высвечивало ее ошибочность в стратегическом плане, ведь система консолидировалась – Венгрия в последние десятилетия XIX в. переживала экономический подъем, а ее противоречия с Веней пока еще не обострились в полной мере, как это произошло в начале XX в.¹⁴ Пассивная тактика не позволяла формировать механизмы противодействия мадьяризации, все усиливавшейся в школьной системе и административной практике, и была малоэффективна. В конечном итоге она грозила полной утратой влияния на рядового румынского избирателя, становившегося объектом манипуляции со стороны венгерских партий. Бойкотируя парламентские выборы, румынские политики сами лишали себя важной платформы для публичной деятельности.

12 Случаи, когда румынские депутаты попадали по их спискам в парламент, были единичны (в отличие от депутатов от трансильванских саксов, отнюдь не собиравшихся бойкотировать «венгерскую политику», а напротив, стремившихся использовать по максимуму ее в своих интересах). В парламенте румыны, как и раньше, блокировались со столь же редкими выходцами из сербов и словаков, а иногда также с наиболее левыми, чувствительными к положению крестьянства венгерскими депутатами.

13 См.: Suciú 2004.

14 См.: Исламов 1972.

Иную позицию занял православный митрополит Мирон Романул, который, будучи с 1869 г. депутатом венгерского парламента, весьма активно выступал за строгое соблюдение прав румын в соответствии с действующим законодательством, сохранение церковной и школьной автономии, исходя при этом как раз из своих представлений о прочности системы дуализма. В 1884 г. он создал свою собственную партию, которая настаивала на лояльности властям и активном участии румын в деятельности местной администрации в интересах улучшения их положения в венгерском государстве. Впрочем, эта партия не имела серьезного влияния, ее актив составляли, главным образом, малочисленные румыны, находившиеся на государственной службе, причем отсутствие сильной базы на местах привело к ее скорому роспуску. Верноподданнические циркуляры митрополита подвергались резкой критике не только на страницах печатных изданий, контролировавшихся радикальным крылом национального движения, но даже со стороны немалой части православного и греко-католического клира. Иерарх обвинялся в забвении национальных идеалов. М. Романул, однако, вполне резонно полагал, что продолжающийся бойкот румынами венгерской политической жизни ведет к маргинализации движения, ослабляет его потенциал и способность отстаивать права румынского населения, в том числе право на церковную и школьную автономию¹⁵.

Между тем, начиная с 1880-х годов на румынское национальное движение венгерских коронных земель всё сильнее влияли такие факторы, как всё усиливающаяся поддержка его со стороны официального Бухареста и политической элиты королевской Румынии, а также укрепление пробухарестских ориентаций и панрумынистской составляющей в самой его идеологии. В самом румынском государстве интерес элиты и широкого общественного мнения к деятельности соотечественников в монархии Габсбургов возник задолго до восточного кризиса конца 1870-х гг. Движение солидарности с «национальным делом» румын Австро-Венгрии было представлено целым рядом обществ, оказывавших ему моральную и материальную поддержку в осуществлении культурных, а позже и по-

15 Великий историк Николае Йорга, одна из ключевых фигур румынского национализма, признал, что позиция митрополита, постоянно апеллировавшего к венгерским законам и требовавшего их беспрекословного соблюдения, была лишена личной корысти и отвечала интересам как Румынской Православной церкви, так и положению румын в Королевстве Венгрия, поскольку позволяла блокировать антирумынские настроения венгерской политической элиты. См: *Iorga N. Istoria românilor din Ardeal și Ungaria. Vol. II. De la mișcarea lui Horea până astăzi. București, 1915. P. 218–282.*

литических проектов. Вышеупомянутое участие трансильванских добровольцев в боевых действиях в составе румынской армии в ходе войны 1877-1878 гг. еще более укрепило связи румын по обе стороны Карпат¹⁶.

В 1883 г. Румыния, управляемая немецкой династией, вступает в союз с Германией и Австро-Венгрией в целях противодействия российской экспансии в направлении Балкан¹⁷. Это только благоприятствовало экономическим и культурным связям трансильванского румынского общества с Бухарестом и Яссами. При этом заинтересованность в нормальных отношениях с Веной заставляла румынские королевские власти ограничиваться поддержкой культурных инициатив, дистанцируясь от панрумынистской агитации, напрямую затрагивавшей венгерскую половину Габсбургской монархии, не говоря уже об ирредентистских проектах, несовместимых с союзническими обязательствами молодого королевства¹⁸.

Меморандумы, адресованные венскому императорскому двору, еще с XVIII в., с эпохи Марии Терезии, вошедшие в традицию румынского национального движения¹⁹, продолжали и в эпоху дуализма оставаться одной из важнейших форм артикуляции его программы. В них излагались требования о перекройке внутренних административных границ Венгрии с учетом этнического фактора, расширении сферы действия румынского языка в администрации, выражался протест против ограничений избирательного права, запугиваний в ходе избирательных кампаний²⁰. Над этими документами, находившими отражение в прессе и распространявшимися в дипломатических кругах, работали лучшие умы движения, прибегавшие к юридической, экономической, исторической, демографической аргументации.

Центральным событием румынской национальной жизни Трансильвании конца XIX в. явились представление венскому двору мемо-

16 Эти связи никогда не прекращались и влияние было взаимным. Достаточно вспомнить о роли так называемой «трансильванской школы» в румынской (прежде всего униатской) общественной мысли и гуманитарном знании конца XVIII – начала XIX в. в пробуждении в Дунайских княжествах интереса к латинским истокам румынской культуры.

17 См.: Lungu 2002.

18 В 1885 г. был разоблачен план восстания в целях присоединения Трансильвании к Румынии, заговорщики из панрумынистского общества «Карпаты» выдворены из Венгрии. Сама идея была весьма утопичной по тем временам.

19 Maior 2008.

20 Что касается экономической составляющей национальной программы, то она делала акцент на решении аграрного вопроса, остро стоявшего в условиях малоземелья румынского крестьянства.

рандума в мае 1892 г. и последовавшая за этим волна преследований, вызвавшая международный отклик²¹. К этому времени на ведущие позиции в румынской национальной партии выдвигаются деятели новой генерации²², склонявшиеся к более активной политике и мыслившие общерумынскими категориями, они поддерживали тесные связи с представителями бухарестско-яссской политической и культурной элиты. Само представление ко двору депутацией из 237 (!) человек во главе с Ионом Рациу меморандума в канун общеимперских торжеств по случаю 25-летия системы дуализма, хотя и следовало давно сложившимся меморандистским традициям румынского национального движения, было адресовано теперь не столько официальной Вене, сколько общественному мнению – как румынскому поверх государственных границ, так и международному (меморандум был распечатан в виде листовок многотысячным тиражом на разных языках, опубликован в газетах и широко комментировался в прессе разных стран). Солидарность с меморандистами публично выразил и король Румынии Кароль I, не побоясь осложнений с Веной и императором Францем Иосифом, с которым всегда находился в хороших личных отношениях, подкрепленных тесными династическими узами.

В документе было выражено неприятие венгерской национальной политики (мадьяризации школ, созданию препон на пути формирования румынской высшей школы, ущемлению автономии румынских церквей, гонениям на прессу, дискриминации при приёме румын на госслужбу, ограничениям свободы собраний и объединений). Его пронизывала идея легальной, но коренной трансформации всей системы власти с учетом требований румын. Сделав целью отобрать у румын все то, что было ими достигнуто в условиях национального пробуждения 1860-х годов, венгерские власти, отмечалось в меморандуме, поставили их в положение иностранцев в стране, где они составляют большинство, при этом главным орудием мадьяризации служат школа и получавшие обильную государственную поддержку венгерские культурные общества Трансильвании. За четверть века существования дуализма взаимная конфронтация венгерских и румынских обществ Трансильвании действительно только усилилась, причем деятельность национальных культурных обществ все более наполнялась политическим содержанием.

Едва ли не в самый разгар событий Кароль посетил Будапешт и потребовал от венгерского премьер-министра графа Д. Сапары сделать

21 Из литературы: Vocșan, Maior, Teodor 1992; Pavel 1994.

22 В том числе круг газеты «Трибуна», основанной писателем И. Славичем в Сибиу в 1884 г.

более демократичным избирательное право в Трансильвании, прекратить наступление на румынские школы и культурные институции. Но для венгров приоритетным оставался вопрос о сохранении их политической доминации в крае, и идти здесь на уступки они не были склонны. За происходящим внимательно наблюдали в Вене. Внимание Франца Иосифа и его окружения к румынскому вопросу в пределах собственной империи во многом зависело от значимости места королевской Румынии во внешнеполитических приоритетах Дунайской монархии²³. Но в первую очередь позиция венского двора предопределялась духом и буквой Соглашения 1867 г., т.е. принципом невмешательства во внутренние венгерские дела, к которым относился и острейший для всей Трансильвании (т.е. управлявшейся из Будапешта половины монархии) национальный вопрос. В Вене дорожили системой дуализма, позволившей в 1860-е годы предотвратить неминуемый развал империи, а значит и сохранением союза с венгерской элитой. В соответствии с этим при дворе продолжали считать румынский вопрос прерогативой Будапешта, не проявляя склонности вмешиваться. Депутацию трансильванских румын отказались принять, а документ, оставленный в венской императорской канцелярии, был переслан в Будапешт, а оттуда по почте обратно в Трансильванию местным (комитатского уровня) венгерским властям. Пользуясь благоприятной для себя позицией Вены, те перешли в наступление на румынскую национальную партию (закрытие газеты «Трибуна», некоторыми своими эпатажными антивенгерскими публикациями всерьез испытывавшей терпение будапештской элиты; возбуждение судебного дела в связи с подстрекательством к дестабилизации порядка). Звучали обвинения в адрес румынской партии в отсутствии государственного патриотизма, особенно слышные на волне мощной националистической кампании, которой дала толчок подготовка празднования в 1896 г. Миллениума, т.е. 1000-летия прихода венгров на Дунай (так называемого «обретения родины»)²⁴. Все это, однако, лишь усиливало волну публичных протестов как в румынском обществе Трансильвании, так и в самой Румынии.

Для движения венгерских румын с каждым новым десятилетием всё большее значение имел внешний фактор – после смерти А. Шагуны почти все румынские политики Трансильвании, включая патриарха движения Дж. Барициу, смотрели больше не на Вену, а на Бухарест. Со

23 Следует при этом иметь в виду, что дипломаты Румынского королевства периодически поднимали в Вене вопрос о притеснении будапештскими властями румынского национального меньшинства.

24 См.: Хаванова 2007.

своей стороны и элита королевской Румынии со все большим вниманием следила за происходящим по другую сторону Карпат. В 1890-е годы трансильванская карта все чаще разыгрывалась во внутривнутриполитической борьбе молодого королевства, различные силы пытались набирать очки на выборах, демонстрируя избирателю равнодушие к судьбам соотечественников²⁵, что в свою очередь усиливало размах и общественный резонанс любых акций румынской национальной партии Трансильвании. И в месяцы скандала с непринятым Венной меморандумом в Бухаресте публично звучало предложение к ее лидерам покинуть Венгрию и обосноваться в Румынии, что придавало делу еще больший международный отклик. И. Рациу выезжал в Бухарест, был принят королем и в правительстве, его заверили в том, что венгры под давлением извне пойдут на уступки. На улицах румынской столицы в это время проходили массовые демонстрации в поддержку соотечественников-меморандистов.

По мере превращения румынской национальной партии в более заметную силу прочность союза Румынии с Австро-Венгрией уже в большей, чем ранее, мере зависела от положения румын в двуединой монархии. Ради поддержания этого союза не столько даже Вена, сколько Берлин требовал от будапештских властей пойти на компромисс. Со своей стороны венгерское правительство упорно настаивало на отказе румынской национальной партии от программы 1881 г., не принимавшей растворения Трансильвании в административном пространстве унитарной Венгрии. При этом условии (и при отказе от применения в печати пан-румынистской риторики) оно обещало расширить сферу использования румынского языка в системе администрации, предоставить более широкие возможности для деятельности культурных обществ. Вопрос об отношении к предложениям властей и оптимальной тактике в этой связи становится предметом дискуссий в среде политически активных трансильванских румын. Часть активистов предлагала дать венграм бой в расчете на международную солидарность с румынским «национальным делом». Другие призывали к терпению, полагая, что резкий слом существующих порядков может лишь усугубить положение румын. Согласие венгров на мелкие уступки не отменило подготовки судебного про-

25 Лидер либеральной партии Д. Стурдза использовал события, связанные с меморандумом, чтобы лишить власти консерваторов, которых обвинили в предательстве интересов трансильванских румын. Чуть позже, однако, и он в роли премьер-министра был вынужден пойти на компромисс при выстраивании отношений не только с Венной, но и с Будапештом (тактика, направленная на «нераздражение» венгерских властей, проявилась в сокращении финансовой поддержки румынских культурных обществ Трансильвании), что стоило ему поражения на следующих выборах.

цесса по делу меморандистов, открывшегося в Коложваре (Клуже) 7 мая 1894 г. Подсудимые обвинялись в возбуждении национальной розни и подрывных действиях, угрожающих стабильности государства. К этому времени, однако, в румынской национальной партии приоритетом становится поиск союзников среди других национальных движений полиэтничной монархии (прежде всего сербского и словацкого), идет подготовка конференции представителей национальных меньшинств Венгрии, состоявшейся в 1895 г. в Будапеште (роль главного города страны парадоксальным образом возросла и в качестве центра невенгерских национальных движений).

Активисты румынской партии предпочли использовать громкий судебный процесс в интересах создания единого межнационального фронта против мадьярских притеснений (участие сербских и словацких адвокатов, митинги солидарности в разных уголках многонациональной страны). И. Рациу в своем крайне резком программном выступлении на суде, широко комментировавшемся и в зарубежной прессе, назвал венгерскую «политику нетерпимости» противоречащей современным нормам межэтнических отношений, попыткой внести диссонанс в «концерт европейской цивилизации», достойной осуждения цивилизованного мира. На процессе, длившемся 17 дней, около 15 человек было осуждено (сроком от нескольких месяцев до 5 лет). Это вызвало удовлетворение венгерских националистов в канун празднования Миллениума и усилило негодование в румынских политических кругах. Сторонники радикальных методов в румынском национальном движении восприняли происходящее как подтверждение своей правоты, что обещало только усилить их конфронтацию с официальным Будапештом и панрумынистскую составляющую их идеологии. И дело не менялось от того, что в 1895 г. меморандисты были амнистированы – власти не хотели создавать в их лице образ мучеников в глазах как внутреннего, так и международного общественного мнения.

Меморандум 1892 и процесс по делу меморандистов 1894 г. стали важной вехой румынского национального движения эпохи дуализма, способствовавшей изменению всей его стратегии и тактики. Апелляции к Вене показали свою бесперспективность. Последний меморандум императору ознаменовал собой завершение целой эпохи румынского национального движения Трансильвании: старые формы изживают себя, роль же Вены в качестве центра притяжения румынской партии сохранится в последующие годы лишь благодаря выходу на государственную арену наследника Франца Фердинанда, в своем стремлении реформировать ду-

ализм обратившего внимание на румынское движение как на действенный инструмент своей политики, направленной на ослабление Венгрии (речь об этом пойдет ниже). В основе кризиса меморандизма лежало базовое противоречие всего румынского движения. С одной стороны, меморандисты подвергали сомнению легитимность Компромисса 1867 г., не принимали слияния Венгрии и Трансильвании в единое в административном отношении целое, не признавали в своей основе либеральный закон 1868 г. о национальностях, считая тезис о единой венгерской политической нации дискриминационным в отношении румын. С другой же стороны, они требовали от властей строгого соблюдения действующих законов (ими, меморандистами, не всегда признававшихся) касательно национальной политики. Однако процесс выработки новой, более действенной тактики затянулся на годы и сопровождался острыми дискуссиями внутри румынской партии между сторонниками и противниками активизации ее деятельности на парламентском и комитатском уровне. В последние годы XIX столетия румынское движение в монархии переживает явный кризис – общественное воодушевление, проявившееся при направлении депутации в Вену, сходит на нет, лояльность дому Габсбургов дает трещину, происходят мучительные поиски новых основ национальной идентичности трансильванских румын в условиях, когда пока еще мало что предвещало грядущий распад Дунайской державы.

Пути выхода из кризиса движения зависели и от характера венгерской политики. Премьер-министр с 1895 г. Д. Банфи проявил себя как сторонник грубой мадьяризации, снискавший ненависть в румынской, как и в сербской, словацкой среде. В аппарате правительства создается целая структура для надзора над нацменьшинствами, которую курировал сам премьер-министр. Установился жесткий контроль над финансированием румынских школ, культурные общества облагались непомерным налогом, создавались препятствия для деятельности православной и греко-католической церковью в области культуры, что привело к конфликту будапештских властей даже с довольно умеренным и лояльным Габсбургам православным митрополитом Мироном Романулом, подвергнутым настоящей травле за недостаточное усердие в мобилизации своей паствы на участие в праздновании Миллениума²⁶.

26 В апреле 1896 г. М. Романул, к острому раздражению властей, распространил в пределах всей митрополии циркуляр, в котором призвал румынских священников и паству воздержаться от участия в масштабных торжествах по случаю Миллениума в связи с ярко выраженным националистическим характером этих празднеств. Митрополит опровергал официальное представление о том, что для националь-

По закону 1898 г. все населенные пункты многонационального Венгерского королевства могли иметь в деловой переписке только венгерские названия. Наступательная политика Будапешта не просто поставила румынскую партию в положение глухой обороны, но по сути свела ее лидеров к статусу внутренних эмигрантов. При этом цели такой политики совершенно не были достигнуты, что признавала в своих донесениях и российская дипломатия в Австро-Венгрии. Среди народностей, населяющих Венгрию, румыны наиболее консервативны в отстаивании своих национальных традиций и религии, румынский народ (в отличие от своих князей в Средние века) «никогда не ассимилировался с мадьярами, оказывая энергичное и упорное сопротивление всякому иностранному посягательству на их права и родовые обычаи», среди румын «мадьяризация не имела почти никакого успеха», констатировало в своем донесении генконсульство России в Будапеште²⁷.

Однако в 1899 г. на смену Банфи пришел политик совершенно иного склада, не принимавший грубых методов подавления оппозиции – Калман Селл. Он позиционировал себя идейным наследником Ф. Деака и Й. Этвёша и был склонен к диалогу с национальностями²⁸. Был прекращен ряд затянувшихся судебных разбирательств против румынских газет, а культурному обществу ASTRA, активно занимавшемуся просветительской, книгоиздательской, информационной деятельностью, возвращены средства, ранее изъяты у него прежним правительством. В этих условиях румынская партия выходит из кризиса, оживляет свою деятельность не только в ходе парламентских выборов, но еще более на уровне тех трансильванских комитатов, где румыны составляли большин-

ностей, живших в Венгрии, нет исторических перспектив вне венгерской политической нации. В ответ на давление Будапешта он предложил румынам отпраздновать «свой миллениум», воздав дань уважения национальным ценностям. Вслед за этим, в 1897 г. он подверг критике проект закона о замене в официальном делопроизводстве названий румынских сел Трансильвании на венгерские. Обострение его отношений с властями дало пищу слухам о том, что официальный Будапешт будет требовать низложения митрополита. Как бы то ни было, его кончина в 1898 г. помешала осуществлению подобных планов.

27 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 582. Часть 1. Л. 263-264. По наблюдению российской дипломатии, на политических идеалах, национальных чувствах и культуре румын не сказались и религиозные различия, сильно разделяющие, к примеру, сербов и хорватов. Что касается румын, «православные и униаты действуют совершенно заодно и даже в некоторых случаях упорство против мадьяризации проявляется с большей силой у католиков-униатов, нежели у православных румын» (Там же. Л. 267).

28 См.: Törvény, jog, igazság. Széll Kálmán életműve / Szerk. ifj. Bertényi Iván. Budapest: Tihanyi, 2015. 436 p.

ство. На страницах оживившейся румынской прессы и в ходе дискуссий в среде национальной интеллигенции (к началу XX в. заметно выросшей в численном отношении) вырабатывается новая тактика, исходившая из признания прочности существующей дуалистической системы и необходимости контактов с умеренной частью венгерской элиты. Требование трансильванской автономии сохраняется, но уже не фетишизируется, акцент делался на приобщение румын к управлению комитатами, на задачах демократизации избирательной системы²⁹, выработки механизмов защиты румынского населения от проявлений мадьяризаторского «рвения» чиновников на местах, а также на повышение благосостояния румын³⁰. Центр тяжести в деятельности партии был перенесен на уровень отдельных комитатов. Правительство выработало программу поддержки экономики Трансильвании, особенно большие средства были выделены на развитие секейского края³¹. В 1902 г. состоялся конгресс секеев в Тушнаде, всецело поддержавший эту программу. Румынская национальная партия в лице более умеренных ее представителей в этих условиях заявила о своем желании приобщиться к осуществлению правительственной программы, в Будапешт поступило обращение с просьбой перечислить часть выделенных секеям средств на подъём ряда депрессивных, заселенных преимущественно румынами трансильванских комитатов. В эти годы как следствие общего подъема экономики Венгрии ускорилось формирование румынской экономической (в том числе финансовой) элиты в Брашове, Араде, Сибиу и т.д., румынскими предпринимателями вкладывались средства уже не только в торговлю и легкую промышленность, но во все большей мере в горнодобывающую индустрию.

29 Реальный шаг в этом направлении был предпринят властями под давлением снизу уже в ходе парламентских выборов 1901 г.

30 Следствием массового разорения крестьян, особенно в инонациональных районах королевства Венгрия, стала масштабная миграция разорившегося сельского населения за океан, пик которой пришелся как раз на рубеж веков и первые годы XX в.

31 Секеи (рум.: секуи; нем.: секлеры) – автономная часть венгерского этноса с ярко выраженной национально-культурной спецификой. Проживают в горных районах Восточной Трансильвании, в силу особенностей исторического развития сохраняли вплоть до позднего средневековья остатки общинно-родового строя. В Трансильванском княжестве также и после его вхождения в состав Габсбургской монархии в начале XVIII в. в качестве отдельной административной единицы секеи имели особый статус и систему управления вплоть до слияния Венгрии и Трансильвании с преобразованием империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию в 1867 г. Сегодня венгры с секейскими корнями составляют большинство населения румынских уездов Харгита и Ковасна, претендующих на получение автономии в составе Румынии.

стрию (где всегда тон задавали предприниматели из трансильванских саксов) и строительство³². Укрепление национально ориентированного среднего класса способствовало развитию гражданского общества в румынской среде и усиливало политический потенциал национальной партии. Именно в начале века в трансильванской политике начинает задавать тон генерация, представители которой оставили заметнейший след в общерумынской истории первой половины XX в. (Ю. Маниу, А. Вайда-Воевод и др.).

В 1903 г. премьер-министром Венгрии впервые становится выдающийся политик эпохи граф Иштван Тиса, с самого начала своей карьеры придававший большое значение разрешению румынского вопроса в Трансильвании, в нерешенности которого он видел едва ли не главную угрозу целостности Венгрии³³. Помимо всего прочего Тиса прекрасно понимал, что румыны Трансильвании связаны все более тесными и разносторонними узами с соотечественниками из королевской Румынии, так что вопрос этот не является сугубо внутривенгерским. С восхождением на политической орбите Венгрии этой яркой звезды отношения румынской национальной партии с властями вступили в новый этап своего развития.

Уже в своей речи, произнесенной в момент вступления в должность, Тиса говорил о стремлении в интересах укрепления государства завоевать доверие граждан, не говорящих на венгерском языке как на родном, одновременно воззвав к благоразумию и ответственности всех патриотов Венгерского королевства независимо от их национальности. Выступление премьер-министра спровоцировало дискуссию в румынских политических кругах Трансильвании. Часть деятелей национальной партии, увидев готовность правительства к определенному компромиссу, решило воспользоваться этим в интересах улучшения положения румын в разных областях жизни и занялось проработкой программы требований к правительству. Другие продолжали настаивать на сохранении тактики бойкота, узрев в действиях нового премьера лишь тактический расчет – стремление расширить социальную базу венгерской власти в условиях

32 Karády, Török (eds) 2008.

33 И. Тиса осознал, что «благодаря своему количеству, сплоченности, национальной обособленности, плодovitости и упорству» румыны, оказывая неодолимое сопротивление мадьяризации, представляют собой «величайшую опасность» для венгерской государственности, причем изменение в их пользу выборного (т.е. электорального) законодательства только усилит эту опасность, отмечалось в донесении генконсульства Российской империи в Будапеште (декабрь 1908 г.). См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 582. Часть 1. Л. 263.

растущих противоречий между двумя половинами двуединой монархии по вопросам таможенной политики и общеимперской армии, а также назревавшего в самой Венгрии внутривнутриполитического кризиса, связанного с усилением разногласий между последовательными сторонниками сохранения дуализма и венгерскими националистами («партия независимости и 1848 г.»), выступавшими за пересмотр соглашения 1867 г. и поддержание связей между Австрией и Венгрией как между двумя абсолютно суверенными государствами, объединенными лишь принципом личной унии. Принятые в 1904 г. по инициативе министра образования А. Берзевицы меры по усилению контроля над национальными школами в определенной мере оправдывали скептицизм в отношении намерений Тисы и его правительства. Разногласия в среде политически активных трансильванских румын в отношении Тисы и его линии сохранялись все предвоенное десятилетие.

В январе 1905 г. после более чем 10-летнего перерыва в Сибии собралась конференция румынской национальной партии. В ее программную декларацию не вошло положение с требованием автономии Трансильвании (вместо этого содержалась менее конкретная формулировка). Сохранялось, однако, неприемлемое для венгерской элиты требование о признании румын в качестве государствообразующей политической нации. В декларацию были включены призывы к властям о выполнении закона о национальностях 1868 г., о введении более демократического избирательного права, перед правительством ставился также вопрос об изменении границ комитатов с учетом расселения этносов и о расширении полномочий комитатских администраций. В документе указывалось, что для нормального развития румынской нации в составе Австро-Венгрии должны быть созданы необходимые конституционные условия, что предполагало формирование легально функционирующих национальных институтов. Такого рода институт, Румынский национальный комитет, действительно был образован и через некоторое время получил разрешение будапештских властей на легальное (хотя и небеспрепятственное) функционирование³⁴.

Венгрию вскоре охватил глубокий внутривнутриполитический кризис 1905-1906 гг., в ходе которого представители румынского движения (и в том числе иерархи православной и греко-католической церкви) предпочли выразить лояльность династии и сторонникам австро-венгерского дуализма в их противоборстве с венгерскими националистами, стре-

34 В дальнейшем этот орган был полномочен выступать от имени румынского национального движения на переговорах с представителями правительства.

мившимися к овладению всей полнотой власти и коренному пересмотру Соглашения 1867 г. Последующее приобщение националистов к власти, пусть в составе коалиции, создавало новые проблемы для румынской партии. Под их давлением министр внутренних дел Й. Криштоффи не разрешил проведение новой партийной конференции. Приостановился выход ряда газет. Как бы то ни было, в новых условиях венгерским властям приходилось уже иметь дело с более сильным и консолидированным, нежели в 1890-е годы, румынским национальным движением, обладавшим своим парламентским представительством. Это проявлялось и на комитатском уровне. В комитатах, где румыны составляли значительную массу населения, венгерским силам (прогабсбургской бюрократии и националистически настроенному дворянству) иногда приходилось, преодолевая разногласия, объединяться для того, чтобы заблокировать румынских политиков, опиравшихся на крепнувший с каждым новым десятилетием национально ориентированный средний класс, все более гетерогенный и все теснее связанный с королевской Румынией (элита православной и греко-католической церковью, бизнесмены, адвокаты, банковские служащие, директора школ, журналисты, деятели культуры).

Политический кризис разрешился созданием коалиции, программе действий которой определила концепция венгерского национально-государства в рамках дуализма. Новая эскалация венгерского национализма сказалась на школьной политике. В 1907 г. вопреки протестам депутатов от национальных меньшинств принимается образовательный закон, связанный с именем министра просвещения и культов А. Алпони. Власти, вполне резонно хотевшие изменить ситуацию, при которой до 40% населения не владело или почти не владело государственным языком, не только интенсифицируют изучение венгерского языка, литературы и истории в национальных школах, но переводят на венгерский язык школьное обучение во всех сельских населенных пунктах, где венгры составляли 50% населения. Принимается целый комплекс мер по воспитанию иноязычной молодежи в духе венгерского официального патриотизма, от их введения всецело зависела государственная поддержка школ на местах. В противодействии реализации этой программы, создававшей угрозу денационализации подрастающих поколений, румынские политики блокировались с сербскими, словацкими деятелями и отчасти с представителями немцев Трансильвании.

Если венгерская социал-демократия не считала для себя приоритетным национальный вопрос, то гораздо более чувствительна была к нему другая сила левого фланга венгерской политики – радикалы во главе с уро-

женцем Трансильвании Оскаром Яси, пытавшиеся сделать национальные движения Венгрии (и в первую очередь именно румынское) союзником венгерского демократического движения. Идеиные искания Яси (концепции Дунайской конфедерации, Соединенных штатов Европы и т.д.) перекликались с проектами федерализации монархии Габсбургов, которые в те же годы прорабатываются в румынских интеллектуальных кругах (концепции А. Поповича и др.). Однако наладить тесное сотрудничество не удалось. Идеи социализма и социального радикализма находили мало сторонников в образованной румынской среде Трансильвании, воспринимаясь как нечто инородное. Это объяснялось как сохранившимся влиянием консервативного клира на массового избирателя (особенно на селе), так и растущей экономической и идеологической зависимостью румынской национальной партии от не менее консервативной бухарестской элиты и собственного, к началу XX в. достаточно окрепшего трансильванско-румынского финансового капитала. Приоритет отдавался национальным задачам³⁵, а из социальных прежде всего осуществлению аграрных реформ в интересах крестьянства – здесь румынские политики блокировались с венгерскими левыми аграриями, к этому времени ставшими самостоятельной политической силой. Что же касается проектов Яси, то в них активисты румынского движения видели, и не без оснований, только лишь более тонкую, тщательно проработанную концепцию сохранения венгерской доминанции в Дунайско-Карпатском регионе³⁶.

Новые веяния исходили в это время и из Вены, где свою программу коренного реформирования монархии прорабатывала команда кронпринца Франца Фердинанда. В ее основе лежало представление о необходимости преобразования дуализма в полицентрическую конструкцию, что предполагало ослабление позиций Венгрии в рамках монархии³⁷. Подобного рода проекты вызывали острое неприятие всей венгерской эли-

35 К их числу относилось и устранение культурных и торгово-экономических барьеров между Австро-Венгрией и Румынией.

36 Это нашло определенное подтверждение и в последующей деятельности Яси, в том числе в республиканском правительстве графа М. Каройи (конец 1918 – начало 1919 г.) в качестве министра, отвечающего за национальный вопрос. Как известно, именно «идеалисту» Яси пришлось в ноябре 1918 г. в Араде вести напряженные переговоры с другим, более твердо стоявшим на почве реальности трансильванцем, румынским национал-прагматиком Ю. Маниу о размежевании границ, завершившиеся для Венгрии явной неудачей и открывшие путь ключевому событию в истории румынской нации – унии Трансильвании с королевской Румынией 1 декабря 1918 г. О Яси-теоретике см: Стыкалин 2014. См. также его классический труд, впервые опубликованный в 1929 г. в США: Яси 2011.

37 См.: Шимов 2010.

ты, однако в румынских политических кругах были встречены с немалым интересом. В свою очередь и наследник престола обратил пристальное внимание на румынское движение, пытаясь сделать его орудием своей политики. Эксплуатируя в своих интересах антивенгерские настроения кронпринца, лидеры румынской партии (А. Вайда-Воевод и др.) предлагали ему услуги в борьбе за ослабление влияния венгерской элиты в общеимперском масштабе³⁸. Взамен они рассчитывали получить ключевые позиции в управлении территориями, где румыны составляли большинство. Заручившись высочайшим покровительством на аудиенции с наследником престола в феврале 1907 г., Вайда-Воевод выступил в венгерском парламенте с речью, в которой подчеркивалась лояльность Вене и осуждались сепаратистские тенденции в политике венгерских партий. В интересах подрыва позиций Будапешта наследник склонен был согласиться с необходимостью некоторой демократизации избирательного законодательства, способной гарантировать повышение социальной мобильности в румынской среде. Поддержка из Вены, несомненно, усиливала вес румынского движения в политической жизни Венгрии. К этому следует добавить, что крестьянские волнения 1907 г. в Румынии, жестоко подавленные, на некоторое время ослабили привлекательность идеи воссоединения Трансильвании с Румынским королевством; было очевидно, что при всем венгерском гнете материальное положение румынских крестьян в Австро-Венгрии в целом гораздо лучше, чем за Карпатами, и даже такой последовательный адепт общерумынского дела, как Юлиу Маниу, выступил в венгерском парламенте с верноподданническими речами.

В качестве видного идеолога в это же время выдвинулся живший в Вене Аурел Попович, чей план федерализации монархии занял видное место в ряду других обсуждавшихся имперской элитой проектов. В отличие от венгра Яси Попович ставил во главу угла этнический, а не исторический принцип. Он допускал создание собственной административной единицы у трансильванских секеев, но те комитаты, где румыны составляли большинство, должны были, по его мнению, слиться в единое образование. Габсбурги воспринимались им как союзник «румынского дела», проект предполагал усиление влияния правящей династии в интересах противодействия усилившимся венгерским амбициям. В своей работе Попович не исключал даже перспективы вхождения королевской Румынии в реорганизованную на новых основах монархию Габсбургов, хотя здесь, очевидно, лукавил – хотел тем самым сделать свой план бо-

38 См.: Hitchins 1974.

лее привлекательным для венской элиты. В окружении Франца Фердинанда проявили интерес к проекту румынского идеолога, но предложили переработать его в более консервативном духе³⁹.

Коалиция, в которой сильны были позиции венгерских националистических сил, пала в 1910 г. вследствие разочарования значительной части избирателей. Правда, и румынская национальная партия потерпела на этих выборах провал, проведя в парламент всего пятерых депутатов – серьезная неудача в сравнении с выборами 1906 г., когда по ее спискам прошло 16 человек⁴⁰. Новое правительство, приверженное духу компромисса 1867 г., возглавил бывший хорватский бан граф К. Куэн-Хедервари, однако на первый план в венгерской политике снова выходит граф И. Тиса, сначала председатель парламента, а с 1913 г. вновь премьер-министр. На основе объединения широкого спектра сил, выступавших за сохранение системы австро-венгерского дуализма, создается и добивается немалых успехов на выборах 1910 г. основанная им Национальная партия труда. Ее усилению способствовали и голоса многих румын, увидевших в проекте Тисы, направленном на поддержание дуалистических порядков, определенный противовес крайнему венгерскому национализму. Более того, 9 умеренных румынских активистов, поддержавших графа Тису в его усилиях по сохранению дуализма, прошли в парламент по спискам его партии, координируя, однако, свои усилия с представителями румынской национальной партии.

Склонность Тисы к более гибким методам вовсе не означала, что политика Будапешта отказалась от своей сверхзадачи, направленной на нейтрализацию стремлений трансильванских румын к выбору собственного пути развития. Осознавая влияние церквей на массы, власти приняли меры для того, чтобы поставить их под максимально возможный контроль. Образованная в 1912 г. новая униатская архиепископия с центром в Хайдудороге близ Дебрецена, не связанная с традиционными центрами румынской церкви, стала при помощи части клира настоящим орудием мадьяризации румынского населения Восточной Венгрии, которое принуждалось к постепенному переходу на венгерский язык в богослужении, особенно на территориях, где румыны не составляли явного боль-

39 См.: Crişan 2008.

40 На результатах выборов для нее, очевидно, сказался тот факт, что румынский Национальный комитет, структура, занимавшаяся мобилизацией национальных сил в ходе избирательных кампаний, заключил сделку с венгерскими властями, согласившись на получение субсидий взамен отказа от ряда радикальных требований. Это вызвало негативный отклик румынского общественного мнения, не одобрявшего никаких сделок с венграми за спиной румынского избирателя.

шинства. Это приводило к острым конфликтам. Все-таки связывавшиеся с партией Тисы надежды на более гибкий курс оказались не напрасными. Венгерское правительство, заинтересованное в расширении своей социальной базы и в снижении остроты национального вопроса, предприняло некоторые дозированные меры в отношении румынского движения (прекращение всех судебных дел и выход на свободу политзаключенных из числа национальных активистов, разрешение использовать на митингах румынский триколор и исполнять румынские патриотические песни, корректировка школьного закона Аппони). В румынском движении осознавали, что поддержка со стороны правительства есть наилучшая гарантия успеха в борьбе с крайним венгерским дворянским национализмом, наступавшим на позиции румын на комитатском уровне. С другой стороны, слишком тесные связи с властями компрометировали трансильванских румынских политиков в глазах собственного избирателя, с опаской воспринимавшего не только любые сделки с венграми, но и попытки румынских избранников играть на политическом поле «по венгерским правилам». Это проявилось, как было отмечено выше, уже на парламентских выборах 1910 г., не принесших успеха румынской национальной партии и вызвавших разочарование многих румын в возможностях компромисса с венгерской властью. Активная тактика на выборах еще не получала полной поддержки в широкой среде, тем более, когда людей призывали голосовать за венгерские партии в расчете только на более гарантированные финансовые вливания властей в некоторые экономические и культурные проекты в интересах трансильванских румын.

В своей национальной политике Тиса начиная с 1910 г. явно пытался перехватить инициативу у Франца Фердинанда. По сути, он осмелился дать бой наследнику и его окружению в борьбе за влияние на румынское национальное движение Австро-Венгрии. Линии наследника на ревизию дуализма за счет ослабления Венгрии он противопоставил концепцию укрепления существующей системы дуализма и консолидации Венгрии на основе максимально возможного примирения существующих социальных и особенно национальных противоречий. Судя по переориентации в 1910 г. умеренной части актива румынской национальной партии на поддержку Тисы и его команды, временный успех в поединке двух политических тяжеловесов Габсбургской монархии был поначалу на стороне венгерского лидера. Однако на случай провала этой тактики для румын сохранялась альтернатива. Своего рода «перетягивание каната» на трансильванском румынском поле между Веной и Будапештом заняло все предвоенные годы.

Противоборство, о котором идет речь, проходило на фоне активизации румынского гражданского общества Трансильвании. Это проявилось в оживлении культурно-просветительских организаций. При общественной, в том числе материальной поддержке снизу формируется целая система разнопрофильных печатных изданий, рассчитанных на образованную румынскую публику. На страницах прессы находили отражение споры, происходившие в рамках румынского движения Венгерского королевства. Интересно, что на роль одного из главных спонсоров румынских культурных инициатив начиная с 1909 г. выдвигается подданный Российской империи, бессарабский землевладелец Василе Строеску (в России известен как В.В. Строеско), направивший на расходы по «румынскому делу» в Трансильвании как минимум 500 тыс. австрийских крон. Организованные в 1911 г. при его поддержке празднования по случаю 50-й годовщины создания главного румынского культурного общества, ASTRA превратились в мощную политическую манифестацию панрумынистской направленности, сопровождавшуюся символическим перелетом через Карпаты пионера румынской авиации, выдающегося трансильванского летчика Аурела Влайку.

Острые дискуссии между «скептиками» и «оптимистами» о стратегии национального движения, развернувшиеся в кругу румынской элиты Трансильвании, не воспрепятствовали началу длительных переговоров, по сути дела торга между И. Тисой и Румынским национальным комитетом. Требования национальной партии властям были по давней традиции сформулированы в виде меморандума из 23 пунктов⁴¹. Предъявив партии власти свои условия, румынские лидеры, однако, так и не смогли достичь четкой договоренности между собой о степени ее поддержки и об оптимальной тактике в случае согласия Тисы пойти навстречу в принципиальных вопросах. Сохранявшийся разброд в румынском движении мешал успеху в достижении поставленных целей. *В этих условиях усиливается давление и со стороны Бухареста, влиятельный клан Брэтиану изыскивает новые средства для трансильванской румынской национальной партии, лишний раз напомнив ее активу о возможности, отказавшись от ложного выбора между не радеющими всерьез за успех*

41 Они включали в себя расширение избирательных прав, более широкое использование румынского языка в местной администрации, привлечение румын на должности в госаппарате пропорционально численности их населения, пересмотр образовательного закона Аппони и расширение масштабов обучения румынскому языку, увеличение государственных субсидий для румынских культурных проектов, создание новых школ, распространение программы поддержки секейского края на территории, заселенные преимущественно румынами.

«румынского дела» венгром Тисой и кронпринцем Францем Фердинандом, сосредоточиться на поиске внешнеимперских альтернатив, что неизбежно вело к полному принятию панрумынистской доктрины. В условиях оживления общественной жизни в начале 1910-х годов в румынской среде Трансильвании все сильнее проявлялись именно панрумынистские настроения, опиравшиеся на крепнувшие с каждым годом культурные связи между румынами по обе стороны Карпат. Более тесными стали к 1910-м годам и экономические связи постепенно укреплявшегося румынского среднего класса Австро-Венгрии с Румынией.

Переговоры с И. Тисой, между тем, продолжались, причем с начала 1913 г. их участники с румынской стороны (Ю. Маниу и др.) постоянно согласовывали свою тактику как с бухарестской элитой⁴², так и с окружением Франца Фердинанда, не собиравшимся уступать Тисе в борьбе за поддержку со стороны румын (наследник престола хорошо понимал, что вовлечение трансильванских румын, условно говоря, в «венгерский лагерь» ослабит позиции династии и не позволит реализовать вынашиваемые им планы реформирования империи на новых основах). Осознавая сложность и взрывоопасность международной обстановки после боснийского кризиса 1908-1909 гг., а особенно с началом балканских войн 1912-1913 гг., Тиса придавал все большее значение умиротворению румын и призывал местных чиновников активнее их вовлекать в общественную жизнь комитатов⁴³. Однако все более радикальные требования румынской стороны на переговорах (например, о представительстве румын в парламенте, пропорциональном их численности в стране) не соответствовали задачам сохранения целостности венгерского государства и не могли найти поддержки в Будапеште, где соглашались самое большее на причисление униатской и греко-католической церковью к числу пользующихся государственной поддержкой «исторических» церковью Венгрии⁴⁴,

42 При этом следует иметь в виду острую межпартийную борьбу в Румынии и частую смену правительств. С начала 1911 г. лидера национал-либеральной партии Ионела (И.И.К.) Брэтиану сменил на посту премьер-министра консерватор П. Карп, а его весной 1912 г. Т. Майореску, в начале 1914 г. уступивший власть тому же Брэтиану.

43 Российское генконсульство еще в 1909 г. предрекало, что из национальных меньшинств страны именно румыны проявят наибольшую силу и упорство, правительству придется проявить «известную предупредительность по адресу румын», поскольку их многочисленность, твердые антимадьярские настроения, постоянные связи с соседним Румынским королевством превращают румынский вопрос (наряду с «кroatским», т.е. хорватским) в «ахиллесову пятю венгерского государственно-гостроя». См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 582. Часть 1. Л. 302.

44 Что предполагало к тому же на практике вмешательство, причем иногда довольно грубое, во внутренние дела этих церковью. Из литературы: Răcurariu 1986.

увеличение числа чиновников-румын на местах, выделение госсубсидий на развитие румынских регионов. Третий тур переговоров начался по инициативе Тисы в конце 1913 г., уже после окончания второй балканской войны, усилившей международные позиции королевской Румынии, все более открыто патронировавшей своим «внутриимперским» соотечественникам. О готовности Тисы в изменившихся условиях к более серьезным компромиссам свидетельствовало его обещание создать новые румынские гимназии, увеличить субсидии на румынские культурные проекты, открыть дополнительные места для румын-чиновников в госаппарате и даже (что ранее было просто невыносимо) установить экзамены на знание румынского языка чиновниками-венграми в комитатах с румынским большинством. Взамен Тиса требовал безоговорочной поддержки своего правительства и лояльности системе дуализма.

Румынская партия Трансильвании, подвергавшаяся давлению с трех сторон (Вена, Будапешт, Бухарест), столкнулась с дилеммой. Часть румынской буржуазии империи, заинтересованная в нормальном ведении бизнеса, склонялась к компромиссу с венгерской властью. Но к этому времени во всех политически активных кругах монархии все сильнее ощущалась недолговечность существующей дуалистической системы, которую придется в скором времени так или иначе корректировать под влиянием новых и при том еще не до конца проясненных внутривнутриполитических и внешнеполитических вызовов. Принималась также во внимание (с учетом очень преклонного возраста Франца Иосифа) перспектива скорого прихода к власти Франца Фердинанда, который был склонен реформировать систему дуализма в благоприятном для румын духе, т.е. с прицелом на ослабление позиций Венгрии. Поскольку за спиной румынских «переговорщиков» стоял сам наследник, аппетиты росли вплоть до требования предоставить румынам пост министра без портфеля и два поста госсекретарей. Граф Тиса готов был принять и это, но только при условии, что румынская национальная партия обязуется остаться на позиции поддержки дуализма даже в случае изменения в соотношении сил между Венной и Будапештом. В конце концов на переговорах возникла патовая ситуация. Тиса вынужден был их свернуть зимой 1914 г., понимая, что сама система устройства империи неизбежно будет меняться и невозможно требовать от румын заверений о поддержке ими при всех обстоятельствах Соглашения 1867 г., как и действующей венгерской власти. Румынские политики Трансильвании предпочитали выжидать, не желая слишком крепко привязывать себя как к системе дуализма, все

менее прочной, так и к Тисе, наиболее влиятельному в Дунайской империи ее протагонисту.

В самый канун Первой мировой войны перевес в борьбе за румын был уже на стороне Франца Фердинанда, сумевшего мобилизовать в своих интересах более сильные династические и административные ресурсы, что открывало перед ним новые пути для изменения дуалистической системы. Последняя попытка выдающегося венгерского политика графа Иштвана Тисы интегрировать трансильванских румын в венгерское государственное пространство (и – шире – в империю Габсбургов на основе сложившегося баланса сил в системе дуализма) и разрешить тем самым острейший национальный вопрос Венгрии закончилась, в сущности, фиаско. Однако гибель Франца Фердинанда от пули сербского радикала не могла не положить конец и венским экспериментам по реформированию империи. С началом мировой войны решение румынского вопроса в Австро-Венгерской монархии уже всецело зависело от соотношения сил и конечной победы на фронтах. По мере того, как мировая война делала все менее определенными перспективы сохранения самой монархии, румынским политикам уже не было никакого смысла искать нового покровительства в Вене, их взоры со все большей решительностью обращались на Бухарест, однако это уже предмет другого исследования.

Литература

1. Исламов 1972 – *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. (1906–1914). М.: Наука, 1972. 392 с.
2. Исламов 1984 – *Исламов Т.М.* От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1984. С. 40–59.
3. Стыкалин 2014 – *Стыкалин А.С.* Дунайские проекты Оскара Яси // Вопросы национализма. 2014. № 19. С. 189–204.
4. Хаванова 2007 – *Хаванова О.В.* Венгерский миллениум 1896 года: между «потемкинской деревней» и «градом Китежем» // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 375–407.
5. Шимов 2010 – *Шимов Я.В.* Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или нереализованная возможность? // Славяноведение. 2010. № 4. С. 11–20.
6. Яси 2011 – *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011. 608 с.
7. Balog 2007 – *Balog I.M.* Dilemele modernizării: Economie și societate în Transilvania 1850 – 1875. Cluj-Napoca: IBA, 2007. 359 p.

8. Bocșan, Maior, Teodor 1992 – *Bocșan N., Maior L., Teodor P.* Memorandul 1892–1894: Ideologie și acțiune polit. românească. Bucharest: Progresul Românesc, 1992. 262 p.
9. Bolovan 2000 – *Bolovan I.* Transilvania între Revoluția de la 1848 și Unirea din 1918: Contribuții demografice. Cluj-Napoca: Fundația Culturală Română, 2000. 267 p.
10. Bolovan 2000a – *Bolovan I.* Transilvania la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului XX: Realități etno-confesionale și politici demografice. Cluj-Napoca: Presa Universitară, 2000. 154 p.
11. Bolovan, Bolovan 2003 – *Bolovan S.P., Bolovan I.* Transylvania in the Modern Era: Demographic Aspects. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute, 2003. 260 p.
12. Crișan 2008 – *Crișan V.* Aurel C. Popovici (1863–1917). Sibiu: Altip, 2008. 283 p.
13. Drecin (ed.) 1996–2001 – Istorie financiar-bancară: Studii asupra băncilor românești din Transilvania (1867–1918) / ed. M. Drecin. Vol. I–II. Cluj-Napoca: Dacia, 1996–2001.
14. Dronca 2003 – *Dronca L.* Băncile românești din Transilvania în perioada dualismului austro-ungar (1867–1918). Cluj-Napoca: Presa Universitară, 2003.
15. Egyed 2002 – *Egyed Á.* Falu, város, civilizáció: Tanulmányok a jobbágyfelszabadítás és a kapitalizmus történetéből Erdélyben 1848–1914. Bucharest – Kolozsvár (Cluj-Napoca): Kriterion, 2002. 359 p.
16. Hitchins 1974 – *Hitchins K.* The Nationality Problem in Austria-Hungary: Alexander Vaida's Reports to Francis Ferdinand's Chancellery. Leiden: Brill, 1974. 188 p.
17. Hitchins 1977 – *Hitchins K.* Orthodoxy and Nationality: Andreiu Șaguna and the Rumanians of Transylvania, 1846–1873. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977. 332 p.
18. Hitchins 1999 – *Hitchins K.* A Nation Affirmed: The Romanian National Movement in Transylvania. Bucharest: Encyclopedic, 1999. 407 p.
19. Karády, Török (eds) 2008 – Cultural Dimension of Elite Formation in Modern Transylvania (1850–1950) / ed. by V. Karády, Z. Török. Cluj-Napoca: EDRC, 2008. 280 p.
20. Lungu 2002 – *Lungu C.M.* Relațiile româno-austro-ungare (1875–1900). București: Silex, 2002. 400 p.
21. Maior 2008 – *Maior L.* In the Empire: Habsburgs and Romanians. From Dynastic Loyalty to National Identity. Cluj-Napoca: Romanian Academy, 2008. 356 p.
22. Pavel 1994 – *Pavel T.* Partidul Național Român și acțiunea memorandistă: Corespondență politică (1887–1901). Cluj-Napoca: Daco-Press, 1994. 366 p.
23. Păcurariu 1986 – *Păcurariu M.* Politica statului ungar față de biserica română din Transilvania, 1900 – 1914. Sibiu, 1986. 280 p.
24. Păcurariu (ed.) 2008 – Mitropolitul Andrei Șaguna: Creator de epocă în istoria Bisericii Ortodoxe Române din Transilvania / ed. M. Păcurariu. Sibiu: Andreiana, 2008. 450 p.
25. Suciu 2004 – *Suciu D.* Studii privind mișcarea națională a românilor din Transilvania în a doua jumătate a secolului al XIX-lea. Cluj-Napoca: Ttribuna, 2004. 360 p.

References

1. Balog, I.M., 2007. *Dilemele modernizării: Economie și societate în Transilvania 1850 – 1875*. Cluj-Napoca: IBA, 359 p.
2. Bocșan, N., Maior, L., Teodor, P., 1994. *Memorandul 1892 – 1894: Ideologie și acțiune politică românească*. Bucharest: Progresul Românesc, 262 p.
3. Bolovan, I., 2000. *Transilvania între Revoluția de la 1848 și Unirea din 1918: Contribuții demografice*. Cluj-Napoca: Fundația Culturală Română, 267 p.
4. Bolovan, I., 2000. *Transilvania la sfârșitul secolului al XIX-lea și la începutul secolului XX: Realități etno-confesionale și politici demografice*. Cluj-Napoca: Presa Universitară, 154 p.
5. Bolovan, S.P., Bolovan, I., 2003. *Transylvania in the Modern Era: Demographic Aspects*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute, 260 p.
6. Crișan, V., 2008. *Aurel C. Popovici (1863–1917)*. Sibiu: Altip, 283 p.
7. Drecin, M., ed., 1996–2001. *Istorie financiar-bancară: Studii asupra băncilor românești din Transilvania (1867–1918)*. Vol. I–II. Cluj-Napoca: Dacia.
8. Dronca, L., 2003. *Băncile românești din Transilvania în perioada dualismului austro-ungar (1867–1918)*. Cluj-Napoca: Presa Universitară.
9. Egyed, Á., 2002. *Falu, város, civilizáció: Tanulmányok a jobbágyfelszabadítás és a kapitalizmus történetéből Erdélyben 1848–1914*. Bucharest – Kolozsvár (Cluj-Napoca): Kriterion, 359 p.
10. Hitchins, K., 1974. *The Nationality Problem in Austria-Hungary: Alexander Vaida's Reports to Francis Ferdinand's Chancellery*. Leiden: Brill, 188 p.
11. Hitchins, K., 1977. *Orthodoxy and Nationality: Andreiu Șaguna and the Rumanians of Transylvania, 1846–1873*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 332 p.
12. Hitchins, K., 1999. *A Nation Affirmed: The Romanian National Movement in Transylvania*. Bucharest: Encyclopedic, 407 p.
13. Islamov, T.M., 1972. *Politicheskaya bor'ba v Vengrii nakanune Pervoi mirovoi voyny* [Political struggle in Hungary on the eve of the First World War]. 1906–1914. Moscow: Nauka, 392 p. (In Rus.)
14. Islamov, T.M., 1984. Ot "natio hungarica" k vengerskoi natsii [From "natio hungarica" to the Hungarian nation]. In: *U istokov formirovaniya natsii v Tsentralnoi i Yugo-Vostochnoi Evrope*. Moscow: Nauka, pp. 40–59. (In Rus.)
15. Jászi, O., 2011. *Raspad Gabsburgskoi monarkhii* [The dissolution of the Habsburg monarchy]. Moscow: Tri kvadrata, 2011, 608 p. (In Rus.)
16. Karády, V., Török, Z., eds, 2008. *Cultural Dimension of Elite Formation in Modern Transylvania (1850–1950)*. Cluj-Napoca: EDRC, 280 p.
17. Khavanova, O.V., 2007. Vengerskii millenium 1896 goda: mezhdru "potemkinskoi derevnei" i gradom Kitezsem [The Hungarian millenium of 1896: between the "Potemkin village" and the city of Kitezsh]. In: Tishkov, V.A., Shnirelman, V.A., eds. *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in world history]. Moscow, pp. 375–407. (In Rus.)
18. Lungu, C.M., 2002. *Relațiile româno-austro-ungare (1875 – 1900)*. București: Silex, 400 p.

19. Maior, L., 2008. *In the Empire: Habsburgs and Romanians. From Dynastic Loyalty to National Identity*. Cluj-Napoca: Romanian Academy, 356 p.
20. Pavel, T., 1994. *Partidul Național Român și acțiunea memorandistă: Corespondență politică (1887-1901)*. Cluj-Napoca: Daco-Press, 366 p.
21. Păcurariu, M., 1986. *Politica statului ungar față de biserica română din Transilvania, 1900-1914*. Sibiu, 280 p.
22. Păcurariu, M., ed., 2008. *Mitropolitul Andrei Șaguna: Creator de epocă în istoria Bisericii Ortodoxe Române din Transilvania*. Sibiu: Andreiana, 450 p.
23. Shimov, J.V., 2010. Plany ertsgertsoga Frantsa Ferdinanda po preobrazovaniui Avstro-Vengrii: utopiya ili nerealizovannaya vozmozhnost'? [Archduke Franz Ferdinand's plans to transform Austro-Hungary: Utopia or Unrealized Opportunity?]. *Slavyanovedenie*, 4, pp. 11-20. (In Rus.)
24. Stykalin, A.S., 2014. Dunaiskie proekty Oszkára Jászi [Danube projects of Oszkár Jászi]. *Voprosy natsionalizma*, 19, pp. 189-204. (In Rus.)
25. Suciu, D., 2004. *Studii privind mișcarea națională a românilor din Transilvania în a doua jumătate a secolului al XIX-lea*. Cluj-Napoca: Tribuna, 360 p.

Alexander S. Stykalin

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher.
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
zhurslav@gmail.com

**“Magyarization had almost no success among Romanians”.
(The Romanian national movement of Transylvania during
the era of Austro-Hungarian dualism in relations with official
Budapest. 1867–1914)**

The agreement between the Habsburgs and the Hungarian national movement, as a result of which the Austrian Empire was transformed into the dualist Austro-Hungarian Monarchy in 1867, led to the complete liquidation of the autonomy of Transylvania and dealt a severe blow to the Romanian national movement of this region, which was experiencing an upsurge during the 1860s. For several decades, the tactics of boycotting Hungarian political life prevailed in this movement, which sharply limited the possibilities of opposing the growing policy of Magyarization. The transition to more active tactics occurred only at the beginning of the 20th century, in the context of the deepening crisis of the dualist system. On the eve of World War I, a competition for influence on the Romanian national movement of Transylvania was unfolding between the two political “heavyweights” of the Danube monarchy: Crown Prince Franz Ferdinand, who sought to reform the monarchy by weakening Hungary’s position, and the Hungarian Prime Minister Count István Tisza, the most consistent defender of the dualist system in the Empire. In the pre-war atmosphere, when it became increasingly difficult to predict the possibilities of further reorganizing the monarchy, the heir to the imperial throne was more successful, but his death from a bullet dashed all hopes of reforming the Empire while taking into account the interests of its Romanian national minority. As the outbreak of World War II diminished the prospects of preserving the dualist monarchy, Romanian politicians in Transylvania turned their attention only to Bucharest, while the idea of the future integration of Transylvania into the Romanian Kingdom clearly prevailed in their minds.

Keywords: Austro-Hungarian monarchy, Transylvania, Romania, Romanian national movement, World War I, Franz Ferdinand, István Tisza

Ольга Анатольевна Дубовик

Кандидат исторических наук, доцент,
исторический факультет,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.

119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
olgadubovik@gmail.com

Болгария (1889–1894 гг.): настройка на войну

В данной статье рассматривается вопрос о первых шагах и усилиях, предпринятых премьер-министром Стефаном Стамболовым в рамках широкой программы модернизации болгарской армии. Автор полагает, что трансформация тактики решения национального вопроса связана с категорическим отказом Стамболова от участия в балканских конфедерациях. Именно после неофициального визита в августе 1889 г. в Софию председателя Народной скупщины Николы Пашича можно говорить об окончательном изменении болгарской военной доктрины при решении приоритетной задачи о принадлежности Македонии и Западной Фракии, освоения новых рынков и территорий. Оборонительная доктрина себя изжила, новые цели требовали новой армии. Особое внимание в статье уделено участию Австро-Венгрии в модернизации болгарской армии. На материале журнала «Славянские известия» за 1889–1891 гг. рассмотрена позиция и отношение российской общественности к действиям болгарского правительства.

Ключевые слова: Стефан Стамболов, балканские государства, балканская конфедерация, сербско-болгарские отношения, Австро-Венгрия, модернизация армии, газета «Свобода», журнал «Славянские известия»

На международной конференции «Россия и Сербия на изломе веков. Сербские темы Андрея Шемякина», состоявшейся в 2019 г. в Белграде, нами была предпринята попытка сопоставить национальные проекты развития Болгарии и Сербии, проанализировав позиции двух балканских лидеров – Стефана Стамболова (премьер-министр с 1 сентября 1887 по 31 мая 1894 г.) и Николы Пашича (лидер Народной радикальной партии с 1881 г., председатель Народной скупщины с марта 1889 по

февраль 1891 г., президент Министерского совета с 23 февраля 1891 по 22 августа 1892 г.). Был сделан вывод о диаметрально противоположных стратегиях и внешнеполитических ориентирах балканских лидеров¹.

Именно после визита сербского лидера в августе 1889 г. в Софию, когда во время встречи Стамболов категорически и грубо отказался от любых вариантов союза против Османской империи и разделов Македонии, интригуяще заявив, что вопрос о возможных и даже необходимых союзах или конфедерациях Болгарии будет решаться позже, когда будет определен «общий враг»², болгарский премьер всерьез задумался о возможной глобальной австро-российской конфронтации и ее последствиях для балканских государств.

Первые шаги по трансформации в этом направлении болгарской внешней политики, модернизации армии, поискам новых ориентиров, возможных военно-политических союзников, на наш взгляд, можно определить словосочетанием «настройка на войну», употребленным А.Л. Шемякиным во вступлении к сборнику «Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913)»³.

В данной статье рассмотрим вопрос о первых шагах и усилиях, предпринятых премьер-министром Стамболовым в рамках широкой программы модернизации болгарской армии.

Для решения задачи мы постарались привлечь разноплановые источники. Это и материалы журнала «Славянские известия» (1889–1891 гг.)⁴, в котором болгарской и в целом южнославянской тематике уделялось особое внимание, регулярно и очень обстоятельно анализировались материалы болгарской правительственной и европейской прессы. Редактором журнала в исследуемый период был Виссарион Виссарио-

1 Дубовик 2020.

2 Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. Летописни спомени и очерки. Част втора. София: Български писател. 1992. С. 280.

3 Гришина, Шемякин (ред.) 2012: 3.

4 Издание Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, выходящее в 1889–1891, 1904–1910 и 1912–1916 гг. в Санкт-Петербурге. В журнале печатались научно-популярные статьи по истории, литературе, церковной жизни, этнографии славян; статьи и известия, касающиеся современной политической и культурной жизни славянских народов; письма и корреспонденции из славянских земель; библиографические отчеты о выдающихся книгах по всем вопросам славяноведения; переводы лучших произведений славянских писателей; отчеты о деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества и объ-явления.

нович Комаров⁵. Издание выступало за объединения славян, упрочение их связи с Россией, подвергая резкой критике политику Германии и Австро-Венгрии⁶. С августа 1889 г. «Славянские известия» имели сведения и регулярно писали о событиях в «злополучной, но всегда дорогой нам Болгарии»⁷ и действиях его правительства.

Рассмотрены также материалы опубликованного личного архива Стамболова⁸, почти ежедневно получавшего сообщения дипломатических представителей в Стамбуле и Вене. Публикации болгарской газеты «Свобода» отражали в исследуемый период официальную позицию болгарского правительства, лично Стамболова и его Народно-либеральной партии.

Интерес представляют мемуары друга Стамболова болгарского этнографа, писателя, одного из первых биографов Стамболова и непосредственного участника событий Димитра Маринова (1846–1940)⁹. Заметим, что книга в жанре воспоминаний создана Мариновым и опубликована в 1909 г. Специально для завершения работы над ней он покинул пост директора Национального этнографического музея. Возможно, одной из целей книги была реабилитация Стамболова, что объясняет стиль весьма уважительных и даже восторженных воспоминаний об эпохе, о своем друге и политическом кумире. Изложенный фактический материал достаточно широко привлекается исследователями эпохи, личности и дела Стамболова и представляется вполне достоверным.

Сведения о переменах, происходивших в болгарской армии, содержатся в труде современника и участника событий, служившего в 1887–1894 гг. в артиллерии, Николы Жекова, написанном на основании личных записей, воспоминаний, отдельных сохранившихся документов¹⁰.

5 Русский журналист и общественный деятель, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., полковник русской и генерал сербской армий.

6 Не вдаваясь в подробности и тонкости отличий славянофильства, панславизма и неославизма, мы будем обозначать позицию авторов и корреспондентов журнала как славянофильскую.

7 *Герис-в*. Болгары. Обзор последних происшествий в Болгарии // *Славянские известия*. 1889. 13 VIII. № 33: 802.

8 Стефан Стамболов: личен архив / Съст. М. Куманов, Д. Иванов. Т. 1–17. София: Издателство «Отечество», Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1997–2005.

9 *Маринов Д.* Стефан Стамболов и новейшата ни история. Летописни спомени и очерки. Част 1–2. София: Български писател, 1992.

10 *Жеков Н.* Българското воинство 1878–1928. София: Печатница «Братя Миладинови», 1928.

Полагаем, что именно после визита Пашича можно говорить об окончательном изменении болгарской военно-политической доктрины. Процесс начался еще после 1885 г., когда у Болгарии появились важные цели, связанные с решением вопроса о Македонии и Западной Фракии, освоением новых рынков и территорий. Сербско-болгарская война показала, что оборонительная доктрина себя изжила. Все это требовало новой армии.

С середины 1889 г. процесс существенно активизировался. Первые перемены затронули армейское управление и кадровую политику, создание нормативно-правовой базы. Именно тогда началось формирование кадровых рот для подготовки новобранцев и переподготовки запаса. В 1889 г. произошла реорганизация двенадцати пехотных полков в двадцать четыре, существенные преобразования коснулись конного и артиллерийских полков. В 1890 г. изменения произошли в Военном министерстве, в котором появилось мобилизационное отделение¹¹.

Менялась и численность болгарской армии. К началу 1888 г. в ней было около 25 000 военнослужащих, включая народное ополчение и управление¹². В 1889 г. «Славянские известия», подробнейшим образом описывающие устройство, состав, подготовку и численность частей, имели сведения и сообщали уже о 35 000 болгарях «под ружьем», не считая 16 000 новобранцев и призванных на сборы менее 15 000 чел. Всего, «не прибегая к мобилизации», 65 000 чел., а при полной мобилизации до 120 000 чел.¹³ При этом автор одной из статей в «Славянских известиях» заметил, что имея численность 100 000 человек, Болгария при объявлении мобилизации сможет вооружить лишь 40 000 человек¹⁴. В связи с этим остро вставал вопрос о закупках современного вооружения.

Газета «Свобода» форсирование вооружения и дополнительный набор резервистов в конце августа 1889 г. в Восточной Румелии связывала непосредственно с аналогичными процессами в Сербии, заявляя, что «болгарское правительство чувствует себя обязанным продолжать укреплять оборону»¹⁵.

Стамболову регулярно поступали донесения дипломатического агента в Вене Григора Начевича о военной угрозе со стороны Сербии, об

11 Крапчански, Христов, Възелов, Скачоков 1961: 54.

12 Жеков Н. Българското воинство. С. 71.

13 Герис-в. Болгары. Численность болгарской армии // Славянские известия. 1889. 24 IX. № 39: 925–926.

14 Герис-в. Вооружение болгарской армии // Славянские известия. 1889. 13 VII. № 33: 803.

15 Свобода. 1889. 31 VIII. Бр. 296: 1–2.

антиболгарских настроениях среди офицерства и планируемой мобилизации, о крайне опасных реваншистских проявлениях в сербской Скупщине¹⁶. Особо отмечалось, что австрийское правительство должно следить за действиями сербов, а болгарское – в десятидневный срок тайно принять необходимые шаги к скорейшему вооружению¹⁷. Начевич весьма серьезно рассуждал о реальной угрозе очередной войны на Балканах, о противоречиях Австро-Венгрии, которую поддерживает Германия, и России¹⁸.

Заметим, что именно происходившее в Сербии и недопустимость, «немыслимость» для болгар каких-либо конфедераций выдвигались в качестве основной причины, оправдывающей наращивание вооружения Болгарией¹⁹. Цель болгарского официоза состояла в немалой степени и в желании привлечь внимание «Порты и союзнических сил» к «причинявшей беспокойство большой энергии сербского вооружения»²⁰. Определенное коварство газета видела в «формальных заверениях», что «предпринимаемые военные меры не подразумевают никакого неприятельского отношения к Болгарии, с которой Сербия желает оставаться в дружеских отношениях»²¹. Сообщалось о слишком частом декларировании сербскими радикалами нежелания конфликта с Болгарией²².

Заметим, что нагнетание темы о возможном сербско-болгарском противостоянии периодически сходило на нет, чтобы потом возникнуть вновь. При этом в 1889 г., обосновывая необходимость реорганизации армии, болгарское правительство одновременно решало вполне конкретные задачи – поиск оружия и средств на его приобретение.

Особую роль в этом вопросе продолжал играть Начевич. Так еще в августе 1889 г. он сообщал Стамболову о переговорах с австро-венгерским министром иностранных дел Густавом Кальноки, «который сам начал разговор об оружии», о 8 мм. винтовках Манлихера, которые может поставлять фабрика в Штайре²³, о патронах, которые рекомендовано купить «на фабрике “Both”, ибо они лучше иных и их закупает австрий-

16 Стефан Стамболов: личн архив. Т. 2. С. 315, 316, 317.

17 Там же. С. 317.

18 Там же. С. 316.

19 Свобода. 1889. 23 VIII. Бр. 294.

20 Свобода. 1889. 26 VIII. Бр. 295.

21 Там же.

22 Свобода. 1889. 02 IX. Бр. 297.

23 В 1864 г. в Штайре фабрикантом Йозефом Верндлем была создана оружейная фабрика *Österreichische Waffenfabriks AG*, которая вскоре стала одним из крупнейших производителей стрелкового вооружения в мире.

ское правительство»²⁴, о винтовках Бердана, о предложениях Кальноки по продаже винтовок 11 мм. и патронов к ним (обсуждались конкретные сроки, скидки по ценам и т. д.), о встречах с представителями оружейной фабрики. Начевич, называя себя «партизаном быстрого вооружения» и допуская вероятность «чего-то неожиданного», настойчиво рекомендовал Стамболову приобретать оружие, предлагаемое австрийским правительством²⁵.

Важным был и весьма деликатный вопрос о подготовке болгарских офицеров, их участии в маневрах. Так, Начевич докладывал Стамболову о недовольстве Кальноки обстоятельством, что порой информация в болгарской прессе опережает официальную, в частности «австрийское правительство допускало присутствие болгарских офицеров на маневрах, но без шума, насколько это возможно. Из-за обсуждения в печати до принятия решения руки министерства оказались связанными». Кальноки сообщил, что послу Австро-Венгрии в Софии Иштвану Буриану ответят, что «на маневры в Чехии не будут допущены иностранные офицеры. В сентябре будут маневры в Венгрии, на которых болгарские офицеры смогут присутствовать, если не будет огласки», заметив также, что «мы желаем видеть вашу армию в хорошем состоянии и сделаем все возможное, не будучи скомпрометированными, для ее пользы». Начевич информировал Стамболова, что возможное присутствие болгарских офицеров на маневрах в Венгрии должно выглядеть «случайным»²⁶.

Говоря об активизации болгаро-австрийских контактов, Начевич сообщил Стамболову о «превосходном» приеме, оказанном 8 сентября 1889 г. в Вене императором и высшим генералитетом болгарским офицерам во главе с подполковником, возглавлявшим болгарский Генеральный штаб, Рачо Петровым²⁷.

Военное сближение Болгарии с Австро-Венгрией представляло, с точки зрения «Славянских известий», особую угрозу, в этом смысле небезосновательно отмечалась роль Начевича, «постоянно снующего» между Веней и Константинополем²⁸.

Не меньшее раздражение в российской прессе вызвало получение Болгарией крупного займа в 30 млн левов от Австро-Венгрии. «Славянские известия», внимательнейшим образом следившие за процессом

24 Стефан Стамболов: личен архив. Т. 2. С. 305–306.

25 Там же. С. 320–322.

26 Там же. С. 305–306.

27 Там же. С. 319.

28 Начевич в Царьграде // Славянские известия. 1890. 07 X. № 40: 717.

наращивания вооружения, и ранее сообщали об использовании болгарским правительством привлекаемых в первую очередь от Австро-Венгрии кредитов на приобретение оружия, получаемых порой с обещанием «поручить обучение болгарской армии австрийским офицерам»²⁹.

Заметим, что в болгарской официальной прессе сам факт займа, планы по расходованию средств (железнодорожное строительство или же приобретение оружия и т. п.), с точки зрения правительства не должны были широко освещаться. Так, в опубликованном отчете министра финансов Ив. Салобашева от ноября 1889 г.³⁰ упор сделан исключительно на железнодорожном строительстве.

Вопрос этот обсуждался в болгарской газете в большей степени в контексте отношения к нему в России. С точки зрения болгарского правительства именно Россия вынуждала Порту запретить получение займа. «Свобода» в передовицах гордо писала, что «сам факт, что Турция отказалась исполнить желание России, является доказательством неосуществимости планов российской дипломатии», а российская циркулярная нота, что займ нарушает Берлинский трактат, «вызвала смех в Вене, Лондоне и Берлине»³¹.

Опровергая позицию России о неправомочности займа, автор статей в газете отмечает, что займ получен законно, так как регентство, призвавшее Фердинанда I, было признано великими силами и Россией. Попытки российской прессы распространять слухи, что Болгария готова уступить Австрии крепости в Видине, автор «Свободы» расценивает как «свидетельство бессилия российской дипломатии». Не вдаваясь в нюансы формального политического статуса Болгарии и Сербии, он замечает, что Россия в свою очередь не только поддержала получение Сербией французского займа, но даже «открыто его гарантировала, увеличив тем самым австрофобские настроения сербов»³².

В декабре 1889 г., по мнению «Свободы», «российская пресса окончательно взбесилась», получив информацию о том, что министр торговли Австрии «разрешил котирование (котировка – фактическое признание. – О. Д.) займа на Венской бирже». В российских изданиях «Новое время», «Гражданин», «Новости» и т. п. «исходят желчью», полагая, что

29 Герис-в. Болгары. Численность болгарской армии // Славянские известия. 1889. 24 IX. № 39: 926; Славянские известия. 1890. 04 XI. № 44: 1032–1035; Вооружение болгарской армии // Славянские известия. 1889. 13 VIII. № 33: 804.

30 Свобода. 1889. 25 XI. Бр. 320: 2.

31 Дневния въпрос // Свобода. 1889. 20 XII. Бр. 326: 1; Дневния въпрос // Свобода. 1889. 30 XII. Бр. 328: 1.

32 Свобода. 1890. 13 I. Бр. 331: 3.

возможность котировок подразумевает «признание законности Князя и Болгарии» и нарушение Берлинского трактата». «Злоба» русского правительства связана с надеждой, что, если Болгарии не удастся заключить займ, то она вынуждена будет «уступить российским требованиям»³³.

В передовице первого номера 1890 г. «Славянские известия», подводя итоги 1889 г., основное внимание уделяют «болгарскому вопросу» с «его щекотливыми деталями». Болгарию упрекали в своенравии, которому «в нарушение всех международных договоров потворствуют Австрия, Германия и Великобритания»³⁴.

Особенно автора статьи возмущало предоставление займов при попустительстве Великобритании. Он ссылается на международные акты (Константинопольский протокол послов 05.04.1886 г., русско-болгарская конвенция 16 (28) июля 1888 г.), запрещавшие Болгарии заключать договоры о займах, а также предоставлять в качестве обеспечения принадлежавшие Османской империи железнодорожные ветки³⁵.

Благополучное для Болгарии разрешение вопроса с займом позволило в 1890 г. начать заключать торговые конвенции с европейскими государствами (Великобритания, Австро-Венгрия), вооружение стало поступать и на государственном, и на частном уровне (экс-министр Греков финансировал поставку патронов³⁶).

Оружие проходило испытания специальных военных комиссий, болгарские офицеры присутствовали на учениях в Европе – Германии, Италии и Швейцарии³⁷.

«Славянские известия» с ехидной иронией сообщали о якобы «полной негодности» болгарской армии к выполнению серьезных задач, о том, что модернизация «с ничтожными намерениями проведена бездарностями»³⁸. Особым сюжетом стала информация о выявлении специалистами большого процента бракованных винтовок Манлихера, которые, проигнорировав «троекратное забракование» военными комиссиями, состоявшими, по мнению авторов «Славянских известий», из «неподкупных и сведущих офицеров», и «огромную цену», Стамбо-

33 Дневния въпрос // Свобода. 1889. 07 XII. Бр. 323: 1.

34 Санкт-Петербург. 6 января // Славянские известия. 1890. 07 I. № 1: 1.

35 Там же.

36 Вести из Болгарии. Ружья, патроны // Славянские известия. 1890. 15 IV. № 15: 301.

37 Болгарская военная комиссия в Германии // Славянские известия. 1890. 23 IX. № 38: 686.

38 Герис-в. Болгары. Обзор последних происшествий в Болгарии // Славянские известия. 1889. 13 VIII. № 33: 802.

лов все-таки принял для перевооружения болгарского войска³⁹. Причина видится в коррумпированности болгарских чиновников от армии⁴⁰, в желании «Кобурга и Начевича», как «главных посредников закупки», «нагреть руки», так как бракованное оружие дешевле, а сумма на его приобретение выделена значительная⁴¹.

Обсуждалась также принятие в болгарской армии формы австрийских войск, «чтобы сходно купить эти вещи в Австро-Венгрии, где они заготовлены в большом количестве и где можно найти много и забракованного товара»⁴².

Особой темой стало информирование о постоянных скандалах между Стамболовым и офицерами, выражавшими негодование покупаемым некачественным оружием⁴³. Стамболов же в ответ заявлял, что «болгарская армия приобретает ружья, которыми вооружены образцовые в Европе армии: австрийская и германская»⁴⁴.

В российском славянофильском журнале появлялась информация об ускоренном наборе в 1890 г. в болгарскую армию и усилении болгарских формирований на границе с Сербией, якобы связанными с обострением сербско-болгарского конфликта «по делу македонских воспитанников общества Св. Саввы». Данная конкретная информация сопровождалась рассуждениями автора статьи о «незрелом мнении Стамболова», что война с Сербией станет началом войны «Европейской», которая приведет к разрешению «болгарского вопроса»⁴⁵.

В «Славянских известиях» тема форсирования вооружения обсуждалась регулярно, а сравнение вооруженных сил балканских соседей приводило авторов к вполне традиционным для издания выводам: «Соединенные сербская и болгарские армии имеют все шансы, при покровительстве их естественной союзницы России, сделаться полными хозяевами полуострова, наследовать все свои земли, находящиеся под австрийской и турецкой властью. Между тем, армии эти исключительно готовятся по-

39 Славянские известия. 1890. 21 I. № 3: 58; Славянские известия. 1890. 18 III. № 11: 210.

40 Санкт-Петербург. 3 февраля 1890 // Славянские известия. 1890. 04 II. № 5: 82.

41 Болгары. Преобразование, вооружение и обмундирование болгарской армии // Славянские известия. 1889. 12 XI. № 46: 1071–1072.

42 Там же. С. 1072.

43 Санкт-Петербург. 3 февраля 1890 // Славянские известия. 1890. 04 II. № 5: 82.

44 Славянские известия. 1890. 21 I. № 3: 58.

45 Положение дел в Болгарии // Славянские известия. 1890. 31 IV. № 13: 250.

жирать друг друга и этим уготовать путь к наступлению их исконного врага – немцев и мадьяр, стремящихся к берегам Средиземного моря»⁴⁶.

Россия обладала сведениями о переподготовке болгарского офицерского состава, о поставке патронов для новых винтовок, финансирование которой взяли на себя болгарский предприниматель Хаджиенов и экс-министр Греков⁴⁷, о приобретении «лжеправительством» в Европе крепостных и осадных орудий, «скорострельных орудий Грюзона», которые закуплены и «успешно испытываются в софийском лагере»⁴⁸.

Наибольшую озабоченность «Славянские известия» выражали в связи с перевооружением Болгарии именно силами Австро-Венгрии – зависимостью от австрийских арсеналов и правом австрийцев «занять некоторые болгарские крепости»⁴⁹, допускали, что, получив необходимое оружие, «софийские узурпаторы» «сделают и из Македонии *tabulam rasam*, как это было с филиппопольским переворотом» (воссоединение Княжества Болгарии и Восточной Румелии в 1885 г. – О. Д.)⁵⁰. Австро-венгерское финансовое участие рассматривалось как экономическое порабощение⁵¹.

Вопрос о наращивании вооружения сербами периодически возникал и умело использовался и в болгарской повестке дня, для которой важно было оправдывать процесс.

В 1891 г. российская пресса очень внимательно следила за принятием «Закона о переустройстве армии». Закон завершил реорганизацию Военного министерства – высшего военно-административного учреждения в Княжестве. В нем выделены Генеральный штаб, административный отдел, военно-судебный отдел, канцелярия и Военный совет (совещательный орган). Военная служба была обязанностью всех болгарских подданных с 20 до 45 лет. В мирное время мужское население делилось на три категории. Чтобы оказаться в действующей армии («под знаменами») – с 20 до 30 лет, срок службы от 2 до 10 лет, существовал конкурс, туда попадали по жребию. Постоянные войска включали пехоту, кавалерию, артиллерию, инженерные войска, местные войска, пограничную службу и вспомогательные войска. Граждане с 30 до 37 лет относились

46 *Герис-в.* Вооруженные силы Болгарии и Сербии // Славянские известия. 1890. 10 VI. № 23: 437–438.

47 Славянские известия. 1890. 15 IV. № 15: 301.

48 Приобретение осадной и крепостной артиллерии // Славянские известия. 1891. 21 VII. № 29: 512.

49 Славянские известия. 1890. 04 II. № 5: 82.

50 Санкт-Петербург. 6 января // Славянские известия. 1890. 07 I. № 1: 2.

51 *Герис-в.* Положение Болгарии в 1889 // Славянские известия. 1890. 07 I. № 1: 12.

к резерву со сроком службы 7 лет. Следующая ступень – народное ополчение (два призыва: с 37 до 41 года, после 45 лет), срок службы 8 лет. Таким образом, срок военной службы увеличился с 20 до 25 лет⁵². Народное ополчение подчинялось Кабинету министров, сборы же организовывало военное министерство. Специальным Указом страна была поделена на 6 дивизионных областей⁵³.

В 1891–1893 гг. пехотные уставы и команды переведены с русского на болгарский и откорректированы с учетом новых болгарских реалий, принят специальный устав для конницы⁵⁴.

До 1891 г. болгарская армия располагала вооружением времен войны 1885 г. В 1891 г., благодаря активным действиям правительства в период с 1889 по 1891 гг., на вооружение пехоты были приняты винтовки и карабины Манлихер образца 1888 и 1890 г., в артиллерии появились крупновские гаубицы нового 12-см калибра (были 7,5 и 8 см), на вооружение принят полуавтоматический пистолет Парабелум⁵⁵.

Летом 1891 г. России стало известно о планах бывшего премьер-министра Греции Харилаоса Трикуписа посетить Сербию, Грецию, Болгарию, Румынию и Черногорию и вновь предложить создать конфедерацию⁵⁶. Визит стал еще одним свидетельством нежелания Стамболова обращаться к совместному решению македонского вопроса путем создания военной конвенции, в «проектируемом сербами союзе» правительство видело лишь коварные планы России⁵⁷.

После визита в Софии вновь возникла тема о невозможности каких-либо балканских союзов, а даже об угрозе со стороны сербов. Временно управляющий болгарским дипломатическим агентством в Белграде Петр Димитров, с одной стороны, сообщал Стамболову о переговорах Н. Пашича с Гирсом, о получении берданок с патронами на условиях их неиспользования, а хранения на складах⁵⁸, о закупке сербским правительством («через российского посредника по фамилии Пушкин») француз-

52 Жеков Н. Българското воинство. С. 74.

53 Крапчански, Христов, Възелов, Скачоков 1961: 59.

54 Жеков Н. Българското воинство. С. 142.

55 Крапчански, Христов, Възелов, Скачоков 1961: 70.

56 Герис-в. Болгары. Кобург у австрийского императора. Балканская конфедерация // Славянские известия. 1891. 16 VI. № 24: 422–423.

57 Дневния въпрос // Свобода. 1891. 18 VI. Бр. 552: 2.

58 Поверителен рапорт от временно управляващия Българското дипломатическо агентство в Белград до министъра на външните работи и исповеданията с известие за маневрите на кабинета на Пашич да закрепни разклатеното си положение. 9 август 1891 г., Белград // Стефан Стамболов: личен архив. Т. 15. С. 427.

ских крепостных орудий для укрепления Пирота, Ниша и Зайчара⁵⁹. Сообщения о переговорах сербского правительства относительно закупки оружия, о миссиях в Белград представителей высших французских офицеров в сопровождении российских офицеров продолжались и в 1892 г.⁶⁰ По мнению Димитрова, переговоры завершились неудачей в связи с отсутствием средств у сербского правительства, вызванного настоятельными требованиями немецких банкиров, не желающих допустить «хладнокровную закупку оружия во Франции на немецкие деньги», исполнять обязательства по ранее полученным займам⁶¹.

С другой стороны, в рапортах Димитрова отмечалось многократное декларирование сербским правительством отсутствия воинственных намерений в отношении Болгарии⁶², намерений совершать военные маневры у границ с Болгарией⁶³. Димитров сообщает о своем визите, нане-

59 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията с известие за водени преговори от сръбското правителство с френска фабрика за доставка на оръжие. 16 септември 1891 г., Белград // Там же. С. 449; Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията с известие за пристигането на управителя на Руското черноморско-дунавско параплувно дружество в Сърбия. 21 септември 1891 г., Белград // Там же. С. 451; Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията с известие, че Сърбия ще получи оръжие. 14 октомври 1891 г., Белград // Там же. С. 462.

60 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията по повод мисията на висш френски офицер в Сърбия. 22 януари 1892 г., Белград // Стефан Стамболов: личен архив. Т. 16. С. 175; Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията по повод мисията на полковник де Банж в Сърбия. 23 януари 1892 г., Белград // Там же. С. 176; Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията относно хода на преговори между френския полковник де Банж и сръбското правителство. 28 януари 1892 г., Белград // Там же. С. 180.

61 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията по повод прекъсването на преговори между френския полковник де Банж и сръбското правителство. 31 януари 1892 г., Белград // Там же. С. 185.

62 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията с известие, че Сърбия няма воинствени намерения спрямо България. 14 август 1891 г., Белград // Стефан Стамболов: личен архив. Т. 15. С. 430–431.

63 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията с известия за неверни твърдения от страна на Австро-Унгария за съсредоточаване на сръбски войскови части към българската граница. 20 август 1891 г., Белград // Там же. Т. 15. С. 435.

сенном влиятельному человеку в сербской политике, в тот период члену регентского совета Йовану Ристичу, который заверил, что «не допустит военных столкновений Сербии и Болгарии» даже, если Болгария провозгласит независимость, т.к. это «внутренний болгарский вопрос»⁶⁴.

Димитров отмечает, что в сербской прессе для дезинформирования «дружественных нам (Болгарии. — О. Д.) европейских сил» появлялись «умышленно скроенные» сообщения о сосредоточении болгарских войсковых частей в районе Сливницы и Цариброта (совр. Димитровград, Сербия, город в Пиротском округе)⁶⁵, а в 1892 г. аналогичная ситуация возникла по поводу района Пирота, Врани, Зайчара⁶⁶. Цель сообщений, по мнению Димитрова связана с желанием сербов ускорить вооружение в связи с тем, что «общая европейская война на пороге, а Болгария хорошо оснащена»⁶⁷, а в первую очередь, со «страхом сербского правительства перед болгарским военным преимуществом»⁶⁸.

64 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповедания с известие за посещение му при регента Йован Ристич и за воден с него разговор върху отношенията между Сърбия и България. 18 ноември 1891 г., Белград // Там же. С. 485.

65 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията с известие за публикувани неверни съобщения в сръбската преса за съсредоточаване на български войскови части към Сливница и Цариброд. 27 август 1891 г., Белград // Там же. С. 439.

66 Поверителен рапорт от Българското дипломатическо агентство в Белград до Министерството на външните работи и исповеданията по повод струпването на сръбски редовни и запасни войскови части към българската граница. 27 април 1892 г., Белград // Стефан Стамболов: личен архив. Т. 16. С. 230–231; Поверителен рапорт от Българското дипломатическо агентство в Белград до Министерството на външните работи и исповеданията с молба българският печат и правителството да не реагират на струпването на сръбски войски към българската граница. 28 април 1892 г., Белград // Там же. С. 232; Поверителен рапорт от Българското дипломатическо агентство в Белград до Министерството на външните работи и исповеданията по повод подетата в сръбския печат акция във връзка със струпването на войскови части около Пирот. 29 април 1892 г., Белград // Там же. С. 233.

67 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията по повод призива на някои белградски вестници към сръбското правителство да ускори въоръжаването на страната предвид признаците за предстояща общоевропейска война. 29 октомври 1891 г., Белград // Стефан Стамболов: личен архив. Т. 15. С. 466.

68 Поверителен рапорт от Българското дипломатическо агентство в Белград до Министерството на външните работи и исповеданията по повод струпването на сръбски редовни и запасни войскови части към българската граница. 27 април 1892 г., Белград // Стефан Стамболов: личен архив. Т. 16. С. 231.

В свою очередь данная информация могла вызвать определенную обеспокоенность болгарского правительства действиями сербов и позволить проведением осенних военных маневров в Сербии⁶⁹ обосновать необходимость крупной закупки вооружения для болгарской армии, о чем с конкретными объемами, ценами и сроками телеграфировал Стамболову лично князь Фердинанд I⁷⁰.

«Славянские известия», наблюдая за очередным обострением сербо-болгарских отношений, снисходительно отмечали, что даже «усиленное вооружение» этих государств «при полном финансовом расстройстве» не позволит им «разрушить европейский мир»⁷¹.

В то же время, получив информацию об очередном командировании Рачо Петрова в Вену, журнал выразил серьезную озабоченность, предположив, что визит связан с существованием «секретного поручения представить проект военной конвенции между Австрией и Болгарией», «предложить австрийцам в их распоряжение болгарскую армию на случай войны Австрии с Россией и ее союзниками». Сообщалось, что «за услуги эти Австро-Венгрия должна гарантировать власть своим софийским протезе и обещать им безопасное пребывание в своих пределах в случае необходимости бежать из Болгарии»⁷².

О возможной военной конвенции Болгарии и Австро-Венгрии писали и в сербской прессе в контексте посещения австрийским генералом Бричманом Сливницы, Драгоманского прохода и портов Варны и Бургаса⁷³.

69 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията по повод свикването на втория набор от сръбските запасни войсковы части и мобилизирането на една дивизия. 29 май 1892 г., Белград // Там же. Т. 16. С. 247; Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията по повод провеждането на есенните военни маневри в Сърбия. 10 септември 1892 г., Белград // Там же. С. 273.

70 Телеграма от княз Фердинанд до Стефан Стамболов по повод закупуване на въоръжение за българската армия. 23 октомври 1892 г., Пловдив // Там же. Т. 16. С. 299–300.

71 *Герис-в*. Болгары. Сербско-болгарские отношения // Славянские известия. 1891. 21 V. № 21: 391.

72 Там же. С. 392.

73 Поверителен рапорт от българския дипломатически агент в Белград до министъра на външните работи и исповеданията по повод призива на някои белградски вестници към сръбското правителство да ускори въоръжаването на страната предвид признаците за предстояща общоевропейска война. 29 октомври 1891 г., Белград // Стефан Стамболов: личен архив. Т. 15. С. 466.

Процессы происходившие в болгарской армии российские корреспонденты сравнивали с опытом немецкой и сербской армий. Особое раздражение вызывали успехи болгар в деле модернизации и рост численности армии. В «Славянских известиях» появилась статья о намерениях Болгарии взять новый крупный займ на вооружение 150 000 чел. Корреспондент, не скрывая злости, сообщал, что «болгарское лжеправительство в последнее время носит с самыми грандиозными планами развития военного могущества страны, дабы при помощи сильной армии обеспечить свою власть на более продолжительное время, <...> с целью занять первенствующее положение на Балканском полуострове и парировать всевозможные удары со стороны внешних врагов»⁷⁴. Данная цитата весьма показательна и в контексте понимания назначения болгарской армии. Известно, что как интегрированная часть общества, армия с момента своего создания была в значительной степени вовлечена во внутригосударственные процессы⁷⁵. Именно цифра «до 150 000 прекрасно обученных солдат»⁷⁶, фигурировала в беседе автора статьи «с одним из высших болгарских офицеров по вопросу о колоссальных затратах на армию»⁷⁷.

Таким образом, активность Сербии и Греции в направлении конфедерации, создававших с точки зрения Стамболова серьезные проблемы для реализации болгарских национальных проектов, и заинтересованность в этом союзе России, которая воспринималась как угроза самостоятельности Болгарии, привели к трансформации взглядов Стамболова на необходимость модернизации армии при поддержке Австро-Венгрии, сближение с которой и угроза военного союза не могли не волновать российское общество.

Работа, по мнению болгарского премьер-министра, предстояла на длительный период. Болгарский журналист и политик Никола Геннадиев, посетивший главу правительства в апреле 1894 г., вспоминал, как Стамболов уверенно заявил, что решение македонского вопроса не сможет произойти без войны, к которой необходимо готовиться, создав сильную армию (изначально, до 1889 г. – сильнее сербской, а на втором этапе – сильнее турецкой). Для этого, по его мнению, «через казармы должно

74 Х. Болгары. София, 10 мая 1891 г. (Корр. «Слав.Изв») // Славянские известия. 1891. 19 V. № 20: 359.

75 Янчев 2006.

76 Х. Болгары. София, 10 мая 1891 г. (Корр. «Слав.Изв») // Славянские известия. 1891. 19 V. № 20: 359.

77 Там же.

пройти еще десять призывов». А через 10 лет, когда накопится необходимое оружие, найдется повод для конфликта и болгары смогут «незамедлительно и внезапно напасть на Турцию» <...>, благодаря быстрой мобилизации и пока турки собирают силы дойти до Константинополя»⁷⁸.

Литература

1. Гришина, Шемякин (ред.) 2012 — Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913): сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. 436 с.
2. Дубовик 2020 — Дубовик О.А. Вопрос об османском наследстве в сербских и болгарских проектах 80–90 гг. XIX в. (Никола Пашич и Стефан Стамболов) // *Русија и Србија на прелому векова: српске теме Андреја Шемјакина* / [одг. ур. Алексеј Ј. Тимофејев]. Београд: Институт за новију историју: Центар за Руске и Источноевропске студије «М. Јовановић» Филозофског факултета Универзитета: Информатика; Москва: Институт за словенске студије РАН, 2020 (Београд: Графо сан). С. 173–190. DOI: <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.dub.173-190>.
3. Крапчански, Христов, Възелов, Скачоков 1961 — Крапчански В., Христов Г., Възелов Д., Скачоков И. Кратък обзор на бойния състав, организацията, попълването и мобилизацията на българската армия от 1878 до 1944 г. София: Държавно военно издателство, 1961. 249 с.
4. Янчев 2006 — Янчев В. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Българският опит 1878–1912. София: ИФ-94, 2006. 308 с.

References

1. Grishina, R.P., Shemjakin, A.L., eds, 2012. *Modernizatsiia vs. voina: Chelovek na Balkanakh nakanune i vo vremia Balkanskikh vojn (1912–1913): sbornik statei* [Modernization vs. War: A Man in the Balkans on the eve and during the Balkan Wars (1912–1913): collection of articles]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 436 p. (in Rus.)
2. Dubovik, O.A., 2020. Vopros ob osmanskom nasledstve v serbskikh i bolgarskikh projektakh 80–90 gg. XIX v. (Nikola Pashich i Stefan Stambolov) [The Question about the ottoman heritage in the serbian and bulgarian projects of 80s-90s of the 19 th century. Nikola Pasic and Stefan Stambolov]. In: Timofejev, ed., 2020. *Russia i Srbija na prelomu vekova: srpske teme Andreja Šemjakina* [Russia and Serbia at the turn of the centuries: Serbian themes by Andrei Shemyakin]. Beograd: Institut za noviju istoriju: Centar za Ruske i Istočnoevropske studije “M. Jovanovic” Filozofskogo fakulteta Univerziteta: Informatika; Moscow: Institut za slovenske

78 Никола Геннадиев // Стефан Стамболов в спомени на съвременници. София: Наука и изкуство, 1992. С. 105.

studije RAN (Beograd: Grafo san), pp. 173–190. DOI: <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.dub.173-190>. (in Rus.)

3. Krapchanski, V., Khristov, G., Vzelov, D., Skachokov, I., 1961. *Kratk obzor na boiniia sstav, organizatsiata, poplvaneto i mobilizatsiata na blgarskata armiiia ot 1878 do 1944 g.* [Brief overview of the combat strength, organization, replenishment and mobilization of the Bulgarian army from 1878 to 1944]. Sofia: Drzhavno vojenno izdatelstvo, 249 p. (in Bulg.)
4. Ianchev, V., 2006. *Armiiia, obshchestven red i vtreshna sigurnost. Blgarskiiat opit 1878–1912* [Army, public order and internal security. Bulgarian experience 1878–1912]. Sofia: IF-94, 308 p. (in Bulg.)

Olga A. Dubovik

PhD, Associate Professor, Faculty of History,
Lomonosov Moscow State University.
olgadubovik@gmail.com

Bulgaria (1889–1894): First Intention to War

The purpose of this study is to analyze the transformation of the views of Prime Minister Stefan Stambolov on methods for solving the Bulgarian national question regarding the Macedonian provinces of the Ottoman Empire. The author examines the change in the Bulgarian military doctrine associated with the development of new markets and territories, with the primary task of resolving the issue of Macedonia and Western Thrace, as well as an assessment of the possibility of a military solution to the Bulgarian national question. In this regard, it was necessary to modernize the Bulgarian army. The research is based on materials from the Bulgarian official newspaper *Svoboda*, the Russian magazine *Slavyanskie Izvestia*, the published personal archive of Stefan Stambolov, supplemented by memoirs of contemporary witnesses of the events. The chronological framework of the study spans the years from 1889–1891. A concluding connection can be established between the transformation of Bulgarian politics, Serbian-Bulgarian contradictions, and the reluctance of the Stambolov government to resolve the national issue through a confederation with Serbia and Greece. Understanding the Russian interest in unifying the Balkan states, which was perceived as a threat to the independence of Bulgaria, led to the transformation of Stambolov's views on the need to modernize the army with the support of Austria-Hungary. A rapprochement with the latter and the implied threat of a military alliance triggered an extremely negative assessment and gave rise to a general sentiment of fear in Russian society.

Keywords: Stefan Stambolov, Balkan states, Balkan confederation, Serbian-Bulgarian relations, Austria-Hungary, army modernization, *Svoboda* newspaper, *Slavyanskie Izvestia* magazine

Ярослав Валерианович Вишняков
Доктор исторических наук, профессор Кафедры всемирной
и отечественной истории
МГИМО МИД РФ.
vishnyakov@yandex.ru

Дунайская стратегия Петербурга и русско-сербские экономические связи конца XIX – начала XX в.

В статье на базе документов Архива внешней политики Российской империи, впервые вводимых в научный оборот, раскрываются планы Российской империи по экономическому проникновению на рынки Сербии и других балканских стран в конце XIX – начале XX века. Особое место в экономической стратегии петербургских правящих кругов по отношению к балканскому региону играла деятельность русского дунайского пароходства, которому была отведена не только коммерческая, но и политическая роль как одного из важных факторов укрепления российского влияния балканских странах, прежде всего в Сербии. К тому же развитие судоходства по Дунаю в конце XIX – начале XX в. позволяло Российской империи закрепиться на нефтяных рынках как балканских стран, так Австро-Венгрии и Германии. В 1914-1915 гг. именно на судах и баржах русского дунайского пароходства, экспедицией особого назначения, возглавляемой М.М. Веселкиным, перевозились военные грузы для Сербии, что явилось важным фактором русско-сербского военного сотрудничества в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Черноморско-дунайское пароходство, Дунай, Сербия, Ю.Е. Гагарин-Стурдза, Александр Обренович, Н.В. Чарыков, А.И. Персиани, С.Ю. Витте

После 1878 г. молодое сербское государство стало объектом широкого соперничества великих держав, в том числе и России, за политическое влияние на Балканах. Анализ стратегических интересов России в регионе в контексте общих причин превращения Балкан в «пороховой погреб Европы» является предметом серьезного изучения как россий-

ских, так и зарубежных исследователей¹. Однако немалую роль в реализации глобальной политической стратегии играл экономический фактор. Проникновение Российской империи на рынки Сербии и других балканских стран стало важнейшей частью реализации ее глобальной политики в регионе.

Естественно, что осуществление этих замыслов было невозможно без развития российского судоходства по Дунаю. К тому же существенный рост добычи нефти в бакинском нефтяном районе и дальнейшее развитие переработки сырья привело в конце XIX века к значительному увеличению экспорта нефтепродуктов (особенно керосина) через черноморский порт Батуми. Таким образом планы по развитию русского дунайского судоходства оказались тесно увязаны с морским грузовым сообщением между Батуми, Одессой, Измаилом, что позволяло Российской империи закрепиться на нефтяных рынках не только балканских стран, но и Двуетидной монархии и Германии. В 1897 г. началось сооружение керосинопровода Баку – Батуми, окончательно завершенное в 1907 г. Именно поэтому конец XIX в. стал временем обращения серьезного внимания петербургских правящих кругов к судоходству по Дунаю, что стало особенно заметно после окончания войны с Турцией 1877-1878 г., когда Россия вернула утерянные по итогам Крымской войны порты в его устье – Рени и Измаил. «Дунай является удобным путем для проявления политических влияний. Такая роль этой международной реки осознается правительствами всех прилегающих к ней стран. Особенно важна она для России, при участии которой создались на Балканском полуострове целые государства и донныне поддерживается их политическое существование»², – говорилось в справке министерства финансов Российской империи об учреждении русского дунайского пароходства в 1902 г.

Однако проводимый после 1878 г. новый курс сербского князя Милана Обреновича не отвечал российским интересам. После приема в Вене в сентябре 1880 г. он окончательно перешел в своей внешней и внутренней политике на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Дунайской монархией, подвергнув сербский суверенитет серьезному сомнению. 24 апреля (6 мая) 1881 г. был подписан торговый договор с Австро-Венгрией, в окончательном тексте которого Вене было предоставлено право наибольшего благоприятствования

1 Приведем лишь некоторые работы: Виноградов (ред.) 2003; Виноградов 1964; Данченко 1996; Шемякин 1998; Войводић 1988; Митровић 2004; Jelavich 1964; Jelavich 1969.

2 АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 8395 Л. 94.

в торговле с Белградом без взаимности. Именно это условие стало причиной отставки либерального кабинета Й. Ристича. В июне этого же года Милан Обренович заключил с венским кабинетом политическую тайную конвенцию сроком на 10 лет, по которой Сербия отказывалась от своих притязаний на Боснию и Герцеговину и Новопазарский сан-джак. Вскоре была подписана и военная конвенция. В феврале 1882 г. при поддержке двуединой монархии сербский князь провозгласил себя королем. В 1882 г. заключено сербско-германское торговое соглашение. Принимая депутатов Скупщины в 1884 г., Милан произнес: «Было время, когда судьбу народа решало только оружие и только от его успеха зависел прогресс народа. Но политические успехи на этом пути поставили нас в положение, когда мы ведем борьбу с регрессом, борьбу с бездельем, борьбу с азиатскими пережитками»³. И в этой борьбе с регрессом для сербского монарха примером для подражания стала именно Австро-Венгрия. Для Петербурга возникла прямая угроза полного вытеснения с Балкан, тем более, что политическое положение России в регионе существенно осложнил болгарский кризис 1886 г., окончившийся избранием на престол в Софии ставленника Австро-Венгрии и Германии Фердинанда Саксен-Кобургского и полным разрывом отношений Петербурга со страной, за освобождение которой было пролито немало русской крови в ходе войны 1877-1878 гг.

Опасность окончательно потерять свой имидж покровительницы славянского мира, а вместе с ним и влияние на молодые балканские государства, усугублялась еще и тем, что после окончания войны 1877-1878 гг. российские правящие круги рассчитывали на важную с политической точки зрения экономическую экспансию в Сербию, прежде всего, получение там выгодных контрактов на железнодорожное строительство. Однако эти попытки потерпели неудачу. Концессия о строительстве первой сербской железной дороги была подписана 22 января (3 февраля) 1881 г. с фирмой «Юнион Женераль», главой которой был Эжен Бонту. 30% акций фирмы принадлежало австрийскому «Лендербанку». Однако его предприятие лопнуло в 1882 году, а основатель фирмы был предан в Париже суду. В 1882 г. это дело еще больше подлило масла в огонь политического кризиса в стране, поскольку всплыл факт крупного подкупа со стороны Бонту не только видных чиновников страны, но и самого сербского короля⁴.

3 Perović 1994: 237.

4 Данченко 1996: 46-48.

Таким образом, в 80-е гг. XIX в. Австро-Венгрия занимала около 90% сербского рынка, а товарооборот с Россией, несмотря на робкие попытки расширить торговые отношения между странами, фактически отсутствовал. Между тем, их развитие могло стать не только эффективным политическим противодействием проавстрийскому курсу Милана, но и существенным противовесом общей экспансии Вены в среднем и южном течении Дуная. Неслучайно в 1881 г. вступило в силу «Положение о срочном товаро-пассажирском пароходном сообщении между городами Одессой и Измаилом с заходом в Килию и Рени», а князь Ю.Е. Гагарин-Стурдза (1846-1905) принял на себя обязательство совершать эти рейсы посредством одного принадлежавшего ему парохода «Ольга». В 1886 году это предприятие было преобразовано в Акционерное Общество Черноморско-дунайского пароходства, просуществовавшее вплоть до 1 сентября 1903 года. В летнюю навигацию 1887 года в дунайских водах Сербии впервые причалил русский пароход «Сокол». «Восторженная встреча, оказанная в Радувце нашему пароходу, наглядно свидетельствует, насколько сербам желательно установление прочных торговых сношений с Россией», – отмечал секретарь императорской миссии в Белграде М.А. Поджио⁵.

Однако выдержать конкуренцию с более мощными австрийскими, венгерскими и румынскими пароходными компаниями это общество не могло. Так, например, к 1902 году австрийское пароходное общество имело около 800 барж при 156 пароходах. У венгерского пароходства было 246 барж при 43 пароходах. В составе румынского казенного пароходства, открытого в 1898 году, имелось 65 барж и 25 пароходов⁶.

В ноябре 1881 г. российский предприниматель сербофил А.Л. Мураневич составил заявление в Московский биржевой комитет о выгодности установления торговых контактов с Сербией, в котором в том числе отмечал: «В последнее время усилившееся политическое давление на Сербию со стороны Австрии еще более заставляет сербов быть чувствительными к этой исключительно австрийской эксплуатации их земли. Вследствие этого между сербами распространяется все больше и больше убеждение, что лишь торговая связь с Россией спасет их страну от полного порабощения Австрии. В Сербии предполагают составить целое общество, члены которого намерены покупать исключительно русские произведения, как только они явятся на сербском рынке, и в последнее время собирались подписи между влиятельными лицами-сербами для этой це-

5 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8897. Л. 32.

6 Там же. Д. 9031. Л. 55.

ли»⁷. В 1888 г. российское консульство в Галаце выдало сербским торговцам 165 именных свидетельств на вывоз русских товаров в Сербию, а в 1889 г. – 177 штук. Предметами их закупок были рыба, которой в 1888-1889 гг. они ввезли в страну 50.965 пудов, красная икра – 194 пуда, сельдь – 149 пудов и керосин – 12905 ящиков⁸. В свою очередь, по данным на 1884 год экспорт товаров из Сербии в Россию отсутствовал вообще, в то время как в Австро-Венгрию в этот же год было вывезено продукции на сумму 34.457.803 дин.; в 1891 году сербский экспорт в Двуетидную монархию составил 45.632.752 дин., а в Россию в тот же год было ввезено продукции на более чем скромную сумму 1.627 динар⁹.

То значение, которое русское правительство придавало расширению торговых связей с Сербией, было напрямую связано с происходящими в Белграде бурлениями политической жизни. «Новый курс» сербского короля Милана Обреновича вызвал в стране глубокий системный кризис. Тимокское восстание 1883 г., проигранная война с Болгарией 1885 г. привели в январе 1889 г. к его отречению от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра. Сам же он покинул страну. В обмен на это из средств русского Волжско-Камского банка ему была выплачена ссуда в 2 млн. франков. Генерал С. Груич сформировал правительство радикалов, перед которым, по словам исследователя О.В. Павлюченко, «стояла довольно сложная внешнеполитическая задача: с одной стороны, добиться улучшения отношений с Россией, а с другой - сохранить прежнее благосклонное отношение соперницы России на Балканах и покровительницы Обреновичей Австро-Венгрии»¹⁰. Тем не менее, приход к власти радикального кабинета не мог не вызвать конфронтацию с Веней, которая в июне 1890 г. под предлогом эпидемии запретила ввоз на свою территорию сербских свиней, составлявших основную часть экспорта страны. Правда действовал он недолго и уже в сентябре того же года был отменен¹¹.

7 Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Т.3. Общественно-политические и культурные связи 1878-1917. Москва-Белград, 2012. С. 128-129.

8 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8901. Л. 10.

9 Поповић 2022: 140.

10 Павлюченко 1987: 13.

11 К подобным мерам венский кабинет прибегал неоднократно. После свержения Обреновичей в 1903 г. Австро-Венгрия развязала таможенную или «свиную» войну, которая продолжалась с 1906 по 1911 год и закончилась фактическим поражением двуетидной монархии.

Активизации российской политики способствовало и то обстоятельство, что к 1893 г. истекал срок сербо-австрийского торгового договора, к тому же выход товаров российской промышленности, прежде всего текстильной, на сербский рынок мог стать, в противовес Вене, не только важным экономическим рычагом укрепления политических позиций в стране, но и дать динамично развивающейся российской легкой промышленности выгодные выходы на перспективные рынки молодых балканских государств. Именно здесь, в условиях слабой развитости местного потребительского рынка, российские товары могли составить достойную конкуренцию продукции, ввозимой как из Австрии, так и из других европейских государств. Таким образом, с отречением Милана от власти, создались благоприятные условия для оформления имевшего для России не столько экономические, сколько политические выгоды, торгового соглашения, тем более, что с февраля 1891 года правительство возглавил триумфально вернувшийся из эмиграции лидер Радикальной партии страны, убежденный русофил Н. Пашич. Он еще в 1890 году, будучи в Петербурге принятым императором Александром III, поставил вопрос о заключении сербо-русского торгового договора. Летом 1891 г. юный Александр Обренович в его сопровождении посетил российскую столицу, где сербской делегации был оказан весьма благожелательный прием, а сам Александр Обренович был награжден орденом Александра Невского. В Петербурге полагали, что с отъездом Милана ситуация в Сербии поменялась коренным образом: на престоле находился пусть несовершеннолетний, но законный монарх, а у власти в стране – преданные России «сербские патриоты» во главе с «мудрым Пашичем»¹². Тем более, что, пытаясь освободиться от австрийской зависимости, еще в 1889 г. сербское правительство взяло под свой контроль соляную и табачную монополию, а в том же 1891 году было основано сербское пароходное общество. К началу 1902 года оно имело в своем составе 42 баржи и 8 пароходов¹³.

1 (13) апреля 1893 г. несовершеннолетний Александр Обренович совершил государственный переворот, взяв власть в свои руки. Радикалы, после этого события ненадолго вернувшиеся во власть, поспешили подписать с Российской империей торговый договор о торговле и судоходстве, который был заключен в октябре 1893 г. От России подписи под ним поставили посланник Персиани и специальный русский представи-

12 Данченко 1996: 268-269.

13 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9031. Л. 55.

тель В.И. Тимирязев¹⁴, а от Сербии – министр торговли Р. Милошевич и министр иностранных дел А. Николич. В нем указывалось, что сербское правительство «удерживает за собой право ввести государственную монопольную продажу следующих предметов: петроля, папиросной бумаги, зажигательных спичек и спирта из зерна и патоки добываемого». Для экономических, а вместе с тем и политических интересов Петербурга особенно были важны 9 и 10 статьи договора, в которых указывалось, что русские и сербские суда «независимо от происхождения и назначения их груза, пользуются всеми преимуществами, дарованными судам наиболее благоприятствуемой страны и их грузам». Тогда же, помимо договора, в Белграде была подписана важная не только для российских, но для сербских экономических интересов «Декларация относительно установления прямой связи между русским и сербским обществами пароходства по Дунаю», предусматривающая перегрузку перевозимых ими грузов на железные дороги двух государств по льготному тарифу¹⁵. По настоянию Персиани на должность агента дунайского пароходства был назначен драгоман посольства Юркевич, по словам русского посланника «неоднократно заявившего умелым содействием развитию наших торговых связей с Сербией, ладя со всеми партиями, что политически важно»¹⁶. Приложение к договору устанавливало пониженные пошлины на ввоз в Сербию русских соленой рыбы, керосина и чая. Российское правительство в свою очередь ввело льготный тариф на ввоз сербского чернослива. В марте 1894 года по вопросу установления конкретного сотрудничества в Одессе состоялся съезд представителей русских и сербских железных дорог и пароходов. Российскую делегацию от имени черноморско-дунайского пароходства возглавил Ю.Е. Гагарин-Стурдза, владевший акциями сербского пароходства на 2000 рублей, а сербскую – известный политик Георгий Генчич, а также представитель управления сербских железных дорог Михаил Николич и Владимир Марович, представлявший правление сербского пароходного общества. В ходе совещания между сербским и черноморско-дунайским пароходствами и было подписано обоюдовыгодное соглашение об установлении прямого сообщения через Кладово.

14 Тимирязев Василий Иванович (1849-1919) – действительный тайный советник, вице-директор Департамента торговли и мануфактур, член Комиссии для пересмотра общего таможенного тарифа 1890 г., член Совета министра финансов (1894-1898), коммерческий агент министерства финансов.

15 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9031. Л. 169.

16 Там же. Л. 157.

Таким образом торговля с Россией, несмотря на все сложности политических отношений в конце XIX в., становилась важным элементом развития страны. К началу XX века товарооборот между странами существенно вырос. Посланник в Белграде Н.В. Чарыков указывал, что на русских и сербских пароходах к окончанию навигации 1901 года было перевезено: рыбы – 122.809 кг., минерального масла – 42.684 кг., чая – 560 кг., мануфактурных товаров – 407 кг., смазочных масел для ружей – 6.321 кг., книг – 228 кг., «и сверх того, последним экстренным рейсом – два вагона минерального масла и 14 ящиков чая. Вниз по Дунаю, в Россию было отправлено 2.800 кг. сливы. На март 1902 г. заявлено вниз по Дунаю 50.000 кг сахарной патоки и крупные партии мясных продуктов»¹⁷. Кроме того, к открытию навигации 1902 г. планировалось установление прямого сообщения «между всеми станциями сербских железных дорог и пристанями сербской, а следовательно русской пароходных линий»¹⁸, что позволяло доставлять сербские ячмень и кукурузу в том числе и на английские пароходы в порту Браилов. Таким образом, русско-сербский торговый договор, в противовес Вене, открывал Сербии двери на другие европейские рынки. Н.В. Чарыков сообщал: «Французский делегат в управлении сербских монополий высказал мне, что сербы поступают весьма разумно, открывая себе по Дунаю доступ к западно-европейским рынкам, так как благодаря этому может осуществиться подъем экономического положения Сербии, столь необходимый для оздоровления ее финансов»¹⁹. Кроме того, Российской империи удалось монополизировать экспорт в страну керосина. До 1884 г. он поставлялся из Америки на сумму, превышающую 1 миллион франков. Однако с 1885 г. ситуация меняется. К началу XX века русский керосин, поставляемый баржами по Дунаю, полностью вытеснил американский. Так, например, если в 1884 г. русского керосина в Сербию было ввезено всего на 30.000 франков, то в 1885 г. уже на 557.390 фр²⁰. В 1898 году в Белграде был возобновлен контракт на поставку как наливного керосина, так и в ящиках для нужд сербских правительственных монополий.

29 мая 1903 г. в Белграде произошел свергнувший династию Обреновичей кровавый военный переворот, а пришедшая к власти в стране новая династия Карагеоргиевичей, сделала, по словам А.Л. Шемакина, ставку на прочную привязку «маленького сербского плота к могучему

17 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9029. Л. 140.

18 Там же. Л. 140.

19 Там же.

20 Там же. Д. 8897. Л. 24.

русскому кораблю»²¹. В страну стал проникать крупный русский капитал, связанный с заинтересованностью Белграда в военных поставках из Российской империи. В этих условиях стратегическая роль русского судоходства по Дунаю существенно возростала. Эти столь явно обозначенные политические цели требовали, «чтобы русское пароходство на Дунае было поставлено в условия, отвечающие достоинству и значению русского имени в придунайских странах и обеспечивающие пароходству возможность конкуренции, а будущем и достижении преобладания над пароходствами других, преследующих свои политические виды на Дунае, держав»²². Исходя из этого российское правительство сочло нецелесообразным вложение в черноморско-дунайское пароходство новых инвестиций. Понимая необходимость и важность сохранения регулярного сообщения между портами Черного моря и Нижним Дунаем, Общество было выкуплено в казну, о чем 10 июня 1903 года было сделано соответствующее высочайшее повеление.

Русское дунайское пароходство находилось в ведении Министерства торговли и промышленности. Управление пароходством осуществлялось находящимся в Петербурге правлением, состоявшим из двух членов во главе с председателем адмиралом А.П. Кашерининовым, и из представителя государственного контроля без решающего голоса. В Одессе находился Управляющий пароходством, которым стал генерал-майор Н.В. Черкасов. Ему непосредственно подчинены Главная контора Пароходства в Одессе и все агентства. С 1 сентября 1903 года вновь учрежденное Дунайское пароходство открыло линии Одесса – Измаил, Одесса – Вилково, Одесса – Карабия, Карабия – Кладово, Рени – Кладово, Батум – Галац, с заходом в Ризе и Трапезунд. По контракту, заключенному с сербской правительственной монополией, Общество доставляло из Батума ежегодно 300.000 пудов керосина, для чего было приобретено 12 наливных барж общей вместимостью около 200.000 пудов керосина и построено три наливных станции – в Рени, Систове и Кладове.

Кроме того, суда пароходства доставляли в Сербию и военные грузы, в том числе и транзитные, значение которых существенно выросло в период Балканских войн 1912-1913 гг. Так, например, в ноябре 1912 г. в Сербию из Великобритании через Дунай было доставлено 4 радиотелеграфных аппарата, в декабре того же года российское правительство одобрило беспошлинный транзит через Одессу и Рени купленных

21 Шемякин 1997: 156-157.

22 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9031. Л. 10. (Справка министерства финансов от 15 марта 1902 г.)

в Германии и Франции «четырёх вагонов автомобилей, фургонов и аэропланов»²³. Первая мировая война показала важность русского экономического присутствия в дунайском регионе и использования сербских речных портов в военных интересах России и ее союзников. В течение 1914-1915 гг. кораблями пароходства происходила переброска оружия и военных материалов в воюющую Сербию, а доставку и оплату сербских военных заказов осуществляло его представительство в Одессе.

Отметим, что российская дипломатия не всегда правильно использовала свои возможности для укрепления влияния в стране. В конце XIX – начале XX века, в период бурного развития в мире индустриального общества, капиталистической модернизации и этики индивидуализма, архаические «единоверие» и «единоплеменность» как традиционные факторы русского влияния в регионе были уже недостаточны. Петербургскому кабинету, чтобы сохранить статус покровителя славянского мира, приходилось искать новые, соответствующие реалиям времени политические рычаги воздействия на формирующиеся элиты не только Сербии, но и других молодых балканских стран. И экономический элемент играл в них не самую последнюю роль. Однако, несмотря на подписанный в 1893 году торговый договор, Российской империи не удалось получить абсолютное преобладание на сербском рынке, к тому же деятельность дунайского пароходства в силу как объективных, так и субъективных обстоятельств была убыточна. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что данный фактор, являясь важной составной частью балканской политики России конца XIX – начала XX в., требует своего специального исследования.

Литература

1. Виноградов (ред.) 2003 – В «пороховом погребе Европы» 1878-1914 / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2003. 536 с.
2. Виноградов 1964 – *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908-1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964. 160 с.
3. Војводић 1988 – *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988. 495 с.
4. Данченко 1996 – *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878-1903. М., 1996. 422 с.
5. Денда 2022 – *Денда Д.* Дунай как важная коммуникационная артерия и стратегическая преграда для Сербии и Югославии в первой половине XX в. // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 57–79.

23 Там же. Д. 8935. См. также: Денда 2022.

6. Митровић 2004 – *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 2004: Стубови културе, 2004. 603 с.
7. Jelavich 1964 – *Jelavich B.* A century of Russian foreign policy 1814-1914. Philadelphia: Lippincott, 1964: 308 p.
8. Jelavich 1969 – *Jelavich B.* The Habsburgs Empire in European affairs, 1814-1918. Chicago: McNally, 1969. 190 p.
9. Павлюченко 1987 – *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия: 1888-1903 (дипломатические отношения, общественные связи). Киев, 1987. 129 с.
10. Поповић 2022 – *Поповић Н.* Трговина између Србије и Русије (19 век) // Руски добровољци у Србији. Тематски зборник радова. Београд: Руски научни институт; Центар за руске и источноевропске студије М. Јовановић Филозофског факултета Универзитета у Београду; Институт славјановедения РАН, 2022. С. 131-167.
11. Perović 1994 – *Perović L.* Politička elita i modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti Srpske države // Srbija u modernizacijskim procesima XX veka. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 1994. S. 235-245.
12. Шемякин 1997 – *Шемякин А.Л.* Сербская национальная идея в 1878-1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Индрик, 1997. С. 132-185.
13. Шемякин 1998 – *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891). М.: Индрик, 1998. 448 с.

References

1. Vinogradov, V.N., ed., 2003. *V «porohovom pogrebe Evropu» 1878-1914.* [In the “powder keg of Europe” 1878-1914] Moscow, 2003. 536 s. (In Rus.)
2. Vinogradov, K.B., 1964. *Bosnijskij krizis 1908-1909 gg. Prolog Pervoj mirovoj vojny.* [Bosnian crisis 1908-1909. Prologue of the First World War] Leningrad, 160 p. (In Rus.)
3. Vojvodić, M., 1988. *Srbija u međunarodnim odnosima krajem XIX i početkom XX veka.* [Serbia in international relations at the end of the 19th and the beginning of the 20th century] Belgrade, 495 p. (In Serb.)
4. Danchenko, S.I., 1996. *Razvitie serbskoj gosudarstvennosti i Rossiya. 1878-1903.* [Development of Serbian statehood and Russia. 1878-1903.] Moscow, 422 p. (In Rus.)
5. Denda, D., 2022. Dunaj kak vazhnaya kommunikacionnaya arteriya i strategicheskaya pregrada dlya Serbii i Yugoslavii v pervoj polovine HKH v. [The Danube as an important communication artery and strategic barrier for Serbia and Yugoslavia in the first half of the twentieth century] *Central'noevropejskie issledovaniya*, 5(14), pp. 57–79. (In Rus.)
6. Mitrović, A., 2004. *Srbija u Prvom svetskom ratu.* [Serbia in the First World War] Beograd: Stubovi kulture, 603 p. (In Serb.)

7. Jelavich, B., 1964. *A century of Russian foreign policy 1814-1914*. Philadelphia: Lippincott, 308 p.
8. Jelavich, B., 1969. *The Habsburgs Empire in European affairs, 1814-1918*. Chicago: McNally, 190 p.
9. Pavlyuchenko, O.V., 1987. Rossiya i Serbiya: 1888-1903 (diplomatičeskie otnosheniya, obshchestvennye svyazi). [Russia and Serbia: 1888-1903 (diplomatic relations, public relations)] Kiev, 129 p. (In Rus.)
10. Popović, N., 2022. Trgovina između Srbije i Rusije (19 vek). [Trade between Serbia and Russia (19th century)] In: *Ruski dobrovoljci u Srbiji. Tematski zbornik radova*. Belgrade: Ruski naučni institut; Centar za ruske i istočnoevropske studije M. Jovanović Filozofskog fakulteta Univerziteta u Beogradu: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 131-167. (In Serb.)
11. Perović, L., 1994. Politička elita i modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti Srpske države. In: *Srbija u modernizacijskim procesima XX veka*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, pp. 235-245.
12. Shemyakin, A.L., 1997. Serbskaya nacional'naya ideya v 1878-1903 gg. Vremya razocharovaniya i osmysleniya. [Serbian national idea in 1878-1903. A time of disappointment and reflection] In: *Na putyah k Jugoslavii: za i protiv. Oчерki istorii nacional'nyh ideologij yugoslavjanskih narodov. Konec XVIII – nachalo XX vv.* [On the road to Yugoslavia: pros and cons. Essays on the history of national ideologies of the Yugoslav peoples. Late XVIII – early XX centuries] Moscow: Indrik, pp. 132-185. (In Rus.)
13. Shemyakin, A.L., 1998. *Ideologiya Nikoly Pašicha. Formirovanie i evolyuciya (1868-1891)*. [The ideology of Nikola Pašić. Formation and evolution (1868-1891).] Moscow: Indrik, 448 p. (In Rus.)

Yaroslav V. Vishnyakov

D.Sc. (History),

Professor of the Department of World and National History

MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia.

vishnyakov@yandex.ru

The Danube strategy of St. Petersburg and Russian-Serbian economic relations in the late 19th and early 20th centuries

The article, based on documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, for the first time introduced into scientific circulation, reveals the plans of the Russian Empire for economic penetration into the markets of Serbia and other Balkan countries during the late 19th and early 20th centuries. A decisive factor in the economic strategy of the St. Petersburg ruling circles in relation to the Balkan region were the activities of the Russian Danube shipping company, which was assigned not only a commercial, but also a political role, as this strengthened Russian influence in the Balkan countries, primarily in Serbia. In addition, the development of navigation along the Danube in the late 19th and early 20th centuries allowed the Russian Empire to gain a foothold in the oil markets of both the Balkan countries and Austria-Hungary and Germany. From 1914–1915, during a special-purpose expedition headed by M.M. Veselkin, military cargo was transported to Serbia, namely on the ships and barges of the Russian Danube Shipping Company, which was an important factor of Russian-Serbian military cooperation during the First World War.

Keywords: Black Sea-Danube Shipping Company, Danube, Serbia, Yu.E. Gagarin-Sturdza, Alexander Obrenovich, N.V. Charykov, A.I. Persiani, S.Yu. Witte

Никита Сергеевич Гусев

Кандидат исторических наук, ученый секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32 А.
gusevns@gmail.com

Русские добровольцы в Болгарии во время Балканских войн 1912–1913 гг.: основные категории, особенности поведения и восприятия современниками

В 1912 г. Болгария, Сербия, Греция и Черногория выступили против Османской империи, что всколыхнуло русское общество, которое захлестнули симпатии к южным славянам. Одним из выражений этого стала отправка русских добровольцев на Балканы и в Болгарию, в частности. Среди них были кадровые офицеры, в большинстве своем младших чинов, большинство из них затем были удостоены государственных наград. Присутствовал отряд летчиков, чьи отношения с коллегами складывались сложно, а один из них угодил в плен. Больше всего, естественно было гражданских лиц разнообразных профессий, в том числе и откровенные авантюристы, и гимназисты. Несмотря на свою небольшую численность, русские добровольцы запомнились современникам своим героическим поведением, а на самих болгар производили воодушевляющее впечатление. В статье на основании документов из российских (ГАРФ, РГВИА) и болгарских (ЦДА) архивов, мемуаров современников и публикаций в прессе делается попытка в общих чертах обрисовать особенности русского добровольческого движения в Болгарии во время Балканских войн, приводятся сведения о поведении русских добровольцев, проявленной ими храбрости, а также редкие случаи нечистоплотного их поведения.

Ключевые слова: Балканские войны, Россия, Болгария, добровольцы

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01062, <https://rscf.ru/project/23-28-01062/>

Осенью 1912 г. связанные союзными договоренностями Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Османской империи с целью окончательного освобождения православных народов Балкан. В России данные события были встречены с большим воодушевлением.

Такая реакция была обусловлена восприятием Первой балканской войны в том числе и как завершения русского дела по освобождению единоверцев от власти турок. Газеты увеличили тиражи и завели специальные разделы о событиях на Балканы, по стране читались публичные лекции о происходящем и происходил сбор пожертвований. Проводы южных славян, направлявшихся на родину, превращались в массовые мероприятия, под впечатлением одного из них и был написан знаменитый марш «Прощание славянки»¹. Нашлись и среди российских подданных желавшие встать под знамена славян². В первую очередь они стремились в Болгарию, которой при описании событий уделялось больше всего внимания. Это было обусловлено не только тем, что ее армия являлась сильнейшей в союзе, но и тем, что на ее плечи ложилась задача по наступлению на главном театре военных действий – во Фракии в направлении Константинополя.

Вопрос численности русских добровольцев является трудноразрешимым в силу источниковой базы. Документы болгарского военно-исторического архива в Велико-Тырнове являются труднодоступными, но, видимо, выявление русских добровольцев представляет собой крайне сложную и трудоемкую задачу. Судя по переданным в ГАРФ микрофильмированным копиям, сами болгарские архивисты не сумели перебрать весь массив приказов о принятии на службу или отчислении с нее, поскольку количество документов и упоминаемых в них лиц значительно меньше, чем число доподлинно известных русских добровольцев. Это, как представляется, связано с тем, что нередко в документах о приеме на службу подданство не указывалось, а близость русских и болгарских фамилий делает невозможной построение прочных гипотез о происхождении воинов. К тому же часто в них указаны звания и фамилия, что в случае распространенных фамилий делает нереалистичной попытку проследить жизненный путь волонтера. Вдобавок, по фотографиям известно, что в болгарской армии служили и добровольцы-казаки, информация о которых не отразилась в доступных документах. В то же время, дополнить список позволяют мемуары современников, публикации в прессах, донесения русского военного агента в Софии, а также документы болгарского посольства, занимавшегося передачей наград русским добровольцам, уехавшим в России до окончания боевых действий.

1 Гусев 2020: 89–124.

2 Отметим, что Россия официально в тех событиях занимала позицию нейтралитета, потому нередкими были случаи и добровольцев-мусульман, отправившихся сражаться под знаменами султана. См.: Гусев 2018: 564–565.

Дискуссионным является вопрос, кем считать болгар, состоявших на русской службе, на время войны отправившихся на родину, но затем вернувшихся. Таких как минимум четверо – В.С. Стоянов-Горанчев, В.С. Везенков, И.Д. Чинтулов и Й.Г. Пехливанов, но, поскольку, они являлись действующими русскими офицерами, то мы в своей статистике их учитывать будем. Хотя, отметим, побудительные мотивы их поездки явно отличались от их коллег.

Добровольческое движение в отличие, например, даже от медицинской помощи России почти не изучено. В болгарской историографии оно затрагивалось в рамках описания всех иностранных добровольцев Г. Гинчевым³, М. Петковой совместно с М. Геновской⁴, как часть русской помощи Болгарии – Б. Куюмджиевым⁵, Г. Гинчевым⁶, М. Петковой⁷, Е. Королевой совместно с М. Черкезовой-Савовой⁸, а также советскими историками В. Жебокрицким и И. Кулиничем⁹. Как правило, публикации на данную тему вышли к 50 и 70-летию Балканских войн, таким образом, писались к случаю, и ни в одной из них русское добровольческое движение не ставилось во главу угла. В итоге указанным работам свойственна ограниченность задействованных источников – прежде всего они опирались на болгарские опубликованные материалы, вдобавок им присуща большая невнимательность – многие фамилии искажены, а в добровольцы записаны и военные корреспонденты. В отечественной историографии данный же вопрос не был изучен вовсе, и настоящая работа имеет своей целью хотя бы частично восполнить данную лакуну.

Уже за несколько недель до объявления войны в болгарское консульство в Одессе стали прибывать первые желающие поехать сражаться с турками. Софийские власти рекомендовали своим одесским представителям направлять волонтеров в Македонско-Одринское ополчение¹⁰ – подразделение болгарской армии, сформированное именно по добровольческому принципу, в котором служили болгары, живущие за границей, а также иностранцы. А 2 октября, буквально накануне боевых действий, болгарский военный агент в Петербурге С. Паприков направил в

3 Гинчев 1982.

4 Петкова, Геновска 1962.

5 Куюмджиев 1968.

6 Гинчев 1962.

7 Петкова 1963.

8 Королева, Черкезова-Савова 1983.

9 Жебокрицки, Кулинич 1962.

10 Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 176К. Оп. 2. А.е. 1215. Л. 1, 4, 10.

Софию шифровку, в которой представил свое видение ситуации с русскими, желающими биться против турок: «Добровольцев из разных мест России будет много. Разные люди предложат разные условия. Большая часть добровольцев придет с различными мотивами, не всегда бескорыстными. Многие из них будут просить денег на дорогу до Софии. Если дать на транспортные расходы, то нет гарантии, что все, получившие деньги, доедут. Запись, сборы и отправка займет много времени. Может быть, добровольцы успеют прибыть только тогда, когда нужды в них не будет. В Болгарии будет трудно удовлетворить все запросы добровольцев и конечные результаты будут как в Сербии в 1876 г.». Как считал Паприков, из-за этого недовольства по возвращению в Россию волонтеры могут представить болгар в негативном свете, а потому лучше ограничиться приемом офицеров и унтер-офицеров¹¹.

В самой Болгарии в это время известия о русских добровольцах носили полуфантастический характер. «Никогда не наблюдался такой прилив желающих идти добровольцами на защиту славянства, как сейчас. Интересно, что поднялись Донская, Кубанская, Терская и даже Уральская области. Казаки группами являются к своему начальству, желая подать прошение идти добровольцами против Турции», – писала газета «Утро»¹². 29 сентября газета «Дневник» сообщала о трех тысячах, записавшихся в Москве¹³, через 4 дня Болгарское телеграфное агентство – уже о пяти тысячах¹⁴. 22 сентября, когда «Мир» сообщал о «тысячах русских, предлагающих свои услуги как добровольцы»¹⁵, газета «Вечерна пошта» удивила свет сенсационной новостью: генерал русской армии, болгарин по происхождению А.Ф. Бендерев «во главе отряда добровольцев из Бессарабии количеством 10 000 человек, полностью вооруженных и одетых, прибудет в распоряжение военного министерства»¹⁶. Помимо этого фантазия доходила до выдумывания заявлений и газетных статей. Офицюз «Мир» приписывал заместителю председателя Славянского благотворительного общества А.А. Башмакову слова о том, что три генерала русской действительной службы уже подали прошение отправиться

11 Там же. Л. 12.

12 Петкова, Геновска 1962: 61.

13 Дневник. 1912. 29 IX.

14 *Дървингов П.* Балканската война както е била виждана, когато са се развивали самите събития. По осведомленията на Българската Телеграфна Агенция. София: Военно-издателски фонд, 1941. С. 211.

15 Мир. 1912. 22 IX.

16 Вечерна поща. 1912. 22 IX.

на театр военных действий¹⁷, а российские газеты якобы писали, «что в Петербурге записалось 22 000 добровольцев, среди которых несколько сотен офицеров, полковников и более высоких чинов»¹⁸.

В действительности, конечно, такого размаха добровольческое движения не имело. По подсчетам болгарских историков всего, различных национальностей и подданства, в болгарской армии их было 1185¹⁹.

Среди русских добровольцев было немало кадровых военных, в большинстве своем нижних офицерских чинов. Из 42 добровольцев, чье звание известно, 13 имели звания поручиков²⁰, 7 – подпоручиков или равных по чину корнетов или хорунжих²¹, 6 – штабс-капитанов, штабс-ротмистров и подьесаулов²², 4 прапорщика²³. При этом довольно удивительно, что было четыре подполковника²⁴. Многие являлись кавалеристами, но через месяц война приобрела позиционный характер, и болгарской кавалерии практически не приходилось участвовать в сражениях. Из-за этого, как указывал современник, русские «тяготились бездействием и завидовали товарищам, зачисленным в пехоту и артиллерию», подавали рапорты о переходе в пехотные части²⁵.

Судя по сохранившимся послужным спискам, большинство из кадровых военных уже находились в запасе, нередко они уходили с действительной службы незадолго до Балканских войн, часто они являлись участниками русско-японской войны, и почти все сражались на полях Первой мировой. Многие там заслужили ордена, некоторые обрели геройскую гибель, как, например, Е.С. Дрон и К.Н. Батюшков. А кто-то, как Н.В. Шинкаренко, прошел и Первую мировую, и Гражданскую войны, но не утратил тяги к ратному делу и принял участие и в гражданской войне в Испании.

17 Мир. 1912. 5 X.

18 Там же. 17 X.

19 Гинчев 1982: 141.

20 Апухтин В.Р., Брандт Ф.Ф., Голубов Н.М., Двойченко В.А., Доморадский Ф.И., Екавянц М.Н., Захарьин И.Е., Кронгельм В., Мгебров А.А., Немилов Н.Н., Парфененко А., Римский-Корсаков А.Е., Шинкаренко Н.В.

21 Воеводский С.Н., Волощенко П.Г., Дрон Е.С., Иончев И.Д., Карашук Н.В., Карпенко Н.А., Касперович П.Н.

22 Ворошин М.А., Греков П.М., Полковников Г.П., Путилов А.П., Самосеев Н.К., Схоль-Энгбертс Я.Л.

23 Занковский В.Д., Жамгоцов Я.И., Нежинцов Г.И., Ржевский Б.

24 Комаровский Г.К., Пеленберг В.К., Стоянов-Горанчев В.С., Фусс Д.В.

25 Назльмов А. Материали за историята на войната 1912–1913 година. Действията на кавалерийската дивизия. Лични Спомени. Ч.1. София: Искра, 1913. С. 200.

Сложно увидеть систему и в том, почему состоящие на службе офицеры ехали добровольцами. Иногда, видимо, решение об этом принимали спонтанно и «за компанию». Например, из 45-й артиллерийской бригады, расквартированной в Пензе, как минимум три офицера (В.С. Стоянов-Горанчев, Н.К. Самосеев и Е.С. Дрон) отправились в Болгарию²⁶, при этом первый из названных был старшим по званию и по возрасту и болгарин по происхождению. Также отметим, что в послужных списках действующих офицеров почти нет упоминаний об их поездках в Болгарию или хотя бы о предоставлении отпусков. Редкое исключение – выпускник Николаевской академии Генштаба и будущий главнокомандующий Петроградским военным округом в сентябре–октябре 1917 года Г.П. Полковников. Во время своего пребывания в Болгарии с 6 октября 1912 г. по 11 февраля 1913 г. он находился в отпуске с сохранением содержания²⁷. Сеем предположить, что в таких случаях молодых офицеров направляли скорее для приобретения опыта или с разведывательными целями, поскольку их численность не могла внести серьезного вклада в победы Болгарии, где на пике армия приблизилась по численности к 600 000 человек.

Военное руководство России испытывало большой интерес к событиям на Балканах с точки зрения изучения современных методов войны. Об этом свидетельствует и то, что среди корреспондентов были военные, находившиеся на действительной службе. Для газеты «Утро России» освещал события штабс-капитан Н.П. Мамонтов, окончивший курсы восточных языков при Генеральном штабе, бывавший в Турции и на Балканах ранее, со службы он уволился лишь осенью 1913 г.²⁸ Другой офицер, полковник В.Н. фон Дрейер, разрешение отправиться на войну корреспондентом «Нового времени» получил лично у военного министра В.А. Сухомлинова²⁹. Вдобавок добровольцы И.Д. Чинтулов³⁰ и В.С. Везенков³¹ опубликовали свои воспоминания об участии в войне в «Военном журнале», в рукописи остался аналогичный текст Н.К. Самосеева³². Вышел и ряд печатных работ военных аналитиков, опиравшихся на све-

26 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 35188. Л. 91о6–92.

27 РГВИА. Ф. 409. п/с 139–578.

28 Гусев 2020: 32–33.

29 Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид: [Б.и.], 1965. С. 126.

30 Чинтулов И. Воспоминания добровольца // Военный сборник. 1913. № 5–9.

31 Везенков В. Энвер-бей под Шаркиоем // Военный сборник. 1914. № 6–7.

32 Об этом: Гусев 2019.

дения в прессе³³. Таким образом, запрос на знакомство с современными реалиями масштабных боевых действий был наличо.

В отдельную категорию добровольцев можно выделить летчиков. Балканские войны являются важной вехой на заре военной авиации. Собственных специалистов-летчиков Болгарии не хватало, в связи с этим были привлечены иностранцы, которым обещалось щедрое жалование. Прибыл и отряд из России, зарекомендовавший себя лучше других иностранцев. Во главе его стоял создатель первого в России авиационного завода С.С. Щетинин, в составе были прославленные летчики. Об этой категории добровольцев в силу их специфичности известно более всего, в том числе и опубликованы довольно подробные статьи³⁴.

Один из них, Н.Д. Костин, участник первого перелета Москва–Петербург, – единственный известный русский доброволец, попавший в турецкий плен. При выполнении задания по перевозке своим ходом самолета с одного аэродрома на другой он заблудился и сел в турецком тылу, после чего был пленен. В отчете о своей ошибке доброволец объяснял это тем, что ветер расшатал части двигателя, снес летательное средство в сторону и другого выхода не оставалось³⁵. Его болгарский сослуживец Р. Милков описывал инцидент иначе. После предполетной проверки самолета летчика долго не могли найти. Оказался же он в корчме в с. Чермен, где успел выпить четыре стакана коньяка. После этого авиатор отправился в полет и заблудился. «Честно говоря, с четырьмя стаканами коньяка в желудке и я бы заблудился», – «оправдывает» Костина Милков³⁶.

33 *Дорошкевич А.* Война на Балканском полуострове (От открытия военных действий до перемирия). СПб., 1913; *Желтышев, Родендорф, Шевченко.* Очерки войны Балканского союза с Турцией. Варшава, 1913; *Махров П.* Балканская война 1912–13 года (общий очерк от начала войны до перерыва мирных переговоров с 10-ю схемами). Севастополь, 1913.

34 Русские авиаторы на Балканской войне 1912–1913 гг. // Авиамузей. URL: <http://xn--80aafy5bs.xn--p1ai/aviamuseum/aviatsiya/nachalo-aviastroeniya-v-rossijskoj-imperii-2/russkie-aviatory-na-balkanskoj-vojne/> (дата обращения: 23.11.2023).

35 Петкова, Геновска 1962: 64.

36 *Милков Р.* Из страниците на Българската авиация. София: Военно издателство, 2003. С. 78. После своего освобождения из плена Костин рассказал коллегам о своих злоключениях. После посадки он «был сильно удивлен встречей с турками», отдан под суд как шпион. Но, к счастью, одним из судей являлся генерал, во время Крымской войны молодой поручиком оказавшийся в русском плену, где встретил хорошее обращение. Желая отблагодарить Россию через конкретное ее подданного, он указал на наличие у Костина добровольческого договора, что сразу переводило летчика из разряда шпионов в военнопленные и спасало от смертной казни (Там же. С. 83).

Ученик Костина авиатор С. Черкезов спустя более полувека вспоминал теплые и хорошие отношения болгарских и русских летчиков: «Вечерами допоздна пели русские и болгарские песни, обсуждали комментарии наших и иностранных газет к участию болгарской авиации в войне»³⁷. Сам Черкезов был тесно связан с Россией – он учился авиационной школе Всероссийского императорского аэроклуба в Гатчине, а во время Первой мировой войны поступил добровольцем в русскую армию, после же 1917 г. поддержал большевиков, но вскоре вернулся на родину³⁸. По этой причине есть основания для того, чтобы усомниться в этой пасторали.

В действительности, отношения прибывших с болгарскими коллегами были не безоблачны. Корреспондент Н.П. Мамонтов писал, что болгарские летчики из профессиональной конкуренции не давали русским достаточно практики, что привело к их оттоку. «Русский летчик Покровский, офицер запаса» жаловался ему: «болгары словно умышленно затрудняли работу русских летчиков, препятствуя их полетам и назначая для них туманные и бурные дни, ничего не было подготовлено: бомбы не взрывались, запасных частей для двигателей не было, во главе авиационного дела стоял совершенно незнакомый с авиацией военный инженер»³⁹. Примечательно, что летчик Милков вспоминал о скандале с русским добровольцем девятнадцатилетним казаком Покровским, но, по всей видимости, это был лишь однофамилец собеседника журналиста⁴⁰. Юноша готовился к сбросу бомб на Адрианополь и тренировался на земле. Занимаясь этим, он едва не пострадал, и, если бы не окрик товарищей, то снаряд бы взорвался у него в руках. Болгарский поручик Попкрыстов и английский авиатор Хедлей сказали Покровскому, что итальянец Сабели говорил после этого о нем «плохие вещи и назвал трусом». Тот, недолго думая, вызвал Сабели на дуэль, закончившуюся выяснением истины. После этого Покровский со своей «красивой казачьей шашкой с серебряным эфесом и серебряными украшениями черных ножен» ушел служить в кавалерию⁴¹.

37 Черкезов С. Пратеник на Ленин. София: Държавно военно издателство, 1967. С. 27.

38 Там же. С. 30.

39 Мамонтов Н.П. С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1913. С. 81.

40 Велик соблазн связать этого Покровского со знаменитым участником Белого движения В.Л. Покровским, казаком по происхождению и имевшим летное образование, однако он был старше, и в его биографии не упоминается поездка на Балканы.

41 Милков Р. Из страниците. С. 51.

Впрочем, болгары признавали профессионализм русских летчиков и их храбрость, которой не хватало другим иностранным авиаторам⁴². Тот же Милков вспоминал: «Все же русские летчики видели боевые линии, в то время как другие иностранцы не садились в самолеты, не сделали и круга»⁴³. По другим сведениям, иностранцы либо требовали за выполнение заданий серьезные деньги, либо опасались летать на столь ненадежной технике под вражескими пулями⁴⁴. Потому неудивительно, что во время визита в Петербург весной 1913 г. генерал Р. Дмитриев сказал российскому военачальнику и общественному деятелю А.В. Каульбарсу: «Низко вам кланяемся и благодарим за все, что вы сделали для нашей молодой авиации. Успехи превзошли все ожидания»⁴⁵.

Приезжали в Болгарию и гражданские лица. Самым знаменитым, по курсировавшим в Петербурге слухам, мог стать лидер октябристов А.И. Гучков в случае, если война затянется⁴⁶. Но, то ли виной окончание активной фазы боевых действий к декабрю 1912 г., то ли еще что-то, но политик ограничился лишь ролью представителя Красного Креста во время своего визита на Балканы.

В итоге столь знаменитых персонажей среди добровольцев не было, а сами они представляли довольно пеструю картину. Выпускник одесского музыкального училища Г.А. Сухоруков в разное время являлся командиром музыкальной команды двух дружин (батальонов) Македонско-Одринского ополчения⁴⁷. Корреспондент «Биржевых Ведомостей» Т. Ольгенин в Лозенграде (ныне – Кыркларели) встретил группу русских добровольцев. Там был и кавказец в бурке, «и молодой парень, сын петербургского торговца, отправленный в парижский политехникум, а оказавшийся на боевом поле, и какой-то граф»⁴⁸. Мамонтов застал разношерстную компанию – студент из Парижа, избалованный маменькин сынок с безукоризненным пробором и полированными ногтями, какой-то солидной внешности оперный артист из Милана, отставной моряк средних лет»⁴⁹. Корреспондент Н.И. Гасфельд на румынско-болгарской грани-

42 Черкезов С. Пратеник. С. 26.

43 Милков Р. Из страниците. С. 65.

44 Иванов 1963: 76.

45 Горанов 1995: 52.

46 Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1997. С. 410.

47 Македонско-Одринско опълчение (1912–1913 г.). Личен състав. В.Търново: ГУАМС, 2006. С. 684; Милков Р. Из страниците. С. 54.

48 Цит. по: Вечерна поща. 1912. 11 XII.

49 Мамонтов Н.П. С болгарскими. С. 135–136.

це наблюдал, как группа «молодых людей без определенных профессий» слушала юношу 25 лет, «убого одетого, но интеллигентной внешности». Вся его биография была большой авантюрой. Провалив выпускные экзамены, боясь гнева отца, «купца старого закала», он бежал. В Иркутске «нашел какие-то письменные занятия», думал о покаянии и возвращении, но завел роман с французенкой, «бонной в семье одного генерала». Она от него понесла, после чего ей отказали в месте, и они вдвоем перебрались в Париж. Сын купца не знал языка, не имел денег, ночевал в Булонском лесу, в конце концов устроился обслугой в кабак на Монмартре. Но затем пыл любви между ним и его суженой пропал, и молодой человек отправился в Алжир в Иностраннный легион. Но и там его мятежной душе не было покоя. Нагрубив капралу, тот сбежал после наказания во Францию. В Марселе над ним сжалился капитан русского судна и забрал в Одессу. «Теперь с 10 рублями в кармане и узелком старого белья он отправляется на Балканы предложить свои услуги болгарской армии»⁵⁰.

Желали сражаться с турками и юные сорвиголовы⁵¹. Корреспондент «Русской мысли» Вас.И. Немирович-Данченко встретил пятнадцатилетнего кавалериста, бросившего гимназию в Киеве. По словам журналиста, «бедняга не боялся турок нисколько, обламывал ночные походы, спал под огнем, голодал по неделям, ходил в бой как на праздник – а тут чуть в петлю не полез из страха, как он предстанет пред грозные очи <...> директора». Юный герой попытался покончить жизнь самоубийством отравившись опиумом, но был вовремя спасен⁵². В поезде из Софии до Старой Загоры сотрудник газеты «Новое время» А.А. Пиленко встретил «молодого человека, очевидно, удравшего из родительского дома». У него были при себе лишь ранец и фляга, на вопрос о содержимом которой он ответил: «У меня тут масло мазать ружье»⁵³. Двух пятнадцатилетних гим-

50 Шевалье Н. (Н. Г-д). Правда о войне на Балканах. СПб.: [Б.и.], 1913. С. 16–18.

51 Пытались попасть на Балканы и совсем дети, но, что и к лучшему, безуспешно. В декабре 1912 года из Петербурга Павел Вражебский двенадцати и его двоюродный брат Анатолий Перлман шести лет двинулись по железной дороге помогать братьям-славянам. С собой они имели 38 копеек, большой гвоздь в качестве кинжала и старый пистолет без курка. Но прошли они всего 4 версты и в ином направлении, замерзли, и спрятались в будке смотрителя, где были найдены. Когда их спросили, почему они не направились сразу на Балканы, младший ответил воинственно: «Наша кормилица живет на станции Вруда, мы с Павлом пошли с ней проститься, потому что нас могут убить на войне» (Петкова 1963: 121).

52 Немирович-Данченко Вас.И. Собрание сочинений. Т. XV. СПб.: Самообразование, 1913. С. 184–190.

53 Пиленко А.А. Около Болгарской войны: Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб.: Новое время, 1913. С. 14.

нацистов встретил журналист М.А. Осоргин – Георгия Левис-оф-Менара, сына подполковника Бессарабского полка и ученика Киевской гимназии, и Николая Антонова, гимназиста из Тифлиса. Первый, «юноша не без рисовки», продал учебники, чтобы найти деньги на дорогу, и на полученные 12 рублей добрался до Софии, где работал в госпитале. Однако затем отправился в македонское ополчение под Сливнице, где, впрочем, тяжелые бытовые условия его не устроили, и он вернулся в столицу. «Вообще могу сказать, что таких переживаний у меня не было за всю жизнь», – закончил свой рассказ юноша, и Осоргин отметил: «Это было сказано таким серьезным тоном пожившего человека и такими детскими губами, лишенными всякого пуха, что вся наша компания покатила от хохота». Путь второго был сплошным приключением, включавшим незаконный переход российско-румынской границы и тюрьму в Бухаресте. Оба ехали в отряде вместе с другими русскими добровольцами, Б. Ржевским и А. Парфененко, потому Осоргин надеялся, что старшие товарищи станут «гувернерами своих будущих соратников»⁵⁴.

Как видим, русские добровольцы в Болгарии представляли собой крайне пеструю картину. Но общий их уровень наблюдатели оценивали высоко. «90 процентов добровольцев – люди интеллигентные, из простого люда добровольцев почти не видел», – свидетельствовал Ольгенин. Приехавших сражаться, по его мнению, объединяли не просто славянские чувства: «Не надо думать, что болгарская война привлекла только русских националистов и патриотов, их тут меньше всего, а все наоборот, среди добровольцев встречаются русские поляки, русские евреи, даже русские эмигранты». Однако он признавал: «К сожалению, надо признать, что война привлекла сюда и нежелательные элементы, авантюристов, уволенных офицеров и т.д.»⁵⁵. Подобным образом характеризовал добровольцев агент московского охранного отделения «Лиза», считавший, что «едут добровольцами с совсем иными целями, а именно или с целью наживы, или же из подонков населения, чуждого всякой политике»⁵⁶. Писатель и журналист Вас.И. Немирович-Данченко негативно характеризовал московских добровольцев в Сербии: «Они напоминают 1876 год. То же попрошайничество по магазинам, министерствам, те же кутежи в дешевых кабаках и те же пьяные разгромы»⁵⁷. В болгарскую

54 Осоргин М.А. Гимназисты-добровольцы // Русские ведомости. 1912. 27 XI.

55 Цит. по: Вечерна поща. 1912. 12 XII.

56 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21–21об.

57 Немирович-Данченко Вас.И. Собрание сочинений. Т. XV... С. 184.

армию, по его словам, «попадали лучшие люди», и «наши здесь не ударили лицом в грязь и нашего имени не посрамили»⁵⁸. Правда, тут же он рассказывал, как получивший приют в болгарской семье русский требовал от хозяина дома привести ему «момку» за «пять или десять левов»⁵⁹.

И далеко не парадному поведению добровольцев сохранились документальные свидетельства.

Так, хорунжий Н.В. Карацук, уволившийся в запас весной 1912 г.⁶⁰, осенью того же года поступил на болгарскую службу добровольцем, причем заявив о своем более высоком звании подпоручика⁶¹. Увольняясь, он взял в долг у болгарских сослуживцев значительную сумму, вдобавок обещал доставить в Софию несколько пакетов с деньгами, которые в реальности присвоил⁶². Случаи, когда добровольцы завышали свои звания были нередкими. Некоторые даже требовали об этом справки в российской дипломатии, видимо, ошибочно считая, что проверять никто не станет⁶³. Но иногда им везло. Например, К.Н. Батюшков выдавал себя за гвардейского корнета, в начале ноября он был принят на службу⁶⁴, пока российский военный агент находился на театре военных действий и не мог проверить информацию. В декабре 1912 г. Батюшков уехал, и выяснилось, что он был лишь вольноопределяющимся 5-го Александрийского гвардейского полка⁶⁵. Справедливости ради отметим, что К.Н. Батюшков вскоре действительно стал корнетом, сдал экзамен на офицерский чин, а в годы Первой мировой войны его подвиги описывались в газетах, неоднократно он был удостоен наград, в том числе и ордена Св. Георгия 4-й степени посмертно⁶⁶.

Имелись и более курьезные случаи. Болгарин по этническому происхождению, выходец из Македонии капитан В.С. Везенков в октябре 1912 г. покинул службу в 1-м лейб-гренадерском Екатеринославском полку и направился в Болгарию, где был принят в Македонско-Одринское ополчение. А уже в январе 1913 г. его супруга направила в Главный штаб болгарской армии письмо с просьбой удерживать из зарплаты мужа часть денег

58 Там же. С. 187.

59 Там же. С. 186.

60 РГВИА. Ф. 409. П/с 2660/1910.

61 ГАРФ. Ф. Р8091. Оп.110. КМФ-5. Болгария, поступление ЗА-110. 1878–1948 гг. Ед. хр. 9. Л. 41.

62 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3082. Л. 4.

63 Там же. Л. 17.

64 ГАРФ. Ф. Р8091. Оп.110. КМФ-5. Болгария, поступление ЗА-110. 1878–1948 гг. Ед. хр. 9. Л. 51.

65 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3082. Л. 1.

66 Топорков 1965.

и направлять ей, поскольку тот «перестал беспокоиться о содержании своего законного семейства», состоящего из жены, двух сыновей и дочери⁶⁷.

И все же, такие случаи были явно исключением, о героическом поведении русских добровольцев осталось куда больше свидетельств. Вас.И. Немирович-Данченко писал: «Граф Комаровский, которого тянет всюду, где трещат ружья, грохают пушки <...> Римский-Корсаков, он дрался на юго-востоке, в кирджалийском отряде, и так, что о нем и Батюшкове до сих пор передают рассказы, которые, будь здесь место, я привел бы полностью. Храбрый, скромный, исполнительный Воеводский – у нас бы он давно был георгиевским кавалером»⁶⁸. Как сообщал российский военный агент в Софии Ю.Д. Романовский, о С.Н. Воеводском, который при штурме Адрианополя, несмотря на ранение в руку, вынес из-под огня сослуживца, он неоднократно слышал «самые лестные отзывы»⁶⁹. По словам русского корреспондента, болгары очень хвалили А.В. Ленина⁷⁰, отставного морского офицера, автора романсов⁷¹, в Болгарии служившего командиром артиллерийского батареи⁷². Во время перемирия зимой 1912 г. он заболел, был отправлен в тыл, но узнав, о возобновлении войны, не долечившись, отправился на фронт⁷³. В декабре 1912 г. в правительственной газете «Мир» вышла статья «Доблестный русский», рассказывавшая о А.Т. Возном. Бросив университет в Одессе, он добровольцем поехал в Болгарию. Получив контузию в бою, перешел из строевой в санитарную службу и «оказывал ценные услуги раненым»⁷⁴.

В составе Македонско-Одринского ополчения отличился сформировавшийся отдельный русский взвод в составе 32 человек. У него был даже свой особый «почерк» – подразделение вело стрельбу залпами, а не одиночными выстрелами, и эти звуки в бою действовали на ополченцев ободряюще⁷⁵. За взятие линий окопов при Шар-кёе почти все они были награждены знаками отличия ордена «За храбрость»⁷⁶. На одного из русских добровольцев в составе Македонско-Одринского ополчения прапор-

67 ГАРФ. Ф. Р8091. Оп.110. КМФ-5. Болгария, поступление ЗА-110. 1878–1948 гг. Ед. хр. 9. Л. 522.

68 *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 187–188.

69 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3082. Л. 3.

70 *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 32.

71 Об этой стороне его жизни см.: Штейн 2006. Также о нем см. в статье Я.В. Вишнякова в настоящем сборнике.

72 Куюмджиев 1968: 76.

73 Петкова, Геновска 1962: 65.

74 Мир. 1912. 14 XII.

75 *Вензенков В.* Энвер-бей под Шаркиоем // Военный сборник. 1913. № 7. С. 104.

76 Там же. С. 108.

щика Я.И. Жамгоцова предоставил отдельную характеристику начальника штаба этого формирования П. Дырвингов. Как он указал, представитель России «ревностно и с подобающей серьезностью» исполнял обязанности взводного командира, «как начальник был любим и уважаем своими подчиненными, а как товарищ обладал в высокой степени всеми нужными хорошими качествами»⁷⁷.

Подтверждением устным похвалам русским добровольцев является то, что многие из них были отмечены наградами. По словам Ю.Д. Романовского, крест «За храбрость» получили почти все⁷⁸. Некоторые были удостоены ордена св. Александра V степени⁷⁹, часто награды получали уже вернувшись в Россию – их адресно высылало болгарское дипломатическое представительство в Санкт-Петербурге⁸⁰. Это было обусловлено тем, что активная фаза Балканской войны фактически закончилась к декабрю 1912 г., в 1913 г. болгарская армия лишь осаждала Адрианополь и вела позиционные бои на Чаталджинской линии укреплений. После же падения турецкой крепости в марте 1913 г. причин оставаться в стране у добровольцев было совсем мало. К тому же весной того года уже стали очевидными противоречия между союзниками из-за раздела македонских земель и все более зримой становилась перспектива межсоюзнической войны. И, вероятно, война с турками за славян могла привлекать добровольцев, перспектива же участия в братоубийственной войне выглядела иначе. Тем не менее, имелись и исключения из правила. И.Е. Захарьин принял участие в Межсоюзнической войне, участвовал в разъездах и боевых операциях против сербов. Уехал же он только 12 июля 1913 г.⁸¹ Однако такие случаи российское руководство вряд ли поощряло⁸².

В Болгарии о русских добровольцах остались приятные воспоминания. И это было связано не только с боевыми подвигами. Взаимодействие с болгарскими сослуживцами было весьма тесным и теплым. В Македонско-одринском ополчении вместе пели песни, известные по

77 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3082. Л. 20.

78 Там же. Л. 15.

79 См.: Куюмджиев 1968: 80–84.

80 ЦДА. Ф. 176 К. Оп. 2. А.е. 1482. Л. 10.

81 Назльмов А. Материали. С. 151.

82 Известен и случай, когда в 1913 г. в войне против Болгарии на стороне Румынии попытался принять участие русский доброволец Н. Трубецкой. Однако румынский военный министр запросил мнение российского военного агента, а тот обратился в МИД. Глава внешнеполитического ведомства назвал «крайне нежелательным поступление русских добровольцев в румынскую армию» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3082. Л. 7).

русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁸³. В.Р. Апухтин, бывший добровольцем на Чаталджинской позиции, «с умилением вспоминал трогательное и чистосердечное гостеприимство», которое было оказано группе русских в IV девической прогимназии Софии⁸⁴. Военный священник И. Дочев вспоминал, как встреченных русских добровольцев пригласили поужинать, и «русские с остервенением смотрели, как кипит самовар, и с удовольствием пили чай по две большие чашки»⁸⁵. Кавалеристы Фусс и граф Комаровский приглашались «на чай» в штаб дивизии⁸⁶. Сохранились и другие упоминания о совместном времяпрепровождении, пении песен и теплых проводах⁸⁷. Таким отношениям способствовали религиозная, этническая, культурная и языковая близость. Последняя, правда, рождала курьезы, не всегда с благополучным исходом⁸⁸.

В целом, конечно, русские добровольцы не могли внести решающий вклад в разгром Османской империи. Однако само их присутствие положительно влияло на боевой дух болгар – оно свидетельствовало о том, что за спиной маленькой Болгарии стояла огромная Россия, чей братский народ готов прийти на помощь. Вдобавок ободряюще действовала и слава русского воинства, освободившего Болгарию в ходе русско-турецкой войны. И в 1912 г. русские добровольцы, как выразился один из них, «вполне поддержали репутацию своих славных предков на Балканах»⁸⁹.

Литература

1. Гинчев 1962 – *Гинчев Г.* Помоща, оказана от Русия на България за водене на Балканската война 1912–1913 // Военноисторически сборник. 1962. Кн. 2.
2. Гинчев 1982 – *Гинчев Г.* Чужденците в Българската армия през Балканската война (1912–1913 г.) // Военноисторически сборник. 1982. № 4.

83 *Вензенков.* Энвер-бей под Шаркиоём. С. 89, 94.

84 *Мир.* 1912. 18 I.

85 *Дочев И.* Записките ми по войната 1912 година. София: Изток-Запад, 2012 С. 71.

86 *Назлъмов А.* Материали. С. 200.

87 *Мир.* 1912. 19 XII; *Черкезов С.* Пратеник. С. 27.

88 Поручик Н. Немилов был назначен командиром одной из рот Македонского ополчения. Однако болгарского языка он не знал, к нему был приставлен переводчик для передачи приказаний. При взятии населенного пункта дурную шутку с боевой частью и ее командиром сыграла пара русско-болгарских омонимов. Поручик скомандовал: «Направо!», переводчик передал приказ дословно, что на болгарском означало «Прямо!», и рота пошла в атаку в лоб. Немилов повторял: «Направо, направо», но его не понимали, пока он не объяснил жестами (*Радев С.* От триумф към трагедия: Това, което видях от Балканската война и Конференция в Букурещ и Букурещкият мир от 1913 г. София: Стрелец, 2003. С. 48).

89 *Вензенков В.* Энвер-бей под Шаркиоём. С. 94.

3. Горанов 1995 – *Горанов П.С.* Руските воени доставки за Българската войска през Балканската война // Балканските войни 1912–1913 (сборник статии от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.). В. Търново: ВТУ, 1995.
4. Гусев 2020 – *Гусев Н.С.* България, Сърбия и руское общество во время Балканских войн 1912–1913 г. М.: Индрик, 2020. 520 с.
5. Гусев 2019 – *Гусев Н.С.* Неизвестный очерк о Болгарии периода Балканских войн 1912–1913 г. // *Vulgarica, slavica et rossica*. Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Гориной / отв. ред. О.А. Дубовик, П.Е. Лукин (Серия «Историки-слависты МГУ». Кн. 12). СПб.: Алетейя, 2019. С. 146–158.
6. Гусев 2018 – *Гусев Н.С.* Религиозный мотив восприятия Балканских войн 1912–1913 г. и российские мусульмане // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. Вып. 3. С. 560–569.
7. Жебокрицки, Кулинич 1962 – *Жебокрицки В., Кулинич И.* Из историята на руско-българските отношения по време на Първата балканска война // *Исторически преглед*. 1962. Кн.3.
8. Иванов 1963 – *Иванов Т.* Поручик Христо Топракчиев // *Военноисторически сборник*. 1963. № 2.
9. Королева, Черкезова-Савова 1983 – *Королева Е., Черкезова-Савова М.* На помощ братята българии // *Военноисторически сборник*. 1983. № 6.
10. Куюмджиев 1968 – *Куюмджиев Б.П.* Дипломатическа и материална подкрепа от Русия на България по време на Балканската война 1912–1913 г. Руски доброволци и проявена храброст от тях. София: Отечества фронт, 1968. 109 с.
11. Петкова 1963 – *Петкова М.* Отзвукът на Балканската война сред европейска общественост // *Военноисторически сборник*. 1963. № 1.
12. Петкова, Геновска 1962 – *Петкова М., Геновска М.* Чужденци доброволци, участници в Балканската война // *Исторически преглед*. 1962. № 5.
13. Топорков 1965 – *Топорков С.А.* Корнет Константин Николаевич Батюшков. К 50-летию его доблестной смерти. Из материалов к истории Александрийского гусарского Ея Величества полка // *Военно-исторический вестник*. № 25–26. Париж, 1965.
14. Штейн 2006 – *Штейн М.Г.* Анатолий Ленин - моряк и композитор // *Клио*. 2006. № 1 (32). С. 239–241.

References

1. Ginchev, G., 1962. Pomoshta, okazana ot Rusiia na Bŭlgariia za vodene na Balkanskata voĭna 1912–1913 [Russian assistance to Bulgaria in the Balkan war of 1912–1913]. *Voенnoistoricheski sbornik*, 2. (in Bulg.)
2. Ginchev, G., 1982. Chuzhdentsite v Bŭlgarskata armiiа prez Balkanskata voĭna (1912–1913 g.) [Foreigners in the Bulgarian Army during the Balkan war (1912–1913)]. *Voенnoistoricheski sbornik*, 4. (in Bulg.)

3. Goranov, P.S., 1995. Ruskite voeni dostavki za Bŭlgarskata voiska prez Balkanskata voina [Russian military supplies to the Bulgarian Army during the Balkan war]. In: *Balkanskite voini 1912–1913 (sbornik stati ot nauchna konferentsiia, provedena prez oktomvri 1992 g.)*. V. Tŭrnovo: VTU. (in Bulg.)
4. Gusev, N.S., 2020. *Bolgariia, Serbiia i ruskoje obshchestvo vo vremia Balkanskikh vojn 1912–1913 gg.* [Bulgaria, Serbia and Russian society during the Balkan Wars of 1912–1913]. Moscow: Indrik. (in Rus.)
5. Gusev, N.S., 2019. Neizvestnyi ocherk o Bolgarii perioda Balkanskikh vojn 1912–1913 gg. [An unknown essay on Bulgaria during the Balkan Wars of 1912–1913]. In: Dubovik, O.A., Lukin, P.Je., eds. *Bulgarica, slavica et rossica. Nauchnyi sbornik v chest' zaslužennogo professora Moskovskogo universiteta Liudmily Vasil'jevny Gorinoi* (Seriia «Istoriki-slavisty MGU»). Kn. 12). Saint-Petersburg: Aleteiia. pp. 146–158. (in Rus.)
6. Gusev, N.S., 2018. Religiozni motiv vospriiatii Balkanskikh vojn 1912–1913 gg. i rossiiskije musul'mane [Religious motive of perception of the Balkan Wars of 1912–1913 and Russian Muslims]. *Noveishaia istoriia Rossii*, 8, 3. pp. 560–569. (in Rus.)
7. Zhebokritski, V., Kulinich, I., 1962. Iz istoriata na rusko-bŭlgarskite otnosheniia po vreme na Pŭrvata balkanska voina [History of Russian-Bulgarian relations during the First Balkan war]. *Istoricheski pregled*, 3. (in Bulg.)
8. Ivanov, T., 1963. Poruchik Hristo Toprakchiev [Poruchik Hristo Toprakchiev]. *Voennoistoricheski sbornik*, 2. (in Bulg.)
9. Koroleva, E., Cherkezova-Savova, M., 1983. Na pomosht bratiata bŭlgari [To help the Bulgarian brothers]. *Voennoistoricheski sbornik*, 6. (in Bulg.)
10. Kiuimdzhev, B.P., 1968. *Diplomaticheska i materialna podkrepa ot Rusiia na Bŭlgariia po vreme na Balkanskata voina 1912–1913 g. Ruski dobrovoltsi i proiavena hrabrost ot tiah* [Diplomatic and material support from Russia to Bulgaria during the Balkan war of 1912–1913. Russian volunteers and their bravery]. Sofia: Otechestveniiia front. (in Bulg.)
11. Petkova, M., 1963. Otvzrukŭt na Balkanskata voina sred evropeiska obshtestvennost [The impact of the Balkan war on European Society]. *Voennoistoricheski sbornik*, 1. (in Bulg.)
12. Petkova, M., Genovska, M., 1962. Chuzhdentsi dobrovoltsi, uchastnitsi v Balkanskata voina [Foreign volunteers, participants in the Balkan war]. *Istoricheski pregled*, 5. (in Bulg.)
13. Toporkov, S.A., 1965. Kornet Konstantin Nikolaevich Batiushkov. K 50-letiiu jego doblestnoi smerti. Iz materialov k istorii Aleksandriiskogo gusarskogo Jeia Velichestva polka [Cornet Konstantin Nikolaevich Batyushkov. On the 50th anniversary of his valiant death. From materials to the history of the Alexandrian Hussar Regiment of Her Majesty]. *Vojenno-istoricheskii vestnik*, 25–26. (in Rus.)
14. Shtein, M.G., 2006. Anatolii Lenin – moriak i kompozitor [Anatoly Lenin – sailor and composer]. *Klio*, 1 (32), pp. 239–241. (in Rus.)

Nikita S. Gusev
PhD, Scientific Secretary,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
gusevns@gmail.com

Russian volunteers in Bulgaria during the Balkan Wars of 1912–1913: the main categories, features of behaviour and perception by contemporaries

In 1912, Bulgaria, Serbia, Greece and Montenegro opposed the Ottoman Empire. This stirred up Russian society, which felt overwhelming sympathy for the southern Slavs. This was demonstrated, among others, by sending Russian volunteers to the Balkans and Bulgaria, in particular. This article analyzes the staff composition of Russian volunteers. Among them were career officers, most of whom were then awarded state awards. Pilots, whose relations with colleagues were difficult, were detached from the other groups and one of them was captured. Most of all, of course, there were civilians of various professions, including out-spoken adventurers and high school students. Russian (GARF, RGVIA) and Bulgarian (CDA) archives, memoirs of contemporaries and press publications are used in an attempt to outline the features of the Russian volunteer movement in Bulgaria during the Balkan Wars, provide information about the behaviour of Russian volunteers, their bravery, as well as rare cases of their unscrupulous behaviour.

Keywords: Balkan wars, Russia, Bulgaria, volunteers

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01062, <https://rscf.ru/project/23-28-01062/>

Елена Павловна Серапионова

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32 А.
serapionovae@mail.ru

Чешские и словацкие левые в России в годы Гражданской войны (1917–1919 гг.)

В статье анализируется деятельность чехословацких левых в России в годы Гражданской войны. В отличие от легионеров, вступивших в конфликт с большевиками, чехословацкие левые формировали социал-демократические, затем коммунистические ячейки, поддержали октябрьский переворот, вели активную пропагандистскую и агитационную работу среди военнопленных и легионеров, участвовали в вооруженной борьбе на стороне красных. В статье показан процесс создания Чехославянской социал-демократической рабочей партии (ЧСДРП), чехословацких руководящих органов при Народном комиссариате по делам национальностей, Чехословацкой коммунистической партии, указаны печатные органы чехословацких коммунистов. Подробно рассмотрены отношения внутри чехословацкого национального движения между чехословацкими коммунистами и Отделением для России Чешско-Словацкого Национального совета (ОЧСНС). На основе архивных материалов и опубликованных документов автор приходит к выводу, что во многих случаях репрессии в отношении активных деятелей ОЧСНС происходили по инициативе чехословацких коммунистов. В статье рассмотрено изменение настроений чехов и словаков в России под влиянием революционных событий, окончания Первой мировой войны и возникновения Чехословацкой республики.

Ключевые слова: Гражданская война в России, чехословацкие коммунисты, чехи и словаки в отрядах Красной Армии

Если в советской и чехословацкой историографии периода социализма проблема интернационалистов, выступавших на стороне больше-

виков, очень активно разрабатывалась¹, то сейчас в Чехии и Словакии о них вообще не вспоминают, героизируя подвиги легионеров. Не популярна эта тема и в нашей стране. Поэтому считаю актуальным обратиться к этой подзабытой тематике, чтобы картина прошлого стала более адекватной и приближенной к действительности.

До Первой мировой войны в России проживало более 100 тысяч чехов и словаков, причем как подданных Российской империи, так и Австро-Венгрии². В годы войны их число увеличилось в 3,5 раза за счет военнопленных. Часть чехов и словаков добровольно сдавалась в плен, не желая воевать против России, которая традиционно воспринималась покровительницей славян. Хотя точных цифр не существует, большинство исследователей сходятся в том, что военнопленных чехов и словаков на российской территории насчитывалось около 250 тыс.³ Уже в 1914 г. так называемые русские чехи и словаки получили добро и создали Чешскую дружину из добровольцев для того, чтобы воевать на стороне России⁴. Постепенно чехословацкие части пополнялись и в сентябре 1917 г. был сформирован Чехословацкий корпус (приблизительно 30 тыс. солдат и офицеров)⁵.

Усталость от затянувшейся войны, революционные события 1917 г. не могли не сказаться и на настроениях чехов и словаков в России. Уже после Февральской революции среди военнопленных стали возникать многочисленные социал-демократические ячейки, выступавшие за национальное и социальное освобождение. Вскоре внутри левого чехословацкого движения обнаружился раскол по поводу отношения к войне и миру. Часть левых поддерживали лозунг борьбы до победного конца, другие высказались за мир без аннексий и контрибуций. 4 августа 1917 г. в Киеве была образована Чехославянская социал-демократическая рабочая партия (ЧСДРП) при Российской социал-демократической рабочей партии, и избран ее Центральный исполнительный комитет. К октябрю 1917 г. в ее 14 местных социал-демократических организациях состояло уже более 2 тыс. членов, в Киеве стал выходить еженедельник «Svoboda»

1 См. напр.: Клеванский 1965; Щербаков 1982; Веселы 1965.

2 Клеванский 1965: 14; Муратов, Муратова 2012: 8; Серапионова 2021: 11.

3 Солнцева 2002: 144.

4 Татаров 2009.

5 Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус 1914-1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914-1917. М.: Новалис, 2013. С. 832-833. (Позднее его численность возросла до 60 тыс.).

(«Свобода»)⁶. Выборные комитеты и суды в 1917 г. стали возникать и в чехословацких воинских частях.

Революционный настрой усилился после большевистского переворота. Уже 26 октября 1917 г. на следующий день после захвата власти большевиками чешские и словацкие военнопленные обратились с письмом в Коломенский Совет и выразили поддержку и солидарность с революционным переворотом. На конференции ЧСДРП партии в России 25-26 ноября 1917 г. в Киеве было принято заявление в поддержку русской революции, за мир без аннексий и контрибуций⁷. А в начале декабря 1917 г. социал-демократическая организация чешских военнопленных в Петрограде обратилась ко всем чешским военнопленным с призывом не вступать в чехословацкий корпус, который было решено переправить через Владивосток во Францию на Западный фронт. В январе 1918 г. Чехословацкая социалистическая рабочая организация Москвы сделала заявление в поддержку мира без аннексий и контрибуций, а также просила заставить другие европейские страны, прежде всего Австро-Венгрию, признать принцип самоопределения национальностей⁸. В начале 1918 г. чехословацкие левые поставили себя в оппозицию к Чехословацкому национальному совету в Париже⁹ и его отделению в России, сомневаясь в необходимости платить введенный еще в начале войны так называемый национальный налог¹⁰.

Если еще в декабре они призывали не вступать в корпус, а после окончания войны бороться на родине за национальные права (а не за чужие интересы), то уже в феврале 1918 г. последовал призыв вступать в чехословацкую Красную Гвардию¹¹, при этом ЦК ЧСДРП поручалось вести агитацию среди работавших на заводах военнопленных, чехов и словаков, среди солдат и офицеров корпуса, а также проводить набор

6 ДМИСЧО. Т. 1. С. 25.

7 Там же. С. 32-33.

8 Там же. С. 40-41.

9 14.10.1915 г. в Париже был создан первый орган политического руководства национально-освободительным движением – Чешский заграничный комитет, который в феврале 1916 г. был преобразован в Чехословацкий национальный совет (ЧНС) во главе с Т.Г. Масариком. На 3-м съезде Союза чешско-словацких обществ в России (апрель-май 1917 г.) ЧНС был признан высшим органом национально-политической борьбы и учреждено его Отделение для России (ОЧНС).

10 РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 5. Д. 8. Л. 84-85.

11 Чехословацкие отряды Красной Гвардии начали формироваться на Украине еще летом 1917 г., а к марту 1918 г. чехословацкий отряд Красной Гвардии в Киеве насчитывал уже 1000 человек.

в социалистическую армию¹². ЦК партии обратился к Киевскому Совдепу и секретарю по воинским делам Ю.М. Коцюбинскому с предложением формировать Чешско-Словацкую Красную Армию и Красную Гвардию, на что 15 февраля 1918 г. было получено разрешение, и в течение нескольких дней сформировался отряд в 800 человек. В него перешла и часть солдат корпуса.

20 марта, когда началось отступление Чехословацкого корпуса с Украины, ЦИК ЧСДРП и штаб чехословацкой Красной Гвардии обратились к чехословацким legionерам с призывом вступать в Красную Армию и защищать русскую революцию. Под обращением, напечатанном в газете «Донецкий пролетарий» стояли подписи членов ЦК ЧСДРП и членов штаба чехословацкой Красной Гвардии¹³. Когда Центральная Украинская Рада вместе с австрийскими и германскими войсками наступала на Киев, Чешско-Словацкий отряд Красной Гвардии принимал участие в боях под Ромаданом, Лубнами, Полтавой и Харьковом¹⁴.

Чехословацкие части Красной Армии формировались в разных городах России. Уже в марте 1918 г. был создан небольшой (около 40 человек) отряд, после пополнения названный Первым стрелковым батальоном чехословацкой Красной Армии Владивостока. Весной 1918 г. стал формироваться отряд красноармейцев в Москве, к ноябрю в его двух ротах насчитывалось более 300 человек¹⁵. В феврале-мае 1918 г. чехословацкий отряд был создан в Пензе и вошел в состав 1-го Пензенского советского полка¹⁶. По сообщению Ярослава Гашека, в Самаре в апреле-мае 1918 г. из чехов, словаков и сербов, не пожелавших ехать во Францию, был создан отряд в 120 человек¹⁷. Командиром отряда стал чех И. Малина¹⁸. В апреле 1918 г. военным руководством разрабатывался проект создания интернационального легиона¹⁹. В его составе упоминались чехи и словаки²⁰.

12 ДМИСЧО. Т. 1. С. 45-47.

13 А именно: Вацлав Коничек, Алойс Муна, Франтишек Новотный, Иосиф Шнеберг, Франтишек Чепелак, Иосиф Кубин, Франтишек Ведрал, Генрих Балик, Франтишек Коза, Иосиф Петрас, Ладислав Шварц, Иосиф Седларж, Иосиф Жальский. - Там же. Т. 1. С. 54.

14 ГАРФ. Ф. 1318. Оп.1. Д.1169. Л. 70.

15 РГАСПИ. Ф. 549. Оп.5. Д. 13. Л.59.

16 ДМИСЧО. Т.1. С. 96.

17 Там же. Т. 1. С. 84.

18 Там же. Т. 1. С. 94.

19 РГВА. Ф. 1. Управление делами (бывшая канцелярия) Народного комиссариата по военным делам. Оп. 1. Д. 461. Л. 139 и 139об.

20 Там же. Д. 423. Л. 3.

14–18 апреля 1918 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд военнопленных социал-демократов интернационалистов и был избран ЦИК революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян²¹. Руководящий орган организации чехословацких коммунистов вновь обратился к чехословацким солдатам, призывая их не ехать во Францию, а вступать в Красную Армию, отряды которой формировались в Пензе, Самаре, Уфе, Челябинске, Омске и всех городах Уральско-Сибирской железной дороги. Под воззванием стояла подпись Я. Гашека²², который из-за несогласия с политикой ОЧНС в России и отъездом войска во Францию, заявил о выходе из рядов легионеров²³.

Группа чехословацких коммунистов, работавших при Народном комиссариате по делам национальностей в апреле 1918 г. разработала проект положения о Чешско-словацком отделе при наркомате по делам национальностей, который и был утвержден в мае того же года. Чешско-Словацкий отдел работал в контакте с ЦК партии²⁴. Возглавил отдел К. Кнофличек, его помощником стал А. Гайс. Смета на первые два месяца его содержания составила 72 700 руб.²⁵ Чехословацкий отдел провозглашался единственным представителем всех чехов и словаков, живших в России, и отвечал перед Народным комиссариатом национальностей (Наркомнац)²⁶. Он начал функционировать с 15 мая 1918 г. и состоял из Общей секции, секции труда, Воинской секции, Культурно-просветительной и Агитационно-политической. Осенью 1918 г. в Чешско-словацком отделе Наркомнаца состояло 26 сотрудников²⁷. В Саратове учредили канцелярию отдела, которая, также как и Воинская секция, ведала формированием чехословацких красноармейских частей. Общая секция руководила работой отдела, вела статистику, проводила перепись чехов и словаков в России, занималась бухгалтерией и издавала «Вестник отдела». Секция труда защищала интересы рабочих-военнопленных. Секция просвещения и печати должна была заниматься устройством школ, библиотек, клубов, издавать и распространять специальную литературу. В отчетах отдела указывалось, что кроме всего прочего он следит за деятельностью чешской буржуазии и принимает участие в расследовании

21 ДМИСЧО. Т. 1. С. 55.

22 Там же. Т. 1. С. 64.

23 Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 2. С. 115.

24 ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1169. Л. 68.

25 Там же. Д. 1174. Л. 5а, 6.

26 ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1174. Л. 3.

27 ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1175 (1). Л. 13–14.

дел арестованных чехов и словаков в ВЧК. Аресты чешских и словацких общественных и политических деятелей после большевистского переворота часто осуществляли чехословацкие коммунисты либо это делалось по их ходатайству. В одном из писем Пекаржа читаем: «У пленных еще до набора в корпус была соколовна, набором в корпус ведал начальник местного Сокола Бендржих Зигмунд. Сейчас он уже 6 недель под арестом». А К. Кнофличек и его заместитель А. Гайс в докладной записке на имя заместителя комиссара по делам национальностей С.С. Песковского уже после начала вооруженного выступления легионеров против большевиков сообщали, что после ареста нескольких главных лиц из бывшего ЧСНС и упразднения его, некоторые его бывшие сотрудники проживают в Москве и занимаются пропагандой в пользу Чехословацкого корпуса и против Советской власти. К ним якобы время от времени приезжают «шпионы» Чехословацкого корпуса. В записке говорилось: «Это ненормальное положение, когда сотрудники упраздненной Советской властью враждебной организации могут заниматься свободно пропагандой и вредить интересам Советского правительства, должно быть прекращено!» Далее Чешско-Словацкий отдел наркомата предлагал в 10-ти дневный срок провести регистрацию всех проживавших в Москве чехов и словаков, а лица без регистрационной карточки должны были быть в 24-х часовой срок высланы за пределы Москвы. Уклонившихся от регистрации, по мнению Кнофличка и Гайса, следовало задерживать.

25-27 мая 1918 г. в Москве прошел общий учредительный съезд Чехословацкой коммунистической партии с центром в Петрограде, издававшей газету «Průkopník» («Пионер») и социал-демократической партии с центром в Киеве, издававшей газету «Svoboda», на котором была создана и 3 июня 1918 г. утверждена Чехословацкая группа ЦК РКП(б)²⁸. На съезде Коммунистическая партия была представлена 14 партийными организациями, насчитывавших около 3 тыс. человек, социал-демократическая - 62 организациями с количеством членов свыше 5 тыс. человек. Постановлением съезда обе партии были объединены и получили название «Чехословацкая группа РКП(б), а обе газеты - в одну под названием «Průkopník Svobody» («Пионер свободы»), которая стала выходить еженедельно по четвергам. Задача объединенной партии состояла в издании и распространении политической и агитационной литературы, газет, листовок, воззваний, в теоретической подготовке партийных кадров, проведение агитационно-политической, культурно-просветительной и воспитательной работы среди чехословацких левых, колонистов, воен-

28 Там же. Д. 1169. Л. 67.

нопленных, легионеров. В дальнейшем ее члены приняли деятельное участие в ликвидации чехословацкого антибольшевистского выступления.

Объединение произошло на платформе признания и поддержки советской власти²⁹. На съезде присутствовало 79 делегатов от 5600 чехословацких членов социал-демократических и коммунистических организаций и групп и от 1850 чехословацких добровольцев в рядах Красной Армии, на съезде была избрана редколлегия печатного органа газеты «Průkopník Svobody»³⁰.

Чехословацкие левые начали наступление на ОЧНС. 9 мая 1918 г. постановлением Центральной реквизиционной комиссии при Московском совете рабочих и солдатских депутатов в пользу ЦК чехословацкой социал-демократической партии и штаба чехословацкой Красной гвардии у ОЧНС была реквизирована квартира на Б. Пресне, а затем ликвидированы московское и петроградское отделения ЧНС, закрывались существовавшие в разных городах чехословацкие общества.

В связи с началом вооруженного выступления корпуса против советской власти 31 мая 1918 г. чехословацкие коммунисты в Самаре во главе с Я. Гашеком, Ф. Шебестой, И. Поспишилом призвали всех истинных чехословацких революционеров встать на защиту РСФСР³¹. Чехословаки-коммунисты усилили агитацию среди солдат чехословацких войск, выезжая на фронт. В середине июня 1918 г. Чехословацкая группа РКП(б) сообщала в ЦК о том, что численность отрядов чехословацкой Красной Армии возросла до 1000 человек³², хотя и отмечали, что формирование чехословацких красноармейских частей идет слабовато. Позднее признали, что аппарат Военной секции «слишком громоздкий и слишком дорог, но результат его работы ничтожный...»³³. 27 июля 1918 г. последовали Постановления Наркомата по делам национальностей о регистрации чехов и словаков в Москве и о регистрации всех чешских и словацких благотворительных, культурно-просветительных, профессиональных, религиозных и общественных учреждений, организаций и комитетов³⁴.

Осенью 1918 г. чехословацкие коммунисты на Восточном фронте наладили выпуск выходившего два раза в неделю «Чехословацкого бюл-

29 ДМИСЧО. Т. 1. С. 65-67.

30 Там же. Т. 1. С. 81.

31 Там же. Т. 1. С. 93-94.

32 Там же. Т. 1. С. 119.

33 ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1169. Л. 62.

34 ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1174. Л. 29.

летеня», редакторами которого стали В. Ружичка и Ф. Бенеш³⁵, а также печатали и распространяли прокламации, листовки, призывы, брошюры³⁶.

Одновременно создавалась Федерация иностранных групп Российской коммунистической партии (РКП).

Естественно, что все интернациональные части Красной Армии, включая чешско-словацкие, находились на довольствии большевистской власти, обучались, снабжались, снаряжались, бойцам платили оклады³⁷. Так солдат команды конных разведчиков 21-го пехотного советского сводного полка Ю. Адамок 27 декабря 1918 г. расписался в аттестате, что он удовлетворен провиантом, приварочными и чайными и довольствием деньгами из оклада 300 руб в месяц³⁸, взводный командир 2-й Чешско-Словацкой роты при Красной Армии А. Новотный был удовлетворен жалованием из оклада 665 рублей в месяц³⁹, а командир 3-й роты 3-го пехотного Царицынского полка Я. Пекса подтвердил, что доволен жалованием и семейными из оклада 700 руб⁴⁰. Среди них были и те, кто добился достаточно высоких должностей в РККА. Например, красный чех Я.А. Штромбах⁴¹, бывший одно время командиром 1-й бригады XI стрелковой дивизии действующей армии Восточного фронта⁴², а в 1920-е годы ставший начальником дивизии РККА⁴³. Судьба его правда незавидна, как и многих чехов и словаков в СССР – в 1930 г. арестован, в 1931 г. расстрелян по сфабрикованному делу «Весна».

После окончания Первой мировой войны и образования Чехословацкой республики 28 октября 1918 г. многие представители левых устремились на родину, мечтая о социальной революции в стране.

35 ГАРФ. Ф.1318. Оп.1 Д.1169. Л. 69.

36 РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 5. Д. 8. Л. 105-106.

37 Там же. Д. 12. Л. 12, 17, 40,

38 Там же. Л. 42.

39 Там же. Л. 69.

40 Там же. Л. 74.

41 Окончание Гражданской войны Штромбах застал на Украине заместителем командира 23 стрелковой дивизии. Затем около года Ярослав Антонович служил помощником инспектора пехоты 11 Кавказской армии, а в 1921 г. он был назначен на самостоятельную должность командира 18 дивизии в Ярославле. Ярослав Антонович окончил курсы усовершенствования комсостава «Выстрел», несколько лет командовал 7 стрелковой дивизией, затем был на Высших академических курсах при Военной академии РККА. В 1929 г. Штромбах вновь назначили на Украину командиром 44 стрелковой дивизии в Житомире. – URL: Форум RKKa.RU: Статья (vif2ne.org) (дата обращения: 12.03.2023).

42 РГАСПИ. Ф.549. Оп. 5. Д. 15. Л. 37.

43 Ганин 2022: 137.

В многочисленных письмах в Исполнительный комитет чешско-словацкой коммунистической партии в Москву чешские и словацкие коммунисты, ссылаясь на свои заслуги и агитационный опыт, просили отправить их в Чехословакию. Й. Пекарж, например, в письме от 4 ноября 1918 г. из Астрахани писал; «Все хотят на родину делать революцию»⁴⁴. Члены иностранной группы маршанского комитета РКП большевиков в письме коммунистическому деятелю Я. Гандлиржу писали, что коммунисты едут на родину в Чехословакию, желая вершить не национальную, а социальную революцию, как в России. Правда они не совсем представляли себе обстановку дома, так как черпали информацию лишь из русских газет⁴⁵. Красноармеец А. Грубы в письме в Москву от лица 800 чехословацких бойцов Южного фронта указывал, что все они встали перед выбором, остаться в России или нет. Он признавался, что они имеют слабое представление о том, что творится дома, будет ли создана чехословацкая армия для борьбы на родине, дадут ли им русское оружие или необходимо будет остаться в России и воевать там до конца⁴⁶. В сообщении от 12 ноября Пекарж подтверждал, что домой хотят вернуться все – красноармейцы, коммунисты, военнопленные. Он полагал, что надо арестовать австрийских офицеров и заявлял о необходимости принятия решения в отношении остальных военнопленных, предлагая мобилизовывать их в Красную Амию, а коммунистов направлять на родину, выдвигая для этого в том числе и свою кандидатуру⁴⁷. Но с отъездом на родину, даже коммунистов, была неразбериха. А. Пишвейц из Ельца в письмах в ЦИК чехословацкой коммунистической партии в декабре 1918 г. просил разъяснить ситуацию с отъездом на родину и задавал вопрос, могут ли его, бывшего военнопленного, члена местной коммунистической организации, но гражданина другого государства, удерживать в России. Уездный комитет партии посылал его агитатором в Чехию, но существовал приказ по полку охраны на железной дороге, где он служил, никого из полка не отпускать. В связи с этим он интересовался, существовал ли приказ об освобождении бывших австрийских пленных или нет⁴⁸. Из разных концов страны приходили письма от чехов и словаков-военнопленных с вопросом, почему их не отправляют домой и говорят, что граница закрыта, хотя все бумаги для этого они отправили.

44 РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 5. Д. 8. Л. 8.

45 Там же. Л. 36.

46 Там же. Л. 37.

47 Там же. Л. 10-14.

48 Там же. Л. 20-23.

В ответ на многочисленные запросы Центральная коллегия о пленных и беженцах в письме Народному комиссару по делам национальностей прилагала копию удостоверения, изданного Чехо-Словацким отделом Наркомнаца, и разъясняла, что выдача любых удостоверений на право проживания в пределах Российской Республики входит в компетенцию исключительно Центральной и местных коллегий о пленных и беженцах и никакие иные правительственные и общественные органы правом выдачи подобных удостоверений не обладают. При этом детально разъяснялось юридическое положение военнопленных: «Находящиеся в России чехо-словаки, взятые в качестве военнопленных австро-венгерской армии могут быть изъяты из состояния военнопленных (в каком остаются сообразно международных договоров и соответствующих неоднократных правительственных разъяснений все бывшие военнопленные германской и австро-венгерской армий, вплоть до эвакуации через русскую границу), лишь на общих для всех пленных основаниях, то есть либо путем принятия русского или иного гражданства или подданства, либо путем подачи в Центральную или местную Коллегию о пленных и беженцах особого ходатайства об оставлении в пределах Российской республики по политическим соображениям, на правах политических эмигрантов»⁴⁹. Далее пояснялось, что выдача военнопленным разрешений на право проживания в пределах Республики Комиссариатом по делам национальностей лишает Центральную Коллегию возможности вести правильный учет всех находящихся в России военнопленных, а это, в свою очередь, крайне неблагоприятно отражается как на общем числе возвращаемых из иностранного плена русских граждан, так и на скорости их возвращения. В связи с этим в письме содержалась просьба в срочном порядке составить списки тех военнопленных и беженцев, которым уже выданы подобные разрешения на пребывании в России с указанием адресов их пребывания.

Вспыхнувшая в ноябре 1918 г. революция в Германии уничтожила германскую империю, и 13 ноября того же года ВЦИК принял постановление об аннулировании Брест-Литовского договора от 3 марта и дополнительных соглашений к нему от 27 августа. Выше упоминавшийся Пекарж в письме в Москву сообщал: «Мы узнали о революции в Германии, арестовали местную комиссию [по делам военнопленных. – Е.С.], создали совет военнопленных. В комиссии было много чехов, среди них председатель комиссии гетман Горак»⁵⁰.

49 ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1174. Л. 36.

50 РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 5. Д. 8. Л. 11.

Летом 1919 г., когда была объявлена Словацкая советская республика ее Совет народных комиссаров назначил коммуниста В. Ружичку своим представителем при Украинском советском правительстве⁵¹. 25 июня 1919 г. от имени Словацкого правительства Яноушек телеграфировал Ружичке о необходимости издать приказ о всеобщей мобилизации словацких военнопленных на Украине, концентрировать чешско-словацкие воинские части красноармейцев на галицийском фронте, чтобы в случае объединения венгерской и русской армий послать их на словацкий фронт, а также вести усиленную агитацию среди чешских военнопленных и учредить 3-4 недельные курсы для агитации в Чехии⁵². Однако из-за Гражданской войны Советская Россия не оказала военную помощь Венгерской и Словацкой советским республикам, которые пали в июле-августе 1919 г.

Таким образом несколько тысяч чехов и словаков действовали в годы Гражданской войны на стороне красных. Причем кроме идейных соображений возможно на решение вступить в ряды Красной Армии влияла (особенно для военнопленных) и возможность получить денежное, вещевое и продуктовое довольствие в условиях разрухи, дороговизны и неустроенности.

После урегулирования конфликта между чехословацкими легионерами и большевиками в 1920 г. многие чехословацкие коммунисты вернулись на родину, а те, кто остался, продолжали деятельность в России: устраивали спектакли, лекции, библиотеки, проводили митинги и беседы среди военнопленных и колонистов, содействовали их отправке на родину, снабжая агитационными брошюрами и листовками.

Список сокращений

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ДМИСЧО – Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений

Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей

ОЧСНС – Отделение для России Чехословацкого Национального Совета

РГВА – Российский государственный военный архив

51 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 1. Л. 6.

52 Там же. Л. 1.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РККА – Российская коммунистическая Красная Армия

РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков

РСФСР -Российская Социалистическая Федеративная Советская Р.еспублика

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК - Центральный комитет

ЧСДРП – Чехославянская социал-демократическая рабочая партия

ЧСНС – Чехословацкий национальный совет

Литература

1. Веселы 1965 – *Веселы Й.* Чехи и словаки в революционной России. М.: Воениздат, 1965. 184 с.
2. Ганин 2022 – *Ганин А.В.* Новые публикации по истории Чехословацкого корпуса в России // *Славяноведение.* 2022. № 4. С. 132-140.
3. Клеванский 1965 – *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М.: Наука, 1965. 316 с.
4. Муратов, Муратова 2012 – *Муратов А., Муратова Д.* Судьбы чехов в России, XX век. Путь от Киева до Владивостока. Прага: Русская традиция, 2012. 344 с.
5. Серапионова 2021 – *Серапионова Е.П.* Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX- начало XX вв.). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. 332 с.
6. Солнцева 2002 – *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // *Вопросы истории.* 2002. № 1. С. 143-149.
7. Татаров 2009 – *Татаров Б.А.* Чешская (Киевская) дружина август 1914 – декабрь 1915 г. М.: Фонд «Русские витязи», 2009. 92 с.
8. Щербаков 1982 – *Щербаков Ю.Н.* Искры Великого Октября: вклад интернационалистов в революционное рабочее движение в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917-1921 гг.). М.: Политиздат, 1982. 288 с.

References

1. Vesely, I., 1965. *Chekhi i slovaki v revoliutsionnoi Rossii.* [Czechs and Slovaks in revolutionary Russia] Moscow. (In Rus.)
2. Ganin, A.V., 2022. *Novyje publikatsii po istorii Chekhoslovatskogo korpusa v Rossii* [New publications on the history of the Czechoslovak Corps] *Slavianovedenije*, 4, pp. 132-140. (In Rus.)

3. Klevanskii, A.Kh., 1965. *Chechoslovatskie internatsionalisty i prodannyyi korpus*. [Czechoslovak internationalists and the sold corps]. Moscow: Nauka, 316 p. (In Rus.)
4. Muratov, A., Muratova, D., 2012. *Sudby chekhov v Rossii, XX v. Put' ot Kijeva do Vladivostoka*. [The fate of the Czechs in Russia, XX century. The path from Kyiv to Vladovostok] Prague: Russkaia traditsia, 344 p. (In Rus.)
5. Serapionova, E.P., 2021. *Chekhy i slovaki v Rossijskoi imperii (poslednjaja tret' XIX – nachalo XX vv.)* [Czechs and Slovaks in the Russian Empire (last third of the 19th – early 20th centuries)] Moscow: Institut slavjanovedeniia RAN, 332 p. (In Rus.)
6. Solntseva, S.A., 2002. *Voennoplennyje v Rossii v 1917 g. (mart- oktiabr')* [Prisoners of war in Russia in 1917 (March – October)] *Voprosy istorii*, 1, pp. 143-149. (In Rus.)
7. Tatarov, B.A., 2009. *Cheshskaia (Kijevskaia) družhina avgust 1914- dekabr' 1915 g.* [Czech (Kiev) squad, august 1914 – December 1915]. Moscow: Fond “Russkie vitiazi”, 92 p. (In Rus.)
8. Shcherbakov. Iu, N., 1982. *Iskry Velikogo Oktjabria: vklad internatsionalistov v revoliutsionnoje dvizhenije v stranakh Tsentralnoi i Iugovostochnoi Jevropy (1917-1921 gg.)* [Sparks of the Great October Revolution: the contribution of internationalists to the revolutionary movement in the contries of Central and South-Eastern Europe (1917-1921)]. Moscow: Politizdat, 288 p. (In Rus.)

Elena P. Serapionova

D.Sc. (History), Leading Researcher,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
serapionovae@mail.ru

Czech and Slovak Leftists in Russia during the Civil War (1917-1919)

The article deals with the beginning of the Czechoslovak national movement in Russia during the First World War. The author describes the change in the soldiers' moods during the war and under the influence of the revolutionary events in Russia. The article shows the formation process of the Czechoslovak Communist Workers' party in Russia, analyzes the activities of propaganda and agitation by Russian, Czech and Slovak Prisoners of war and legionaries as well as their participation in the armed struggle on the side of the Bolsheviks. Particular attention is paid to the split within the Czechoslovak national movement and the communists' attitude towards the branch of the Czechoslovak National Council in Russia. On the basis of published and archived materials, the author takes a fresh look at the activities of the Czechoslovak left during this period.

Keywords: Civil War in Russia, Czechoslovak national movement, Czech and Slovak Communists

Петр Владимирович Мошечков
Кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32 А.
pmoshechkov@yandex.ru

Освещение действий чешско-словацких легионеров в 1918–1920 гг. в работах французских военных представителей в России

Статья посвящена отображению основных событий, связанных с историей действий чешско-словацких войсковых формирований в период Гражданской войны в России в воспоминаниях, созданных французскими офицерами, возглавлявшими действовавшие на территории страны военные представительства Третьей Республики, или же проходившими службу в их составе. Подготовленные ими мемуары можно условно разделить на две группы. В первую из них входят воспоминания полковника Арсена Верже, майора Альфонса Гине и дневник известного французского историка-слависта Пьера Паскаля (1890–1983), находившихся в расположении частей Чешско-Словацкого корпуса в момент их вооруженного выступления против советской власти. Во вторую группу включены материалы личного происхождения, созданные генералом М. Жаненом (1862–1946) и его бывшими подчиненными, участниками его второй миссии в Сибирь (1918–1920 гг.) – нидерландским военным корреспондентом и ученым Лодевейком Грондейсом (1878–1961), Жозефом Ласье и Жоржем Дюбарбье. Данные источники содержат информацию о проблемах, связанных с организацией данных воинских подразделений, повествуют о моральном состоянии легионеров, восприятии ими происходивших вокруг них политических событий. Особо следует выделить труды М. Жанена, проливающие свет на обстоятельства организации его второй миссии в Россию, ее «французский» и «чешско-словацкий» аспекты. Проанализированные в статье воспоминания, в большинстве своем основанные на дневниковых записях, которые вели во время своего пребывания на территории России французские офицеры, занимают одно из существенных мест в известном на сегодняшний день пласте документов и материалов, посвященных данной проблематике.

Ключевые слова: Гражданская война в России, французские военные миссии, М. Жанен, М.Р. Штефаник, А.В. Колчак, Чешско-Словацкий корпус, воспоминания, дневники

Рассмотрение истории образования на территории России Чешско-Словацкого корпуса (с 1 февраля 1919 г. носившего официальное название Чешско-Словацкого войска в России (Особого корпуса для России))¹ и участия его частей в военных действиях в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. все в большей степени становится неотъемлемой составляющей отечественных и зарубежных трудов, посвященных Гражданской войне 1918–1922 гг. На сегодняшний момент историческая наука располагает достаточно большим пластом литературы, охватывающей различные аспекты данной темы. Выявление новых, ранее недоступных исследователям документов и материалов, в первую очередь тех из них, которые отложились в фондах архивов России, Чехии и Словакии, позволило создать за последние 30 лет научные работы, посвященные определению причин возникновения вооруженного выступления корпуса против советской власти, исследованию предшествовавших ему событий (так называемого Челябинского инцидента 14 мая 1918 г.)², участию политических и военных руководителей корпуса в организации антибольшевистских правительственных структур на востоке России³, экономической деятельности чешско-словацких легионеров в Сибири и социально-бытовым условиям их повседневной жизни,⁴ отдельным персоналиям, связанным с историей Чешско-Словацкого корпуса и его «анабазиса»⁵.

Особую группу научных работ составляют те из них, авторы которых анализируют материалы, посвященные обстоятельствам совместной деятельности в России генерала Мориса Жанена, с 27 февраля 1918 г. занимавшего должность верховного главнокомандующего созданной во Франции автономной Чешско-Словацкой армии⁶ и представителя Чешско-Словацкого национального совета, словацкого ученого и политика, военного министра Чехословацкой республики Милана Растислава Штефаника (пребывание последнего в Сибири длилось около двух месяцев – с 16 ноября 1918 г. по 15 января 1919 г.). В частности, сюжетам, связан-

1 Серапионова 2018: 18.

2 См., например: Vrábel 2020: 56–69.

3 См., напр.: Васильченко 2021.

4 См., напр.: Bradlerová 2019; Vácha 2015.

5 См., напр.: Ferenčuhová 2021.

6 Павлов (ред.) 2021: 128.

ным с деятельностью М.Р. Штефаника во время его приезда в Россию в 1918 г. и ее отображению в документах, отложившихся в фондах Российского государственного военного архива (РГВА), Архива внешней политики Российской империи МИД РФ (АВП РИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), посвящен ряд статей и докладов, подготовленных Е.П. Серапионовой⁷ и Е.Ф. Фирсовым⁸. Проблема определения позиции союзников в отношении действий Чешско-Словацкого корпуса в России в 1918 г., места, которое занимало чешско-словацкое войско в их планах по организации интервенции, затронута в ряде работ А.Ю. Павлова, Ю.М. Галкиной и Е.П. Феськовой⁹. В гораздо меньшей степени отечественные исследователи обращали внимание на отображение событий, связанных с участием Чешско-Словацкого корпуса в Гражданской войне, в источниках личного происхождения, созданных иностранными военными и дипломатами, а также командующими находившихся на территории России иностранных контингентов¹⁰. В связи с этим целью данного исследования является изучение того, каким образом действия чешско-словацких легионеров представлены в сочинениях французских офицеров, возглавлявших существовавшие на территории России военные миссии, или же находившиеся на службе в их составе.

Анализируемые в статье мемуары и дневники можно условно разделить на две группы. В первую из них следует включить работы тех из них, кто оказался непосредственным свидетелем событий, произошедших после 14 мая 1918 г. К ним относятся воспоминания бывшего уполномоченного Третьей республики при Чешско-Словацком корпусе

7 См., например: Волков (ред.) 2001: 113–126; Čaplovič, Ferenčuhová, Stanová (eds) 2010: 167–174; Chorvát, Poch (eds) 2022: 243–250.

8 См., например: Волков (ред.) 2001: 35–56; Čaplovič, Ferenčuhová, Stanová (eds) 2010: 33–34.

9 См.: Галкина 2016: 271–281; Галкина 2017: 525–535; Галкина 2021: 297–308; Феськова 2019: 71–80; Феськова 2020: 106–113; Феськова 2021: 76–86; Pavlov 2022: 7–22. Кроме того, вопросы, связанные с позицией Франции относительно использования Чешско-Словацкого корпуса в ходе интервенции, исследуются в соответствующих разделах изданного в 2021 г. коллективного труда «Враг, противник, союзник?», посвященного франко-российским отношениям в 1917–1924 гг. См.: Павлов (ред.) 2021: 35–255.

10 Из последних работ отечественных историков, писавших на обозначенную тему, следует, в первую очередь, упомянуть доклад Н.Н. Бесчастнова, рассматривающего освещение истории возникновения вооруженного выступления Чешско-Словацкого корпуса в воспоминаниях командующего войсками США на Российском Дальнем Востоке генерала У. Грэвса. См.: Бесчастнов 2021: 30–34.

полковника Арсена Верже, Альфонса Гине¹¹ и сотрудника французской военной миссии в России Пьера Паскаля¹².

Наиболее ярко и последовательно картина действий Чешско-Словацкого корпуса представлена в книге полковника Арсена Верже «С чехо-словаками» (фр. *Avec les Tchécoslovaques*). Этот французский офицер прибыл в Россию в конце августа 1917 г. во главе группы представителей армии Французской Республики, которым предстояло проводить набор и обучение чешских и словацких волонтеров, а также организовать их последующую переброску на Западный фронт¹³. Данные мероприятия должны были производиться в соответствии с проектом организации чешско-словацких частей для Западного и Восточного театров военных действий, согласованным Чешско-Словацким национальным советом и его Отделением для России (ОЧСНС) во главе с председателем данной организации Т.Г. Масариком с французскими и российскими военными властями. После роспуска возглавляемой Верже группы офицеров по приказу нового начальника французской военной миссии в России генерала А.А. Нисселя он лично занимался чешско-словацким вопросом, находясь в Киеве, где лидер чешско-словацкой заграничной акции Т.Г. Масарик вел с Центральной Радой Украинской Народной Республики переговоры о статусе Чешско-Словацкого корпуса.

Примечательно, что в разделах, посвященных событиям на Украине в начале 1918 г., затрагивается и то положение, в котором находился Чешско-Словацкий корпус незадолго до принятия решения о его направлении на Западный фронт через Дальний Восток. В частности, здесь содержится полный текст записки Верже от 18 января 1918 г., адресо-

11 Альфонс Гине родился в 1876 г., на военную службу поступил в 1895 г., имел чин капитана артиллерии. До марта 1918 г. он занимал должность помощника подполковника Бегу, прикомандированного к 9-й румынской армии в Буковине. После начала сепаратных переговоров между Румынией и Центральными державами был направлен в Россию. 17 марта 1918 г. военный атташе Третьей республики в России генерал А. Лавернь направил его в распоряжение Чешско-Словацкого корпуса с целью наладить взаимодействие с его эшелонами. Во время пребывания в России был повышен в звании, получив на временной основе звание майора. См.: Галкина 2016: 275; Галкина 2017: 528.

12 Паскаль П. Русский дневник: во французской военной миссии, 1916–1918. Екатеринбург: Гонзо, 2014. 591 с.; *Он же*. В лоне коммунизма. Русский дневник. 1918–1921. СПб.: Владимир Даль, 2023. 319 с.; Guinet A. En mission en travers la Russie de Lénine. Paris: Fournier, 1921. 329 p.; Vergé A. Avec les Tchécoslovaques: invraisemblable et véridique épopée. Paris: René Guillon, 1926. 201 p.

13 Vergé A. Avec les Tchécoslovaques: invraisemblable et véridique épopée. Paris: René Guillon, 1926. P. 20, 26.

ванной генералу Нисселю. Она была посвящена состоянию 2-й дивизии Чешско-Словацкого корпуса. А. Верже давал высокую оценку личным качествам чешских и словацких добровольцев, а также прекрасно налаженному снабжению продовольствием и топливом частей 2-й дивизии. В то же время он выделял и ряд существенных упущений: недостаток боеприпасов (в том числе патронов и гранат), различие в уровне снабжения отдельных войсковых единиц теплым обмундированием и обувью, нехватку артиллерийских орудий, равно как и достаточно молодой возраст офицеров штаба дивизии и командиров полков¹⁴.

Рассуждая о событиях, произошедших уже после начала отъезда частей корпуса с территории Украины, Верже в первую очередь подвергал серьезной критике план их транспортировки на Западный фронт через Поволжье, Сибирь и Дальний Восток. Согласно его точке зрения, на процесс исполнения данного плана в значительной степени влиял ряд изначальных ошибок, впоследствии приведших к проблеме организации отъезда легионеров из России. Его позиция относительно данной проблемы была изложена в опубликованном им в тексте мемуаров письме, адресованном генералу М. Жанену и датированном 1919 г. По мнению французского офицера, вопросы о проезде частей Чешско-Словацкого корпуса через территорию России следовало бы продумать заранее, а не осуществлять его «наудачу». После выезда с территории Украины, его части предстояло «сосредоточить <...> в регионе, обладающем продовольственными ресурсами и снаряжением». В дальнейшем, как он считал, войсковые единицы было бы возможно перебрасывать по железной дороге в виде разделенного на части блока; в рамках основной группы должны были располагаться эшелоны с вооружением и снаряжением; кроме того, в ее распоряжении находились бы боевые подразделения, способные осуществлять защиту друг друга¹⁵.

Непосредственное руководство движением головного эшелона должно было осуществлять командование корпуса. С целью смягчить негативные последствия от отсутствия организации проезда из мест прежней дислокации на Украине через территорию России, ему следовало бы направить вперед отдельную группу легионеров. Им предстояло вступать в контакт с большевиками (или, по словам Верже, с каким-либо другим противником). Благодаря знанию Сибири, которым обладали некоторые из них, и имеющимся связям, как отмечал в своих воспоминаниях французский офицер, «были бы предусмотрены перевалочные пункты;

14 Ibid. P. 54–55.

15 Ibid. P. 91–92.

царящий хаос стал бы фактором успеха и позволил бы избежать обещаний, сделанных официально, в том, что касается сдачи оружия, людям менее скрупулезным, чем большевистские комиссары»¹⁶. В таком случае корпус имел бы преимущество перед советскими властями на местах, смог бы «справиться с препятствиями, чинимыми местными советами», избежать унижительных условий по сдаче большей части оружия и сохранить в целостности все боевое снаряжение¹⁷. Более организованный проезд эшелонов через территорию России позволил бы сократить их количество, что, в свою очередь, позволило бы командованию корпуса выиграть время¹⁸.

Повествуя о постепенном ухудшении отношений между чешско-словацкими добровольцами и местными властями, впоследствии приведшими к вооруженному выступлению частей корпуса, Верже отмечает, что на его возникновение оказал серьезное влияние ряд существенных факторов. Среди них он называл медленную транспортировку частей корпуса, неопределенность относительно планов, касающихся маршрутов его продвижения (северным путем через Архангельск или Мурманск¹⁹

16 Ibid. P. 100.

17 Ibid. P. 92–93.

18 Ibid. P. 100.

19 Следует отметить, что к тому моменту из России во Францию северным путем уже были направлены несколько транспортов с чешско-словацкими добровольцами. Первый из них, состоявший из набранных М.Р. Штефаником во время его поездки в конце 1916 г. в Румынию 310 волонтеров под командованием лейтенанта Вуэна, выехал через Мурманск и прибыл в Ла Рошель 12 июля 1917 г. 16 (29) октября 1917 г. из Архангельска на основании соглашений, достигнутых между Т.Г. Масариком и представителями Третьей республики, во Францию был отправлен транспорт, состоявший из 1200 чешско-словацких добровольцев под началом капитана О. Гусака, который прибыл в Ле Гавр 12 (25) ноября 1917 г. Вместе с ними туда прибыло еще 400 чехов и словаков – вторая партия добровольцев, набранных Штефаником в Румынии. Еще один транспорт, состоявший из 470 солдат и офицеров под командованием подполковника Г. Гибиша, отбыл из Мурманска 21 марта 1918 г. и прибыл во Францию 31 марта 1918 г. См.: *Husak O. Jdi! Vzpomínky legionáře Otakara Husaka. Praha: Československá obec legionářská, 2017. Кн. 1. S. 320–321; Babka 1924: 3–4; 20–31; Fic 1977: 74; Jiránek 2006: 234, 236. Впоследствии одним из аспектов обсуждения транспортировки части чешско-словацких подразделений через Мурманск и Архангельск были планы союзников по их временному использованию на Русском Севере в первую очередь для осуществления контроля над пролежавшими по территории региона железнодорожными линиями. После прибытия чешско-словацких волонтеров в Архангельск и Мурманск там оставались бы только те подразделения, которые могли бы быть использованы «по усмотрению союзников», остальным предстояло отправиться во Францию. См.: Письмо доктора А. Страки представителям Отделения для России ЧСНСовета в г. Омске о переговорах с*

или восточным путем через Владивосток), постепенное истощение запасов продовольствия, подготовленных еще во время пребывания на Украине, разногласия внутри самих воинских частей, вызванные, в частности, снижением влияния среди волонтеров Отделения Чешско-Словацкого национального совета для России, который в рассматриваемый период уже более «не являлся истинным выразителем национальной воли», отсутствие у советских властей на местах единства действий в отношении способа решения вопроса об отправке чешско-словацких частей в Западную Европу. На возникновение конфликта, считал Верже, влияло и поведение самих легионеров. Как он отмечал, «на вокзалах полковым оркестрам давали распоряжение играть военные мотивы; в населенных пунктах добровольцы искали ссоры с венграми (военнопленными. – П. М.) до такой степени, что проливалась кровь; повсюду проводились различные манифестации, самой похвальной целью которых является поддержка сплоченности и дисциплины в небольших частях, но которые больше бы выиграли от того, если бы были более скромными»²⁰.

Значимое место в мемуарах А. Верже занимает и освещение действий корпуса после инцидента 14 мая 1918 г. Следует отметить, что наиболее важными из них являются разделы, посвященные периоду до и после начала вооруженного столкновения между чешско-словацкими частями и подразделениями Красной Армии. Так, отдельную главу бывший представитель армии Третьей республики при Чешско-Словацком корпусе посвятил состоявшемуся в Челябинске 15–20 мая 1918 г. съезду делегатов от его частей. По мнению Верже, это событие в значительной степени повлияло на решение правительств держав Антанты и их военных представителей произвести интервенцию в Сибирь. «Если посмотреть с точки зрения восстановления фронта на российской территории или, по крайней мере, временной оккупации Сибири с целью противостоять германскому контролю, – отмечал он, – Челябинский “съезд” был благом, ибо он обязывал большевиков идти дальше, чего они не желали и, наоборот, союзников, произвести интервенцию в Сибирь как можно раньше, чего они не были способны сделать; кажется, что в вопросе об об-

представителями французского посольства об эвакуации чехословацких войск через Архангельск и Мурманск. Вологда, 9 мая 1918 г. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2: Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. № 68. С. 129–130; Протокол Англо-французской конференции, посвященной эвакуации чехословацких войск из России и политике Антанты в чехословацко-польском вопросе. Лондон, 28 мая 1918 г. // Там же. № 93. С. 171.

20 Vergé A. Avec les Tchécoslovaques... P. 94–95, 101–103.

щем фронте им недоставало связующего звена, которое создал Челябинский съезд, обострив и ускорив ход дела; могли ли Франция и другие союзные державы оставаться безучастными в течение длительного времени к опасности, существовавшей в течение многих месяцев благодаря чешско-словацкой операции, теперь находившейся на грани поражения?»²¹.

Параллельно А. Верже отмечает еще одну деталь, связанную с организацией легионерами «мятежа» против советской власти. Решения, принятые Челябинским съездом, не стали известны сразу всем чешско-словацким частям, в результате чего возникла несогласованность действий между различными их группировками. В первую очередь это касалось связи между группировкой Р. Гайды, штаб которого находился в Новониколаевске, и владивостокской группировкой, командование которой было доверено генералу М.К. Дитерихсу. В то время как Гайда в ходе проведения частями корпуса боевых действий не исключал его вмешательства во внутренние дела России, во Владивостоке по-прежнему призывали придерживаться нейтралитета. Данная «аномалия» продолжалась почти месяц, что существенным образом тормозило продвижение эшелонов на восток. По мнению Верже, «Гайде с самого начала мешали организовывать его военную акцию; его первые зашифрованные телеграммы не могли идти дальше Мариинска, вследствие чего многие эшелоны к востоку от этого населенного пункта не получили его приказы; более того, союзные консулы в Иркутске не могли работать в согласии с Гайдой, который предписал остановку эшелонов в тот самый момент, когда эти консулы прилагали усилия, чтобы оказать содействие или даже ускорить их движение на восток»²².

Сюжеты, связанные с вооруженным выступлением Чешско-Словацкого корпуса, содержатся и в воспоминаниях майора Альфонса Гине. Последний в общих чертах повествует о своей поездке в одном из эшелонов Чешско-Словацкого корпуса в сторону Челябинска и Омска, во время которой он стал свидетелем демонстраций, проведенных населением Кургана и Петропавловска по случаю освобождения чешско-словацкими частями этих городов от советской власти²³. Присутствует в воспоминаниях Гине и особая глава, посвященная Чешско-Словацкому корпусу, имеющая разъяснительный характер. В ней майор кратко представляет цели и задачи, стоявшие перед чешско-словацким национальным движением за рубежом, описывает историю его зарождения, а также

21 Ibid. P. 121.

22 Ibidem.

23 Guinet A. En mission... P. 140-143.

возникновения на территории России чешско-словацких добровольческих воинских частей, существовавших внутри чешско-словацкого войска традициях²⁴. Само политическое и военное руководство корпуса, в первую очередь, члены Временного исполнительного комитета, командующие группами чешско-словацких частей, равно как и рядовые легионеры предстают в воспоминаниях Гине как люди, поставившие перед собой определенную цель и стремящиеся к ее выполнению²⁵. Особо подчеркивает французский офицер и великодушные легионеров, их высокие моральные качества, проявленные после занятия населенных пунктов в Поволжье и Сибири. Уже на данном этапе их деятельность была направлена на обеспечение безопасности гражданского населения, а также на осуществление административных функций с последующей передачей управления в руки формируемых на местах правительственных организаций. По словам Гине, в этой сфере чешские и словацкие добровольцы проявили себя как компетентные и преданные делу организаторы²⁶.

Рассмотрены в данной главе и причины, вызвавшие конфликт легионеров с советской властью. Основной из них, по мнению Гине, стало нарушение договоренностей между Советом Народных Комиссаров и Отделением Чешско-Словацкого национального совета для России (ОЧНС), согласно которым советской стороне должно было быть сдано все оружие корпуса, кроме того количества, которое было определено как необходимое для гарантии безопасности эшелонов. Взамен Советским правительством была обещана помощь в организации их продвижения по территории России. Однако невыполнение соглашения местными советами, равно как и присутствие в рядах Красной Армии «многочисленных немецких и венгерских военнопленных» стали причинами возникновения среди военнослужащих чешско-словацких частей слухов о существовании интриги, которую плело против них германское посольство в Москве. А. Гине отмечал, что решение сопротивляться местным Советам и добиться таким образом продвижения чешско-словацких подразделений в сторону Владивостока было принято после получения известия о телеграмме народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина. В ней ввиду опасения японского наступления предписывалось провести скорейшую эвакуацию германских пленных из Восточной Сибири

24 Ibid. P. 144–148.

25 Ibid. P. 151–152.

26 Ibid. P. 153.

в Западную Сибирь, или же в Европейскую Россию, одновременно остановив продвижение чешско-словацких эшелонов на восток²⁷.

Диаметрально противоположная картина представлена в дневнике лейтенанта Пьера Паскаля²⁸. Согласно его мнению, одной из причин, приведших к чешско-словацкому «мятежу», стала затянутость переговоров между французской военной миссией и Советским Правительством об отправке частей корпуса двумя путями – через Архангельск и через Владивосток, вызвавшая «нервозность» в рядах добровольцев²⁹. Этим не преминули воспользоваться контрреволюционеры, которые видели в Чешско-Словацком корпусе «ядро сил», необходимое для произведения антисоветского переворота. Именно с ними Паскаль связывал распространение в среде военнослужащих корпуса нелепых и неправдоподобных слухов о том, что «большевики придумали макиавеллиевский план, чтобы сдать их, связанных по рукам и ногам, немцам»³⁰. Поэто-

27 Ibid. P. 149–150; Телеграмма наркома иностранных дел Г.В. Чичерина в Красноярский совдеп с указанием об эвакуации немецких военнопленных из Восточной Сибири и приостановке движения чехословацких отрядов // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 2. № 60. С. 119–120.

28 **Паскаль Пьер** (1890–1983) – известный французский славист. Родился 22 июля 1890 г. в городе Исуар в семье филолога-классика, преподавателя греческого и латинского языков Шарля Паскаля. Среднее образование получил в лицее Людовика Великого в Париже, впоследствии обучался в Высшей нормальной школе. В России впервые побывал в 1911–1912 гг., посетив Киев, Санкт-Петербург и Москву. В ряды французской армии вступил в 1913 г. В начале Первой мировой войны в качестве младшего лейтенанта 92-го пехотного полка принял участие в боевых действиях в Эльзасе, впоследствии был направлен в район Дарданелл в распоряжение 175-го пехотного полка. После выписки из госпиталя некоторое время служил в шифровальном бюро Главной квартиры французской действующей армии, откуда в мае 1916 г. в составе группы офицеров под руководством генерала М. Жанена был направлен в Россию для ведения пропагандистской работы, впоследствии перевелся в Петроград, где служил в шифровальном бюро французского посольства. После Октябрьской революции оставался в Советской России (СССР) вплоть до 1933 г. Совместно с сослуживцами по военной миссии, Робером Пти, Марселем Боди и Жаком Садулем принимал участие в создании Группы французских коммунистов (ГФК), на основе которой впоследствии была создана Французская коммунистическая партия, служил секретарем народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина. Пьер Паскаль участвовал и в подготовке 1-го (учредительного) конгресса Коминтерна в 1919 г. См.: Павлов, Гельтон 2019: 133–134; *Паскаль П. Русский дневник: во французской военной миссии, 1916–1918*. С. 23; *Родосский А.В. Совместить несовместимое // Паскаль П. В лоне коммунизма. Русский дневник. 1918–1921*. С. 5–13.

29 Письмо товарищу Марселю Мартине в ответ на его статью (Москва, 30 мая 1920 года) // *Паскаль П. В лоне коммунизма. Русский дневник. 1918–1921*. С. 247.

30 Там же. С. 247–248.

му неудивительно, что на фоне подобной пропаганды попытки майора Гине уговорить чехо-словаков сдать оружие в силу достигнутых в Пензе договоренностей вызвали среди них бурное недовольство. Постепенно, «благодаря длительному дружелюбию советской власти», чешско-словацкие части превратились в практически неконтролируемое «государство в государстве», с которым представители военной миссии были вынуждены обращаться как «власть с властью»³¹. Чешско-словацкие добровольцы охарактеризованы во второй книге «Русского дневника» Пьера Паскаля как «невежественная и обманутая толпа, охваченная навязчивой идеей немецкой измены», что сделало ее послушным орудием в руках российской контрреволюции³². Повествуя о Челябинском инциденте 14 мая 1918 г., Паскаль отмечал, что он был создан солдатами корпуса «бессознательно», и им воспользовались как предлогом для того, чтобы начать военные действия против советской власти на местах. Что же касается большевиков, то их отношение к legionерам в начале конфликта характеризуется Паскалем как дальновидное; ведя переговоры с Западно-сибирским и Петропавловским областными советами, и, принимая попытку привести стороны конфликта к компромиссу, он и майор Гине находили со стороны представителей советской власти «добрую волю, понимание положения, стремление к миру»³³.

Интересным является и то, каким образом Паскаль определял роль французской стороны в происходивших событиях. Из текста источника следует, что между дипломатическим представительством Третьей республики в России и ее военной миссией не существовало единства взглядов относительно решения вопроса о транспортировке частей Чешско-Словацкого корпуса на Западный фронт. Так, в первой книге своего «Русского дневника» П. Паскаль отмечал следующее: «Встречи с чехами проходили не просто: я был не слишком осведомлен об инструкциях майора Гине. Сам я знал одно – чехи должны быть как можно скорее отправлены в Архангельск. Однако, не переставая жаловаться, что советские власти чинят проволочки (разумеется, в угоду немцам), они явно были более склонны включиться в активную борьбу с этими властями здесь, нежели грузиться на корабли. На наши слова о том, что это не их задача, они возражали ссылками на прямо противоположные указания

31 Там же. С. 248–249.

32 Там же. С. 248.

33 Там же. С. 251.

посла Нуланса³⁴. К моменту нашего прибытия их мятеж против Советского правительства был уже в разгаре, что, как мне показалось, не было предусмотрено генералом Лавернем»³⁵. При этом Паскаль полагал, что французский посол Ж. Нуланс был осведомлен о готовящемся выступлении чешско-словацких частей, о чем может свидетельствовать еще одна цитата из его «Русского дневника». «Тем временем, – писал он, – контр-революционеры работали в этой несчастной массе представленных в их распоряжение солдат. Насколько они действовали по согласованию с Военной миссией, я не знаю. Но я считаю, что Посольство из своего логова в Вологде тайно руководило этой акцией без ведома Миссии. По край-

34 Посол Франции Ж. Нуланс являлся активным сторонником инициативы использования частей Чешско-Словацкого корпуса на Севере России и в Сибири в рамках межсоюзнической интервенции. Так, еще в апреле 1918 г. он предлагал воспользоваться ими для организации защиты портов и охраны расположенных в Вологде дипломатических представительств стран Антанты. Однако этот план не получил одобрения со стороны французского правительства. 17 мая 1918 г. Нуланс отправил в Париж телеграмму, в которой отмечал, что интервенция союзников в Россию позволит отвлечь значительные силы противника от Западного фронта, и для организации этой операции возможно использование чешско-словацких и сербских частей. В отправленном через месяц сообщении в Париж Нуланс, вновь призывавший начать интервенцию на Севере России и Дальнем Востоке как можно скорее, отмечал, что взятие чешско-словацкими частями под контроль значительной части Транссибирской магистрали представляет собой преимущество для держав Антанты, которым следует воспользоваться, «двинув вперед японские войска и организовав высадку союзных войск на Севере России». См.: Павлов (ред.) 2021: 95, 102, 105. Представленная в «Русском дневнике» Пьера Паскаля ситуация, когда командующие чешско-словацкими частями получали от разных французских дипломатических и военных представителей инструкции, содержание которых противоречило друг другу, нашла свое отражение и в официальных документах. С одной стороны, генерал Лавернь в соответствии с полученными из Парижа инструкциями стремился уговорить командование корпуса прекратить вооруженное противостояние с советской властью и принять условия Совета народных комиссаров для того, чтобы получить разрешение на выезд из России. С другой стороны, 6 июня 1918 г., вероятно, получив соответствующие указания от Нуланса, французский консул в Самаре сообщил ОЧСНС о том, что базирующиеся в Самаре чешско-словацкие эшелоны «без срочных и подлинных инструкций союзнических военных властей <...> не должны оставлять никаких ныне занимаемых позиций, а, наоборот, укреплять их, обеспечивая постоянную связь на всей Транссибирской линии». В качестве основной цели данной деятельности чешско-словацких частей была заявлена «подготовка Восточного фронта на Волге». См.: Уведомление французского правительства Отделению для России ЧСНСовета, переданное через консула в г. Самаре, о необходимости оставить чехословацкие войска на линии Транссибирской железной дороги. Самара, 6 июня 1918 г. // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 2. № 123. С. 218; Павлов (ред.) 2021: 104–105.

35 Паскаль П. Русский дневник: во французской военной миссии, 1916–1918. С. 494.

ней мере, виновники чешского переворота сказали мне, что они всегда были уверены, что угодят г-ну Нулансу, в то время как мои инструкции, полученные от генерала Лаверня, предусматривали мирную транспортировку в Архангельск»³⁶.

Во вторую группу воспоминаний французских офицеров можно включить те из них, которые повествуют об отношении руководства Чешско-Словацкого корпуса и рядовых легионеров к совершенному адмиралом А.В. Колчаком перевороту. Наиболее известными из работ подобного характера являются книга генерала М. Жанена «Мое участие в чешско-словацкой борьбе за свободу» (чеш. *Moje účast na československém boji za svobodu*)³⁷, в которой содержатся мемуарные и дневниковые записи, относящиеся к обоим периодам его пребывания в России в качестве начальника военных миссий (в 1916–1917 гг. и в 1918–1920 гг.), и более поздний, франкоязычный вариант этих воспоминаний – книга «Моя миссия в Сибири» (франц. *Ma mission en Sibérie*)³⁸, изданный в Париже в 1933 г. издательством *Payot*. Первая работа уникальна тем, что представляет собой выполненный Ганушем Елинеком перевод франкоязычной машинописной рукописи, оригинал которой отложился в фондах Муниципальной библиотеки г. Дижон³⁹. Участию Чешско-Словацкого корпуса в боевых действиях в Сибири посвящены и опубликованные в 1928 г. в журнале *Naše revoluce* статья «Заметка о роли России в мировой войне» и подготовленная им для правительства ЧСР записка «Условия деятельности чешско-словацкого войска в Сибири»⁴⁰.

На момент так называемого «Челябинского инцидента» (14 мая 1925 г.), приказа наркома по военным делам Л. Д. Троцкого советам и военным комиссариатам от Пензы до Омска осуществить разоружение военнослужащих Чешско-Словацкого корпуса от 25 мая 1918 г., ставшего непосредственным катализатором возникновения прямого вооруженно-

36 Письмо товарищу Марселю Мартине в ответ на его статью (Москва, 30 мая 1920 года). С. 248–249.

37 *Janin M.* Moje účast na československém boji za svobodu. Praha: Nakladatelství J. Otto, s.d. 381 s.

38 *Janin M.* Ma mission en Sibérie, 1918–1920. Paris: Payot, 1933. 307 p.

39 См. библиографическую запись на сайте *Catalogue Collectif de France: Général Maurice Janin. La part que j'ai prise dans la lutte des Tchécoslovaques pour la liberté* (Moje účast na československém boji za svobodu). URL: <https://ccfr.bnf.fr/portailccfr/ark:/06871/004D58010400A1A364> (дата обращения: 15.05.2023).

40 *Janin M.* Podmínky činnosti československého vojska v Sibíři. Z francouzského rukopisu přeložil Jar. Werstadt // *Naše revoluce*. 1928. Roč. V. Sv. 1–2. S. 16–39; *Idem.* Poznámky o úloze Ruska ve světové válce a v československém osvobození (Na okraj Kramářovy obrany slovenské politiky) // *Naše revoluce*. 1928. Roč. V. Sv. 1–2. S. 1–15.

го конфликта между большевиками и чешско-словацкими легионерами, Жанен находился в Париже, где в качестве главнокомандующего всеми чешско-словацкими вооруженными силами за границей вел с генеральным секретарем Чешско-Словацкого национального совета Э. Бенешем совместную работу по организации чешско-словацких частей во Франции. В связи с этим вторая и третья части его воспоминаний, в которых затрагивается проблема действий Чешско-Словацкого корпуса весной – летом 1918 г. являются ценным источником, представляющим мнение представителей «парижского центра» заграничного сопротивления относительно происходивших в Поволжье и Сибири событий.

Жанен отмечал, что принятое руководителями Национального совета решение о переброске на французский фронт находившихся на территории бывшей Российской империи чешско-словацких войсковых подразделений было поначалу воспринято в Париже как смелое предприятие, имеющее в то же время довольно сомнительный характер ввиду развала существовавшей на территории страны транспортной системы и достаточно непростых переговоров с большевиками⁴¹. Растущие разногласия между легионерами и правительством Советской России воспринимались чешско-словацкими функционерами в Париже и им самим как нечто естественное и вполне ожидаемое. Известия о «Челябинском инциденте» (14 мая 1918 г.), телеграмме Л. Д. Троцкого о разоружении частей корпуса (25 мая 1918 г.), начале вооруженных столкновений легионеров с местными формированиями Красной Армии, военных успехах чешско-словацких легионов и ликвидации советской власти на большей части территории Поволжья и Сибири, поступившие в Париж, вначале были неточными. Вместе с тем, судя по записям Жанена, даже на фоне этих новостей Национальный совет продолжил работу, направленную на осуществление плана переброски корпуса. С целью облегчения снабжения следующих к тихоокеанскому побережью войсковых единиц было принято решение об учреждении во Владивостоке французской базы, в административном плане подчинявшейся французскому военному атташе в Японии. Помимо этого, были предприняты меры, нацеленные на обеспечение связи между двигавшимися по территории России частями: «через Северную Сибирь и по реке Обь в Омск была направлена радиотелеграфная станция». Перед ее чешско-французским персоналом была поставлена задача установить связь со станцией, которую военные представители держав Антанты имели в Архангельске⁴². Параллельно про-

41 Janin M. Moje účast... S. 86.

42 Ibidem.

водились изыскания относительно того, каким образом можно было бы разместить на территории Французской Республики прибывшие из России чешско-словацкие контингенты и организовать необходимые для его подготовки учебные центры⁴³. Э. Бенеш начал переговоры с министром иностранных дел Великобритании Артуром Джеймсом Бальфуrom о предоставлении кораблей, необходимых для транспортировки войска во Францию. Последний дал генеральному секретарю Чешско-Словацкого национального совета обещание, что предоставит суда, необходимые для перевозки контингентов общей численностью 25 000 человек⁴⁴.

Однако в июне 1918 г. в столицу Третьей республики поступили сведения о том, что в Амурском регионе и Забайкалье при участии германских и венгерских военнопленных началась организация «большевистских формирований», что могло осложнить прежние планы переброски корпуса⁴⁵. Узнали в Париже и о том, что в сложившейся ситуации добравшиеся до Дальнего Востока легионеры были вынуждены развернуться и начать движение в обратном направлении с целью «оказать помощь главной силе войска открыть путь» к побережью Тихого океана. Телеграмма Бенеша о необходимости обеспечить транспортировку хотя бы половины воинских контингентов на Западный фронт была получена во Владивостоке лишь тогда, когда части уже покинули город. Это известие стало очередной неожиданностью для Бенеша и его соратников⁴⁶, что также нашло отражение в воспоминаниях Жанена. В частности, он писал, что ему «и доктору Бенешу сразу показалось странным, что в движении на восток был оставлен интервал настолько большой, чтобы большевистские восстания могли свободно развиваться и прервать его. Нам казалось, что это свидетельствует либо о каком-либо упущении командования, которое позволило передним группам уезжать достаточно быстро, вместо того, чтобы обеспечить их связь с последующими, или некотором беспорядке, который, возможно, произошел из-за разницы во взглядах отдельных лиц, которые реализовывали план»⁴⁷.

Довольно тревожными были и сведения о самом моральном и материальном положении чешско-словацких частей в Поволжье и Сибири. Именно в этих обстоятельствах в период с 18 по 25 июля 1918 г. было принято решение о направлении в Россию с особой миссией ге-

43 Ibid. S. 89.

44 Ibid. S. 97.

45 *Janin M. Ma mission en Sibérie, 1918–1920. P. 8.*

46 *Ibidem; Janin M. Moje účast... S. 97–98.*

47 Ibid. S. 97.

нерала М. Жанена и М. Р. Штефаника. Она имела как «французский», так и «чешско-словацкий» характер, что явствует из опубликованных в воспоминаниях Жанена текстов инструкций. Согласно распоряжениям Чешско-Словацкого национального совета, ему как верховному главнокомандующему автономной Чешско-Словацкой армии предстояло руководить всеми военными операциями, которые вели части корпуса, обеспечивать их снабжение и единство их действий, равно как и способствовать сохранению в полной мере морального духа легионеров. Кроме того, на генерала возлагалась обязанность подготовить их отъезд на западный театр военных действий, когда это позволила бы ситуация, о чем ЧНС должен был принять решение по согласованию с союзниками. Одновременно, ввиду постоянно поступавших просьб от представителей поляков, югославян и румын, ему предстояло оказывать помощь всем их соотечественникам, находящимся на территории Сибири, которые решились «сражаться против Центральных держав»⁴⁸.

Целью акции чешско-словацких подразделений, которая производилась бы в тесном взаимодействии с интервенционными силами, должно было стать установление контактов между Сибирью как базой для отъезда корпуса и «базами союзников на Ледовитом океане» с одной стороны и дружественными союзникам группами на Юге России с другой. Для реализации на практике подобных планов предстояло установить связь между чешскими эшелонами в Центральной и Западной Сибири и контингентами во Владивостоке, для чего в качестве первоочередной меры было необходимо произвести оккупацию местности вокруг Иркутска⁴⁹.

В последующих главах Жанен подробно повествует о своем пребывании в США и Японии. Основное место здесь уделено его встречам с Т. Г. Масариком и совместному визиту с послом Третьей республики в Вашингтоне, известным французским ученым и дипломатом Жаном-Жюлем Жюссераном к президенту Вудро Вильсону⁵⁰, равно как и о аудиенции Штефаника и Жанена у императора Японии, переговорах с японским военным министром генералом Танака Гиити и начальником японского Генерального штаба генералом Уэхара Юсоку, иными пред-

48 Ibid. S. 101.

49 Ibid. S. 102–103; Павлов (ред.) 2021: 128.

50 Во время этого визита, состоявшегося 18 сентября 1918 г., Вильсон и Жюссеран обсудили вопросы, связанные с усилением находившихся на территории России союзнических контингентов, в том числе проблему направления американских подкреплений с целью усиления антибольшевистского фронта на Волге, оказав тем самым помощь чешско-словацким частям. Подробнее см.: Ibid. S. 114–115.

ставителями военных властей страны, дипломатами⁵¹. Разделы III, IV, V, VI и VII охватывают период с ноября 1918 г до начала января 1919 г. (вплоть до отъезда Штефаника из России) и освещают политическую и военную ситуацию в Сибири, сложившуюся после произведенного адмиралом А. В. Колчаком государственного переворота в Омске. В главах VIII–XVIII, представляющих собой вторую часть «сибирского дневника», Жанен повествует о периоде после отъезда Штефаника из России (с 16 января 1919 г. по май 1920 г.). Здесь подробно описаны его встречи с представителями политического руководства и командования корпуса (Б. Павлу⁵², В. Гирсой⁵³, С. Чечекон, Я. Сыровы), командующими антибольшевистскими вооруженными формированиями в регионе (например, П.П. Ивановым-Риновым, Г.М. Семеновым), самим адмиралом Колчаком и представителями правительственного аппарата в Омске; продемонстрировано, как происходил процесс отвода частей Чешско-Словацкого корпуса с линии фронта в тыл. Имеются записи о беседах с главой британской военной миссии на Востоке России генералом А. Ноксом, посещения отдельных чешско-словацких частей, тренировочных лагерей и госпиталей. Мемуары Жанена ценны тем, что в них представлены целиком или фрагментарно телеграммы, официальные документы и иные

51 Ibid. S. 123–141.

52 **Павлу Богдан** (1883–1938) – известный словацкий и чехословацкий журналист, политик и дипломат, играл одну из ключевых ролей в действии частей Чешско-Словацкого корпуса в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны. С мая 1918 г. он возглавлял возникший в Челябинске Временный исполнительный комитет Чешско-Словацкой армии, впоследствии избран первым заместителем председателя ОЧСНС для России. 14 октября 1918 г. Чешско-Словацкий национальный совет, преобразованный во Временное чешско-словацкое правительство в составе Т.Г. Масарика, Э. Бенеша и М.Р. Штефаника, назначил его своим дипломатическим представителем в России. После роспуска ОЧСНС в декабре 1918 г. по распоряжению Штефаника вступил в должность начальника Специальной коллегии для России (январь 1919 г.). См.: Клеванский 1965: 277–278; Chorvát, Poch (eds) 2022: 93–94.

53 **Гирса Вацлав** (1875–1954) – один из ведущих представителей национального движения «русских» чехов, с февраля 1918 г. вел переговоры с Советским правительством об отправке чешско-словацких частей на Западный фронт, с апреля 1918 г. находился во Владивостоке, где занимался вопросами, связанными с организацией транспортов для вывоза корпуса с территории России. С августа 1918 г. являлся членом ОЧСНС, а с ноября 1918 г. занимал должность представителя правительства Чехословацкой республики в Сибири. См.: Вацлав Гирса // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 2. С. 971.

материалы, касающиеся текущего состояния частей корпуса, отображающие настроения служивших в нем офицеров и рядовых легионеров⁵⁴.

Повествуя о деятельности чешско-словацких частей в период после отъезда Штефаника и вплоть до начала отступления колчаковской армии в ноябре 1919 г., Жанен отмечает, что на фоне начавшейся деморализации чешско-словацких частей и падения дисциплины в них, было принято решение о постепенном стягивании корпуса на отдых в тыл. Предстояло либо дождаться изменения в настроении легионеров (их готовности вернуться на фронт), либо же предоставления, по договоренности с союзниками, судов для отправки их на родину. Решение, согласно которому чехо-словакам была поручена функция охраны Транссибирской магистрали, французский генерал характеризовал как вынужденную меру, принятую командованием чешско-словацких формирований не только ради безопасности войска, но и для сохранения чехословацкой стороной лица перед державами Антанты, от которых зависела эвакуация корпуса⁵⁵.

Оправдывая принятие чешско-словацким руководством решения об эвакуации корпуса, Жанен в то же время отмечал, что негативные тенденции, наблюдавшиеся в частях корпуса, были вызваны в первую очередь нестабильной политической ситуацией в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке, нерешенностью вопроса о сроках отъезда чешско-словацких частей из России, возраставшим недоверием легионеров к союзникам и их обещаниям оказать им военную помощь, направив в Россию значительные воинские контингенты⁵⁶. Причиной для разногласий в рядах военнослужащих корпуса стал изданный Штефаником приказ № 588, постановлявший упразднить ОЧСНС и существовавшие в чешско-словацких воинских подразделениях полковые и ротные представительства⁵⁷. На фоне данных тенденций крайне негативную роль сыграла медлительность созданного чехо-словаками аппарата управления войском. Так, в дневниковой записи от 17–18 марта 1919 г. М. Жанен, повествуя о своем разговоре с Б. Павлу отмечает, что последний признался в том, что «административная машина, созданная наспех чехо-словаками, работа-

54 Ibid. S. 142–204.

55 Ibid. S. 225; *Janin M. Poznámky o úloze Ruska...* S. 12, 14.

56 *Janin M. Poznámky činnosti československého vojska v Sibiři.* S. 18.

57 Постановление Военного министра Чехословацкой Республики генерала М.Р. Штефаника о ликвидации представительств и отделений ЧСНСовета и его Отделения для России в армии в связи с обретением Чехословакией независимости и прекращением деятельности ЧСНСовета // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Т. 2. № 339. С. 584–585.

ет ужасно медленно», из-за чего, в частности, в официальных изданиях ОЧНС не были вовремя опубликованы приказы, касающиеся упразднения упомянутых выше организаций в чешско-словацких боевых единицах⁵⁸. Весомой причиной были и «недостатки» самих чешских добровольцев как военнослужащих ввиду их привычки к «большим и легким успехам» при одновременном отсутствии должного уровня дисциплины, «чтобы сохранять спокойствие в столь скорбное время»⁵⁹.

Исходя из обозначенных выше факторов, Жанен делал вывод о том, что все концепции, сводящиеся к тому, что корпус следовало бы не стягивать в Сибирь, а оставить в России и сделать его ядром антибольшевистского движения уже в самой своей сути являлись бесосновательными. В статье «Заметки о роли России в мировой войне и чешско-словацком освобождении» он отмечал, что подобная задача стала бы для легионеров непосильной, ибо армия «была только что создана, была плохо организована и плохо снаряжена. Шестьдесят тысяч человек без поддержки и без запасов не могло овладеть безграничной территорией». Важным фактором была и окружавшая легионеров политическая обстановка, делавшая невозможной осуществление акцию подобного рода. «С другой стороны, – писал Жанен, – Россия была полностью покрыта массой обломков без спаянности. Большевистский режим принимался пассивно. Неуспех усилий Корнилова и Алексеева показывает, каким бы был неуспех чехо-словаков, которые бы полностью увязли в сыпучем песке. Помимо этого, они были бы подчинены деятельности австрийцев и немцев, которые несомненно протянули бы свою сильную руку помощи большевикам». В связи с этим, считал Жанен, планы, согласно которым предстояло произвести безопасный выезд армии с территории России и направить ее во Францию, где легионеры, приняв участие в боях на Западном фронте, могли бы принести пользу союзникам, имели под собой здравый смысл⁶⁰.

Положительную оценку действиям Чешско-Словацкого войска в годы Гражданской войны в России давали его бывшие сослуживцы и подчиненные по французской военной миссии – Л. Грондейс, Ж. Ласье и Ж. Дюбарбье⁶¹. В их воспоминаниях легионеры предстают как смелые

58 *Janin M. Moje účast... S. 237.*

59 *Ibid. S. 240.*

60 *Janin M. Poznámky o úloze Ruska... S. 12.*

61 *Грондейс Л. Война в России и в Сибири. М.: РОССПЭН, 2018. 454 с.; Dubarbier G. En Sibérie après l'armistice. Paris: Nouvelle revue, 1924. 160 p.; Lasies J. La Tragédie sibérienne. Paris: L'Édition Française illustrée, 1920. 254 p.*

и доблестные, преданные своему делу воины. Так, Ж. Дюбарбье в своих воспоминаниях высоко оценивал дисциплину в рядах чешско-словацких войсковых единиц в Сибири, которую удалось сохранить несмотря на разногласия по вопросу о сохранении в структуре армии выборных органов⁶². Все три офицера выделяли и заслуги легионеров по охране Транссибирской магистрали, рассматривая их в своих мемуарах как единственную силу, могущую поддерживать порядок в населенных пунктах вдоль железнодорожной линии⁶³.

В мемуарах Грондейса, Ласье и Дюбарбье отмечается, что деятельность военнотружущих чешско-словацких частей не была оценена по праву адмиралом А.В. Колчаком и его окружением, выразившим в отношении легионеров постоянные придирки, производившим действия, квалифицировавшиеся чешско-словацкой стороной как враждебные. Зачастую во время планирования как политических акций, так и операций на фронте к чехо-словакам относились как к второстепенному элементу⁶⁴, что представляло собой серьезную политическую ошибку. Так, например, Л. Грондейс полагал, что инициаторы переворота 18 ноября 1918 г. не учли особой роли чешско-словацких частей как единственной силы, без которой «не могла бы возникнуть Директория Уфы и не могло существовать новое правительство»⁶⁵. В свою очередь Ж. Дюбарбье отмечал, что только «благодаря чехословацкой армии Колчак смог продолжить борьбу на фронте, а союзники смогли постоянно чувствовать себя в безопасности»⁶⁶. Непонимание Омским правительством характера и особого статуса военнотружущих чешско-словацкой армии, его планы отправить чехов на фронт на фоне приказов Масарика об ограничении деятельности Чешско-Словацкого корпуса охраной участка Транссибирской железной дороги между Омском и Верхнеудинском и невмешательстве во внутренние российские дела приводили лишь к нарастанию конфликта между двумя сторонами. «Между тем, – писал в своих воспоминаниях Грондейс, – простая житейская осмотрительность могла бы подсказать необходимость хороших отношений с чехами. Адмирал имел возможность нейтрализовать влияние чешских политиков, которые своими декретами и манифестами постоянно пытались вмешаться во внутренние

62 *Dubarbier G. En Sibérie après l'armistice. P. 101–103.*

63 См., например: *Грондейс Л. Война в России и в Сибири. С. 300–303; Dubarbier G. En Sibérie après l'armistice. P. 99–100; Lasies J. La Tragédie sibérienne. P. 57, 131.*

64 *Dubarbier G. En Sibérie après l'armistice. P. 98–100.*

65 *Грондейс Л. Война в России и в Сибири. С. 387.*

66 *Dubarbier G. En Sibérie après l'armistice. P. 100.*

русские дела. Добрые слова, горячая благодарность за услуги, оказанные России, помогли бы адмиралу завоевать сердце “братьев-славян”»⁶⁷.

Таким образом, анализ воспоминаний французских офицеров позволяет сделать вывод о том, что рассмотренные в статье труды являются довольно значимыми источниками личного происхождения, вышедшими из-под пера непосредственных участников событий. Следует отметить, что в большинстве работ бывшие французские военные представители в России одинаково характеризуют участие чешско-словацких добровольцев в военных действиях на фронтах Гражданской войны и во время последующего этапа пребывания на охране Транссибирской магистрали как героическую акцию и пытаются оправдать предпринятые ими и командованием корпуса шаги, представив анализ происшедших событий и подкрепив свои выводы публикуемыми целиком или фрагментарно служебными документами по линии командования Чешско-Словацкого корпуса, или же военного представительства Третьей республики. Образ чешско-словацких легионеров как подвергнутой пропаганде со стороны контрреволюционных сил массы представлен лишь в первом томе «Русского дневника» Пьера Паскаля, что, вполне вероятно, было связано с его политическими взглядами.

В воспоминаниях французских офицеров, бывших членов французской военной миссии в России, продемонстрирована и сложная и неоднозначная обстановка, существовавшая накануне вооруженного выступления частей Чешско-Словацкого корпуса против советской власти. Авторы воспоминаний приводят как внутренние, так и внешние факторы возникновения данного конфликта, среди которых в качестве доминирующих представлены неопределенность планов относительно судьбы чешско-словацких частей, находящихся в России и сроков их отправки на Западный фронт, распространение слухов о передаче чешско-словацких частей в руки германской стороны, отсутствие как у представителей советской власти, так и у союзников четкого и согласованного плана действий по решению проблемы транспортировки чешско-словацких частей из России во Францию. В ряде работ, примерами которых могут послужить воспоминания М. Жанена и А. Верже, присутствует попытка произвести анализ ошибок, допущенных французским командованием при организации перевозки корпуса через территорию России восточным путем, выявить упущения и недостатки в работе самого организованного представителями чешско-словацких войсковых частей административного аппарата. Ввиду этого представленные в статье мемуары занимают

67 Грондейс Л. Война в России и в Сибири. С. 396.

одно из существенных мест в известном на сегодняшний день пласте документов и материалов, посвященных данной проблематике, и позволяют посмотреть на историю действий чешско-словацких легионеров в период Гражданской войны в России с разных ракурсов.

Литература

1. Бесчастнов 2021 — *Бесчастнов Н.Н.* Вильям Грэвс о мятеже Чехословацкого корпуса // История Гражданской войны на Дальнем Востоке и история русской эмиграции: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию окончания Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (Благовещенск, 13 мая) / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Уфа: Издательство БГПУ, 2021. С. 30–34.
2. Васильченко 2021 — *Васильченко М.А.* Чехословацкий корпус в борьбе за Поволжье (май – ноябрь 1918 г.). Саратов: Техно-Декор, 2021. 170 с.
3. Волков (ред.) 2001 — Милан Растислав Штефаник: новый взгляд / отв. ред. В. К. Волков. Мартин: Neografia, 2001. 157 с.
4. Галкина 2016 — *Галкина Ю.М.* Позиция французской военной миссии в России в событиях марта – августа 1918 г. // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 271–281. DOI: 10.15826/izv.2016.18.4.080
5. Галкина 2017 — *Галкина Ю.М.* «Наши истинные русские друзья все свои надежды связывают с союзниками и прежде всего с нами, французами...»: рапорт подполковника Бегу о командировке в Россию (1918) // Документ. Архив. История. Современность. 2017. № 17. С. 525–535.
6. Галкина 2021 — *Галкина Ю.М.* Письмо самарского «консула» премьер-министру Франции о событиях Гражданской войны: долг гражданина и личный интерес // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 1. С. 297–308. DOI: 10.15826/qr.2021.1.580.
7. Клеванский 1965 — *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России, 1914–1922. М.: Наука, 1965. 395 с.
8. Павлов (ред.) 2021 — *Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: коллективная монография* / отв. ред. А.Ю. Павлов. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2021. Т. 1. 703 с.
9. Павлов, Гельтон 2019 — *Павлов А., Гельтон Ф.* В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: Издательство РХГА, 2019. 248 с.
10. Серапионова 2018 — *Серапионова Е.П.* Чехословацкий корпус в России (1918–1920) // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы / сост. А.Р. Ефименко, К.А. Абрамян, Н.А. Мышов, З.С. Ненашева, Е.П. Серапионова, А.Д. Силаев, В. Слука, И. Урмински. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2: Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. С. 5–28.

11. Феськова 2019 — *Феськова Е.П.* Французские военные миссии в России и восстание Чехословацкого корпуса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 71–80.
12. Феськова 2020 — *Феськова Е.П.* Вопрос о судьбе чехословацких войск в России в деятельности французской военной миссии в 1919 году // Международные отношения в XX–XXI вв.: IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны. Сборник научных статей и сообщений Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 17–18 декабря 2020 г.) / отв. ред. О.С. Поршнева. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2020. С. 106–113.
13. Феськова 2021 — *Феськова Е.П.* Реакция французских представителей в России на переворот 18 ноября 1918 г. в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8. № 4 (32). С. 76–86. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(4).76-86
14. Babka 1924 — *Babka A.* Za Polární kruh: kus historie československého vojska za hranicemi. Praha: Památník Odboje, 1924. 36 s.
15. Bradlerová 2019 — *Bradlerová D.* Vojáci nebo podnikatele? Hospodářské a finanční aktivity československých legií v Rusku a na Sibiři. Praha: Academia, Masarykův ústav a archiv AV ČR, 2019. 430 s.
16. Čaplovič, Ferenčuhová, Stanová (eds) 2010 — Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie / eds. M. Čaplovič, B. Ferenčuhová, M. Stanová. Bratislava: Vojenský historický ústav – Ministerstvo obrany Slovenskej republiky; Historický ústav SAV; Slovenský národný archív, 2010. 288 s.
17. Ferenčuhová 2021 — *Ferenčuhová B.* Bohdan Pavlů: politická biografía, 1883–1938. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied; Historický ústav Slovenskej akadémie vied, 2021. 511 s.
18. Fic 1977 — *Fic V.M.* Revolutionary War for Independence and the Russian Question. Czechoslovak army in Russia (1914–1928). New Delhi: Abhinav Publications, 1977. 270 p.
19. Chorvát, Poch (eds) 2022 — Československé légie – Slováci – Slovensko / ed. P. Chorvát, M. Posch. Bratislava: Vojenský historický ústav; Historický ústav Slovenskej akadémie vied, 2022. 436 s.
20. Pavlov 2022 — *Pavlov A.* La France et les bolcheviks: partenaires et adversaires (novembre 1917 – juillet 1918) // Guerres mondiales et conflits contemporaines. 2022. № 288. P. 7–22.
21. Jiránek 2006 — *Jiránek T.* Druhý, tzv. Gibišův transport československých legií z Ruska do Francie (1917–1918) // Theatrum historiae. 2006. № 1. S. 233–248.
22. Vácha 2015 — *Vácha D.* Bratrstvo: všední a dramatické dny československých legií v Rusku (1914–1918). Praha: Epoque, 2015. 333 s.
23. Vrábek 2020 — *Vrábek F.* Čelabinsk – máj/jún 1918 (na základě novo sprístupnených dokumentov z ruských archívov) // Vojenská história. 2020. Č. 2. S. 56–69.

References

1. Babka, A., 1924. *Za Polární kruh: kus historie československého vojska za hranicemi*. Praha: Památník Odboje, 36 p.
2. Beschastnov, N.N., 2021. Vil'iam Grevs o miatezhe Chekhoslovatskogo korpusa [William Graves on the Mutiny of the Czechoslovak Corps]. In: Buiarov, D.V., Kuznetsov, D.V., eds, 2021. *Istoriia Grazhdanskoi voiny na Dal'nem Vostoke i istoriia russkoi emigratsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu okonchaniia Grazhdanskoi voiny i interventsii na Dal'nem Vostoke (Blagoveshchensk, 13 maia)* [The History of Civil War on the Far East and the History of Russian Emigration: Materials of the All-Russian Theoretical and Practical Conference Devoted to the 100th Anniversary of the End of Civil War and Intervention on the Far East (Blagoveshchensk, 13th of May)]. Ufa: Izdatel'stvo BGPU, pp. 30–34. (in Rus.)
3. Bradlerová, D., 2019. *Vojáci nebo podnikatele? Hospodářské a finanční aktivity československých legií v Rusku a na Sibiři*. Prague: Academia, Masarykův ústav a archiv AV ČR, 430 p.
4. Čaplovič, M., Ferenčuhová, B., Stanová, M., eds, 2010. *Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie*. Bratislava: Vojenský historický ústav – Ministerstvo obrany Slovenskej republiky; Historický ústav SAV; Slovenský národný archív, 288 p.
5. Ferenčuhová, B., 2021. *Bohdan Pavlů: politická biografía, 1883–1938*. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied; Historický ústav Slovenskej akadémie vied, 511 p.
6. Feskova, E.P., 2019. Frantsuzskie voennye missii v Rossii i vosstanie Chekhoslovatskogo korpusa [French Military Mission to Russia and the Revolt of the Czechoslovak Legion]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6, pp. 71–80. (in Rus.)
7. Feskova, E.P., 2020. Vopros o sud'be chekhoslovatskikh voisk v Rossii v deiatel'nosti frantsuzskoi voennoi missii v 1919 godu [The Problem of the Czechoslovak Army's Fate in Russia in the Activities of the French Military Mission in 1919]. In: Porshneva, O.S., ed., 2020. *Mezhdunarodnye otnosheniia v XX–XXI vv.: IV Chempalovskie chteniia, posviashchennnye 75-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine i 75-letiiu okonchaniia Vtoroi mirovoi voiny. Sbornik nauchnykh statei i soobshchenii Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 17–18 dekabria 2020 g.)* [IV Chempalov Readings Devoted to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War and 75th Anniversary of the End of World War II. Collection of Articles and Reports of the All-Russian Scientific Conference (Yekaterinburg, 17–18 of December 2020)]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI, pp. 106–113. (in Rus.)
8. Feskova, E.P., 2021. Reaktsiia frantsuzskikh predstavitelei v Rossii na perevorot 18 noiabria 1918 g. v Omske [Reaction of the French Representatives in Russia to the Coup of November 18, 1918 in Omsk]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriiia "Istoricheskie nauki"*, 8, 4 (32), pp. 76–86. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(4).76-86

9. Fic, V.M., 1977. *Revolutionary War for Independence and the Russian Question. Czechoslovak army in Russia (1914–1928)*. New Delhi: Abhinav Publications, 270 p.
10. Galkina, Yu.M., 2016. Pozitsiia frantsuzskoi voennoi missii v Rossii v sobytiakh marta – avgusta 1918 g. [The Viewpoint of the French Military Mission in Russia of the Situation in May–August 1918]. *Izvestiia UrFU. Serii 2: Gumanitarnye nauki*, 18, 4 (157), pp. 271–281. (in Rus.)
11. Galkina, Yu.M., 2017. “Nashi istinnye russkie druž'ia vse svoi nadezhdy svyazyvaiut s soizuznikami i prezhde vsego s nami, frantsuzami...”: raport podpolkovnika Begu o komandirovke v Rossiiu (1918) [“Our True Russian Friends Bound All Their Hopes with Allies and Chiefly with Us, French...”: the Report of Lieutenant Colonel Begu on His Mission to Russia (1918)]. *Dokument. Arkhiv. Istorii. Sovremennost'*, 17, pp. 525–535. (in Rus.)
12. Galkina, Yu.M., 2021. Pis'mo samarskogo “konsula” prem'er-ministru Frantsii o sobytiakh Grazhdanskoj voiny: dolg grazhdanina i lichnyi interes [A Letter from the Samara “Consul” to the Prime Minister of France about the Events of the Civil War: A Citizen's Duty and Self-Interest]. *Quaestio Rossica*, 9, 1, pp. 297–308. DOI: 10.15826/qr.2021.1.580. (in Rus.)
13. Chorvát, P., Posch, M., eds, 2022. *Československé légie – Slováci – Slovensko*. Bratislava: Vojenský historický ústav; Historický ústav Slovenskej akadémie vied, 436 s.
14. Jiránek, T., 2006. Druhý, tzv. Gibišův transport československých legií z Ruska do Francie (1917–1918). *Theatrum historiae*, 1, pp. 233–248.
15. Klevanskii, A.Kh., 1965. *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyyi korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniia v Rossii, 1914–1922* [Czechoslovak Internationalists and the Sold Corps. Czechoslovak Political Organizations and Military Units in Russia, 1914–1922]. Moscow: Nauka, 395 p. (in Rus.)
16. Pavlov, A.Iu., ed., 2021. *Vrag, protivnik, soizuznik? Rossiia vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.: kollektivnaia monografiia* [Enemy, adversary, ally? Russia in the Foreign Policy of France in 1917–1924: collective monograph]. Saint Petersburg: Izd-vo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. Vol. 1, 703 p. (in Rus.)
17. Pavlov, A., 2022. La France et les bolcheviks: partenaires et adversaires (novembre 1917 – juillet 1918). *Guerres mondiales et conflits contemporaines*, 288, pp. 7–22.
18. Pavlov, A., Guelton, F., 2019. *V kabinetakh i okopakh: frantsuzskie voennye missii v Rossii v gody Pervoi mirovoj voiny* [In Offices and in Retrenchments: French Military Missions in Russian in the Years of World War I]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 248 s. (in Rus.)
19. Serapionova, E.P., 2018. Chekhoslovatskii korpus v Rossii (1918–1920) [Czechoslovak Army Corps in Russia (1918–1920)]. In: Efimenko, A.R., Abramian, K.A., Myshov, N.A., Nenasheva, Z.S., Serapionova, E.P., Silaev, A.D., Sluka, V., Urminski, I., 2018. *Cheshsko-Slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czecho-Slovak (Czechoslovak) Army Corps in Russia. 1914 – 1920.

- Documents and Materials]. Moscow: Kuchkovo pole, Vol. 2: *Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaia voina v Rossii. 1918–1920 gg.* [Czechoslovak Legions and Civil War in Russia], pp. 5–28. (in Rus.)
20. Vasil'chenko, M.A., 2021. Chekhoslovatskii korpus v bor'be za Povolzh'e (mai – noiabr' 1918 g.) [Czechoslovak Army Corps in the Struggle for Volga Region]. Saratov: Tekhno-Dekor, 170 p. (in Rus.)
 21. Vácha, D., 2015. Bratrstvo: všední a dramatické dny československých legií v Rusku (1914-1918). Prague: Epocha, 333 p.
 22. Volkov, V.K., ed., 2001. *Milan Rastislav Shtefanik: novyi vzgliad* [Milan Rastislav Štefánik: A New Look] Martin: Neografia, 157 p. (in Rus.)
 23. Vrábel, F., 2020. Čelabinsk – máj/jún 1918 (na základě novo sprístupnených dokumentov z ruských archívov). *Vojenská história*, 2, pp. 56–69.

Petr V. Moshechkov

PhD, Research Fellow,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
pmoshechkov@yandex.ru

The Interpretation of Action of the Czecho-Slovak legionaries in 1918–1920 in the Works of the French Military Representatives in Russia

The article deals with the reflection of the main events connected with the history of activity by the Czecho-Slovak Army Corps during the Civil War in Russia, as depicted in the memoirs of the officers of the Army of the French Republic who commanded the military missions in Russia or served in them. Regarding the historiography of the problem, it stands to mention that both the Russian and the Czech and Slovak historiography contain a considerable part of scientific works that are concerned with the reasons for the emergence of the military coup against the Soviet power by the Corps. This particular group of studies is devoted to the definition of the activity in Siberia of the famous Slovak scientist and politician, general of the French Army, and War Minister of the Czechoslovak Republic, Milan Rastislav Štefánik. Especially the works of the Russian historians E.P. Serapionova and E.F. Firsov deserve particular attention. The place that the Czecho-Slovak Army Corps occupied in the projects of the Entente powers on the organization of the Allied intervention in Russia is the subject of study in the works of A.Iu. Pavlov, Yu.M. Galkina and E.P. Feskova. However, the problem of how these aspects are reflected in the memoirs of French military representatives, who were witnesses of the events, has not been sufficiently studied. The principal sources for this article are the memoirs and diaries of A. Vergé, A. Guinet, P. Pascal, M. Janin, L. Grondijse, J. Lasiez and G. Dubarbier. The study shows that the sources analyzed in the article are of great significance because they allow for an examination of the problem presented in the article from different perspectives.

Keywords: Civil War in Russia, French military missions, M. Janin, M.R. Štefánik, A.V. Kolchak, Czecho-Slovak Army Corps, memoirs, diaries

Андрей Владиславович Ганин

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН.
Ленинский проспект, 32 А, Москва, 119334, Россия.
andrey_ganin@mail.ru

«Честно пойти общей дорогой туда, куда влекут... жизненные потребности страны». История тайных переговоров красных и белых о сдаче Русской армии генерала П.Н. Врангеля в Крыму осенью 1920 г.¹

Статья посвящена истории тайных переговоров красных и белых о примирении осенью 1920 г. Тогда через линию фронта к красным перешел белый офицер штабс-капитан В.Б. Можаровский, сообщивший, что представляет группу оппозиционных генералу П.Н. Врангелю офицеров из белого Крыма во главе с полковником Н.Ф. Соколовским, которые хотели бы сдать Русскую армию генерала П.Н. Врангеля красным. Для реализации замысла требовались гарантии советского правительства. Предложение эмиссара белых рассматривалось в Советской России на самом высоком уровне – в обсуждении участвовали глава советского правительства В.И. Ленин и председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий. Было решено принять предложения белых оппозиционеров, назначив во главе врангелевской армии авторитетного генерала А.А. Брусилова. Однако вскоре выяснилось, что агент прибыл с фальшивым удостоверением, что привело к срыву всей операции, поскольку Можаровского сочли провокатором. Возможно, это действительно была операция белой разведки, вместе с тем имеются данные, которые свидетельствуют, что предложения белых оппозиционеров могли быть реальными. Возможно, в конце Гражданской войны, когда поражение белых стало очевидным, часть белой военной элиты решила перестраховаться и обеспечить себе безопасный переход в советский лагерь, сдав врангелевскую армию красным.

¹ Выражаю благодарность Д.В. Соколову за предоставленные сведения.

Ключевые слова: Гражданская война, РККА, Русская армия, РСФСР, Украина, В.И. Ленин, П.Н. Врангель, А.А. Брусилов, борьба спецслужб, мирные переговоры

8 сентября 1920 г. в штаб советского Юго-Западного фронта был доставлен перешедший от белых поручик Вадим Борисович Яковлев, в действительности оказавшийся штабс-капитаном Всеволодом Борисовичем Можаровским. В этом не было почти ничего необычного, если бы не важное сообщение перебежчика. По его словам, в руководстве Русской армии генерала П.Н. Врангеля действовала тайная организация генштабистов, участники которой разочаровались в Белом движении, планировали свергнуть Врангеля и сдать его армию красным.

Появление эмиссара белых с важной информацией породило в Советской России серьезное обсуждение на самом высоком уровне по вопросу возможного завершения Гражданской войны, едва не закончившееся положительно для прибывшего. В 2023 г. в Центральном архиве Федеральной службы безопасности было рассекречено дело по этому вопросу. Эти материалы представляют немалый интерес для осмысления событий заключительного этапа конфликта, содержат новые данные об отношении большевистского руководства к офицерам в целом и военспецам в частности, о восприятии лидерами РКП(б) Гражданской войны и возможности замирения с противником, проливают свет на некоторые аспекты противоборства спецслужб того времени².

Кем же был пробравшийся через линию фронта белый эмиссар? Материалы дела позволяют в общих чертах реконструировать его биографию. Можаровский родился 12 февраля 1893 г. в Киеве, в семье мелкого служащего, происходил из мещан. До войны, согласно его показаниям, занимался уроками, музыкой и литературой. В 1915 г. окончил 2-е Киевское военное училище и получил чин прапорщика. Служил в 99-м пехотном запасном полку в Пензе младшим офицером, затем командовал ротой (в разных показаниях Можаровский путался – то утверждал, что это было до отправки на фронт, то упоминал, что служил там уже в 1917 г.). В 1916 г. попал на фронт, в 80-ю пехотную дивизию, командовал ротой, был ранен и контужен³. Лечился он в Киеве и Казани. В 1917 г. находился на службе в 208-м пехотном Лорийском полку и командовал ротой в 52-й пехотной дивизии.

2 В сокращенном виде опубликовано в: Ганин 2023.

3 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 80.

В апреле 1918 г. Можаровский добровольно поступил в Красную армию. Служил адъютантом в 3-м Саратовском советском полку (по одному из его свидетельств – до 1 июня того же года). Состоял при штабе 1-й Саратовской дивизии и с 1 июня по 15 сентября (по другим его же данным, с 15 июня по 1 октября) служил инструктором для поручений и помощником начальника штаба. Затем получил назначение начальником оперативного отдела штаба 4-й армии Восточного фронта, где значился по 15 октября или по 1 ноября (Можаровский указывал различные даты). Якобы его знали член РВС армии В.В. Куйбышев и начальник политотдела П.М. Войтик. Со 2 ноября 1918 г. по 10 (в другой версии, по 15-е) января 1919 г. Можаровский служил правителем дел при управлении военных заготовок 1-й армии Восточного фронта, а в январе – мае 1919 г. (по другим данным, с 12 февраля по 1 мая) был старшим инструктором отдела всеобщего военного обучения Саратовского уездного военного комиссариата. Разница в датах может свидетельствовать как о забывчивости Можаровского, так и о том, что он путался в показаниях.

Позднее был командирован в Киевский окружной военный комиссариат, где с июля 1919 г. служил адъютантом начальника оперативного отдела. Затем Можаровский попал в штаб Сводного отряда Трипольского направления под командованием В.Б. Яковлева (его именем он годом позже и назовется при пересечении линии фронта), где стал помощником начальника штаба и начальником штаба (в других показаниях это датировано периодом с 9 июня по 1 сентября). Наркомом по военным делам Украинской ССР Н.И. Подвойским был награжден часами с надписью «Красному храброму воину». По словам Можаровского, Подвойский его знал по Переяславской и Тираспольской операциям 1919 г. Знал его и видный украинский коммунист Н.А. Скрипник (в 1919 г. –особоуполномоченный Совета обороны при Сводном отряде Трипольского направления, где находился и Можаровский). Также Можаровского знал Киевский губернский военный руководитель и военный комиссар П.А. Павлов. Казалось бы, речь шла об образцовом военном специалисте.

Но в биографии Можаровского далеко не все однозначно. В Киеве осенью 1919 г. он попал в плен к белым и, по его словам, даже содержался в Лукьяновской тюрьме⁴. Это подтвердил впоследствии очевидец событий, видный деятель антибольшевистского подполья в Киеве, тогда еще подполковник (позднее – полковник) Н.Ф. Соколовский⁵, отметив-

4 Там же. Л. 56, 79.

5 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 87.

ший, что тот просидел 10-12 дней⁶. По данным доклада последнего белому командованию в 1919 г., Можаровский участвовал в работе белого подполья⁷. Правда, в показаниях 1922 г. Соколовский пытался доказать, что Можаровский являлся лишь его случайным знакомым и ревностным сторонником советской власти⁸. Тем не менее, именно Соколовский помог Можаровскому освободиться из тюрьмы. Если верить показаниям Можаровского, по освобождении из киевской тюрьмы он уехал в Крым. В дальнейшем стал служить белым и даже был произведен в штабс-капитаны. Успешной интеграции в деникинскую армию способствовало сотрудничество с Соколовским.

Итак, в биографии Можаровского уже не раз встречается фамилия Соколовский. Этот офицер играл ключевую роль в истории с примирением 1920 г., поэтому необходимо дать характеристику и ему. Н.Ф. Соколовский окончил Военную академию, был героем Первой мировой войны, кавалером Георгиевского оружия. У красных в 1919 г. он служил в мобилизационном отделе Киевского губернского военного комиссариата, был помощником начальника отдела обороны организационного управления штаба наркомата по военным делам Украинской ССР. Одновременно тайно состоял в киевском белом подполье и вел активную подрывную работу⁹. Затем при оставлении красными Киева перешел к белым. Интересно, что в докладе белому командованию Соколовский выделил в качестве наиболее активных сотрудников одновременно и Яковлева, и Можаровского.

У белых Соколовский тогда якобы числился в резерве чинов, но, по другому его же свидетельству, служил в Кавказской и Кубанской армиях по военным сообщениям, в белом Крыму занимался ликвидацией дел Кубанской армии, а затем состоял в резерве офицеров Генштаба. В 1922 г. на суде он рассказал об эволюции своих взглядов в период Гражданской войны: «Постепенно произошел перелом, и появилась мысль, не окончить ли вооруженную борьбу. Немногие были уверены в возможности продолжения ее»¹⁰. По-видимому, весомым мотивом для Соколовского стала тоска по семье, находившейся на советской территории. Как он показал на допросе в июне 1922 г., «с весны 1920 года я всеми силами

6 Там же. Л. 87об.

7 РГВА. Ф. 7. Штаб РККА. Оп. 8. Д. 321. Л. 19об.

8 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 87.

9 Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3-20.

10 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 147об.

старался уйти из Добрармии, на это меня толкала еще и оставленная в России семья. Я решался на самые разнообразные поступки, чтобы вновь быть в России. Идея Родины и тоска по семье сделали свое дело... Будучи и в Крыму, и в эмиграции (Конст[антинопольский] район), я всегда говорил о никчемности белой идеи, я боролся, насколько мог с ней»¹¹.

Способом окончить братоубийственную войну казалось вступление в переговоры с красными, а также заговор против главнокомандующего генерала П.Н. Врангеля и внутренний переворот. Для достижения этих целей Соколовский стал объединять офицеров в тайную организацию, которую и возглавил. Организация состояла, в основном, из генштабистов.

На другом допросе Соколовский отметил:

«Ясно сознавалось, что агония белого движения продлится еще, но выхода нет. Начались искания связи с Сов[етской] Россией.

Небольшая группа офицеров Генштаба, в которой был и я, определенно решила, что дальнейшая борьба пагубна, что нужен героический шаг, чтобы предотвратить излишнее пролитие крови. Вновь ставился вопрос о связи с Сов[етской] Россией. Получалось своего рода тайное общество, которое начало принимать конкретные формы. Каждый из инициаторов должен был организовать ячейку в 5-6 человек единомышленников. Общая и конечная цель ставилась «связаться с Сов[етской] Россией и сов[етской] властью, получить согласие, а затем идти на переворот и прекращение Гражданской войны»¹². На суде в 1922 г. Соколовский говорил об этом обезличенно: «Образовалась группа оппозиции. Она считала борьбу против России невозможной. Решили ликвидировать весь крымский вопрос. Связь была затруднительна, но все же решено было связаться с Сов[етской] Россией»¹³.

Из этих показаний невозможно понять, кто же создавал такую группу.

Встреча Можаровского с Соколовским после длительного перерыва произошла, если верить показаниям первого, 15 марта (по старому или новому стилю – неизвестно) 1920 г. в Керчи. Эти показания совпадают с тем, что в 1922 г. рассказал следователям Соколовский¹⁴. Последний свидетельствовал:

11 Там же. Л. 23-23об.

12 Там же. Л. 25об.

13 Там же. Л. 147об.

14 Там же. Л. 87об.

«Наша встреча заставила нас высказаться относительно общего положения. Мы оба стояли на точке зрения полного прекращения Гражданской войны и полной неспособности белых вести дело «спасения России». Мы много говорили о безобразиях белых, о воровстве, бесчинствах и невольно вспоминали Красную армию, где этого было меньше. Я чувствовал полное разочарование Можаровского, но всех карт не раскрывал. Я ему обещал спастись от службы на фронте, где напрасно лилась кровь. Мы достали себе частные паспорта и подготавливали все, так как хотели жить частными лицами.

Повторяю, что всех карт я не открывал Можаровскому, хотя в это время образовалась значительная группа, которая вместе со мной решила войти в связь с Сов[етской] властью. В конце апреля, после неоднократных встреч я больше откровенничал перед Можаровским, и с его стороны встречал полное сочувствие. Наш лозунг был “нужно во что бы то ни стало прекратить Гражд[анскую] войну и войти в связь с Сов[етской] Россией”¹⁵.

Фактически Соколовский втянул своего знакомого в антиврангелевскую организацию.

Соколовский установил связь с большевистским подпольем в Керчи, в котором работали Межгоровский, Медведев и Леонова. Лидия Леонова фигурировала в деле о раскрытии белыми керченского подполья и обвинялась в недонесении, но решением военно-полевого суда от 14 (27) июня 1920 г. была оправдана¹⁶. По словам Соколовского, полной информации о керченских большевиках у него не было. Интересно, что впоследствии он представил свою антиврангелевскую организацию едва ли не частью керченского большевистского подполья:

«Во главе стоял подпольный коммунист Межгоровский. Насколько была многочисленная организация, мы подробно не знали, так [как] были разбиты на “пятерки”, знавшие только номер и своих коллег. Можаровский был со мной в одной “пятерке”. Мы вербовали единомышленников, собирались, беседовали, разрабатывали планы наших действий в Крыму для захвата власти и для прекращения Гражданской войны»¹⁷.

Оценить фактическую сторону тех событий затруднительно, поскольку в конце апреля 1920 г. белая контрразведка частично разгромила керченское большевистское подполье, действовавшее на протяжении второй половины 1919-1920 г. (подпольный горком РКП(б), который гото-

15 Там же. Л. 87об.-88.

16 Борьба за Советскую власть в Крыму. Док. и мат. Симферополь, 1961. Т. 2. С. 254.

17 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 88-88об.

вил восстание)¹⁸. 29 апреля на квартиру одного из подпольщиков ворвались контрразведчики. Находившиеся там члены подпольного горкома И.Д. Громозда, подпоручик Ф.В. Корнилов и гражданин Литвы Р.В. Шмидт (Кванте) оказали сопротивление и бежали, но затем были арестованы, а летом после пыток казнены¹⁹. После арестов членов горкома прокатилась волна арестов рабочих и профсоюзных деятелей. Отметим, что фамилия Межгоровский, если судить по опубликованным документам и исследованиям, среди руководства керченского большевистского подполья не встречается. Таким образом, вопрос о том, существовали ли действительно связи Соколовского с большевистским подпольем или же речь шла о провокации белых спецслужб, остается непроясненным.

Чтобы вступить в переговоры с противником, необходимо было переправить надежного человека через линию фронта с тем, чтобы эмиссар добрался до каких-либо должностных лиц красных. Такая задача возникла в конце мая – июне 1920 г. (возможно, Соколовский указывал даты по старому стилю).

В Советскую Россию отправился сам Соколовский, тем более, что в Мариуполе проживала его семья. Можаровский знал об этой поездке. На допросе в 1920 г. он показал:

«В июне месяце с/г Соколовский сам лично был в г. Бердянске, где говорил по поводу организации с военкомом т. Дима и сотрудником политотдела 13[-й] армии т. Кулаковым и предлагал свои услуги. Ему было предложено ехать в Харьков или в штаб 13[-й] армии, но он не рискнул, не располагая достаточным временем. Там же он несколько дней был под арестом, но затем был освобожден и, видимо, получил какие-то инструкции. Он сам говорил, что в залог своих предложений он предоставил свою семью, находящуюся в г. Мариуполе; точный адрес можно узнать через доктора Милославского в Мариуполе же»²⁰.

Соколовский вспоминал на допросе в 1922 г.:

«В 20-х числах мая 1920 года я получил предложение пробраться на Бердянск, где связаться с первыми представителями сов[етской] власти. Связаться с Таманью не удалось, хотя попытки были. На небольшом суденышке пробрался к русским берегам, где высадился у Петров-

18 Крестьянников 2004: 216; Кирмель 2013: 133-134.

19 Пирогов Р.А. Знамя над Митридатом. Воспоминания старого большевика. Симферополь: Таврия, 1973. С. 127; Ремпель Л.И. Комсомол в Крыму. Симферополь: Крымгосиздат, 1927. С. 64; Спиридонов П.И. Большевики в тылу белогвардейщины. Керчь: издательство «Керченский рабочий», 1940. С. 60-61; Гусаров, Чуистова 1955: 137.

20 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 53.

ской слободы (близ Бердянска), явился в волостной исполком и на другой день в бердянский пар[т]ком. Я изложил все дело, обрисовал общую обстановку, предупредил о готовящемся десанте, просил санкции и самого быстрого обратного отправления. Пар[т]ком все выслушал, обещал сделать все возможное, но, по-видимому, начало боев помешало прийти к какому-либо решению.

Я просидел около 2-х недель, был оставлен пар[т]комом при отходе из Бердянска для следования в Крым. В Крым я пробрался с беженцами, но дать исчерпывающий ответ своей группе не мог»²¹. В других показаниях Соколовский отметил, что его миссия сорвалась из-за событий на фронте и эвакуации Бердянска красными²². По-видимому, все это было правдой. Во всяком случае, Соколовский в 1922 г. просил следователя устроить очную ставку с Можаровским и «затребовать от бердянского пар[т]кома копии записанного моего устного доклада в конце мая 1920 г. Председатель пар[т]кома был Максимов, секретарь Вестфаль (или Вествален). Пред[седатель] ревкома был Кулаков. Мой доклад я делал пар[т]кому, когда искал связи с Сов[етской] Россией от имени группы керченцев»²³. На суде в 1922 г. Соколовский повторил свой рассказ о поездке, снабдив его дополнительными подробностями: «Жребий пал на меня, и мне было поручено поехать. Нужно было на рыбацкой лодке пербраться к Бердянску. Это было в 1920 году. Мы высадились верстах в 8-10 от последнего. Я явился в волысполком и меня препроводили в Бердянск. Здесь я был в исполкоме, в парткоме. Партком собрал собрание. Председателем был Максимов. Здесь были и представители О[собога] о[тдела] 13[-й] армии. Я сделал подробный доклад о положении в Крыму. Обещали дать исчерпывающий ответ. Я просил назначить ответственного человека в роли объединителя. Я еще предупреждал об одной опасности. Я жил в советском доме под некоторым наблюдением. Бердянск был оставлен. Я остался там. Поездка не дала результатов. Я эвакуировался обратно к Керчи и сообщил своим помощникам. Связь порвалась и только через некоторое время удалось ее хотя [бы] несколько наладить»²⁴.

Пока Соколовский отсутствовал, белая контрразведка примерно на 10 дней арестовала Можаровского, подозревая в нем советского агента, но затем его отпустили. Вернувшийся Соколовский продолжил работать с Можаровским и рассказал тому о неутешительных результатах поездки.

21 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 26.

22 Там же. Л. 88.

23 Там же. Л. 90.

24 Там же. Л. 147об.

После этого решено было послать другого эмиссара. Инициативу проявил Можаровский, после чего Соколовский ввел его в курс дела относительно тайной антиврангелевской организации. Тогда же, летом 1920 г., Соколовский представил Можаровского помощнику обер-квартирмейстера отдела Генерального штаба полковнику А.Т. Гаевскому и 2-му генерал-квартирмейстеру полковнику П.Е. Дорману (по свидетельству Можаровского, Соколовский и Дорман представили его Гаевскому²⁵). Гаевский был опытным контрразведчиком, лояльным Врангелю (позднее в эмиграции он руководил врангелевской разведкой). Для знакомства с ним Соколовский выдал Можаровскому фиктивное удостоверение добровольца с 1918 г. и первопоходника, аттестовав крупным помещиком Московской и Саратовской губернии²⁶. Это должно было развеять предубеждения, так как к бывшим военспецам белые относились настроенно.

Через 12-15 дней после представления Можаровского назначили начальником саратовского центра и направили для подпольной работы в Советскую Россию. В Саратове на Нижней улице, 90-92, кв. 3 проживала мать Можаровского (по 2-му браку Кононович-Горбатская), его бабушка, 76-летняя Александра Васильевна Михайленко и сын Борис 5 лет. Таким образом, агент ехал к себе домой. Супруга Анна Акимовна не упоминалась. Можаровскому выдали фальшивый бессрочный паспорт на имя Александра Лаврова, однако он оставил этот документ Соколовскому. Также Можаровский получил 3,5 млн. руб. (советскими и донскими), из которых взял 200 000 руб. с собой (150 000 советских и 50 000 донских), а остальное оставил Соколовскому на нужды организации.

Гаевский подробно проинструктировал агента о способах ведения работы. Дал совет ехать, подкупая проводников в поездах или с удостоверением железнодорожного служащего. Что касается явки в главный центр, то условились, что Можаровский из Саратова вышлет курьера с извещением, что прибыл, а после этого из Крыма дадут явку. Заранее же ее давать не будут из конспирации.

Организация белой разведки на советской территории была преобразована после некоего Симинского, по-видимому, агента. Были упразднены так называемые маяки – места остановок по дороге, сменились и кадры разведчиков. Теперь белые агенты должны были сами организовывать ячейки в РККА и кооперативах, налаживать связи на местах. На случай прибытия кого-то до возвращения курьера из главного центра

25 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 48.

26 Там же. Л. 54.

Можаровскому дали пароль: «Юрий Дмитриевич выехал из Владивостока в Читту». По этому паролю следовало выполнить всякое приказание и отчитаться. Для приемки курьеров от Можаровского давались пароли по первым буквам его фамилии: М-ария; О-са; Ж-ар; А-рго; Р-ов; О-вод; В-оск; С-он; К-иев; И-она. Пароли и текст сообщения следовало зашифровать самому Можаровскому шифром «Сокол». Гаевский также сообщил, что организует общий тайный контроль над работой центров – все сведения будут проверяться на местах особыми агентами. При Можаровском Гаевский однажды беседовал с агентом о переписке с Москвой и Петроградом и отправке туда неких Шуваева (Чуваева) или Трусова. Через них шла корреспонденция Гаевского в Москву²⁷.

Можаровский должен был держать связь с Москвой, где находилась семья упоминавшегося выше Симинского, а также брат и супруга его помощника Гертхена. Последний служил на главпочтамте Москвы или в одном из почтовых отделений. Двое родственников Гертхена служили офицерами в белом Крыму.

В период подготовки миссии возникла фамилия Брусилова. По показаниям Можаровского, в июле 1920 г. в Севастополе они с Соколовским побывали у друга последнего и члена организации Максимовского – помощника начальника отдела печати врангелевского правительства. После телефонного разговора тот сообщил сотруднику о запрете в печати бранных слов в адрес генерала А.А. Брусилова, находившегося в Советской России²⁸. Можаровского такая забота удивила. После они с Соколовским обсудили вопрос о возможном сотрудничестве Брусилова с белыми. Соколовский согласился с таким предположением, поскольку иного объяснения не было. Если речь шла об операции белой разведки, то, возможно, таким способом белые пытались скомпрометировать Брусилова перед красными.

Командируемого Соколовский снабдил необходимыми удостоверениями. 18 (31) июля 1920 г. Можаровский получил удостоверение на ткани («полотнянку»), которое подписали полковники П.Г. Архангельский и А.Т. Гаевский, курировавшие в белом Крыму засылку агентуры на советскую территорию. Документ заверяла печать помощника оберквартирмейстера отдела Генерального штаба. «Полотнянки» или документы на ткани были удобны тем, что зашивались в одежду и не могли обнаружиться, даже в случае досмотра вещей. Вторую «полотнянку» Можаровский получил от керченской большевистской организации, и речь о ней

27 Там же. Л. 89об., 90об.

28 Там же. Л. 50, 86об.

пойдет ниже. Это удостоверение должно было облегчить переход линии фронта и позволить добраться до ближайшего красного штаба, тем более, что наряду с официальным заданием существовало и второе – прибыть в политотдел 13-й красной армии, где сообщить о наличии у белых тайной оппозиционной офицерской организации.

В Керчи перед отъездом Можаровского в Советскую Россию Соколовский давал тому последние инструкции. По словам Соколовского, они были следующими:

«Словесно

1) Каким угодно способом пройти линию и явиться в первую же войсковую часть Красной армии для направления в штаб.

2) В одном из высших штабов дать полную ориентировку для чего прибыл.

3) Обрисовать общее положение Крыма, настроение войск, масс населения, политическую обстановку и название краха.

4) Дать сведения о группе лиц, ищущих связи с Сов[етской] Россией, их желание оказать помощь, необходимость получения инструкций и руководства, необходимость связи.

5) В случае краха сохранность имущества и недопускание истреблять народное достояние.

6) Если борьба затянется, вести работу на прекращение Гражданской войны среди населения и войск Крыма.

7) Получивши инструкции и задачи, надлежит возможно скорее вернуться.

8) Всякая задача Сов[етского] пр[авительства] приемлема для нашей группы лиц.

9) При командировке дан Можаровскому мандат за подписью Межгоровского»²⁹.

Можаровский якобы собирался рассказать в политотделе о Брусилове, но Соколовский его отговорил, т.к. имя Брусилова нужно было тайной организации (лишь в ноябре 1920 г. Можаровский рассказал об услышанном в белом Крыму по этому вопросу³⁰).

Предоставим слово самому Можаровскому, который на допросе в декабре 1920 г. подробно рассказал о своей миссии:

«В июне для организации явилась потребность войти в связь с Советским правительством и для командировки сюда выбор остановился на мне. Мне поручили получить инструкции, назначение на место Вран-

29 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 89.

30 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 50об.

геля Соколовского, воззвания Совнаркома и Брусилова и материальную поддержку. Я просил в доказательство серьезности предложений дать мне секретные оперативные сведения для передачи командов[анию] Красной армии, но вместо этого меня предложили провести в отд[ел] Генер[ального] штаба и рекомендовать для работы в тайных белых организациях на территории Сов[етской] республики, т.к. получивши такое назначение, я бы имел возможность выдать их Советскому правительству и этим доказать серьезность предложений организации. После выдачи белых организаций я с документами от Советского правительства должен был ехать обратно в Крым. Но для этого предварительно надо было послать курьера в Севастополь в отд[ел] Генер[ального] штаба с извещением о том, что я прибыл в Саратов благополучно, после чего меня должны были оттуда связать с главным белым центром, т.к. при отправлении явки не дали. Новые организаторы белых Архангельский и Гаевский реформировали дело, упразднив в целях конспирации промежуточные маяки и перестали давать явки при отправлении из боязни провала дела.

Соколовский же снабдил меня удостов[ерением] керченской организации РКП, с которой он вошел в связь (с тов. Межгоровским, Медведевым и Леоновой) для того, чтобы беспрепятственно добраться до штаба армии»³¹.

Таким образом, никакой конкретной информации о работе белой разведки в Советской России Можаровский предоставить красным не мог.

Соколовский свидетельствовал в 1922 г.:

«Начались новые искания, и для связи был выбран Можаровский, который должен был пробраться через фронт и во что бы то ни стало связаться. В августе Можаровский с полномочиями отправился, но затем пропал и не вернулся, не дал о себе никакого сведения. Это была еще одна неудача»³².

В других показаниях Соколовский сообщил примерно то же:

«Решено было Можаровского командировать для получения инструкции, для установления связи и для доклада об общем положении дел в Крыму. В конце или середине августа Можаровский ушел. Инструкцию давал я ему от имени организации. Мандат подписал Межгоровский. Мы ждали Можаровского через 20-25 дней самое большее, но он ушел и пропал. Больше я ничего о нем не знаю»³³.

Что же случилось с белым эмиссаром?

31 Там же. Л. 56об.

32 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 26-26об.

33 Там же. Л. 88об.

Перебежчика доставили в Харьков, где он три недели прожил у начальника Особого отдела советского Юго-Западного фронта (эту должность занимал впоследствии одиозно известный организатор массового террора в Крыму чекист Е.Г. Евдокимов), посещал городскую общественную библиотеку (в деле сохранился датированный 10 сентября документ о получении от «В.Г. Яковлева» залога в 100 руб. по абонементу³⁴) и ждал решения по поводу своих предложений.

Почему Можаровский назвался Яковлевым? Не исключено, что этот вопрос может иметь значение. Прежде всего, речь шла не о вымышленном, а о реальном лице, причем советском военном деятеле, военспеце и бывшем поручике. В.Б. Яковлева знали и Можаровский, и Соколовский. Вместе они оказались на территории белых после оставления красными Киева в 1919 г. Кроме того, Соколовский упоминал Яковлева в 1919 г. как своего сотрудника по белому подполью (в 1922 г. они оба это опровергли). Было известно и то, что уже осенью 1919 г. после непродолжительного пребывания на территории белых, где он скрывался от властей, Яковлев бежал обратно к красным³⁵. Помог ему в этом Можаровский, снабдивший его деньгами и документами³⁶. Таким образом, Можаровский был не просто знакомым Яковлева, а его доверенным лицом, человеком, который его не выдал белым. Можно предположить, что у Можаровского или Соколовского остались подлинные документы Яковлева времен службы того в РККА, что позволило бы обладателю таких документов легализоваться в Советской России. Возможно, фамилия Можаровского была скомпрометирована у красных, поэтому использовать ее при переходе линии фронта было бы нежелательно. Наконец, псевдоним Яковлев мог служить сигналом для единомышленников в РККА, например, если бы перебежчик попал в Киев, где они вместе с Яковлевым служили ранее. На сентябрь 1920 г. настоящий Яковлев был начальником штаба народного комиссариата по военным делам Азербайджанской ССР и откомандировывался в штаб 11-й армии³⁷. Следовательно, отношения к рассматриваемой операции он иметь не мог. Яковлев не был малоприметным красным командиром, поэтому псевдоним могли легко раскрыть. Таким образом, использование псевдонима было

34 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 95.

35 ГА РФ. Ф. 10035. Управление КГБ СССР по г. Москве и Московской области. Оп. 1. Д. П-52245. Л. 13об.

36 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 143, 204.

37 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52245. Л. 11.

временной мерой, чтобы перебежчик добрался до ближайшего крупного штаба, где мог бы раскрыть свою настоящую фамилию.

Можаровский сообщил красным, что в тайной организации состояли 30 генштабистов во главе с полковником Н.Ф. Соколовским, а также по одному – два человека в каждом штабе дивизии и корпуса. Офицеры могли исполнять те или иные подрывные приказы и вести пропаганду на случай переворота в белой верхушке, организовывать диверсии и восстания в частях. Их общим желанием было поскорее завершить Гражданскую войну. Компромиссной фигурой для объединения разочаровавшихся белых с красными мог стать бывший генерал А.А. Брусилов.

В подготовленном Можаровским для красных докладе «Общая обстановка в Крыму» говорилось о патриотических настроениях белых в связи с Советско-польской войной. Отмечалось, что врангелевцы радовались успехам Красной армии на польском фронте, считая, что поляки воюют не с большевиками, а с Россией³⁸. Большевиков стали считать «собирателями земли русской». Яковлев-Можаровский отмечал, что только РКП(б) проводила идею великой и неделимой России, возможно даже помимо своей программы и желания. В докладе содержались славословия в адрес большевиков, утверждалось, что по сравнению с РКП(б) в Гражданскую войну никто не смог так сорганизоваться. Из доклада следовало, что в среде белого офицерства распространялось недоверие к высшему командному составу. Тем не менее, на сторону красных переходить опасались, боясь репрессий. Также Можаровский сообщил, что глава их тайной организации связан с большевистским подпольем в Керчи³⁹.

Замысел белых оппозиционеров якобы заключался в том, чтобы, «не сходясь в отдельных пунктах программы и тактики, в интересах государства... сойтись в общем и честно пойти общей дорогой туда, куда влекут исторические законы и жизненные потребности страны»⁴⁰. В интересах страны предлагалось сохранить боеспособную врангелевскую армию, но с другим главнокомандующим. Предполагался переворот и арест Врангеля и группы из 20-30 его ближайших соратников, подписание Врангелем отказа от власти и передача ее другому лицу по выбору организации. Например, генералу П.Н. Шатилову, «которого можно купить»⁴¹. Все это выглядело неубедительно, но интересно, что в деле о еще

38 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 26об.

39 Там же. Л. 31об.

40 Там же. Л. 29.

41 Там же.

одной попытке переговоров с красными, относящемуся к лету 1920 г., также фигурировал Шатилов⁴².

Организация предлагала следующие условия для переговоров с СНК⁴³:

1. Полная амнистия младшего и среднего командного состава. Судьба главарей оставалась на усмотрение советского правительства;
2. Предоставление возможности непримиримому элементу выехать с семьями за границу без права возвращения;
3. Ввод в Крым частей РККА только по вызову нового состава командования. Причины: возможность враждебных действий флота Антанты; самостоятельная защита Крыма бывшими белыми станет агитационным козырем, а ввод частей РККА может вызвать эксцессы; 2-3 недели потребуется для приведения крымской армии (бывшей Русской) в порядок;
4. Глава организации Соколовский назначается главкомом крымской армии;
5. Назначение в части комиссаров и политработников по соглашению с новым командным составом крымской армии;
6. Гражданская власть строится усилиями местных подпольных организаций РКП(б);
7. Деньги донские и добровольческие имеют хождение на время по усмотрению советского правительства.

Такие предложения выглядели странно. Если их выдвигали генштабисты, непонятно, почему у них в приоритете оказалась амнистия младшего и среднего командного состава, каковы были полномочия недовольных Врангелем и могли ли они на самом деле захватить власть. В качестве гарантии Можаровский предлагал выдать красным разведывательную сеть белых на советской территории, однако и здесь была странность – сделать это он мог, только отправив сообщение в белый Крым, что добрался до Саратова, тогда бы из Крыма, как уже отмечено, прислали явки.

Перебежчик потребовал выпустить воззвание СНК к белым, назначить в Крым главкома, выпустить воззвание генерала А.А. Брусилова, дать письменные инструкции и полномочия, назначить в Крым советского представителя при главкоме, который бы туда поехал вместе с самим Можаровским и выдать 10 миллионов рублей николаевскими и

42 ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 670.

43 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 29об.-30.

думскими (деньгами выпуска Временного правительства). Все документы нужно было заготовить в миниатюрном виде (сфотографировать).

О необычном перебежчике уведомили члена РВС Юго-Западного фронта С.И. Гусева, а тот проинформировал председателя Совнаркома В.И. Ленина. В те недели успехи на польском фронте для красных сменились неудачами, тяжелым было и положение на врангелевском фронте, в связи с чем Ленин ухватился за возможность ликвидировать белых, чтобы высвободить силы. 8 сентября он отправил шифротелеграмму находившемуся в Минске председателю РВСР Л.Д. Троцкому: «По-моему, надо отнестись архисерьезно ввиду всего положения и 1) тотчас запросить главкома; 2) поставить сегодня вечером в ЦК»⁴⁴.

Во избежание провокации решено было назначить главкомом бывшей врангелевской армии не подозрительного Соколовского, оставшегося в Крыму, а популярного и находившегося в Москве под контролем властей бывшего генерала А.А. Брусилова. Временно до прибытия Брусилова армией должен был командовать Соколовский.

Мысль о возможной сдаче в плен всей врангелевской армии настолько взволновала большевистского лидера, что на следующий день он направил Троцкому еще одну шифротелеграмму:

«Переданное вам от Гусева предложение Яковлева, касающееся крымской армии, нахожу архиважным. Советую предложение принять и назначить особую проверку, а независимо от нее тотчас же изготовить обращение-манифест за подписью Вашей, Калинина, моей, главкома, Брусилова и ряда других бывших генералов с точными предложениями и гарантиями, равно с указанием на судьбу Восточной Галиции и на рост наглости поляков. Прошу Вашего скорейшего заключения, а лучше бы и Вашего проекта манифеста»⁴⁵.

Троцкий действительно составил проект воззвания, который затем был доработан, возможно, при участии Ленина⁴⁶.

Переговоры волновали Ленина и все последующие дни. 10 сентября он направил Троцкому по прямому проводу секретную записку в связи с отсутствием ответа на срочный запрос⁴⁷, а 11-го передал выработанный С.И. Гусевым план дальнейших действий⁴⁸. Эту историю Гу-

44 The Trotsky Papers 1917–1922. Hague; Paris, 1971: Mouton. Vol. 2. P. 282.

45 Ibid. P. 282–284.

46 Исходный текст см.: Ibid. P. 286–288.

47 Ibid. P. 288.

48 Ibid. P. 290.

сев назвал «делом с псевдонимом». 12-го Троцкий одобрил план Гусева, а 13-го стороны обсудили дальнейшие действия.

О том, что дело рассматривалось на самом высоком уровне, свидетельствуют даже надписи на конвертах, которые сохранились – один из них адресован заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому, другой – члену РВСР С.И. Гусеву от Склянского с пометками «исключительно лично, вскрыть лично» и совершенно секретно⁴⁹.

12 сентября в газете «Правда» было опубликовано воззвание к офицерам армии Врангеля, подписанное председателем ВЦИК М.И. Калининым, председателем СНК В.И. Лениным, председателем РВСР Л.Д. Троцким, главкомом С.С. Каменевым и председателем Особого совещания при главкоме Брусиловым. Адресатам обращения сообщали: «Каковы бы ни были ваши первоначальные намерения, вы являетесь сейчас не чем иным, как наемным войском на службе биржевого капитала и вспомогательным отрядом кровожадной и хищной польской шляхты, ненавидящей трудовой русский народ»⁵⁰.

В документе отмечалось:

«Не слишком ли ясно теперь для всех, что затягивание борьбы в Крыму, бесцельное само по себе, способно только усилить польских панов и помочь им держать в их кабале Восточную Галицию. Рабоче-Крестьянская Россия нуждается в труде, в хозяйственном и культурном возрождении. Оно может быть достигнуто лишь путем прекращения бессмысленной и бесполезной Гражданской войны... Полную амнистию мы гарантируем всем, переходящим на сторону Советской власти. Офицеры армии Врангеля, рабоче-крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения»⁵¹.

В виде листовки обращение распространялось в белом лагере. Многие врангелевские офицеры, поверив авторитету и обещаниям Брусилова, остались в Крыму при занятии его красными осенью 1920 г. и были расстреляны. Впоследствии пожилой генерал утверждал, что якобы не подписывал воззвание, а был обманут и даже помышлял о самоубийстве, но как верующий не мог пойти на такой шаг.

В деле Можаровского сохранилось карандашное обращение к офицерам и солдатам крымской армии, вероятно, написанное самим перебежчиком. В нем есть и такие строки:

49 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 76, 78.

50 Там же. Л. 85; Правда. 1920. 12. IX. № 202: 1.

51 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 86; Правда. 1920. 12. IX. № 202: 1.

«Весь русский народ и вся русская интеллигенция, которые прежде саботировали, теперь идут рука об руку с нами и светлыми глазами смотрят на будущее... Россия едина и без вас, но почему же ваш вождь Врангель сам вносит сепаратизм и дает полную автономию в управлении Кубани, Дона, Астрахани, Терека? Разве это “неделимая Россия”? Опомнитесь же пока не поздно, не верьте, что вас будет ждать расстрел и переходите к нам!»⁵²

16 сентября был составлен приказ председателя РВСР № 242 о назначении Брусилова командующим бывшей армии Врангеля: «Председатель Особого совещания при главнокомандующем А.А. Брусилов назначается командующим всеми войсками, находящимися ныне под командой барона Врангеля с непосредственным подчинением А.А. Брусилова главнокомандующему»⁵³. Занять соответствующий пост Брусилова уговорил заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский.

Следующий приказ № 243 гласил, что «впредь до вступления А.А. Брусилова в исполнение обязанностей, временное командование указанными в приказе № 242 войсками возлагается на Генштаба Соколовского»⁵⁴. Оба приказа подписали Троцкий и главком С.С. Каменев.

В тот же день Брусилов подписал свой первый и последний приказ по врангелевской армии:

«Вступая в исполнение обязанностей командующего всеми вооруженными силами, состоящими в подчинении барона Врангеля, объявляю:

1. Командование возложено на меня центральной советской властью как выражение факта полного прекращения Гражданской войны со стороны бывших врангелевских войск, полного их примирения со всей Российской республикой и полного их подчинения советской власти и советскому командованию;

2. При соблюдении этого условия гарантируется полная амнистия всем участникам Гражданской войны против Советской России в составе бывших врангелевских войск;

3. Ответственность за безусловное выполнение моих приказов возлагаю на всех командиров частей и военных судов по принадлежности.

52 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 68.

53 Там же. Л. 83.

54 Там же. Л. 82; *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 51. С. 277, 452. Приставка «Генштаба» перед фамилией употреблялась в РККА в условиях упразднения прежних чинов для обозначения выпускников Николаевской академии Генерального штаба (Императорской Николаевской военной академии).

В отношении тех лиц командного состава и тех рядовых солдат и матросов, которые не пожелали бы подчиниться советской власти, предоставляется им право выбыть за границу, в противном случае они должны быть арестованы и преданы суду. Разбор этого вопроса и его решение предоставляется совести начальников частей и руководителей. Сурово ответят те, кто даст возможность явным и упорным врагам соединения с Советской Россией проникнуть в ее пределы, ибо такой шаг в корне противоречил бы той цели, во имя которой мне поручено командовать вами, то есть цели прекращения Гражданской войны.

В заключение долгом почитаю высказать нижеследующее: в течение долгой моей военной работы, которая протекала при разных государственных режимах, я исключительно имел в виду интересы России так, как я их понимал. И сейчас я буду почитать себя счастливым, если вступление мое в командование вами будет означать полное прекращение Гражданской войны в нашей дорогой Родине, что в свою очередь сразу послужит возвеличению мощи трудовой России, упрочению ее международного положения, росту ее экономической силы и культурного преуспеяния.

Да сгинет раздор и бесцельная преступная Гражданская война!

Да здравствует единение крымских войск с трудовой Россией!

Командующий всеми вооруженными силами, состоящими в подчинении барона Врангеля Брусилов»⁵⁵.

Предполагалось, что Можаровский вернется в Крым с подлинниками воззвания к врангелевским офицерам и приказов Троцкого о назначениях Брусилова и Соколовского.

Сам же Брусилов вынашивал планы антибольшевистского переворота. В своих воспоминаниях он писал:

«Я думал: армия Врангеля в моих руках плюс все те, кто предан мне внутри страны и в рядах Красной армии. Конечно, я поеду на юг с пентаграммой, а вернусь с крестом и свалю захватчиков и безумцев в лучшем случае.

Суди меня Бог и Россия»⁵⁶.

Брусилов собрал единомышленников (бывшего генерала Г.Н. Хвощинского, своего знакомого В.П. Засецкого и других) и договорился с ними о координации действий. Однако чекисты Брусилову не доверяли и держали его под постоянным наблюдением. Прослушивался даже телефон пожилого генерала, а работой с Можаровским и Брусиловым за-

55 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 84.

56 Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Олма-пресс, 2004. С. 284.

нимался один и тот же сотрудник Особого отдела ВЧК – Я.С. Агранов⁵⁷. Однако в какой степени ВЧК оказалась осведомлена о намерениях Брусилова, неизвестно.

Эмиссар белых, похоже, всерьез готовился к возвращению в Крым, считая успех своей миссии обеспеченным. 17 сентября датировано обращение «Яковлева» из Особого отдела Юго-Западного фронта к Егорову (возможно, к командующему фронта А.И. Егорову) с просьбой выдать шинель или пальто⁵⁸. Но, несмотря на одобрение на самом высоком уровне, план сорвался. Брусилов вспоминал: «Мы все обдумали, распределили должности... И ждали день, другой, третий. Склянский ничего не давал знать. А гораздо позднее он сообщил мне..., что сведения были неверные, бунта никакого не было и что все таким образом распалось»⁵⁹.

Решающим обстоятельством стало обнаружение у Можаровского через несколько дней фальшивого удостоверения («полотнянки») ликвидированной белыми керченской подпольной организации РКП(б). Удостоверение было датировано 30 июля 1920 г. Фальшивку 20 сентября разоблачил начальник Особого отдела Юго-Западного фронта Е.Г. Евдокимов, у которого Можаровский жил. Последний, по-видимому, даже не подозревал, что удостоверение фальшивое, иначе бы имел время от него избавиться. Евдокимов отметил, что крымские «полотнянки» писались подпольщиками от руки, а удостоверение Можаровского было машинописным. Вверху был указан лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», тогда как на подлинных удостоверениях никаких лозунгов не было. Кроме того, не использовался термин «удостоверение» и не существовало должности председателя организации, а печать организации была захвачена белой контрразведкой⁶⁰. Все указывало на то, что такой документ мог быть изготовлен спецслужбами белых. Следовательно, предложения Можаровского могли быть частью операции белой разведки.

21 сентября 1920 г. Э.М. Склянскому были возвращены документы, подготовленные для «Яковлева», из чего следовало, что дело начало пробуксовывать. В сопроводительном письме члена РВС Юго-Западного фронта Р.И. Берзина отмечалось: «Настоящим чер[ез] тов. Евдокимова возвращаю присланные документы, так как с отправкой Яковлева в Мо-

57 Зданович 2008: 340.

58 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 72.

59 Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 284.

60 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 46.

скву они здесь не могут быть использованы. Подробности обо всем Вам лично доложит тов. Евдокимов и также почему дело задержалось здесь»⁶¹.

Уже 24 сентября перебежчика арестовали⁶². Были изъяты 102 495 советских рублей, 9200 рублей керенками, 30 000 рублей донскими⁶³. В деле имеется еще один список, предположительно, изъятого: парабеллум, стилет (короткий кинжал или финский нож), часы карманные⁶⁴. Ввиду важности Можаровского перевели в Москву, во Внутреннюю тюрьму Особого отдела ВЧК, а белые офицеры, направившие его в советские штабы, так ничего и не узнали.

Перебежчик не знал о причинах ареста и думал, что речь шла о необходимости установить его личность. С этой целью он перечислил целый ряд членов РКП(б), которые его знали. В заявлении на имя начальника Особого отдела ВЧК от 1 октября 1920 г. Можаровский сетовал, что «каждый бесплодно потерянный день несет за собой лишние жертвы и оттягивает время»⁶⁵, но было поздно – ему больше не верили.

На вопросы о фальшивом удостоверении арестованный сообщал, что документ ему выдал Соколовский, чтобы можно было беспрепятственно добраться до штаба советского Юго-Западного фронта. Соколовский же получил удостоверение от красных подпольщиков, так как якобы имел с ними связь. Однако поскольку речь шла о фальшивке, утверждения о таких контактах Соколовского выглядят сомнительно. На допросе 1 ноября Можаровский признал, что удостоверение керченской организации было фальшивым («не по форме написано»). Чекисты полагали, что оно было дано не Соколовским, а Гаевским. На это Можаровский сообщил, что Гаевский был опытным жандармом (на самом деле – контрразведчиком) и не сделал бы ошибок, тем более, что про провал организации и изъятие печати наверняка стало бы известно (сам Можаровский не знал про конфискацию белыми печати). Кроме того, Можаровский отметил, что мог за те три недели, что он прожил на свободе в Харькове, потерять фальшивку, если бы знал о возможных сомнениях, однако не сделал этого. В этом же случае он не стал бы рассказывать о провале керченской организации, о чем сообщил еще в начале сентября 1920 г. в штабе 13-й армии члену РВС Н.П. Горбунову. На допросах Мо-

61 Там же. Л. 81.

62 В деле сохранилась его фотография, к сожалению, недоступная для копирования (Там же. Л. 64).

63 Там же. Л. 57-58.

64 Там же. Л. 69.

65 Там же. Л. 52об.

жаровский ругал Соколовского за то, что тот не предупредил его о фальшивом удостоверении.

Что касается керченского большевистского подполья, то, по словам Можаровского, Соколовский был связан с Межгоровским, Медведевым и Леоновой, тогда как белые схватили Шмидта, Корнилова и Строге. Об этом перебежчик говорил Евдокимову, а в Москве – председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому⁶⁶. Можаровский сообщил и явки Соколовского в Керчи. Первым адресом была квартира, где жил Соколовский – Верхне-Митридатский переулок, 8, спросить Татьяну Сергеевну или хозяйку, где Николай Федорович (Соколовский). Вторым адресом была 2-я Митридатская улица, 32. Следовало спросить Ольгу Наркисовну Аморетти, а у нее про Соколовского. Для передачи Соколовскому сообщений от Можаровского существовали пароли Харьков и пулемет⁶⁷. Согласно предписанию в удостоверении Можаровский ехал в Киев и Харьков, хотя на самом деле был направлен в Саратов.

Можаровского возмущали обвинения в приверженности белым. Он отмечал, что его отец погиб в Первую русскую революцию, в 1905 г., а сам он пошел добровольцем в РККА и сидел при белых в тюрьме⁶⁸. На обвинение в засылке на советскую территорию, как ранее служившего в РККА, Можаровский ответил, что бывшим военспецам белые, наоборот, не доверяли.

В конце концов, возникли сомнения в существовании самой тайной белой организации. Можаровского обвинили в том, что вся история – вымысел и придумана для отвода глаз. Арестованный же заверял, что организация существовала на самом деле.

На обвинения в работе на белых и знании явки в их главный центр Можаровский ответил, что сам же просил о контроле над собой и не мог воспользоваться явкой. И если бы он хотел работать в пользу белых в Советской России, то не просил бы ускорить дело и ехать в Крым с инструкциями и документами. Аргумент выглядел убедительно. Можаровский спрашивал, почему не установили наблюдение за квартирой в Саратове, куда уже могли приезжать агенты белых. Также он предлагал послать в Крым кого-то другого и проверить явку, а себя, мать и сына держать в заложниках⁶⁹.

66 Там же. Л. 53об.

67 Там же. Л. 54.

68 Там же. Л. 53об.

69 Там же. Л. 53.

Спасти Можаровского могли только неопровержимые доказательства существования организации, а подтвердить это мог только Соколовский. На допросе 1 ноября 1920 г. Можаровский предложил выманить последнего из Крыма при помощи семьи, находившейся на советской территории: «Если семью Соколовского захватить и перевезти сюда, то он немедленно приедет сам, т.к. с семьей у него налажена связь. Таким образом, можно будет детально все выяснить. Будущее и скорое (т.к. Соколовский не получал от меня известий 2 месяца, и если я не приеду, говорил, что пошлет другого) покажет, что я не лгу»⁷⁰.

Пока тянулось следствие, белые оставили Крым и эвакуировались в Турцию, а вопрос о переговорах сошел с повестки сам собой. На более позднем допросе в декабре 1920 г. Можаровский показал: «Теперь по освобождении Крыма, когда Соколовский, безусловно, явится, все это можно выяснить и установить мою полную искренность, а также устранить обвинение в том, что все, что я говорил, басни»⁷¹. Однако Соколовский не явился, а, наоборот, эвакуировался вместе с белыми.

Еще в октябре Можаровский просил снабдить его беллетристической, чернилами и бумагой, чтобы написать ряд заметок для газет о жизни в Крыму. Жаловался на скудность пайка при отсутствии передач и на то, что без пальто и одеяла мерз по ночам⁷². Просил на часть изъятых денег снабдить его хлебом, махоркой и спичками. В декабре 1920 г. его пребывание под арестом продолжалось. Следователю Агранову Можаровский жаловался на легочные кровотечения и просил на изъятые деньги купить продукты и махорку⁷³.

Чекисты наводили справки о Можаровском, пытаясь понять, кто же перед ними. Например, помощник начальника Особого отдела ВЧК сообщил следователю Агранову, что в Германии в белогвардейской артели выявлен священник с такой же фамилией. «Не родственник ли нашего приятеля?»⁷⁴ В сопроводительных документах отмечалось, что «арестованный бывший штабс-капитан Можаровский прислан группой офицеров-генштабистов из Крыма для ведения переговоров с Советской властью о поднятии восстания в тылу Врангеля и присоединении армии к советским войскам»⁷⁵.

70 Там же.

71 Там же. Л. 56об.

72 Там же. Л. 75-75об.

73 Там же. Л. 66.

74 Там же. Л. 70.

75 Там же. Л. 55.

По-видимому, со временем Можаровский стал опасаться плохого исхода дела. Он явно старался понравиться следователям, продемонстрировать свою лояльность. Некоторые заявления арестованного на допросах смотрятся комично. Например, на вопрос о политических убеждениях 18 декабря 1920 г. он ответил: «В партии не состою и не состоял. По убеждениям сочувствую программе максимум»⁷⁶. Что означала пресловутая «программа максимум» наверное не мог сказать и сам арестованный.

В конце декабря 1920 г. возникло предложение освободить Можаровского, чтобы использовать его в качестве секретного агента⁷⁷. 14 января 1921 г. он действительно освободился и стал секретным сотрудником ВЧК. С ним работали чекисты С.Г. Гендин и С.В. Пузицкий.

Выйдя на свободу, Можаровский почувствовал себя увереннее и стал добиваться реабилитации. 24 января 1921 г. он писал в заявлении на имя начальника специального отделения ВЧК о том, что нужно во что бы то ни стало найти полковника Соколовского:

«Дальнейшая же моя деятельность на территории белых, укрывательство от службы у них и работа в противоврангелевской организации быв[шего] полковника Соколовского Николая Федоровича, где я на каждом шагу рисковал жизнью, чистая идейность и бескорыстие в этой работе, все это может быть удостоверено самим Соколовским.

Насколько мне известно, о главе организации Генштаба тов. Соколовском в ОО⁷⁸ ВЧК сведений до сих пор нет.

С розыском его связано мое доброе имя, которым я дорожу больше своей жизни, и только он может установить истинное освещение моего приезда сюда, ввод меня и рекомендацию Архангельскому и Гаевскому и недоразумение с удостоверением керченской организации РКП, чуть⁷⁹ было меня не погубившее»⁸⁰

Особый отдел ВЧК сведений о Соколовском тогда не имел. Можаровский же был уверен, что его бывший начальник не мог уехать с белыми за границу по убеждениям и просил навести справки о местонахождении Соколовского в штабах 13-й и 4-й армий и в Казани, куда якобы отправили пленных офицеров из Крыма⁸¹. Также можно было искать офицера через семью, проживавшую в Мариуполе. Как мы уже зна-

76 Там же. Л. 56.

77 Там же. Л. 25.

78 Особом отделе.

79 В документе – что.

80 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 79.

81 Там же. Л. 79-79об.

ем, Можаровский ошибался относительно поведения Соколовского. Тот уехал из Крыма вместе с белыми, но вскоре вышел на связь с советскими представителями за границей, предложив свои услуги.

Что же случилось осенью 1920 г.? В чем смысл всей этой истории? Попробуем сделать некоторые выводы. Произошедшее могло действительно являться операцией белой разведки, затеявшей опасную игру с противником. Казалось бы, фальшивое удостоверение непременно об этом свидетельствует. Тем более, что лидера керченского большевистского подполья по фамилии Межгоровский установить не удалось. Имеются и косвенные подтверждения. Например, массовых сдач генштабистов Русской армии Врангеля красным осенью 1920 г. или массового их возвращения затем из эмиграции не произошло. Даже сам «разочарованный» Соколовский эмигрировал тогда из России (в начале 1922 г. вернулся и был освобожден от наказания). В деле Можаровского не содержатся имена и тех 30 генштабистов, которые якобы состояли в организации. Помимо Соколовского упоминался лишь полковник П.Е. Дорман, но без внятного указания на причастность к организации.

Однако группа высокопоставленных оппозиционеров в белом командовании все же могла существовать. Известно, к примеру, что упомянутый выше Дорман находился в оппозиции к генералам Врангелю и Шатилову. Существование организации в своих показаниях 1922 г. подтверждал и Соколовский⁸². Фальшивое удостоверение Можаровского могло не иметь особого значения, а являться документом, позволявшим посланцу из Крыма без лишних вопросов добраться до ближайшего красного штаба. Поэтому нельзя исключать, что в конце Гражданской войны, когда поражение белых стало вполне очевидным, часть белой военной элиты решила перестраховаться и обеспечить себе безопасный переход в советский лагерь, сдав врангелевскую армию красным. Как это нередко бывает, истинную подоплеку случившегося установить, по-видимому, уже невозможно.

Необходимо упомянуть о дальнейшей судьбе Можаровского. В качестве тайного агента советских спецслужб он участвовал в деле «Синдикат № 1». Однако служба не удалась – он повел себя неадекватно – предлагал одному агенту ограбить его супругу, в 1922 г. симулировал последнюю стадию чахотки, для чего приносил другому агенту целые стаканы зараженной крови, занимался вымогательством. Кураторы из ВЧК – ГПУ – ОГПУ считали его способным на грабеж и убийство. Но хуже всего с их точки зрения

82 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 26-26об.

было то, что агент обладал богатой фантазией и многое выдумывал⁸³. В частности, сообщал вымышленные сведения по различным делам об антисоветских организациях. Помощник начальника 6-го отделения контрразведывательного отдела ОГПУ Гендин в феврале 1924 г. отмечал, что Можаровский (агент № 283) давал дутые или полудутые дела (речь шла о делах «английской разведки» и «Инжектор»)⁸⁴. По-видимому, выдумкой было и дело «Варяги», когда Можаровский заявил о раскрытии крупной организации врангелевского толка. Стоит добавить, что в 1922 г., когда шел судебный процесс над Н.Ф. Соколовским, с ним по делу по неизвестным причинам проходил не Можаровский-Яковлев, как, казалось бы, должно было произойти, а подлинный В.Б. Яковлев. Можаровский был эрудирован, умел складно говорить, но разлагающе влиял на агентуру, слишком много знал о методах работы органов госбезопасности, сотрудниках, отдельных делах и, будучи с 1920 г. морфинистом, мог выдать такие сведения иностранной разведке⁸⁵. Опасения кураторов Гендина и Пузицкого предопределили участь Можаровского – в феврале 1924 г. он был арестован в Москве, обвинен в провоцировании органов ОГПУ, участии в контрреволюционной организации, злоупотреблении властью и служебном подлоге. Виновным себя не признал, но решением Коллегии ОГПУ от 3 марта 1924 г. приговорен к расстрелу, унеся с собой в могилу тайну переговоров 1920 года. В феврале 2003 г. Можаровского реабилитировали как необоснованно репрессированного⁸⁶.

Соколовский в 1922 г. вернулся в Советскую Россию, был арестован и судим Военной коллегией Верховного трибунала ВЦИК. Его приговорили к лишению свободы на три года, но по амнистии освободили от наказания в зале суда. Очевидно, что такое решение было политическим и связано с заинтересованностью в Соколовском советских спецслужб. В дальнейшем Соколовский работал бухгалтером, причем устроился даже в управление НКВД по Иркутской области, что кажется невероятным для белого полковника. В 1938 г. он был арестован и расстрелян. Реабилитирован 14 января 1958 г.

Литература

1. Ганин 2023 – Ганин А.В. Свергнуть Врангеля и сдать его армию красным! // Родина. 2023. № 7. С. 102-107.

83 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 14.

84 Там же. Л. 12.

85 Там же. Л. 12, 15-16.

86 Там же. Л. 99об.

2. Гусаров, Чуистова 1955 – Гусаров Ф., Чуистова Л. Керчь. Историко-краеведческий очерк. Симферополь: Крымиздат, 1955. 248 с.
3. Зданович 2008 – Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921-1934). М.: Продюсерский центр «Икс-Истори»; Кучково поле, 2008. 800 с.
4. Кирмель 2013 – Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918-1922. Контрразведка. М.: Вече, 2013. 320 с.
5. Крестьянников 2004 – Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Русский сборник. Исследования по истории России XIX – XX вв. (Москва). 2004. Т. 1. С. 209-220.

References

1. Ganin, A.V., 2023. Svergnut' Vrangeliã i sdat' ego armiiu krasnym! [Overthrow Wrangel and surrender his army to the Reds!] *Rodina*, 7, pp. 102-107. (in Rus.)
2. Gusarov, F., Chuistova, L., 1955. *Kerch'. Istoriko-kraevedcheskii ocherk* [Kerch. Historical and local history essay]. Simferopol': Krymizdat, 248 p. (in Rus.)
3. Zdanovich, A.A., 2008. *Organy gosudarstvennoï bezopasnosti i Krasnaïã armiiã: Deiatel'nost' organov VChK – OGPU po obespecheniiu bezopasnosti RKKA (1921-1934)* [State security bodies and the Red Army: Activities of the Cheka - OGPU bodies to ensure the security of the Red Army (1921-1934)]. Moscow: Prodiuserskii tsentr «Iks-Khitori»; Kuchkovo pole, 800 p. (in Rus.)
4. Kirmel', N.S., 2013. *Speĭssluzhby Belogo dvizheniã. 1918-1922. Kontrrazvedka* [Intelligence services of the White movement. 1918-1922. Counterintelligence]. Moscow: Veche, 320 p. (in Rus.)
5. Krest'iannikov, V.V., 2004. *Belaïã kontrrazvedka v Krymu v Grazhdanskiu voïnu*. [White counterintelligence in Crimea during the Civil War] *Russkii sbornik. Issledovaniã po istorii Rossii XIX – XX vv.* (Moscow) 1, pp. 209-220. (in Rus.)

Список сокращенных слов

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва

КГБ – Комитет государственной безопасности

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

РВС – Революционный военный совет

РВСР – Революционный военный совет Республики

РГВА – Российский государственный военный архив, Москва

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

СНК – Совет народных комиссаров

ССР – Советская социалистическая республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности России, Москва

Andrey V. Ganin

D.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Slavic Studies,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
andrey_ganin@mail.ru

“It’s fair to go the common road where... the vital needs of the country lead.” The history of secret negotiations between the Reds and Whites on the surrender of the Russian army by General P.N. Wrangel in Crimea in the fall of 1920

The article is devoted to the history of secret negotiations between the Reds and Whites on reconciliation in the fall of 1920. Then a White officer, staff captain V.B. Mozharovsky crossed the front line to the Reds. The officer, who said that he represented a group of oppositionists to General P.N. Wrangel officers from the White Crimea, led by Colonel N.F. Sokolovsky, wanted to surrender the Russian army of General P.N. Wrangel to the Reds. To implement the plan, guarantees from the Soviet government were required. The proposal of the White emissary was scrutinized in Soviet Russia at the highest level – the head of the Soviet government V.I. Lenin and the Chairman of the Revolutionary Military Council of the Republic, L.D. Trotsky, took part in the discussion. It was decided to accept the proposals of the White oppositionists, appointing the authoritative General A.A. Brusilov to the head of Wrangel’s army. However, it soon became clear that the agent had arrived under false identity, which led to the disruption of the entire operation, since Mozharovsky was considered a provocateur. Even though it is possible that this was a White intelligence operation, however, there is evidence that the proposals of the White oppositionists could have been real. Perhaps at the end of the Civil War, when the defeat of the Whites became obvious, part of the White military elite decided to play it safe and ensure a safe passage to the Soviet camp by surrendering Wrangel’s army to the Reds.

Keywords: Civil War, Red Army, Russian Army, RSFSR, Ukraine, V.I. Lenin, P.N. Wrangel, A.A. Brusilov, struggle of special services, peace negotiations

Александр Животич
д.и.н., проф., Кафедры истории Югославии
Университет в Белграде, Философский факультет.
Чика Љубина 18-20, 11000, Београд, Србија.
aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs

Никола Пашич и Советская Россия/Советский Союз (1917–1926)

Революционные события в России в 1917 г. привели к разрыву официальных российско-сербских отношений. Усилия дипломатии, начавшиеся сразу по окончании Первой мировой войны, совпадали, с одной стороны, со стремлением Королевства сербов, хорватов и словенцев нормализовать отношения с крупнейшим и наиболее важным славянским государством, а, с другой, с усилиями революционных российских властей выйти из изоляции и занять свое место в международном сообществе. Хотя обе стороны соглашались, что реальные политические препятствия отсутствовали, желаемое решение так и не было принято. Позицию югославского правительства и дипломатии обуславливали несколько обстоятельств. Идеологическое соперничество и исключительность, с одной стороны, а с другой — восприятие другой стороны через оптику и призму идеологических предрассудков, привели к отчуждению двух чрезвычайно близких политических, военных и экономических пространств. Стремление СССР к мировой революции, разрушению существующего и построению нового общественного строя столкнулось с настойчивостью Югославии в сохранении существовавшего положения вещей. Неоднократно начинавшиеся переговоры о взаимном признании и установлении дипломатических отношений наталкивались на непреодолимые трудности, часто связанные с тем самым набором международных обстоятельств, при которых югославско-советское сближение наверняка поставило бы под угрозу хрупкое положение Югославии и нарушило бы ее отношения с традиционными союзниками. Хотя официального признания не произошло, но на практике оно было осуществлено посредством ряда публичных и тайных двусторонних контактов и совместного подписания ряда многосторонних актов.

Ключевые слова: Советская Россия, СССР, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Никола Пашич, дипломатия, революция, переговоры.

На начало Первой мировой войны пришлась своеобразная кульминация сербско-российских отношений. Поддержка Россией Сербии в самом начале войны, огромная военная и материальная помощь, которую первая оказывала в течение двух лет, совместные боевые действия на Салоникском фронте, и российская дипломатическая защита сербских интересов обусловили тот факт, что Сербия опиралась на могущественную Российскую империю. Однако перемены, произошедшие в ней в начале 1917 года, а также ряд событий, вызванных Февральской революцией, изменили прежний характер двусторонних отношений. Сам Никола Пашич – один из главных создателей и носителей сербской и югославянской национальной идеи, явный русофил – пережил глубокое политическое и личное потрясение. Как писал Андрей Шемякин, «до Февральской революции Пашич, предполагавший, что именно Россия в конце войны сможет поставить перед союзными державами австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в каком виде) и защитит при этом жизненные интересы Сербии, не желал себя связывать какими-либо посторонними обязательствами»¹.

Революционные события 1917 г., а затем выход России из войны определили дальнейшую судьбу отношений Королевства Сербия, а затем Королевства сербов, хорватов и словенцев с Советской Россией. Поначалу сербское правительство во главе с Н. Пашичем надеялось, что сможет рассчитывать на поддержку тех, кто пришел к власти в Петрограде в результате революционных событий. Сербы воодушевлялись заявлениями самого Владимира Ильича Ленина, который в переговорах с сербскими дипломатическими представителями осудил агрессию Центральных держав в отношении Сербии, выразив уважение к ее борьбе за объединение югославянских народов, а новый министр иностранных дел Чичерин заявлял, что советское правительство будет настаивать на полном уважении права народов на самоопределение и, следовательно, сербского «с целью решения собственной судьбы». Кроме того, позиция большевиков в отношении будущих мирных договоров, основанная на принципе отказа от аннексий и контрибуций, была на руку правительству Сербии, чья национальная территория находилась в то время под австро-венгерской и болгарской оккупацией. Вот почему сербское пра-

1 Шемякин 2014: 164.

вительство заняло официальную позицию непротивления провозглашенным принципам русской революции, ибо, как писал Н. Пашич в инструкции посланнику в Петрограде Мирославу Спалайковичу, Сербия также борется «за освобождение от немецкой оккупации, чтобы завоевать свободу и право на самоопределение для своего народа». Спалайковичу также было поручено установить официальные контакты с советской делегацией, которая вела переговоры в Бресте, и передать точку зрения сербского правительства в форме официального заявления. Он получил заверения, что советские делегаты будут настаивать на защите интересов югославянских народов.

Сербское правительство сочло заключение мира с Германией актом, противоречащим его интересам, поэтому Спалайкович получил приказ прекратить контакты с новым правительством. Поскольку сербы формально не признали советскую власть, можно сказать, что взаимные отношения никогда не устанавливались, но имели место на практике. До подписания мира в Брест-Литовске сербское правительство пыталось поддерживать контакты с новыми властями в интересах югославянского объединения, а также сбора добровольцев и отправки их на Салоникский фронт. Со своей стороны, и советское правительство не было заинтересовано в разрыве дипломатических связей. Вследствие германского наступления на Петроград сербское посольство эвакуировалось, а в городе остался поверенный в делах Радослав Йованович².

Что касается Н. Пашича, вернувшегося с Парижской мирной конференции и снова возглавившего правительство, то он, формулируя позицию югославской дипломатии, исходил из общеизвестной и часто артикулированной благодарности России за помощь, оказанную на начальном этапе Первой мировой войны. Также подчеркивалось, что официальный Белград не готов признать Советы до тех пор, пока те не подпишутся под принципом суверенитета народов, особенно, русского. В связи с вышеизложенным Пашич подвергался резкой критике со стороны оппозиции³.

Одним из поворотных моментов в отношениях с Советской Россией стала конференция в Генуе по восстановлению мировой экономики,

2 Свои воспоминания о дипломатической службе и революции в России Радослав Йованович оформил в виде донесения министру иностранных дел: *Јовановић Р. Ст.* Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913. до 1923. године. Кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1925.

3 *Станковић Ђ.* Никола Пашић у Народној скупштини. Књига IV. Београд, 1998. С. 255-257.

созванная премьер-министром Великобритании Ллойд Джорджем в мае 1922 г. На конференцию была приглашена и советская делегация. Слухи о том, что на югославской территории готовится военная акция против советских властей, особенно осложняли положение Королевства СХС. Ответ Белграда на подобные обвинения не замедлил последовать. Его позиция основывалась на защите принципа нейтралитета и отрицании любого участия Югославии в подготовке военных действий. Не была упущена возможность напомнить большевикам, что Югославия последовательно занимает нейтральную позицию, несмотря на то, что те пытались осуществить революцию на ее территории посредством «террористической акции», что подтвердил в своем заявлении и сам министр Нинчич. Со своей стороны, премьер-министр Никола Пашич в соответствии со своей уже известной двусмысленной политикой резюмировал югославское отношение к Советской России крылатой фразой о том, что Королевство СХС не помогает Советам, но и не мстит им.

Перед началом конференции Чичерин заявил, что Советы не вмешиваются во внутри-югославские дела, и что он лично хотел установить прямой контакт с югославскими эмиссарами в Вене, но югославское правительство отказалось. Он открыто сказал, что хочет встретиться с сербами, но они не должны помогать русской эмиграции. Советская дипломатия использовала конференцию для масштабного проникновения в Европу, однако требование Москвы, чтобы Черногория была представлена на конференции, отражавшее непризнание упразднения суверенитета оной, еще более осложнило отношения с Белградом. На это заявление отреагировал Коста Кумануди⁴, в то время как секретарь Чичерина, стремясь минимизировать ущерб, заявил, что сказанное его шефом следует воспринимать как реакцию на югославскую поддержку русской эмиграции. Озвучив желание наладить коммуникацию с Белградом, советские представители тут же в ультимативном ключе потребовали прекратить помогать русской эмиграции. Как красная тряпка на быка, на югославскую сторону действовали утверждения Чичерина, что в Королевстве СХС угнетению подвергаются черногорцы, македонцы и хорваты.

В ходе самой конференции состоялась встреча Чичерина с главой МИД Момчило Нинчичем, которому соответствующее разрешение посредством телеграфа дал премьер-министр Пашич, полагавший, что Югославия из политических соображений не может отказывать Советскому Союзу в установлении контактов⁵. При этом Нинчич опроверг слухи о

4 Станковић 1995: 175.

5 Vinaver 1965: 119.

каких-то военных приготовлениях в Югославии, а Чичерин подтвердил стремление СССР установить дипломатические отношения. Было решено, что Нинчич передаст это своему правительству, а Чичерин опровергнет слухи о поддержке Югославией военных действий. Обе стороны договорились о проведении встреч в третьих странах до официального взаимного признания.

На конференции в Лозанне в 1922 г. М. Нинчич встретился с советскими представителями. Те пытались расположить к себе собеседников, подчеркивая намерение своего руководства установить более тесные контакты с югославским правительством, ссылаясь на исторические связи и традиции. Точно так же они подчеркивали решимость Москвы проводить политику невмешательства во внутренние дела Югославии. Советские прогнозы были крайне оптимистичны и внушали уверенность, что в ближайшем будущем взаимные отношения будут урегулированы. Сам Чичерин произвел на членов югославской делегации исключительное впечатление. По свидетельству Милана Антича, он произнес замечательную речь, поэтому все делегации искали возможность с ним встретиться.

Непосредственный контакт с министром Нинчичем был установлен через профессора Драголюба Илича⁶. По-видимому, тогда же удалось достигнуть договоренности об обмене делегатами, которая вскоре была сорвана усилиями российского представителя в Белграде Штрандтмана, добившегося высочайшего вмешательства. В результате Н. Пашич поручил югославской дипломатии поддерживать контакты с Советами исключительно за границей. Однако было дано официальное согласие на приезд советского представителя Красного Креста Корешкова, прибывшего в Белград из Софии, дабы договориться о репатриации югославских подданных и некоторых русских эмигрантов. Прибытие делегации советского Красного Креста в Белград получило в России особую огласку. Московская пресса открыто писала, что, хотя официальные переговоры еще не начались, белогвардейская эмиграция в Югославии опасается возможного сближения двух стран в случае успеха переговоров⁷. Белградская общественность с удвоенным интересом следила за проис-

6 Архив Српске академије наука и уметности (АСАНУ). 14387 (Оставштина Милана Антића). 8500 (Белешка о југословенско-совјетским односима).

7 Советско-югославские отношения, 1917 – 1941 гг.: Сборник документов и материалов / отв. ред. В.В. Зеленин. М.: Издательство «Наука», 1992. С. 141. (Сообщение газеты «Известия» о прибытии миссии Российского Красного креста в Белград 15 декабря 1922).

ходившим, а Штрандтман не замедлил обратиться за поддержкой ко двору, премьеру Н. Пашичу и помощнику главы МИД Милану Гавриловичу.

Советы придавали этой миссии особое значение, утверждая, что после первых неудачных попыток по установлению дипломатических отношений конференция в Генуе стала важным шагом к дальнейшему сближению. Они подчеркивали, что русский народ питает особую симпатию к своим югославянским братьям, и что единственным препятствием для сближения является русская эмиграция. Однако неизменность советской позиции, будто вновь установленный порядок в Европе стал выражением «версальского диктата», и что народы Черногории, Македонии, Далмации и Хорватии были включены в состав югославского государства без того, чтобы спросить их согласия на специальном плебисците, только усилил недоверие и подозрительность югославских дипломатических кругов в отношении к Советам. Последние, стремясь преодолеть международную изоляцию, придавали особое значение установлению дипломатических отношений с Югославией как важной славянской страной. Самому Чичерину было непонятно, почему югославская сторона, начавшая переговоры о взаимном признании и достигшая соглашения об обмене делегациями, не выполнила его, несмотря на явную договоренность. Москва внимательно следила за событиями в Югославии и констатировала повышенный интерес белградской общественности к урегулированию отношений с Советами. По мнению Чичерина, достижение консенсуса с Югославией открывало возможность проникновения на Балканы, а также участия в решении «восточноевропейских вопросов». Он ожидал реакции Югославии на советские инициативы, но она постоянно откладывалась под предлогом внутривосточных проблем или, чаще всего, по вполне тривиальным причинам⁸.

Хотя начало 1923 г. принесло Югославии ряд внешнеполитических успехов, осень того же года ознаменовалась новыми проблемами. Все чаще звучали разговоры об окружении и региональной изоляции Югославии и необходимости налаживания связей с Советами. Сам Никола Пашич говорил, что в сложившихся обстоятельствах необходимо установить торговые отношения с Россией, а министр Нинчич заявил чехословацкому представителю, что югославское королевство установит полуофициальные контакты с Советами, как это сделала Чехослова-

8 Документы внешней политики СССР. Т. VI. М.: Госполитиздат, 1962. С. 403. (Письмо народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР в Австрии В.М. Левицкому 3 августа 1923). См.: Животић 2018.

кия⁹. Чичерин особенно недоумевал, почему югославское государство, находившееся в трудном международном положении и постоянно опасавшееся за свою безопасность, не желало расширять свою внешнеполитическую базу путем урегулирования спорных вопросов с Советами и достижения соглашения с ними¹⁰. Опасаясь возможных последствий внутри страны, столкнувшись с внешним давлением, югославское правительство, не желая рисковать в щекотливый момент, решило отклонить предложение министра Нинчича начать переговоры с советскими представителями в Берлине с целью установления дипломатических отношений между Королевством СХС и Советским Союзом¹¹.

Советы добились чрезвычайно значительных успехов в борьбе за выход из изоляции уже в начале 1924 г. Анонсированное в конце предыдущего года последовало признание Советов Великобританией, Италией и Францией, что облегчило положение СССР, ставшего полноправным партнером в международных отношениях. Чехословацкие официальные лица заблаговременно проинформировали Николу Пашича о грядущем франко-советском сближении¹². Это произвело на того сильное впечатление, заставившее в связи с самим характером югославо-французских отношений несколько скорректировать свое отношение к Советскому Союзу. Давление со стороны белградской общественности, авторитетных интеллектуальных кругов и Демократической партии, побуждавших присоединиться к процессу признания Советского Союза и тем самым последовать политике великих держав и бывших военных союзников, было очень сильным.

Соответственно встал вопрос о признании СССР странами Малой Антанты. Готовясь к конференции союзников в конце 1923 г. министр Нинчич приказал посланнику в Праге Любомиру Нешичу установить официальный контакт с советским представителем Юренёвым. В ходе беседы Нешич отрицал наличие у него полномочий вести официальные переговоры, но выразил уверенность, что вопрос будет решен на

9 Vinaver 1967: 223.

10 Советско-югославские отношения. С. 145. (Письмо наркома по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина полномочному представителю СССР в Австрии М. В. Левицкому по вопросу об отношении Королевства СХС к СССР 13 сентября 1923).

11 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала - середины 1920-х годов) / отв. ред. Гришина Р.П. Ч. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 88-89. (Письмо М.В. Левицкого Г.В. Чичерину о возможности приезда в Болгарию новой миссии РОКК и об отклонении Советом министров Югославии предложения начать переговоры с СССР 16 августа 1923).

12 Šeba 2016: 233.

предстоящей конференции стран-участниц Малой Антанты, и что официальные переговоры начнутся в Праге в начале следующего года¹³. Реагируя на югославскую инициативу, Чичерин проинформировал Юренёва о ходе предыдущих переговоров, сообщив детали, которые в настоящее время не могут быть полностью проверены. Он передал своему представителю в Праге, что у него было несколько коротких случайных встреч с югославским министром Нинчичем, а также один конфиденциальный ужин, в ходе которого удалось договориться об обмене репатриационными или торговыми миссиями. При этом речь шла о государственных миссиях, а не миссиях Красного Креста, как изначально хотел Нинчич. По словам Чичерина, в ходе той же встречи обсуждалось югославское общественное мнение, которое все больше склонялось в пользу нормализации отношений с Советами. Как утверждал нарком, Нинчич тогда жаловался, что белоэмигранты в Югославии вооружены, и обещал, что они будут разоружены, а страна перестанет быть центром их сбора. Главы внешнеполитических ведомств встретились и в Лозанне, обсудив обмен делегациями, общие усилия по взаимному сближению и желание югославского правительства дистанцироваться от белой эмиграции. Чичерин симпатизировал Нинчичу, считал его человеком искренним, но не обладающим реальной властью и самостоятельностью в принятии далеко идущих решений.

Со своей стороны, британская дипломатия полагала, что в югославском правительстве, как и в обществе, в целом, превалирует убеждение, что отношения с Москвой должны быть установлены. При этом Никола Пашич, по оценке британцев, не хотел предпринимать ничего, что не соответствовало бы конкретным шагам великих держав в этом вопросе. Бросались в глаза и правительственные меры, направленные на ограничение активности русской эмиграции на территории Югославии, что расценивалось как акт доброй воли и особый сигнал Советам в том духе, что югославская сторона желает нормализации взаимоотношений¹⁴.

И все-таки, инициатива Нинчича получила продолжение и по другим каналам. В Одессу прибыл профессор Белградского университета Стеван Димитриевич, приехавший с проверкой работы югославского

13 Советско-югославские отношения. С. 149. (Телеграмма представителя СССР в Чехословакии К.К. Юренева зам.наркому по иностранным делам СССР М.М. Литвинову о возможности переговоров по нормализации отношений между СССР и Королевством СХС 4 декабря 1923).

14 *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji 1921-1930. Godišnji izveštaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921-1938. Knjiga prva (1921-1930). Zagreb, 1986. S. 176.*

представителя по оказанию помощи голодающим в России¹⁵. Он передал послание Нинчича о том, что тот остается решительным сторонником нормализации отношений с Советами, и что он сделает все, чтобы восстановить их как можно скорее¹⁶. Никола Пашич также поручил ему, среди прочего, сообщить советской стороне, что Югославия не будет вмешиваться во внутренние дела СССР, и что все русские – «наши братья», независимо от их политической принадлежности. Все это должно было послужить сигналом югославской готовности к дальнейшим переговорам¹⁷. Нинчич подчеркнул, что сербские патриотические круги особенно раздражает тот факт, что Чехословакия, особенно чехи, используют свои связи с Советами в международных контактах, намереваясь использовать это обстоятельство не только для установления своей гегемонии внутри Малой Антанты, но и для навязывания себя в качестве посредника между Югославией и СССР. Советской стороне такое поведение чехословаков казалось особенно подозрительным¹⁸. Обоснованность этих подозрений подтвердилась и в ходе состоявшихся 3 января 1924 г. переговоров советского посланника в Праге Юренёва с чехословацким министром иностранных дел Бенешем. Тот открыто заявил, что, по его мнению, Югославия не имеет какой-либо стабильной политической линии по отношению к Советскому Союзу, и что ее позиция по этому вопросу зависит от исхода «борьбы между различными группами карьеристов». Он посоветовал Советам не спешить с установлением отношений с Бел-

15 Большая кампания помощи голодающим в России началась в 1921 г. В Загребе и Белграде были образованы специальные комитеты, при этом белградский комитет имел полуофициальный статус. Среди общественности развернулась широкая акция, которую особенно поощряла пресса Радикальной партии. С одобрения министра Нинчича, несмотря на противодействие правительственного делегата в Лиге Наций в Женеве, в Россию был направлен специальный представитель. Джордже Джорджевич находился на юге России в качестве представителя Народного комитета помощи голодающим на юге России. В Югославию он вернулся в конце 1923 г. С конца 1921 г. на средства Королевства СХС было собрано продовольствие для 25 000 человек в 22 населенных пунктах. Только в Белграде было собрано около 4,2 миллиона динаров помощи.

16 Советско-югославские отношения. С. 150-151. (Письмо наркома по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина представителю СССР в Чехословакии К. К. В. Юреневу по вопросу нормализации отношений между СССР и Королевством СХС 5 декабря 1923)

17 Vinaver 1967: 224.

18 Советско-югославские отношения. С. 150-151. (Письмо наркома по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина представителю СССР в Чехословакии К. В. Юреневу по вопросу нормализации отношений между СССР и Королевством СХС 5 декабря 1923)

градом и дожидаться признания великими державами, затем Чехословакией, а после этого признание Югославии произойдет естественным образом. Бенеш также предупредил, что предстоящая конференция Малой Антанты не принесет никаких результатов по «русскому вопросу»¹⁹.

Одновременно с этим представитель Чехословакии в Белграде Ян Шеба, по его собственным словам, работал над сближением Югославии и Советского Союза. Апеллируя к той роли, которую царская Россия играла для Королевства Сербия, он пытался внушить влиятельным белградским политикам идею сближения с СССР. Он считал необходимым побудить к более решительным выступлениям приверженцев нормализации югославо-советских отношений, а именно, лидера демократов Любу Давидовича и молодую генерацию радикалов (по сравнению с Пашичем – прим. переводчика), таких как Милош Трифунович, Веля Вукичевич и Момчило Нинчич. Про короля Александра, получившего образование в царской России, Шеба считал, что тот в силу ряда личных причин, в том числе из-за проблем его сестры Елены с большевиками, а также в виду ярко выраженного влияния русских эмигрантов при дворе, не может сделать более решительный поворот в сторону Советов. Что касается Пашича, тот он, будучи стариком, твердо верил в восстановление старых порядков в России. При этом дипломат отмечал, что под влиянием новых политических моментов и личных убеждений племянника Петра, только что вернувшегося из Советского Союза, Пашич постепенно начал менять свое непримиримое отношение к советской власти. Он также считал, что в процессе сближения с Советским Союзом важную роль должна сыграть Хорватская республиканская партия Степана Радича, которая была единственной гражданской политической партией, выступавшей за это. Препятствием на этом пути Шеба называл республиканскую программу партии, которая не могла вызывать доверия у короля Александра²⁰.

В Москве внимательно отслеживали отношение югославских и, особенно, сербских общественных кругов к проблеме взаимного признания. Позиция влиятельных сербских Демократической и Земледельческой партий, выступавших за разрешение конфликта с Советами, вселяло в них надежду. Однако Москву насторожило известие, что правительство, приступив, по предложению министра Нинчича, к рассмотрению

19 Документы внешней политики СССР. Т. VII. М.: Госполитиздат, 1963. С. 13. (Сообщение Представителя СССР в Чехословакии о беседе с министром иностранных дел Чехословакии Бенешом 3 января 1924)

20 Šeba 2016: 188-190.

вопроса, решило отложить его до возвращения Н. Пашича, считавшегося главным препятствием установлению регулярного дипломатического общения. До советского посольства в Праге доходили слухи, что король Александр категорически против начала переговоров с Советами, и поэтому начало югославно-советских переговоров «висит в воздухе»²¹.

Интересующий нас вопрос поднимался на совещании министров иностранных дел Малой Антанты, но сразу выяснилось, что взгляды правительств трех стран на этот счет расходятся. Поэтому было решено, что каждое из государств должно подойти к вопросу с позиции своих интересов и принять соответствующее решение самостоятельно. Эта позиция была подтверждена на совещании министров иностранных дел Малой Антанты в Любляне²². На практике признание Советского Союза было временно отложено, но сам Никола Пашич считал, что следует наладить какие-то связи с Советами. Таким образом, предложение чехословацкого министра Бенеша об установлении отношений с СССР было отклонено. При этом его правительство ни в коем случае не хотело налагать на себя какие-либо ограничения, связанные с конфликтом Румынии и СССР по проблеме Бессарабии²³. Чехословацкая дипломатия считала М. Нинчича одним из самых ярких сторонников сближения с Советским Союзом. А в публичных заявлениях бывшего сербского посланника в России Мирослава Спалайковича – принципиального противника югославно-советской нормализации – чехословаки усматривали недовольство Пашича работой Нинчича. Из этого вытекало предположение, что Спалайкович может заменить Нинчича на посту министра иностранных дел²⁴.

Параллельно Советы выступили за перекройку границ в регионе. Подчеркивалось, что Венгрии следует вернуть определенные территории, доставшиеся Чехословакии и Румынии, Болгарии – южную Добруджу и предоставить выход к Эгейскому морю, а России должна отойти Бессарабия. Одновременно, руководству балканских коммунистических партий Советы диктовали исключительно холодное отношение к югославному государству и ее представителям²⁵. Кроме того, югославское правитель-

21 Советско-югославские отношения. С. 151-153. (Письмо представителя СССР в Чехословакии К.К. Юренева зам.наркому по иностранным делам СССР М.М. Литвинову о противоборстве политических сил в Королевстве СХС по вопросу признания СССР 5 декабря 1923)

22 Krizman 1977: 70.

23 О расхождении стран-членов Малой Антанты по проблеме признания СССР подробнее см.: Sladek 2000: 31-33.

24 Šeba 2016: 191-192.

25 Ibid.

ство и лично Н. Пашич испытывали особую озабоченность в связи с пребыванием Степана Радича в Москве, которую можно было трактовать как советскую поддержку радичевского видения решения хорватского вопроса в Югославии. Тягостное впечатление от приглашения Радича в Москву в некоторой степени смягчили слова, сказанные югославскому посланнику в Вене советским представителем Левицким, что СССР не имеет ничего против югославского государства и не собирается сотрудничать с македонскими и хорватскими сепаратистами²⁶. Однако Радич, находясь в Москве, кроме декларативной поддержки, не смог добиться реальной помощи в реализации своих идей. Главным камнем преткновения в его переговорах с принимающей стороной стал статус возглавляемой им партии в Крестинтерне. В конце концов ему пришлось отказаться от всех трех своих проектов присоединения к организации и согласиться с условиями, выдвинутыми Крестинтерном²⁷.

Хотя радичевская миссия в Москве имела ограниченный характер, в Белграде она укрепила имевшиеся подозрения в связи с реальными советскими намерениями в отношении югославского королевства, его строя и территориальной целостности. На деле это означало, что, пока у власти правительство во главе с Н. Пашичем, ни в коем случае не будет подниматься вопрос признания Советского Союза и установления с ним регулярных дипломатических отношений. Что касается Радича, он ожидал скорой отставки пашичевского кабинета, что позволило бы ему вернуться в страну. Свой оптимизм по этому поводу он не скрывал и во время посещения чехословацкого представительства в Москве²⁸.

В одном аспекте ожидания С. Радича оказались оправданными. Уход Н. Пашича с поста премьер-министра открыл новую перспективу югославо-советских отношений. Новый кабинет во главе с деятелем Демократической партии Л. Давидовичем, в котором за внешнюю политику отвечал опытный финансист и промышленник Воислав Маринкович, применительно к СССР руководствовался принципом международного права. Прагматично подчеркивалось, что урегулирование отношений возможно, если советское руководство приведет свою позицию в соответствие с актуальными международно-правовыми нормами и принципами. С своей стороны Н. Пашич вместе с бывшим сербским

26 Mužić 1988: 156-159.

27 АЈ. Ф. 143 (Лични фонд Николе Пашића). Фасц. 1. Д. 674/24. (*Извештај посланика у Прагу Љубомира Нешића Политичком одељењу Министарства иностраних дела од 25. августа 1924.*)

28 Там же.

посланником в Петрограде Мирославом Спалайковичем отвергал какую-либо возможность установления отношений с СССР, пока в нем сохраняется существующий строй.

Новое правительство Н. Пашича, в котором портфель главы МИДа снова достался Нинчичу, в конце 1924 г. заняло выраженно антисоветскую и антибольшевистскую позицию. Сам Нинчич пошел еще дальше, когда в ходе встречи с британским министром Чемберленом, подтвердив непримиримость своего правительства в отношении большевиков, заявил, что югославские власти инициируют создание антибольшевистского фронта. Это, разумеется, расходилось с личными убеждениями Нинчича и отражало позицию самого Пашича. Советская сторона новые антисоветские и антибольшевистские высказывания югославской правящей партии сочла одним из пропагандистских средств ведения избирательной кампании. Ожидалось, что антибольшевистские лозунги сойдут на нет после выборов, когда снова сложатся благоприятные условия для установления нормальных отношений и начнутся соответствующие контакты. Советы выражали готовность приступить к переговорам о восстановлении дипломатических отношений на основе невмешательства во внутренние дела друг друга²⁹. В этом духе были разосланы инструкции советским дипломатическим представителям, которым надлежало поддерживать связь с югославскими коллегами, отслеживать изменения позиции Белграда, а также быть готовыми отреагировать должным образом в благоприятный момент. Таким образом, инициатива на время уступала югославской стороне.

Новая роль Советского Союза в международных отношениях, основанная на дистанцировании от Германии, готовности решать спорные проблемы с Францией, а также гарантиях ненападения на Польшу и Румынию, снова заставила задуматься об установлении дипломатических отношений с Советами. Своеобразным анонсом сближения с СССР стало выступление Степана Радича с трибуны Лиги наций в сентябре 1925 г., в ходе которого он предложил белоэмигрантам вернуться на родину, где новая власть не станет их преследовать. Хотя правительство дистанцировалось от его заявления, подчеркнув, что Радич говорил только от своего имени, по сути, речь шла об объявлении нового поворота в политике по отношению к «первой стране социализма». Очевидно, выступление Радича, хоть и сопровождалось официальными оговорками, было иници-

29 Документы внешней политики. Т. VIII. М., 1963. С. 174. (Письмо заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в Польше П. Л. Войкову 6 марта 1925)

ировано самим королем, который, находясь под влиянием Праги и Парижа, решил, что Радич лучше всего подходит для артикуляции нового курса, будучи министром, всего лишь год назад побывавшим в Москве. Как таковой он должен был восприниматься советской дипломатией носителем компромиссной линии в отношении СССР. В связи с этим в ноябре 1925 г. министр Нинчич, поручив посланнику в Берлине наладить контакты с советским коллегой, заявил австрийскому посланнику в Белграде, что Советская Россия не такая, как прежде, и теперь участвует в международном сотрудничестве.

В конце года Нинчич обсудил с французским коллегой установление дипломатических отношений с Советским Союзом, в случае которого югославский посланник находился бы в Москве при французском после. Демонстрируя свою решимость, Н. Пашич дошел до того, что заявил, будто едва не встретился с Чичериным, когда они оба одновременно находились в Чехословакии на лечении летом 1925 года. В конце концов и сам король дал согласие³⁰. При этом монарх и Н. Пашич стремились не афишировать вышеописанную дипломатическую инициативу. Намеренно распускались сплетни, что Пашич колеблется по вопросу сближения с Советами, что имело целью проверить реакцию как югославской общественности, так и великих держав. До британского посланника в Белграде дошли слухи, что представитель Югославии в Берлине Живоин Балугджич вел переговоры с советским министром Чичериным, но эти сообщения решительно опровергались, а британскому представителю объяснили, что это был самовольный шаг Балугджича, и что поэтому ему не следует уделять особого внимания. С британской точки зрения, деятельность большого числа русских эмигрантов в Югославии, а также нерешенность вопроса о сербском долге перед царской Россией представляли собой непреодолимое препятствие на пути к установлению регулярных связей между королевством и Советским Союзом. Решительные действия Югославии по сближению с Советами остались вне поля зрения британского представителя, который уверенно утверждал, что в 1925 году не было предпринято никаких официальных шагов по признанию Советского Союза, отмечая при этом, что такая дипломатическая инициатива пользовалась бы мощной общественной поддержкой³¹.

Советская дипломатия позитивно отреагировала на новый курс Белграда. Советы были готовы приступить к официальным переговорам в Берлине или Париже в зависимости от пожеланий югославской сторо-

30 Vinaver 1985: 84.

31 Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 307.

ны³². О возможности установления регулярных дипломатических контактов с Королевством СХС Чичерин говорил в декабре 1925 г. в Париже с французским министром иностранных дел Брианом. Чичерин повторил свою прежнюю позицию, что вопрос должен быть решен как можно скорее, о чем он уже несколько раз говорил с министром Нинчичем, что, однако, не принесло ощутимых результатов. Бриану также было сказано, что югославские дипломаты интенсивно зондируют почву на предмет возобновления переговоров. Французский министр в ходе беседы решительно высказался в пользу взаимного признания Югославии и Советского Союза, пообещав содействовать в самой Югославии усилиям в указанном направлении. Он также выразил уверенность в скором установлении югославо-советских отношений³³.

На рубеже 1925-1926 годов Никола Пашич и югославское правительство попытались наладить контакт с Советами с помощью главы турецкого МИДа Араса. Белград, пытаясь воспользоваться советско-турецким сближением, рассчитывал на турецкое посредничество и помощь в урегулировании спорных вопросов и установлении регулярных дипломатических связей. Со своей стороны, Советы были готовы вести переговоры через представителей в Берлине или Париже в соответствии с пожеланиями югославского правительства. Позиция советской дипломатии состояла в следующем: не требовать самим установления дипломатических отношений, а реагировать на инициативу противоположной стороны³⁴. А именно, в конце 1925 г. были предприняты шаги с целью зондирования местности для определения советской позиции. Министр иностранных дел Турции Арас передал Чичерину послание короля Александра, Николы Пашича и Момчило Нинчича о готовности Югославии вступить в переговоры об установлении дипломатических отношений при посредничестве Турции. Югославская сторона пообещала не предпринимать агрессивных шагов по отношению к Советскому Союзу и заявила,

32 Советско-югославские отношения. С. 179. (Телеграмма зам.наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова полномочному представителю СССР в Италии Керженцеву о готовности СССР вести Королевством СХС о взаимном признании 25 ноября 1925).

33 Советско-югославские отношения. С. 180. (Из письма наркома по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина в НКВД СССР о беседах с председателем совета министров и министром иностранных дел Франции А. Брианом об отношении Кориолевства СХС к СССР 16 декабря 1925)

34 Македонского прашанье во советската надворешна политика (1922-1940). Документи / авт. сост. В. Поповски, Л. Жила. Т. II. Скопје, 2008. С. 726-727. (Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова полномочному представителю в Италии П.М. Керженцеву 25 ноября 1925 г.)

что готова рассмотреть вопрос о будущих отношениях по согласованию с союзниками из Малой Антанты, и что формат будущих отношений будет аналогичным советско-турецким³⁵. Чичерин тут же ответил, что советское правительство готово заключить с Югославией пакт, как оно уже заключило с Турцией, с условием, что договор должен быть подписан непосредственно представителями двух правительств. Советы обусловили подписание взаимного соглашения и соответствующее взаимное признание роспуском белогвардейских военных организаций на югославской территории³⁶. Проблема заключалась в том, что Советский Союз настаивал на открытых и прямых переговорах, в то время как югославское правительство настаивало на сохранении переговоров в секрете до тех пор, пока не будут созданы необходимые условия для их предания огласке³⁷.

Начавшиеся переговоры были очень быстро прерваны из-за усилившейся кампании белградской прессы против Советского Союза, который обвинялся в подстрекательстве различных политических партий и движений к свержению существующего государственного строя. Советское правительство решительно опровергло материалы белградской прессы, отрицая какое-либо вмешательство во внутривнутриполитическую жизнь королевства³⁸. В начале мая 1926 г. турецкий посланник в Вене сообщил своему советскому коллеге, что югославская сторона действительно выразила полную готовность установить дипломатические отношения в конце предыдущего года в связи с возросшими опасениями советско-итальянского сближения в ущерб интересам Югославии. Однако, по его словам, югославская дипломатия отказалась от намеченных шагов, как только убедилась, что итало-советские переговоры зашли в тупик³⁹. Хотя

35 Документы внешней политики. Т. IX. М., 1964. С. 13-14. (Запись беседы Народного Комиссара Иностранных дел СССР с Послом Турции в СССР Закин беом, 7 января 1926).

36 Документы внешней политики. Т. IX. С. 18-19 (Телеграмма Народного Комиссара Иностранных дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турции Л.И. Величко, 11 января 1926).

37 Документы внешней политики. Т. IX. С. 27 (Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции Л.И. Величко Народному Комиссару Иностранных дел СССР Г.В. Чичерину, 16 января 1926).

38 Документы внешней политики. Т. IX. С. 168 (Заявление Народного Комиссариата Иностранных дел СССР об антисоветских измышлениях югославских правительственных кругов, 23 марта 1926).

39 Документы внешней политики. Т. IX. С. 272-273 (Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии в Народный Комиссариат Иностранных дел СССР, 11 мая 1926).

в течение 1926 г. оппозиция требовала возобновления контактов, решение правительства осталось неизменным⁴⁰.

К сожалению, в нашем распоряжении нет более весомых источников, которые свидетельствовали бы о состоявшейся летом 1926 г. в Карловых Варах встрече Николы Пашича с заместителем советского наркома иностранных дел Максимом Литвиновым, во время которой они имели продолжительные беседы. Чего хотел этим добиться Пашич, считавшийся ярким противником большевизма, остается тайной. Смерть Николы Пашича, который был твердым и верным другом русской эмиграции и вообще прежнего режима в России, стала для многих дипломатических представителей в Белграде новой возможностью продолжить начатые югославско-советские переговоры о взаимном признании. Британский представитель в Белграде полагал, что страх перед возможной итальянской агрессией может заставить югославское правительство найти один из выходов из создавшегося положения на Востоке, то есть оно обязательно попытается найти новую опору в Советском Союзе⁴¹.

Советская дипломатия внимательно следила за усилиями дипломатии югославской. Именно поэтому Москва попыталась подать особый сигнал Белграду через газету «Известия», в которой 8 ноября 1926 г. была опубликована статья «СССР и Югославия». В самом тексте подчеркивалось, что среди стран, с которыми Советский Союз не установил дипломатические отношения, трудно найти такую, с которой у него было бы меньше спорных вопросов, чем с Королевством СХС. Открыто утверждалось, что нет никаких политических или экономических проблем, которые бы препятствовали установлению «нормальных отношений». Приветствовались заявления Пашича, сделанные по возвращении с лечения в Чехословакии, о том, что Югославия «никогда и ни при каких обстоятельствах не пойдет против России». Это было своего рода советским ответом на публичные выступления Пашича после встречи с Максимом Литвиновым. Советы полагали, что слова Пашича продиктованы преобладающими славянофильскими чувствами сербского народа. Также с советской стороны подчеркивался отказ Югославии от участия в анти-советски ориентированных военных пактах, при этом особо отмечалась роль министра иностранных дел Нинчича, который на всех конференциях Малой Антанты отвергал любые предложения военных комбинаций, направленных против советских интересов. Как, например, попытку Румынии заручиться югославской военной поддержкой по бессарабской

40 Avramovski 1986: 30.

41 Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 385.

проблеме. Приветствовался и отказ Югославии признать независимость стран Балтии. Советы были также довольны существованием широкого консенсуса среди ведущих политических партий о необходимости признания Советского Союза. Главным камнем преткновения на пути к урегулированию взаимоотношений считались действия многочисленной русской эмиграции, нашедшей убежище от революционной волны во вновь созданном Королевстве СХС⁴². Таким образом, советская сторона послала югославской стороне четкий сигнал о готовности приступить к решению существующих проблем.

Британский представитель в Белграде был твердо уверен, что вопрос о признании Советского Союза – решенное дело. Он отметил, что после смерти Пашича помощь русской эмиграции сократилась, что стало одним из значимых сигналов югославского правительства как руководству белой эмиграции о том, что оно не может рассчитывать на поддержку своих действий против советской власти, так и Советскому Союзу, что она готова удовлетворить его требования и предпринять необходимые шаги к нормализации отношений⁴³. Смерть Пашича ознаменовала новый этап политики Белграда в отношении Советского союза и русской эмиграции, находившейся в Югославии.

Литература

1. Животић 2018 – *Животић А.* Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923-1927) // РУСИЈА/СССР и државност Србије/Југославије. Београд: Историјски институт; М.: Институт славяноведения РАН, 2018.
2. Станковић 1995 – *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати (1918-1923). Београд, 1995.
3. Шемякин 2014 – *Шемякин А.Л.* Никола Пашич, человек, политик, национальный лидер // Листая страницы сербской истории. М.: ИСл РАН, 2014. С. 137–170.
4. Avramovski 1986 – *Avramovski Ž.* Balkanska Antanta (1934-1940). Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1986.
5. Krizman 1977 – *Krizman B.* Vanjska politika jugoslovenske države 1918-1941. Diplomatsko-historijski pregled. Zagreb, 1977.
6. Mužić 1988 – *Mužić I.* Stjepan Radić u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Zagreb: Nakladni zavod Matice Hrvatske, 1988.
7. Sladek 2000 – *Sladek Z.* Malá dohoda 1919-1938. Praha: Karolinum, 2000. 297 s.

42 А. Ф. 341 (Посланство КЈ у Лондону). К. 31. А.Ј. 104 (Извештај Обавештајног одсека Министарства иностраних послова од 20. новембра 1926.)

43 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 454.

8. Šeba 2016 – Šeba J. Paměti legionáře a diplomata. Praha, 2016.
9. Vinaver 1965 – Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919-1929: pitanje priznanja SSSR i i uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa // Istorija XX veka. Knjiga VII. Beograd, 1965. S. 93-186.
10. Vinaver 1967 – Vinaver V. Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919-1926) // Pregled. 1967. № 9. S. 221-231.
11. Vinaver 1985 – Vinaver V. Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata (Da li je Jugoslavija bila francuski „satelit“). Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1985.

References

1. Avramovski, Ž., 1986. *Balkanska Antanta (1934-1940)*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 380 p.
2. Krizman, B., 1977. *Vanjska politika jugoslovenske države 1918-1941. Diplomatsko-historijski pregled*. Zagreb.
3. Mužić, I., 1988. *Stjepan Radić u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca*. Zagreb: Nakladni zavod Matice Hrvatske, 383 p.
4. Šeba, J., 2016. *Paměti legionáře a diplomata*. Praha.
5. Shemiakin, A.L., 2014. Nikola Pashich, chelovek, politik, natsional'nyi lider. [Nikola Pasic, human being, politician, national leader] In: *Listaiia stranitsy serbskoi istorii* [Leafing through the pages of Serbian history]. Moscow: Indrik, pp. 137-170. (In Rus.)
6. Sladek, Z., 2000. *Mala dohoda 1919-1938*. Praha: Karolinum, 297 p.
7. Stanković, Đ., 1995. *Nikola Pašić i Hrvati (1918-1923)*. [Nikola Pašić and the Croats (1918-1923).] Beograd.
8. Vinaver, V., 1965. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919-1929: pitanje priznanja SSSR i i uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa. *Istorija XX veka*. Knjiga VII. Beograd, pp. 93-186.
9. Vinaver, V., 1967. Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919-1926). *Pregled*, IX, pp. 221-231.
10. Vinaver, V., 1985. *Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata (Da li je Jugoslavija bila francuski „satelit“)*. Beograd: Institut za savremenu istoriju.
11. Životić, A., 2018. Pokušaj uspostavljanja diplomatskih odnosa između Jugoslavije i Sovjetskog Saveza (1923-1927) [Attempt to establish diplomatic relations between Yugoslavia and the Soviet Union (1923-1927)]. In: *RUSIJA/SSSR i državnost Srbije/Jugoslavije*. Beograd: Istorijski institut; Moscow: Institut slavâno-vedeniâ RAN.

Aleksandar Životić

D.Sc. (History), Prof., Department of History of Yugoslavia
Faculty of Philosophy, University of Belgrade
Belgrade, Serbia, 11000, Čika Ljubina 18-20
aleksandar.zivotic@f.bg.ac.rs

Nikola Pašić and Soviet Russia/Soviet Union (1917-1926)

Revolutionary events in Russia in 1917 led to a break in the relations between the Kingdom of Serbia and Russia. The diplomatic initiatives started immediately after the end of the First World War coincided with the aspirations of the Yugoslav kingdom to normalize relations with the largest and most important Slavic country and the efforts of the revolutionary authorities of Russia to get out of their isolation and fight for their place in the international community. Although both sides shared the belief that there were no real political obstacles, this step was not taken. The reasons for such behaviour of the Yugoslav government and diplomacy were numerous. On the one hand, ideological rivalry and exclusivity, and on the other, observing the other side through the lens of ideological prejudices, led to the distancing of two extremely close political, military and economic areas. The Soviet determination for a world revolution, the demolition of the existing and the construction of a new social order clashed with the Yugoslav persistence in preserving the existing state. Negotiations on mutual recognition and the establishment of diplomatic relations, which were initiated several times, faced insurmountable difficulties, often related to the very set of international circumstances in which the Yugoslav-Soviet rapprochement would certainly threaten the fragile Yugoslav position and disturb its relations with its traditional allies. Although official recognition did not occur, it was carried out in practice through a series of public and secret bilateral contacts and the joint signing of a series of multilateral acts.

Keywords: Soviet Russia, USSR, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, Nikola Pašić, diplomacy, revolution, negotiations

Божица Ж. Славковић Мирић
Др, виши научни сарадник,
Институт за новију историју Србије.
Београд, Трг Николе Пашића, 11/4.
bozica.slavkovic@gmail.com

Косово и Метохија 1929. године – покушај решавања националног питања поделом југословенске државе на бановине¹

Простор Косова и Метохије у периоду након Првог светског рата до увођења личног режима краља Александра улазио је у састав покрајине Јужне Србије у оквиру Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца, а затим је био у оквиру Врањске, Косовске, Рашке и Зетске области. Према попису из 1921. највећи број становника чинили су Срби и Албанци, али је преко половине становништва говорило албанским језиком. У периоду пре 1929. овај простор одликовала је културна запуштеност, национална одвојеност, економска неразвијеност, саобраћајна неповезаност са осталим деловима земље, недовољна државна контрола, толерисање финансијских и правних малверзација и немирна граница са албанским суседом. Ради решавања националног питања и државне кризе, југословенска држава подељена је на девет бановина, а Косово и Метохија ушли су у састав Вардарске, Моравске и Зетске бановине. Југословенској идеји на Косову и Метохији била је супротстављена идеја великоалбанске државе, коју су покушавали да остваре чланови качачког покрета а затим и Косовског комитета уз подршку Немачке и Италије. Њихове акције биле су нарочито повећане приближавањем Другог светског рата. У току рата отворио се пут стварању Велике Албаније, а бановине су престале да постоје. У раду уз помоћ архивских извора и одговарајуће литературе, дат је преглед прилика пре 1929 и увођења бановина, као и резултати покушаја југословенске државе да се суочи са проблемима и изазовима на Косову и Метохији у том периоду.

¹ Чланак је настао као резултат рада у Институту за новију историју Србије који финансира Министарство науке, технолошког развоја и иновација РС, на основу Уговора о реализацији и финансирању научноистраживачког рада НИО у 2023. години бр. 451-03-47/2023-01/200016 од 3. 2. 2023.

Кључне речи: Бановине, Великоалбанска идеја, Граница, Качаци, Косово и Метохија, Косовски комитет, Краљевина Југославија, Попис

Простор и становништво 1918-1929

Територија Косова и Метохије 1921. била је у саставу покрајине Јужна Србија (састављена од 16 округа и 59 срезова Македоније, Косова, Метохије, Санџака и делова Црне Горе) у оквиру Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Чинили су је Призренски округ (општина Призрен и Горски, Подгорски, Подримски, Хаски и Шарпланински срез), Метохија (општина Пећ и Ђаковички, Источки и Пећки срез), Звечан (општина Косовска Митровица и Вучитрнски, Дренички и Митровички срез) и део Скопља (Качанички срез).²

На основу првог општег пописа на простору Краљевине СХС, урађеног 31. јануара 1921, обухваћено је 11.692.730 становника. На Косову и Метохији било је евидентирано 439.010 становника који су били распоређени на територији покрајине Јужна Србија.³ Према матерњем језику, било је 113.848 (26,6%) Срба, 278.411 (65,0%) Албанаца и 27.910 (6,5%) Турака. Осталих народности било је 8.084 (19%), од којих 184 Словенца, 401 Цинцарин (у Вучитрну, Митровици, Приштини, Урошевцу, Липљану, Призрену и Пећи) а 7.385 је убележено у категорију „остали и непознато”. На основу конфесија било је: муслимана 349.028 (74,4%), православних 92.951 (21,7%), католика 15.783 (3,7%) а осталих 510 (односно 1%, од којих је било 427 мојсијеваца).⁴ Ако упоредимо податке везане за матерњи језик и веру, долазимо до тога да је већина православног становништва говорила српским језиком, а муслиманског и католичког турским и албанским. Такође, на основу пописа видимо и да је преко половине становништва говорило албанским језиком.

Муслимани који су то постали за време турске владавине говорили су српским језиком (Ђаковица, Ораховац, Приштина, Гњилане, Качаник, Лапски, Вучитрнски и Дренички срез). Католичког становништва

2 Simeunović 1964: 16, 23.

3 Округ Звечан 70.137; Округ Косово 171.285; округ Метохија 90.080; Округ Призрен 96.781 становник и део округа Скопље (срез Качаник) 10.727 становника (*Дефинитивни резултати пописа становништва по матерњем језику од 31.1.1921.* Београд: Општа државна статистика, 1932; *Илустровани званични шематизам алманах Зетске бановине.* Цетиње: Краљевска банска управа Зетске бановине, 1931. С. 54-55; Филиповић 1937: 428).

4 Филиповић 1937: 431.

је било углавном у Ђаковичком, Шарпланинском, Грачаничком и Гњи-ланском срезу, док је Јевреја било у Приштини и Косовској Митровици.⁵ Албанаца је било у свим срезовима Косова и Метохије, а Албанаца католика у околини Призрена и у Призрену, око Ђаковице и у Пећи. Турака је било углавном само у Призрену, косовским варошима и у Горњој Морави.⁶ Што се тиче броја Рома, државна статистика их није уносила у посебну рубрику, већ су уписивани као Албанци или Срби.⁷

Следећом државном поделом, законом од 26. априла 1922. уместо дотадашњих седам покрајина у Краљевини СХС установљена је подела на области као административне целине (33 области). Територија Косова и Метохије била је у оквиру Врањске, Косовске, Рашке и Зетске области. У оквиру Врањске области налазио се из Косовског (Приштинског) округа Гњилански срез, у оквиру Косовске области налазио се Косовски округ (Грачанички, Лапски, Неродимски, Шарпланински, Горски и Подгорски срез), део Топличког (Прокупље и Куршумлија), Призренски округ, из Врањског округа Јабланички срез, у оквиру Рашке области био је Звечански округ (Митровачки, Дренички и Вучитрнски срез), док се у Зетској области налазио Метохијски округ (Источки, Ђаковички и Пећки срез).⁸

5 Мирослав Филиповић истиче да број Албанаца и Турака није био онолики коликим га наводе, јер је унет знатан број муслиманских и католичких Срба и Рома. Он као пример наводи Горски срез у Шарпланинском делу, где је 1921. било 12.817 становника, од чега 12.812 муслимана. По народности је било 6.224 Срба, 6.375 Арбанаса и 218 Турака, међутим Гора је била помуслимањен крај, па је тако 1.500 Срба проглашено Албанцима а преко 300 Турцима (Филиповић 1937: 432). Албански историчар Мухамед Пираку изнео је тезу да је број Албанаца у резултатима пописа био преполовљен, односно да их је било 800.000–1.000.000, а да је на основу званичне статистике било 441.740 (Piraku 1978: 357).

6 Филиповић 1937: 432. У Гњиланском срезу је према попису 1921. било 2.761 Турака, док Атанасије Урошевић истиче да је турских породица било 51 (што је око 250–300 људи) (Урошевић 2001: 23).

7 Филиповић 1937: 424–425. Велики број муслиманских Рома који су живели у варошима и селима Горње Мораве били су измешани са Арбанасима (А. Урошевић је око 1930. набројао 57 муслиманских и 170 православних ромских породица) (Урошевић А. Горња Морава и Изморник. Београд: Народна штампарија, 1931. С. 94). У Гњилану су 1927. према подацима Атанасија Урошевића чинили 17% од укупног броја становника (Урошевић 2001: 23).

8 *Административно-територијалне промене у НР Србији 1834-1954. године*. Београд: Завод за статистику НР Србије, 1955. С. 45–48; *Службене новине Краљевине СХС*, 1922. 28 Април. No 92. С. 1–2.

Политичке, привредне и културне прилике 1918-1929.

Након завршетка рата, током октобра 1918, јединице српске војске вршиле су и неке функције цивилне власти на Косову и Метохији, али није било једноставно поново успоставити власт и вратити у мирнодопски живот албанско становништво.⁹ Прво је требало образовати војне и полицијске органе, осигурати саобраћајнице и разоружати непоуздано албанско становништво,¹⁰ што је држава покушавала да реши дејствовањима војске и жандармерије и компликованом законском процедуром за издавање оружаних листова.¹¹ Међутим, резултати на терену нису одговарали броју ангажованих кадрова.¹²

Политички живот на Косову и Метохији у годинама након рата почиње да се уређује. Већина представника се прикључила радикалском или демократском посланичком клубу, док је комунистичка странка тек почињала да се пробија.¹³ У децембру 1919. била је формирана и Странка јужних муслимана (Џемијет), на челу са Неџип бег Драгом, а затим Ферат бег Драгом, његовим сином.¹⁴ Џемијет је сарађивао са Радикалном странком, да би се затим поцепало на две струје и на крају до 1927. потпуно нестао са политичке сцене.¹⁵ Албанци су учествовали у политичком и парламентарном животу не само преко Џемијета већ и преко Демократске странке (на изборима 1927. за Народну скупштину била су изабрана 3 Албанца на радикалној и 1 на демократској листи). Били су бирани у општинске и среске органе власти. Припадници албанске националности имали су активно бирачко право као и остали југословенски држављани, али су пасивни бирачи морали да знају службени језик.¹⁶

Положај националних мањина у Краљевини СХС био је одређен бројним уредбама, па самим тим и албанске на Косову и Метохији. Још према Берлинском конгресу, када је предвиђена равноправност грађана без обзира на веру и вероисповест¹⁷, Србија је преузела и заштиту националних мањина. Сенжерменским уговором, од 10. септембра 1919, у Краљевина СХС су била предвиђена широка права заштите и није било

9 Храбак, Јанковић 1968: 181–183. Више о томе: Тасић 2012: 29–53; Димић, Борозан 1998.

10 Храбак, Јанковић 1968: 185–186.

11 Dimić, Borozan 1999: 750–759.

12 Тасић 2012: 477.

13 Рајовић 1985: 67; Јовановић 2002а: 69.

14 Бериша 1973: 188; Кривокапић-Јовић 2002: 165, 173; Храбак 2003: 81.

15 Gligorijević 1979: 83, 103–104; Čulinović 1961: 348–352.

16 Јовичић 1991: 142.

17 Богдановић 2006: 224.

разлике између припадника различитих мањина.¹⁸ Такође, Устав од 1921. истицао је да су сви грађани једнаки пред законом, као и то да је мањинама дозвољена основна настава на њиховом матерњем језику. Ипак, и поред модерних начела које је Краљевина СХС примењивала, припадници албанске националности супротстављали су се организованој власти јер су навикли на своје племенске обичаје и закон Леке Дукађинија¹⁹, а и због тога што су изгубили привилегован положај који су имали у Турском царству. Често наглашаван неповољан албански положај у југословенској држави тешко је уопштавати, јер је било случајева непоштовања закона, као и полицијског и жандармеријског насиља, и према другим националним групама.²⁰

Косовско-метохијска област спадала је у неразвијено подручје Краљевине СХС, а затим и Југославије. Једно од највећих питања било је аграрно. Уредбе које су се доносиле требало је да обезбеде насељавање колониста на овом простору у већем броју, али је проблем био у томе што је терет око изградње падао на колонисте, а насеља су подизана на небезбедним местима због пролаза албанских качака (одметника).²¹

Пољопривреда је била основна привредна грана, али је и она била на ниском ступњу развоја због екстензивне производње, примитивног

18 Југословенска држава је преузела на себе обавезу да сви становници имају заштиту живота и слободе, без обзира на порекло, народност, расу и веру, као и да сви становници нове државе имају право на слободно вршење своје вере чије исповедање није у супротности са јавним поретком и моралом. Такође, предвиђено је да сви грађани буду једнаки пред законом, имају иста грађанска и политичка права, без обзира на расу, језик и веру, као и да разлике у вероисповести не би смеле да сметају у уживању грађанских и политичких права, нарочито за пријем у јавне службе, звања и почести или за вршење разних занимања. У употреби језика није било ограничења у приватним и трговачким односима, нити у погледу вере, штампе (и свих врста штампаних издања), на јавним зборовима, а припадници других језика су се пред судовима, осим званичног, могли служити својим језиком, било усмено, било писмено. Припадници националних мањина имали су право да о свом трошку подижу, управљају и надзиру добротворне, верске и социјалне установе, школе и друге васпитне заводе с правом да се ту служе слободно својим језиком и слободно исповедају своју веру. Такође, држава се обавезала да у варошима и срезovima у којима су у већој мери становали припадници других језика пружи олакшице у смислу обезбеђивања наставе у основним школама на њиховом сопственом језику. На крају, држава се обавезала да се питања породичног и личног статуса муслимана регулишу по муслиманским обичајима (Јовичић 1991: 139–144).

19 *Kanon Leke Dukadžinija*. Podgorica: CID, 2011.

20 Јовичић 1991: 142.

21 Јовановић 2006: 26–31; Јовановић 2011: 215; *Крстић Ђ. Колонизација у Јужној Србији*. Сарајево: Ђ. Крстић, 1928. С. 19–20; *Статистички годишњак 1929: књига 1*. Београд: Општа државна статистика, 1932. С. 452–453.

начина обрађивања земље и доминације малог поседа (34,3% чинили су поседе до 2 ха).²² Захваљујући насељеницима становници су почели да користе плуг чиме се повећао број обрадивих површина.²³ Индустрија је споро напредовала, због нелојалне домаће конкуренције, превисоких приреза и такси. С обзиром на најразвијену пољопривреду, млинови су били најзначајнија индустријска предузећа. Енергетика је почела да улази у употребу у домаћинствима, а почело се и са коришћењем рудника.²⁴ Велики број становника је због ниских надница одлазио у иностранство да ради (печалбарство), нарочито из Горског среза.²⁵ Занатство је имало своју традицију, али је опадало пред развојем индустрије. Трговина је била развијена више ка унутрашњости, а угрожена безбедност утицала је на промет робе и путника, због чега је роба била скупља.²⁶ Спољна трговина је била оријентисана према Скопљу и Солуну због железничке мреже. Извозила се стока, пољопривредни производи и производи дрвене индустрије.²⁷ Саобраћај није био довољно развијен да би се трговина проширила. Иако је 1920. прорадила линија Скопље–Митровица,²⁸ Метохија је остала у периферном положају. Тек касније, изградњом железничке пруге од Приштине до Пећи, 1936, Метохија се повезала са Јадранском обалом и северним деловима земље.²⁹ Што се тиче друмова, цела Јужна Србија имала је 11% свих друмова у Краљевини СХС (и то слабог квалитета), а и број приватних моторних возила је био мали.³⁰ Поштанско-телеграфски саобраћај био је унапређиван и увећана је дужина телеграфских и телефонских линија.³¹

Градови на Косову и Метохији били су условљени развојем комуникационих веза, па су тако Урошевац, Обилић и Пећ, због изградње

22 Исић 1999: 176-177.

23 *Гавриловић М.Р.* Привреда Јужне Србије. Скопље: "Немања" задужбинска штампарија Вардарске бановине, 1933. С. 11.

24 Бериша 1973: 179; *Белић М.* Рударство у Србији и положај, законска заштита и осигурање рударских радника. Београд: Задужбина Николе Спасића, 1938. С. 10-12; Пурић 1936: 242; Пурић 1939: 141-142.

25 Пурић 1934: 169.

26 Јовановић 2011: 248-249.

27 Бериша 1973: 180.

28 *Поповић Б.* Обнова железнице предратне Краљевине Србије у периоду. Јубиларна књига државних железница Краљевине Југославије. Београд: Време, 1930, С. 96-98.

29 Бериша 1973: 60.

30 Јовановић 2011: 290-294.

31 *Статистика пошта, телеграфа и телефона за годину 1929, књ.4.* Београд: Министарство грађевина Краљевине Југославије, 1930.

пруге и путева, добили на значају, док су Призрен и Ђаковица опадали због због затварања границе са Албанијом. На селу је живело 76,3% становништва Јужне Србије.³²

Просвета и здравство и поред државних улагања нису били на високом ступњу развоја. Постојао је проблем недостатка школских зграда и наставног кадра, као и броја деце који је ишао у основну и средњу школу.³³ Неписменост је била општа појава (преко 80 % становника, а нарочито жена).³⁴ Становништво је било конзервативно и затворено у обичајима, традицији, сујеверју и религиозности. Све ово је умањивало успехе власти у намерама да ступи у комуникацију са становништвом и спроведе своја начела. Недостатак хигијенских навика поспешивао је развој различитих болести.³⁵ Тако је и здравствена служба напредовала прилично споро и обухватала мали проценат становништва, иако су подизани домови здравља, здравствене станице и болнице.³⁶

На крају овог прегледа општих прилика на Косову и Метохији након Првог светског рата, можемо да закључимо да је овај простор одликовала културна запуштеност, национална одвојеност, економска неразвијеност, саобраћајна неповезаност са осталим деловима земље, недовољна државна контрола, толерисање финансијских и правних малверзација и немирна граница са албанским суседом. Држава је била заокупљена решавањем српско-хрватског питања па стога није могла да се у потпуности посвети оспособљавању и унапређивању свог јужног дела. Шестојануарским актом 1929. Краљевина Југославија је била подељена на бановине, а простор Косова и Метохије нашао се у оквиру три бановине Вардарске, Зетске и Моравске. Тема мог рада јесте управо ова 1929. година и покушај да се том поделом реши национално питање односно да се смањи напетост на простору Косова и Метохије.

32 Јовановић 2011: 56.

33 Димић 1996: 98; Јовановић 2011: 137–139.

34 Бонцић 2009: 21–22.

35 Јовановић 2011: 352–361.

36 Антић Д. Здравствена служба // Споменица двадесетпетогодишњице ослобођења Јужне Србије 1912-1937 / ур. А. Јовановић. Скопље: Српско културни информативни центар, 1937. С. 767–776; Димић 1997: 229, 231, 234–235; Јовановић 1999: 133–139; Константиновић Б. Народно здравље. Јубиларни зборник живота и рада Срба, Хрвата и Словенаца: 1918-1928. Београд: Матица живих и мртвих СХС, 1928. С. 118–139.

Безбедоносни и национални изазови 1918-1929

Након завршетка Првог светског рата на граници са Албанијом наставио се како каже Дмитар Тасић ”рат после рата” до краја 1921.³⁷ Албанци на Косову и Метохији су се одметали од власти (качачки покрет) и имали су од 1921 до 1923. своју базу у неутралној зони око граничног појаса (са центром у Јунику). Код Албанаца је постојала традиција непоштовања закона и власти, јер они Краљевину СХС/Југославију нису доживљавали као своју државу, на шта указују подаци да су се одметали због избегавања војне службе, одбијања да плаћају порезе и дажбине, због пољске штете или крвне освете, а и од страха због одмазде за почињена дела у Балканским ратовима и Првом светском рату. Ова врста одметника није сачињавала организоване групе, већ су деловали као појединци. Другу врсту одметника чиниле су организоване групе које су свој плен пребацивале преко границе, најчешће у Албанију. Трећа врста качака били су одметници из политичких разлога, који су настали од стварања Краљевине СХС, били су наоружани и организовани у чете (пре свега уз помоћ Италије).³⁸ Ослањали су се на Косовски комитет, који је, уз великоалбанске претензије, био формиран у јануару 1919. са седиштем у Скадру.³⁹

Југословенска реакција у циљу осигурања југословенско-албанске границе била је превентивна. Организовала је Батаљоне организованих Арнаута на албанском граничном фронту, којима је због заштите границе гледала кроз прсте и плаћала велике суме новца, иако су окружни и срески начелници тражили да буду разоружани, јер су поједини њихови припадници учествовали у пљачкашким походима.⁴⁰ Команда Треће армијске области у Скопљу била је формирана 12. јануара 1919, а приликом образовања дивизијских области водило се рачуна да се њихове границе покlope са постојећом административно-управном поделом земље (Битољска, Вардарска, Брегалничка, Косовска, Моравска и Ибарска).⁴¹ Ова команда имала је проблем са мобилизацијом регута, одзив је био слаб и постојао је отпор код Албанаца.⁴² Гранична трупа је била специјална трупа

37 Тасић 2012: 477.

38 Глигоријевић 1991: 211–213.

39 Đimić, Borozan 1999a: 89–104; Маликовић 2005; Џелетовић 1990.

40 Славковић 2010: 133–158; Славковић 2012: 51–70.

41 *Илустровани званични алманах-шематизам Зетске бановине*. Цетиње: Краљевска банска управа Зетске бановине, 1931. С. 8; *Бановина Вардарска: општи преглед: Алманах Краљевине Југославије-посебно издање*. Скопље: Краљевска банска управа у Скопљу, 1931. С. 8; Vjelajac 2004: 337; Тасић 2012: 55–56.

42 Jovanović 2002: 95–96.

војске и морнарице која се сматрала помоћним родом војске. Формирана је 1919. као саставни део буџета војске и морнарице, али је 1. новембра 1922. била укинута, а чување државних граница поверено је финансијској контроли и кадровским трупима. Због учесталих напада качака из Бугарске и Албаније, Народно представништво је захтевало да се поново оснује гранична трупа.⁴³ Међутим, због лоших услова у којима су се граничари као и остале трупе налазили (лоше униформе, провизорне карауле, недовољно снабдевање, тежина службе, мале плате, лоша дисциплина, морал и здравствено стање), било је мало заинтересованих кандидата.⁴⁴ Полиција није била уређена посебним законом све до краја двадесетих година и деловала је уз опште управне власти, подељена на обласне, окружне, среске и општинске полицијске управе.⁴⁵ Жандармерија је, поред војске, била задужена за одржавање безбедности, али су обављали различите дужности – од праћења политичких до епидемиолошких прилика. Управо због тога, двадесетих година је око две трећине жандарма Краљевине СХС службовало у целој Јужној Србији.⁴⁶

Крајем јула 1919. запоседнута је стратешки значајна територија племена Краснића, Битића, Гаша, Никаја и Мертура у северном делу Албаније.⁴⁷ Међутим, наредне године, с обзиром на то да граница није била одређена, качачке акције биле су настављене. За само четири месеца 1920. било је убијено 280 људи „од пушке”, извршиоци су у 78,3% били Албанци и муслимани, а Срби су били жртве у 20,81% случајева, па је власт одлучила да покрене одлучнију акцију. Југословенске власти предузеле су разоружавање становништва у Призренском, Звечанском и Косовском округу, што је изазвало велико незадовољство Албанаца и долазило је до сукоба са државним властима.⁴⁸ Југословенска граница се после албанског напада на положај граничара код „Два брата” у јулу 1920. претворила у праву ратну зону. Оштар југословенски контранапад је довео до враћања Албанаца на линију разграничења.⁴⁹

43 *Стенографске белешке Сената Краљевине Југославије: ванредни сазив за 1932 годину. Књига 1, од 1. Претходног до 12. Редовног састанка од 11. јануара до 21. марта 1932. Године.* Београд: Штампариија, литографија, књиговезница "Раденковић", 1932. С. 373-376.

44 Тасић 2012: 88–96.

45 Јовановић 2002а: 54.

46 Јовановић 2002: 92–94; Тасић 2012: 100–101.

47 Antonić 2006: 34.

48 Dimić, Borozan 1999а: 89-104.

49 Antonić 2006: 39.

Југословенска власт је покушавала да се обрачуна са качачким акцијама, првенствено „пацификацијом”. Министарство унутрашњих послова је 1921. објавило општу амнестију одметника, али је она делимично успела у појединим селима Тетовског, Призренског и Косовског округа. Тада су се предали само они који су починили лакше прекршаје, а они који су починили теже злочине наставили су своје акције.⁵⁰ Југословенска власт је предузела и кажњавање општина на којима се пљачка догодила и интернирања качачких породица са територије Санџака и Косова и Метохије у дубљу територију Србије.⁵¹

Неутрална зона, у пограничном појасу на самој граници метохијског округа (Јуник, Батуша, Молиће, Мориа, Бровина, Поношевац, Шишман и Поповце) укинута је 20. фебруара 1923, након много невоља које је донела Краљевини СХС, јер су качаци оружје и храну набављали на југословенској територији. Метохијски округ је дуго био гнездо криминала и одметништва јер су се качацима придруживали и прикривачи и продавци оружја, они који су бежали од крвне освете, они који су пљачкали туђу имовину и кријумчари дувана.⁵²

Оштра реакција југословенске власти уследила је након побуне Албанаца у Дреници и обнављање качачких група око Ораховца, Пећи, Призрена, Ђаковице и Кичева половином јула 1924.⁵³ Тада је делимично сузбијена качачка делатност.⁵⁴ Ипак, крајње решавање овог проблема је одложено због племенске солидарности косовских Албанаца и снаге великоалбанске идеје, као и политичке трговине-беговске олигархије са радикалима.⁵⁵

Било је неопходно да се успостави погранична зона између Југославије и Албаније.⁵⁶ Ипак, рад пограничне комисије са албанске стране био је продужаван, па је завршен тек 18. новембра 1932. Ово је било праћено качачким акцијама.⁵⁷ Питање које је такође требало решити била

50 Целетовић 1990: 119, 121.

51 Маликовић 2005: 238.

52 Инспирисани страхом од качака два млада синеаста Бошко Токин и Драган Алексић замислили су по идеји писца Бранимира Ђосића нему филмску комедију „Качаци у Топчидеру”, чије снимање започето 1923. али је убрзо било прекинуто јер је изгорела трака (Imami 1998: 133).

53 Борозан 1995: 103.

54 Маликовић 2005: 254.

55 Јовановић 2011: 227; Кривокапић-Јовић 2002: 163–165.

56 Политика. 1929. 21. X: С. 10.

57 На пример, одметник Реџић Рамас и његова качачка банда упали су из Албаније 27. септембра 1929. на месту „Ђафа Мургаш” на граници Беранског и Пећког среза и опљачкали и убили деветорицу сељака који су путовали за Пећ (Време. 1929. 5 X: 4).

су двовласничка имања,⁵⁸ као и проблем обезбеђивања југословенско-албанске границе од стране граничних дивизијских области.⁵⁹

У пограничним зонама дуж југословенско-албанске границе на правцима река Бојана, Скадарско језеро, Комови и Метохија од почетка 1930. интензивирана је теренска акција припремања качаких група у Круми и Тропоји. Били су у вези са бугарским друштвом „Дашира”⁶⁰, са црногорским сепаратистима, са хрватским Дервиши-бегом из Митровице који је живео у Задру.⁶¹ Средином 1930. и у Пишкотеји су се окупљале качачке групе које су нападале ради пљачке.⁶²

Покушај решавања националног питања поделом на бановине

Суочен са тешком државном, уставном и парламентарном кризом, која је трајала 1918–1929, краљ Александар I Карађорђевић покушао је да измени политичко стање у Краљевини Југославији успостављањем личног режима прокламацијом од 6. јануара 1929.⁶³ Дописници *Политике* извештавали су како је у Јужној Србији прокламација примљена „са одушевљењем”. То је навео и сенатор Спира Хаџи Ристић на састанку у Сена-

58 АЈ, 334-11, Министарство иностраних послова Краљевине Југославије, Биро за разграничење, 9. септембар 1930.

59 ВА, пописник 17, к. 517, ф. 5, бр.14, 12.август 1930.

60 Албанци су у суседним земљама оснивали удружења чија је делатност била углавном у области културе и образовања. Једно од њих било је *Дашира* („Dëshira” или „Чежња”), која је основана 1893. у Софији. Штампар и издавач који је координирао културно-образовне активности „Дашире” био је Кристо Љуарси (1875–1934). Он је у Софији основао штампарију „Напредак”, у којој је штампан годишњи алманах друштва „Национални календар” (Kalendari Kombiar). Овај календар излазио је од 1897. до 1928. са прекидима, а објављивао је прилоге о албанском школству, историји и књижевности, географији и пољопривреди, али и песме и приповетке албанских аутора. Друштво „Дашира” набављало је за албанске школе наставни материјал и часописе, а такође слало је и новац од својих позоришних активности. „Дашира” се 1921. поделила па су њене активности престале, све до 1928. када је друштво трансформисано у „Унија албанских културних друштава у Бугарској”. За 40 година постојања ово друштво је издало *Историјски запис о оснивању и раду албанског културно-образовног друштва у Софији 1893–1939* (“Shënime historike mbi themelimin dhe veprimtarinë e shoqërisë shqiptare kulturore arsimore në Sofje – vitet 1893-1939”). (Бартл 2019: 105, 158; Luarasi 2003; Ahmetaj, Velija 2008; Asllani 2009; Kica 2014).

61 Митровић 1991: 92, 101-102; Митровић 1991а: 241.

62 ВА, п. 17, к. 94, ф. 2, бр.1, 1930.

63 Димић 2001: 138; Dobrivojević 2006: 43; Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra. Zagreb: Globus, 1990. S. 130; Stojkov 1969: 53–55.

ту у јануару 1932, који је истакао да се новим законодавством доприносило „препороду Јужне Србије, решавала се социјална и привредна питања, као и питање јавне безбедности”.⁶⁴ Тако су и бански већници на свом заседању од 22. до 27. децембра 1930. похвалили режим краља Александра и напредак који је он донео. У *Службеном листу Вардарске бановине* истиче се да је „народ у тим актима видео искрено старање да његове културне и привредне потребе буду најбрже и најпотпуније задовољене”.⁶⁵ Дописник из Скопља извештавао је непосредно након доношења манифеста да је „оставио на народ врло дубок и радостан утисак”, и да је било „крајње време”.⁶⁶ Такво мишљење срећемо и у септембру 1930, када дописник из Скопља сумира резултате режима: „Код разног света где сам прошао увиђао сам да је данашњи режим бољи од парламентарног, јер се поједини мештани више не свађају међу собом, чиновници су сигурнији на својим местима а интервенције партизана изостављене”.⁶⁷

У Декларацији владе генерала Петра Живковића, од 13. јануара 1929, истакнуто је „да краљевска влада има за главни циљ да заведе потпуни ред и пуну дисциплину у државној администрацији, да изврши у што краће време потпуно изједначење законодавства у целој држави”.⁶⁸ Тако је у току 1929. било донето око 200 закона.⁶⁹ „Даривањем” Устава, 3. септембра 1931, Краљевина Југославија проглашена је уставном и наследном монархијом, а законодавну власт вршили су краљ и Народно представништво, које су чинили Сенат и Народна скупштина.⁷⁰ Прогласом Закона о називу и подели Краљевине на управна подручја, од 3. октобра 1929, земља је названа Краљевина Југославија и била је подељена на девет бановина (Дравска, Савска, Врбаска, Дринска, Зетска, Дунавска, Моравска, Вардарска и Приморска), уместо на 33 области.⁷¹

Приликом одређивања граница бановина, према навођењу Политике, водило се рачуна да буду природне – имајући у виду комуника-

64 *Стенографске белешке Сената Краљевине Југославије*, С. 52–53.

65 *Службени лист Вардарске бановине*. 1931. 3 I: 2-3.

66 *Политика*. 1929. 11 I: 1.

67 АЈ, Представништво Министарског савета-Централни Прес-Биро, 38-9-37, Дописник у Скопљу, 20. септембар 1930.

68 *Jugoslovenski federalizam: ideje i stvarnost: tematska zbirka dokumenata, tom 1: 1914-1943 / prir.* В. Petranović, М. Zečević. Београд: Prosveta, 1987. С. 294.

69 Димић 2001: 137.

70 Димић 1998: 130; *Perović R.M. Kraljevina Jugoslavija: kratak pregled*. Скопље: Izdavačka knjižarnica „Slavija“, 1937. С. 17–18.

71 *Административно-територијалне промене у НР Србији 1834-1954*. С. 49; *Костић Л. Административно право Краљевине Југославије*, књига 1. Устројство управе. Београд: Г.Кон, 1933. С. 223–224.

ције и природне везе појединих крајева са својим центрима, водећи рачуна о величини бановина, економским целинама и социјалним факторима, као и о потребама државне администрације.⁷² Такође, ова административна подела на бановине подразумевала је, пре свега, уклањање племенских и верских разлика међу становништвом и настојање, како наводи Бранко Петрановић, да се, ради очувања унутрашњег јединства и одбране државне целине, разбију сепаратизми и дезинтеграциони процеси у југословенској држави.⁷³ Управо је то било значајно за простор Косова и Метохије, који су овом приликом ушли у састав три бановине – у оквиру Зетске биле су Ђаковички, Источки, Митровички, Пећки и Подримски срез, у састав Моравске бановине ушли су Лапски, Вучитрнски и Дреннички срез, у оквиру Вардарске Неродимски, Гњилански, Грачанички, Подгорски, Шарпланински и Горски срез.⁷⁴ Дуж источне ивице Источког среза налазила се тромеђа Зетске, Моравске и Вардарске бановине, док је јужна граница Источког и Пећког среза делила Вардарску и Зетску бановину, спуштајући се на југословенско-албанску државну границу.⁷⁵

На основу Закона о банској управи од 7. новембра 1929, на челу бановине налазио се бан, представник краљеве владе и шеф државне управе у бановини, кога је, на предлог министра унутрашњих послова и уз сагласност председника владе, постављао краљ. Према Закону о називу и подели Краљевине на управна подручја, банови нису морали да имају нарочите школске квалификације нити да буду одређеног старосног доба. Нису имали пасивно бирачко право, јер нису били чланови Народног представништва.⁷⁶ Бан је имао велики број овлашћења. Пре свега, њему су били потчињени сви органи и надлежства опште управе у бановини, а имао је и комплетан надзор над самоуправама. Министарству унутрашњих послова је подносио извештаје о стању јавне безбедности и свим битнијим збивањима у бановини. Није имао директну надлежност над војском, али је сарађивао са надлежним војним властима око евиденције одбрамбене снаге (уколико су ову евиденцију вршиле власти унутрашње управе).

Бан је управљао банском имовином и пословима банских завода и установа. Бринуо се за све привредне, хуманитарне, здравствене, социјалне, саобраћајне и културне интересе бановине и њеног становништва, постављао је и отпуштао све државне чиновнике. Представљао

72 Политика. 1929. 4 X: 1.

73 Petranović 1980: 190–191.

74 Политика. 1929. 4 X: 3; Политика. 1931. 3 IX: 3.

75 Бабовић-Распоповић 2002: 66.

76 Костић Л. Административно право Краљевине Југославије. С. 189-195, 361-362.

је бановину као правно лице, управљао је имовином коју је имала бановина (у власништву или управи), извршавао је бановински буџет који је прописивао у споразуму са банским већем. Установљавао је службеничка места на терет бановине. Водио је послове око унапређења ратарства, воћарства, виноградарства, повртарства, колонизације. Бан је надзирао послове везане за изградњу путева, мостова, јавних зграда, уређења водених токова, канализација и снабдевања водом, искоришћавање водених снага, затим послове акционарских друштава, задруга и трговачко-индустријских комора, као и све послове пошумљавања и експлоатације шума и рудника. Управљао је пословима социјалне и здравствене политике и системом културно-просветних установа. Требало је да води рачуна о раду свих јавних органа и служби као и њиховом понашању ван службе. По одобрењу надлежног министра могао је нека своја овлашћења пренети на среског начелника. Пензију је добијао по истом основу као и министри, али је на такву пензију могао рачунати само ако је имао најмање три године активне службе као бан. Помоћник бана имао је иста овлашћења као и бан и морао је бити дипломирани правник са најмање 12 година државне службе.⁷⁷

Банови и представници државне власти често су долазили у посету и инспекциона путовања по Косову и Метохији и Јужној Србији. То је било учестало, пре свега, зато што је требало „рекламирати успехе нове владе и режима”. Било је неопходно радити на сарадњи свих слојева становништва, а „не декретирати југословенску идеологију одозго”.⁷⁸ Поред тога, у банским службеним инспекцијама били су важни извештаји које су банови подносили министру унутрашњих послова, с обзиром на то да је њихова главна функција било надзирање прилика у бановини. У својим посетама, они су истицали жељу за сарадњом са тамошњим становништвом, интересовали се за политичке и економске прилике, обећавали помоћ и обавештавали се о важним локалним приликама.⁷⁹ Нарочито

77 Костић Л. Административно право Краљевине Југославије. С. 189–195, 226–227; Службене новине. 1929. 4 X (Закон о измени и подели Краљевине на управна подручја).

78 Димић 1996: 260.

79 Бан Вардарске бановине Жика Лазић је приликом инспекционог путовања 20–24. маја 1930. посетио Гњилане, Урошевац, Штимље, Суву Реку, Призрен, Ораховац, Ђаковицу и Дечане, а онда преко Пећи и Косовске Митровице отишао у Приштину и Качаник (Службени лист Вардарске бановине, 1930. VI. № 9: 5–6). Бан Моравске бановине, Јеремија Живановић, посетио је Подујево и тамо је одржао конференцију у априлу 1932; циљ је био договор о сарадњи банске управе са тамошњим становништвом у циљу помоћи сиромашнима (Правда. 1932. 9 IV: 2). У децембру 1935. бан Вардарске бановине на свом инспекционом путовању боравио је два дана у Призрену (Вардар.

је била важна посета председника владе Драгише Цветковића Косовској Митровици у јулу 1939.⁸⁰

Банска управа била је састављена од седам одељења (опште, управно, пољопривредно, просветно, техничко, финансијско, одељење за социјалну политику и народно здравље). Вардарска бановина имала је и осмо одељење за трговину, обрт и индустрију.⁸¹ Бан Вардарске бановине, Жика Лазић, сматрао је да су стварањем банске управе растерећена министарства, да су послови били ”ближи народу” и да се ”брже завршавају”.⁸² Све службенике банске управе постављао је и смењивао бан, на предлог бановинског одбора; сви они су имали иста права и дужности, без обзира на то да ли су били на терету бановинског или државног буџета.⁸³

1935. 30 XII: 1). У септембру 1936. бан Вардарске бановине, Светислав Пауновић, посетио је Урошевац и тамо је одржао конференцију на којој су присуствовали Милан Никшић, бански већник, Бошко Ракић, председник општине, парох Кујунџић, директор грађанске школе Дуганџић, председник месног одбора ЈРЗ, председници општина и представници омладине. Бан се интересовао за политичке и просветне прилике у срезу. Председници општина су се жалили на слабу летину на шта им је он обећао помоћ тако што ће им дати извесну количину семена ради поделе најсиромашнијим сељацима који су настрадали од кише и града. (Вардар. 1936. 14 IX: 3). Бан је затим посетио Призрен, а грађани су му и припремили свечан дочек, када се „окупило на Шедрвану небројено много света”. Дочекали су га Брана Васиљевић, срески начелник, Хаџи Љуба Патрновић, народни посланик, Павле Блажарић, председник општине, Владета Радивојевић, председник окружног суда, Данило Дебељковић, командант Граничног одсека и Војислав Катић, ректор богословије. Бана је „лепим речима” поздравио председник општине, а маса је клицала „Живео бан”. Бан се захвалио „пробраним речима”, а затим се у разговору са Васиљевићем, Патрновићем и Блажарићем обавестио о важним локалним приликама. (Вардар. 1936. 18 IX: 1). Бан Зетске бановине, Божидар Крстић, посетио је Пећ у јулу 1939. Варош је том приликом била искићена заставама а на главном тргу се окупило грађанство и велики број сељака, а били су ту и народни посланик Миро Протић, сенатор Андра Кујунџић, народни посланик Мармулаковић, шефови свих цивилних и војних власти. Обишао је бању Илицу и манастир Дечани (Зетски гласник. 1939. VII. № 800: 1).

80 Владало је велико интересовање у целој Метохији јер је Цветковић био први председник владе који је посетио Метохију и обишао Косовску Митровицу. Од раног јутра пристизали су сељаци на коњима и у сеоским колима из околних села. Око подне допутовале су делегације из Ђаковице (С. Црноглавић), Пећи (Махмутовић), Дренице (Петар Поповић, председник општине Србице), Подрима (Благоје Колашинац, бански већник из Ораховца), као и бан Крстић. Грађани Косовске Митровице и околине су се окупили на тргу испред општине која је била окићена заставама. Председника је дочекао председник општине Јевтић, а увече је био приређен банкет у хотелу Јадран. (Зетски гласник, 1939. VII. № 800: 1).

81 Службени лист Вардарске бановине. 1930. 6 IV. № 1: 6–7.

82 Политика. 1930. 18 VI: 2.

83 *Костић Л.* Административно право Краљевине Југославије. С. 225.

Банско веће је представљало саветодавни орган састављен од представника срезова, вароши и градова а заседало је у седишту бановине.⁸⁴ Чинили су га један представник сваког среза и један за сваку варош која је имала преко три хиљаде становника, док су веће вароши могле да дају и по четири делегата за банско веће. Банске већнике је постављао и смењивао на предлог бана министар унутрашњих послова. Веће од 20 до 30 члана састајало се једном годишње и то месец дана пре утврђивања бановинског буџета у трајању највише од петнаест дана. Ванредно заседање имали су само у хитним случајевима. Банско веће није доносило никакве одлуке већ је бан саслушавао само поједине већнике а не веће као целину.⁸⁵ Чланови банског већа пратили су економски, социјални и културни развитак срезова и градова (вароши) за које су били постављени и требало је да подносе бану представке у којима су указивали на потребне мере у том правцу.⁸⁶ Расправљали су о пољопривреди, штедњи и буџету, зидању болница, о социјалним и санитетским приликама, гимназија, банској управи, области просвете, државној управи.⁸⁷ Почетком тридесетих година банско веће је сматрано провизорном, а прелазном установом, коју је требало да наследи бановинско веће.⁸⁸

Банска управа делила се на одељења, одсеке и одељке. Одељењима су управљали начелници, које је постављао краљ, а они су распоређивали кадрове, усавршавали службе, водили евиденције и статистике за оцењивање особља, формирали годишње буџете и сл. Они су организовали начелничке конференције које су подразумевале решавање неких питања везана за управу. Начелницима су били потчињени шефови одсека, мада је бан могао да преузме управу над појединим одсецима. Министар унутрашњих послова могао је да групише поједине банске срезове у окружне инспекторате, а окружни инспектори били су помоћници бана у свим пословима јавне безбедности. Инспектори су били обично бивши велики жупани, а они су били између бана и среских начелника.⁸⁹ Требало је да окружни инспекторати представљају ефикаснији надзор над удаљеним крајевима у односу на банску управу.⁹⁰ На Косову и Метохији били

84 Службени лист Вардарске бановине. 1930. 31 V. № 9: 1.

85 *Збирка Службеног гласника*. 1929. № XXXVI. С. 21; *Костић Л.* Административно право Краљевине Југославије. С. 229–230.

86 *Илустровани званични алманах-шематизам Зетске бановине*. С. 25.

87 Службени лист Вардарске бановине. 1931. 3 I. № 39-42: 2–3.

88 *Костић Л.* Административно право Краљевине Југославије. С. 230.

89 Службене новине. 1929. 7 XI. № 261.

90 *Костић Л.* Административно право Краљевине Југославије. С. 229; *Илустровани званични алманах-шематизам Зетске бановине*. С. 8.

су успостављени окружни инспекторати у Призрену (У Призрену је био успостављен окружни инспекторат за осам срезова (Гњилански, Горски [Враниште], Грачански [Приштина], Ђаковички, Неродимски [Урошевац], Подгорски [Сува Река], Подримски [Ораховац] и Шарпланински [Призрен]), а инспектор је био Филипковић М. Михаило⁹¹ и Косовској Митровици (за седам срезова Дежевски, Источки, Косовскомитровачки, Моравички, Пећки, Студенички и Штавички, а окружни инспектор био је Васиљевић Радомир⁹², док су под непосредним надзором Краљевске банске управе у Нишу били Вучитрнски и Дренички (Србица).⁹³

Резултати југословенске политике решавања националног питања

Југословенској државној идеји била је супротстављена идеја стварања Велике Албаније. Пројекат стварања великоалбанске државе био је заснован на националној идеји (од краја 19. века) да би сви Албанци требало да живе у једној држави, чиме се реметила политичка, економска, конфесионална и демографска структура југозападног Балкана. Албанија је била политички и геостратегијски циљ пре кога су се остваривале амбиције великих сила, прво Аустроугарске, а затим Италије и Немачке.⁹⁴

Косовски комитет у сарадњи са качацима наставио је делује, а то се нарочито осећало средином 30-их година 20. века и приближавањем Другом светском рату. Ширена је пропаганда да би Косово и Метохија требало да припадну Албанији, дељене су књиге, брошуре, плакати са сликом албанског краљевског пара. Албанци су прикривали оружје, што су потврдили резултати претреса албанског становништва код границе. Предавали су властима оно које је било неупотребљиво. Користили су албанске заставе и албанске букваре. Југословенски МУП је то забранио али није било званичног реаговања па је то храбрило сепаратистички покрет. Италија је нарочито помагала албански покрет, а интензивирао је и малогранични промет на штету Југославије. У другој половини 40-их година 20. века стање се усложњавало јер је било у знаку организације Косовског комитета. У октобру 1940. у извештају министра војске и морнарице констатује се да је стање на Косову и Метохији „врло озбиљ-

91 *Бановина вардарска : Општи преглед.* С. 4.

92 *Илустровани званични алманах-шматизам Зетске бановине.* С. 4.

93 *Аранђеловић Т.* Краљевина Југославија: административна подела: Моравска бановина. Београд: Штампарија и Литографија Раденковић. С. 7.

94 Борозан 2001: 1.

но и забрињавајуће” и да је то „резултат погрешног систематског вођења унутрашње политике у протеклих 20 година”. Констатује се да су Албанци муслимани били више одани државним интересима и да су били несклони Италији која је повлађивала Албанцима католицима. У складу са тим, начелник Вучитрнског среза извештавао је да Албанци нису показивали симпатије према Италијанима јер су чули да Италијани хоће да интернирају њихову омладину у Абисинију и напомињао је да ће „арнаутски живаљ бити лојалан докле год ми будемо чврсти и јаки”. Многи виђенији прваци у северној Албанији одупирали су се италијанском режиму, попут Ђон Љешија из Мирдита, Мухарема Незира и Мухарема Бајрактарија.⁹⁵

Сломом Краљевине Југославије, априла 1941, бановине су престале да постоје, а на подручју Косова и Метохије појачале су се тензије између Срба и Албанаца пошто је Други светски рат отворио пут стварању Велике Албаније. Рат је, поред тога, прекинуо и све започете процесе изградње и модернизације у политичком, културном и економском погледу, па је овај простор остао пасиван и на маргини друштва.

Литература

1. Ahmetaj, *Velija* 2008 – *Ahmetaj L., Velija Q.* Kristo Luarasi: vizionar i shtetit shqiptar. Tirana: Universiteti «Kristal»; Instituti i Studimeve Albanologjike «Alex Buda», 2008. 328 s.
2. Бабовић-Распоповић 2002 – *Бабовић-Распоповић С.* Културна политика у Зетској бановини 1929–1941. Подгорица: Историјски институт Црне Горе, 2002. 349 с.
3. Бартл 2019 – *Бартл П.* Албанци: од средњег века до краја 20.века. Београд: Клио, 2019. 301 с.
4. Бериша 1973 – *Бериша А.* Косово: некад и данас. Београд: Економска политика, 1973. 1023 с.
5. Богдановић 2006 – *Богдановић Д.* Књига о Косову. Београд: Српска књижевна задруга, 2006. 465 с.
6. Бонџић 2009 – *Бонџић Д.* Учитељи у мултиетничким срединама: пример Косова и Метохије 1945/50 // *Образовање и улога учитеља у српском друштву кроз историју (XVIII–XX век)*. Сомбор: Педагошки факултет, 2009. С. 21–39.
7. Борозан 1995 – *Борозан Ђ.* Велика Албанија: поријекло, идеје, пракса. Београд: Војноисторијски институт Војске Југославије, 1995. 570 с.
8. Борозан 2001 – *Борозан Ђ.* Великоалбанско питање // *Косово и Метохија у великоалбанским плановима: 1878-2000 / ур. Н.Б.Поповић*. Београд: Институт за савремену историју, 2001. С. 1-36.

95 Славковић Мирић 2018: 125-130.

9. Глигоријевић 1991 – *Глигоријевић Б.* Политичке, привредне и социјалне прилике на мешаним подручјима // Срби и Албанци у 20. веку / ур. А. Митровић. Београд: САНУ, 1991. С. 211–220.
10. Димић 1996 – *Димић Љ.* Културна политика Краљевине Југославије: друштво и држава. Београд: Стубови културе, 1996. 564 с.
11. Димић 1997 – *Димић Љ.* Културна политика у Краљевини Југославији: 1918–1941: Школа и црква. Београд: Стубови културе, 1997. 518 с.
12. Димић 1998 – *Димић Љ.* Срби и Југославија: простор, друштво, политика (поглед са краја века). Београд: Стубови културе, 1998. 192 с.
13. Димић 2001 – *Димић Љ.* Историја српске државности. Нови Сад : Српска академија наука и уметности, Огранак, 2001. 472 с.
14. Димић, Борозан 1998 – *Димић Љ., Борозан Ђ.* Југословенска држава и Албанци, том 1. Београд : Службени лист СРЈ : Архив Југославије : Војно-историјски институт, 1998. 785 с.
15. Димић, Борозан 1999 – *Димић Љ., Борозан Ђ.* Југословенска држава и Албанци, том 2. Београд : Службени лист СРЈ : Архив Југославије : Војно-историјски институт, 1998. 891 с.
16. Исић 1999 – *Исић М.* Социјална и аграрна структура Србије у Краљевини Југославији. Београд: Институт за новију историју Србије, 1999. 366 с.
17. Јовановић 2002а – *Јовановић В.* Жандармерија Краљевине СХС у ”новоослобођеним областима” 1918-1929 // Војноисторијски гласник. 2002. Но.1-2. С. 37-54.
18. Јовановић 2011 – *Јовановић В.* Вардарска бановина 1929-1941. Београд: Институт за новију историју Србије, 2011. 530 с.
19. Јовичић 1991 – *Јовичић М.* Уставноправни положај припадника албанске националности у Југославији // Срби и Албанци у 20. веку / ур. А. Митровић. Београд: САНУ, 1991. С. 137-154.
20. Кривокапић-Јовић 2002 – *Кривокапић-Јовић Г.* Оклоп без витеза: о социјалним основама и организационој структури Народне радикалне странке у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца: (1918-1929). Београд: ИНИС, 2002. 493 с.
21. Маликовић 2005 – *Маликовић Д.* Качачки покрет на Косову и Метохији 1918-1924. Приштина [тј.] Лепосавић : Институт за српску културу; Косовска Митровица: Филозофски факултет, 2005. 361 с.
22. Митровић 1991 – *Митровић А.* Југославија, Албанско питање и Италија 1919-1939. // Срби и Албанци у 20. веку / ур. А. Митровић. Београд: САНУ, 1991. С. 231-251.
23. Митровић 1991 а – *Митровић А.* Албанци у политици Аустро-Угарске према Србији 1914-1918. // Срби и Албанци у 20. веку / ур. А. Митровић. Београд: САНУ, 1991. С. 79-105.
24. Пурић 1934 – *Пурић Р.С.* О печалбарима Јужне Србије // Радничка заштита. 1934. Но. 4. С. 169.

25. Пурић 1936 – *Пурић Р.С.* Радништво и сиротиња Јужне Србије // Социјални архив. Август-септембар 1936. С. 242.
26. Пурић 1939 – *Пурић Р.С.* Анализа састава радништва и радног тржишта Јужне Србије // Социјални архив. 1939. No. 5-6. С. 141-142.
27. Славковић 2010 – *Славковић Б.* Батаљони Организованих Арнаута 1919-1920 // Војноисторијски гласник. 2010. No. 1. С. 133–158.
28. Славковић 2012 – *Славковић Б.* Батаљони Организованих Арнаута 1920-1921. // Војноисторијски гласник. 2012. No. 1. С. 51–70.
29. Славковић Мирић 2018 – *Славковић Мирић Б.* Политичке, економске и културне прилике на Косову и Метохији 1929-1941. Београд: ИП Порсвета: ИП Принцип, 2018. 433 с.
30. Тасић 2012 – *Тасић Д.* Рат после рата: Војска Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца на Косову и Метохији и у Македонији 1918-1920. Београд: Службени гласник, 2012. 446 с.
31. Урошевић 2001 – *Урошевић А.* Гњилане и околина. Београд: Косовска Каменица: Локална канцеларија Заједница; Београд: Рантес; Гњилане: Књижара ”Свети Сава”, 2001. 96 с.
32. Филиповић 1937 – *Филиповић М. С.* Етничке прилике у Јужној Србији // Споменица двадесетпетогодишњице ослобођења Јужне Србије 1912-1937/ прир. А. Јовановић. Скопље: Српско културни информативни центар, 1937. С. 387-497.
33. Храбак 2003 – *Храбак Б.* Џемијет: организација муслимана Македоније, Косова, Метохије и Санцака: 1919-1928. Београд: Б. Храбак, 2003. 310 с.
34. Храбак, Јанковић 1968 – *Храбак Б, Јанковић Д.* Србија 1918. Београд: Седма сила, 1968. 242 с.
35. Џелетовић 1990 – *Џелетовић П.И.* Качаци Косова и Метохије. Београд: Интер-ју-прес: Еккос, 1990. 193 с.
36. Antonić 2006 – *Antonić G.* Kosovski komitet i Kraljevina SHS u svetlu jugoslovenskih izvora 1918-1920 // Istorija 20. veka. 2006. No 1. S. 27-44.
37. Asslani 2009 - *Asllani U. Kristo P.* Luarasi: jeta, vepra dhe familija e tij. Tirana: “Plejad”, 2009.
38. Bjelajac 2004 - *Bjelajac M.* Generali i admirali Kraljevine Jugoslavije: 1918-1941: studija o vojnoj eliti i biografski leksikon. Београд: Institut za noviju istoriju Srbije, 2004. 361 s.
39. Čulinović 1961 - *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. Zagreb: JAZU, 1961. 550 s.
40. Dimić, Borozan 1999 - *Dimić Lj., Borozan Đ.* Политичке и безбедносне прилике на Косову и Метохији у првој половини 1920. године // Istorija XX veka. 1999. No. 1–2. S. 89-104.
41. Dobrivojević 2006 - *Dobrivojević I.* Državna represija u doba diktature kralja Aleksandra: 1929-1935. Београд: Institut za savremenu istoriju, 2006. 370 с.

42. Gligorijević 1979 - *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji: 1919-1929. Beograd: Institut za savremenu istoriju: Narodna knjiga, 1979. 420 s.
43. Imami 1998 – *Imami P.* Srbi i Albanci kroz vekove. Beograd: Radio B92, 1998. 261 s.
44. Jovanović 1999 – *Jovanović V.* Zdravstvene prilike u Južnoj Srbiji 1918–1929 // Jugoslovenski istorijski časopis. 1999. No. 1-2. S. 123–141.
45. Jovanović 2002 - *Jovanović V.* Jugoslovenska država i Južna Srbija : 1918-1929: Makedonija, Sandžak, Kosovo i Metohija u Kraljevini SHS. Beograd : INIS, 2002. 404 s.
46. Jovanović 2006 - *Jovanović V.* Tokovi i ishod međuratne kolonizacije Makedonije, Kosova i Metohije // Tokovi istorije. 2006. No. 3. S. 26-31.
47. Kica 2014 - *Kica F.* The contribution of Albanian diaspora in Bulgaria in the development of Albanian education, during the nacional renaissance // Educational Alternatives. 2014. No. 12. S. 1192-1199. URL: <https://www.scientific-publications.net/en/article/1000619/1000008-1414161359895959.pdf> (accessed: 17.07.2023).
48. Luarasi 2003 - *Luarasi K.* Dy rilindës shqiptarë: Kristo Luarasi e Shahin Kolonja: dokumente. Tirana: Drejtoria e Përgjithshme e Arkivave, 2003. 165 s.
49. Petranović 1980 - *Petranović B.* Istorija Jugoslavije: 1918-1978. Beograd: Nolit, 1980. 648 s.
50. Piraku 1978 - *Piraku M.* Kulturno-prosvetni pokret Albanaca u Jugoslaviji (1919–1941) // Jugoslovenski istorijski časopis. 1978. No. 1–4. S. 356-370.
51. Rajović 1985 - *Rajović R.* Autonomija Kosova: istorijsko-pravna studija. Beograd: Ekonomika, 1985. 583 s.
52. Simeunović 1964 - *Simeunović V.* Stanovništvo Jugoslavije i socijalističkih republika: 1921-1961: ukupno stanovništvo, polna i starosna struktura. Beograd: Savezni zavod za statistiku, 1964. 135 s.
53. Stojkov 1969 - *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature. Beograd: Prosveta, 1969. 356 s.

References:

1. Ahmetaj, L., Velija, Q., 2008. *Kristo Luarasi: vizionar i shtetit shqiptar.* Tirana: Universiteti “Kristal”; Instituti i Studimeve Albanologjike “Alex Buda”. 328 p.
2. Antonić, G., 2006. Kosovski komitet i Kraljevina SHS u svetlu jugoslovenskih izvora 1918-1920. [The Kosovo Committee and the Kingdom of SCS in the light of Yugoslav sources 1918-1920.]. *Istorija 20. veka*, 1, pp. 27-44. (in Serb.)
3. Asllani, U., 2009. *Kristo P. Luarasi: jeta, vepra dhe familija e tij.* Tirana: “Plejad”.
4. Babović-Raspopović, S., 2002. *Kulturna politika u Zetskoj banovini 1929–1941* [Cultural policy in Zeta banovina 1929–1941]. Podgorica: Istorijski institut Crne Gore, 349 p. (in Serb.)
5. Bartl, P., 2019. *Albanci: od srednjeg veka do kraja 20.veka* [Albanians: from the Middle Ages to the end of the 20th century]. Beograd: Klio, 301 p. (in Serb.)
6. Beriša, A., 1973. *Kosovo: nekad i danas* [Kosovo: then and now]. Beograd: Ekonomska politika, 1023 p. (in Serb.)

7. Bjelajac, M., 2004. *Generali i admirali Kraljevine Jugoslavije: 1918-1941: studija o vojnoj eliti i biografski leksikon* [Generals and admirals of the Kingdom of Yugoslavia: 1918-1941: a study of the military elite and a biographical lexicon. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 361 p. (in Serb.)
8. Bogdanović, D., 2006. *Knjiga o Kosovu* [Book of Kosovo]. Beograd: Srpska književna zadruga, 465 p. (in Serb.)
9. Bondžić, D., 2009. Učitelji u multietničkim sredinama: primer Kosova i Metohije 1945/50 [Teachers in multi-ethnic environments: the example of Kosovo and Metohija 1945/50]. In: *Obrazovanje i uloga učitelja u srpskom društvu kroz istoriju (XVIII – XX vek)*. [Education and the role of teachers in Serbian society throughout history] Sombor: Pedagoški fakultet, pp. 21–39. (in Serb.)
10. Borozan, Đ., 1995. *Velika Albanija: porijeklo, ideje, praksa* [Greater Albania: origins, ideas, practice]. Beograd: Vojnoistorijski institut Vojske Jugoslavije, 570 p. (in Serb.)
11. Borozan, Đ., 2001. Velikoalbansko pitanje [Greater Albania question]. In: Popović, N.B., ed. *Kosovo i Metohija u velikoalbanskim planovima: 1878-2000*. [Kosovo and Metohija in Greater Albania plans: 1878-2000] Beograd: Institut za savremenu istoriju, pp. 1-36. (in Serb.)
12. Čulinović, F., 1961. *Jugoslavija između dva rata*. Zagreb: JAZU, 550 p.
13. Dimić, Lj., 1996. *Kulturna politika Kraljevine Jugoslavije: Društvo i država* [Cultural policy of the Kingdom of Yugoslavia: Society and State]. Beograd: Stubovi kulture, 564 p. (in Serb.)
14. Dimić, Lj., 1997. *Kulturna politika u Kraljevini Jugoslaviji: 1918–1941: Škola i crkva* [Cultural policy in the Kingdom of Yugoslavia: 1918–1941: School and church]. Beograd: Stubovi kulture, 518 p. (in Serb.)
15. Dimić, Lj., 1998. *Srbi i Jugoslavija: prostor, društvo, politika: (pogled s kraja veka)* [Serbs and Yugoslavia: space, society, politics: (view from the end of the century)]. Beograd: Stubovi kulture, 192 p. (in Serb.)
16. Dimić, Lj., 2001. *Istorija srpske državnosti* [History of Serbian statehood]. Novi Sad: Srpska akademija nauka i umetnosti, Ogranak u Novom Sadu: Beseda: Društvo istoričara Južnobačkog i Sremskog okruga, 472 p. (in Serb.)
17. Dimić, Lj., Borozan Đ., 1998. *Jugoslovenska država i Albanci, tom 1* [The Yugoslav state and the Albanians, volume 1]. Beograd: Službeni list SRJ: Arhiv Jugoslavije: Vojno-istorijski institut, 785 p. (in Serb.)
18. Dimić, Lj., Borozan Đ., 1999. *Jugoslovenska država i Albanci, tom 2* [The Yugoslav state and the Albanians, volume 2]. Beograd: Službeni list SRJ: Arhiv Jugoslavije: Vojno-istorijski institut, 891 p. (in Serb.)
19. Dimić, Lj., Borozan Đ., 1999. Političke i bezbednosne prilike na Kosovu i Metohiji u prvoj polovini 1920. godine [Political and security conditions in Kosovo and Metohija in the first half of 1920]. *Istorija XX veka*, 1–2, pp. 89-104.
20. Dobrovojević, I., 2006. *Državna represija u doba diktature kralja Aleksandra: 1929-1935*. [State repression during the dictatorship of King Alexander: 1929-1935.]. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 370 p. (in Serb.)

21. Dželetović, P.I., 1990. *Kačaci Kosova i Metohije* [Kačacs of Kosovo and Metohija]. Beograd: Inter-ju-pres: Ekkos, 193 p. (in Serb.)
22. Filipović, M.S., 1937. *Etničke prilike u južnoj Srbiji* [Ethnic conditions in southern Serbia]. In: Jovanović, A., ed. *Spomenica dvadesetpetogodišnjice oslobođenja Južne Srbije 1912-1937*. [Memorial of the twenty-fifth anniversary of the liberation of Southern Serbia 1912-1937] Skoplje: Srpsko kulturni informativni centar, pp. 387-497. (in Serb.)
23. Gligorijević, B., 1979. *Parlament i političke stranke u Jugoslaviji: 1919-1929*. [Parliament and political parties in Yugoslavia: 1919-1929]. Beograd: Institut za savremenu istoriju: Narodna knjiga, 420 p. (in Serb.)
24. Gligorijević, B., 1991. *Političke, privredne i socijalne prilike na mešanim područjima* [Political, economic and social conditions in mixed areas]. In: Mitrović A., ed. *Srbi i Albanci u 20. veku*. [Serbs and Albanians in the 20th century] Beograd: SANU, pp. 211–220 (in Serb.)
25. Hrabak, B., 2003. *Džemijet: organizacija muslimana Makedonije, Kosova, Metohije I Sandžaka: 1919-1928*. [Džemijet: organization of Muslims of Macedonia, Kosovo, Metohija and Sandžak: 1919-1928.]. Beograd: B. Hrabak, 310 p. (in Serb.)
26. Hrabak, B., Janković, D., 1968. *Srbija 1918*. [Serbia 1918]. Beograd: Sedma sila, 242 p. (in Serb.)
27. Imami, P., 1998. *Srbi i Albanci kroz vekove* [Serbs and Albanians through the centuries]. Beograd: Radio B92, 261 p. (in Serb.)
28. Isić, M., 1999. *Socijalna i agrarna struktura Srbije u Kraljevini Jugoslaviji* [Social and agrarian structure of Serbia in the Kingdom of Yugoslavia]. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 366 p. (in Serb.)
29. Jovanović, V., 2002. *Jugoslovenska država i Južna Srbija : 1918-1929 : Makedonija, Sandžak, Kosovo i Metohija u Kraljevini SHS* [Yugoslav State and South Serbia: 1918-1929: Macedonia, Sandžak, Kosovo and Metohija in the Kingdom of SHS]. Beograd : INIS, 404 p. (in Serb.)
30. Jovanović, V., 2002a. *Žandarmerija Kraljevine SHS u novooslobođenim oblastima 1918–1929* [Gendarmerie of the Kingdom of SCS in the newly liberated areas 1918–1929]. *Vojnoistorijski glasnik*, 1-2, pp. 37-54. (in Serb.)
31. Jovanović, V., 2006. *Tokovi i ishod međuratne kolonizacije Makedonije, Kosova i Metohije* [The course and outcome of the interwar colonization of Macedonia, Kosovo and Metohija]. *Tokovi istorije*, 3, pp. 26-31. (in Serb.)
32. Jovanović, V., 2011. *Vardarska banovina: 1929-1941*. [Vardar banovina: 1929-1941]. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije. 530 p. (in Serb.)
33. Jovanović, V., 1999. *Zdravstvene prilike u Južnoj Srbiji 1918–1929* [Health conditions in Southern Serbia 1918–1929]. *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1-2, pp. 123–141. (in Serb.)
34. Jovičić, M., 1991. *Ustavnopravni položaj pripadnika albanske nacionalnosti u Jugoslaviji* [The constitutional legal position of members of the Albanian nationality in Yugoslavia]. In: Mitrović, A., ed. *Srbi i Albanci u 20. veku*. [Serbs and Albanians in the 20th century] Beograd: SANU, pp.137-154.(in Serb.)

35. Kica, F., 2014. The contribution of Albanian diaspora in Bulgaria in the development of Albanian education, during the nacional renaissance. *Educational Alternatives*, 12, pp. 1192-1199. URL: <https://www.scientific-publications.net/en/article/1000619/1000008-1414161359895959.pdf> (accessed: 17.07.2023).
36. Krivokapić-Jović, G., 2002. *Oklop bez viteza: o socijalnim osnovama i organizacionoj strukturi Narodne radikalne stranke u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca: 1918-1929* [Armor without a knight: on the social foundations and organizational structure of the People's Radical Party in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes: 1918-1929]. Beograd: INIS, 493 p. (in Serb.)
37. Luarasi, K., 2003. *Dyrilindës shqiptarë: Kristo Luarasi e Shahin Kolonja: dokumente*. Tirana: Drejtoria e Përgjithshme e Arkivave, 165 p.
38. Maliković, D., 2005. *Kačakčki pokret na Kosovu i Metohiji 1918–1924* [The Kačaks movement in Kosovo and Metohija 1918–1924]. Priština [tj.] Leposavić : Institut za srpsku kulturu; Kosovska Mitrovica: Filozofski fakultet, 361 p. (in Serb.)
39. Mitrović, A., 1991. Jugoslavija, Albansko pitanje i Italija 1919-1939. [Yugoslavia, the Albanian question and Italy 1919-1939.]. In: Mitrović A., ed. *Srbi i Albanci u 20. veku*, Beograd: SANU, pp. 231-251. (in Serb.)
40. Mitrović, A., 1991a. Albanci u politici Austro-Ugarske prema Srbiji 1914–1918, [Albanians in the policy of Austria-Hungary towards Serbia 1914–1918]. In: Mitrović A., ed. *Srbi i Albanci u 20. veku*. Beograd: SANU. (in Serb.)
41. Petranović, B., 1980. *Istorija Jugoslavije: 1918-1978*. [History of Yugoslavia: 1918-1978]. Beograd: Nolit, 648 p. (in Serb.)
42. Piraku, M., 1978. Kulturno-prosvetni pokret Albanaca u Jugoslaviji (1919–1941) [Cultural and educational movement of Albanians in Yugoslavia (1919–1941)]. *Jugoslovenski istorijski časopis*, 1–4, pp. 356-370. (in Serb.)
43. Purić, R.S., 1934. O pečalbarima Južne Srbije [About the pečalbari of South Serbia]. *Radnička zaštita*, 4, p. 169. (in Serb.)
44. Purić, R.S., 1936. Radništvo i sirotinja Južne Srbije [Labor and the poor of Southern Serbia]. *Socijalni arhiv*, August-September, p. 242. (in Serb.)
45. Purić, R.S., 1939. Analiza sastava radništva i radnog tržišta Južne Srbije [Analysis of the composition of the labor force and the labor market of Southern Serbia]. *Socijalni arhiv*, 5-6, pp. 141–142. (in Serb.)
46. Rajović, R., 1985. *Autonomija Kosova: istorijsko-pravna studija* [The autonomy of Kosovo: a historical-legal study]. Beograd: Ekonomika, 583 p. (in Serb.)
47. Simeunović, V., 1964. *Stanovništvo Jugoslavije i socijalističkih republika: 1921-1961: ukupno stanovništvo, polna i starosna struktura* [Population of Yugoslavia and the Socialist Republics: 1921-1961: total population, gender and age structure]. Beograd: Savezni zavod za statistiku, 135 p. (in Serb.)
48. Slavković Mirić, B., 2018. *Političke, ekonomske i kulturne prilike na Kosovu i Metohiji 1929-1941*. [Political, economic and cultural conditions in Kosovo and Metohija 1929-1941.]. Beograd: IP Prosveta; IP Princip, 433 p. (in Serb.)
49. Slavković, B., 2010. Bataljoni Organizovanih Arnauta 1919–1920 [Battalions of Organized Arnauts 1919–1920]. *Vojnoistorijski glasnik*, 1, pp. 133–158. (in Serb.)

50. Slavković, B., 2012. Bataljoni Organizovanih Arnauta 1920–1921 [Battalions of Organized Arnauts 1920-1921]. *Vojnoistorijski glasnik*, 1, pp. 51–70. (in Serb.)
51. Stojkov, T., 1969. *Opozicija u vreme šestojanuarske diktature* [The opposition during the six-year dictatorship]. Beograd: Prosveta, 356 p. (in Serb.)
52. Tasić, D., 2012. *Rat posle rata: Vojska Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca na Kosovu i Metohiji i u Makedoniji 1918-1920*. [War after the war: Army of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in Kosovo and Metohija and Macedonia 1918-1920.. Beograd: Službeni glasnik, 446 p. (in Serb.)
53. Urošević, A., 2001. *Gnjilane i okolina* [Gnjilane and surroundings]. Beograd: Kosovska Kamenica: Lokalna kancelarija Zajednica; Beograd: Rantes; Gnjilane: Knjižara “Sveti Sava”, 96 p. (in Serb.)

List of abbreviations

AJ – Arhiv Jugoslavije, Beograd

VA – Vojni Arhiv, Beograd

Božica Ž. Slavković Mirić

D.Sc. (History), Senior Research Associate
The Institute for Recent History of Serbia,
Serbia, Beograd, Trg Nikole Pašića, 11/4.
bozica.slavkovic@gmail.com

Kosovo and Metohija in 1929 – an attempt to solve the national question by dividing the Yugoslav state into banovinas

The territory of Kosovo and Metohija in the period after the First World War until the introduction of the personal regime of King Alexander was part of the province of South Serbia within the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, until it became part of the Vranje, Kosovo, Raška and Zeta regions. According to the 1921 census, the largest number of inhabitants were Serbs and Albanians, but more than half of the population spoke the Albanian language. In the period before 1929, this area was characterized by cultural neglect, national separation, economic underdevelopment, traffic disconnection with other parts of the country, insufficient state control, tolerance of financial and legal malfeasance, and an uneasy border with the Albanian neighbour. In order to solve the national question and state crisis, the Yugoslav state was divided into nine banovinas, and Kosovo and Metohija became part of the Vardar, Moravian and Zeta banovinas. The Yugoslav idea in Kosovo and Metohija was opposed by the idea of a Greater Albanian state, which the members of the Kachaks movement and then the Kosovo Committee tried to achieve with the support of Germany and Italy. They augmented their activities with the approach of the Second World War. Propaganda was spread that Kosovo and Metohija should belong to Albania, by means of distributed books, brochures, and posters with a picture of the Albanian royal couple. The Albanians were hiding weapons, which was confirmed by the results of searches of the Albanian population at the border, where everything unusable was handed over to the authorities. They used Albanian flags and Albanian initials. During the Second World War, the path was opened for the creation of Greater Albania, and the banovinas ceased to exist.

Keywords: Banovinas, Greater Albanian Idea, Border, Kačaks, Kingdom of Yugoslavia, Kosovo and Metohija, Kosovo Committee, Census

Анна Николаевна Канарская
Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, 119334,
Ленинский проспект, 32 А.
kanarska.anna@mail.ru

Коминтерн и планы воссоздания Коммунистической партии Польши (1937–1939 гг.)

Статья, в основу которой положены не публиковавшиеся ранее архивные документы, посвящена важному эпизоду истории международного коммунистического движения – роспуску Коммунистической партии Польши в 1938 г. Решение, принятое лично Сталиным, рассматривается в контексте широкой кампании по поиску и преследованию внутренних и внешних «врагов» СССР. Изложены планы создания в 1939 г. обновленной партии, костяком которой должны были послужить польские коммунисты – участники Гражданской войны в Испании. В заключение автор делает предположение относительно причин отказа советского руководства от этого намерения.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Польши, Коминтерн, Г. Димитров, И.В. Сталин, Гражданская война в Испании, Болеслав Моец, Антон Иванов Козинаров

16 августа 1938 г. Президиум Коминтерна распустил Коммунистическую партию Польши (далее – КПП)¹. Данное решение лишь формально закрепляло фактически состоявшуюся ликвидацию организации. В Советском Союзе чистки партии среди польской политэмиграции, начавшиеся в 1933–1934 гг., к 1937 г. переросли в массовые репрессии².

-
- 1 КПП была основана в декабре 1918 г. В марте 1919 г. представитель КПП Иосиф Уншлихт участвовал в учредительном съезде Коммунистического интернационала, а в июле партия официально присоединилась к КИ. По мнению отечественных и польских историков, роспуск одной из партий-основательниц КИ являлся нарушением уставных норм организации. См.: Фирсов, Яжборовская 1988: 52; Nazarewicz 2008: 58-59.
 - 2 Польская политэмиграция в СССР насчитывала не менее 5000 тыс. человек. Из 3 817 членов КПП (а также КПЗУ и КПЗБ) избежать преследований удалось лишь единицам.

Формальным поводом послужили обвинения в «засоренности» партии внешними и внутренними врагами СССР, действовавшими в интересах польской разведки³.

Вопрос о дальнейшей судьбе польской компартии еще в июне 1937 г. пытался прояснить представитель польской компартии Ян Белевский⁴. Он предлагал созвать совещание Секретариата ИККИ на котором обсудить вопросы реорганизации партии и формирование нового руководства. Однако, его инициатива не получила поддержки коминтерновского руководства и была отложена, согласно резолюции Димитрова, до того момента, «как обследование польских дел будет в основном закончено»⁵.

Вероятно, уже к осени 1937 г. имелось согласие высшего советского руководства не только на роспуск КПП, но и рассматривались планы по созданию новой партии. Сталин одобрил подготовленный в Коминтерне Проект постановления исполнительного комитета КИ, в котором «всем честным» польским коммунистам было обещано восстановление «перестроенной» и «очищенной» от врагов организации. При этом ее самостоятельное воссоздание было запрещено. В противном случае такая организация рассматривалась бы советским руководством как «лжекоммунистическая»⁶. Право определять облик «обновленной» компартии Польши советское руководство оставляло за собой.

Открытым оставался вопрос о возможном месте ее воссоздания. Несмотря на то, что большая часть «краевых» активистов находилась в польских тюрьмах⁷, на территории Польши на момент роспуска КПП еще сохранялись партячейки. Однако, на этот счет существовало четкое указание Димитрова: в вопросах восстановления КПП «не опираться на ее

3 См.: Постановление ИККИ о роспуске КПП от ноября 1937 г.

4 Ян Пашин (1892–1937) – с 1918 г. член КПП; на VI партийном съезде (1932 г.) избран в Политбюро ЦК КПП; с 1933 г. представитель КПП при ИККИ. С 1934 г. до весны 1937 г. член секретариата Политбюро ЦК КПП. С мая по сентябрь 1937 г. руководил польской секцией ИККИ. Арестован в сентябре 1937 г. Расстрелян.

5 Цит. по: Фирсов, Яжборовская 1988: 50.

6 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919 – 1943 гг. Документы. М., 2004. С. 758-760.

7 Так, партийная ячейка тюрьмы в Равиче под руководством одного из членов ЦК КПП Альфреда Лямпе насчитывала около 500 чел.; в Серадзе находилось примерно 400 чел., в женской тюрьме – около 250 узниц (Nazarewicz 2008: 65.). На 1 января 1937 г. в Березе Каргузской – 264 заключенных. Общая численность арестованных в Польше коммунистов до 30 сентября 1936 г. составляла 10.794 человека, из которых свыше 52% было передано судебным властям (Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 122. Оп. 20. П. 63. Д. 28. Л. 26).

прежние организационные структуры», которые следовало распустить⁸. Рядовым членам партии рекомендовалось переходить в массовые рабочие организации и распространять там идеи Народного фронта.

Вопрос о месте создания партии к осени 1937 г. еще не был решен, но, что касается кадрового состава, то приоритет в тот период отдавался польским коммунистам, сражавшимся в Испании. Так, в сопроводительном письме Димитрова Сталину сообщалось, что было решено создать специальную организационную комиссию, а «часть людей для этой комиссии [...] подобрать из наиболее отличившихся и проверенных бойцов, сражающихся в интернациональных бригадах»⁹.

Как писал болгарский участник интербригад Кирилл Видинский, «Испания была темой человечества. “Испания” было любимое, магическое слово»¹⁰. Поэтому использовать польских коммунистов – бойцов прославленной XIII Интернациональной бригады им. Я. Домбровского – в качестве кадровой основы возрожденной компартии представлялось вполне рациональным решением. Таким образом, как бы возникало противопоставление образа «честных», «овеянных славой», сражающихся с фашизмом на испанской земле польских коммунистов тем «предателям», «врагам и «шпионам» из КПП, которые были «разоблачены» и «наказаны» в Советском Союзе.

Бригада Я. Домбровского представляла собой ценный кадровый ресурс. С лета 1936 по 1939 г. в Испании на стороне республиканцев воевало около 5 тыс. поляков, большинство из которых – в составе бригады. Предполагалось, что боевой опыт домбровцев, которым, по убеждению советского руководства, предстояло вскоре действовать в условиях «империалистической» войны, наложит отпечаток на процесс формирования и облик партии. В дальнейшем, как покажет история, эти соображения оправдаются. В годы Второй мировой войны в составе первых диверсионных групп, действовавших на территории Польши, оказались бывшие бойцы интербригад. Многих было и в рядах Войска Польского.

Реализацию плана по «очищению» и «восстановлению КПП» можно отнести к началу 1938 г. Его выполнение Г. Димитров поручил своему земляку и доверенному лицу – коммунисту Антону Иванову Козинарову (более известному под псевдонимом Богданов). В его первоочередные задачи входило: информировать польских коммунистов, – как сражав-

8 Димитров Георги. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 136-137.

9 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 758-759.

10 Цит. по: Полешук 2018: 334.

шихся в Испании, так и находящихся в Польше, – о причинах ликвидации КПП; завершить роспуск партийных ячеек, а также организовать и провести их «чистки» на местах. Видимо, было и еще одно важное поручение – отбор подходящих, «проверенных» кадров для реализации планов по восстановлению организации.

В начале марта 1938 г. Богданов, прибыв из Парижа в Альбасете, где размещался штаб интербригад, выступил перед домбровцами с докладом «О положении в руководстве компартии Польши», в котором проинформировал собравшихся о решении Коминтерна и о его причинах. До миссии Богданова в Испанию коминтерновское руководство со своей стороны стремилось не афишировать данное решение, что, видимо, являлось следствием позиции Сталина. Еще в ноябре 1937 г. Димитров обратился к Сталину по поводу публикации постановления о роспуске КПП и «открытого письма к польским коммунистам», в котором бы разъяснялись причины этого решения. Ответ был однозначным: «Распустить нужно, но опубликовать в печати, по-моему, не следует»¹¹.

Новость о ликвидации партии была ударом для польских коммунистов, многие из которых надеялись на сохранение организации. «В течении нескольких минут, – сообщал Богданов в Москву о том, как восприняли это сообщение домбровцы-коммунисты, – продолжалась гробовая тишина. У многих стояли слезы в глазах»¹².

Официально все мероприятия по «очищению» партийных рядов бригады Домбровского, проводимые Богдановым, находились в ведении Специальной комиссии по работе с иностранцами при ЦК Компартии Испании под руководством Андре Марти. Еще до прибытия коминтерновского спецпосланника из Испании в Москву были «отозваны» и арестованы видные представители партийно-политического руководства КПП при ЦК КП Испании (Густав Райхер (Рваль), Казимир Циховский и др.), что давало Богданову на месте практически неограниченную свободу действий и широкие полномочия.

Одновременно с проведением проверки партийного состава проводился сбор персональной информации с целью формирования так называемого кадрового ресурса для работы по воссозданию новой польской компартии. Так, среди командно-политического состава домбровцев Богданов выделял бывшего активиста молодежной организации КПП, а теперь – молодого адъютанта батальона им. Х. Палафокса Болеслава Моло-

11 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 757-760.

12 Официальное сообщение о роспуске КПП прозвучало в докладе Д.З. Мануильского 11 марта 1939 г. и было передано московским радио.

еца, известного под псевдонимом «Эдвард». Этот выбор был обусловлен не только личными симпатиями, но и, по-видимому, новыми сталинскими установками в области партийного строительства, согласно которым следовало ориентироваться на молодые кадры. В данной статье мы не будем рассматривать биографию Б. Молоеца, лишь отметим, что его личные и партийные характеристики во многом соответствовали требованиям, которые предъявлялись к кандидатам в руководство будущей партии. В своих сообщениях в Москву Богданов характеризовал Молоеца как поляка, выходца из крестьянской семьи, получившего партийное образование в Москве, сумевшего за время своего нахождения в Польше приобрести авторитет в молодежных кругах. В Испании он показал себя способным организатором и командиром. Не был обойден вниманием и тот факт, что Молоец в 1936 г. был исключен из польской компартии. И, если ранее это дисциплинарное наказание дискредитировало бы его как партактивиста, то в новых политических условиях оно становилось доказательством его непричастности к старому руководству КПП. Что касается самого Молоеца, то он, будучи секретарем парторганизации бригады, принимал активное участие в работе Богданова по проверке партактива.

По мере роста авторитета Молоеца среди бойцов и восхождения по военно-политической карьерной лестнице (в мае 1938 г. он назначен заместителем командира XIII интернациональной бригады им. Я. Домбровского, а в августе уже произведён в командиры бригады) он стал наиболее подходящей кандидатурой на роль возможного руководителя возрождаемой партии.

В связи с изменившимся военно-политическим положением в Испании работу по восстановлению польской компартии перенесли во Францию. Осенью 1938 г. Молоец прибыл в Париж, где возглавил «Инициативную группу по польским делам при Коминтерне». К ее приоритетным задачам относилось издание «Информационного бюллетеня», а также сплочение вновь созданного политического центра представителей французской Полонии, а также домбровцев, прибывавших из Испании.

Тем временем в Коминтерне разрабатывались основополагающие документы будущей партии. В мае 1939 г. была подготовлена «Резолюция по организационным вопросам», а в июне – Постановление секретариата ИККИ «О руководящих органах Коммунистической партии Польши». Анализ этих документов позволяет понять, на каких организационных принципах планировалось создавать партию, и какие первоочередные задачи ставились перед ее руководством.

В области организационного строительства:

1. Поскольку «основным законом» функционирования будущей партии провозглашалась строжайшая конспирация, то проведение выборов в комитеты отменялось, а их состав определялся руководством КИ. Такое положение вещей, как указывалось в документе, могло продлиться до тех пор, пока, по мнению Москвы, организация достаточно не окрепнет.
2. Прием в партию следовало проводить в «строго индивидуальном порядке». При этом, лица, осуществлявшие прием на местах, несли персональную ответственность за каждого принятого члена партии;
3. Приоритетными являлись следующие категории: а) товарищи, которые после роспуска прежней КПП «доказали своей работой преданность делу», а именно, следовали всем директивам Коминтерна и «помогали разоблачать врагов»; б) бойцы интербригад; в) бывшие «капепесовцы» среднего и низового партзвена, находящиеся в польских тюрьмах.

Воспрещалось принимать лиц, выступавших против или, даже, ставивших под сомнение решения Коминтерна. По указанию авторов документа, такие «элементы должны быть разоблачены» как вражеские агенты или провокаторы, а также «заклеймены» в партийной печати. Не было места и «выходцам» из других партий (в особенности представителям националистического лагеря) и участникам польско-советской войны 1920 г. Прием бывших партийных функционеров и краевых активистов оговаривался отдельно. Так как «значительная часть старых кадров была выдвинута агентами дефензивы», – утверждалось в резолюции, – на них нельзя было «строить партию». В случае необходимости такие кадры следовало принимать в организацию заново (т.е. без автоматического восстановления) и по «особо строгим критериям». Надлежало оценивать их преданность, личные качества, участие во фракционной борьбе («невовлеченность») и, главное, связи с прежним центральным руководством¹³. Если появлялось «хоть малейшее сомнение» в отношении какого-либо кандидата, то следовало немедленно прекращать с ним контакты и информировать об этом соответствующие инстанции.

Показательными являются предписания в области идеологическо-воспитательной работы. Все члены партии обязывались повышать свои знания по теории марксизма-ленинизма. Это, по мнению советского руководства, способствовало бы «правильному» усвоению новой

13 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1280. Л. 72-73.

политической линии партии, а также послужило бы «противоядием» против «подрывной работы классового врага». Однако, осваивать науку следовало не на первоисточниках, а на основе «Краткого курса истории ВКП(б)», признанного не только «энциклопедией» всех основных знаний по марксизму-ленинизму, но и лоцманом на пути «создания и укрепления партии нового типа»¹⁴. Воспитывать партактив предполагалось в «духе идейной непримиримости» в отношении буржуазной идеологии национализма, а также в атмосфере «решительной борьбы с классовыми врагами». «Ликвидация всякой беспечности, – подчеркивалось в документе, – и излишней доверчивости, поднятие бдительности членов партии является составной частью воссоздания подлинно большевистской партии»¹⁵.

Главными «тактическими» лозунгами новой партии должны были стать «За демократическую Польшу!» и за «ее независимость от угрозы закабаления со стороны германского фашизма». При этом в документе особо подчёркивалось, что защищать национальную независимость своей страны польские коммунисты должны лишь при условии замены правительства «фашистских пилсудчиков» демократическим правительством, «состоящим из представителей всех партий»¹⁶. По-прежнему оставались актуальными идеи Единого рабочего и народного фронта. Новой партии предстояло озаботиться созданием «внутрипольского фронта», а также вовлечением в него «украинского, белорусского и еврейского народов»¹⁷.

Большое значение отводилось в документе популяризации Советского Союза и его внешней политики: «Польские коммунисты должны объяснить массам, что СССР не намерен никому навязывать своего режима, что он не намерен никого советизировать. [...] О своем внутреннем строе должен и будет решать лишь польский народ и другие народы, населяющие Польшу»¹⁸. При этом членам партии вменялось в обязанность воспитывать широкие слои населения «в любви к товарищу Сталину», а также знакомить их «с великим учением Маркса-Ленина-Сталина» и «его воплощением в жизнь в стране социализма»¹⁹.

Выполнять поставленные задачи следовало в легальных общественных организациях, и не только в «классово близких», но и во вра-

14 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1282. Л. 151.

15 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1280. Л. 70.

16 Там же. Л. 173.

17 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1282. Л. 174.

18 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1280. Л. 174.

19 Там же. Л. 176.

жеском лагере. «Все до одного, – указывалось польским коммунистам, – должны немедленно идти в народ», а именно, в профсоюзы промышленных и сельхозрабочих, крестьянские кооперативы, культурно-просветительские, молодежные и спортивные объединения, а также в «христианские», «эндецкие», «санационные» и даже «фашистские организации военного и полувоенного характера»²⁰.

В июне 1939 г., по решению Коминтерна, парижская Инициативная группа была распущена, а вместо нее сформирован Временный руководящий центр Коммунистической партии Польши. В страну планировалось направить уполномоченных от имени нового партруководства, а Богданова и Молоеца выделить в отдельную «заграничную группу» и оставить в Париже для поддержания контактов с Коминтерном и Польшей, а также в связи с организационной и издательской деятельностью. В ведении Богданова по-прежнему оставались вопросы, связанные с «подбором кадров из польской эмиграции и подготовкой их для работы в стране».

В архивных материалах сохранились планы и проекты, на основе которых мы можем составить представление о задачах, которые Москва ставила перед руководством Временного руководящего центра КПП. Согласно июньскому Постановлению Секретариата ИККИ, следовало «организовать» совместно со сторонниками Народного фронта издание «легальной, еженедельной, массовой, антифашистской газеты». При этом идейно-политический контроль над газетой должен был сохраняться за центром. Планировалось публиковать брошюры, которые «подробно и конкретно» объясняли бы причины роспуска польской компартии, трактовали материалы партийных съездов ВКП(б) и решений Коминтерна. Также предполагалось «изыскать возможность» легально издать в Польше произведения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Для реализации перечисленного руководство центра должно было создать широкую сеть корреспондентов и распространителей печатных изданий²¹.

Особое внимание уделялось повышению идейно-политического уровня членов партии, в связи с чем польским коммунистам и представителям других рабочих и крестьянских партий предстояло «на систематической основе» изучать Краткий курс истории ВКП(б).

20 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1280. Л. 176.

21 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1285. Л. 185-192.

Кроме того, Временному центру следовало восстановить деятельность Коммунистического Союза польской молодежи и польской секции Международной организации помощи борцам революции, ликвидированных в связи с роспуском КПП, восстановив связи обеих организаций с соответствующими структурами в Советском Союзе²².

Приведенные выше материалы демонстрируют серьезность намерений советского руководства воссоздать в стране коммунистическую партию Польши. Вероятно, осознавая неизбежность военного конфликта с Германией, в Москве торопились с реализацией этого проекта. 28 июня 1939 г., согласно протоколу Секретариата ИККИ, было принято решение о переносе Временного руководящего центра КПП в Польшу. Однако, уже в августе 1939 г. решено вернуть в СССР оставшихся в Париже членов Временного руководящего центра. Прибыв лишь в начале 1940 г в Москву, они узнали от С. С. Дзержинской, занимавшейся в Коминтерне польскими делами, что планы восстановления компартии в стране «временно не актуальны»²³. Не исключено, что такое решение могло быть связано с проведением советско-германских переговоров, закончившихся подписанием пакта «Молотова-Риббентропа».

Работа по формированию кадрового резерва продолжилась на территории СССР в партийно-политических школах Коминтерна, занимавшихся подготовкой кадров для «братских» компартий. Польские коммунисты, в их числе и Болеслав Моец, были среди первых выпускников одной из таких школ. Что касается компартии Польши, то она возродилась в декабре 1942 г. но уже под новым названием – Польская рабочая партия.

Литература

1. Полещук 2018 – *Полещук А.А.* Георгий Димитров драматический портрет в красках эпохи. СПб.: Алетейя, 2018. 910 с.
2. Фирсов, Яжборовская 1988 – *Фирсов Ф.И., Яжборовская И.С.* Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12.
3. Malinowski 1972 – *Malinowski M.* Geneza PPR. Warszawa: Książka i Wiedza, 1972. 539 s.
4. Nazarewicz 2008 – *Nazarewicz R.* Komintern a lewica polska wybrane problemy. Warszawa: Instytut Wydawniczy Książka i Prasa, 2008. 263 s.

22 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1285. Л. 185-192.

23 Malinowski 1972: 47. Р. Назаревич приводит слова С. Дзержинской следующим образом: «Sprawa ... jest juz nieaktualna». (Nazarewicz 2008: 71).

References

1. Firsov, F.I., Iazhborovskaia, I.S., 1988. Komintern i Kommunisticheskaia partiia Pol'shi [Comintern and the Communist Party of Poland]. *Voprosy istorii KPSS*, 12. (In Rus.)
2. Poleshchuk, A.A., 2018. *Georgii Dimitrov dramaticheskii portret v kraskakh epokhi* [Georgiy Dimitrov dramatic portrait in the colors of the era]. Saint Petersburg: Aleteiia, 910 p. (In Rus.)
3. Malinowski, M., 1972. *Geneza PPR*. Warszawa: Książka i Wiedza, 539 p.
4. Nazarewicz, R., 2008. *Komintern a lewica polska wybrane problemy*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Książka i Prasa, 263 p.

Anna N. Kanarskaya

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies of Russian academy of sciences,
Moscow, Russia, 119334, Leninsky Prospekt, 32 A.
kanarska.anna@mail.ru

The Comintern and plans for the re-establishment of the Communist Party of Poland (1937–1939)

On August 16, 1938, the Presidium of the Comintern dissolved the Communist Party of Poland. This decision formally confirmed the actual liquidation of the organization. In the Soviet Union, the party's purges among the Polish political emigration, which began in 1933–1934, had grown into mass repressions by 1937. The formal reason was the accusation that the party was said to be “contaminated” by external and internal enemies of the USSR, acting in the interests of Polish intelligence. Previously unpublished documents provide insight into the Kremlin's plans to restore the party in 1939. Probably realizing the inevitability of a military conflict with Germany, Moscow was in a hurry to implement this project. However, in August 1939, the leadership of the Comintern abandoned this intention. It is possible that such a decision could be connected with the holding of Soviet-German negotiations, which ended with the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact. Work on the formation of a personnel reserve continued on the territory of the USSR in the party-political schools of the Comintern, which trained staff for the “fraternal” communist parties. As for the Communist Party of Poland, it was revived in December 1942, but under a new name – the Polish Workers' Party.

Keywords: Communist Party of Poland, Comintern, G. Dimitrov, I.V. Stalin, Spanish Civil War, Bolesław Mołojec, Anton Ivanov Kozinarov

Александр Александрович Силкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, 119334,

Ленинский проспект, 32 А.
alexander.silkin.as@gmail.com

**«Я знаю — город будет, я знаю — саду цвести, когда такие
люди в стране в советской есть!» – жизнь и смерть в СССР
югославского коммуниста Стефана Богдановского**

В центре внимания – жизненный путь югославского коммуниста Светозара Йовановича / Стефана Богдановского (1897–1941), который служит показательным примером взаимоотношений государственной машины и «маленького человека», осмелившегося «поиграть в политику». В жестокую эпоху мировых войн несколько авторитарных и тоталитарных режимов пытались лишить его свободы и жизни, что в конце концов и произошло в 1941 г. в оккупированном немцами Киеве. В 1914–1918 гг. С. Йованович мог погибнуть на поле боя или в австро-венгерском лагере для военнопленных, в который он попал в 1915 г. Демобилизовавшись в 1919 г., бывший солдат сербской армии вступил в Коммунистическую партию Югославии. В 1928 г. Йовановича, которому грозит арест, партия отправляет в Москву на учебу в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ). Получив советский паспорт и вступив в ВКП(б), студент получает новое «школьное имя», а именно, «Стефан Павлович Богдановский». Отныне ему, как и миллионам советских граждан приходится постоянно искать некую форму мирного сосуществования с властью, а, следовательно, уступать ее давлению, идти на неизбежные «компромиссы с совестью». Инстинкт самосохранения предостерег Богдановского от участия во внутривнутрипартийных склоках, а от Большого террора уберегла «командировка» в Испанию (1936–1939). За три года, проведенные Богдановским за границей, была уничтожена большая часть его однокашников и старших партийных товарищей. В страхе перед перспективой последовать за ними «интербригадовец» по возвращении в СССР отрекается от жены, арестованной в его отсутствие органами НКВД. Богдановский уезжает в Киев, где заводит новую семью. Увернувшись от «карающего меча революции», наш

герой, тем не менее, не перестал быть заложником чужой воли. В сентябре 1941 г. он разделил участь более чем полумиллиона солдат и командиров Юго-Западного фронта, оборонявших Киев и оказавшихся в немецком «котле».

Ключевые слова: Коммунистическая партия Югославии, ВКП(б), НКВД, Большой террор, сталинизм, Гражданская война в Испании, Вторая мировая война, Коминтерн, интербригады, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада

У каждого европейского народа межвоенное время вынесло на поверхность представителей низших социальных слоев, увидевших в подъеме крайних идеологий и политических течений возможность преодоления ограничений собственной среды. «Мы наш, мы новый мир построим — кто был ничем, тот станет всем», – убеждали себя и окружающих последователи международного коммунистического движения. Для кого-то это самовнушение, действительно, сбылось, однако тех, кто относительно долго вкушал плоды «освобождения своею собственной рукой», оказалось немного. Лишь единицы, дорвавшись до высокого положения, имели счастье в конце концов умереть своей смертью. Биографии остальных подтверждают верность сербской народной пословицы: «Кто с дьяволом сажает тыквы, тому об голову они и разбиваются»¹. Печальная участь, как правило, ожидала югославы, участвовавших на стороне красных в Октябрьской революции и Гражданской войне, а позднее – «партийные кадры, отправленные в Москву на учебу»². Большая часть пала жертвой «сталинских чисток», «фракционной борьбы»³, столкновений с полицией своего⁴ или какого-нибудь чужого буржуазного государства. Такой исход драмы типичен для массы югославских и, в целом, иностранных коммунистов, оказавшихся в СССР в 1920-1930-е гг. Поэтому судьбы членов Коммунистической партии Югославии (КПЮ) второго-третьего ряда тоже представляют интерес, так как служат более достоверным отражением исторических процессов, определивших «время нетерпимых», как называл межвоенный период сербский историк Андрей Митрович⁵.

1 «Ko s đavolom tikve sadi, o glavu mu se lupaju».

2 Očak 1988.

3 Gužvica 2019.

4 Јовановић 1969.

5 Митровић 1975.

Примером служит Светозар Йованович, родившийся в 1897 г. в селе Мириево (Браничевский округ) и пропавший без вести в Киеве осенью 1941 года. Велико ли значение его жизненного пути для югославской или советской истории? Не слишком, однако биография Стефана Павловича Богдановского может много поведать об отношениях сталинской государственной машины и «маленького человека», который осмелился поиграть в политику. Метаморфозу превращения Светозара в Стефана проследим с помощью документов из его личного дела, хранящегося в фонде Исполкома Коминтерна (РГАСПИ) и частично опубликованного в 4-м томе серийного издания «Москва – Сербия, Белград – Россия»⁶.

В родном селе, расположенном неподалеку от города Пожаревац, Йованович окончил три класса начальной школы, после чего обучался ремеслу сапожника. В 1914 г. он мобилизован в сербскую армию, а в следующем году попал в плен. Конец войны встретил в австро-венгерском лагере для военнопленных. Демобилизовавшись, в 1919 г. вступает в КПЮ, которая до конца 1920 г. представляла собой легальную и весьма влиятельную партию. Служебная записка отдела кадров ИККИ описывает карьерный путь Йовановича до отправки в Советский союз: «С 1919 г. по 1928 г. работал в качестве рабочего-кожевника и был секретарем профсоюза кожевников до 1921 г. С 1923 г. был председателем Областного Союза Кожевников. С 1925 г. по 1928 г. секретарь Областного Комитета КП Югославии. В 1928 г. работал в Белграде в фирме по покупке и продаже домов и имений. Вследствие угроз ареста по решению партии в ноябре 1928 г. эмигрировал в СССР»⁷. В Москве Йовановича зачислили в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), организованный по декрету СНК РСФСР в 1921 г. Став студентом Югославского сектора КУНМЗ, бывший кожевник получил новое «школьное имя» «Стефан Павлович Богдановский», а также партбилет ВКП(б).

Прежде чем перейти к советскому периоду жизни нашего героя, имеет смысл описать КУНМЗ как образовательное учреждение. В качестве такового он соответствовал представлениям большевиков о том, кто и чему должен учиться в «совпартшколе». «Это главным образом моло-

6 Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. (Авторы-составители: Алексеев Тимофе́ев, Горан Милорадовић, Александр Силкин) М.; Белград: Главное архивное управление города Москвы, Центральный государственный архив города Москвы, Архив Србије, 2017. С. 350-357.

7 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 355.

дежь, у которой мало жизненного и партийного опыта, и нет никакой общеобразовательной подготовки»⁸, – доклад Н.К. Крупской на II Всероссийском съезде совпартшкол и комвузов хоть и прочитан в 1923 г., но точно характеризует состав учащихся «университета» конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. При этом безграмотность считалась едва ли не достоинством студентов, которым не приходилось «изживать собственные мелкобуржуазные наслоения»⁹.

«Она неграмотна, малоподготовленна, не привыкла отвлеченно мыслить, работать над книгой, – продолжала характеризовать учащуюся молодежь Крупская, – но ее революционные переживания являются громадным плюсом... Молодежь, напрягая все свои силы... овладевает марксистским методом». Он и есть главное знание и умение «сознательных партийных работников» – «строителей с зорким глазом и твердой рукой». Для того чтобы стать ими достаточно «уметь писать, суметь прочесть любую книгу». Взяв из «общеобразовательных предметов только абсолютно необходимое», как учила Н.К. Крупская, без всех прочих знаний «прекрасно можно было бы обойтись». Они «для укрепления марксистского мирозерцания никакого значения не имеют». Что важнее – образование, или идеология – иллюстрирует негативная характеристика, написанная ректором КУНМЗ (1922-1936 гг.) М.Я. Фрумкиной¹⁰ на выпускника Соломатина: «По учебной линии занимался хорошо и является академически сильным студентом, но основы ленинизма усвоил недостаточно». Как итог, рекомендован лишь на «низовую работу под руководством»¹¹.

С момента прибытия в СССР Богдановскому, как и миллионам советских граждан, приходилось постоянно искать некую форму «мирного сосуществования» с властью, а, следовательно, уступать ее давлению, идти на неизбежные «компромиссы с совестью». Первым в череде таких стал отказ от собственной национальной идентичности, уже состоявшийся к этому времени для миллионов бывших подданных Российской

8 Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. IX. М., 1960. С. 129-132.

9 Совпартшколы и комвузы. По материалам журнала «Коммунистическое просвещение» с добавлениями и примечаниями при руководящем участии А.Ф. Рындыча. М.-Л., 1926. С. 14.

10 Фрумкина Мария Яковлевна (наст. фамилия и имя Лившиц Малка Янкелевна) (1880–1943) – советский партийный и государственный деятель, участница еврейского социал-демократического и коммунистического движения. Один из лидеров левого крыла Бунда, член руководства Еврейской секции РКП(б). Принимала участие в подготовке и издании на идиш сочинений В.И. Ленина. Автор биографии Ленина на идиш. Проректор и ректор КУНМЗ (1922–1936 гг.). В 1938 г. арестована, осуждена на 8 лет. Умерла в лагере близ Караганды.

11 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 327.

империи. Выходец из восточной Сербии, в которой сербское население перемешано с румыноязычным влашским, при поступлении в университет в 1929 г. назвался сербом, но окончил его в 1931 г. не как представитель «господствующей нации»¹², а как «угнетенный» румын. Мотивы подобной мимикрии понятны. Любой факт биографии студента – в том числе и «неправильное» социальное или национальное происхождение – мог послужить поводом для доноса и последующих репрессий. Не стал исключением и Богдановский, которому, впрочем, как следует из справки отдела кадров ИККИ, сопутствовала удача: «В 1929 г. во время парт-чистки в КУНМЗе на него было подано заявление о том, что когда он работал в Белграде по покупке и продаже домов и имений, он занимался наймом рабочих и обманывал их в отношении зарплаты. Комиссия по чистке постановила исключить его из партии за несопоставимую со званием коммуниста работу по вербовке рабочих, сводившуюся к их обману и спекуляции на их безработице... При рассмотрении его дела в Бауманской районной контрольной комиссии, обвинение это не подтвердилось, и он был восстановлен в партии»¹³.

Инстинкт самосохранения предостерег Богдановского от участия во внутрипартийных склоках. На это указывает то, что нам не встречалась его подпись под многочисленными коллективными и индивидуальными доносами, имеющимися в материалах КУНМЗ. Избегал он и чрезмерного «активизма», – на заседаниях Югославского сектора, посвященных коллективизации, *другие* студенты с упоением рассказывали, как они в ходе «практики» участвовали в раскулачивании русских и украинских крестьян¹⁴. Осторожность и скромность были оценены ректором, написавшим выпускнику положительную характеристику: «Во фракционной борьбе в КПЮ активно не участвовал, сочувствовал правым, ошибки свои признал. Хороший, дисциплинированный партиец... Теоретически подготовлен. Рекомендуются на парт. работу в большое пром. предприятие в целях большей пролетарской закалки»¹⁵.

В соответствии с рекомендацией, Богдановский по окончании «университета» осенью 1931 г. отправился на ударную стройку первой пятилетки, воспетую В. Маяковским в стихотворении «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» (1929). В прокатном цеху метал-

12 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1306а. Л. 4–6.

13 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 355.

14 Силкин 2020: 60-76.

15 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 380.

лургического комбината, с возведения которого началась индустриализация Сибири, он получил должность пропагандиста.

«Свела промозглость корчею — неважный мокр уют, сидят впотьмах рабочие, подмокший хлеб жуют», — декламировал, наверное, наш герой в феврале 1932 г., когда ему неожиданно улыбнулась удача. А именно, как следует из автобиографии (1938), он «был вызван культпропом ЦК ВКП(б)¹⁶ из Кузнецкстроя и направлен на партийную работу в Молдавскую [А]ССР»¹⁷. Суровый «город-сад» Стефан Павлович покинул без промедления, не согласовав свой отъезд с заводским начальством: «Так как был снят с учета в горкоме Кузнецкстроя по указанию ЦК ВКП(б), а не был снят с учета в первичной парторганизации... то [она] считала меня дезертиром и исключила из партии».

В Молдавии Богдановский «как знающий румынский язык» получил назначение в Главное управление по делам литературы и издательств Народного комиссариата просвещения автономной республики. То ли трех классов сельской школы и трех курсов КУНМЗа не хватило для работы в Главлите, то ли «румын» Богдановский неважно говорил по-румынски, но уже в августе 1932 г. его перевели на должность «секретаря Областного комитета МОПра Молдавии»¹⁸.

Весной 1933 г. Стефан Павлович вернулся в Москву, но не один, а с женой — политэмигранткой из Бессарабии Ривой Яковлевной Розенцвейг (настоящая фамилия Грудман). С апреля по декабрь работал на Электрозаводе, а затем — секретарем культмассового отдела Сталинского райсовета г. Москвы, директором «школы трудновоспитуемых детей при кроватной фабрике» и инспектором собеса в том же Сталинском районе. В Москве у пары родились дети — Надежда и Серго.

Спокойная жизнь закончилась в 1936 году. Набирали обороты политические репрессии, жертвами которых становились многие из тех, к кому Богдановский так или иначе имел отношение. Был закрыт КУНМЗ, а в Кузбассе еще годом ранее началась охота на заговорщиков и предателей. В постановлении Сталинского¹⁹ бюро горкома партии от 19 января 1935 г. говорилось, что «участники зиновьевско-троцкистской группы, прибывшие в разное время на площадку Кузнецкстроя, начиная с 1931 г., состоя членами коммунистической партии, двурушничали... ведя под-

16 Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б).

17 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 351.

18 Там же. С. 355.

19 В 1931 г. Кузнецк переименовали в Новокузнецк, в 1932-1961 гг. город назывался Сталинск.

польную подрывную работу против партии»²⁰. Осенью 1936 г. состоялся так называемый Кемеровский процесс – один из первых судебных процессов Большого террора. Именно на нем, по словам С.А. Попкова, был сформулирован сталинский «миф о существовании в стране широко разветвленной тайной троцкистской организации»²¹.

Другими словами, тучи стужались над головой нашего героя, которому фортуна снова продемонстрировала свою благосклонность. В процитированной автобиографии это описано так: «В сентябре 1936 г. был вызван вторым представителем Югославской секции в Коминтерне, Флейшером²²... а затем был вторично вызван секцией в Коминтерн для разговора об отъезде в Испанию в присутствии тогдашнего представителя нашей партии – Горкича²³, где мне предложили уехать... в Испанию, на что я был согласен. В Испанию приехал 20 октября 1936 г., а 10 ноября уехал на фронт как солдат»²⁴.

Перед отъездом из Москвы Богдановский, получивший новый псевдоним «Йозеф Бареш», подписал следующие обязательства:

«В связи с предстоящей моей поездкой я ОБЯЗУЮСЬ:

1. Категорически отрицать мою какую бы то ни было связь с Коминтерном.
2. Категорически отрицать, что прибыл с территории СССР.
3. Ни в коем случае не иметь при себе ничего, могущего в какой бы то ни было степени доказывать мое отношение к Коминтерну и пребывание на территории СССР.

20 Цит. по: Папков 2012: 181.

21 Папков 2012: 181.

22 Флейшер (псевд., наст. имя Иван Гржетич) Стефан Петрович (1896–1937) - представитель КПЮ при Коминтерне. Жил в Москве. В 1937 г. был арестован и приговорен к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной троцкистской организации. Реабилитирован в 1963 г.

23 Горкич Милан (псевд., наст. фамилия и имя Чижински Йосип) (1904–1937) – югославский коммунист (с 1919 г.), чех по национальности. В Москве – с 1924 г. Работал в Балканском секретариате Коминтерна, занимал должности в руководстве КПЮ, Исполкоме Коммунистического Интернационала молодежи. Часто ездил в Европу с партийными заданиями. С 1930 г. представитель Коминтерна в Компартии Великобритании. С 1932 г. секретарь ЦК КПЮ. В основном работал в коминтерновских ячейках за рубежом. В 1935 г. делегат VII конгресса Коминтерна, избран в Исполком Коминтерна. В 1937 г. вызван в Москву, арестован, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

24 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 352.

4. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не вступать в связь с советскими людьми и не обращаться к советским учреждениям за границей.
5. Ни в коем случае не вести никакой корреспонденции с кем бы то ни было из находящихся на территории СССР.
6. Семье и своей партийной организации (если член ВКП(б)) сказать, что мобилизован своей партией для работы в стране. Ни в коем случае не указывать, куда отправляется, и не уславливаться об адресах за границей.
7. Мне известно, что никаких конкретных заданий о какой бы то ни было политической работе мне не дано.
8. По прибытии на территорию ... я обязан явиться в полное распоряжение Центрального Комитета партии. Как доброволец обязан выполнить беспрекословно любое поручение и обязанность в рядах действующей армии, оставаясь на посту до тех пор, пока буду отозван.
9. Я обязуюсь быть примерным бойцом, подчиняющимся военной дисциплине, образцом пролетарской скромности, не пользующимся никакими привилегиями и преимуществами, относиться с величайшим уважением к соратникам по борьбе, не позволяя себе никакого ни малейшего акта, могущего задеть национальное достоинство других бойцов.

МНЕ ИЗВЕСТНО, ЧТО ЗА НАРУШЕНИЕ ЭТОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА Я ПОСТАВЛЮ СЕБЯ ВНЕ РЯДОВ КОМПАРИИ.

Богдановский

20 сентября 1936 г.»²⁵.

О боевом пути Бареша, вступившего по прибытии в Испанию в местную компартию, мы узнаем из процитированной служебной записки: «В сентябре 1936 г. он был ИККИ командирован по гр. «А», где с октября 1936 г. был сначала рядовым в Балканской роте им. Тельмана, затем отделенным командиром и пом. командира роты. С октября 1936 г. по февраль 1937 г. участвовал на Мадридском, Гвадалахарском и Арагонском фронтах. После болел ревматизмом. С августа 1937 г. был началь-

25 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 350.

ником лагеря им. Лукача²⁶ и затем в лагере «Вилла Маруха», где перевоспитывались деморализованные элементы из Интербригад. С июля 1938 г. был командиром роты 129-й Интербригады. В августе 1938 г. медицинской комиссией был признан непригодным к военной службе на фронте. С 20/X-38 г. по 23/1-39 г. находился в Сагаро в ожидании эвакуации из Испании, затем вновь вступил в Интербригаду, был назначен заведующим пекарней. 8/II-39 г. вместе с частью перешел во Францию, находился в лагере Сен-Сиприен²⁷, откуда он приехал в СССР 20 мая 1939 г. По линии КП Испании имеется отзыв о том, что поведение тов. Богдановского на фронтах было хорошее. Будучи Начальником лагеря им. Лукача и лагеря «Вилла Маруха», где перевоспитывались деморализованные элементы из Интербригад, он очень хорошо справился с этой трудной и ответственной задачей»²⁸.

Казенное изложение коминтерновских кадровиков разнообразим литературным опусом самого Бареша – отрывком из статьи «Героический путь балканской роты в Испании». Автор описывает «первое серьезное боевое испытание», состоявшееся в ноябре 1936 г., когда «рота показала свою действительную боеспособность в сражении с 20 неприятельскими танками, артиллерийским огнем, который продолжался три часа, а также, самое меньшее, против трех батальонов африканцев, которые штурмовали позиции нашей роты. Там мы потеряли приличное количество наших товарищей, которые погибали и получали ранения, не переставая распевать Интернационал. Все это не испугало наших людей, а, наоборот, вселило в них еще большую отвагу. Ни один не отступил без приказа командования. В первом бою наша рота продемонстрировала свою боеспособность и, действительно, оправдала ту оценку, которую дали ей как политические органы, так и военные. И такой она осталась

26 Специализированный лагерь, созданный в 1937 г. для заключения бойцов интербригад, злостных нарушителей воинской дисциплины, получивший имя генерала Лукача (М. Залки). Таким же лагерем был «Вилла Маруха», упоминаемый далее.

27 Сен-Сеприен – французская коммуна, расположенная непосредственно на границе Франции и Испании (департамент Восточные Пиренеи). На прибрежной полосе коммуны в 1939–1940 гг. французскими властями был создан лагерь для интернированных лиц, куда направлялись бежавшие от гражданской войны в Испании. В основном это были республиканцы-интернационалисты, пытавшиеся спастись во Франции от франкистов.

28 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 355-356.

до конца и продолжает укрепляться и объединяться в борьбе с врагом трудового народа»²⁹.

На основании статьи, предназначавшейся для стенгазеты батальона «Джуро Джакович», можно судить как о непригодности Богдановского-Бареша к литературно-просветительской деятельности, так и о его склонности к преувеличению, что, впрочем, свойственно всем пропагандистам. Кроме того, бросается в глаза, что автор, помня о своем «румынском» происхождении, а также об отношении советского руководства к «насилием созданной версальской Югославии»³⁰, использует только определение «балканский» применительно к своей роте и сослуживцам: «боевитость балканского народа», «классовая солидарность балканской роты» и т.п. Атрибут «югославский» употребляется в основном в негативном ключе: «югославские тюрьмы», «югославский фашизм». Тем не менее, признается, что существует «пролетариат Югославии», а также, что некоторые товарищи прибыли «сюда» из Югославии.

За три года, проведенных Барешом за границей, была расстреляна большая часть его однокашников и старших партийных товарищей, отправивших его в «командировку». Как член «контрреволюционной националистической организации» в Лефортово оказалась М.Я. Фрумкина. Арестовали и жену Богдановского, который по возвращении в СССР весной 1939 г. поспешил от нее отречься: «Во время моей специальной командировки, осталось в Москве моя быв. жена чл ВКП(б), политэмигрантка уроженка из Бессарабии – Румыния, Розенцвайг Рива Яковлевна. В март или апрель м-ц 1938 г., мне точно не известно, моя быв. жена была арестована органами НКВД и осуждена в май м-ц 1938 г. на 5 лет тюрьмы³¹. До приезда из командировки мне ничего не было известно о жене. По приезде, через органы НКВД я узнал, что она осуждена на 5 лет. Я считаю как чл. ВКП(б), что органы НКВД правильно поступили в отношении моей быв. жены в ее наказание как мой личный враг, и враг народа, а поэтому со дня ее ареста, не считаю ее как свою жену, а как моего врага и врага народа. Дети, сын и дочь, находящиеся в настоящее время в I-й Интернациональный детский дом в Иваново, носят фамилию Розенцвайг. Я прошу ИККИ содействовать мне через ЦК МОПР перевести

29 Arhiv Jugoslavije. Fond 517 (Revolucionarni radnički pokret. Zbirka poklona i otkupa). Kutija 1 (Belić Stevan).

30 РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 680. Л. 98 (Istorija rodnog kraja).

31 По истечении срока заключения была освобождена из лагеря и проживала в районе Сыктывкара. Реабилитирована в 1955 г., после чего вернулась в Москву, где жила до смерти в 1988 г.

детей на мою фамилию, чтобы дети по фамилии не были связаны с матерью, и воспитать детей, отбросить всякую мысль о матери»³².

Забирать детей из интерната отец не стал, а только навестил их в Иваново, о чем у дочери остались воспоминания. Розенцвейг, находившаяся в лагере в республике Коми, узнала об этом из письма (бывшего) мужа, полученного летом 1939 г.: «У детей я был, они хорошие... О них не думай, они живут хорошо». О себе Богдановский написал, что «пока отдыхает» в доме отдыха ЦК МОПР под Москвой, а потом «уезжает в санаторий на Кавказ». Жене он посоветовал «активно взяться за работу». «Ты находишься в своей стране, а не в буржуазной, и если согрешила, то в условиях диктатуры пролетариата надо отвечать за свои ошибки», – наставлял Богдановский «личного врага и врага народа».

Поправив здоровье, Стефан Павлович отправился в Киев, где во второй раз женился, и где у него родилась дочь Кармен. Однако и на этот раз семейная идиллия продлилась недолго. После нападения Германии на Советский Союз Богдановского мобилизовали. Об этом он 2 сентября 1941 г. пишет второй жене Лее Лазаревне Лещинской, которая вовремя отправилась с ребенком в эвакуацию: «Ты не поняла мое письмо. Как я могу освободиться, ведь я считаюсь военнообязани, об освобождении ни речи не может быть, тем более, когда стоит вопрос о борьбе не на жизнь, а на смерть. Мы приняли решение бороться за Киев до последнего человека. У нас с каждым днем растет народное ополчение. И все новое и новое пополнение Красной армии, так что моего приезда до окончания войны, если останусь живим, не ожидай. Я знаю, что тебе тяжело, но что смогу делать, придется помучиться, сознательно переносить все трудности войны. Надеемся, что скоро будет решительный удар по фашистским бандитам, и приедете обратно домой»³³.

Оптимистические ожидания не оправдались, уже 15 сентября вермахт замкнул кольцо вокруг Киева. Об участии Богдановского известно лишь из короткой записи в рассекреченных документах Центрального архива министерства обороны: «По свидетельским показаниям сослуживцев погиб в районе Борисполя. Считать без вести пропавшим»³⁴.

За годы, проведенные в Советском союзе и Испании, осторожность и находчивость позволяли Богдановскому-Барешу, несмотря на отсутствие образования, добиваться карьерного роста и избегать многих опасностей. Прежде всего, «карающего меча революции», который

32 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 353.

33 Москва-Сербия, Белград-Россия. С. 357.

34 https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie64184243/

свои жертвы достигал и в Испании. Однако наш герой так и не перестал быть заложником чужой воли. В сентябре 1941 г. он разделил участь более полумиллиона солдат и командиров Юго-Западного фронта, оборонявших Киев и не получивших своевременного приказа об отступлении.

Светозар Йованович оставил после себя троих детей. В 1964 г. кандидат исторических наук, выпускник аспирантуры Института славяноведения АН СССР Надежда Богдановская (1932(?) – 2015), преодолев немыслимые препятствия, репатрировалась в Югославию, взяв настоящую фамилию своего отца. В Белграде Нада Йованович до пенсии (1997) работала в Институте истории рабочего движения – сегодняшнем Институте новейшей истории Сербии³⁵. Одну из своих книг она назвала «Жизнь за свободу без страха»³⁶. Этот лозунг, хоть и выражает жизненное кредо Драголюбa Йовановича – межвоенного сербского политика лево-демократической ориентации, в известной степени характеризует изначальные романтизированные представления иностранных коммунистов накануне их приезда в Москву. В том числе и нашего героя, который свою битву за «жизнь без страха» в конце концов проиграл. Однако его дочь одержала в ней победу, что могут подтвердить все, кто ее знал.

Литература

1. Јовановић 1969 – *Јовановић Н.* Прилог биографији Брацана Брацановића // *Istorijски zapisi*. 1969. № 1-2.
2. Јовановић 2000 – *Јовановић Н.* Живот за слободу без страха: студија о животу и делу др Драгољуба Јовановића. Београд: ИНИС, 2000.
3. Митровић 1975 – *Митровић А.* Време нетрпеливих: политичка историја великих држава Европе 1919-1939. Београд: Српска књижевна задруга, 1975.
4. Папков 2012 – *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. С. 181.
5. Силкин 2020 – *Силкин А.А.* «Опыт русского пролетариата даст нам возможность правильно проводить ту же задачу в Югославии...». Участие югославских студентов в коллективизации в СССР в начале 1930-х гг. // *Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки. Сборник статей / Редколл.: А. С. Анিকেев (отв. ред.), Т. В. Волокитина, А. С. Стыкалин.* — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 60-76.
6. Bjelajac 2015 – *Bjelajac М.* Др Надежда Јовановић (In Memoriam) // *Tokovi istorije*. 2015. № 3. S. 165-166.

35 Bjelajac 2015.

36 Јовановић 2000.

7. Gužvica 2019 – Gužvica S. The Spanish Inquisition: Factional Struggles Among the Yugoslav Interbrigadistas // *Istorija XX veka*. XXXVII. 2019. № 1. S. 53–74.
8. Očak 1988 – Očak I. Staljiniski obračun s Jugoslavenskim partijskim rukovodstvom u SSSR-u // *Radovi Zavoda za Hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta*. 1988. № 21. S. 81-106.

References

1. Bjelajac, M., 2015. Dr Nadežda Jovanović (In Memoriam). *Tokovi istorije*, 3, pp. 165-166.
2. Gužvica, S., 2019. The Spanish Inquisition: Factional Struggles Among the Yugoslav Interbrigadistas. *Istorija XX veka*, XXXVII, 1, pp. 53–74.
3. Jovanović, N., 1969. Prilog biografiji Bracana Bracanovića. [Contribution to the biography of Bracan Bracanović] *Istorijski zapisi*, 1-2. (In Serb.)
4. Jovanović, N., 2000. *Život za slobodu bez straha: studija o životu i delu dr Dragoljuba Jovanovića*. [Life for freedom without fear: a study of the life and work of Dr. Dragoljub Jovanović] Belgrade: INIS, 708 p.
5. Mitrović, A., 1975. *Vreme netrpeljivih: politička istorija velikih država Evrope 1919-1939*. [The Time of the Intolerant: Political History of the Great States of Europe 1919-1939.] Beograd: Srpska književna zadruga, 936 p. (In Serb.)
6. Očak, I., 1988. Staljiniski obračun s Jugoslavenskim partijskim rukovodstvom u SSSR-u. *Radovi Zavoda za Hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta*, 21, pp. 81-106.
7. Papkov, S.A., 2012. *Obyknovennyj terror. Politika stalinizma v Sibiri*. [Ordinary terror. The politics of Stalinism in Siberia.] Moscow: ROSSPEN, 440 p. (In Rus.)
8. Silkin, A.A., 2020. «Opyt russkogo proletariata dast nam vozmožnost' pravil'no provodit' tu zhe zadachu v Jugoslavii...». Učastie jugoslavskih studentov v kollektivizaciji v SSSR v nachale 1930-h gg. [“The experience of the Russian proletariat will give us the opportunity to correctly carry out the same task in Yugoslavia...” Participation of Yugoslav students in collectivization in the USSR in the early 1930s.]. In: Anikeev, A.S., Volokitina, T.V., Stykalin, A.S., eds. *Moskva i Vostochnaja Evropa. Nacional'nye modeli socializma v stranah regiona (1950–1970-e gg.)*. *Formirovanie, osobennosti, sovremennye ocenki*. [Moscow and Eastern Europe. National models of socialism in the countries of the region (1950–1970s). Formation, features, modern assessments.]. Moscow: Institute of Slavic Studies; Saint-Petersburg: Nestor-Istoria, pp. 60-76. (In Rus.)

Alexander A. Silkin

PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
alexander.silkin.as@gmail.com

“I know the city will be, I know the garden will bloom when there’re such people in a soviet country!” – The Yugoslav communist Stefan Bogdanovski’s life and death in the USSR

It is incorrect to limit the study of the phenomenon of Yugoslav, and generally foreign, communist emigration to the USSR in the 1920-1940s to figures of the first and second row. The fates of those who did not hold high positions in the Communist Parties or Comintern may also be regarded as a reflection of significant historical processes. In particular, the life of Svetozar Jovanović (a.k.a. Stefan Bogdanovsky, 1897–1941), a shoemaker from the village Mirijevo, 25 km from Požarevac, is an illustrative example of the relationship between the state machine and the “little man” who dared to “play politics.” During the brutal era of world wars, several authoritarian and totalitarian regimes tried to deprive him of his freedom and his life, which ultimately happened in 1941 in German-occupied Kyiv. From 1914–1918 there were many occasions in which S. Jovanović could have died on the battlefield or in the Austro-Hungarian POW camp, where he ended up in 1915. Demobilized in 1919, the former soldier of the Serbian army joined the Communist Party of Yugoslavia, in which a few years later he took the position of “secretary” regional committee”. In 1928, Jovanović, who was facing arrest, was sent by the party to Moscow to study at the Communist University of National Minorities of the West (KUNMZ). Having received a Soviet passport and now member of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the student received a new “school name,” namely, “Stefan Pavlovich Bogdanovsky.” From now on, he, like millions of Soviet citizens, had to constantly seek some form of “peaceful coexistence” with the authorities, and, consequently, yield to its pressure, make inevitable “compromises with conscience.” His instinct of self-preservation warned Bogdanovsky from participating in internal party squabbles, and a “duty journey” to Spain (1936–1939) saved him from the Great Terror. During the three years Bogdanovsky spent abroad, most of his classmates and senior party comrades were executed. In fear of the prospect of following them, he, upon returning to the USSR, renounced his wife, who was arrested during his absence by the NKVD and sentenced to five years in a GULAG. Bogdano-

vsky left for Kyiv, where he started a new family. Having dodged the “punishing sword of revolution,” our hero, however, did not cease to be a hostage to big European politics. In September 1941, he shared the fate of more than half a million soldiers and commanders on the Southwestern Front who defended Kyiv and found themselves surrounded by Germans.

Keywords: Communist party of Yugoslavia, World War II, Communist University of National Minorities of the West, Stalinism, Great Terror, NKVD, Spanish Civil War, The Communist International

Никола Миликић

МА докторанд, кустос Историјског музеја Србије,
Београд, Србија. 11000, Трг Николе Пашића, 11.
milikic.nikola@yahoo.com

Совјетски ратни заробљеници у сећањима југословенских заробљеника у немачким логорима током Другог светског рата

Немачко освајање током Другог светског рата проузроковало је одвођење великог броја војника поражених земаља у ратно заробљеништво. Милиони њих ће остатак рата провести у посебно разрађеном систему заробљеничких логора *Oflag*-а и *Stalag*-а. Иако су били под заштитом Женевске конвенције из 1929. године, показало се да ратни заробљеници нису добијали одговарајући третман у немачким логорима. Ово се посебно одражавало на војнике словенског порекла, јер се однос Немаца према њима заснивао на расистичкој идеологији Трећег Рајха и специфичној „хијерархији народа“. То је узроковало својевољно тумачење Женевске конвенције и лош третман према југословенским, а нарочито према совјетским ратним заробљеницима. Контактима између припадника ових заробљених војски брзо се успостављају по довођењу у логор. Иако су их немачке логорске власти строго забрањивале, ови контакти су почивали на културним, националним, језичким и идеолошким везама припадника двају народа. Сећања на совјетске заробљенике, као и на заједничке заробљеничке дане, југословенски ратни заробљеници су записивали у своје дневнике, белешке, писма, али и мемоаре који су објављивани након рата. Ови записи дају увид у односе југословенских и совјетских заробљеника и осликавају поједине феномене заробљеничког живота, као што је стварање узајамне емпатије, дотурање хране, цигарета и друге помоћи, културни живот и сл.

Кључне речи: Други светски рат, ратно заробљеништво, Женевска конвенција, имагологија, историја заробљеничке свакодневице

Ратни заробљеници присутни су у историји колико и сам рат¹. Положај им се често мењао кроз векове, али су «неизвесност» и «неси-

1 Vance (ed.) 2000: 13.

гурност» остале њихове главне карактеристике, од античког доба па све до XX в. Да ли ће бити осуђени на смрт, одведени у ропство или пуштени на слободу, зависило је од више фактора: од епохе којој су припадали, од обичаја ратовања, самовоље победника или пак споразума две зарађене стране. Међутим, како су ратови током XIX и XX в. постајали све дужи и масовнији, положај ратних заробљеника и услови њиховог заточеништва појавили су се као нова питања у ратним односима.

Први покушај да се питање ратних заробљеника реши на међународном плану била је Хашка конвенција из 1899-1907. године². Она је дефинисала статус ратних заробљеника и прописала начин поступања са њима, а Црвени крст, као неутрална институција, надгледао је поштовање одредби Конвенције. Први светски рат (1914-1918) био је и први велики тест, јер је у њему око 8 милиона војника било у статусу ратних заробљеника³. Од тога, око 220.000 српских војника⁴ нашло се у заробљеничким логорима широм Бугарске, Аустро-Угарске и Немачке. Истовремено, према неким проценама, око 2.7 милиона руских војника завршило је у заробљеништву у немачким и аустроугарским логорима током Првог светског рата⁵.

Из искуства Првог светског рата произишла је 1929. године Женевска конвенција, као допуна Хашке конвенције, којом је прецизније уређен статус ратних заробљеника и њихових права. Према њеним одредбама, свака земља потписница била је у обавези да са ратним заробљеницима поступа човечно, да брине о њима и да им обезбеди исте услове у исхрани и смештају као и својим резервним трупама⁶. Ратни заробљеници су имали право на кореспонденцију са породицом, као и право да примају хуманитарну помоћ, пакете са храном и одећом. Према Конвенцији, постојала је разлика између заробљених војника и заробљених официра, који су имали нешто повољнији положај у заробљеништву⁷.

2 International Committee of the Red Cross – International Humanitarian Law Database: Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague, 18 October 1907: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-conv-iv-1907?activeTab=default> (датум приступа: 15.1.2023.)

3 Денда 2015: 17.

4 Денда 2015: 35.

5 Vance (ed.) 2000: 450.

6 Конвенција о поступању са ратним заробљеницима од 27. јула 1929. године, Одељак II – О логорима ратних заробљеника; члан 10 и члан 11; у: *Лазих Б.В.* (ур.) Сведочења о ратним војним заробљеницима Краљевине Југославије у Другом светском рату 1941-1945. Београд: СУРВЗЈ-УРВЗКОВ, 1998. С. 15.

7 Исто. С. 15-40.

Немачко освајање од јесени 1939. године до лета 1941. године покрило је већи део Европе. Земље које су пружиле отпор Хитлеровом Трећем Рајху бивале су поражене једна за другом, а њихове војске, највећим делом, завршавале су у немачком заробљеништву. То је приморало Немачку да организује читаву мрежу заробљеничких логора за милионе војника који су почели да се сливају у њих. Ради лакше контроле и експлоатације ратних заробљеника, Немачка је оформила више врста логора: за официре (нем. *Offizierlager* или *Oflag*), за војнике (нем. *Stammlager* или *Stalag*), за авијатичаре (*Stalag Luft*), радне логоре (нем. *Arbeitskommandos*) и др. За логоре широм Трећег Рајха коришћене су разне предратне установе и зграде: војне бараче и касарне, хале за сајмове, омладински и спортски центри, као и било какви ограђени објекти који су могли да приме велики број људи. Поред тога, одређен број логора је био саграђен специјално за ратне заробљенике. Сви логори били су обезбеђени стражарским кулама, зидинама или оградама од бодљикавих жица. Обично су се налазили у близини или на ободу неког града, по коме би добијали и свој неформалан назив. Њихов формалан назив чинио је римски број (I, II, VI, итд.) који је означавао одређену војну командну област Трећег Рајха (нем. *Wehrkreis*), а уз њега би се додавало и латинично слово, које је означавало редни број логора у тој области. Испред назива би се наглашавала која је врста логора у питању [нпр. *Oflag VI-C* у Оснабрику (нем. *Osnabrück*) или *Stalag VI-D* у Дортмунду (нем. *Dortmund*)]⁸.

Напад нацистичке Немачке на Краљевину Југославију 6. априла 1941. г. донео је брз слом југословенској војсци. Свега две недеље касније, око 350.000 југословенских војника и официра⁹ је стекло статус ратних заробљеника и било је упућено у разгранату мрежу заробљеничких логора широм Трећег Рајха и Италије. Тачан број југословенских ратних заробљеника у Другом светском рату до данас није тачно утврђен. Док је према немачким подацима број заробљеника нешто већи, поменути се број од 350.000 најчешће помиње у српској и југословенској литератури и односи се на период током априла и маја 1941. године¹⁰. Тај број ће се до јесени исте године смањивати са отпуштањем оних који су се декларисали као Хрвати, Немци, Мађари, Бугари или као припадници неке дру-

8 Оба наведена примера припадају истој војној командној области «VI» Минстер (нем. *Münster*).

9 Ристовић 1993: 297-311.

10 Према немачким документима, број југословенских ратних заробљеника је износио 398.000: Милетић, 2009:43. Документа Југословенског Црвеног крста, са седиштем у Лондону, наводе број од око 350.000 југословенских ратних заробљеника. АЈ. Ф.103 К40 Ј.226. Комунике бр. 122 делегата за Црвени крст Ивана Суботића, 16.2.1942.

ге националне мањине, чије државе су биле немачки савезници. Поред њих, било је и случајева отпуштања појединих Срба који су пристали да уђу у службу колаборационистичке владе генерала Милана Недића. Преостали југословенски ратни заробљеници били су махом српске националности, уз одређен број Словенаца, Јевреја и припадника других националности који су «остали верни заклетви»¹¹. Њихов укупан број се у наредним годинама кретао између 170.000 и 200.000, док их је на територији Трећег Рајха било око 150.000¹². Овај број је током трајања рата такође варирао, услед даљег отпуштања тешких болесника, смрти у логору, честог премештања заробљеника из логора у логор, као и услед довођења нових ратних заробљеника¹³. Према подацима владе Краљевине Југославије у егзилу са седиштем у Лондону, југословенски ратни заробљеници били су распоређени у 63 различита немачка логора¹⁴.

Пример ратних заробљеника из Другог светског рата показао је да су се теорија и пракса Женевске конвенције итекако разликовале. Зарађене стране нису се увек придржавале договора и често су тумачиле одредбе Конвенције према својим интересима. Када је реч о пољским, југословенским и совјетским ратним заробљеницима, односно о заробљеницима словенског порекла, однос Немаца према њима видно се разликовао од односа према заробљеницима из западне Европе, а касније и Америке. У њиховом случају, примењивана је расна политика Трећег Рајха, у којој су Словени заузимали нижи степен права у односу на припаднике «аријевске расе». У нацистичкој «пирамиди народа», степен изнад заробљеника словенског порекла налазили су се Французи и белгијски Валонци, док су при врху били припадници англо-саксонских, односно германских народа у које су убрајани Британци, Американци и Холанђани. На скали испод пољских и југословенских ратних заробљеника, налазили су се припадници француских колонијалних трупа, претежно из Африке, а на самом дну – совјетски заробљеници¹⁵.

За југословенске ратне заробљенике, недостатак хране налазио се на самом врху списка њихових свакодневних проблема. Пратили су га недостатак огрева, топле одеће и пакета хуманитарне помоћи, али им се положај полако поправљао уз помоћ Међународног Црвеног крста и добротворних организација. Док су војници имали прилику да раде на не-

11 Ристовић 1993: 297-311.

12 Terzić 1983: 575.

13 Милошевић 1998: 125-140.

14 АЈ Ф.103 К.40 Ј.831. Списак логора у Немачкој, август 1943.

15 MacKenzie 1994: 504.

мачким фармама и тиме делимично отклоне проблем исхране, официри су године заробљеништва провели у баракама, препуштени међународној хуманитарној помоћи и вољи логорских власти. Официри, нарочито резервни, били су носиоци југословенске и српске интелигенције, јер је међу њима било факултетски образованих људи: професора, правника, академских уметника. Одређен број њих водио је дневнике и писао писма, у које је бележио све оно што је југословенским војницима испуњавало заробљеничку свакодневицу. Поред дневника, након рата објављивани су и мемоари, у којима се често сусрећу и сећања о совјетским ратним заробљеницима.

Однос југословенских заробљеника према Русији и Совјетском Савезу био је слојевит. Они који су били симпатизери Комунистичке партије, у Совјетском Савезу видели су јединог правог борца против нацизма и Хитлера. Са друге стране, они који су били противници комунистичких идеја, у Русима су пре свега видели словенску браћу, са којима су делили културу, религију, али и тешку судбину. Стога, и једни и други будно су пратили и бележили све што је имало везе са Русима, Совјетским Савезом и ратним дешавањима. То показује и чињеница да су од свих нација са којима су делили судбину, југословенски заробљеници највише писали управо о руским заробљеницима.

«Цео логор је оживео»

Сваки заробљенички логор био је затворени свет за себе. Било каква вест из спољног света остављала је велики утисак на заробљенике и одзвањала је у њиховим дневницима, свакодневним разговорима и расправама. Напад Немачке на Совјетски Савез, као један од најважнијих догађаја Другог светског рата, била је вест која је узбуркала заробљеничку свакодневицу. Како је Светозар Милошевић, југословенски официр у логору «IV-D» Хојерсверда [нем. *Hoyerswerda*], записао у свом дневнику 22. јуна 1941. године,

«Данас вести невероватне и чудне, сензационалне и узбудљиве, веселе и охрабрујуће: Русија и Немачка заратиле! Око девет сати вест се муњевито пронела логором, лансирана од Француза и немачких војника. Нико још не верује јер је вест голема! За неколико тренутака цео логор је оживео и бруји као кошница. [...] Сви се молимо Богу да не буде оповргнута.¹⁶»

16 Милошевић С. Дневници из заробљеништва. Т. 1. Београд: Службени гласник, 2011. С. 97.

Када се вест убрзо показала као тачна, према записима југословенских заробљеника, у логорима широм Немачке настало је славље, наздрављало се чиме се имало и међусобно се честитало на скором крају рата. Један од заробљеника, Родољуб Жижић, у својим мемоарима присетио се тог дана, када је због добрих вести, састављен хор од југословенских заробљеника руског порекла, «који је отпевао неколико руских песама»¹⁷.

Међутим, до југословенских заробљеника ускоро су почеле да стижу и другачије вести са Источног фронта. Свака информација о поразу совјетске војске или о немачком заузимању руског града, снажно је утицала на расположење у логору. Често су такве вести намерно ширили сами Немци, преко логорских стражара и својих симпатизера, као и путем већ разрађене пропаганде кроз новине и радио. Због изузетно важног психолошког ефекта који су имале на заробљенике, али и због немогућности да се брзо потврде или оповргну, вести су се често и измишљале. Радомир Анђелић, заробљени југословенски официр у логору Оснабрик, у свом дневнику је забележио осећања поводом једне такве вести:

«Немачка агенција износи да се воде борбе на Кремљу, и да су Руси употребили моторне санке за бежање у Азију [...]. Ноћас нисам могао да заспим. Разједа ме вест Немачке агенције о расулу и поразу Руса. [...] Ако је то истина, црно нам се пише.»¹⁸

Истовремено, чим се појави вест о руском контранападу или немачком поразу, како то бележе југословенски заробљеници, «одмах се у логору осети живост и песма»¹⁹. То показује да су се новости са Источног фронта жељно ишчекивале, и оне ће се, од свих вести, најчешће појављивати у записима југословенских заробљеника. Интересовање за ратна дешавања је било толико велико, да су југословенски официри на основу приступачних информација одржавали стручна предавања са анализом стања на фронту, која су заробљеници посећивали у великом броју. Расправљало се о немачкој и совјетској стратегији, наоружању, бројчаном стању, предвиђали су се даљи догађаји, а не тако ретко долазило је и до отворених сукоба између симпатизера Руса, са једне стране, и симпатизера Немаца, са друге.

17 *Žižić R.* Osnabrički zvuci i odjeci. Beograd: Narodna knjiga, 1981. S. 38.

18 *Анђелић Р.* Заробљенички дневник из Оснабрика српских официра. Београд: Развојно-истраживачки центар графичког инжењерства Технолошко-металуршког факултета, 2021. С. 36-37.

19 Исто. С. 20.

Први сусрети

Сусрети са првим совјетским заробљеницима, који су доведени у логоре на територији Трећег Рајха, оставили су посебно поражавајући утисак на југословенске ратне заробљенике. Немачко напредовање кроз источну Европу и територије Совјетског Савеза током јесени и зиме 1941. условило је масовно заробљавање совјетских бранилаца. Према неким прорачунима, до фебруара 1942. године заробљено је око 3,9 милиона совјетских војника²⁰. Док су, са једне стране, Немци доста педантно спроводили читаве европске армије у заробљеништво током првих година рата, овог пута нису имали интереса да се брину о совјетским заробљеницима. Правдајући се да Совјетски Савез није земља потписница Женевске конвенције, Трећи Рајх није се сматрао обавезним да води било какву бригу о њима, нити да примењује одредбе Конвенције. Поврх свега, у совјетским заробљеницима нису видели само припаднике противничке стране, већ пре свега комунисте, Словене и Јевреје²¹.

Како се успешни «*Bitzkrieg*» на Совјетски Савез не би прекидао или успоравао транспортом огромног броја заробљеника, немачка војска их је упућивала у импровизоване, «транзитне» логоре у позадини фронта. Без икакве хране, медицинске помоћи или склоништа, ограђени само у бодљикаве жице под отвореним небом, совјетски заробљеници су у таквим условима проводили и до неколико месеци. Смртност заробљеника у тим логорима била је алармантно висока. Услед глади, лошег третмана и епидемија заразних болести, до краја 1941. г. према неким проценама, умрло је око 2 милиона заробљеника²². Тек тада је немачка врховна команда одлучила да преостале совјетске заробљенике, њих преко милион, пошаље у заробљеничке логоре широм Немачке. Чак ни тада Трећи Рајх није примењивао одредбе Женевске конвенције. Пут до Немачке протекао је у дугим и исцрпљујућим маршевима, уз стрељање оних који су застајали због умора. По доласку у «*Oflage*» и «*Stalage*», заробљеници су били држани у изолованим деловима логора, којима Црвени крст није имао приступ. Уместо у бараке, попут заробљеника других националности, совјетски заробљеници су често били смештани само у шаторе. Није се правила разлика између официра и обичних војника, а главни проблем је и даље био недостатак хране и топле одеће. По свему судећи, третман

20 MacKenzie 1994: 509.

21 United States Holocaust Memorial Museum, Holocaust Encyclopedia. Nazi Persecution of Soviet Prisoners of War: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/nazi-persecution-of-soviet-prisoners-of-war> (датум приступа: 17.1.2023).

22 Mazover 2019: 154.

према совјетским заробљеницима из транзитних логора у залеђу Источног фронта само се наставио у заробљеничким логорима широм Немачке²³.

Први описи у дневницима југословенских официра говоре о стању у коме су се совјетски заробљеници налазили: „групе изнемоглих и болесних“²⁴, „јадни и изнурени глађу“²⁵, „руски војници бедни и гладни“²⁶. Један од југословенских заробљеника, Цветко Радовић се у својим послератним мемоарима присетио првог сусрета са совјетским заробљеницима:

«У праскозорје једног прохладног јесењег јутра видели смо прве совјетске заробљенике.²⁷ Пробудило нас је клопарање уморних ногу. (...) Водили су их у логор, под шаторе, без кревета, док је земља била оскудно застрта сламом. Пре овог призора видели смо Холанђане сасвим другачијег изгледа и са пристожим третманом од стране Немаца. Видели смо, такође, групе изнемоглих, болесних, као и умрлих, које из руских шатора натоварена кола одвозе ван логора.²⁸»

Југословенски ратни заробљеници бележили су и услове у којима су држани совјетски заробљеници. Како су први сусрети остварени током изузетно хладне зиме 1941/1942. године, забележено је да су у логору «*Oflag XIII-B*» код Нирнберга Немци совјетским заробљеницима одузели зимску одећу и обућу, остављајући их у «дрвеним баканцама на босе ноге» и на «прљавој и истрошеној слами» уместо кревета²⁹. Исхрана, иначе лоша за све ратне заробљенике, за Русе је била још гора. Како је Љубомир Радовановић, некадашњи ратни заробљеник, записао у својим послератним мемоарима:

«храна [је била] ужасна: недокувано некакво зеље и репа, махом иструлела, избачена из магацина као упаљена и неупотребљива. Нисмо могли да утврдимо од чега им је хлеб: нека црна, гњечава и лепљива маса, слична блату.³⁰»

23 MacKenzie 1994: 509.

24 Радовић Ц. Аплауз у логору // Заробљени а непокорени; записи бивших ратних заробљеника 1941-1945, Београд: Младост, 1990. С. 307.

25 Анђелић Р. Заробљенички дневник. С. 30.

26 Приватна архива породице Миликић, Дневник Ратка Миликића, 1941-1945.

27 Поменути заробљеник био је заточен у логору *Oflag XIII-B*, Нирнберг, нем. Nürnberg

28 Радовић Ц. Аплауз у логору. С. 307.

29 Радовановић Љ. Кроз тмине логорске. Београд: Српска књижевна задруга, 1961. С. 242.

30 Исто. С. 242.

То доказује и висока смртност руских заробљеника у немачким логорима. Према подацима, од 1942. до 1945. године у немачким логорима умрло још 1.2 милиона совјетских заробљеника³¹. На толику смртност је посебно утицао исцрпљујући физички рад, јер су совјетски заробљени војници и официри, без разлике, слати у немачку фабрике и руднике. Како се ситуација у рату мењала и како су немачки градови почели да буду бомбардовани од стране Савезника, совјетски заробљеници су коришћени за рашчишћавање рушевина³². Изнуреност и глад били су предуслови за развој епидемија међу заробљеницима. Југословенски заробљеници су бележили да се у «руском логору», како су обично називали издвојени логор за совјетске заробљенике, јавила епидемија пегавог тифуса³³. Ово је била посебно застрашујућа вест за оне српске официре и војнике који су се сећали Првог светског рата и епидемије тифуса која је захватила Србију током пролећа 1915. године и однела више хиљада живота. Радомир Анђелић, југословенски заробљеник у официрском логору «*Oflag VI-C*» Оснабрик, у свом дневнику је почетком септембра 1924. године забележио свој утисак о совјетским заробљеницима:

«6. септембар 1942. – (...) Жалостим се и кад видим ове заробљене Русе. Њих Швабе баш третирају као стоку и поступају према њима баш гадно. Од Женевске конвенције за руске официре не важи ама баш ништа. Нисмо смели да им приђемо нити да им ишта понудимо од наше сиротиње, а они изгледају баш јадно, изнурени глађу и одрпано.³⁴»

Солидарност

Немачке логорске власти забрањивале су сваки контакт између ратних заробљеника различитих националности и на све начине покушавале да их спрече. Совјетски заробљеници су испрва били посебно изоловани. Југословени из логора «*Stalag 375*» код града Стрија, у близини Лавова, забележили су да су совјетске заробљенике сместили у посебан део логора, тако што су око њиховог блока барака испразнили околне блокове, како ни са ким не би дошли у контакт³⁵. Међутим, уз сву контролу, до контакта између заробљеника је ипак долазило. Свако веће покре-

31 Vance (ed.) 2000: 460.

32 Menter 2021: 106-111.

33 Милошевић С. Дневници из заробљеништва. С. 256.

34 Анђелић Р. Заробљенички дневник. С. 61.

35 Радовановић Љ. Кроз тмине логорске. С. 241.

тање заробљеника, као што је одвођење на рад, купање или пребројавање, они су користили прилику да дођу до других заробљеника. Један такав пример у логору «*Oflag XIII-B*» крај Нирнберга, наводи у својим мемоарима Стаја Стајић:

«19. VIII (1941) – Враћајући се данас с купања, прошли смо кроз прихватни логор у којем се налазе два-наест великих шатора. Под шаторима су красноармејци. Наш ред је био поремећен, појединци су изостајали да би разговарали с Русима, па је на лицу места било и хапшења и спровођења у затвор.³⁶»

Прве контакте пратили су и први искази солидарности. Видевши у каквом се стању Совјети налазе, југословенски заробљеници бележе да „када стражари не пазе, преко жице лете пакетићи с поклонима, највише с цигаретама“³⁷, док се неки у својим мемоарима сећају и начина на који су се слати ти поклони: направио би се мали пакетић од неколико цигарета или парчета хлеба, он би се затим везао за камен који се бацио преко жице до совјетских заробљеника³⁸. Радомир Анђелић је забележио да је 13. новембра 1941. године покушао да дотури нешто хране руским заробљеницима, али да «Немци нису дали да им ишта од наше сиротиње дамо, него су газили хлеб и дуван који смо им давали»³⁹. Неколико дана касније, 24. новембра забележио је да добио казну због овог догађаја⁴⁰.

Недостатак хране мучио је и југословенске ратне заробљенике. Од логорских власти добијали би три «оброка»: шољу чаја и парче устајалог хлеба са мармеладом за доручак и вечеру, а за ручак је најчешће прављена ретка чорба од репе или кромпира. Месо се добијало ретко и у малим количинама⁴¹. Оваква исхрана ни изблиза није могла да задовољни дневне потребе људи, због чега је глад заробљеницима била чест гост, а храна обавезна тема разговора, писама и дневника. Станислав Винавер, познати српски песник и преводилац, у својим мемоарима о заробљеничким данима изнео је мишљење да је изгладњивање заробљеника спровођено са јасном намером Немаца. Заробљенику би се по заробљавању неко време ускраћивала храна како би ослабио, односно, изгубио снагу за бежањем

36 Стајић С. Два милиона минута до слободе. Београд, 1961. С. 103.

37 Исто. С. 102.

38 Радовановић Љ. Кроз тмине логорске. С. 242.

39 Анђелић Р. Заробљенички дневник. С. 30.

40 Исто. С. 31.

41 ИМС АГ 702, “Јеловници логораша“ 1941. Документ се односи на логор XIII-B у Нирнбергу.

или пружањем отпора⁴². То би и психички утицало на заробљеника, сламајући му вољу и везујући га за главни извор хране – логорску кухињу.

Због тога су Југословенски Црвени крст и југословенска влада у егзилу чинили све да до својих ратних заробљеника стигну пакети хране и друге хуманитарне помоћи, на коју су заробљеници имали право према одредбама Женевске конвенције. Документа југословенска владе у Лондону показују да је помоћ прикупљана из свих делова света где су живели југословенски исељеници, највише у Сједињеним Америчким Државама, Канади и Јужној Америци⁴³. Међутим, та помоћ није била довољна, па су југословенски заробљеници били у константној оскудици. У односу на ратне заробљенике других земаља, пре свега из Велике Британије и САД, југословенски заробљеници примали су неупоредиво мање помоћи. Док је, примера ради, 70 хиљада енглеских ратних заробљеника у Немачкој од свог Црвеног крста током месеца новембра 1941. године добило 1.650.981 кг пакета хране, за исти период је 200.000 југословенских заробљеника добило свега 67.622 кг хране⁴⁴. Ситуација је била слична и 1943. године. У извештају Андреа де Блонаја (фр. *Andre de Blonay*), генералног секретара «Европске организације за студенте», који је имао прилику да обиђе југословенске ратне заробљенике у логорима «*Oflag XIII-B*» и «*Stalag II-B*», наводи се да:

«југословенски логори мало измичу од руских и пољских. Много има војника редова којима нико не шаље никакве пакете и ти људи просто чамују. (...) [П]акете на првом месту треба слати оним заробљеницима који су најсиромашнији и не добијају никакве пакете нити помоћи.⁴⁵»

Уз овако тешку ситуацију, југословенски заробљеници успевали су да сакупе одређену помоћ у храни за совјетске војнике. У појединим логорима организован је читав ротациони систем одбијања од порција и пакета по баракама, а прикупљени вишак кријумчарио се у совјетски део логора. Из једног послератног мемоара сазнајемо како су се у логору «*XIII-B*» спроводиле поменуте акције:

42 Винавер С. Године понижења и борбе. Живот у немачким „офлазима“. Београд, 1945. С. 24.

43 АЈ. Ф. 103. К. 40. Ј. 366/367. Извештаји о раду југословенских организација у Јужној Америци за 1941, 1942.

44 АЈ. Ф. 103. К. 40. Ј. 479. Извештај Делегата за питања Црвеног крста у Њујорку, 23.7.1942.

45 АЈ. Ф. 103. К. 40. Ј. 650. Писмо др Ивана С. Шајковића др А. Авакумовићу, 30.1.1943.

«Сви ми у Нирнбергу били смо револтирани поступком немачке команде према совјетским заробљеницима; (...). Заузимањем једне групе другова, организовали смо помоћ у исхрани. Одвајали смо део хране и откупљивали у кантини поврће, које су кувари кришом кували уз наше казане. Из својих пакета издвајали смо „за Русе“. Свако вече десетак казана пребацивали смо кришом у њихов блок. Преко канала достављали смо им и друге ствари. С почетка је овај подухват био ризичан, али убрзо смо задобили стражаре, нешто за кафу и чоколаду, а нешто ваљда и због заиста страшних призора глади и беде која је владала у совјетском блоку. (...) Али ипак неко је ову организацију провалио. Поручник који је њоме руковао протеран је у казнени логор, надзор је пооштрен и ова редовна помоћ морала је бити обустављена.⁴⁶»

Већ од зиме 1942/1943. године, приметно је да Немци све чешће толеришу праксу дотурања хране совјетским заробљеницима. На то је утицало неколико фактора. Улазак Сједињених Америчких Држава у рат и појава њихових заробљеника у немачким логорима, условио је све већи број пакета који су се слали у Немачку. Од тога су, поред америчких заробљеника, корист имали и југословенски заробљеници, јер су се њихове квоте пакета које су добијали од Америчког Црвеног крста повећале⁴⁷. Самим тим, и до совјетских заробљеника стизало је нешто више хране, али и до самих Немаца, који су део пакета задржавали за себе. Такође, од 1943. године Немачка све лошије стоји на фронтима, а како је највећи део мушкараца мобилисан и одведен у рат, цела земља се суочила са несташицом хране. Приоритет у дистрибуцији хране даван је немачком цивилном становништву, због чега су логорске власти почеле да толеришу црну берзу унутар логора, кријумчарење, размену хране међу заробљеницима и друге активности које би утицале на смиривање тензија.

Са првим великим поразима Трећег Раја на Источном фронту и масовном заробљавању немачких војника од стране Црвене армије, положај совјетских заробљеника полако је почео да се стабилизује, а у неким

46 Радовановић Љ. Кроз тмине логорске. С. 243.

47 АЈ. Ф. 103. К. 9. Ј. 301. Извештај Ивана Суботића о месечним квотама пакета за југословенске ратне заробљенике, 1943. Из извештаја се види да је на савезничким бродовима остављено места за 140.000 пакета хуманитарне помоћи, коју је југословенска влада у Лондону преко Црвеног крста слала југословенским заробљеницима.

логорима и да се поправља. Немачка страна, из страха за своје заробљене трупе у сибирским логорима, почела је да попушта стеге над совјетским заробљеницима. То је довело до једног занимљивог феномена везаног за ратно заробљеништво: успостављања неписаног правила реципроцитета, у коме зарађене стране почињу боље да брину о ратним заробљеницима, у нади да ће супротна страна такође боље бринути о њеним заробљеницима⁴⁸. То се може закључити и на основу заробљеничких дневника. Светозар Милошевић, заробљеник у логору «*Oflag XIII-B*», забележио је у дневник за дан 19. новембра 1942. године:

«Вечерас сам предложио да у нашој бараци скупимо извесну количину јабука за Русе који се налазе у VII блоку нашег логора. Предлог је примљен и ја сам зашао до бокса и прикупио 90 комада. Тако ће и ови несрећници окусити воће, до кога иначе, као ни ми, не могу ни на који други начин да дођу. Разуме се да и даље скупљамо прилоге у храни за њих. По реду који је установљен, баракe се одричу по једног казана хране дневно, и ти казани се упућују Русима као појачање хране. Посебно је симптоматична појава да Немци својим шпедитерским коњским колима превлаче ове казане чорбе од нас Русима. Кад се овај њихов поступак упореди са оним од прошле зиме, тешко се може избећи утиску да су Немци знатно ублажили свој став према заробљеницима Русима.⁴⁹»

Солидарност Југословена према совјетским заробљеницима изражавала се и кроз друге видове помоћи. Узимајући у обзир колико је висок морал играо важну улогу у преживљавању заробљеничког живота, југословенски заробљеници трудили су се да ободре совјетске заробљенике на све могуће начине. Најчешћи начин биле су песма и музика, јер су најлакше прелазиле логорске жице и зидове до других заробљеника. Међу југословенским заробљеницима, нарочито међу резервним официрским кадром, нашао се велики број школованих музичара који су у својим логорима организовали хорова, оркестре и аматерска позоришта. Као што се може видети у њиховим белешкама, хорова и оркестри би с времена на време намерно организовали концерте уз логорске блокове у којима су били совјетски заробљеници:

48 Moggrow 2001: 978.

49 Милошевић С. Дневници из заробљеништва. С. 422.

«Недељом по подне приређивали смо мале концерте и музику за совјетске војнике у блоку који је био најближи њиховом. Они су, збијени иза жице, слушали непознате али по општој словенској мелодији блиске песме. Угледајући се на нас и они су образовали свој хор и одговарали нама својим песмама.⁵⁰»

Међу југословенским заробљеницима, као најпопуларније, наводе се песме «Эй, ухнем», «Во кузнице», «Широка страна моя родная» и «Катюша». Њих су хорови југословенских заробљеника изводили током разних прослава и свечаних прилика, као што су били државни празници Совјетског Савеза и Краљевине Југославије. За верске празнике изводиле су се песме из народне и црквене традиције. Немачка цензура надгледала је њихов рад, тражећи непримерени или забрањени садржај. Посебно је било забрањено извођење јеврејских и руских композитора, због чега су оркестри и хорови морали да се сналазе на разне начине. Једна од честих пракси било је свирање руских песма, али у извођењу са речима песме на српском језику. О сличној пракси сведочи и један занимљив догађај који је забележио Родољуб Жижић (логор «*Oflag VI-C*») у својим мемоарима:

«Иначе, Немци су све време лако одобравали једино концерте озбиљне музике, под условом, наравно, да се на програму не нађу дела руских композитора и Јевреја. Априла 1943. године Велики оркестар је између осталих такача спремио и валцер из „Пепељуге“ Петра Илича Чајковског. Цео програм је уредно пријављен. Као аутор концерта написано је само – Чајковски. Међутим цензура у Абверу [нем. *Abwehr*, немачка војна обавештајна служба] је прецртала и забранила извођење валцера, јер Чајковском као руском композитору није било места на програму. Кратко време потом, за први следећи концерт оркестра, поново смо пријавили исти валцер, али сада је као аутор наведен Петар Илич, без Чајковски. Валцер је одобрен и изведен.⁵¹»

Међутим, било је и немилих догађаја које је изазвало певање песама. Неколико југословенских заробљеника је у својим дневницима записало исти догађај од 29. јуна 1942. године, када су у заробљенички ло-

50 Радовановић Љ. Кроз тмине логорске. С. 243.

51 Жижић Р. *Osnabrički zvuci i odjeci*. С. 198

гор «*Oflag XIII-B*» доведене жене из Совјетског Савеза на присилни рад. У логору се због постојеће инфраструктуре вршила дезинсекција и купање, како логораша, тако и принудних радника-цивила. Иако их је раздвајала жица, између радница и југословенских логораша је дошло до контакта и разговора, а затим и до песме. Немци су то покушали да се прекину терајући заробљенике назад у бараке, а како је већина то одбила, немачка стража је отворила ватру на окупљену масу. Том приликом погинуо је југословенски ратни заробљеник, капетан Душко Трипковић. Овај догађај довео је до једнодневнoг штрајка заробљеника, током ког су одбили да комуницирају са Немцима и да преузимају своја следовања хране и пакета, о чему је забележено у више различитих дневника и мемоара заробљеника⁵².

Током низа година проведених у логорима, контакти међу југословенским и совјетским заробљеницима били су све чешћи. Заробљеници су се сретали у болницама, на купању или на раду ван логора. У тим кратким сусретима углавном су се размењивале вести са ратишта, а југословенске заробљенике посебно је занимао начин живота у Совјетском Савезу, пошто је та земља пре рата дуго била изолована од остатка Европе, а посебно од Краљевине Југославије због става југословенских власти према комунистичком режиму. Један заробљени југословенски официр свој контакт са Русима остварио је у логорској зубарској амбуланти. У свом дневнику је на дан 24. јануара 1943. године записао:

«Они сви причају да је у Совјетској Русији заиста добро. Ко год је радио, могао је и добро живети. (...) Ми им [*руским заробљеницима*, прим. аут.] дајемо хране и цигарета. Ја већ имам познаника међу њима.⁵³»

Иако су контакти између југословенских и совјетских заробљеника били најстроже забрањени у првим годинама њиховог заробљеништва, приметно је да су Немци пред крај рата почели да попуштају своје ригорозне мере, почев од већ поменутог прећутног прослеђивања хране коју су донирали југословенски заробљеници. Када је током лета 1943. године велики број заробљених југословенских официра премештен у «*Stalag 375*», код места Стриј у близини Лавова, свакој барацаи био је додељен један млади руски заробљеник као ордонанс. Било је примера да су се ста-

52 *Марковић М.* Ратни дневници 1941-1945. Београд: Вук Караџић, 1979. С. 237; *Радовић Џ.* Аплауз у логору. С. 307; *Милошевић С.* Дневници из заробљеништва. С. 325; *Стајић С.* Два милиона минута до слободе. С. 216.

53 Приватна архива породице Миликић, Дневник Ратка Миликића, 1941-1945.

новници барака везали за «своје Русе», о којим су бринули и са њима делили своја следовања и пакете. Тако је извесни Стјопка био поменут у дневнику Светозара Милошевића, као и емотивни растанак до кога је дошло због премештања Југословена у други логор⁵⁴.

Ослобођење

Од краја 1944. г., услед незадрживог притиска Црвене армије и западних савезника, војска Трећег Рајха нашла се у константном повлачењу. То се одразило и на заробљеничке логоре. Како се линија фронта приближавала логорима, немачка војска се у расулу повлачила из већине њих, а заробљеници су остајали препуштени сами себи све до доласка савезничких војски. По први пут су капије између различитих делова логора уклоњене, што је ратним заробљеницима омогућило да се слободно крећу и сусрећу са заробљеницима других нација. Југословенски и совјетски ратни заробљеници посебно су били активни у припреми заједничке прославе ослобођења. Радомир Анђелић је у дневнику описао једну такву прославу у ослобођеном официрском логору «VI-C» у Оснабрику:

«30. април 1945 – Време прилично хладно и кишовито. (...) Руси су најавили њихов долазак у 15 сати. После поздрава отпочео је концерт. Поздравну реч прочитао је на руском један наш капетан прве класе Јаковљевић. Затим руски поручник морнар, а потом енглески поручник, и потом је свиран цивилни марш, неколико песама и неколико кола. Била је једна комедија, руска нова химна, а на завршетку цивилни марш. Све је трајало 2:30 сата.⁵⁵»

Оваквих догађаја било је све више, како су заробљенички логори постепено ослобађани током априла и маја 1945. године. Коначним поразом Трећег Рајха завршен је рат у Европи, а милиони ратних заробљеника разних нација постали су слободни. Према проценама историчара, током Другог светског рата у заробљеништво је укупно одведено 35 милиона војника⁵⁶. Од тог броја, чак 5.7 милиона совјетских војника било је заробљено од стране Трећег Рајха. Нељудски услови живота, дуги маршеви, стрељање, тежак физички рад, изгладњивање и болести оставили

54 Милошевић С. Дневници из заробљеништва. С. 682.

55 Анђелић Р. Заробљенички дневник. С. 227.

56 MacKenzie 1994: 487.

су несагледиве последице по ратне заробљенике. То показује и податак да је смртност совјетских заробљеника у немачким логорима била изузетно висока – чак 57%, односно око 3.3 милиона људи. Поређења ради, смртност британских ратних заробљеника у немачким логорима била је 5.1 проценат⁵⁷.

Тема о којој се након рата није пуно говорило биле су и последице заробљеништва по психичко и физичко здравље људи. Изгладњивање и лоши услови живота, којима су били изложени у толико дугом периоду, стварало је читав низ других здравствених проблема – нагли губитак телесне масе, дијареју, анемију, неуролошке проблеме, појаву паразита, поремећен рад јетре, бубрега и других органа. Након ослобођења, ратни заробљеници често су имали проблема са анорексијом, гастроентеролошким и кардио-васкуларним проблемима, туберкулозом, ендокардитисом и др. Поред тога, примећено је да су заробљеници били чешће подложни деменцији, поремећају пажње и концентрације, преурањеној сенилности, али и променама расположења, озбиљним психичким обољењима и сл. Све ово утицало је на скраћење животног века код људи који су преживели заробљеништво, због чега је преурањена смрт била честа појава међу некадашњим заробљеницима⁵⁸.

Након ослобођења, око 1.8 милиона преживелих совјетских заробљеника било је враћено у Совјетски савез⁵⁹. Међутим, за неке од њих то није био крај заробљеничког живота. Пошто су према Стаљиновој наредби са почетка рата предаја и одлазак у заробљеништво проглашени за издају, око 150.000 совјетских заробљеника је по повратку осуђено на дугогодишње казне робије „због помагања непријатељу“ и послато у радне логоре⁶⁰. Када је реч о југословенским ратним заробљеницима, ослобођење је за већину значило повратак у домовину. То је значило и суочавање са новом реалношћу – у ослобођеној Југославији спроведена је комунистичка револуција и проглашена република на челу са Јосипом Брозом Титом. Због тога одређен број ратних заробљеника, који се у логорима исказао као противник Титове политике, одлучио је да се не врати у домовину и да остане у емиграцији.

57 MacKenzie 1994: 510.

58 Segal, Hunter, Segal 1976: 594-598.

59 Vance (ed.) 2000: 460.

60 Vance (ed.) 2000: 460.

На основу заробљеничких дневника, писама и мемоара, може се закључити да су током година проведених у немачком заробљеништву, везе између југословенстих и совјетских ратних заробљеника биле изузетно јаке. Обострана емпатија због сличне ситуације у којој су се нашли, помоћ у храни, лековима и одећи, бодрење духа песмом и музиком, као и други примери човечности и пријатељства, показали су да су контакти, иако забрањени, били свеприсутни. То потврђују и примери да су појединци остали у контакту и након ослобођења. У приватној архиви некадашњег заробљеника Слободана Савића чува се лист папира на коме су записана имена и адресе ратних заробљеника из разних европских земаља. Међу њима највише је оних из Совјетског савеза: Сепан Феодорович Сурепов, Александр Сергејевич Јешченко, Александр Петрович Фролов, Михаил Јефимович Соколов, Андреја Николаевич Довиденко и Павле Фрол Коњев⁶¹.

Списак скраћеница

АЈ – Архив Југославије

ИМС АГ – Историјски музеј Србије, Збирка архивске грађе

КЈ – Краљевина Југославија

САД – Сједињене Америчке Државе

Литература

1. Денда 2015 - *Денда Д.* Српски ратни заробљеници у Великом рату // Први светски рат. Србија, Балкан и Велике силе. Београд: Историјски институт, Институт за стратегијска истраживања, 2015. С. 17-35.
2. Милетић 2009 – *Милетић А.* Српски ђенерали у жицама 1941-1945. Београд: Албатрос Плус, 2009. 43 с.
3. Милошевић 1998 - *Милошевић С. Д.* Заробљавање војника Краљевине Југославије у Априлском рату 1941 // Сведочења о ратним војним заробљеницима Краљевине Југославије у Другом светском рату 1941-1945, Београд: СУР-ВЗЈ-УРВЗКОВ, 1998. С. 125-140.
4. Ристовић 1993 - *Ристовић М.* Документи о југословенским ратним заробљеницима у Немачкој у Другом светском рату // Војно-историјски гласник. С.1-2. Г. 43. 1993. С. 297-311.
5. Terzić 1983 – *Terzić V.* Jugoslavija u aprilskom ratu 1941. Beograd, 1983. 575 с.

61 Приватна архива породице Савић, Белешка Слободана Савића, са именима совјетских заробљеника и њихових адреса становања, 1945.

6. Vance (ed.) 2000 – *Encyclopedia of Prisoners of War and Internment* / ed. J.F. Vance. NY: Grey House Publishing, 2000. P. 13–460.
7. MacKenzie 1994 - *MacKenzie S.P. The Treatment of Prisoners of War in World War II // The Journal of Modern History*. Vol. 66. No. 3. P. 487–510.
8. Mazover 2019 - *Mazover M. Hitlerovo carstvo*. Beograd: Arhipelag, 2019. 154 s.
9. Menter 2021 – *Menter R. Das Kriegesfangenenlager Dortmund Westfalenhalle (Stalag VI D), 1939-1945*. Münster: Aschendorff Verlag GmbH & Co. KG, 2021. S. 105–111.
10. Morrow 2001 - *Morrow J.D. The Institutional Features of the Prisoners of War Treaties // International Organization*. Vol. 55. Issue 4. 2001. P. 971–991.
11. Segal, Hunter, Segal 1976 – *Segal J., Hunter E., Segal Z. Universal consequences of captivity: stress reactions among divergent populations of prisoners of war and their families // International Social Science Journal*. 1976. Vol. XXVIII. No. 3. P. 594-598.

References

1. Denda, D., 2015. Srpski ratni zarobljenici u Velikom ratu [Serbian prisoners of war in the Great War] In: *Prvi svetski rat. Srbija, Balkan, i Velike sile*. Beograd: Istorijski institut, Institut za strategijska istraživanja, pp. 17-35. (In Serb.)
2. MacKenzie, S.P., 1994. The Treatment of Prisoners of War in World War II. *The Journal of Modern History*, 66, 3, pp. 487-510.
3. Mazover, M., 2019. *Hitlerovo carstvo* [Hitler's empire]. Beograd: Arhipelag, 154 p.
4. Menter, R., 2021. *Das Kriegesfangenenlager Dortmund Westfalenhalle (Stalag VI D), 1939-1945*. Münster: Aschendorff Verlag GmbH & Co. KG, pp. 105-111.
5. Miletić, A., 2009. *Srpski đenerali u žicama 1941-1945*. [Serbian generals in the wire 1941-1945] Beograd: Albatros Plus, Albatros Plus, 43 p. (In Serb.)
6. Milošević, S.D., 1998. Zarobljavanje vojnika Kraljevine Jugoslavije u Aprilskom ratu 1941 [Capturing the soldiers of the Royal Yugoslav Army during the April War]. In: *Svedočenja o ratnim vojnim zarobljenicima Kraljevine Jugoslavije u Drugom svetskom ratu 1941-1945*. Beograd: SURVZJ-URVZKOV, pp. 125-140. (In Serb.)
7. Morrow, J.D., 2001. The Institutional Features of the Prisoners of War Treaties. *International Organization*, 55, 4, pp. 971–991.
8. Ristović, M., 1993. *Dokumenti o jugoslovenskim ratnim zarobljenicima u Nemačkoj u Drugom svetskom ratu* [Documents about Yugoslav prisoners of war in Germany during Second World War]. *Vojno-istorijski glasnik*, s. 1-2, g. 43, pp. 297-311. (in Serb.)
9. Segal, J., Hunter, E., Segal, Z., 1976. Universal consequences of captivity: stress reactions among divergent populations of prisoners of war and their families. *International Social Science Journal*, XXVIII, 3, pp. 594-598.
10. Terzić, V., 1983. *Jugoslavija u aprilskom ratu 1941*. Belgrade, 575 p.
11. Vance, J.F., ed., 2000. *Encyclopedia of Prisoners of War and Internment*. NY: Grey House Publishing, pp. 13-460.

Интернет-страницы

1. International Committee of the Red Cross – International Humanitarian Law Database: Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague, 18 October 1907: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-conv-iv-1907?activeTab=default> (дату́м присту́па: 15.1.2023.)
2. United States Holocaust Memorial Museum, Holocaust Encyclopedia. Nazi Persecution of Soviet Prisoners of War: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/nazi-persecution-of-soviet-prisoners-of-war> (дату́м присту́па: 17.1.2023)

Nikola Milikić

MA historian, PhD student, and curator at the Historical Museum of Serbia
Belgrade, Serbia, 11000, Trg Nikole Pašića 11
milikic.nikola@yahoo.com

Soviet prisoners of war in the memories of Yugoslav prisoners in German camps during the Second World War

The German occupation of Europe during World War II led to the imprisonment of a large number of soldiers from the defeated countries. These soldiers were held in Oflag and Stalag camps designed especially for this purpose. Despite being protected by the Geneva Convention (1929), the prisoners of war (POW) in the German camps were not treated in accordance with these laws. This was especially true for soldiers of Slavic origin, as the Germans' attitude towards them was based on the racist ideology of the Third Reich and a specific "hierarchy of peoples". The Geneva Convention was arbitrarily interpreted, and Yugoslav and Soviet prisoners of war received poor treatment. Upon their arrival at the camps, despite strict prohibitions by the German camp leadership, soldiers of the Yugoslav and Soviet armies quickly established contact. These contacts were built on cultural, national, linguistic, and ideological ties between representatives of the two peoples. Yugoslav POWs documented the memories of Soviet prisoners and their days in captivity in diaries, notes, letters, and memoirs, which were published after the war. These documents serve as evidence of the relationship between Yugoslav and Soviet prisoners of war and reflect some of the phenomena of life in captivity, such as the presence of shared understanding, provision and smuggling of life necessities such as food, cigarettes, and other aid, as well as joint participation in cultural life and other activities.

Keywords: World War II, prisoners of war, Geneva Convention, imagery, history of POW everyday life

Милана Живанович

Доктор исторических наук, научный сотрудник,
Институт новейшей истории Сербии, Белград,
Республика Сербия. 11000, Трг Николе Пашича, д. 11.
milana.zivanovic@yahoo.com

Встреча с соотечественниками: Советская и «Заграничная» России в Югославии в 1944 г.

В статье на основании мемуаров, дневников, записей, а также литературы на сербском и русском языках рассматривается встреча представителей русского зарубежья и их соотечественников – советских офицеров и солдат в Югославии осенью 1944 г. когда Красная армия вступила в эту страну. В работе, с одной стороны, рассматривается восприятие советских военнослужащих русскими эмигрантами, с другой – отношение бойцов Красной армии, а также сотрудников НКВД и СМЕРШ к их соотечественникам, которые покинули их общую родину в результате революционных событий 1917 г. и Гражданской войны в России. С одной стороны, НКВД и СМЕРШ допрашивали, арестовывали, отправляли русских эмигрантов в СССР, некоторых расстреляли, с другой – представители русского зарубежья помогали советским военнослужащим, они плечом к плечу воевали против немцев, поскольку с приходом Красной армии на территорию Югославии определенное число антифашистски настроенных представителей русского зарубежья вступили в ее ряды. В работе использованы воспоминания разного профиля и взглядов русских эмигрантов: от профессоров, духовных лиц до бойцов югославской, а также Красной армий. Несмотря на все недостатки мемуаров как исторических источников, при анализе которых необходимо учитывать контекст, время, историю создания, идеологические и политические взгляды, мотивы автора, – они позволяют создать общую картину восприятия советских военнослужащих их соотечественниками, которые на тот момент более 20 лет прожили в другом государстве.

Ключевые слова: русская эмиграция, Красная армия, Югославия, СССР, соотечественники, 1944 г.

6 апреля 1941 г. Германия и Италия напали на Королевство Югославия. Началась Апрельская война. Спустя 11 дней после вторжения стран

«оси» в страну, Югославия капитулировала, ее территория была разделена между соседними государствами и новооснованным Независимым государством Хорватия¹.

По подсчетам исследователей, Апрельскую войну встретили около 30000 русских жителей страны², которые в период с 1919 по 1923 гг. в результате революционных событий и Гражданской войны в России в ходе пяти крупных волн приехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия)³. Самое большое количество русских встретили оккупацию в Сербии – 21650 человек (те, кто не имел югославского подданства) к марту 1942 г. было зарегистрировано на этой же оккупированной немцами территории⁴ (в отличие от зарегистрированных 1562 русских в 1941 г. в Боснии и Герцеговине, которая являлась частью Независимого государства Хорватия⁵). С началом оккупации, руководствуясь прежде всего идеологическими, политическими, но и экономическими мотивами, каждый из них выбрал свой путь: одни пошли на сотрудничество с оккупантами, другие решили активно сопротивляться, третьи старались только выжить в эти сложные и тяжелые времена⁶.

Выбор, сделанный тогда, в большинстве случаев оказал решительное влияние на дальнейшую судьбу каждого отдельного человека. Когда осенью 1944 г. к границам Югославии стала приближаться Красная армия, русским вновь пришлось выбрать свой путь: остаться или уехать. С разрешения оккупационных властей в сентябре 1944 г. произошла эвакуация русских колоний из Сербии⁷. Тогда на Запад уехала та часть русских эмигрантов, которая опасалась репрессий, – либо из-за причастности родственников к Русскому корпусу, либо предчувствуя отношение к представителям того же сообщества⁸. Другая часть решила остаться в Югославии.

Настроения, которые царили в эти же дни в Сербии, хорошо представлены следующими цитатами: «У врат Белграда стоит красный зверь. Медлить нельзя, надо уходить. Бросая имущество, потянулись по дорогам в неизвестность русские беженцы. Иногда удавалось попасть в

1 Terzić 1984.

2 Тимофе́ев 2011: 25.

3 С 1919 по 1923 гг. в страну приехали 41 000 – 44 000 русских беженцев (Жовановић 1996: 186).

4 Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 22.

5 Арсеньев 2011: 157.

6 Тимофе́ев 2011.

7 Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 24.

8 Арсеньев 1999.

переполненный поезд, взобравшись на крышу или на буфера с опасностью для жизни»⁹; «Весь вокзальный перрон был занят провожающими. Здесь присутствовало, вероятно, все русское население Белой Церкви. У всех вид был растерянный, даже испуганный, некоторые плакали. Были, впрочем, и такие, которые продолжали твердить: “Ну, куда вы едете? На что вы надеетесь?”»¹⁰.

О том, какие чувства испытывали те, кто остался в Югославии осенью 1944 г., ожидая приезда Красной армии, и о том, как выглядела встреча с их соотечественниками – советскими солдатами и офицерами, – можно судить по оставшимся сведениям, воспоминаниям представителей русского зарубежья, а также по малочисленным рассказам воинов РККА. В рамках статьи мы проанализируем эти исторические источники, – учитывая при их изучении и анализе контекст, время, историю создания, идеологические и политические взгляды, мотивы автора, наличие цензуры, – как отражения взаимного восприятия русских эмигрантов и советских военнослужащих. Используемые воспоминания позволяют создать общую картину произошедшей в 1944 г. на территории Югославии встречи между соотечественниками.

Данная встреча между представителями двух России – «Заграничной» и Советской – не была первой в Югославии. После того, как в июне 1940 г. южнославянское государство и СССР установили дипломатические отношения, в Белграде было открыто советское посольство. Туда направилось определенное число русских жителей Югославии – они стали обращаться за советским паспортом¹¹. Художник комиксов Юрий Павлович Лобачев в своих воспоминаниях описал встречу с членами советской делегации, приехавшей с визитом в Югославию в 1940 г.: «Я первый раз увидел русского человека из Советского Союза»¹². Также во время Второй мировой войны в оккупированной Югославии русские эмигранты и советские военнопленные вместе боролись в рядах так называемых «русских рот» и «батальонов» Народно-освободительной армии Югославии¹³, члены русской эмигрантской антифашистской организации «Союз советских патриотов»¹⁴ готовили их побеги из лагерей и

9 Цит. по: Косик 2000.

10 Курганский В. Тридцать лет тому назад // Кадетская переписка. 1975. № 11. С. 58.

11 Сорокина 2017: 120.

12 Лобачев Ё. Кад се Волга уливала у Саву: Мој животни роман. Београд: Просвета, 1997. С. 100.

13 Семиряга 1970: 116–135; Бушуева 1972: 11–20.

14 Подробнее: Тимофеев 2012: 241–257; Ёхина 2014–2015: 174–205; Ёхина 2015: 203–237.

переброску в партизанские отряды¹⁵. Однако в отличие от предыдущих встреч, встреча между соотечественниками, которая произошла осенью 1944 г. в Югославии, повлекла за собой разного рода последствия для представителей русского зарубежья в стране.

Конец оккупации и освобождение Югославии немало русских встретили с радостью: вышли на улицы, приветствовали своих соотечественников, внесших огромный вклад в освобождение их второй родины. Очень показательным в этом отношении является рассказ Елизаветы Жерардовны Гильотен: «Ко мне бегают некие люди, говорят: “Быстрее, быстрее! У здания муниципалитета стоят русские!” Я не в своем уме. Бегу кратчайшим путем. Центральная улица полна людей. У здания муниципалитета – толпа людей, в центре вижу военные рубашки, погоны, шапки с красной звездой. Наши! Наши! Меня сразу пропускают. Я онемела. У меня кончился воздух. Первых слов не помню. Помню только глаза. Для меня это глаза не только освободителя, но и родного человека [...] Чувствую, как слеза стекает по щеке. Нет, нет! Этого нельзя! [...] Я вышла на улицу. Людей почти нету. Выдохнула глубоко, глубоко – Свобода! Мы свободны! Смерть фашизму!»¹⁶.

Своих соотечественников – советских солдат и офицеров – немало русских эмигрантов стали приглашать в свои дома, угощать их и проносить тосты в честь их общей родины¹⁷. Некоторые даже просили вернуться в СССР: «Во время боя за город (Белград. – М. Ж.), – писал поэт Борис Абрамович Слуцкий, майор Красной армии и политработник в опубликованных много лет после его смерти записках¹⁸, – была найдена старуха Дурново, внучка Суворова. Она писала нашим офицерам, умоляя отправить ее в Москву: “Готовить буду, стирать”»¹⁹.

Со своей стороны, определенное число бойцов Красной армии вели себя дружелюбно в отношении своих соотечественников, русских женщин просили варить борщ, даже ходили в церковь, пели вместе с хором²⁰. Вот, что о них писал ординарный профессор медицинского факультета в Белграде, директор клиники внутренних болезней²¹, который в 1946 г. получит советский паспорт²², Александр Иосифович Игнатовский

15 Ёхина 2014–2015: 184.

16 Гильотен *Ж.Ж.* Две моје домовине. Горњи Милановац: Дечје новине, 1991. С. 202, 203.

17 Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 24.

18 Волокитина 2018: 259.

19 Слуцкий *Б.А.* О других и о себе. М.: Вагриус, 2005. С. 130.

20 Павлов 1994.

21 Литвињенко 2007; Российские врачи 2012.

22 Животич 2018: 34.

в своем дневнике: «Жена все время прислушивается к далеким пушечным выстрелам, приписывая их приближающимся русским. Я не обескураживаю ее, чтобы не разочаровать ее. Наконец-то, конечно, увидит наших людей, но когда, после каких мук? [...] Много позже кухарка говорит: ваши русские танки [...] Капитан Жуковский приехал с другим офицером Мишей. Они разговаривали о советских военных фильмах. Пели песню о жизни в землянке. Большая тоска по семье [...] Наши русские песни и романсы им старомодны. Несмотря на это, они были очень довольны музыкой, пели и танцевали друг с другом и с моей женой. Иногда они как дети, добродушные, веселые. Все их мысли о России, они ее обожают. Они настоящие националисты. Солдаты добродушные, добрые, но даже у теплых ребят есть и “хулиганские” наклонности»²³.

Священник Владимир Родзянко (Епископ Сан-Францисский и Западно-Американский Василий), которого на фоне конфликта Гито-Сталин арестовали югославские власти, приговорили к 8 годам заключения «за превышение разрешенной религиозной пропаганды», потом сократили срок и освободили в 1951 г.²⁴, вспоминал: «Закончив литургию, я сразу же пошел на встречу с офицерами. Когда я вошел, полковник встал и сказал: “Мы очень уважаем священников. Священники зла не проповедают”. Выйдя ко мне, он обнял меня, и мы по-русски троекратно поцеловались. [...] Я предложил полковнику зайти ко мне домой. Он посмотрел на часы и говорит: “К сожалению, у нас нет времени, нужно спешить”. А я говорю: “Ничего, найдется”. Он зашел и начал рассказывать: “Знаете, в России такие перемены, древние храмы восстанавливают, богослужения в них идут. Россия пробуждается”. Мы проговорили часов пять, он уже на часы не смотрел. А когда уходил, то дружески попрощался и сказал: “Моя фамилия Орлов, я из тех самых” [...] С этого дня и в течение нескольких месяцев мой дом был, можно сказать, местом встреч с раннего утра и до позднего вечера. Заходили и офицеры, и простые солдаты. Некоторые из них приходили в храм, исповедовались и причащались. Помню одного юношу, почти подростка, который был необычайно похож на Алешу Карамазова из романа Достоевского “Братья Карамазовы”. Конечно, юноша, как и все, ушел на фронт. Я его больше никогда не видел. Но он почему-то запомнился мне, я его часто вспоминаю и молюсь за него. В нем я увидел некий символ нового русского поколения, которое приходит и возрождает древние традиции и обычаи. И ради них, ради этих молодых людей, которые, как и он, возвращались к Церкви, к

23 Дневник А.И. Игнатовского. Тетрадь № 3 (1944, 17 июля – 28 октября).

24 Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 356.

Господу, нужно было сделать то, что делал я. Надо было остаться, чтобы помочь России встать на ноги во всех отношениях, во всех смыслах. [...] Как-то военные пригласили нас с женой на праздник в одну из соседних деревень. Состоялась дружеская встреча. Там была удивительно теплая атмосфера. Мы вдруг почувствовали, что несмотря на все наши различия – в истории, в условиях жизни, в традициях, – во время этой встречи мы вдруг поняли друг друга, поняли, что у нас одна Мать-Родина и что эта Родина должна вступить наконец на свой исторический, тысячелетний путь»²⁵.

В своих воспоминаниях представитель второго поколения русских беженцев, которая родилась не в России, а в Югославии, Елена Пантелеймоновна Хапланова-Солодягина, дочь участника белого движения, принявшего в Королевстве СХС священство, которая осенью 1944 г. проживала в поселке, расположенном недалеко от города Заечара (на востоке Сербии), и в 1950 г. уехала в Триест, писала: «Мамина болезнь, страх моих родителей перед предстоящей встречей с Красной армией и вероятность, что коммунисты возьмут верх в стране, мучили меня и лишали всякого покоя [...] Красная армия вошла в Звездан (поселок. – М. Ж.). Папа сидел хмурый, мама вся зареванная, а крестьяне и крестьянки то и дело стучались к нам, чтобы сообщить “приятную” новость о том, что наши земляки прибыли. Мне не сиделось в комнате. Хотя я их боялась, все же очень хотелось посмотреть на своих [...] На улице, за час до того совершенно пустынной, было такое скопление солдат, грузовиков и автомашин, что на перекрестке, в десяти шагах от калитки, из которой я смотрела, руководила движением девица в военной форме. Она мне показалась таким любопытным и необычным явлением, что первые несколько минут я уделила исключительно ей. Налюбовавшись девушкой, я начала смотреть на остальных. Проезжали и проходили солдаты и офицеры Красной армии, и у всех был не только не страшный, а, напротив, простой и добродушный вид. Крестьянам, которые высыпали на улицу смотреть на Красную армию, они, кажется, тоже понравились, потому что со всех сторон были слышны восклицания: – Братья русские! Освободители! И Добро пожаловать! Меня постепенно покидало чувство страха и начинало распирать чувство гордости»²⁶. Крестьяне, которые «совершенно не понимали нашего положения, всячески старались объяснить на-

25 *Василий (Родзянко М.В.). Моя судьба: воспоминания.*: Изд. Сретенского ставропигиального мужского монастыря, 2015. 416 с.

26 *Хапланова-Солодягина Е. Югославский аккорд. Воспоминания дочери белых эмигрантов 1941–1945 гг.* Лос-Анджелес: б. и., 2021. С. 85, 89–90.

шим соотечественникам, что в деревне живут русские. Как только узнали о нашем существовании, сидеть за калиткой и молчать мне больше не было надобности [...] Мои родители меня очень убедительно попросили ни к кому не приставать с вопросами и расспросами и всегда говорить на безобидные темы. Я так и делала и получала огромное удовольствие просто болтать или гулять по деревне, со всех сторон слышать русскую речь. Этому никто не препятствовал, я бывала всюду, ко мне относились по-хорошему, но без особого интереса [...] Нужно заметить, что в Красной армии совершенно отсутствовала дисциплина. Поэтому поведение солдат всецело зависело от них самих. Приличные, которых было много, вели себя хорошо. Бесшабашные – значительный процент – напивались и тогда буянили, гонялись за бабами и воровали»²⁷.

Очень показательные и впечатления воевавших в рядах югославских партизан представителей русского зарубежья от встречи с бойцами Красной армии. Так, Георгий Алексеевич Локтионов рассказывал: «С Восьмой воеводинской бригадой я прошел тяжелый военный период, особенно страшно было на Сремском фронте. Там я впервые встретил русских солдат, храбрость, бесстрашие и мощь оружия которых восхитили меня»²⁸. Генерал-лейтенант Югославской армии, военный советник при Верховном штабе НОАЮ, завербованный в межвоенный период советской разведкой Федор Евдокимович Махин писал в дневнике за 1944 г., подцензурные фрагменты из которого были опубликованы в начале 1945 г. в газете «Красная звезда»²⁹: «С какой радостью мы приветствовали встретившуюся нам на пути советскую девушку-регулирующую [...] Вскоре мы вновь встретили колонну советских воинов – спокойных, деловитых, простых и бесстрашных людей, спасших свою страну и всю Европу от фашистской тирании»³⁰.

В ходе боевых действий или вскоре после их окончания между соотечественниками наладилось и разного рода сотрудничество. Представители русского зарубежья стали переводчиками при штабах³¹, но и бойцами Красной армии. Так, по данным советского посольства в Белграде, Варга Николай Петрович, 1925 г. рождения, с первого дня вступления Красной армии на территорию Югославии вступил в ее ряды и

27 Хапланова-Солодягина Е. Югославский аккорд. С. 90–93.

28 Руси у Црној Гори 2011: 123–124.

29 Ганин 2021: 21, 24, 27, 29.

30 Махин Ф. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 27 II: 3.

31 Ёхина 2014–2015: 184.

прослужил до октября 1945 г.³² Никита Ильич Толстой, который в конце сентября 1944 г. воевал в одном небольшом сербском партизанском отряде, с приходом одного советского батальона стал связным, переводчиком, бойцом. В 1995 г. он писал: «Там, в Венгрии, я уже был не нужен как переводчик и связной, но мне, русскому, не хотелось расставаться с русскими, и я попросился в дивизию добровольцем [...] В Красную армию я вступил добровольно в октябре 1944 г. До этого я был в сербских партизанах, и та территория Баната, где мне довелось встретиться с русскими, смело идущими на врага, была освобождена нами, вернее – оставлена основными силами вермахта до прихода частей 3-го Украинского фронта»³³.

Сотрудничество между солдатами двух армий русского происхождения приводило и к установлению контактов с семьями. Так, через советского полковника – главу советской военной миссии в Югославии – представитель русского зарубежья, полковник артиллерии Народно-освободительной армии Югославии Владимир Петрович Слободянинов в конце сентября 1944 г. отправил письмо когда-то проживавшим в Харькове сестрам, связь с которыми прервалась из-за начала войны. Спустя несколько месяцев тот же полковник вручил ему письмо от сестер с Урала³⁴.

Сохранились и рассказы о неожиданных встречах между представителями русского зарубежья и советскими солдатами. Так, интересный случай произошел в освобожденном городе Горни-Милановац (в центральной Сербии), когда в один из местных ресторанов вошли 3 советских солдата, сели за стол. За соседним столом уже сидел русский эмигрант, которого звали Иван. Один из гостей ресторана сказал: «Братья русские, мы имеем нашего русского». Между русским эмигрантом и советскими военными начался разговор. Тон дискуссии становился все более резким, один из красноармейцев начал говорить все громче, взял пистолет и направил его на эмигранта. Тот, расстегнув рубашку, сказал: «Стреляй, я солдат царя Николая». Советский солдат тогда опустил пистолет, Иван застегнул рубашку, и заказал ракии для себя и них. После того, как выпили несколько рюмок ракии, они все вместе начали плакать³⁵.

32 Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX века: Док. и материалы. В 10 т. Т. 10. Крах, 1939–1946 гг. Курск: Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженный Сил Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Служба внешней разведки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», 2017. С. 749.

33 Цит. по: Толстая 2015: 277–278.

34 Хорватский государственный архив. Ф. 1753. Личный фонд И. Очака. Оп. 15.

35 Капетановић 2013.

Не все оставшиеся в Югославии русские эмигранты разделяли радость прихода Красной армии. Та, другая, непросоветски настроенная часть испытывала иные чувства. Переживания и самочувствие русских в Болгарии, зафиксированные Борисом Слуцким в его вышеупомянутых записках, разделяли и их соотечественники в Югославии: «В Разграде (город в Болгарии. – М. Ж.) я разговаривал со стариком-врангелевцем, уважаемым во всем округе детским врачом. Удостоверившись в моей интеллигентности, он спросил: “Что вы будете с нами делать?” Этот вопрос белогвардейцы задавали очень часто. В те дни им отчетливо вспоминались все их грехи перед российскими рабочими и крестьянами – от казни Стеньки Разина до Русского охранного корпуса. Тряслись ограничившиеся нансеновскими паспортами. Дрожали гордецы, сохранившие императорские документы»³⁶. Вышеупомянутая Елена Пантелеймоновна Хапланова-Солодягина вспоминала: «Справедливо разбирая все это и принимая во внимание давность борьбы (ее отца. – М. Ж.) с красными и несовершеннолетний возраст, в котором она велась, – не следовало бояться. Беда была в том, что не только справедливости, а даже и того, что станут разбираться, не приходилось ожидать. Имея это в виду, да и вообще не желая встречаться с красными, мои родители хотели уехать в Германию. К сожалению, состояние мамино здоровья не позволило этого»³⁷.

Освобождение Югославии Красной армией и Народно-освободительной армией Югославии отозвалось большой радостью, но и новым горем для определенного числа представителей русского зарубежья³⁸: как только закончились боевые действия началась «фильтрация» оставшихся русских. Получив от представителей новой югославской власти списки проживавших в отдельном городе русских эмигрантов (которые содержали в том числе и информацию о профессии и поведении в годы оккупации), сравнив их с теми, которые у них имелись, органы советской контрразведки (СМЕРШ) стали вызывать русских на допрос, спрашивать о деятельности их соотечественников, арестовывать (некоторых расстреляли из-за сотрудничества с оккупантами). Причиной ареста могло стать участие либо в действовавших в межвоенный период антисоветских ор-

36 Слуцкий Б.А. О других и о себе. С. 133. По сведениям крупнейшего специалиста по истории русской эмиграции в Югославии, Алексея Борисовича Арсеньева, русские жители Белграда, которые остались в столице, ожидая прихода Красной армии сожгли документы из семейных архивов, фотографии в военной форме, прятали ордена и реликвии царского времени (Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 24).

37 Хапланова-Солодягина Е. Югославский аккорд. С. 84–85.

38 Živanović 2021: 77–98.

ганизациях, либо в коллаборационистских военных и полицейских формированиях в годы Второй мировой войны³⁹.

По данным начальника управления Смерша 3-го Украинского фронта на 28-е декабря 1944 г., за время боевых действий этого фронта в Югославии органы контрразведки выявили и через местные органы власти задержали 68 человек – «активных участников белоэмигрантских организаций, которые на протяжении длительного времени проводили контрреволюционную работу против Советского государства»⁴⁰. Среди них были: 41 член РОВС⁴¹ и его организаций, 9 членов «Национально-трудового союза нового поколения»⁴², 4 монархиста («кирилловцы» и др.)⁴³, 6 участников казачьих организаций, 1 член Союза Младороссов⁴⁴, 1 украинский контрреволюционный националист, 6 человек, не состоявших членами ни одной из организаций. Начальник утверждал, что это в основном были бывшие офицеры и генералы царской и армий генералов П.Н. Врангеля и А.И. Деникина, многие из которых были руководителями местных организаций РОВС и других эмигрантских формирований⁴⁵. Однако работа органов СМЕРШ на этом не закончилась. В своем спецсообщении начальник отметил, что «в процессе допроса задержанных белоэмигрантов выявлено значительное количество новых активных участников белогвардейских формирований, проводивших анти-

39 Тимофе́ев 2022.

40 Цит. по: Ямпольский 1995: 79.

41 Русский общевоинский союз был создан в 1924 г. генералом П.Н. Врангелем. Тогда в его состав были включены все офицерские общества, вступившие в армию; все сохранившиеся на тот момент воинские части и воинские трудовые группы в Болгарии, Королевстве СХС и других государствах; отдельные офицерские группы и даже отдельные солдаты. РОВС имел свои отделения на всех континентах. IV отдел действовал в Югославии, Греции и Румынии (Јовановић 2006).

42 Национально-трудовой союз нового поколения (Национальный союз нового поколения) – молодежная организация русских эмигрантов, целью которой было свержение власти большевиков или «национальная революция в России». Основной упор делали на идейную борьбу и пропаганду, высылали своих членов на территорию СССР (Климович 2013; Алексеев 2020: 150–160).

43 Кирилловцы – сторонники возведения на престол Великого Князя Кирилла Владимировича Романова (Јовановић 2006).

44 Союз Младороссов – молодежная организация русских эмигрантов, целью которой было установление «социальной монархии» и «союзной империи» в России. При том, что члены признавали отдельные экономические и социальные достижения советской власти. Во время Второй мировой войны значительное число членов участвовали в различных европейских движениях сопротивления (Јовановић 2006; Климович 2010).

45 Ямпольский 1995: 80.

советскую работу, в отношении которых проводятся меры проверки их конкретной деятельности против Советского государства»⁴⁶.

По сведениям крупнейшего специалиста по истории русской эмиграции в Югославии Алексея Борисовича Арсеньева, после освобождения г. Сомбора (на севере Сербии) все русские сотрудники Технического управления Канала короля Петра Первого были арестованы советскими органами. Их дальнейшая судьба осталась неизвестной⁴⁷. Несколько преподавателей 1-го Русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса в г. Белая-Церковь также были арестованы и потом отправлены в советские лагеря⁴⁸. По некоторым данным, когда Красная армия вошла в Белград, НКВД сразу арестовало по спискам чинов Русского общевойскового союза, а также членов Национально-трудового союза⁴⁹.

В югославской столице арестовали несколько крупных фигур. В октябре 1944 г. югославские партизаны схватили пытавшегося перебраться из Земуна (ныне – район Белграда) в Венгрию идеолога Национально-трудового союза, историка, практически не принимавшего в годы оккупации участия в деятельности этой организации Михаила Александровича Георгиевского и потом выдали сотрудникам Смерша, которые его отправили в Москву, где в 1950 г. после вынесения приговора он был расстрелян⁵⁰.

СМЕРШ арестовал генерала-майора Вячеслава Матвеевича Ткачева, отличившегося подвигами в Первой мировой войне и в воздушных боях в Крыму во время Гражданской войны, – начальника авиации при Верховном Главнокомандующем Русской армией, который в отличие от М.А. Георгиевского решил остаться в Югославии. В своих воспоминаниях, которые были опубликованы лишь в 2007 г., данное решение он объяснил следующим образом: «Приближение к Белграду советских войск вызвало панику среди русских эмигрантов, и несколько тысяч из них эвакуировались в Германию. Мне, как занимавшему педагогическую должность, было тоже предложено эвакуироваться вместе с русской мужской гимназией [...] В те дни я встретился со знакомым сербским подполковником Джуричем. – Как, неужели вы остаетесь? – воскликнул он неодобрительно. – Что вы делаете, генерал? Разве можно так рисковать?

46 Цит. по: Ямпольский 1995: 84.

47 Арсеьев 2011.

48 Арсеьев 2011.

49 Мордвинкин И.Б. Белогвардейцы: Автобиографическая повесть. Б. м.: Б. и., 2003. 314 с.

50 Арсеьев, Ордовский-Танаевский 2018: 156.

– Пусть лучше расстреляют свои, чем пользоваться рукой спасения, протянутой врагами русского народа и моей Родины, – ответил я ему»⁵¹. Однако, как сам В.М. Ткачев утверждал, следственные органы МГБ не поверили в искренность его побуждений. Он был арестован, и в итоге ему пришлось отбывать срок в лагерях⁵². По сведениям одного достоверного источника, в октябре 1944 г. Ткачев сам пришел в Смерш 3-го Украинского фронта, но его арестовали только в декабре и отправили в Москву⁵³.

Судьба еще одного отказавшегося эвакуироваться русского генерала стала печальной. 73-летнего генерала, начавшего в 1918 г. партизанскую войну в тылу 11-й Красной армии, командира Сводно-Закаспийской стрелковой дивизии⁵⁴ Бориса Ниловича Литвинова, отмечавшего, по сведениям его внука, в годы войны флажками на карте линию наступления Красной армии⁵⁵, и считавшего, что «приход красных будет временным; что они никого не тронут, так как прошлое забыто; что вслед за ними придут англичане и король Петр; что уезжать, дескать, надо тем, кто сотрудничал с немцами», – арестовал СМЕРШ и отправил в СССР, где он и умер⁵⁶. Вот как об этом вспоминал его внук Андрей Витальевич Тарасьев: «Его арестовали 17 июня 1945 года в Белграде [...] все было уничтожено или изъято при обыске. Мы про него долгое время ничего не знали. Лишь в начале 1947-го получили два треугольничка полевой почты – пронумерованные пятое и седьмое письма. И обратный адрес: Мордовская АССР, станция Потьма. Ни первого, ни восьмого письма мы так и не дождались. Потом узнал, что мой дед скончался 4 марта 1948 года. 9 марта похоронен в какой-то братской могиле. А 12 марта он приговорен еще к 10 годам лишения прав»⁵⁷.

С другой стороны, судьба полковника, инженера, окончившего в 1907 г. первым по списку Михайловскую артиллерийскую академию⁵⁸, имя которого было занесено на мраморную доску, установленную в холле

51 Ткачев В.М. Крылья России: воспоминания о прошлом русской военной авиации 1910–1917 гг. СПб: ГИЦ «Новое культурное пространство», 2007. С. 607; Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 269.

52 Арсеньев 1999.

53 Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018: 270.

54 Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 в шести томах. Том 4. Л–М. М.: Российская государственная библиотека, 2004. С. 177.

55 Родиться русским было мало. URL: <https://yarreg.ru/n3gyf/> (дата обращения: 19.07.2023).

56 Цит. по: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–45 гг. Сб. II / ред. Н.Н. Протопопов, И.Б. Иванов. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 280; Тимофеев 2010: 86.

57 Родиться русским было мало. URL: <https://yarreg.ru/n3gyf/> (дата обращения: 19.07.2023).

58 Военный архив. Собрание Югославской королевской армии. Оп. 1017. Д. 737.

здания этого училища⁵⁹, Дмитрия Дмитриевича Матвеева, отца основателя современной орнитологии Югославии и зоогеографии Балканского полуострова Сергея Дмитриевича Матвеева⁶⁰, до сих пор остается неизвестной. По словам его сына, Д.Д. Матвеева арестовали органы НКВД дома в Крагуеваце 5-го декабря 1944 г. Сергей Дмитриевич вспоминал, что после освобождения города всем русским жителям приказали явиться на регистрацию⁶¹. Пришедшие на регистрацию родители Матвеева рассказывали о себе: о том, где жили, чем занимались в России, Югославии. Биографией Дмитрия Дмитриевича очень заинтересовался советский капитан, который после рассказов полковника что-то записал в свой блокнот. Потом вечером к дому Матвеевых подъехал один советский солдат, сказав, что полковник должен поехать с ним: «Капитан хотел его что-то спросить». Вместе с Дмитрием Дмитриевичем НКВД забрал, по сведениям его сына, еще троих молодых русских жителей города. Сергей Дмитриевич Матвеев неоднократно пытался разыскать отца, однако безуспешно. С учетом того факта, что полковник Матвеев являлся хорошим специалистом, выполнявшим для югославского военного министерства определенные совершенно секретные задачи, а также человеком, который отказался сотрудничать с оккупационными властями⁶², Сергей Дмитриевич предполагал, что советское государство забрало его отца как одного из выдающихся специалистов для работы на отечество⁶³. Такого мнения придерживалась и супруга Дмитрия Дмитриевича, Надежда Яковлевна Матвеева, которая в 1945 г. в своей биографии отметила: «Знаю только, что муж мой, узнавши немцев за 4 года своего интернирования, всегда желал, в борьбе с врагом, еще принести пользу родине, как специалист по патронному делу»⁶⁴. К тому же, один из русских белградцев, который исчез приблизительно в то же время, спустя два года после того, как его арестовали, отправил письмо своей супруге: «Я живу хорошо, наверно лучше тебя. Работаю на отечество. Никогда больше не увидимся. Твой»⁶⁵.

59 Матвејев С.Д. Моја биографија: писана у наставцима између ратова: личности, догађаји и истините приче живота и природе. Крагујевац: Српско биолошко друштво «Стеван Јаковљевић», 2006. 282 с.

60 Шергалин 2022: 4867.

61 Архив Сербской академии наук и искусств (далее – АСАНИ). Ф. 14415. Оп. 30п. Д. 1ц.

62 По сведениям матери С.Д. Матвеева, немцы предлагали Д.Д. Матвееву «большие деньги, как человеку, знающему в совершенстве немецкий язык, а также французский и английский». В данный период полковник зарабатывал на жизнь давая частные уроки (АСАНИ. Ф. 14415. Оп. 30п. Д. 1ц).

63 Там же.

64 Там же.

65 Там же.

Освобождение Югославии Красной армией и Народно-освободительной армией Югославии в 1944–1945 гг. отозвалось большой радостью, но и новым горем для определенного числа представителей русского зарубежья: закончилась оккупация, началась мирная жизнь, но она сопровождалась в том числе и репрессиями в отношении русских жителей. Их проводили не только НКВД, СМЕРШ, но и югославские спецслужбы⁶⁶. Встреча представителей двух России – «Заграничной» и Советской – в Югославии в данный период отозвалась такими же чувствами: с одной стороны, она привела к сотрудничеству, помощи, содействию, совместной борьбе соотечественников против врага, с другой – к «филтрации», арестам.

Литература

1. Алексеев 2020 – Алексеев Д.Ю. Возникновение и становление Народно-Трудового Союза российских солидаристов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 150–160.
2. Арсеньев 1999 – Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная: очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М.: Русский путь, 1999. 253 с.
3. Арсеньев 2011 – Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 140–169.
4. Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018 – Арсеньев А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л. Гимназия в лицах: Первая русско-сербская гимназия в Белграде: (1920–1944). Кн. 1. Белград: Архив Сербской Православной Церкви: Центр российских и восточно-славянских исследований им. Мирослава Йовановича Философского факультета Белградского Университета; М.: Институт славяноведения Российской академии наук, 2018. 638 с.
5. Арсеньев 2011 – Арсеньев А. Самовари у равници: руска емиграција у Војводини. Нови Сад: Змај; Футог: Уметничка радионица Завештање, 2011. 291 с.
6. Бушуева 1972 – Бушуева Т.С. «Русские» роты и батальоны в Народно-освободительной армии Югославии // Советское славяноведение. 1972. № 3. С. 11–20.
7. Волокитина 2018 – Волокитина Т.В. «Записки о войне» Бориса Слуцкого как исторический источник // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. Сборник научных трудов. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 259–281.
8. Ганин 2021 – Ганин А.В. Генерал Ф.Е. Махин в годы Второй мировой войны в Югославии // Славяноведение. 2021. № 3. С. 20–35.
9. Ёхина 2014–2015 – Ёхина Н.А. «История русского Сопrotивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Вто-

66 Тимофеев 2019: 294–311.

- рой мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. № 4. С. 174–205.
10. Ёхина 2015 – Ёхина Н.А. «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: К истории Союза советских патриотов в Белграде // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Международная научная конференция. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2015. С. 203–237.
 11. Животич 2018 – Животич А. Югославско-советский конфликт и положение русской эмиграции в Югославии (1948–1953 годы) // Славяноведение. 2018. № 1. С. 30–42.
 12. Јовановић 1996 – Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919—1924. Београд: Стубови културе, 1996. 386 с.
 13. Јовановић 2006 — Јовановић М. Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд: Чигоја, 2006. 559 с.
 14. Капетановић 2013 – Капетановић М. Милановачки Руси. Горњи Милановац: Друштво српско руског пријатељства «Таково», 2013. 221 с.
 15. Климович 2010 – Климович Л.В. Идеология и деятельность молодежных организаций русского зарубежья в 1920-е – начале 1940-х гг.: на материалах Союза Младороссов и Национального Союза Нового Поколения, диссертация на соискание степени кандидата исторических наук, Саратовский государственный технический университет, 2010. 197 с. (рукопись)
 16. Климович 2013 – Климович Л.В. Народно-трудовой союз российских солидаристов: ранние страницы истории // Неприкосновенный запас. 2013. С. 139–156.
 17. Косик 2000 – Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2000. 287 с.
 18. Литвињенко 2007 – Литвињенко С. Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд: Српско лекарско друштво, 2007. 197 с.
 19. Павлов 1994 – Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде-Зренянине). Зренянин: Народный музей: Общество сербско-русской дружбы, 1994. 104 с.
 20. Российские врачи 2012 – Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946). Белград: Архив Югославии; М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. 453 с.
 21. Руси у Црној Гори 2011 – Руси у Црној Гори: руска емиграција у Црној Гори након Октобарске револуције и грађанског рата / З. Локтионов. Бијело Поље: Цар Николај; Пегаз, 2011. 132 с.
 22. Семиряга 1970 – Семиряга М.И. Советские люди в европейском сопротивлении. М.: Издательство «Наука», 1970. 352 с.
 23. Сорокина 2017 – Сорокина М.Ю. И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): К истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. № 7. С. 114–128.

24. Тимофеев 2010 – *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М.: Вече, 2010. 399 с.
25. Тимофеев 2012 – *Тимофеев А.Ю.* Деятельность ‘Союза советских патриотов’ в Сербии в период Второй мировой войны // *Славянский альманах.* 2012. № 1. С. 241–257.
26. Тимофеев 2019 – *Тимофеев А.Ю.* Сломанные судьбы. 1948–1953 гг. Репрессии первого послевоенного десятилетия против русской эмиграции в Югославии (по материалам Управления государственной безопасности) // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына.* 2019. С. 294–311.
27. Тимофејев 2011 – *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд: Институт за новију историју Србије, 2011. 464 с.
28. Тимофејев 2022 – *Тимофејев А.* Нестајање руске емиграције у Југославији: 1941–1954. Београд: Институт за новију историју Србије, 2022. 425 с.
29. Толстая 2015 – *Толстая С.М.* Никита Ильич Толстой (1923–1996) – гимназист – солдат – академик // *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция.* М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2015. С. 272–304.
30. Шергалин 2022 – *Шергалин Е.Э.* Сергей Дмитриевич Матвеев (1913–2003) – основатель современной орнитологии Югославии и зоогеографии Балканского полуострова // *Русский орнитологический журнал.* 2022. № 31. С. 4865–4875.
31. Ямпольский 1995 – *Ямпольский В.П.* Черные дела «белого движения» // *Военно-исторический журнал.* 1995. № 5. С. 79–84.
32. Terzić 1983 – *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. Uzroci i posledice poraza. Т. 2. Београд: Narodna knjiga; Ljubljana; Београд: Partizanska knjiga; Титоград: Pobjeda, 1983. 963 с.
33. Živanović 2021 – *Živanović M.* Sudbina nasleđa ruske emigracije u Jugoslaviji 1944–1945. // *Istorija 20. veka.* 2021. № 1. S. 77–98.

Reference

1. Alekseev, D.Yu., 2020. Vozniknovenie i stanovlenie Narodno-Trudovogo Soiuza rossiiskikh solidaristov [The emergence and formation of the People’s Labor Union of the Russian solidarists]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia*, 1, pp. 150–160. (in Rus.)
2. Arsen’ev, A.B., 1999. *U izluchiny Dunaia: ocherki zhizni i deiatel'nosti russkikh v Novom Sadu* [At the Danube bend: Essays on the life and activities of Russians in Novi Sad]. Moscow: Russkii put', 253 p. (in Rus.)
3. Arsen’ev, A.B., 2011. *Ruskaia emigratsiia v Bosnii i Gertsegovine (1919—1990-e gg.)* [Russian emigration in Bosnia and Hercegovina (1919—1990s)]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna 2011*, pp. 140–169. (in Rus.)

4. Arsen'ev, A.B., Ordovskii-Tanaevskii, M.L., 2018. *Gimnaziia v litsakh. Pervaia rusko-serbskaia gimnaziia v Belgrade (1920–1944). Kn. 1* [Gymnasium in facies. First Russian-Serbian Gymnasium in Belgrade (1920–1944)]. Belgrad: Arhiv Serbskoj Pravoslavnoj Tserkvi: Tsentr rossiiskikh i vostochno-slavianiskikh issledovaniĭ im. Miroslava Iovanovicha Filosofskogo fakul'teta Belgradskogo Universiteta; Moscow: Institut slavianovedeniia Rossiiskoi akademii nauk, 638 p. (in Rus.)
5. Arsenjev, A., 2011. *Samovari u ravnici: ruska emigracija u Vojvodini* [Samovars in the plain. Russian emigration in Vojvodina]. Novi Sad: Zmaj; Futog: Umetnička radionica Zaveštanje, 291 p. (in Serb.)
6. Bushueva, T.S., 1972. 'Russkie' roty i batal'ony v Narodno-osvoboditel'noi armii Iŭgoslavii ['Russian' companies and battalions in the People's Liberation Army of Yugoslavia]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 3. pp. 11–20. (in Rus.)
7. Ganin, A.V., 2021. General F.E. Makhin v gody Vtoroi mirovoi voĭny v Iŭgoslavii [General F.E. Makhin during World War II in Yugoslavia]. *Slavianovedenie*, 3, pp. 20–35. (in Rus.)
8. Ėkhina, N.A., 2014–2015. 'Istoriia russkogo Soprotivleniia... eshche ne napisana' K istorii Soiŭza sovetskikh patriotov v Iŭgoslavii v gody Vtoroi mirovoi voĭny ["The History of the Russian Resistance... Has Not Still Written": The History of the Soviet Patriots Union in Yugoslavia During World War II]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna 2014–2015*, pp. 174–205. (in Rus.)
9. Ėkhina, N.A., 2015. 'Na ch'eĭ storone ty budesh', kogda razrazitsia voĭna': K istorii Soiŭza sovetskikh patriotov v Belgrade [“Whose Side Will You Take When the War Begins”: Toward the History of the Soviet Patriots Union in Belgrade]. In: *Rossiiskaia ėmigratsiia v bor'be s fashizmom. Mehdunarodnaia nauchnaia konferentsiia*. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, pp. 203–237. (in Rus.)
10. Jovanović, M., 1996. *Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevinu SHS 1919–1924*. [The Immigration of Refugees into the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1919–1924]. Beograd: Stubovi kulture, 386 p. (In Serb.)
11. Jovanović, M., 2006. *Ruska emigracija na Balkanu (1920–1940)* [Russian emigration in the Balkans (1920–1940)]. Beograd: Ćigolja, 559 p. (In Serb.)
12. Kapetanović, M., 2013. *Milanovački Rusi* [Russians in Milanovac]. Gornji Milanovac: Društvo srpsko ruskog prijateljstva «Takovo», 221 p. (in Serb.)
13. Klimovich, L.V., 2010. *Ideologĭia i deiatel'nost' molodezhnykh organizatsiĭ za rubezhom v 1920-kh – nachale 1940-kh gg.: na materialakh Soiŭza molodezhi i Natsional'nogo soiŭza novogo pokoleniia, dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Ideology and activities of youth organizations abroad in the 1920s – early 1940s: based on the materials of the Youth Union and the National Union of the New Generation, dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Saratov, 197 p. (manuscript) (in Rus.)

14. Klimovich, L.V., 2013. Narodno-trudovoi soiuz rossiiskikh solidaristov: rannie straniŭsy istorii [People's Labor Union of the Russian Solidarists: early pages of history]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2013, pp. 139–156. (in Rus.)
15. Kosik, V.I., 2000. *Russkaia Tserkov' v Ugoslavii (20–40-e gg. XX veka)* [Russian church in Yugoslavia (1920s–1940s)]. Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii bogoslovskii institut, 287 p. (in Rus.)
16. Litvinjenko, S., 2007. *Ruski lekari u Srbiji i Crnoj Gori* [Russian doctors in Serbia and Montenegro]. Beograd: Srpsko lekarsko društvo, 197 p. (in Serb.)
17. Loktionov, Z., ed., 2011. *Rusi u Crnoj Gori: ruska emigracija u Crnoj Gori nakon Oktobarske revolucije i građanskog rata* [Russians in Montenegro: Post-Revolutionary and Post-Civil War Russian emigration in Montenegro]. Bijelo Polje: Car Nikolaj; Pegaz, 132 p. (in Serb.)
18. Pavlov, B.L., 1994. *Russkaia koloniia v Velikom Bechkerek (Petrovgrade-Zrenianine)* [Russian colony in Veliki-Bechkerek (Petrovgrad-Zrenjanin)]. Zrenianin: Narodnyi muzei: Obshchestvo serbsko-russkoï družby, 104 p. (in Rus.)
19. *Rossiiskie vrachi v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev / Ugoslavii: Biograficheski slovar' i ankety (1918–1946)* [Russian doctors in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia: biographical dictionary and questionnaires]. Belgrade: Arhiv Ugoslavii; Moscow: Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 453 p. (in Rus.)
20. Semiraga, M.I., 1970. *Sovetskie liudi v evropeiskom soprotivlenii* [Soviet people in the European Resistance movement]. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka", 352 p. (in Rus.)
21. Shergalin, E.È., 2022. Sergeï Dmitrievich Matveev (1913–2003) – osnovatel' sovremennoi ornitologii Ugoslavii i zoogeografii Balkanskogo poluostrova [Sergey Dmitrievich Matveev (1913–2003) – founder of the Yugoslav modern ornithology and zoogeography of the Balkan peninsula]. *Russkii ornitologicheskii zhurnal*, 31, pp. 4865–4875. (in Rus.)
22. Sorokina, M.Yu., 2017. I.N. Golenishchev-Kutuzov (1904–1969): K istorii vozvrashcheniia v SSSR [Iliia Golenishchev-Kutuzov (1904–1969): Back to the USSR]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna 2017*. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, pp. 114–128. (in Rus.)
23. Terzić, V., 1983. *Slom Kraljevine Jugoslavije 1941. Uzroci i posledice poraza. T. 2.* [The collapse of the Kingdom of Yugoslavia in 1941. Causes and consequences of the defeat]. Beograd: Narodna knjiga; Ljubljana; Beograd: Partizanska knjiga; Titograd: Pobjeda, 963 p. (in Serb.)
24. Timofeev, A.Ī., 2010. *Russkii faktor. Vtoraiia mirovaia voina v Ugoslavii. 1941–1945.* [Russian factor. Second World War in Yugoslavia, 1941–1945]. Moscow: Veche, 399 p. (in Rus.)
25. Timofeev, A.Ī., 2012. Deiatel'nost' 'Soiuza sovetских patriotov' v Serbii v period Vtoroi mirovoi voiny [Activities of the "Union of the Soviet Patriots" in Serbia during the World War II]. *Slavianskii al'manakh*, 1, pp. 241–257. (in Rus.)

26. Timofeev, A.Ī., 2019. Slomannye sud'by. 1948–1953 gg. Repressii pervogo poslevoennogo desiatiletiā protiv russkoĭ ěmigratsii v ĪUgoslavii (po materialam Upravleniā gosudarstvennoĭ bezopasnosti) [Broken Fates. 1948–1953. Repression against Russian Emigration in Yugoslavia during the First Post-War Decade (by Materials of Public Safety Management)]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*, 2019, pp. 294–311. (in Rus.)
27. Timofejev, A., 2011. *Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: Uticaj SSSR-a i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941–1945*. [Russians and the Second World War in Yugoslavia: The influence of the USSR and Russian emigrants on events in Yugoslavia, 1941–1945]. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 464 p. (in Serb.)
28. Timofejev, A., 2022. *Nestajanje ruske emigracije u Jugoslaviji: 1941–1954* [Disappearance of the Russian emigration in Yugoslavia, 1941–1954]. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 425 p. (in Serb.)
29. Tolstaĭa, S.M., 2015. Nikita Il'ich Tolstoĭ (1923–1996) – gimnazist – soldat – akademik [Nikita Il'ich Tolstoĭ (1923–1996) – high school student – soldier – academic]. In: *Rossiiskaĭa ěmigratsiia v bor'be s fashizmom: Mezdunarodnaĭa nauchnaĭa konferentsiia*. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna, pp. 272–304. (in Rus.)
30. Volokitina, T.V., 2018. «Zapiski o voĭne» Borisa Slut'skogo kak istoricheskiĭ istochnik [Boris Slutsky's "Notes on the War" as a historical source]. In: *Dokument i "dokumental'noe" v slavianskikh kul'turakh: mezhdu podlinnym i mnimym. Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 259–281. (in Rus.)
31. Īampol'skiĭ, V.P., 1995. Chernye dela "belogo dvizheniā" [Black deeds of the "White movement"]. *Voенно-istoricheskiĭ zhurnal*, 5, pp. 79–84. (in Rus.)
32. Źivanović, M., 2021. Sudbina nasleđa ruske emigracije u Jugoslaviji 1944–1945. [Fate of the heritage of the Russian emigration in Yugoslavia, 1944–1945]. *Istorija 20. veka*, 1. pp. 77–98. (in Serb.)
33. Zhivotich, A., 2018. ĪUgoslavsko-sovetskiĭ konflikt i polozenie russkoĭ ěmigratsii v ĪUgoslavii (1948–1953 gody) [The Yugoslav-Soviet conflict and the position of the Russian emigration in Yugoslavia (1948–1953)]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 30–42. (in Rus.)

Milana Živanović

D.Sc. (History), Research Associate, Institute for Recent History of Serbia,
Belgrade, Republic of Serbia. 11000, Trg Nikole Pašića, 11.
milana.zivanovic@yahoo.com

Encounter between compatriots: Soviet Russia and Russia abroad in Yugoslavia in 1944

Based on memoirs, diaries, notes, as well as other literature in Serbian and Russian, the article examines the encounter between representatives of the Russian diaspora and their compatriots – Soviet officers and soldiers in Yugoslavia – in the autumn of 1944 upon the arrival of the Red Army in this country. Firstly, the paper examines how the Russian emigrants have perceived the Soviet soldiers, and secondly, it studies how the Red Army fighters, as well as the NKVD and SMERSH, treated their compatriots, who had left their common homeland as a result of the 1917 revolutionary events and the Russian Civil War. On the one hand, the NKVD and SMERSH interrogated, arrested, and sent Russian emigrants to the USSR, where some of them were shot. On the other hand, Russian diaspora representatives provided help to the Soviet soldiers and fought together against the Germans, since upon the arrival of the Red Army in the Yugoslav territories, a certain number of anti-fascist Russian émigrés joined its ranks. The paper is based on memoirs written by Russian emigrants of different profiles and with varying views: professors, clergymen and Yugoslav and Red Army fighters. Despite all the disadvantages of memoirs as a historical source, the analysis of which must take into account the context, their time of origin, ideological and political views, as well as possible motives of the authors, it allows to obtain a general picture of how Soviet military personnel was perceived by their compatriots, who at the time of the encounter had been living in another state for more than 20 years.

Keywords: Russian emigration, Red Army, Yugoslavia, USSR, compatriots, 1944

Алексей Юрьевич Тимофеев

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт новейшей истории Сербии, Белград, Сербия. 11000, Београд, Трг Николе Пашића, 11/4.
atimofej@f.bg.ac.rs

Последние годы русской эмиграции в Югославии 1941–1954 гг. – исторический опыт

Статья посвящена эволюции русского сообщества в Югославии, превратившегося после окончания Второй мировой войны в непризнанное национальное меньшинство. На общегославском уровне эта группа была статистически незначительной. На уровне Воеводины и Белграда демографическая видимость была несколько более значительной. В 1948 г. в ФНРЮ насчитывалось 20069 русских, а в 1953 г. осталось 12426. «Чистка» Югославии от русской эмиграции в 1948–1953 гг. происходила в рамках сложной процедуры, предполагавшей ряд мер: регистрация и учет - централизованное увольнение самых социально активных - депортация/арест при задержке выезда из страны или по сфабрикованным причинам. Высылка из страны сопровождалась разграблением имущества и сбережений эмигрантов, вынужденных спустя три десятилетия покинуть Югославию в том же состоянии, в котором и прибыли. Самой болезненной была потеря не чемодана и денег, а личных фотографий, писем и дневниковых записей. Нанесенные гонениям 1948–1953 гг. психологические травмы следовали за членом семей эмигрантов всю жизнь - вплоть до начала XXI в.

Ключевые слова: русская эмиграция, резолюция ИБ, политические репрессии, депортация

Русская эмиграция в Югославии представляет из себя уникальное «важное и яркое социально-демографическое явление... и ключевое общественное формирование, структуру, в отношении которой принимались важнейшие решения... Мы рассматриваем историю русской эмиграции на Балканах как историю объединения и историю внутренней жизни этой группы (структуры), ее взаимодействия с окружающей

средой – что также придает ей структурное измерение»¹. Русские беженцы приезжали в Белград по одному или группами с декабря 1918 г., единицы прибывали и ранее в составе сербской армии, освободившей Белград. Некоторые оказались на территории будущего Королевства СХС до окончания войны – заключенными в австрийских лагерях.

Последней официальной русской организацией, окончательно упраздненной в Югославии в 1947 г., был югославский «Земгор», который практически прекратил работу еще под немецкой оккупацией, но формально утратил свой статус лишь после войны². До начала 50-х годов продолжали свою деятельность русские дома престарелых, но затем были распущены с переводом их обитателей в смешанные учреждения³. Таким образом, после Второй мировой войны русская эмиграция утратила свою цельность, превратившись в непризнанное национальное меньшинство.

Количество русского населения в стране сократилось после Второй мировой войны – из-за военных потерь и оттока эмигрантов-антикоммунистов в начале осени 1944 г. В переписи 1937 г. 27150 русских придерживалось эмигрантского статуса⁴, в то время как в переписи русских от 1940 г. (которая проводилась независимо от гражданства и подданства), в Югославии было зафиксировано 31500 человек⁵. На общегославском уровне эта цифра была незначительна для общей статистики. Даже на уровне Воеводины и Белграда (где было сосредоточено наибольшее количество русских эмигрантов) демографическая видимость едва превышала нижний статистический порог. Между тем, в сравнении с любым другим меньшинством, русские всё же были заметны – даже на уровне Белграда начала четвертого десятилетия XX века. В июне 1941 г. Специальная полиция провела перепись иностранцев и отчиталась перед административным отделом Управления города Белграда – доложила о проживании в городе 9523 евреев (с детьми), 3044 цыган (взрослых и детей)⁶ и 7020 русских (старше 16 лет)⁷. Минимальное количество детей русских иммигрантов можно подсчитать по зафиксированным в Белграде 1941/1942 гг. русским ученикам сербско-русской гимназии (386 человек) и ученикам русской начальной школы (308 человек). При

1 Јовановић 2006: 11-29.

2 ИАБ. Ф. Конфискација. Д. 2415.

3 Живанович 2016: 110-130.

4 Јовановић 1996: 156, 163–186.

5 „Русские“. *Новый путь*. № 8. 1942. С. 3.

6 ИАБ. УГБ. СП. 1941. 589/1-IV. 10. јула 1941.

7 ИАБ. УГБ. СП. 1941. 589/1-III. 26. јуна 1941.

этом, конечно, стоит помнить, что часть детей могла числиться и в других учебных заведениях⁸.

Демографическую картину русского меньшинства в Белграде, Сербии и Югославии во второй половине 1948 г. возможно представить на основе данных переписи населения. Некоторые данные приводит статистический бюллетень за 1950 г., в котором опубликованы результаты переписи населения от 15 марта 1948 г. ФНРЮ: 20065 (10984 мужчины и 9081 женщина), из них в Сербии – 13326, а в Воеводине – 4984⁹. В публикации 1954 года данные по русскому населению указаны со ссылкой на ту же перепись 1948 года, однако цифра несколько больше – 20069 человек¹⁰.

По результатам переписи 1953 г., опубликованной в 1959 г., численность русских в Югославии оценивалась уже в 12426 человек (6792 мужчин и 5634 женщины), из них 7289 – в Сербии, 2699¹¹ – в Воеводине. Если сравнивать эту статистику с результатами переписи 1948 г., число русских в Югославии уменьшилось на 38%, в Сербии – на 45%, в Воеводине – на 46%¹². Такое резкое сокращение численности русского меньшинства Сербии (в первую очередь Белграда) и Воеводины стало результатом курса на изгнание наиболее молодых и социально активных членов русского сообщества, в основном проживавшего в Белграде и Нови-Саде. С другой стороны, часть россиян, не желавшая покидать свою вторую родину (а молодое поколение, родившееся на Балканах, уже считало их первой родиной), избрала стратегию отступления в более мелкие города, где давление политической власти было меньше (там, из-за нехватки профессиональных кадров было возможным трудоустройство даже «подозрительных лиц»).

Конфликт между Сталиным и Тито, кульминацией которого стала резолюция Информбюро 1948 г., имел множество результатов. Помимо политического разделения двух стран и ряда других прямых последствий, речь теперь также шла и о смене курса пропаганды. В Советском Союзе он выражался в порицании «фашистской клики Тито» и обвинении руководства КПЮ в «предательстве социалистического лагеря» в

8 ГАРФ. Управление делами русской эмиграции в Сербии. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 68. Л. 17.

9 Статистички билтен: становништво. Београд: Савезни статистички уред. 1950. 3. 16. 17. 22.

10 Статистички годишњак ФНРЈ 1954. Београд: Савезни завод за статистику и евиденцију. 1954. С. 60.

11 Попис становништва 1953. Књига 1. Витална и етничка обележја: коначни резултати за ФНРЈ и народне републике, Београд: Савезни завод за статистику. 1959. С. 51, 55.

12 Палибрк-Сукић 2020: 220.

разгар «конфликта холодной войны СССР – США». При этом отсутствовали любые прямые антисербские заявления (или заявления, направленные против других народов Югославии). Наиболее яркой иллюстрацией таких обвинений стал знаменитый антититоистский роман О. Мальцева «Югославская трагедия», который, несмотря на все богатство обвинений в адрес югославского руководства (фиктивное сотрудничество с английской и американской разведкой, предполагаемый сговор с гестапо и даже немислимый секретный договор с Ватиканом) по-прежнему не имел антиэтнических выпадов, с симпатией отзывался о сербах и других югославских народах¹³. Югославское руководство находилось в гораздо более сложной ситуации, поэтому его пропаганда носила не только антисталинистский и антисоветский, но и несомненно резко русофобный характер¹⁴.

Показательны были статьи в бюллетене ЮНА за 1951–1953 гг., которые вносят чрезвычайно полезный вклад в исследование взаимного восприятия того периода. Это время работы кампании по созданию максимально негативного образа русских среди югославских народов. В «Народной армии» были опубликованы статьи, в которых подчеркивались «типичные» негативные черты русского народа: «антисемитизм»,¹⁵ «жестокость», «чревоугодие» и «алкоголизм»¹⁶. В исторической ретроспективе критически изображалась и роль России в прошлом балканских народов – осада Дубровника в 1807 году изображалась грабительской экспедицией «буйных и пьяных солдат» (в которой участвовали русские матросы императорского адмирала Д. Сенявина, Петр I Петрович Негош и сербские жители Боки)¹⁷, Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – завоевательным походом («освобождение» Болгарии)¹⁸, деятельность русских добровольцев в Первой сербско-турецкой войне 1876 г. изображалась авантюрой, насилием и провокацией алкоголиков и утопистов¹⁹, знаменитый русский полководец А. Суворов – палачом и завоевателем²⁰. Чтобы психологически подготовиться к сближению с новыми партнерами²¹ и объяснить историческую неизбежность раскола с Москвой, авторы даже публиковали заметки С. Герберштейна – австрийского диплома-

13 Мальцев О. Югославская трагедия. М.: Воениздат, 1951. 440 с.

14 Тимофеев 2018.

15 Народна армија. 1953. 6 II; Народна армија. 1953. 22 I; Народна армија. 1953. 26 II.

16 Народна армија. 1951. 8 VIII; Народна армија. 1952. 18 IX.

17 Народна армија. 1951. 29 X.

18 Народна армија. 1951. 6 IX.

19 Народна армија. 1951. 10 XII; Народна армија. 1952. 12 III.

20 Народна армија. 1952. 1 I.

21 Народна армија. 1953. 23 IV.

та словенского происхождения, составившего отчет о жизни варварских «москвитов²²».

Этот перелом в отношениях был очень ярко описан в мемуарах профессора Андрея Митровича:

«Летом 1947 г. ученик мог выделиться, заявив на одном их пионерских кружков, что русские пришли на помощь сербам с армией в 1809-1811 гг. И похвалы были щедры. В июне же 1948 г. тот же ученик начальной школы мог бы указать на ту же информацию – и руководство бы только переглянулось. Спустя еще несколько лет бывшему студенту такое могло бы только показаться». ²³

Вымирание местной русской эмиграции происходило в атмосфере страха и замалчивания:

«...безусловно, большая часть этих особенных сограждан – наших учителей – собралась и уехала как-то совершенно внезапно, где-то в начале 50-х гг. Говорили: “Они съехали”, вполголоса добавляли: “Их выселили”, и шептали: “Их выгнали”»²⁴.

«Чистка» Югославии от русской эмиграции в 1948-1953 гг. развивалась по разработанной схеме, действовавшей через определенные меры: регистрацию и учет – централизованное увольнение подозрительных (де-факто просто социально активных) лиц – уведомление о высылке – арест. Помимо арестов по надуманным мотивам (поддержка ИБ была не единственным обвинением, по которому в тот период по политическим причинам могли арестовать инакомыслящих – возможны были также обвинения во вредительстве, шпионаже, предполагаемых нарушениях трудовой дисциплины и фиктивных хищениях), часть эмигрантов была арестована в связи с задержкой выезда из страны в нарушение условий высылки. Высылка дополнялась почти неизбежным разграблением небольшого количества движимого имущества и сбережений эмигрантов, вынужденных спустя три десятилетия покинуть Югославию в том же состоянии, в котором и прибыли. Самой болезненной была потеря не чемодана и денег, а личных фотографий, писем и дневниковых записей, которые приходилось передавать оставшимся в стране друзьям в надежде, что когда-нибудь до них снова можно будет добраться²⁵.

Начало «мер» против русских в Югославии, вне зависимости от их гражданства, было положено в ФНРЮ еще до постановления 1948

22 Народна армија. 1951. 28 П.

23 Митровић 1996: 97.

24 Митровић 1996: 93.

25 Спекторский Е. Воспоминания. Рязань: Чеховский Печатный Двор, 2020. 655 с.

г. Подготовка к процедуре отразилась на регистрации и переписи эмигрантов. В фонде БИА в ДАС мы находим часть корреспонденции республиканского УДБ, посвященную этому вопросу в Югославии. У нас нет данных о том, какие акты федерального уровня инициировали эти действия, но мы видим их отражение на республиканском уровне уже с начала 1948 г. Так акт №. 219 УДБ Народной Республики Сербии от 26 января 1948 г. запросил данные о белогвардейцах, находящихся на территории страны, независимо от наличия у них гражданства²⁶. В сопроводительном письме от 30 января 1948 г. ОДБ Республики Сербии просило подчиненных отделения собрать «данные о белогвардейцах». Этот приказ имел подробное пояснение:

«Известно, что белогвардейцы расселены по всей Югославии, и что они работают во всех органах власти. По результатам предыдущих работ нам не удавалось контролировать их как общность, так как они наняты отдельными институтами, и до сих пор им не уделялось достаточного внимания как врагам – элементу враждебному по идеологическим убеждениям, настроенному враждебно и готовому связаться с врагами и шпионами в борьбе с передовыми силами. Предыдущая работа, если и проводилась, то была более линейной, и получить реальную картину вражеской деятельности не удалось. Из-за их вредительской деятельности сейчас прежде всего необходимо заняться интеллигенцией – в порядке, указанном ниже (их данные), и обратить особое внимание на лиц, собирающих вокруг себя сообщества, а также на тех, кто вел себя враждебно во время войны. По остальным белогвардейцам прислать краткие описания с указанием места работы, должности и краткой политической характеристики (англофилы, антикоммунисты и т. д.)».

По выдающимся кадрам (врачам, священникам, профессорам, инженерам) данные должны были быть наиболее подробными. Также авторы приказа рекомендовали обратить внимание на лиц, «вокруг которых собираются белогвардейцы», требовалось выяснить причины сбора и списки собирающихся. Каждый оперуполномоченный УДБ должен был подготовить материалы с данными по каждому русскому на территории подведомственного участка. После этого сводные отчеты о русских и данные об отдельных личностях передавались руководству²⁷.

Уже с весны 1948 г. к русским стали относиться по-разному в зависимости от их статуса (что было отходом от прежней ситуации времен королевства, когда полицейские власти относились ко всем из них

26 Државни архив Србије (ДАС). Ф. БИА. III-42. Ф. IV.

27 ДАС. Ф. БИА. I-248. Ф. I. Л. 58.

как к гражданам Югославии). Еще в 1947 г. всем гражданам СССР и эмигрантам без гражданства было рекомендовано подать заявления в советское посольство для получения разрешения на дальнейшее проживание в Югославии, что сделали не все из них, почувствовав некий подвох. С 1948 г. все советские граждане и лица без гражданства должны были заявлять свое передвижение с места пребывания в другие места через местный отдел внутренних дел. Там им выдавалось разрешение на передвижение из места пребывания в другую точку, а вся информация об их приезде передавалась местному оперуполномоченному УДБ и в надлежащие органы места поездки. Таким образом, «отношения советских граждан с собственным посольством стали сугубо официальными, и даже о своем выезде в посольство они предварительно сообщали югославским властям, у которых каждый раз приходилось получать разрешение на выезд и возвращение»²⁸. В конце 1948 г. были составлены специальные списки примечательных для спецслужб русских по республикам. Республиканский список НР Сербии, где русских было больше всего, представлял из себя две плотно напечатанные книги общим объемом 650 страниц и насчитывал 4269 человек (почти половина всех взрослых русских, проживающих в республике) с адресом, местом работы и краткой информацией о каждом человеке в списке²⁹. В начале 1949 г. данные о русских были запрошены повторно. Акт № 50а УДБ НР Сербии от 12 апреля 1949 г. выражал это требование, а депеша № 94-я УДБ НР Сербии от 30 августа 1949 г. запросила также данные и о расстрелянных, либо сбежавших белогвардейцах (информация была необходима для работы с их родственниками)³⁰. В середине 1949 г. местные органы УДБ получили новое задание — составить отчет о русской эмиграции на своей территории, на этот раз с исчерпывающей историей с момента прибытия в страну³¹.

Поскольку высылка эмигрантов могла вызвать излишнее внимание общественности, негативную реакцию со стороны отдельных лиц или, возможно, даже ноту из СССР, югославские власти стремились заставить россиян покинуть страну добровольно. Даже приобретение гражданства ФНРЮ в период до 1949 г. не могло быть достаточной гарантией безопасности и защищенности. Югославские власти могли изменить свое мнение в отношении тех русских, которые ранее получили гражданство ФНРЮ, и чья высылка могла бы показаться сложной с юриди-

28 ДАС. Ф. БИА. V-59. Ф. I. Л. 10.

29 ДАС. Ф. БИА. III-45. Список Руса-белоемигранта.

30 ДАС. Ф. БИА. III-42. Ф. IV.

31 ДАС. Ф. БИА. I-29. Ф. I. Л. 1.

ческой точки зрения. С этой целью в течение 1949–1950 гг. в крупных городах были сформированы списки русских граждан ФНРЮ. Уволенные могли искать работу в других, более отдаленных частях страны или покинуть страну. Сохранилось и несколько списков российских мужчин и женщин, граждан Союзной Республики Югославии, подлежащих увольнению по сфабрикованным причинам и с их указанием. В список вносились имя, фамилия и год рождения лица без разъяснения вины или, в очень редких случаях, с кратким изложением подозрений. В одном из типичных таких списков в Нови-Саде указано 39 человек – представителей среднего класса по следующим профессиям: учитель, профессор, проектировщик, юрист, телеграфист, строитель, клерк, книжный референт, чиновник, казначей, инженер, железнодорожник, агроном, бухгалтер. Это 10 женщин и 29 мужчин, чьи резюме на госслужбе были проштампованы с формулировкой «найти в лице ошибки и уволить со службы», «уволить со службы с обнаружением любых ошибок кадровиком», «увольнять со службы через Районный отдел народного образования»³².

Помимо увольнений, атмосферу запугиваний в отношении русских должны были нагнетать отдельные аресты, начавшиеся летом 1948 г. Поначалу они проводились тайно, с запретом разглашения причин ареста среди родственников или окружения³³. С 1949 г. отношение к русским – бывшим эмигрантам с советским и югославским гражданством – стало стремительно радикализироваться, отношение к последним было особенно суровым, откровенно резким и напоминало скорее обращение с «подозрительными лицами» Югославии, чем с рядовыми гражданами. Такие люди могли подвергаться избиениям, преследованиям и арестам с целью устрашения масс. «Любой, кто был русским, считался врагом государства... После этого начались систематические гонения и запугивания. Мама с папой с тех пор долгое время жили в постоянном страхе и напряженном ожидании. УДБ часто назначало папе встречи в разных местах в разное время. Чаще всего глубокой ночью на кладбище. На эти встречи он всегда шел в полном смятении, не зная, вернется ли вообще со встречи домой. Мама с ума сходила, дожидаясь его возвращения...», но и сама подверглась издевательствам и унижениям со стороны партийных активистов³⁴. Нанесенные преследованиями 1948–1953 гг. психологические травмы преследовали членов семей эмигрантов всю жизнь – вплоть до начала XXI века. Йован Чарторижский (р. 1950) «рассказывал о том, как

32 ДАС. Ф. БИА. I-254. Ф. II. Л. 29-30.

33 Соколов 2005. URL: <https://www.svoboda.org/a/126991.html> (07. 03. 2022).

34 Афанасьев 2007: 557, 558, 575.

в их семье было запрещено говорить о трагедии, постигшей семью Чарторижских. Причиной запрета были болезненные воспоминания о голоде их семьи, вечным надзором и контролем милиции и УДБ, особенно во времена Информбюро – когда в их доме почти ежедневно появлялись чужие люди, подвергая семью допросам и насилию. Страх и мучения взяли свое, и семья решила больше не говорить о происшедшем»³⁵.

В декабре 1949 г. в Сараево состоялся суд над представителями русской эмиграции. Организован он был за пределами Белграда (где находился настоящий центр организации), с целью избежать любых помех. Ученики юридического факультета Г.Г. Ягоды и Н.И. Ежова, оттачивавшие свое мастерство в университетах Л.П. Берии, устроили спектакль в том стиле, которого обычно придерживались и другие «открытые процессы» над инакомыслящими в СССР и других странах Восточной Европы. Убедительное сочетание правды и лжи, а также психологическое давление на тщательно подобранный состав осужденных отдалили эти процессы от правосудия, закона и справедливости. Мешая диссидентов с людьми, фактически занимавшимися шпионажем в пользу зарубежных стран, представители этой школы правосудия в конечном итоге сделали неубедительными обвинения в адрес всех лиц, которых им удалось тогда осудить. Материалы Сараевского процесса, продолжавшегося с 1 по 9 декабря 1949 г. были опубликованы в ежедневной газете под заголовком «Суды над шпионско-диверсионной группой Алексея Крижко» (речь шла о бывшем белградском священнике, впоследствии возглавлявшем приход русской церкви в Сараево). Даже эта гротескная пародия на судебную систему не смогла доказать связи отца Алексея (Крижко) с Гестапо, но в итоге все равно приговорила к 11 с половиной годам лишения свободы только за «пропаганду против ФНРЮ и предоставление ложных сведений советской разведке, чем послужил пропаганде информационного бюро». Участник этого процесса, преподававший религиоведение на протяжении десятилетий в 1-й русско-сербской средней школе в Белграде (1927–1944) и один из священников церкви Св. Троицы на Ташмайдане, протоиерей Владислав Неклюдов умер в тюрьме во время допроса. Власти официально заявили, что он покончил жизнь самоубийством³⁶. Очень показательным было и отношение общественности к этому процессу. В частной беседе с Первым секретарем посольства СССР в ФНРЮ А.М. Зубовым патриарх Сербской Православной Церкви Гаврило «по своей инициативе заговорил о сараевском антисоветском

35 Терзић 2016: 42.

36 Политика. 1949. 10 XII.

процессе и назвал его богохульством. В газетах писали, что священник Неклюдов повесился. В это не только поверить нельзя, грех даже и помыслить. Неклюдов был тверд и честен. Крижко тоже был хорошим человеком. Он очень любил людей, и люди его любили. Поэтому его и осудили на долгие годы заключения³⁷.

Аналогичной позиции придерживалась и Русская православная церковь (РПЦ) в Белграде: «В первый же день было объявлено, что поп Неклюдов покончил жизнь самоубийством в одиночной камере. Было ясно, что непоколебимый отец Владислав отказался признаваться в ложных обвинениях и был убит в темницах Тито»³⁸. Трагические извещения об этом событии сохранились и в документах министра по делам религий Советского Союза. Согласно докладу священника Иоанна Сокаля митрополиту Крутику Николаю (Ярушевичу), В. Неклюдов был арестован потому, что хотел обратиться в советское посольство с просьбой оказать поддержку невинно арестованным русским эмигрантам в Сараево, и сделать это собирался по просьбе своего друга – священника Алексея Крижко. Это намерение было расценено как шпионаж, «поэтому оба они находятся в большой опасности». Наконец, 9 декабря И. Сокаль заявил:

«В ночь с 29 на 30 ноября погиб отец Владислав. Это произошло накануне суда над ним в Сараево, куда его отправили из белградской тюрьмы... он погиб исключительно из-за своей честности и доверчивости. Понятно, что такого человека не допустили бы до суда. Он был храбр, смел и бесстрашен; беззаветно любил Родину и оставался ей верен до конца. Совесть его была чиста, поэтому смерть его и не пугала».

Другой священник РПЦ в Югославии, Владимир Родянка в своем докладе Патриарху Алексию I о смерти российского священника сообщил следующее:

«Мне известны некоторые обстоятельства последних минут жизни протоиерея о. Владислава Неклюдова. Его ставили в такую ситуацию, в которой само его появление на суде должно было бросить тень на Русскую церковь-матушку и вызвать вражду между ней и Сербской церковью. Он принял решение «отдать жизнь свою за друзей своих» и сделал это без колебаний. Самоубийством назвали то, что церковь венчает мученическим венком, потому

37 Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: Документы. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2: 1949–1953 гг. / Ред. коллегия тома: Т.В. Волокитина (отв. ред.), Г.П. Мурашко, О.В. Наумов, А.Ф. Носкова, Т.В. Царевская. С. 237.

38 Тарасьев 2010: 259.

что смерть его не была актом отчаяния или неверия, а, наоборот, сознательной жертвой ради церкви, веры и истины. Никто из его сокамерников лично не видел последних мгновений жизни отца Владислава»³⁹.

Осуждение невинных людей было преднамеренным и утилитарным, поскольку оно внушало страх, который и был настоящей целью политических репрессий⁴⁰. В УДБ заподозрили, что может произойти возобновление деятельности российской антифашистской организации периода Второй мировой войны – Союза советских патриотов (ССП), и часть членов организации была арестована, избита, заключена в тюрьму и депортирована⁴¹. Следствие сочло, что руководителями были П. Крат, В. Лебедев, С. Марков, Кутузов и Израиллов, а содействовали им Свечников, Заболоцкий, Б. Марков, Жилов, Лобачев, Жеребков, Апухтин, Петрова⁴². Ряд бывших членов ССП в борьбе за собственное существование активно сотрудничали с УДБ и выступала в роли провокаторов. Под видом «советских шпионов» были осуждены молодые образованные антифашисты: врач В. Лебедев, архитектор П. Крат, инженер Б. Заболоцкий, филолог И. Голенищев-Кутузов и некоторые другие члены ССП. Следствие не только не нашло вещественных доказательств вины, но даже не удосужилось ее фальсифицировать (перечисленных обвинили в пропаганде и якобы обнаруженных связях с советской разведкой – без какого-либо описания преступления)⁴³.

Выданное советское гражданство не давало особого права на репатриацию даже до 1949 г. Представители советского посольства в Белграде отказывались выдавать въездные визы новоявленным советским гражданам, «еще до принятия резолюции ИБ оправдываясь тем, что их случаи более сложные... говорили пожилым, что те не смогут обеспечить себе жизни в СССР, а молодым, что полученные в ФНРЮ образование и опыт работы нельзя будет задействовать в СССР»⁴⁴. Весной 1949 г. лишь для минимальной части советских граждан (в основном для так называемых переселенцев) была организована вывозка советских граждан из

39 Косик 2000: 163-164.

40 Косик 2000: 166.

41 Ноты советского правительства югославскому правительству. 11, 18, 29 августа, 28 сентября. М: Политиздат, 1949; Лобачев Ђ. Кад се Волга уливала у Саву. Београд: Просвета, 1997. С. 196-206; Гильотен Ј. Две моје домовине. Успомене Јелизавете Жерардовне Гильотен. Горњи Милановац: Изд-во Дечје новине, 1991. С. 244-255.

42 ДАС. Ф. БИА. III-98. Ф. III. Савченко Игор. Л. 7.

43 ДАС. Ф. БИА. III-98. Ф. III. ССП.

44 ДАС. Ф. БИА. V-61. Ф. I. Л. 84-85.

страны. Особый драматизм этому процессу добавляло постоянное разлучение семей⁴⁵. В начале мая 1949 г. в Белграде, а затем и в других городах страны госслужащим было запрещено посещать иностранные выставки, лекции, библиотеки; им также предписывалось не проводить частных встреч с иностранцами, прекращать деловую переписку с зарубежными странами, а частную переписку вести только с разрешения руководства⁴⁶, в случае необходимости поддержки контактов с иностранными сотрудниками необходимо было обращаться к их посольствам – также только по разрешению руководства. В то же время югославские власти начали ограничивать работу советских органов, занимавшихся процедурами регистрации бывших граждан СССР и Российской империи, желающих получить советское гражданство⁴⁷. В таких обстоятельствах консульство часто обещало помощь, предоставить которую в сложившихся обстоятельствах не могло⁴⁸. Тогда же состоялся обмен дипломатическими нотами между СССР (25 июля, 18 августа 1949 г.) и Югославией (30 июля 1949 г.). Югославская сторона в основном настаивала на коллаборационизме русской эмиграции в годы Второй мировой войны (что было правдой), а советская сторона утверждала, что последовательные коллаборационисты ушли вместе с немцами, а оставшееся в стране большинство – прокоммунисты и сторонники нейтралитета, в чьих рядах были нелегалы и сочувствующие НОП и СССР (что было правдой). В целом, СССР резко критиковал Югославию за жестокие пытки арестованных россиян, но в связи с этим стремился скорее осудить югославское руководство, чем волноваться о судьбе собственных соотечественников⁴⁹. Согласно записи от 10 января 1950 г., внесенной в служебный дневник секретаря посольства СССР в ФНРЮ А.А. Ганова, со второй половины декабря 1949 г. югославские власти стали использовать высылку советских граждан из Югославии как массовую меру:

«На выселение обычно давалась от 5 до 10 дней, причем иногда срок даже не указывался точно. В течении этого периода никто из них не смог бы получить никакой въездной визы, что приводило к аресту

45 ДАС. Ф. БИА. V-59. Ф. I. Л. 75-77.

46 Советский фактор. С. 102-103.

47 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. II. 1949–1953 гг. / Ин-т славяноведения РАН, Федер. арх. служба России, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории, Гос. архив РФ. — М.; Новосибирск: Сибир. хронограф, 1998. С. 125–126.

48 Советский фактор. С. 118.

49 Ноты советского правительства Югославскому правительству (11, 18, 29 августа, 28 сентября 1949). М.: Политиздат 1949. С. 15–26.

и принудительной депортации без вещей. Учитывая, что таких случаев было немало, советские граждане, получившие приказ об эвакуации от югославских властей, немедленно обращались в посольство с просьбой о помощи, т.е. с просьбой выдать визы для въезда в СССР или хотя бы оказать помощь в получении виз для въезда в страны народной демократии. Отказ посольства оказать этим лицам какую-либо помощь, даже несмотря на репрессии югославской стороны, производил на них крайне удручающее впечатление. Советские граждане, настаивая на своих требованиях, часто ссылались на неестественность такой ситуации, когда государство отказывается оказывать своим гражданам самые элементарные формы помощи. Положение этих советских граждан зачастую было поистине унижительным. Говорить с ними было трудно, поскольку в подавляющем большинстве случаев консульство и не могло оказать никакой помощи. Особенно сложным было положение людей с маленькими детьми или людей с ограниченными возможностями. Следует отметить, что большинство из них заранее увольнялись с работ, у них отбирали все “карточки”, а квартиры конфисковали и передали другим владельцам. И все это происходило зимой»⁵⁰.

Очевидно, что советское государство, раздававшее паспорта русским за пределами зоны своего реального влияния, относилось к своим гражданам более чем прохладно и помочь ничем не могло. С ноября 1949 г. советские граждане больше не обращались в посольство, опасаясь ареста или других карательных мер – надежд на помощь дипломатической миссии уже не было⁵¹. В таких обстоятельствах им приходилось либо самим отказываться от советского гражданства, либо ожидать насильственного изгнания, подобного тому, которое описывал Юрий Лобачев – успешный карикатурист, известный в Сербии как Джока-Стрип⁵².

Процедура высылки была изложена в инструкции о выписывании типового Предложения на высылку. В Предложении, помимо общих сведений, данных о ближайших родственниках, жизни и получении гражданства в Югославии до 1941 г., указывались также и материалы по возможному получению гражданства ФНРЮ после 1945 г. Таким образом, речь шла о высылке не только граждан СССР, но и бывших граждан Королевства Югославия и тех русских эмигрантов, которые имели только подданство Императорской России. Непосредственное объяснение предложения об изгнании необходимо было дополнять также: отно-

50 Восточная Европа в документах российских архивов. С. 285–286.

51 ДАС. Ф. БИА. V-61. Ф. I. Л. 84.

52 Лобачев Ъ. Кад се Волга уливала у Саву. С. 194-205.

шением к резолюции 1948 г., отношением к представительствам СССР и ко всем возможным советским учреждениям со времен освобождения. Такое предложение могло быть обосновано не только документальными материалами и протоколами, но и показаниями свидетелей, доверенных лиц и тому подобных. Предложение сопровождалось рекомендацией о сроке высылки, стране, в которую должен отправиться высылаемый человек, сведениями о других членах семьи, которых следовало депортировать вместе с ним. Также помимо полной информации о взрослых предоставлялись и имена, род занятий и возраст несовершеннолетних⁵³. В случае с гражданами СССР, речь шла о совершенно лапидарных материалах: поименный список с краткими биографическими данными, все под заголовком «Русские эмигранты, подлежащие высылке за границу»⁵⁴. Число высланных из Югославии граждан СССР и нежелательных русских без гражданства оказалось неодинаково. Если первые были практически полностью высланы (кроме нескольких исключений, к которым в основном относились те, кто сумел выйти из гражданства СССР и получить гражданство ФНРЮ), то лица без гражданства не были высланы полностью, и частично стали гражданами ФНРЮ.

Причины высылки могли быть разными. Мы видим их в многочисленных характеристиках депортированных: «систематически переносил различные враждебные известия иностранных радиостанций, пропагандирующие против порядка в нашей стране» (как вариант – «распространение различных тенденциозных известий среди рабочих и русских с радиостанций Информбюро с целью создать панику и страх перед СССР»; «периодически высказывался против нашей страны в ближайшем окружении своих друзей и в соответствии с антиюгославской кампанией СССР»); «на работе говорил, что не выдерживает, потому что ему не с кем работать» (варианты - «враждебно относился к работе, не вкладывался в трудовую деятельность и тормозил работу на должности начальника шахты»; «умышленно давал неверные указания будучи квалифицированным кадром, поэтому он был подозрителен»; «не вкладывался в трудовую деятельность и часто саботировал скрытно»; «совершал неверные маневры крепления и создавал замыкания»; «не прилагал никаких усилий на работе, саботировал и тормозил работу где только мог, прикрываясь различными объективными факторами»); «был в постоянных контактах с советским посольством» (вариант – «ходил к Лидии Стригун... сомнительной в плане советской разведки»); «вел себя нагло

53 ДАС. Ф. БИА. I-29. Ф. I. Л. 1.

54 ДАС. Ф. БИА. I-72. Ф. I. Л. 32.

по отношению к нашим властям» (вариант – «недооценивал наше руководство») и т.д. Даже отдельных встреч с советскими дипломатами или офицерами было достаточно для подозрений «по разведывательной линии». Например, кубанский казак Иван Гаврилович Иванюк из Краснодара (1901 г.р.), который после окончания философского факультета в Белграде работал учителем средней школы в Княжеваце, был уволен после 15 лет работы за то, что в момент освобождения несколько советских офицеров проживали у него дома, «где вместе ели, пили и признавались в работе на НКВД... Кроме того, после объявления резолюции ИБ он, будучи руководителем учебной группы в гимназии, организовал русский вечер, и во время украшения помещения не повесил изображения маршала Тито. За всё вышеперечисленное он был арестован в апреле 1949 года и находился на предварительном заключении до апреля 1950 г., когда был выслан из страны вместе с женой Евгенией, матерью Марией и сыном Никитой». Лучшей рекомендацией к высылке стало публичное подчеркивание официально отрицаемого факта «плохого отношения правительства к русским и им подобным»⁵⁵.

Высылка 1949 г. в основном касалась лиц, не желавших получать гражданство ФНРЮ (т.е. не желавших отказываться от советского гражданства). Высылка 1950 г. касалась тех, кто изъявил желание получить югославское гражданство, но не соответствовал условиям приема. Процедура депортации была окончательно оформлена письмом УДБ с грифом «Секретно» № 3885 от 30 ноября 1950 г. «Руководством о высылке русских-белоэмигрантов граждан СССР», по которому в стране имели право оставаться лишь граждане ФНРЮ и успевшие подать заявление (из числа вынужденных переселенцев или граждан СССР). Доверенные лица УДБ выносили решение самостоятельно – кому предоставить гражданство ФНРЮ, кому отказать, разъяснив свою позицию. Заявления на получение гражданства сразу же отправлялись в МВД Белграда через местные исполнительные комитеты⁵⁶.

С активизацией высылки усилился и контроль руководства УДБ над местными властями в вопросах о русских. С января 1950 г. еженедельные отчеты «о работе с белогвардейцами, заключенными и воинскими формированиями» запрашивались у нескольких представительств мест присутствия крупных русских общин (главным образом в Воеводине и Белграде). Таким образом, вопрос русских эмигрантов был поставлен в контекст проблемы сочувствующих ИБ (имелись в виду военнопленные,

55 ДАС. Ф. БИА. I -72. Ф. II. Л. 59-93.

56 ДАС. Ф. БИА. III-42. Ф. III. Л. 237.

находившиеся в советском плену, или члены воинских формирований, получивших образование или отслуживших в рамках военных операций СССР). Решение эмигрантского вопроса подразумевало динамику изгнания нежелательных, раздачи гражданств ФНРЮ, принятие отказа от гражданств СССР⁵⁷. Необходимость этих еженедельных отчетов объяснялась в приказе ОДБ ФНРЮ от 22 февраля 1950 г. тем, что «разрешение вопроса о белоэмигрантах подходит к концу – согласно мерам, принятым до сих пор с нашей стороны. Поэтому можно ожидать, что и Правительство СССР в этом отношении предпримет некоторые действия. Так что необходимо предоставить точные данные о ситуации и мерах в отношении белоэмигрантов, чтобы наше МВД имело ежедневный отчет по этому делу». Списки на высылку должны были быть готовы к 1 марта 1950 г.⁵⁸ Небрежность документации дает лишь частичную возможность оценить это явление. Например, по данным Регистра, из Белграда и его окрестностей в 1948–1951 гг. были изгнаны 2322 семьи (всего около 3,5 тыс. человек)⁵⁹.

Вышеупомянутый порядок приема в гражданство Югославии имел свою специфику. В конце января 1950 г. помощник министра внутренних дел генерал-лейтенант Велько Мичунович издал инструкцию о приеме в гражданство ФНРЮ граждан СССР, которую республиканские службы направили во все региональные филиалы. После этого все предыдущие заявки были возвращены для доработки и действий согласно той инструкции⁶⁰. В основу принятия решения лег простой алгоритм. Если человек состоял в смешанном браке с гражданином ФНРЮ, и были предпосылки для дальнейшей лояльности, решение должно было быть положительным. Для человека, о котором не было компрометирующей информации, решение также должно было быть принято положительно и срочно. Дела по лицам, о которых имелась информация о сотрудничестве с оккупантами, должны были быть переданы в Министерство Республики с подробной дополнительной и проверенной информацией, и только на этом основании должен решаться исход процедуры. Лица, подозрительные по своему отношению к СССР и предлагаемые для высылки, не могли рассматриваться как кандидаты на предоставление гражданства ФНРЮ, процедура в их отношении должна была быть проведена до

57 ДАС. Ф. БИА. I-248. Ф. I. Л. 73.

58 ДАС. Ф. БИА. I-248. Ф. I. Л. 87-88.

59 ДАС. Ф. БИА. III-42. Ф. IV. „Књига протераних“; ДАС. Ф. БИА. III-44. „Регистар протераних.“

60 ДАС. Ф. БИА. I-02. Ф. I. Л. 24; ДАС. Ф. БИА. I-248. Ф. I. Л. 85.

конца (принудительная высылка) без возврата паспортов и заявления об отказе в выдаче гражданства⁶¹.

Несмотря на все предпринятые меры, в стране остался ряд категорий россиян. Результаты волны массовых депортаций были оценены в ходе переписей населения в 1952 и 1953 гг. УДБ Республики Сербии в депеше № 48а от 23 февраля 1952 г. запросило полные данные по «иностранным экспертам», живущим или работающим на указанных территориях. В депеше № 136а УДБ Республики Сербии от 23 мая 1952 г. запрашивались полные данные по перемещенным лицам («репатриантам») с территорий. Актом от 9 января 1953 г. с грифом «строго конфиденциально» № 2 УДБ Воеводины запрашивалась информация о белоэмигрантах и вынужденных переселенцах на территориях. Наконец, акт № 1845-52 УДБ Республики Сербии от 20 января 1953 г. запрашивались «списки русских белоэмигрантов и русских, прибывших в ФНРЮ с 1945 г.»⁶².

Большая часть бывших эмигрантов продолжила движение в том же направлении, что и три десятилетия назад, и направилась глубже на Запад. Меньшинство решило отправиться на Восток – они проводили по несколько лет в Болгарии или Румынии, ожидая своей дальнейшей участи. С 1954 г. отдельным лицам было предоставлено право вернуться в СССР (без ограничений на передвижение), большинство же имело право вернуться в страну лишь с многолетним запретом на поселение в Москве и Ленинграде. Они предпочли вернуться к своему народу, несмотря на все трудности, которыми грозило возвращение. Одновременно с 1954 по 1956 г. были освобождены узники Голи-Отока и заключенные советские граждане, бывшие эмигранты, которым была предоставлена возможность покинуть Югославию и вернуться в СССР.

Окончательно вопрос об эмиграции в Югославии был закрыт в 1955 г. в ходе переговоров с советскими представителями, которые продолжали утверждать, что лица, бывшие ранее гражданами СССР и получившие гражданство ФНРЮ, для них до сих пор оставались советскими гражданами, поскольку официально от гражданства не освобождались. Результатом стал направленный в посольство СССР поток заявлений об отказе от советского гражданства. Тщетно посольство СССР пыталось рассылать свои приглашения на почтовые адреса недавних сограждан – те, под бдительным оком УДНБ, резко отказывались от возвращения в шаткое положение иностранцев, лишенных права возвращения на Роди-

61 ДАС. Ф. БИА. I-02. Ф. I. Л. 22-23.

62 ДАС. Ф. БИА. III-42. Ф. IV.

ну⁶³. Официально все возможные неясности были разрешены Конвенцией о регулировании вопросов гражданства, подписанной между ФНРЮ и СССР в Москве 22 мая 1956 г. советником Государственного секретариата по иностранным делам Ю. Капичичем и заместителем министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецовым⁶⁴. Согласно Конвенции, в Югославии больше не могли существовать эмигранты без гражданства ФНРЮ, только югославские граждане русского происхождения. Реализация этой Конвенции определялась Инструкцией по осуществлению Конвенции о двойном гражданстве Административного департамента Управления общественной безопасности Государственного секретариата внутренних дел Народной республики Сербии № 190/56 от 14 сентября 1956 г.

После 1955 г. в ФНРЮ осталось несколько тысяч русских граждан ФНРЮ, несколько десятков лиц без гражданства (стариков, которые уже больше были заинтересованы в мире ином, чем в выборе гражданства), а также несколько десятков граждан и гражданок СССР, которые, однако, были большим исключением. В начале 1960 г. в ФНРЮ проживало еще 196 «советских» русских, по меньшей мере несколько десятков замужних женщин, а также несколько мужчин. Большинство из них было сосредоточено вокруг Русской Православной Церкви: семья отца Виталия Тарасьева (1901 г.р.) с сыновьями и невесткой, церковным казначеем Петром Борзовым (1881 г.р.)⁶⁵. Практически в каждом таком случае речь шла о личном вмешательстве высокопоставленных охранителей в государстве. Например, в случае с семьей Тарасьевых имело место вмешательство непосредственно президента ФНРЮ⁶⁶.

Лучшее, если не сказать привилегированное положение в Югославии занимали те немногие русские мужчины и женщины, которые смогли получить постоянное место жительства в Союзной Республике Югославии и иностранное гражданство западной страны (не СССР). В качестве примера таких счастливиц можно привести семью Владимира и Юлии Марушевских. Генерал-лейтенант Владимир Владимирович Марушевский (1874–1951) стоял во главе русских частей, воевавших на полях сражений во Франции в 1916–1917 гг. За эту службу он был награжден национальным орденом Почетного легиона в январе 1917 г. Попытка

63 ДАС. Ф. БИА. I-248. Ф. I. Л. 134–135.

64 ДАС. Ф. БИА. III-42. Ф. IV. Л. 408–411.

65 ДАС. Ф. БИА. III-42. Ф. III. Л. 1.

66 ДАС. Ф. БИА. III-46. Ф. I. Списак Руса емигранта који имају двојно држављанство: Тарасјев Виталиј (Василија).

поставить его во главе русской дивизии во Франции в июне 1917 г. провалилась, поскольку солдаты не хотели проливать кровь на чужой войне. После этого в августе 1917 г. В. Марушевский получил помощь Франции в возвращении в Россию и стал последним начальником Генерального штаба в период Временного правительства. В этой должности он встретил Октябрьскую революцию. После ареста 20 ноября 1917 г. его освободили под условием отказа от борьбы с большевиками. Он бежал в Швецию и по предложению английской и французской миссий отправился в Архангельск, где возглавил части Севера, воевавшие в пользу объединенной миссии Антанты против советской Москвы. В этом качестве он также подписал договор с Финляндией, передав Печенгский район К. Манергейму. В результате эта территория с богатыми месторождениями никеля (которая использовалась французскими промышленниками в межвоенный период) была возвращена Советской России лишь после 1944 года. В. Марушевский поступил на французскую дипломатическую службу и прожил с женой в изгнании в Королевстве СХС/Югославии до своей смерти в 1951 г., пользуясь особым статусом французского гражданина, приобретенным в 1927 г. Получил Французскую военную медаль и Военный крест 1914–1918 гг., писал мемуары, которые были опубликованы в Веймарском Берлине и советском Ленинграде почти одновременно, активно поддерживал Финляндию в 1940 г., перед Второй мировой войной работал во французском консульстве в Загребе⁶⁷. Во время войны он продолжал работать во французском консульстве в НДХ, которое действовало в Загребе наряду с еще 8 посольствами и 19 консульствами⁶⁸. После прибытия партизан в Загреб подчеркнул свое французское гражданство и... продолжил работу во французском консульстве. В то время, как его соотечественников в Югославии преследовали ОЗН и ОДБ, а уровень жизни большинства жителей Югославии зависел от «унры» (United Nations Relief and Rehabilitation Administration), «карточек» и находчивости на черном рынке, семья Марушевского наслаждалась каждым днем. Владимир с пренебрежением писал об «освобождении» 1944 г. в личных записках, в 1947 г. написал в мемуарах о «большевист-

67 *Марушевский В.* Год на Севере, Белое дело: Летопись Белой борьбы. Берлин: Медный всадник. 1926. I. С. 16-60. 1927. II. С. 21-61. 1927. III. С. 15-58; *Он же.* Белые в Архангельске. Ленинград: Прибой-Печатный двор Государственного издательства, 1930. 280 с.; *Ютарњи лист.* 1940. 7 I.

68 Гајски 2020: 15-37.

ских негодях», в 1950 г. ездил к родственникам на юг Франции. И пока во Франции создавался международный Комитет по защите интересов Русского красного креста в Югославии – для помощи в переезде русских эмигрантов из Югославии на Запад, а также поддержки стариков из бывших институтов Русского красного Креста, у семьи Марушевских были свои заботы. В нестабильные 1950-е гг. Юлия Марушевская могла позволить себе переживать лишь по одному поводу: не выпил бы супруг в своем путешествии по югу Франции два бокала бургундского вместо предусмотренного ей одного. Скончался Владимир в возрасте 78 лет – тихо и без происшествий, после чего был похоронен в Мирое⁶⁹. К сожалению, дело его было почти уникальным счастливым исключением в море трагедий, тревог и горестей.

Все русские, оставшиеся в стране после 1952 г., пребывали под пристальным наблюдением органов безопасности, которые заявляли, что оставшиеся в стране бывшие эмигранты хоть и нежелательны как сообщество, но полностью лояльны стране, в которой решили остаться. После окончания многолетних жестоких репрессий русские, как и другое городское население страны, снова начали расслабляться и распускать языки в компании ближайших друзей, среди которых часто подстерегали информаторы УДБ. В целом говоря, по оценкам УДБ от мая 1958 г., «мнения белоэмигрантов разделились, при этом очень небольшое число белоэмигрантов оправдывало политику Советского Союза, гораздо большее число осуждало ее... Большинство белоэмигрантов осуждало русских за вмешательство в нашу внутреннюю политику, за желание командовать всеми, осуждают и Хрущева – как наглого наследника Сталина... они боятся дальнейшего обострения отношений, поэтому считают разумнее держаться в стороне, избегая новой волны гонений⁷⁰». Оставшиеся в Югославии русские очевидно уже отделились в обособленную общину с собственными интересами (выживание в авторитарном государстве) без сильных и открытых связей с остальным русским народом.

Общее направление развития русского сообщества в Югославии было ясным. Оставшиеся получили статус непризнанного и нежеланного меньшинства, потому вынуждены были ассимилироваться, или по меньшей мере публично вести себя как ассимилировавшиеся до конца семидесятых годов. Представители третьего поколения белых русских (дети,

69 ХДА. Ф. 810. Марушевски Владимир. Ф. I.

70 ДАС. Ф. БИА. III-42. Ф. IV. Л. 281.

родившиеся в Югославии после 1945 г.) в абсолютном большинстве не говорят на своем языке, а те, кто овладел им, сделали это за счет целенаправленного изучения, а не сохранения семейных традиций.

Список сокращений

БИА - Безбедносно-информативна агенција - Агентство безопасности и информирования

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации

ДАС - Државни архив Србије - Государственный архив Сербии

Земгор (Союз земств и городов)

Информбюро - Информационное бюро

ИАБ - Исторический архив Белграда

КПЮ - Коммунистическая партия Югославии

МВД - Министерство внутренних дел

НКВД - Народный комиссариат внутренних дел

СССР - Союз Советских Социалистических Республик

СХС - сербы, хорваты и словенцы

УДБ - Управа државне безбедности - Управление государственной безопасности

УГБ - Управа града Београда - Администрация города Белграда

ФНРЮ - Федеративная Народная Республика Югославия

ХДА - Хрватски државни архив - Хорватский государственный архив

Литература

1. Афанасјев 2007 - *Афанасјев В.* Мој отац руски емигрант, Београд: Изд-во Графник, 2007. 624 с.
2. Гајски 2020 - *Гајски Б. К.* Дипломација Независне Државе Хрватске – актери и процеси // Међународне студије. 2020. № 1–2. С. 43–64.
3. Живанович 2016 - *Живанович М.* Бережно храня следы: русские эмигранты в Великой Кикинде и монахини монастыря Хопово. М.: ВСФ-Урал, 2016. 226 с.
4. Јовановић 1996 - *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996. 386 с.
5. Јовановић 2006 - *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану: (1920-1940). Београд: Чигоја штампа, 2006. 559 с.

6. Косик 2000 – *Косик В.Н.* Русская Церковь в Югославии (20 — 40-е гг. XX века). М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2000. 287 с.
7. Митровић 1996 - *Митровић А.* Пропитивање Клио. Огледи о теоријском у историографији. Београд: НИУ Војска, 1996. 182 с.
8. Соколов 2005 – *Соколов М.* Репортаж с Голого острова. Узник титовских концлагерей Владимир Поплавский. 2005. URL: <https://www.svoboda.org/a/126991.html> (07. 03. 2022)
9. Тарасьев 2010 – *Тарасьев А.* Русские церковные хоры и регенты в Белграде // Новый журнал. 2010. №261. С. 250-260.
10. Терзић 2016 - *Терзић П.* Руска емиграција у Сенти : утицај руске емиграције на културни живот града Сенте. Сента: Завичајна фондација Стеван Сремац, 2016. 214 с.
11. Тимофејев 2018 - *Тимофејев А.* Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу антииб-овске пропаганде. Београд: Укронија, 2018. 265 с.

References

1. Afanasjev, V., 2007. *Moj otac ruski emigrant* [My father – a Russian immigrant]. Belgrade: Grafnik, 624 p. (In Serb.)
2. Gajski, B.K., 2020. *Diplomacija Nezavisne Države Hrvatske – akteri i procesi* [Diplomacy of the Independent State of Croatia - actors and processes], *Međunarodne studije*, 1–2, pp. 43–64.
3. Jovanović, M., 1996. *Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevinu SHS 1919–1924* [Immigration of Russian refugees to the Kingdom of SHS 1919–1924], Belgrade: Stubovi kulture, 386 p. (In Serb.)
4. Jovanović, M., 2006. *Ruska emigracija na Balkanu: (1920-1940)* [Russian emigration in the Balkans: (1920-1940)], Belgrade: Čigoja štampa, 559 p. (In Serb.)
5. Kosik, V., 2000. *Russkaya Tserkov' v Jugoslavii (20 — 40-e gg. XX veka)* [Russian Church in Yugoslavia (20-40s of the XX cent.)], Moscow: Pravoslavnyj Svyato-Tikhonovskij Bogoslovskij institut, 287 p. (In Rus.)
6. Mitrović, A., 1996. *Propitivanje Klio. Oglеди o teorijskom u istoriografiji* [Questioning Clio. Essays on the theoretical matters in historiography], Belgrade: NIU Vojska, 182 p. (In Serb.)
7. Sokolov, M., 2005. *Reportazh s Gologo ostrova. Uznik titovskikh kontslagerej Vladimir Poplavskij* [A report from the Goli-island. Vladimir Poplavsky the prisoner of Tito concentration camps], URL: <https://www.svoboda.org/a/126991.html> (07. 03. 2022). (In Rus.)
8. Tarashev, A., 2010. *Russkie tserkovnye khory i regenty v Belgrade* [Russian church choirs and choir directors in Belgrade], *Novyj Zhurnal*, pp. 250-260. (In Rus.)
9. Terzić, P., 2016. *Ruski emigranti u Senti* [Russian emigrants in Senta]. Senta: Zavičajna fondacija Stevan Sremac, 214 p. (In Serb.)

10. Timofejev, A., 2018. *Crvena armija i ruska emigracija u Jugoslaviji za vreme Drugog svetskog rata u ogledalu antiibovske propagande* [Red Army and russian emigration in Yugoslavia during the Second World War in the mirror of anti-IB propaganda], Belgrade: Ukronija, 265 p. (In Serb.)
11. Zhivanovich, M., 2016. *Berezhno khranya sledy: russkie ehmigranty v Velikoj Kikinde i monakhini monastyrya Khopovo* [Cherishing the traces: Russian emigrants in Kikinda and the nuns of the Khopovo monastery], Moscow: VSF-Ural, 226 p. (In Rus.)

Aleksej Timofejev

D.Sc. (History), The Institute for Recent History of Serbia,
Serbia, Beograd, Trg Nikole Pašića, 11/4.
atimofej@f.bg.ac.rs

Russians in FNRJ 1948–1954: the transformation from emigration towards a persecuted minority

This paper examines the evolution of the Russian community in Yugoslavia, which turned into an unrecognized national minority after the end of the Second World War. In terms of Yugoslavia, the group was statistically insignificant. At the level of Vojvodina and Belgrade, its demographic visibility was more significant. There were 20,069 Russians in Yugoslavia in 1948, of which 12,426 still remained in 1953. The “cleansing” of Yugoslavia from Russian emigration during 1948–1953 took place according to an elaborate procedure that was divided into various stages of certain measures: registration and enumeration – centralized dismissal of socially active people – expulsion / arrest due to fabricated reasons or delay in leaving the country. The expulsion was complemented by the looting of property and savings of emigrants who, after three decades, left Yugoslavia in the same poor condition as when they arrived. The most painful experience for them was not the material loss but the disappearance of personal photos, letters and diary entries. Psychological traumas followed the members of many Russian families from Yugoslavia who survived the events of 1948–1953 for the rest of their lives.

Keywords: Russian emigration, IB resolution, political repression, expulsion

Биљана Марцојевић

МАСТ. Историчар, кустос и музејски педагог,
Музеј жртава геноцида, Београд, Србија.
11000, Трг Николе Пашића, 11/3.
biljana.marcojevic@gmail.com

Суђење Јурају Шпилеру у Зрењанину и објекат Хелеров млин као неми сведок

У раду се на основу необјављених архивских извора похрањених у Музеју жртава геноцида (дигитализовани Лични фонд Бранислава Божовића), Архиву Југославије и у Државном архиву Србије (Фонд БИА), објављених извора, релевантне историографске литературе и периодике, анализира деловање Јураја Шпилера, предстојника Команде јавне безбедности у Банату, током периода Другог светског рата на окупираном подручју Баната. Злочини почињени у Банату над цивилним становништвом и припадницима народноослободилачког покрета често су чињени на иницијативу Јураја Шпилера који је у сећањима Банаћана, али и у званичној историографији остао упамћен као „крвник Баната.“ Деловање Јураја Шпилера током трајања окупације однело је велики број цивилних жртава страдалих у прогонима које је организовао и спроводио. За све учињено Шпилеру је суђено у слободном Зрењанину уз документацију која није уништена пре бекства. Иза рата и по окончању суђења у Зрењанину је остао неми сведок – зграда негдашњег Хелеровог млина која током окупације пренамењена у централни логор Баната, а данас сведочи о култури заборавља.

Кључне речи: Јурај Шпилер, Банат, Зрењанин, фолксдојчери, ратни злочини, логори, судски процеси, култура сећања, Хелеров млин

Након краткотрајног Априлског рата уследили су распарчавање територије предратне Југославије и окупација. Банат је у тој подели интересних сфера дуго био предмет спорења Мађара и Румуна који су гајили исте аспирације све док Немци нису оштро пресекли и срушили све снове о запоседању територије Баната и Мађарима и Румунима, али исто тако и својим сународницима, Подунавским Швабама који су остали без формиране државе. Исти ти фолксдојчери који су дочекали немачке трупе

као ослободиоце су недуго потом нерадо одлазили прво као добровољци а потом као мобилисани војници у редове Принц Еуген дивизије. Насупрот њима многи на супротној страни су приступали покретима отпора, саботирали непријатеља и почев од Хитлеровог напада на СССР жељно очекивали брзо ослобођење. Против свих који су на било какав начин суделовали у борби против окупатора Јурај Шпилер је са својим помоћницима организовао хајке, а потом мукотрпна ислеђивања, тамновања у логорима, интернирања и смрт углавном без било какве пресуде. Често су пресуде изрицане месецима по извршеном стрељању тек како би се стекли услови да погубљене по ретроактивном добијању пресуда бришу из књига рођених. У опсадама страдали су и многи недужни цивили, нарочито у местима у којима Јурај Шпилер није имао доушнике па је револтиран косио све пред собом. За почињене злочине Шпилеру се судило у Зрењанину. Жарко Зрењанин се нашао на списку оних којима је пресудио Јурај Шпилер, а Јурај је своју пресуду чуо баш у граду који је понео назив једне од његових жртава. Сачувана кореспонденција побијала је успешно током суђења све Шпилерове покушаје да колико толико скине кривицу са себе. Његови потписи су говорили уместо њега и казивали иследницима све што је он упорно покушавао да прећути. Говорили су и сведоци који су успели да преживе хапшење, мучење и Други светски рат. Говорили су сродници оних чије је животе Шпилер заувек угасио. На крају, говорили су и Шпилерови помоћници који су се углавном скривали иза оне тако подесне за прање савести командне одговорности. Шпилер као командујући није имао ту могућност да се сакрије иза ратних околности или како је сам говорио „ратне психозе“ која је у његовом случају била главни кривац за сва почињена недела.

Последње масовно стрељање током Другог светског рата извршено у Банату јесте стрељање у Петровграду дана 13. септембра 1944. године када је страдала 51 особа. Један од чланова Шпилерове Ударне групе, Јозеф Вилхелм, узео је тада пушкомитраљез и у налету беса косио везане људе пре него су били припемљени за стрељање.¹

Завршне ратне операције су најтеже подносили заточеници у логору међу којима су се проносиле вести како је логор миниран и како ће бити бачен у ваздух пре него се окупатор повуче из града. Јутра 1. октобра 1944. године у логор је дошао Јурај Шпилер са својом пратњом, оденут у обичну војну униформу без икаквих ознака. Окупио је све логораше и након одржаног говора присутнима прочитао списак оних који се терете за „лакша дела“ те им саопштио како су од тог тренутка слободни. Међу они-

1 Momčilović 1977: 498.

ма којима је Јурај Шпилер дао „опрост“ нашла се и Манда Агбаба, мајка Црне Милке, а са њом је била и Бојана, њена петнаестогодишња кћерка.² Оним заточеницима чија се имена нису налазила на списку је том приликом, када се последњи пут нашао у логру у Бечкереку, издао наређење да се врате у своје логорске ћелије након чега је кренуо у бекство оставивши логораше закључане иза решетака.³ Са собом је Јурај Шпилер понео чин пуковника, више предратних и ратних одликовања, међу њима и одликовање за изванредне заслуге учињене окупатору. На души је носио многе невино страдале искључиво његовом заслугом.⁴

Окупатори су заједно са својим помагачима на простору Баната током трајања окупације извели више од две стотине опсежних војно-полицијских акција и током истих заробили више од десет хиљада људи - младића, жена, девојака, деце. Заточенике су мучили, слали у логоре и стрељали често без икакве изречене пресуде.⁵ Јурај Шпилер је лично тражио одобрење од окупаторских власти да се као таоци узимају и стрељају чланови породица непронађених грађана.⁶ Приликом блокада банатских села зиме 1942. године Јурај Шпилер се истицао окрутношћу и полицијском перфидношћу. У хајкама је претраживао куће, штале, базе, таване тражећи припаднике покрета отпора.⁷ Ова мера однела је многе невне животе. И поред репресалија у јужном Банату се током 1942. и 1943. године одржао Јужнобанатски одред, као и неколико упоришта народно-ослободилачке борбе у северном Банату, у среском комитету за срез Карађорђево. Од обновљеног Меленачког и ојачалог Александровачко-Карађорђевачког одреда образован је Севернобанатски партизански одред.⁸

Злочини почињени у Банату над цивилним становништвом и припадницима покрета отпора неретко су чињени на иницијативу самог Јураја Шпилера. Из предлога за одликовања⁹ својих агената који је Шпилер упутио шефу Гестапоа у Петровграду, видимо да су у Банату до тада изведене 53 акције од којих је за 35 наступајући план разрадио управо Јурај Шпилер. Многи житељи Баната су у послератним временима о почињеним злочинима сведочили у процесу који је вођен против Јураја Шпилера и подсећали га на оно чега се Шпилер по правилу „није сећао“ крајем

2 Momčilović 1976: 519.

3 Тада су 234 затвореника остала иза браве.

4 Božović 1987: 281; Momčilović 1977: 538.

5 Momčilović 1977: 554.

6 МЖГ. ЛФББ. Банат. Шпилер-Истражни материјал.

7 Petranović 1988: 396.

8 Petranović 1992: 354-355.

9 АЈ. Ф. 110. инв бр 6282.

те 1948. године изведен пред Кривично веће Врховног суда Аутономне Покрајине Војводине у Зрењанину. Међу мноштвом сведока нашао се и Веселин Гроздановић који се у свом исказу присећа минулог рата када су га одмах по хапшењу увели у мучионицу у којој га је дочекао Јурај Шпилер. Шпилер је учествовао у мучењу тада и лично окретао ручицу апарата за електризирање.¹⁰ На жалост много већи број сведока је остао нем јер им је Шпилер пресудио током рата. Уместо њих на овом рочишту говорили су Шпилерови потписи на документима који су, означени само једним словом, водили цивлно становништво у смрт.¹¹ Након што је суочен са неколико докумената којима се поједине породице принудно исељавају из Баната шпилер признаје да је стекавши велико поверење окупаторских власти могао сам решавати ко може становати у Банату.¹² На питање да ли су хапшена и она лица за која су дознали или која су затекли на гробовима погинулих бораца Јурај Шпилер даје потврдан одговор и наводи пример из околине Александрова.¹³ Спискови свих ухапшених пролазили су кроз његове руке и он би поред имена ухапшеника уписивао само једно слово које би значило или наставак мучења или пут у смрт. Словом Ј којим је он означио реч јустифицирати за њега је значило да се ухапшени са списка води на стрељање, док је слово К поред нечијег имена значило да ће ухапшени барем за неко време пролонгирати свој живот и борбу за исти као и то да ће своје патње¹⁴ наставити у затвору или логору. На питања постављана Јурају Шпилеру током истраге о значењу слова на документима на којима се налазио његов параф оптужени Шпилер је потврдно одговорио да је потпис његов и додао да је током рата користио још два слова, а то су „Ф“ и „И“ где је прво означавало слободу а друго износ кауције плаћене у замену за слободу оптуженог. Како је изјавио Шпилер, знакове је стављао како би имао тачну евиденцију о предложеним казнама. Тада док је евиденцију правио очито није слутио како ће управо та његова ратна евиденција постати доказни материјал у процесу који ће бити вођен против њега у Зрењанину. У Зрењанину су нове власти биле одлучне да *најсуровији и најсвирепији полицајац кога је Банат запамтио има да сноси пуну одговорност за све своје злочине као и*

10 Борба. 1948. 28 XI: 6.

11 МЖГ. ЛФББ. Банат. Шпилер-Истражни материјал; Božović 1987: 303-304.

12 Политика. 1948. 26 XI: 3.

13 ЛФББ. Банат. Записник са саслушања окривљеног др Јураја шпилера састављен 16. јуна 1944.

14 Када је штабни наредник Хајне приговорио Шпилеру због садистичких метода коришћених током ислеђивања, Шпилер је узвратио како тиме само помаже ухапшенима да се присете својих дела.

за злочине својих подређених органа којима је он руководио и над којима је надзор вршио. Највећи крволок, садиста и инквизитор слободољубивог Банатског становништва, др. Шпилер има као најтежи ратни злочинац Баната да одговара за своје злочине пред угословенским народима.¹⁵

Бекство, хапшење и суђење у Зрењанину

Наступање Црвене армије ка источним границама окупиране Краљевине Југославије, у првом реду ка Банату који се нашао на победничком црвеноармејском маршу ка Берлину и територијама нацистичке Немачке, наговестило је крах немачке управе над Банатом, а уједно и крај ере Јураја Шпилера. Немцима у Банату постало је јасно како су јединице Црвене армије наомак Баната те да од њиховог „Donaulanda“ више неће бити ништа. Упркос свему окупатори су и даље бранили своје позиције вршећи сталне нападе и контранападе. Банатски Немци су све до доласка совјетских трупа на саму границу имали задатак да мобилишу све расположиве снаге како би се борили против партизанских одреда. Фолксдојчери су такође добили задатак да штите важне комуникације, углавном пругу која је постала кључна артерија у грозничавом пребацивању војске и војне опреме и наоружања на критичне делове фронта.¹⁶ Немци су за собом специјалним машинама разарали пругу, што су радили и у другим местима са стратешки важним пругама.¹⁷

Суочен са непосредном опасношћу Јурај Шпилер прибавља пасош од немачког представништва у Београду и са истим из Зрењанина, у коме је последњи пут виђен 2. октобра 1944. године, преко Мађарске, Беча, Маурбаха и Буђеовица, долази у Баварску где бива подвргнут саслушањима америчке службе СИС (Counter Intelligence Corps).¹⁸ Током саслушања Јурај Шпилер дао је истражитељима податке о свом раду и службовању у полицији са посебним освртом на период окупације. Заточеништво у логору Дахау провео је у писању извештаја за америчку службу СИС и у нади да ће му ти извештаји, које је сматрао доприносом „општој борби против комунизма“ и овог пута обезбедити избегавање сваке одговорности и спас. Истовремено, Државна комисија за утврђивање злочина окупатора и њихових помагача 1. априла 1946. године прогласила је Јураја Шпилера за ратног злочинца и захтевала је да за почињене злочине одго-

15 ЛФББ. Банат. Оптужница подигнута против Јураја Шпилера.

16 Momčilović 1977: 497.

17 Momčilović 1976: 519.

18 Božović 1987: 281.

вара пред југословенским судом и народом. Комисија је теретила Шпилера за: Убиства, систематски терор, интернирање грађана под нехуманим условима, мучење грађанских лица, разарања и оштећење верских, добротворних и просветних споменика – намерно уништење, рушење, паљење и пустошење непокретне и покретне имовине и пљачку.¹⁹ У трагању за ратним злочинцима била је активна Југословенска делегација за ратне злочине којом је руководио потпуковник Андрија Поповић, а који је 1983. године оставио запис о свом деловању у Немачкој у првим послератним годинама. Југословенска делегација је 7. марта 1946. године поднела званичан документовани захтев за изручење Јураја Шпилера и током године више пута интервенисала и протествовала због одуговлачења поступка, али без резултата. И поред свеколиких притисака Југословена, тек 9. јануара 1947. године америчке надлежне власти дозволиле су припадницима Југословенске делегације да изврше прво информативно саслушање Јураја Шпилера у логору Дахау, а исте године, 25. августа и друго допунско саслушање. Недуго потом, 2. децембра 1947. године, Јурај Шпилер се нашао у истражном затвору у Југославији. Суђење Шпилеру и групи ратних злочинаца отпочело је 24. новембра 1948. године у Зрењанину пред Кривичним већем Врховног суда Аутономне Покрајине Војводине, и трајало је до 2. децембра исте године. Суђење је привукло велику пажњу јавности, а новинске ступце, нарочито дневног листа *Слободна Војводина*²⁰, били су испуњени детаљима са суђења. Првог дана суђење је организовано на градском стадиону и било је јавно. Искусни негдашњи полицајац Јурај Шпилер који је више него добро познавао житеље тада већ града Зрењанина погледом је у публици налазио оне који су током рата друге потказивали, оне који су са окупаторима сарађивали, оне којима су руке биле окрвављене. Због општег хаоса који је завладао на стадиону тог дана је донета одлука да се већ наредног дана суђење води унутар четири зида без присуства грађана. Судија Петар Варга осудио је Јураја Шпилера на казну смрти вешањем, трајни губитак политичких и грађанских права и конфискацију имовине, док су остали оптужени осуђени на временске казне.²¹ Варгини помоћници током процеса били су Станко Компић и Антал Стари. Поред Јураја Шпилера судило се и ратним злочинцима: Карлу Хајму, Новаку Ђурицу, Александру Мартичеву, Видосави Протић и Деспоту Радивојеву. Оптужницу је прочитао јавни тужилац Аутономне

19 АЈ. Фонд 110. ф број 10-749.

20 ЛФББ. Банат. МЖГ.

21 Воžović 1987: 293; ЛФББ. Банат. Одлука о утврђивању злочина окупатора и њихових помагача – злочинац: Јурај Шпилер.

Покрајине Војводине Бранко Шинжар. На питање председавајућег да ли се осећа кривим Шпилер одговара потврдно, али се уз то брани да пресудну реч приликом изрицања смртних казни није имао. На питање јавног тужиоца да ли је у случајевима ухапшених и осуђених родољуба могао ублажити пресуду Шпилер одговара потврдно. Док на питање зашто то онда није учинио одговара: „Ратна психоза.“²²

По завршеном испитивању оптужених и окончању саслушања сведока, завршен је и претрес након кога је помоћник јавног тужиоца Бранко Синжар дао завршну реч у којој је посебно подвукао да су „безбројни злочини оптуженог Шпилера потпуно доказани у истражном затвору признањем самог Шпилера, а затим и током доказаног поступка исказима сведока и пронађеним документима“. У наставку, а позивајући се управо на претходно наведене ставове, помоћник јавног тужиоца предложио је Већу Врховног суда АП Војводине да се Јурај Шпилер, а са њиме и Карло Хајм, осуде на смртну казну, док се за остале оптужене тражила одговарајућа казна по Закону о кривичним делима против народа и државе.²³

Јурај Шпилер, након што му је одбијена молба за помиловање 8. априла 1949. године, убрзо бива погубљен. Обешен је као ратни злочинац априла 1949. године.²⁴ И након погубљења, лик Јураја Шпилера остао је у живом сећању у Банату, а нарочито је оживљен у филмском и серијском лику полицијском агенту Шицеру у филму и серији *Салаш у Малом риту*.

Култура заборавља-Хелеров млин

Крајскомандантура I/823 за Банат бавила се разматрањима где је погодно да се подигне и какав изглед треба да има прави концентрациони логор у Великом Бечкереку, било је одлучено да се свако ухапшено лице или група људи држе у затвору Предстојништва полиције за град Бечкерек који се налазио у дворишту зграде бивше Жупаније.²⁵ Полицијски затвор имао је седам ћелија од којих су четири ћелије биле намењене мушкарцима, а преостале три женама. Свака затворска ћелија била је правоугаоног облика. Имала је високу таваницу а високо горе налазио се мали отвор са решеткама кроз који је продирало врло мало светлости.

22 Борба. 1948. 25 XI: 6.

23 Слободна Војводина. 1948. 2 XII.

24 Роровић 2019: 31.

25 Данас је то зграда Скупштине града Зрењанина, познатија као Жупанијска палата; <http://www.zrenjaninheritage.com/kulturna-dobra/spomenici-kulture/zgrada-skupstine-grada-torontalskazupanija> Приступљено 12. 10. 2022.године

Поред зида налазила су се проста лежишта направљена од дасака. У ћелијама је затварано између тридесет и педесет затвореника. Због велике гужве на малом простору, затвореници су били неретко принуђени да стоје по неколико дана, па су појединци падали у несвест од умора и изнемоглости. Затвореници су били потпуно обесправљени. Већина затвореника није била способна за ходање због тортуре кроз коју је сваки од њих прошао.²⁶ Саслушавање затвореника одиграло се у посебном делу зграде бивше Жупаније. Када су полицијски органи, углавном Шпилер са члановима своје Ударне групе сматрали да је процес саслушања и ислеђивања окончан, затвореници су спроведени у велику затворску зграду Окружног суда у Петровграду.²⁷ Крајем јуна 1941. године део затворске зграде Окружног суда претворен је у *Kommunisten lager* (Комунистички логор).²⁸ Логор је био у функцији близу годину дана, све до средине 1942. године. Као такав био је један од првих логора основан за комунисте, а управу над овим логором имао је Одсек јавне безбедности.²⁹ Први затвореници, окарактерисани као највећа опасност за новоуспостављени поредак, у новооснованом логору били су чланови Комунистичке партије Југославије, Савеза комунистичке омладине Југославије и симпатизери који су похапшени у првом полицијском налету 22. јуна 1941. године одмах по отварању Источног фронта.³⁰ Сва похапшена лица су већ одраније била пописана у списковима оних које је Јурај Шпилер ревносно и острашћено гањао још у време Краљевине Југославије.

Телије са боројевима двадесет девет, тридесет осам и четрдесет седам биле су посебно обезбеђене и добро чуване јер су се у њима налазили политички кривци који су били одређени на казну стрељањем.³¹ Жене из Комунистичке партије и оне које су затваране као таоци биле су смештене у капели тј. у посебном делу затвора Окружног суда. Та просторија за жене била је довољно велика и у њој је до зиме 1942. године било затворено око шездесет жена активисткиња. Неке од ових жена затваране су заједно са малолетном децом. Деце у затвору је било око двадесетак и

26 Ивковић 1964: 110.

27 Данас је то зграда Палата правде у Зрењанину у улици Кеј 2. октобра број 1; <http://www.zrenjaninheritage.com/kulturna-dobra/spomenici-kulture/zrenjanin-palata-pravde> Приступљено 12. 10. 2022.године

28 Каџавенда 1991: 45.

29 Ивковић 1964: 111.

30 Роров 1992: 49-58.

31 Ивковић 1964: 111; Роров 1992: 71; Масовна стрељања постају учестали начин одмазде као и застрашивања обичног света већ након првих већих успеха припадника покрета отпора.

то што су деца није их спашавало тортуре кроз коју су пролазили и одрасли. Да би код деце разбили тешку психозу затвора, похапшене учитељице су организовале једноставан и примитиван начин предавања из појединих школских предмета. Деца су била подељена у три групе - она најмлађа слушала су одабране народне приче, док су за старије одржавана предавања из српског, историје, географије, и математике.³²

Почетком 1942. године број ухапшених се рапидно повећао. Постојећи затвори нису могли да приме све већи број ухапшених лица. Због недовољних капацитета за смештај свих који су лишени слободе убрзано су припреме за отварање јединственог логора у Банату. Идеја о оснивању овог концентрационог логора за Банат настала је још децембра 1941. године. Идеја је зачета у редовима вођства немачке народносне групе, а главне личности које су се залагале за отварање логора били Франц Рајт шеф полиције за Банат, Сеп Јанко вођа немачке народносне групе и вођа нове генерације Културбунда, подбан за Банат Сеп Лап, СС поручник Карл Паммер а уз побројане и остали званичници. Предлог за формирање логора подено је Франц Рајт, префект полиције Баната. Замисао је била да се сви политички кривци који су били затварани по различитим затворима и мањим логорима у Банату концентришу на једном месту.³³ Импровизовани логор у Великом Бечкерек у налазио се прво у Централној основној школи, а затим у војној касарни у улици Краљице Марије након чега је адаптиран стари млин. Логораши су радили у логорским радионицама или су слати на принудни рад на пољопривредно добро Чока, у Брестовачки радни логор или радни логор на Островачкој Ади. Логором је практично управљала немачка национална мањина.³⁴

Франц Рајт је упутио исцрпан извештај Харалду Турнеру³⁵. Турнер Францу Рајту шаље одговор 20. децембра 1941. године у којем подржава отварање логора. Крајскомандантура I/823 за Банат је о припреми логора добила од командујућег генерала у Србији посебно наређење у којем је дефинисано како најпре треба одредити место логора. То задужење су добили и успешно обавили крајскомандант капетан Алфред Амелунг, подбан Сеп Лап и префект Франц Рајт. За потребе концентрационог логора одабрана је је времешна зграда некадашњег млина на самој периферији града. Она се налазила на углу Улице цара Душана и Гробљанске улице у

32 Ивковић 1964: 111; Попов 1992: 71.

33 Ивковић 1994: 117; Попов 1992: 189.

34 Mirković 2004: 54.

35 СС бригадни вођа, државни саветник и шеф Управног штаба војног заповедника Србије у Другом светском рату од 1941. године до 1943. године.

близини православног гробља.³⁶ Командант крајскомандатуре I/823 извођење радова преноси у надлежност Надлештва подбана за Банат, односно Окружног начелства.³⁷

За време окупације Хелеров млин је било неопходно преуредити и прилагодити новој намени. Радове на адаптирању некадашњег млина за потребе логора водио је и надгледао шеф Техничког одељења Надлештва подбана за Банат, инжењер Петер Кулман са својим помоћником инжењером Хајнрихом Кунстом.³⁸

Целокупну реорганизацију управног и полицијског апарата у Банату Немци су заокружили оснивањем концентрационог логора у Великом Бечкерекy. Новоосновани логор се звао „Anhaltelager der Sipo und des SD Aussendienststelle Grossbetschkerek“ (Концентрациони логор Вањске испоставе полиције безбедности и Службе безбедности у Великом Бечкерекy).³⁹ У пракси уместо овог исувише дугог назива употребљаван је нешто краћи, свакодневни назив „Комунистички логор“. Логор је почео са радом 20. јула 1942. године као централни логор у Банату. Надлежност над овим логором имала је Крајскомандантура I/823, тј њен одсек Вањске испоставе за Банат.⁴⁰

Зграда некадашњег Хелеровог млина је у бити задовољавала немачке инжењере. Радило се о великој згради са приземљем и два спрата. Зидови, таванице и подови били су бетонски. Прозори су били гвоздених оквира са засторима од жице и у млину су раније у срећним временима служили као обезбеђење од могућих крађа.⁴¹ Поред великих просторија, зграда је располага са четири одвојена бункера, као и са пространим двориштем дужине 42 и ширине 20 метара.

Просторије у згради централног логора су биле квадратне, бетонске просторије величине метар и четврт без прозора и без икаквог намештаја. Немци су ове просторије доградили како би у њих затварали најнепокорније логораше. Те просторије су биле мрачне, без вентилације и у њима се могло само стајати или чучати.⁴² Здање логора је споља било опасно високом оградом, двоструким редом бодљикавих жица као и дубоким каналом. Зграду логора опасивао је правоугаони простор, а на

36 Momčilović 1976: 24.

37 Ивковић 1964: 117.

38 Ивковић 1964: 117; Momčilović 1987: 486; Popov 1992: 189; Kačavenda 1991: 45; Maksimov 2014:92.

39 Лопичић 2009: 99.

40 Ивковић 1964: 117; Momčilović 1977: 486; Popov 1992:189-190; Kačavenda 1991: 45.

41 Momčilović 1987: 87.

42 Ивковић 1964:118; Momčilović 1987: 487; Popov 1992: 190.

сва четири угла биле су смештене високе стражарнице са бетонираним заклонима за пушкарнице. Стражари наоружани пушкомитраљезима су дан ни ноћ осматрали зграду као и прилазе њој. У склопу логорског комплекса били су смештени и јаки рефлектори под чијим су зрацима били двориште, ограда као и сви путеви који су водили у логор.⁴³

У приземљу су се налазиле просторије управе, стражарска соба, радионице, као и три затворске просторије од којих је једна била већа и издвајала се као главна ћелија у којој су биле затворане жене. Ту је још и седам ћелија „самица“ а поред њих и четири „бункера“ ограниченог простора где су логораши одвођени по посебним казнама. Кухиња, вешарница и још неке помоћне просторије такође су се налазиле у приземљу зграде.⁴⁴ У пет великих просторија и неколико мањих било је смештено просечно око осам стотина логораша од којих су до стотину биле жене.

Први и други спрат били су резервисани за затворенике мушког рода. Логорске ћелије су биле обележене бројевима, а свака од њих је имала своје посебности. Тако је „Петица“ била најозлоглашенија од свих просторија јер су у њу затварани логораши који су били предодређени за пут у смрт. У „тројци“ су се налазили они затвореници који су били предвиђени за интернацију до краја рата, а било је ту и оних који су могли очекивати ноћну прозивку која је увек значила само једно-одлазак на губилиште. Ћелија позната као „јединица“ била је резервисана за смештај логораша са мањим временским казнама, док су у осталим ћелијама били логораши осуђени на робијање до окончања рата.⁴⁵

Први командант логора био је Н. Штајнер⁴⁶, а последњи Ханс Лоренц који је на дужности остао све до ослобођења Баната. До септембра 1942. године командант логора био је подређен Префекту полиције за Банат, а од тада непосредно Гестапоу. Стражари логора су били припадници државне страже Баната док су их у ванредним приликама мењали чланови Deutsche Mannschaft-а. Чета стражара бројала је око 70 полицајаца којима је командовао наредник Ердеди.⁴⁷

Приликом пријема сваког логораша испуњаван је специјални картон у који су бележене генералије и казна која му је одређена од стране полицијских власти. Након попуњавања картона заточеник би добијао

43 Ивковић 1964: 117; Момчиловић 1987: 487; Попов 1992: 189.

44 Ивковић 1964: 117; Момчиловић 1987: 488; Попов 1992: 190; Maksimov 2014: 93.

45 Ивковић 1964: 118; Момчиловић 1977: 488; Попов 1992: 190.

46 Момчиловић 1976: 24.

47 Ивковић 1964: 118.

логорски број.⁴⁸ Унутар логора било је неколико радионица које су формиране крајем октобра 1942. године. Из логора су затвореници одвођени на тешке физичке радове у граду, док су жене радиле у немачкој фирми за промет живином и јајима AVIS и у логорској башти која се налазила недалеко од самог логорског објекта.⁴⁹

У Норвешку је крајем априла и почетком маја 1942. године депортовано је око двеста педесет банатских затвореника из Кикинде, Панчева, Меленаца, Кумана, Тараша, Ковачице, Калуђерова, Чешког Села, Банатске Суботице, Баранде, Вршца, Долова, Врачевог Гаја, Јасенова, Беле Цркве, Руског Села, Великог Бечкерека и других места. Интернирани логораши су послати у нова искушења из Концентрационог логора у Великом Бечкереку, логора „Свилара“ из Панчева и кикиндске „Курије“.⁵⁰ Јула 1944. године из бечкеречког концентрационог логора депортовано је око сто педесет затвореника на принудни рад у Француску, Аустрију и Немачку. Пре него су отишли логораши су задржани у логору на Бањици у Београду. Задржани како би им се прикључила још једна група логораша и онда их све зајено их депортовали. Појединци из ове скупине логораша завршили су у концентрациони логор Маутхаузен на принудном раду.⁵¹

Велики део српског народа у Банату прошао је кроз затворе, логоре, собе за мучење. Једни су послати у смрт, а други су преживевши бројна понижења остали у животу али са трајно нарушеним здрављем и троговима злостављања на себи.⁵²

Ослобођење Концентрационог логора Вањске испоставе и његових помоћних радних логора у Банату долази заједно са ослобођењем банатских места почетком октобра 1944. године.⁵³ Логор који није ослобођен у овом налету јесте радни логор у Чоки који је ослобођен 4. августа 1944. године⁵⁴

Група од педесет једног затвореника последњи пут је из логора одведена на стрељање 13. септембра 1944. године. Осим њих који су пред само ослобођење одведени у смрт, у логору је остало заточено још око двеста педесет људи.⁵⁵ На метална врата од логора стражари су ставили катанце и спустили резе. Шпилер дошао до логора о чему је већ било речи

48 Ивковић 1964: 119.

49 Ивковић 1964: 122.

50 Ивковић 1964: 128; Попов 1992: 272; Каџавенда 1991: 45.

51 Бер 1963: 94; Каџавенда 1991: 45; Maksimov 2014: 102.

52 ДА, Ф БИА. I група масовних злочина; Систематски терор, 1.

53 Бер 1963: 94; Atanacković 1951: 244-249.

54 Попов 1992: 293-294.

55 Воџовић 1987: 281.

па је отишао оставивши несрећне људе да у неизвесности очекују расплет догађаја. За Шпилером убрзо логор напуштају и стражари. У запаљеном и минираном логору остају заточени затвореници којима у помоћ при-скачу храбри појединци.⁵⁶ Дуго нису могли да отворе замандаљена логор-ска врата али су секиром на крају успели да провале браву. Међу спасио-цима су се нашли Илија Кртинић, човек кога је Јурај Шпилер ослободио пре бекства, као и Илија Перић чија се кућа налазила у близини логора те је посматрао зграду и знао како је минирана. Ослобођени логораши, који су били у бољем стању, су одмах појурили пред зграду Музеја где се делило оружје, узевши пушке и муницију једни су се распоређивали да стражаре уз важне објекте а други су се сврставали у патроле и трагали за Шпилеровим агентима, својим дојучерашњим мучитељима.⁵⁷ Већина ослобођених логораша је пренета у болницу на лечење јер услед исцрпљености и повреда многи нису били у стању да ходају.⁵⁸

Три године након завршетка рата у Хелеровом млину тамнују Немци, Фолксдојчери који су остали у својим кућама и на својим имањима уверени да ако нису чинили злодела током рата неће трпети последице ни након завршетка Другог светског рата. Као логор, овог пута за Швабе, Хелеров млин је функционисао све до 1948. године где су интернирани затвореници немачке националности.⁵⁹

Након ослобођења Концентрационог логора 2. октобра 1944. године зграда логора служила је за потребе Југословенске народне армије. Године 1968. зграда је издата у закуп као складишни простор за потребе фабрике чарапа „Ударник“. Након окончања рада фабрике „Ударник“ просторије логора су се и даље користиле као складишни простор, али без икаквог одржавања и било какве бриге. Данас се логор налази у веома лошем стању без функције и намене која би била адекватна једном оваквом објекту који се без икакве дилеме може назвати чуваром прошлости. Комплекс некадашњег Хелеровог млина а потоњег логора има својство културног добра и води се као знаменито место од великог значаја за Републику Србију.⁶⁰ Према закону о културним добрима, знаменито место је између осталог простор везан за догађај од посебног значаја за историју.

56 Maksimov 2014: 94-95.

57 Momčilović 1976: 519-520.

58 Ивковић 1964: 129.

59 Kačavenda 1991: 69.

60 <http://www.zrenjaninheritage.com/kulturna-dobra/znamenita-mesta> Приступљено 28.8.2023.

Оно има функцију трајног очувања успомене на значајне догађаје и места из националне историје од посебног и културног историјског значаја.

Зграда у којој је током Другог светског рата био смештен централни логор за простор Баната поред историјске вредности као знаменито место од великог значаја поседује и архитектонску вредност. Наиме, ова грађевина припада индустријској архитектури и као таква сведочи о привредном успону града и његовом развоју у 19. и почетком 20. века.

Узевши у обзир да се некадашњи Концентрациони логор у Зрењанину води као знаменито место од великог значаја за Републику Србију и има својство културног добра несхватљиво је и крајње узнемиравајуће стање запуштености у којем се данас налази. Слушамо готово свакодневно о томе како је не само важно него и неопходно радити на образовању и подизању свести грађана, а нарочито генерацијама које долазе усађивати знања и свест о томе како Други светски рат и дешавања која је собом донео нису нека далека прошлост која не утиче на наше животе данас и не кроје будућност. Слушамо али делање изостаје из године у годину. На очувању културе сећања би се могло порадити управо реконструкцијом зграде логора као својеврсне меморабиле. Будућа намена овог здања које се урушава била би у функцији едукације будућих генерација и неговања сећања на минута времена страдања махом невиних људи током нацистичке окупације. У Историјском архиву у Зрењанину чувају се изјаве бивших логораша. Приликом повлачења окупатор и његове верне слуге су 2. октобра 1944. године највећи део окупаторске архиве о логору и злочинима спалили. Сачуван је само оскудни део документације. Сачувана је и зграда која данас пропада.

Скраћенице

МЖГ – Музеј жртава геноцида

ЛФББ – Лични фонд Бранислава Божовића

АЈ – Архив Југославије

Литература:

1. Atanacković 1959 – *Atanacković Ž. Vojvodina u borbi 1941-1945*. Novi Sad: Forum, 1959.
2. Božović 1987– *Božović B. Juraj Špiler*. Zagreb: Centar za informacije i publicitet, 1987.

3. Veg 1963 – *Veg Ш.* Систем немачке окупационе власти у Банату: 1941-1944. // Зборник Матице Српске за друштвене науке. Нови Сад: Матица Српска, 1963. 35. С. 63–105.
4. Ивковић 1964 – *Ивковић Б.* Затвори, концентрациони и радни логори у Банату 1941-1944. // Зборник за друштвене науке МС. № 39. Нови Сад: Матица Српска, 1964. С. 110-129.
5. Kačavenda 1991 – *Kačavenda P.* Nemci u Jugoslaviji 1918-1945. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1991.
6. Лопичић 2009 – *Лопичић. Ђ. Н.* Немачки ратни злочини 1941-1945 – Пресуде југословенских војних судова. Београд: Музеј жртва геноцида, 2009.
7. Maksimov 2014 – *Maksimov B.* Dr Juraj Špiler: policajac, profesionalac, krvnik, ratni zločinac. Zrenjanin: Diginet, 2014.
8. Mirković 2004 – *Mirković J.* Žrtve u logorima 1941-1945. godine. Novi Sad: Istina, 2004.
9. Momčilović 1976 – *Momčilović Đ.* Banat u narodnooslobodilačkom ratu. Beograd: Institut za izučavanje istorije Vojvodine, 1976.
10. Momčilović 1977 – *Momčilović Đ.* Kako do brigade. Kikinda: Odbor za negovanje tradicija trinaeste vojvođanske udarne brigade, 1977.
11. Момчиловић 1987 – *Момчиловић Ђ.* Зрењанинске ватре (Зрењанин у рату и револуцији). Зрењанин: Историјски архив, 1987.
12. Попов 1992 – *Попов В.* Немачки затвори и концентрациони логори у Банату 1941-1944. Београд: Institut za savremenu istoriju, 1992.
13. Поповић 2019 – *Поповић А.* Antifašistička borba u Banatu 1941-1944. Zrenjanin: Zrenjaninski socijalni forum, 2019.
14. Petranović 1988 – *Petranović B.* Istorija Jugoslavije: 1918-1988. Knj. 2. Narodnooslobodilački rat i revolucija: 1941-1945. Beograd: Nolit, 1988.
15. Petranović 1992 – *Petranović B.* Srbija u Drugom svetskom ratu 1939-1945. Beograd: Vojnoizdavački i novinski centar, 1992.

References

1. Atanacković, Ž., 1959. *Vojvodina u borbi 1941-1945.* Novi Sad: Forum.
2. Božović, B., 1987. *Juraj Špiler.* Zagreb: Centar za informacije i publicitet.
3. Veg, Š., 1963. Sistem nemačke okupacione vlasti u Banatu: 1941-1944. [System of German occupational administration in Banat: 1941 –1945] *Zbornik Matice Srpske za društvene nauke*, 35, pp. 63–105. (In Serb.)
4. Ivković, B., 1964. Zatvori, koncentracioni i radni logori u Banatu 1941-1944. [Prisons, concentration and labour camps in Banat 1941–1945] *Zbornik za društvene nauke Matice Srpske*, 39, Novi Sad: Matica Srpska, pp. 110-129. (In Serb.)
5. Kačavenda, P., 1991. *Nemci u Jugoslaviji 1918-1945.* Beograd: Institut za savremenu istoriju.
6. Lopičić, Đ.N., 2009. *Nemački ratni zločini 1941-1945 – Presude jugoslovenskih vojnih sudova* [German war crimes 1941–1945 – Verdicts of Yugoslav war courts]. Beograd: Muzej žrtava genocida. (In Serb.)

7. Maksimov, B., 2014. *Dr Juraj Špiler: policajac, profesionalac, krvnik, ratni zločinac*. Zrenjanin: Diginet.
8. Mirković, J., 2004. *Žrtve u logorima 1941-1945. Godine*. Novi Sad: Istina.
9. Momčilović, Đ., 1976. *Kako do brigade*. Kikinda: Odbor za negovanje tradicija trinaeste vojvođanske udarne brigade.
10. Momčilović, Đ., 1977. *Banat u narodnooslobodilačkom ratu* [Banat in the People's Liberation War]. Beograd: Institut za izučavanje istorije Vojvodine. (In Serb.)
11. Momčilović, Đ., 1987. *Zrenjaninske vatre (Zrenjanin u ratu i revoluciji)* [Fires of Zrenjanin (Zrenjanin in the war and revolution)]. Zrenjanin: Istorijski arhiv. (In Serb.)
12. Popov, B., 1992. *Nemački zatvori i koncentracioni logori u Banatu 1941-1944*. Beograd: Institut za savremenu istoriju. (In Serb.)
13. Popović, A., 2019. *Antifašistička borba u Banatu 1941-1944*. Zrenjanin: Zrenjaninski socijalni forum.
14. Petranović, B., 1988. *Istorija Jugoslavije: 1918-1988. Narodnooslobodilački rat i revolucija. 1941-1945. II*, Beograd: Nolit.
15. Petranović, B., 1992. *Srbija u Drugom svetskom ratu 1939-1945*. Beograd: Vojnoizdavački i novinski centar.

Biljana Marčević

Historian, curator and museum pedagogue
Genocide Victims Museum, Belgrade, Serbia.
11000, Trg Nikole Pašića, 11/3.
biljana.marcojevic@gmail.com

Juraj Špiler's trial in Zrenjanin and the Heller mill building as a silent witness

The focus of the work is Juraj Špiler, a pre-war policeman in the service of the Kingdom of Yugoslavia, an associate of the occupiers during wartime, a post-war fugitive, and shortly thereafter a prisoner without any political and civil rights. During the Second World War, numerous crimes were committed all over the territory of the occupied Banat, and there were few in which Juraj Špiler was not involved, at first as an executor and from February 1942 onwards as an orderer in the leading position of the Public Security Command. He obsessively persecuted members of the resistance movement, their helpers and family members, as well as many innocent people who happened to get in his way. For sieges and other police actions throughout the Banat, he gathered his closest associates to form the so-called Strike Group. He often gave permission to have members of this group investigated and tortured, as well as executed, because he considered the "Volksdeutsche" (ethnic Germans) unfit for the role of occupiers and unprepared to perform police duties. He was tried for the crimes committed in Zrenjanin, a town named after Žarko Zrenjanin, who had been killed by Juraj Špiler. On December 2, 1948, Špiler was sentenced to death by hanging.

Keywords: Juraj Špiler, Banat, Zrenjanin, Volksdeutsche, war crimes, camps, court processes, culture of memory, Heller's mill

Анатолий Семенович Аникеев

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, 119334,

Ленинский проспект, 32 А.

dav_bowie@rambler.ru

Становление югославского рабочего самоуправления в Югославии. 1950-е годы. Борис Кидрич

В статье анализируется начальный этап формирования самоуправленческой концепции в ФНРЮ. Обращение к этой концепции было вызвано советско-югославским конфликтом 1948 г. Концепция базировалась на марксистской теории об освобождении труда в процессе перехода от капиталистической к социалистической формации, а также на опыте Парижской Коммуны. Одним из разработчиков этой концепции был Борис Кидрич. В декабре 1949 г. было принято решение о создании на базе предприятий рабочих советов, а 27 июня 1950 г. был принят закон о передаче предприятий промышленного сектора под управление трудовых коллективов. Подготовка этих законодательных актов сопровождалась дискуссией в руководстве страны о характере функционирования вновь создаваемых самоуправленческих органов.

Ключевые слова: Кидрич Борис, Кардель Эдвард, Югославия, самоуправление, трудовые коллективы, советско-югославский конфликт 1948 г.

Возникновение группы восточноевропейских государств после Второй мировой войны под политическим руководством СССР поставило перед Кремлем ряд серьезных вопросов как геополитического характера, так и связанных с организацией власти в этих странах, где должна была быть обеспечена гегемония коммунистов. В основе советской геополитической программы лежало сформировавшееся в Москве к концу войны представление о новой роли СССР как великой державе, призванной, вместе с западными демократиями решать будущее устройство мира. Постепенно советизируемые страны восточного блока должны были выполнять две функции: обеспечить пояс безопасности для СССР, а затем, по мере укрепления и продвижения коммунистического устрой-

ства внутри страны, превращаться, вместе с Советским Союзом во главе, в ядро будущего общепланетарного социалистического лагеря. Страны, с разной степенью интенсивности приступили к выполнению советского плана, подчиняясь, как его составной части, так и общей политико-идеологической концепции, разработанной в 1920-30-гг. в Коминтерне.

Югославское коммунистическое руководство, являясь самым последовательным копиистом сталинского режима, завоевав фактически власть в 1945 г., репрессировал и изгнав своих политических оппонентов, начало с огромным энтузиазмом овеществлять коммунистическую идею, рассматривая ее и в качестве национальной задачи. Одновременно, Тито и его ближайшее окружение, оказывавшее в послевоенный период доминирующее влияние на процесс принятия решений в стране, считали, что Югославия как бывший антигитлеровский союзник, с одной стороны, и верный Москве коммунистический паттерн на Балканах, - с другой, имеет законное право на выработку и проведение позитивно-конкурентной политической линии и в регионе, и в европейском коммунистическом движении. Вместе с тем, отношения СССР и западных держав в 1946-1948 гг. стали быстро меняться в худшую сторону, поскольку на Западе в результате тщательного анализа советской политики, в том числе и сущностного, отраженного в «длинной» телеграмме Дж. Кеннана от 22.02.1946 г., поняли, что дальнейшее сотрудничество с Москвой из-за наступившей по ее инициативе поэтапной ревизии ялтинско-потсдамских соглашений невозможно.

Разворачивающаяся «холодная война» заставила Кремль внести изменения в свою политику в Восточной Европе, принуждая своих сателлитов к скорейшей советизации режимов, а также к предельному ограничению самостоятельной внешнеполитической активности, передав ее полностью в компетенцию Москвы. Югославия, проводившая в тот период кампанию по включению в свою орбиту Албании, оказанию значительной помощи греческому повстанческому движению, оказалась по последнему пункту первой в советском списке требований. Югославское руководство, испытывавшее в конце 1947 - начале 1948 гг. серьезное бескомпромиссное давление со стороны советского с целью коррекции курса Югославии в нужную Москве сторону, показало частичную неготовность подчиниться ее предписаниям, обсуждая в закрытом режиме, помимо прочего, в негативном ключе советскую тактику, что стало известно в Кремле. Дальнейшие события развивались по традиционному репрессивному сценарию, с предъявлением югославам обвинений в предательстве «общего дела» и ревизионизме, закончившиеся изгна-

нием-уходом Югославии из советского блока, которое началось во второй половине 1948 г, после июньской резолюции Информбюро, а завершилось ноябрьской, 1949 г., объявившей, что Югославия находится в руках «шпионов и убийц». До начала открытой фазы советско-югославского конфликта югославское руководство уже демонстрировало в своей политике частичное неприятие советской политики «монолитизма», с оговорками уступив советскому требованию вывести в мае-июне 1945 г. войска НОАЮ из района Триеста, чтобы не вызвать столкновение с британскими войсками в этом районе и не углубить возникший к этому времени кризис. Уже тогда в Кремле начали понимать открывающуюся перспективу сложных взаимоотношений с Тито, который «смиряться» только после кремлевского давления на него. Однако по мнению советского руководства, высоко ценившего прежние заслуги Тито, он продолжал оставаться «хорошим парнем» в их глазах. Казалось, что ничто не предвещало скорого расставания, хотя несколько эпизодов во взаимоотношениях с Москвой в предшествующий период заставляют предположить, что у Тито и его близкого окружения могли быть причины для недовольства советским руководством. Так, весной 1945 г. Тито в выступлении в Любляне сказал, зная, очевидно, о согласованном Черчиллем и Сталиным в октябре 1944 г. процентном соглашении о политическом влиянии СССР и Великобритании в Юго-Восточной Европе, где Югославия делилась ровно пополам - 50 на 50, что югославская компартия всегда была против разделения послевоенной Европы на сферы влияния. Реакция советской стороны была молниеносной. Спустя три дня, 31 мая 1945 г., заместитель министра иностранных дел А.Я. Вышинский направил советскому послу в Белграде И.В. Садчикову письмо с просьбой выяснить, что имел в виду Тито, когда говорил об «оплате чужих счетов», «разменной монете» и «политике сфер влияния». 4 июня посол посетил Э. Карделя для того, чтобы услышать официальные объяснения¹. Кардель разъяснил, что Тито имел в виду «англо-американцев и итальянцев», а под политикой сфер влияния «политику англичан в Югославии». При этом он сослался на полученное Тито письмо от Черчилля, в котором тот говорил об особой заинтересованности Англии в Югославии и «нежелательности расширения на ее территорию интересов других государств». Он подчеркнул, что фраза о сферах влияния не относится к Советскому Союзу, но, напротив, добавил он, «формулой нашей независимости было и остается союз и опора на Советский Союз», правитель-

1 Российский государственный архив социально-политической истории (далее - РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1343. Л. 131.

ство которого сделало все возможное, поддержав нас в вопросе о Приморье и Триесте. Через несколько дней после возвращения Тито в Белград ему пришлось уже самому оправдываться перед С. Садчиковым. Он сказал, что его слова были неверно поняты, а на самом деле он имел в виду только англичан и американцев, «которые желают заручиться поддержкой Италии и Франции за счет Югославии». Садчиков возразив, сказал, что он внимательно прочитал речь Тито и не нашел в общем контексте ничего такого, что подтверждало бы эти слова, но что «логически трудно допустить, чтобы англичане делили с Италией или Францией сферы влияния в Югославии или оплачивали бы счета итальянских реакционеров за счет Югославии». Продолжив, он указал, что выражение «мы не желаем оплачивать чужие счета» можно понять в том смысле, что в «нынешнем критическом положении Югославия очутилась не за свои, а за чужие грехи. Словом, читатель и не может понимать приведенные выражения иначе, чем выпад против Советского Союза». Тито пытался объяснить это неверной трактовкой его высказывания, в которой, по его мнению, содержались даже «нотки недоверия» к нему. Он подчеркнул, что не допускает мысли об отношении сказанного к Советскому Союзу и просит передать Молотову, что он имел в виду «исключительно империалистическую политику англо-американцев»².

Между тем югославское руководство не считало, что сбалансированные отношения с западными странами угрожают кремлевской стратегии размежевания с Западом. Если США в тот период рассматривались в Белграде, несмотря на предоставленную в конце войны материальную помощь, как основное воплощение империализма и главный носитель зла во враждебной системе, то восприятие Англии, судя по имеющимся источникам было несколько иным. В отчете посла Великобритании в Белграде Ч. Пика, направленном в Лондон в 1951 г., содержалась информация о югославо-британских отношениях, получивших в 1947 г. определенное развитие, что, по донесениям советского посольства, могло интерпретироваться в Москве как несанкционированное сближение с «империалистами». Летом того же года британское посольство устроило, одобренную Э. Бевином, книжную выставку, на открытии которой присутствовал И. Броз-Тито, устроивший по этому случаю прием и, как писал посол, произнесший, к удивлению иностранцев, речь на английском языке. Английский посол сообщал также и о визите в Белград архиепископа Йорка Сирила Гарбетта (Cyril Garbett), примуса Англии, т.е. второго лица в англиканской церкви. Югославский министр иностранных дел Э. Кар-

2 Там же. Л. 134, 139-140.

дель устроил в его честь официальный прием, а затем он был приглашен и на встречу с Тито, который, как отмечал посол, встретил его радушно. Не исключено, что контакты такого рода и на таком уровне с англичанами действительно могли стать дополнительным фактором в возникновении конфликта 1948 г. Как сообщил Ч. Пику регулярно общавшийся с ним югославский заместитель министра иностранных дел Владимир Велебит, которого в Кремле после возникновения конфликта с Югославией неоднократно называли английским шпионом, перечисленные эпизоды в югославо-британских отношениях 1947 г. вызвали «сильное недовольство советского правительства»³. В этой связи можно предположить, что югославское руководство стремилось еще до конфликта выстраивать отношения двух сторон в соответствии с известным процентным соглашением октября 1944 г. между Сталиным и Черчиллем (50 на 50 политического влияния в стране), что в новых условиях вряд ли могло устраивать Кремль. В тот момент, перефразируя Сталина, складывалась ситуация, когда «логика обстоятельств, оказывалась сильнее логики намерений». Отдельные эпизоды такого рода, как казалось, не должны были в условиях консолидации советского блока и жесткой партийной, еще коминтерновской иерархической дисциплины, оказывать серьезное влияние на характер двусторонних связей, но, однако, их возрастающее число в отношениях между руководством двух партий вскоре привело к возникновению конфликта. Для Тито и его ближайшего окружения, почти самостоятельно завоевавших власть и заявлявших о своей независимой позиции, патерналистский тип отношения Москвы к КПЮ, постоянный прицельный «мониторинг» внутренней и внешней политики страны, требование регулярных отчетов о своих действиях, несмотря на то, что это было как обязательный элемент заложено еще коминтерновской практикой, становились все более неприемлемым и раздражающими. При этом Тито, в известной степени ограниченный региональным горизонтом и зачастую руководствуясь собственными амбициями «главного коммуниста на Балканах», не мог в полной мере оценить, принимая те или иные решения, долгосрочной кремлевской антизападной стратегии, понять геополитические построения советского руководства, ориентированные на постепенное завоевание коммунистами власти в большинстве стран мира и ограничение доминирования США и их союзников.

С осени 1948 г., по мере нарастания советского пропагандистского давления, в Белграде начинается постепенная переоценка сталинской внутренней и внешней политики. Процесс этот проходил в несколько эта-

3 UK.The National Archives (TNA). Kew. FO: Southern Europe. 371/95489

пов и был тесно связан с политикой Кремля, с его попытками подорвать единство правящей группы в КПЮ, изолировать Тито и найти альтернативную фигуру на роль лидера партии. Расширение клеветнической антиюгославской кампании в первой половине 1949 г и развернувшиеся репрессии против «титоистов» в восточноевропейских странах, в частности, процесс Тр. Костова в соседней Болгарии, ускорили пересмотр югославским руководством сталинской практики. Принятие в мае 1949 г. Закона о народных комитетах и 3-й пленум ЦК КПЮ, прошедший в июле того же года обозначили подготовку группы Тито к теоретическому и практическому пересмотру советской концепции социализма, в частности, вопроса о границах и форме государственного контроля в промышленности. Начинается подготовка к введению новой системы управления государственными предприятиями, а в конце 1949 г. она получает законодательное оформление. Главные теоретики этой реформы, и Эдвард Кардель, и Борис Кидрич, ссылались при ее разработке на положение Маркса о передаче капиталистических фабрик и заводов в руки производителей при переходе к новой общественной формации. Тито поддерживал и направлял идеи реформаторов. Кардель в своих мемуарах описывал ситуацию в высших эшелонах партийной власти после разрыва с Москвой как череду непрерывных дискуссий о перспективах развития социализма в стране, которые велись в окружении Тито. Особенно долго и обстоятельно обсуждал Кардель эти вопросы с Кидричем, руководившим, как он пишет, «одной из сложнейших областей нашей жизни – экономикой»⁴. Возможно, что именно тогда произошел синтез идей Карделя с экономическим замыслом Кидрича, что позволило подготовить к концу 1949 г. введение новой системы управления госпредприятиями. Существует и версия М. Джиласа, слова которого о возникновении самоуправленческой идеи приводит в своей работе Й. Пирьевец. М. Джилас утверждал, что изначально идея самоуправления принадлежала ему. Он писал: «По моему мнению, систему нужно было упростить: все предоставим рабочим на заводах, а мы просто будем собирать налоги. В сущности, как на предприятиях на Западе, но чтобы отношения собственности остались социалистическими. Я видел быстрое и постыдное разрастание бюрократии и бумаг, и мне пришло в голову – при чтении Маркса, - что все это можно было упростить». Джилас поделился своими мыслями с Карделем и Кидричем, которые согласились с ним, но не сразу, выразив сомнение в своевременности ее реализации. Затем тема обсуждалась поздней вес-

4 *Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije. 1944-1957. Secanja. Ljubljana-Beograd, 1980. S. 133.*

ной 1949 г. с Тито, также посчитавшим, что «югославский пролетариат еще не дорос до этого». Однако, когда ему объяснили, что самоуправление может «вырвать их из силков сталинизма и даже стать моделью развития для других», подкрепив это цитатами из Маркса, он понял, о чем идет речь и воодушевился этой идеей⁵.

Теоретические работы Кидрича и его анализ текущей ситуации в югославской экономике 1946-1947 гг., еще до возникновения конфликта с Москвой, показывали, что проблемы перехода от законов, действовавших в Югославии в капиталистический период ее развития, к новым социалистическим формам уже тогда находились в поле его внимания. В сентябре 1946 г., выступая на пленуме Центрального веча Народной молодежи Югославии, Кидрич изложил свое видение процесса формирования экономики Югославии в первые год после войны. Он отметил, что югославский путь кардинально отличался от выбора других восточноевропейских стран, а также Советского Союза, поскольку в его основе лежала экспроприация собственности так называемых национал-предателей, то есть той части населения, которая добровольно пошла на сотрудничество с оккупационным и квислинговским режимами. В первую очередь речь шла о буржуазии, но также в эту группу включались, как известно, зачастую произвольно, более широкие слои жителей старой Югославии, интеллигенция, ремесленники, крестьянство, не покинувшие страну после 1941 г. и вынужденные работать в условиях нацистской оккупации и сотрудничавших с оккупантами квислинговских режимов. Как объяснял Кидрич, это позволило без национализации, главной революционной меры в странах, оказавшихся в орбите советского блока, создать базу новой социалистической экономики, позже дополненную двумя национализациями, первой в декабре 1946 и второй в апреле 1948 г.⁶ В основе его критики советского бюрократического государственного капитализма лежало несколько положений. Он призывал к отказу от бюрократического понимания экономики, от диктата государственного плана, ратовал за предоставление предприятиям инициативы и самостоятельности и, ссылаясь на конкретные работы классиков марксизма, подчеркивал, что эти положения содержатся в марксистско-ленинской теории. Тео-

5 Пирьевец 2019: 314-315.

6 Каменецкий 1991:11. По второй национализации была обобществлена вся промышленность. К лету 1948 г. было национализировано 3100 предприятий, от рудников, электростанций, складов до санаториев, отелей, кинотеатров. Кидрич подчеркивал, что для ремесленничества эта акция не представляла никакой опасности. «Мы констатируем рост этой отрасли», - говорил он на заседании Скупщины в конце апреля 1948 г. *Kidrič B. Sabrana dela. Beograd, 1985. T. IV. S. 171.*

ретические работы Кидрича о политэкономии социализма конца 1940-х - начала 1950-х гг. заложили основу югославской самоуправленческой концепции, позволили вскоре перейти к ее практической реализации. В основе перехода лежала теория Маркса о том, что после пролетарской революции происходит отмирание государства и функции управления обществом берут на себя самоуправленческие организации рабочих и трудового народа.

Поиски и теоретическая разработка новых форм хозяйствования, начатые Кидричем уже спустя месяц после появления резолюции Информбюро были ускорены необходимостью резко повысить эффективность экономики в условиях блокады со стороны СССР и стран советского блока, невозможностью выполнения в полном объеме принятого весной 1947 г. 5-летнего плана. Как и другие руководители КПЮ, Кидрич разделял сформировавшееся к тому времени в руководстве мнение о том, что обвинение Югославии со стороны Москвы свидетельствовало о глубоком кризисе социализма в СССР, к которому его привел сталинизм⁷.

После возникновения конфликта с Москвой Кидрич развернул критику советской бюрократической системы, ее экономической и теоретической базы. За его активными усилиями в борьбе с бюрократизмом в этот период скрывалась задача ограничения влияния определенных групп в югославском руководстве, которые придерживались взглядов на экономику Югославии, основанных на принципах советской политэкономии, что в новых условиях являлось тормозом для дальнейшего развития страны. Критика советской бюрократической системы давала также возможность показать от каких элементов этой системы, заимствованных югославскими политиками и экономистами до 1948 г., следует отказаться. В обширном докладе под названием «Строительство социалистической экономики ФНРЮ» на V съезде КПЮ в июле 1948 г. Кидрич подчеркивал, что югославы учитывают советский опыт социализма, но имеют свое представление о специфических условиях в собственной стране, повторив старый тезис о конфискации имущества, которая заложила основу «социалистического типа нашей экономики». Вторым условием был достигнутый союз с середняком, «вопреки его колебаниям». В этом он видел отличие от русской революции, где была реализована политика союза с бедняком и нейтрализации середняка. Третьей особенностью (условием по терминологии Кидрича) было то, что после освобождения страна избежала гражданской войны и империалистической интервенции. Это позволило, опираясь на энтузиазм трудящихся, входивших в

7 Modić 1985: 64.

Народный фронт, сразу приступить к обновлению экономики, технической реконструкции, расширению и формированию обобщественного хозяйственного сектора. Он указал и на существование СССР и стран социализма, как значимого фактора, исключившего окружение Югославии капиталистическими странами, «как это было с октябрьской революцией»⁸. Кидрич отметил также большую экономическую помощь Югославии от СССР и стран народной демократии, как и то, что благодаря «колоссальному международному авторитету СССР» Югославии удалось получить значительную помощь от ЮНППА, несмотря на то, что она уже вступила на революционный путь⁹.

Б. Кидрич, в то время председатель правительственной Плановой комиссии и член Политбюро, был главной фигурой, ответственной за разработку механизма реализации новой социо-экономической концепции на практике. Комплекс поставленных задач основывался на критическом переосмыслении бюрократического государственного капитализма, который, как считало югославское руководство, был реализован в СССР. Предполагался комплекс мер для перестройки югославской экономики, которая ранее в полной мере заимствовала советский опыт. С середины 1949 г. он на различных форумах выступал с программой децентрализации, которая предусматривала передачу значительной части управленческих функций с союзного уровня на республиканский и местный. Принятие этого решения, которое рассматривалось и как способ преодоления бюрократических тенденций, позволило уже в начале 1950-х гг. высвободить около 100 тыс. служащих в центральных структурах и перевести их на республиканский и локальный уровень, провести сокращение несколько министерств. Он предлагал также отказаться от централизованного директивного планирования, отдав предпочтение его локальным формам.

Летом 1949 г. появляется статья Э. Карделя «О народной демократии в Югославии», написанная на основе его доклада в Народной скупщине в конце мая и посвященная принятию нового закона о народных комитетах. Он обосновывал тезис, согласно которому вводимые в закон дополнения и изменения, главным образом, относящиеся к расширению прав и полномочий народных комитетов, усилению их вертикальной структуры от областного до местного уровня, а также обновление механизма, позволяющего избирать в народные комитеты лучших и компетентных представителей трудового народа, будут способствовать

8 *Kidrič B. Sabrana dela. IV. S. 177.*

9 *Ibid. S. 178.*

дальнейшему развитию и укреплению «самоуправленческой демократии» в Югославии¹⁰. Народные комитеты должны были стать, по мысли Карделя, основным институтом и механизмом, передававшим управление государством, в широком смысле, в руки народа. Новый Закон о народных комитетах предусматривал закрепление в рамках их компетенции руководства хозяйственной, социальной и культурной сферами на своих территориях на основе указаний и директив вышестоящих органов в соответствии с общегосударственным планом. В то же время, как подчеркивал Кардель, Закон наделял местные комитеты значительной самостоятельностью, что уменьшало их зависимость от решений и указаний отдельных министерств. Так, в частности, народные комитеты получали право создавать предприятия различного профиля, используя собственный, увеличенный за счет финансирования государства и коммунальных платежей, бюджет¹¹. С. Вукманович-Темпо, говоря о планах, обсуждавшихся в руководстве в середине 1949 г., он отмечал, что, принимая первые шаги в направлении децентрализации, идея о передаче управления предприятиями в руки рабочих коллективов еще не была окончательно сформулирована. Вместо этого, чтобы приблизить «власть к массам», рассматривалась возможность наделения народных комитетов особыми правами, сделав их «наивысшей властью революционного народа на территории городов и сел», опираясь при этом на опыт Парижской коммуны, во время существования которой вся власть принадлежала непосредственно народу. Вукманович подчеркивал, что ориентация Югославии на этот опыт с неизбежностью сталкивала ее с предельно централистской сталинской концепцией построения социализма, которой югославы строго до этого следовали¹².

В мае 1949 г. на совещании Хозяйственного совета и Центрального комитета Совета профсоюзов Югославии, как пишет историк Б. Петранович, в связи с критикой политики директоров на предприятиях, которые обвинялись в том, что они являются носителями бюрократизма, зашел разговор о рабочем самоуправлении. Эта мера, в условиях директорского противодействия могла бы способствовать, как отмечалось, более успешной реализации плановых заданий. Тогда же прошли консультации Э. Карделя и других партийных руководителей с Тито, в ходе которых обсуждалась идея превращения народных комитетов в основные

10 *Kardelj E.* O narodnoj demokratiji u Jugoslaviji. Povodom novog Zakona o narodnim odborima. Beograd, 1949. S. 5.

11 *Ibid.* S. 87.

12 *Vukmanovic-Tempo S.* Revolucija koja tece. Memoari. Knjiga. 2. Beograd, 1971. S. 140.

органы самоуправления. И. Джорджевич, согласно Петрановичу, один из разработчиков идеи «рабочих советов» отмечал, что одной из главных мотивов Тито, выступавшего за введение самоуправления было желание противопоставить эту концепцию советской модели, обозначив дистанцию между ними. Югославия, в условиях неразвитости своей государственной и общественной организации не могла, по его словам, сопротивляться «мощному пропагандистскому, политическому, экономическому и военному сталинскому аппарату». Согласно Джорджевичу, самоуправление было также одним из способов, который должен был способствовать увеличению производства, усилив мотивацию рабочих, поскольку ситуация в экономике была «трагичной»¹³. Таким образом, до принятия декабрьского 1949 г. решения о введении рабочих советов, этот проект неоднократно обсуждался в высшем руководстве, причем Тито на первых порах отнёсся к нему сдержанно, считая, что рабочие по разным причинам пока не готовы в полной мере участвовать в управлении производством, как и принять ответственность за это¹⁴.

Теоретические работы Кидрича и его анализ текущей ситуации в югославской экономике 1946-1947 гг., еще до возникновения конфликта с Москвой, показывали, что проблемы перехода от законов, действовавших в Югославии в капиталистический период ее развития, к новым социалистическим формам уже тогда находились в поле его внимания. Он пытался полемизировать с теми, кто утверждал, что в новой Югославии произошло замещение капиталистической собственности на средства производства государственной собственностью, в форме госкапитализма. Возражая оппонентам, он подчеркивал, что при социализме, который строится в Югославии, вся собственность, принадлежавшая ранее капиталистам, становится общенародной, а в экономике начинают действовать новые законы, в том числе и закон прибавочной стоимости¹⁵.

С. Вукманович-Темпо, в тот период министр в правительстве, отмечал в своих мемуарах, что меры по децентрализации экономики болезненно воспринимались управленцами, привыкшими работать в сложившихся и вполне комфортных для них условиях, которые жестко сопротивлялись реформам. Оппозиция, как он указывал, была также и в рядах партии¹⁶. Кидрич также выступил против механического обра-

13 Petranović 1988: 289-290.

14 Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. Priredili B. Petranović i M. Zečević. Beograd, 1988. S. 1019.

15 Kidič B. Sabrana dela. V. S. 181.

16 Vukmanovic-Tempo S. Revolucija koja tece. S. 141.

щения к опыту НЭПа, отметив, что условий, при которых он существовал в СССР «у нас вообще не могло быть»¹⁷. В своем докладе на съезде он коснулся и важной темы политики КПЮ на селе. Возражая теоретикам и руководителям компартии Франции и Италии, говоривших о незавершенности буржуазно-демократической революции в Югославии, где не была проведена национализация земли, он говорил об их непонимании условий, существовавших в России 1917 г. и сложившихся в Югославии в 1945-1946 гг. в сфере землепользования и соответственно психологии крестьянина¹⁸. Национализация земли как предпосылки для осуществления социалистической реконструкции сельского хозяйства означала бы, по его мнению, «катастрофу для югославской народной революции», разрушила бы союз трудового народа, сделала бы «из бедного крестьянина и середняка активный резерв буржуазии», которые восприняли бы эти меры как «экспроприацию мелких товарных производителей». При этом он ссылаясь на Сталина, говорившего, что «крестьянское хозяйство не является капиталистическим хозяйством, но что оно, с учетом его размеров, является мелкотоварным хозяйством»¹⁹. Неоднократное обращение Кидрича в докладе к «теоретическому» наследию Сталина, для обоснования и подтверждения собственных взглядов на перспективу социалистического развития Югославии, возможно было свидетельством готовности части югославского руководства обсуждать возникшие разногласия и искать компромисс непосредственно с советским вождем, обойдя бюрократический партийный аппарат и коминформовскую верхушку, но прямо апеллируя к авторитету советского вождя, который должен был, вопреки ждановско-сусловско-молотовской антиюгославской позиции, увидеть в творческих исканиях Белграда не ревизионизм и предательство, а искренность и революционный поиск и порыв. Такая традиция прямого обращения к Сталину существовала в СССР, и, возможно, в коминтерновской среде.

Предпринятая Кидричем критика бюрократических тенденций в новой Югославии решала две задачи - противопоставление сформулированной им экономической теории советской, а также ограничение влияния, ориентированной на советскую модель части управленческого аппарата, который, согласно его представлениям, должен был быть в основе сохранен, но очищен он бюрократизма. В марте 1950 г. на правительственном совещании с республиканским хозяйственным активом

17 *Kidrič B. Sabrana dela. V. S. 182-183.*

18 *Ibid. S. 188.*

19 *Ibid.*

Кидрич подчеркивал, что борьба с бюрократизмом как общественным явлением, который при социализме, «отделяясь от производственного процесса, превращается в особую касту, в паразита», не должна, в то же время, рассматриваться как ликвидация аппарата, без которого невозможно нормальное функционирование экономики, важен только постоянный контроль за его работой со стороны трудящихся. При этом он подчеркивал необходимость избегать такого нездорового явления как «пролетаризация» аппарата за счет привлечения из производственной сферы малограмотных молодых людей, что способствует формированию безграмотного и плохо подготовленного аппарата, в котором число замещает качество²⁰.

К концу 1949 г. югославское руководство, испытывая немалые сложности в экономике, вызванные блокадой СССР и стран советского блока, приступило к постепенной нормализации отношений с западными странами. В этот период важной задачей становится как реальная, так и пропагандистская модификация образа страны, которая в своей политике постепенно отходит от копирования жесткой сталинской социо-экономической модели. Этот план югославское руководство пыталось реализовать и через структуры европейского социалистического движения, готового к контактам с КПЮ. Кидрич, встречаясь в ноябре этого года с итальянскими социалистами, говорил им, что задачей руководства страны является не строительство социализма казарменного типа, в котором уничтожается индивидуальность, но такого социализма, где свобода и развитие человека будут главной целью. Наивысший моральный смысл социализма, по его словам, «заключается в преодолении противоречия между коллективом и индивидуумом». «Уничтожение индивида коллективом было бы абсурдным противоречием и угрожало бы самому социализму»²¹. В комментарии составителей тома к этой встрече отмечалось, что в результате конфликта 1948 г. КПЮ сохранила отношения в основном с социалистическими партиями Западной Европы и особенно с итальянскими социалистами, благодаря их «традиционной антифашистской позиции». Контакты с западноевропейскими социалистами были, как отмечалось, единственным в то время каналом, через который транслировалась югославская позиция относительно сути конфликта²². Развитие и укрепление отношений с социалистическими партиями должны были иметь свои пределы, как считали в руководстве КПЮ/СКЮ. И ког-

20 Ibid. S. 223, 228-231.

21 Ibid. S. 363.

22 Ibid. S.228-231.

да с началом нормализации с СССР и странами «народной демократии» в 1953-1954 гг., связь с европейскими социалистами пытались продолжить М. Джилас и его единомышленники в расчете применить, может быть частично, опыт европейской социал-демократии в коммунистической Югославии, Тито, как главный авторитет в партии, решил завершить этот процесс традиционным для автократа репрессивным актом, наказав Джиласа. В условиях нормализации с Кремлем он должен был продемонстрировать Москве «чистоту» югославской компартии, не воспринявшей и не готовой принять идеологию социал-демократии, квазидемократическую с советской точки зрения.

После принятия зловещей третьей резолюции Информбюро в ноябре 1949 г. югославское руководство усиливает критику советского режима, прежде всего в его сталинском изводе, отказываясь, в том числе почти полностью от дальнейшего воспроизведения заимствованных ранее экономических теорий и практики. Кидрич ссылался при этом на Карла Маркса, указывавшего что для социализма существует большая внутренняя опасность - бюрократия и бюрократизм, которые стремятся заместить широкую народную инициативу в решении всех социальных и экономических вопросов как его тунор и паразит²³. Однако еще в первой половине 1949 г. Кидрич критиковал советскую экономическую теорию, отмечая неверную трактовку категории товара советскими экономистами, не увидевшими «нового общественного характера и глубоких революционных изменений» в самом понятии «товар», как и в других экономических категориях, что было четко, как он подчеркивал, сформулировано в «Капитале» Маркса. Он писал, что «сухой практицизм и наивная глорификация примитивных форм социализма не могли далеко увести советских экономистов». Согласно Кидричу, Маркс и Энгельс, указывали, описывая в своих прогнозах развитие общества будущего, что социализм в первую очередь победит в странах, в которых «материальные производительные силы находятся на более высоком уровне развития, чем при капитализме». Между тем, СССР, первая страна социализма, как считал Кидрич, была одной из технически отсталых стран в мире. Советские экономисты, по словам Кидрича, забывали, что социализм всего лишь переходная стадия на пути к коммунизму, как об этом писали Маркс и Энгельс, в которой новые экономические формы и категории, испытывающие глубокие изменения и качественные скачки, соседствуют с элементами прошлого. Из-за этого, по его мнению, они «не успевают за реальным развитием общества и отсюда их глорификация

23 Ibid. VI. S. 108.

примитивных форм социализма и наблюдающийся застой в экономике страны (СССР)»²⁴.

В сентябре 1949 г. Кидрич прочитал лекцию в партийной школе «Джуро Джакович», в которой вновь говорил о недостатках советской экономической теории. Он коснулся темы развития марксистской теории, монополии на которую, по его словам, присвоил себе СССР, в то время как и другие партии стран народной демократии имели на это право. Несколько раньше о том же говорил Э. Кардель в работе о народных комитетах впервые, в условиях нарастающих обвинений югославов советской стороной в искажении марксистско-ленинской теории приняв попытку не только показать их несостоятельность, но и представить свое понимание «истинного марксизма». В указанной статье он попытался выступить в роли главного югославского теоретика и интерпретатора истинного марксизма, выразив также резкий протест против присвоения себе советскими теоретиками исключительного права рассматривать вопросы марксистской теории. В работе указывалось на готовность и способность других компартий, в том числе и югославской, разрабатывать эти проблемы, подчеркивалось, что революционная практика КПЮ подтверждает основные принципы марксизма-ленинизма. Анализируя вносимые в закон о народных комитетах дополнения, Кардель полемизировал с лидерами зарубежных партий, входивших в Информбюро, - Г. Димитровым, Б. Берутом, М. Ракоши, Й. Реваи, а также с некоторыми советскими экономистами и теоретиками марксизма, оспаривая их трактовку понятия «народная демократия» как переходного периода от капитализма к социализму, в котором не действует основной марксистский принцип диктатуры пролетариата. В споре с членом руководства итальянской компартии Э. Реале, он, опираясь на работы Маркса, утверждал, что «народная демократия» может стать реальностью только в условиях действия этого принципа. Позицию советского экономиста Е. Варги, определявшего форму народной демократии в странах Восточной Европы как уже не капиталистическую, но еще и не социалистическую, Кардель также подверг критике за очевидную неопределенность. Попытки сопоставить существующие в других компартиях взгляды на «народную демократию» с югославской трактовкой как единственно верной Кардель предпринимал также для утверждения тезиса о том, что необходимым и важным элементом этой формы власти является самоуправление трудящихся. С ним он связывал «углубление социалистического демократизма, который могли ослабить только бюрократические

24 Ibid. V. S. 557-558.

централистские тенденции»²⁵. Развивая свою мысль, Кардель указывал, что государственная система Югославии при ведущей роли КПЮ строится на прямом участии широких народных масс в народной власти, в работе всех ее органов²⁶. Так постепенно формировалось представление об уникальном характере югославского опыта социалистического строительства, существенно отличающегося от советского, сталинского варианта построения социализма, который был «навязан» и другим восточноевропейским странам. Также можно говорить о появившейся у югославского руководства уверенности в том, что ситуация позволяла теперь открыто и свободно критиковать отдельные элементы советской системы, ее теоретические и практические подходы к социальной и экономической областям. У лидеров стран советского блока, по понятным причинам, такой возможности не было.

Во второй половине 1949 г. руководство страны привлекает для претворения в жизнь намеченного проекта профсоюзы. После серии переговоров представителей правительства и профсоюзов был подготовлен документ под названием «Руководство по созданию и работе рабочих советов государственных хозяйственных предприятий». 23 декабря 1949 г. за подписью Б. Кидрича и председателя профсоюзов Дж. Салаи он был разослан во все центральные республиканские профсоюзы и на предварительно отобранные экспериментальные предприятия для создания там рабочих советов²⁷. В «Руководстве» говорилось о том, что рабочие советы создаются с консультативными функциями и для осуществления хозяйственного контроля, а также в целях более активного привлечения рабочих к борьбе за выполнение плановых заданий. Среди прочего отмечалось, что создание советов не умаляет роли директора в управлении предприятием, который, в свою очередь, обязан был принимать во внимание предлагаемые рабочим советом меры по совершенствованию производства и трудовых отношений²⁸.

Первые рабочие советы были созданы в начале 1950 г. на 215 крупных предприятиях, в том числе 80-ти в Сербии, 67-ми в Хорватии, 39-ти в Словении, а также на некоторых предприятиях в других республиках. Самый первый рабочий совет из 13 членов был создан на цементной фабрике «Првоборац» в Солуне, недалеко от Сплита. Их формированием занимались профсоюзные организации. В начале января 1950 г.

25 *Kardelj E.* О narodnoj demokratiji Jugoslaviji. S. 51.

26 *Ibid.* S. 54.

27 Рабочее самоуправление в Югославии. 1950-1970-гг. Белград. 1970. С. 22.

28 Там же. С. 23.

Центральный совет Союза профсоюзов Югославии направил несколько рекомендаций ряду профсоюзных комитетов по вопросам работы рабочих советов, формированию их состава, необходимости уделить внимание экономическому образованию рабочих²⁹.

27 июня 1950 г. Скупщина приняла закон об управлении предприятиями со стороны рабочих коллективов, в котором прописывались условия и процедуры его исполнения. В основной части говорилось о том, что трудовые коллективы осуществляют свое право на управление предприятиями через рабочие советы и комитеты управления. Рабочие советы должны были избираться на год и могли быть распущены до окончания срока, как и отозваны отдельные его члены. Рабочий совет, как представитель трудового коллектива, избирал и распускал управляющий комитет, а также осуществлял другие функции, предусмотренные законом. Управляющий комитет (комитет управления) руководил предприятием, а также вышестоящим хозяйственным объединением, отвечая за свою работу перед рабочим советом и компетентными государственными органами и комитетом управления вышестоящего хозяйственного объединения³⁰. Вертикальная иерархия управленческой структуры подчеркивалась ролью в ней директора. В законе говорилось, что «директор предприятия по своей должности является членом управляющего комитета, отвечая перед ним за свою работу, а также перед управляющим комитетом и директором вышестоящего хозяйственного объединения, как и перед компетентным государственным органом». «Директор высшего хозяйственного объединения был ответственен перед управляющим комитетом (этого объединения. – А. А.) и компетентным государственным органом»³¹.

Д. Биланджич оценивал «Основной закон об управлении хозяйственными предприятиями» как, с одной стороны, акт чрезвычайной смелости руководства КПЮ, а с другой стороны, как еще и достаточно точный документ непреодоленной этатистской общественной структуры. Он обращал внимание на ряд моментов в законе, в частности на декларативный характер положения о том, что трудовые коллективы управляют государственными предприятиями и что они реализуют это право

29 Petranović 1988: 292.

30 Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. S. 1023. Документ назывался: «Основной закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями и высшими хозяйственными объединениями со стороны рабочих коллективов». После принятия Закона в стране с августа по октябрь было основано 7 136 Рабочих советов, в которые было 155 166 рабочих и служащих.

31 Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. S. 1024.

через представительные органы самоуправления, которые они выбирают свободно. Отмечал, что помимо права избрания и отзыва рабочих советов, иных прав в управлении предприятием рабочие не получили. Положение и права рабочих советов также были весьма ограничены. Закон почти не давал им никаких прав в сфере трудовых отношений и тем более в сфере распределения доходов. Управляющий комитет (УК), несмотря на ограниченную степень репрезентативности, в него входило от 3 до 11 членов, получал большие полномочия, особенно право назначать руководителей предприятия. Власть директора оставалась большой, в частности, он имел почти равные права с самоуправленческими органами в том, что касалось трудовых отношений, сохраняя позиции, существовавшие в прежней системе государственного управления предприятиями. Кроме того, ему было предоставлено право вето на все решения органов самоуправления. В распределении доходов Закон об управлении хозяйственными предприятиями молчаливо оставлял государственную экономическую систему практически нетронутой; он не подтверждал права трудовых коллективов распоряжаться прибавочной стоимостью, поэтому существенно не затрагивал административный централизм. Биланджич считал, что экономическая система, сложившаяся в период административного управления, сохранила свою силу с небольшими изменениями, в течение 1950-1951 гг.³²

К сожалению, идея рабочего самоуправления и попытка внедрить ее в социально-экономическую практику не могли быть реализованы в полной развернутой форме в условиях авторитарного режима. Работа органов самоуправления направлялась и контролировалась партийными структурами, которые преимущественно в виде рекомендаций определяли тематику и регламент заседаний рабочих советов, пытались регулировать параметры участия трудового коллектива в принятии решений, а также отношения с дирекцией в соответствии с установками, транслируемыми центральными партийными органами. Отсутствие базовых демократических свобод в стране делало и работу самоуправленческих институтов формализованной, запрограммированной и ограниченной, что отражалось и на отношении к ним производственных коллективов, проявляясь в их отстраненности, равнодушии и нежелании демонстрировать творческую активность. Это отмечали ревизоры из ЦК КПЮ/СКЮ в начале 1950-х гг.³³ Было неясно в какой мере рабочие советы, в основе состоящие из рабочих и техников могли принимать компетентные ре-

32 Bilandžić 1999: 304.

33 Arhiv Jugoslavije. F. 507, X-I-1/37. L. 5-7.

шения относительно производственной тактики и стратегии, несмотря на то что партийные органы рекомендовали формировать их из передовых рабочих, новаторов и изобретателей. Иногда складывалось впечатление, что предпринимаемые югославским руководством реформы, могли в случае их комплексного воплощения оказать дестабилизирующее воздействие на существующий в Югославии коммунистический режим, подорвав его принцип авторитарно-кооперативного правления. Возможно, что Тито, как опытный и рефлексирующий политик, автократ, смог уловить этот момент, и сохраняя партийный контроль над самоуправлением, жестко оборвать движение в направлении плюралистической демократии, которое возглавил М. Джилас и его группа, под прикрытием критики бюрократизма и привилегий партийной номенклатуры, означавшее для него перспективу потери власти коммунистов в стране. Однако известно, что авторитарные режимы ограничивают свободу в интеллектуальной сфере, опасаясь появления неконтролируемой оппозиции, в то время как экономическая область остается открытой для экспериментов. Вместе с тем можно говорить о некой либеральной направленности образа мысли Б. Кидрича и планов их реализации, последовательное воплощение которых в жизнь могло бы придать югославскому режиму, при сохраняющейся доминантной авторитарной форме правления, некоторые черты либеральной демократии. Очевидно, что у призывов Кидрича к свободной критике и самовыражению были свои границы, имея в виду, что меньше года спустя после смерти Б. Кидрича (11.04.1953) М. Джилас, выступивший с критикой однопартийной системы в Югославии, привилегий и образа жизни номенклатуры должен был заплатить за это своей свободой. Нельзя исключить, что возможность создания в югославском руководстве условной группы «либералов», сторонников социализма с «человеческим лицом» могла бы повлиять на общий курс партии во внутренней политике. Вместе с тем представления самого Тито, в значительной степени определявшего текущую политику партии и ее целеполагание, формировались в условиях поиска баланса между условно либеральными, самоуправленческими идеями Э. Карделя и курсом, предлагаемым консервативным крылом партии (А. Ранкович и силовики), ориентированным на расширение сотрудничества с СССР и странами социалистического лагеря. Главный идеолог КПЮ Э. Кардель, занимавший приоритетные позиции в руководстве и всегда внимательно прислушивавшийся к идеям, доверявшему ему Тито, стремился уравновесить в какой-то степени политические и идеологические принципы, сформировавшиеся в период конфликта с Кремлем - самоуправление, де-

централизация, отношение с внешним миром, с идеологическими и прагматическими требованиями, выдвинутыми начавшейся нормализацией с СССР и его сателлитами. Тито, твердо защищавший эти принципы, должен был в общении с советскими лидерами часто лавировать, доказывая приверженность общим коммунистическим заповедям, но не отказываясь от пропаганды «югославской модели» социализма.

Первые шаги, предпринятые югославским руководством в конце 1940-х - начале 1950-х гг. по оформлению новой общественно-политической и экономической концепции социализма, стали возможны только в условиях разрыва отношений с СССР. Во многом начатые реформы особенно на первом этапе, носили декларативный характер, были рассчитаны на противопоставление новой «аутентичной» югославской концепции советской, как подчеркивалось, сталинской, практике. В центре новой модели самоуправления оказались рабочие советы, призванные стать ее сутью. В теории советы должны были взять на себя управление производством, но как мы видели на практике этот замысел тормозился недостаточно продуманным механизмом его реализации. Рабочие, ориентированные на выполнение своих прямых обязанностей на производстве, не могли принимать адекватное, полноценное участие в работе советов, соответствовать необходимым требованиям компетенции. Попытки партийных и профсоюзных органов организовать своего рода курсы «повышения квалификации» не приводили к желаемым результатам - рабочие зачастую не понимали сути производственного процесса, его коммерческой составляющей, демонстрируя заинтересованность только в получении новых, выгодных тарифных планов, позволявших получить достойную заработную плату. Тесно связанное с этим требование повышения производительности труда часто игнорировалось ссылками на отсутствие условий для этого, отсутствием соответствующей технической, современной базы, неверной политикой дирекции. Вместе с тем руководство СКЮ в последующие годы продолжило курс на совершенствование самоуправленческих органов, процесс законотворчества был непрерывным, напомиавшим, как иногда говорилось на партийных форумах, «перманентную революцию», что отчасти было справедливо. Самоуправленческая модель несомненно была движущим фактором социально-экономического развития Югославии в последующие годы, но еще более важным было ее включение в европейское разделение труда, получение новых технологий, кооперация, появление на рынке новых компаний, значительные западные инвестиции. Этим Югославия, в которой эти процессы начались намного раньше, выгодно отличалась от своих

социалистических соседей, нередко с завистью следивших за ее успехами. Экономика страны росла довольно высокими темпами, несмотря на все сложности во внутренней обстановке в стране, постоянное обострение национальной проблемы в 70-е гг. Сумма разновеликих факторов в их комбинации позволила вывести авторитарную, персоналистскую коммунистическую Югославию в число стран с развивающейся экономикой и режимом, претендующим на место среди европейского демократического сообщества. Тито стал лидером Движения неприсоединения, получив широкое признание в мире. Любые попытки югославских коммунистов осуществить этот эксперимент, оставаясь в советском блоке, были лишены перспективы.

Литература

1. Каменецкий 1991 – *Каменецкий В.М.* Политическая система Югославии. М: Наука, 1991. 116 с.
2. Пирьевец 2019 – *Пирьевец Й.* Тито и товарищи. М.-СПб: Нестор-История, 2019. 632 с.
3. Bilandžić 1999 – *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb: Golden marketing, 1999. 814 s.
4. Modić 1985 – *Modić L.* Skica za studiju o revolucionarnoj borbi Borisa Kidriča // *Kidrič B.* Sabrana dela. I. Beograd, 1985.
5. Petranović 1988 – *Petranović B.* Istorija Jugoslavije. Beograd: Nolit, 1988. Knjiga 3. 492 s.

References

1. Bilandžić, D., 1999. *Hrvatska moderna povijest*. Zagreb: Golden marketing, 814 p.
2. Kamenetskii, V.M., 1991. *Političeskaia sistema Jugoslavii*. [The Political system of Yugoslavia] Moscow: Nauka, 116 p. (In Rus.)
3. Modić, L., 1985. Skica za studiju o revolucionarnoj borbi Borisa Kidriča In: Boris Kidrič. *Sabrana dela*, I. Belgrade.
4. Petranović, B., 1988. *Istorija Jugoslavije*. III, Belgrade: Nolit, 1988, 492 p.
5. Pirjevec, J., 2019. *Tito i tovarishchi*. [Tito and comrades] Moscow-Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 632 p. (In Rus.)

Anatoly S. Anikeev

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher.
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, 119334, Leninskii Prospekt, 32 A.
dav_bowie@rambler.ru

Formation of the Yugoslav workers' self-management in Yugoslavia. The 1950s. Boris Kidrič

The article analyzes the initial stage of the formation of a workers' self-management concept in the FНРY. The appeal to this concept was caused by the Soviet-Yugoslav conflict of 1948. The concept was based on the Marxist theory of the liberation of labour in the process of transition from a capitalist to a socialist formation, as well as on the experience of the Paris Commune. One of the developers of this concept was Boris Kidrich. In December 1949, it was decided to establish workers' councils on the basis of enterprises, and on June 27, 1950, a law was passed on the transfer of industrial sector enterprises under the management of labour collectives. The preparation of these legislative acts was accompanied by a discussion among the country's leadership about the nature of the functioning of the newly created workers' self-management bodies.

Keywords: Boris Kidrich, Edward Cardel, Yugoslavia, workers' self-management, labor collectives, the Soviet-Yugoslav conflict of 1948

Јована Першић

МА докторанд, стипендиста,
Универзитет у Београду. Филозофски факултет.
Чика Љубина 18-20, 11000, Београд, Србија.
jperisic25@gmail.com

Политика или спорт: ко одлучује о освојеним медаљама? Светска првенства у кошарци (1959, 1962, 1978)

У контексту изучавања Хладног рата, на основу југословенске архивске грађе, релевантне домаће и стране литературе, као и примера из совјетске, југословенске и филипинске штампе, у раду се сагледава степен утицаја политике и међусобних односа на међународни спорт и кошарку. Разне врсте државних система подупирале су спорт током XX в., посебно међународна спортска такмичења која су доживљавали као полигон за афирмацију одређене нације или политичког система. У том погледу, спорт је био коришћен као сугестивно оруђе, односно као дипломатско средство за ширење политичке поруке или за антагонизацију ривала. Кроз прикључивање Међународном олимпијском комитету у првим годинама Хладног рата Совјетски Савез је увидео шансу и могућност пробијања гвоздене завесе, што је у случају кошарке угрозило дотадашњу америчку доминацију. Кошарка је осликавала сву сложеност хладноратовске дипломатије, служећи као оруђе меке моћи за ширење одређених вредности широм света и зарад ојачавања имиџа супростављених блокова у идеолошком рату. Кошаркашке утакмице привлачиле су глобалну пажњу, рефлектујући на терену ривалитет и симболичну битку између суперсила, али и пружајући простор за превазилажење геополитичких тензија. Стога су за анализу узета три веома специфична Светска првенства у кошарци (Чиле 1959, Филипини 1962. и 1978. г.), од којих су створене политичке ситуације које су превазилазиле границе спортске етичности. Све три студије случаја, свака на свој начин, даће одговор у ком обиму је спорт био кројен од стране политике, да ли је то утицало на освајање медаља и ако јесте на који начин.

Кључне речи: Хладни рат, политика, спорт, кошарка, СССР, Чиле, Југославија, Филипини, штампа

Након Другог светског рата појавило се интересовање и свест за систематским проучавањем спорта. Спорт представља важан сегмент сав-

ременог друштвеног живота појединца и његовог културног деловања, који као рефлексивна друштва одсликава све његове интеракције и образце, као и све противречности које једно друштво носи са собом¹. Много пре историчара, овај сегмент друштвене историје био је предмет истраживања социолога, антрополога и филозофа, чији су радови представљали зачетак квалитетне анализе спорта у XX в., премда је фокус њихових интересовања био на одређеним атипичним елементима у спорту. Због оскудне архивске грађе, изворна основа за проучавање спорта прилично је била отежана, што се последично одразило и на недовољну заинтересованост код историчара за том тематиком. Томе свакако није помагало ни општеприхваћено мишљење у научној јавности да спорт није довољно валидна тема за истраживање. У СССР-у и социјалистичкој Југославији историјска наука дуго није доживљавала поље физичког васпитања и спорта као пуноправну тему за научно истраживање и писање. Таква питања су се често сматрала сфером интересовања специјалиста у области физичког васпитања. Премда је спорт услед тога у научним круговима доста дуго стајао на маргинама друштвено-хуманистичких наука, поготово историје, у последњих пар деценија је дошло до појаве нових трендова у науци, у шта се истраживање о спорту уклапало, те су студије спортске историје у протеклих неколико деценија постале важно поље научног истраживања и интересовања великог броја историчара.

Спорт – хладноратовско оружје

Пишући роман *1984* на самом почетку Хладног рата, енглески књижевник Џорџ Орвел је изјавио да не постоји ништа што се зове «држати се ван политике», те да се све битне ствари тичу политике, алудирајући, између осталог, и на спорт и међународна спортска такмичења. Хладни рат се ширио изван поља политике и економије, погађајући и друге сфере, као што је то био спорт. Спорт је током Хладног рата био често употребљиво политички-пропагандно средство за политичке актере, који су кроз њега ширили различите идеологије. Све оно што се дешавало око спорта била је политика, односно системи који су га (зло)употребљавали. Премда су спортска такмичења требала да буду такмичења појединаца, а не земаља, поједине државе су освојене медаље и резултате својих спортиста претварале у политичке поене и на тај начин исказивале победу својих идеологија. Међународни спортски односи одвија-

1 Radenović, Milovanović 2020: 242; Skempler 2007: 322.

ли су се готово искључиво у служби актуелних политичких односа, те је самим тим спортска сарадња имала политички значај и карактер политичке акције. Јужноафрички борац против апартејда Нелсон Мандела је приметио да спорт има моћ да промени свет, да инспирише и уједини људе на начин на који мало шта друго може. Међутим, та моћ се неретко злоупотребљавала током Хладног рата и манифестовала се само у оним ситуацијама у којима је то погодовало одређеној страни.

По завршетку Другог светског рата, совјетски спорт добио је нов подстицај и под новим околностима активно је почео иступати на међународној спортској сцени. Тамо где су други путеви били затворени, успех у спорту је помогао земљама као што су СССР, Народна Република Кина (Кина), Куба и Источна Немачка да стекну признање и међународни престиж унутар земље, али и ван ње.² Ривалство суперсила које је прерасло у нуклеарну конфронтацију и прокси ратове, подигло је политичке улоге у ономе што је требало да буде обично спортско такмичење. Совјетска штампа је на почетку Хладног рата покренула кампању и слоган „сустићи и престићи буржоаске рекорде у спорту“, чији је примарни и основни циљ било постизање и доношење славе совјетском спорту широм света.³ Сходно томе, СССР је покушавао да пошаље поруку свету да је „свака нова победа, била победа совјетског облика друштва и социјалистичког спортског система, и да је то представљао непобитан доказ супериорности социјалистичке културе над културом пропадања капиталистичких држава“.⁴ Иако америчка јавност није одобравала мешање политике са спортом што су чиниле комунистичке државе, њихова властита влада се бавила готово истом ствари.⁵

После Другог светског рата, промењени контекст обележен порастом глобализације и почетком Хладног рата, дао је спорту нови легитимитет као оруђу дипломатије. Оно што карактерише период Хладног рата јесте пракса мирног решавања спорова, кроз различите сфере деловања. Као први корак за избегавање и решавање сукоба, успостављени су нови дипломатски начини да се дијалогом међу државама отклони могућност прибегавања војној сили. Током XX в., широко распрострањена јавна дипломатија обухватала је различите аспекте међународних односа који су превазилазили њену традиционалну сферу. Једна од таквих сфера био је спорт, из ког се касније развила «спортска дипломатија».

2 Riordan, Krüger (eds) 1999: 57.

3 Angestav 2022: 9.

4 Allison 2005: 5.

5 Edelman, Young (eds) 2019: 73-74, 83-84.

Као део јавне дипломатије, укључивала је дипломатске активности које су спортисти предузимали у име и у сарадњи са својим владама, ради информисања и стварања повољног имиџа међу иностраним земљама и организацијама⁶. Током Хладног рата, спортска дипломатија је помагала у постизању спољнополитичких циљева на начин који је био видљив и разумљив широј јавности. Користила се за поправљање односа на глобалном нивоу, са циљем обликовања перцепције о другој страни на начин који је најчешће погодовао спољнополитичким циљевима одређених држава. Међународни спортски догађаји користили су се ради унапређивања односа и билатерално и мултилатерално. То се најбоље види на примерима пинг-понг дипломатије између Кине и Сједињених Држава, као и крикет дипломатије између Индије и Пакистана, које су омогућиле државама усред Хладног рата да поново започну дијалог у политички подељеном окружењу⁷. Током Хладног рата спортски догађаји су више пута били употребљени за побољшање комуникације међу завађеним земљама, али и злоупотребљени, што је последично доводило до додатног погоршања политичких односа. У децембарском издању демократско-социјалистичког политичког лондонског часописа *Tribune* из 1945. године појавио се један Орвелов новински чланак под насловом «Спортски дух», који је управо представљао сликовит приказ негативне стране спортске дипломатије. Чланак је био написан као одговор на посету руског фудбалског тима «Динамо» Енглеској исте године. Орвел је сматрао да је таква посета утицала последично на англо-совјетске односе и да уместо да их је побољшала она их је само додатно погоршала⁸.

Иако је моћ широко дефинисана као способност утицаја, касније се та дефиниција раздвојила на појмове тврде и меке моћи. У научном дискурсу тврда моћ најчешће подразумева средства војне интервенције или економске санкције. Ово тумачење моћи, међутим, не успева да обухвати суптилније аспекте, као што је то на пример утицај културе уопште или спортских догађаја посебно, у којима државе могу да користе своју културну снагу да утичу на промене у другим нацијама. Стога је почетком 90-их година XX в. уведен такозвани Најов концепт меке моћи⁹. Џозеф Нај, професор на Харвардском универзитету, увео је концепт меке моћи који је препознавао начин на који се моћ спроводи кроз демократске вредности, људска права и могућности. Према његовим закључцима,

6 Murray 2011: 8.

7 Esherrick, Baker, Jackson, and others (eds) 2017: 1-15.

8 http://www.george-orwell.org/The_Sporting_Spirit/0.html (датум приступа: 20.09.2023)

9 Nye 2005; Nye 1990: 25-48, 188-202.

мека моћ снажно обликује страно јавно мњење и јефтинија је опција од политике силе. У том погледу, спорт је током Хладног рата играо важну улогу као један од видљивијих облика меке моћи. Спортска дипломатија имала је за циљ у том смислу да убеди, а не да принуди¹⁰. Као оруђе меке моћи, спортска дипломатија је била веома важна компонента у спољној политици великих сила током Хладног рата. Међународна изложеност, фокус на културу и мирољубиве вредности у спорту чиниле су га корисним оруђем за земље зарад постизања међународних циљева и унапређења своје јавне дипломатије. Капацитет спорта као оруђа за пропаганду лежи у његовој глобалној популарности, у шта се кошарка потпуно уклапала. Ступање СССР-а на међународну спортску и кошаркашку сцену у првим годинама Хладног рата угрозило је кошарку, до тада инспирисану американизмом, и услед тога у новим друштвено-политичким околностима створило од ње дипломатско средство и оруђе меке моћи за ширење одређених вредности широм света и зарад ојачавања имиџа супростављених блокова у идеолошком рату.

За разлику од других културних подухвата током Хладног рата, као што су то биле музичке или балетске представе, књижевност или уметност, кошаркашке игре су се завршавале јасним победником и јасним губитником. Међутим, те победе су најмање одражавале спортски карактер, а суперсиле су победу на терену изједначавале са широм друштвеном и културном супериорношћу. Британски социолог Џозеф Магвајер у књизи *Глобални спорт: идентитети, друштва, цивилизације* [«Global Sport: Identities, Societies, Civilizations»] изнео је запажања под којим се све утицајима спорт нашао током XX в.¹¹ Он је истакао да је западна, претежно англо-америчка доминација над спортом, спортским организацијама и идеологијом повезаном са спортским надметањима, била најприсутнија у периоду од 1920-1960-их г. XX в. То је делимично истина, посматрајући у зависности од тога која је спортска дисциплина била у питању, али у случају кошарке се то запажање показало истинитим.

III Светско првенство у кошарци (Чиле, 1959)

Светско првенство у кошарци одржано 1963. г. у Рио де Жанеиру, чију је организацију Међународна кошаркашка федерација (ФИБА) доделила првобитно годину дана раније Филипинима, представља сликовит пример Орвеловог запажања из 1945. г. да «спорт нема никакве везе

10 Nygård, Gates 2013: 237.

11 Maguire 1999.

са поштенем игром и да је то рат без пуцања». Хладни рат, за разлику од пређашњих политичких сукоба, није стављао фокус освајање територија нити се водио конвенционалним ратним средствима. У том смислу, кошаркашка међународна такмичења су представљала арену политичког ривалитета, директног сучељавања и борбе, али без употребе оружја. Политика је скројила пласман и одредила освајаче медаља и на претходном кошаркашком првенству, одржаном у Чилеу током јануара 1959. г.

Неколико месеци пре почетка првенства ФИБА је у своје чланство примила Чанг Кај Шекову Формозу, односно Републику Кину, са којом је Кина тад била у сукобу, чији се тим на првенству такмичио са натписом «Кина» на дресовима¹². Бојкоту Кине због одлуке ФИБЕ придружиле су се и поједине социјалистичке земље¹³. Победа комунистичког режима у кинеском грађанском рату довела је до тога да је СССР признавао само режим Мао Цедунга као легитиман, док поражени генерал Чанг Кај Шек који је побегао на Формозу није био признат у СССР-у. У моменту одржавања првенства Кина није била чланица ФИБЕ, а СССР није имао дипломатске односе са Формозом. Створила се политичка ситуација која је надилазила оквири спортског такмичења. Совјети су у последњем колу требали да изађу на терен Формози, што су одбили по наређењу Михаила Андрејевича Сулова, члана Политбироа одговорним за пропаганду у СССР-у. Дуго се није знало по чијем наређењу Совјети нису одиграли утакмицу, да би један одломак из књиге Владимира Гомељског *Тама. Велики тренер* [«Папа. Великий тренер.»] потврдио да је Сулов био тај који је донео одлуку о категоричној забрани учествовања¹⁴. Совјетски Централни комитет (ЦК КПСС) се плашио да би потенцијално, ако би се репрезентација СССР-а на званичним такмичењима састала са тимом који не представља Кину, али наступа под тим именом, то могло погоршати већ лоше односе са НР Кином. Одлуку Москве пратила је и Бугарска, пратећи упутства из свог Централног комитета¹⁵.

Има разлога за сумњу да је све одлучено на нивоу ЦК КПСС-а, а не у нижим структурама попут Комитета за спорт. Једна од тих се односи на чињеницу да је Владимир Гомељски, син совјетског кошаркашког тренера Александра Гомељског, у тренутку првенства у Чилеу имао

12 <https://www.championat.com/basketball/article-4027647-sbornaja-sssr-otdala-pobedu-na-chm-1959-otkazavshis-igrat-protiv-tajvanja.html?ysclid=lnhh7r4jq5622788120> (датум приступа: 21.09.2023)

13 Miletić 2013: 358; Борба. 1959. 21 I: 7.

14 Гомељский 2008: 116.

15 Гомељский 2008: 115.

само шест година, те да је ситуација описана из друге руке по сећањима. И поред тога, чињеница је да је политика била та која није дозволила репрезентацији СССР-а да постане светски шампион 1959. г. Премда је утакмица након неодиграног меча била регистрована победом Формозе, СССР је и даље имао велике шансе да узме злато. Међутим, организациони одбор првенства је одлучио да се све утакмице СССР-а и Бугарске у финалној групи пониште. Одлука за дисквалификацијом, изазвана политичком вољом Москве, СССР-у је донела уместо првог шесто место, а Бугарској пропуштену јединствену шансу да буде међу четири најбоље репрезентације света. Совјетски тим је остао без титуле због мешања политике и из солидарности према Кини. Међутим, Друга тајванска криза 1958. г. и све чешће понављана теза о кинеској спремности на нуклеарни рат, најављивала је расцеп између Кине и СССР-а¹⁶. У марту исте године, само три месеца након првенства у Чилеу, избио је устанак на Тибету као резултат десетогодишњих немира, који је СССР подржао и тиме поприлично нарушио односе са Кином¹⁷. Годину дана касније, Хрушчов је донео одлуку да из Кине повуче све совјетске стручњаке и да обустави све капиталне индустријске пројекте, доводећи Кину у врло тежак економски положај¹⁸. Односи међу њима су у наредним годинама наставили да иду силазном путањом.

IV Светско првенство у кошарци (Филипини, 1962)

У децембру 1962. године је на Филипинима било планирано одржавање новог Светског првенства у кошарци, чија је влада гарантовала несметани улазак свих учесника у земљу. Међутим, само пар дана пре почетка Кубанске ракетне кризе, поставило се питање учешћа играча и тренера из појединих социјалистичких земаља на првенству у Манили. У свом писму од 14. октобра 1962. г. је, тадашњи филипински председник Диосдадо Макапагал, за разлог укидања виза социјалистичким спорстким делегацијама истакао комунистичку експанзију којом је Азија по његовом мишљењу била највише од свих континената угрожена¹⁹. Била су то најбоља времена за међународну кошарку, али најгора за глобалну

16 Гелер, Некрич (ур.) 2000: 532.

17 Čavoški 2009: 156-202.

18 Радовић 2021: 26.

19 The Manila Times. 1962. 15 X <https://news.tv5.com.ph/breaking/read/2019fibawc-marx-madness-and-the-world-cup-that-never-was-2> (датум приступа: 21.09.2023)

политику, јер су Сједињене Државе и СССР који су уједно и дефинисали хладноратовску политику, водили главну реч.

У својим мемоарима је филипински председник касније изнео податак да га је Национална обавештајна агенција обавестила о групи комунистичких инфилтратора, који би се представили као учесници Светског првенства како би ушли у земљу. Сматрао је да су предстојеће утакмице на првенству могле да пруже комунистима легитиман разлог да уђу у земљу не само у обавештајне, већ и у пропагандне сврхе, како би омекшали став Филипина према комунизму и промовисали интересовање за успостављање културних односа. Сутерисао је да интереси совјетске спортске делегације нису нужно повезани са циљем игара, већ да им је превлађујући мотив промоција комунистичких циљева. Услед зближавања совјетско-југословенских односа, Макапагал је сматрао да би изузетак у корист једне комунистичке земље вероватно отворио врата будућим ситуацијама које би угрозиле безбедност земље, истовремено одбацујући тврдње да Југославија не сарађује са СССР-ом и да добија помоћ од Сједињених Држава. Одлука да се забране визе југословенским кошаркашима која стоји у званичном коминикеу који је издао Макапагал, према његовим речима је донета искључиво у интересу «националне безбедности и отпора према комунистичкој субверзији», како се комунизам не би инфилтрирао на Филипинима кроз учешће Југославије²⁰. Да је политика поново уплела своје прсте доказује и чињеница да је коначна одлука да се забране улазне визе за СССР и Југославију донета само четири дана пре окончања Кубанске ракетне кризе. Узимајући у обзир да је за овај сукоб администрација америчког председника Џона Кенедија осудила СССР и комунистичке земље, те да је Макапагал подржавао Кенедијеву акцију сузбијања опасности од комунизма, увиђа се према коме су Филипини у спољној политици гравитирали²¹. У својим мемоарима, филипински председник објаснио је своју политику као повезану, али никада усредсређену на Сједињене Државе²². Међутим, управо таква политика окренута према Сједињеним Државама коштала је Филипине одржавања Светског првенства. ФИБА им је одузела право организације, као и право учешћа на истом у наредним годинама.

Одлука филипинске владе да не прими совјетске и југословенске кошаркаше заснована је била не толико на питању представљања (не)

20 Политика. 1962. 15 X: 12.

21 Official Gazette. 1962. 23 X <https://www.officialgazette.gov.ph/1962/10/29/official-week-in-review-october-21-october-27-1962/> (датум приступа: 21.09.2023)

22 Macapagal 1968.

безбедносног ризика групе појединаца, колико на чињеници да је њихов долазак и учешће могло потенцијало да наруши дотадашњу политику администрације да се бори против комунистичке претње националној безбедности свим могућим доступним средствима. У том смислу, спорт и кошарка су били злоупотребљени као оружје у политичкој борби, а ускраћивање визе је данас посматрано као акт дискриминације без преседа. Ово првенство, као и претходно, представља само један у низу примера где се политика поново умешала у спорт и извршила недвосмислен утицај на њега и исход једног спортског такмичења.

Совјетско-југословенски спортски односи у Хладном рату

Комунистички лидери су експлицитно истицали зависност спортских односа од спољне политике, подразумевајући да је спорт неодојив од целокупног политичког и културног васпитања и образовања, што је и било очекивано у земљама у којима је спорт централно био усмерен и ангажован у остваривању специфичних друштвено-политичких циљева. У погледу спортских интеракција између источноевропских комунистичких земаља, спорт је функционисао као оруђе за јачање социјалистичког система, ширењем совјетског утицаја на његове сателитске државе у културним и друштвеним областима²³. Све до Стаљинове смрти 1953. године, већина спортских размена одвијала се између СССР-а и његових сателитских држава унутар Источног блока, што посебно илуструју примери кошаркашких сусрета²⁴. Премда је у јавности била створена слика пријатељских спортских односа и јединства међу комунистичким земљама, ти концепти су ипак остали политички индуковани и рестриктивни²⁵. У периоду 1917-1948. г., када је СССР имао потпуну власт над комунистичким покретом, совјетска политика је била та која је диктирала учешће комуниста у светском спорту. Међутим, након совјетског разлаза са Југославијом 1948. г. совјетски спортски монопол био је сломљен. Совјетско-југословенски односи су након завршетка Другог светског рата неретко били условљени политичким факторима, који су значајно утицали на степен и интензитет сарадње две државе. Односи су се кретали од блиске сарадње, преко прекида дипломатских односа и могућег оружаног сукоба, до поновне нормализације односа, што је посебно утицало и на спорт-

23 Riordan, Krüger (eds) 1999: 57.

24 Kobierecki 2016: 11.

25 Dicher, Johns (eds) 2014: 53, 60.

ску сарадњу. Спортска сарадња СССР-а и Југославије током Хладног рата је заправо представљала процес који се ослањао на традицију њихових међусобних контаката и развоја политичких веза, које су постојале у периоду пре 1945. г. Спорт је у Југославији и СССР-у играо двоструку улогу током Хладног рата, истовремено на унутрашњем и спољашњем плану, а заједничко им је било да су физичка култура и спорт представљали један од главних темеља њихових идеологија.

Нова власт у Југославији је након Другог светског рата идеологију социјализма кројила по совјетском моделу, како на политичком, тако и на економском, културном и спортском нивоу²⁶. На пољу спорта се то читавало кроз примере васпитног рада спортиста, проучавања совјетске спортске литературе, плана развоја спорта по узору на совјетски Петогодишњи план и посете спортских стручњака ради размена идеја и трасирања пута²⁷. Потом је уследио сукоб и политичко-идеолошки разлаз са СССР-ом, због различитих виђења међународних односа. Спортска изолација, праћена политичком и економском, у којој се Југославија нашла у периоду 1948-1953. године приближила ју је Западу. Резолуција Информбироа је у случају кошарке Југославији донела добит у виду отварања западних граница, у времену када се тешко путовало унутар саме Југославије²⁸. У том смислу, за Југославију је кошарка била прозор у свет. Као последица отварања Западу, Сједињене Државе су у Југославији све више шириле свој утицај преко кошарке. Западним моделом спорта као идејном утицају који је био инкорпориран у југословенски спорт, завршена је финална фаза идејног формирања југословенског спорта²⁹. Сукоб и изолација Југославије окончани су Стаљиновом смрћу, а Југославија се након тога позиционирала у сфери спорта као једина социјалистичка земља ван совјетског модела спорта. Југословенско противљење блоковској подели света резултирало је тражењем трећег пута у поларизованом свету и проналаском модела несврстаности, који је значајно олакшао југословенску позицију међу суперсилама³⁰. У том контексту, спорт је за Југославију представљао друштвено поље у којем је она могла да брани свој идеолошки трећи пут као инструмента међународних односа.

Спортска сарадња између СССР-а и Југославије током Хладног рата заснивала се на двогодишњим, трогодишњим и петогодишњим спо-

26 Димић 2022: 48; Креачић 1950.

27 Klasić 2016: 387-404.

28 Nešić, Radenović 2016: 169.

29 Mijatov 2020: 103.

30 Bekić 1988: 667-749; Vučetić 2019: 56.

разумима о сарадњи. Премда су односи две државе на пољу спорта након нормализације односа били позитиво оцењени и од стране СССР-а и од стране Југославије, спортска сарадња је ипак наилазила на поједине проблеме који су се односили на лагерске манифестације које Југославија није могла да прихвати³¹. СССР је током Хладног рата ишао на ниво спортске сарадње који је био у складу са совјетском спољном политиком према Југославији, услед чега је спортска сарадња неретко била неадекватна према постојећим могућностима и потребама. Премда је Југославија тежила за проширењем и продубљивањем културне, па самим тим и спортске сарадње са СССР-ом, размена између СССР-а и Југославије значајно је заостајала иза размене СССР-а са капиталистичким земљама и земљама Северноатлантског споразума³². Спортске календаре карактерисало је упорно настојање Совјета да закључују оне сусрете у којима су њихови спортисти били апсолутни фаворити, што је са спортске, али поготово са политичке тачке гледишта за Југославију било неприхватљиво. Повећавање броја међусобних сусрета у дисциплинама у којима су те две земље били равноправни партнери, попут кошарке, требало је знатно да допринесе популаризацији Југославије и повећању југословенског присуства у СССР-у. Колико је кошарка била значајно дипломатско средство између СССР-а и Југославије, илуструје и податак да су након Стаљинове смрти југословенски кошаркаши били први југословенски спортисти који су гостовали у некој источноевропској земљи³³. Учешће и боравак у Москви на Европском кошаркашком првенству одржаном током маја и јуна 1953. г. представљало је значајан политички догађај за Југославију. У моменту када је Југославија допутовала 21. маја у СССР на снази је званично и даље била Резолуција, те се постављало питање да ли ће Југославији бити допуштен улазак у земљу³⁴. Долазак југословенске екипе у Москву позитивно је био оцењен и допринео је популаризацији Југославије у СССР-у. После гостовања југословенске екипе, спомињање имена Југославије у спортским рубрикама совјетских новина непрекидно тринаест дана, допринело је да се о њој почне причати и ван оквира спортских тема, што је била новина у односу на претходни период совјетске пропаганде³⁵. Стога је југословенско учешће не само са спортске, већ и са по-

31 ДАМСП. Ф. 142. 412627. Реализација програма спортске сарадње, 02.03.1978.

32 ДАМСП. Ф. 133. 418820. План о културној сарадњи, 4.4.1977.

33 Nešić, Radenović (ur.) 2016: 23.

34 Miletić 2013: 231-232.

35 ДАМСП. Ф. 85. 48362. Izveštaj o boravku jugoslovenskih basketbolista na Evropskom šampionatu u Moskvi, 23.06.1953.

литичке стране, представљао велики успех за Југославију али и шире, за даљи развој совјетско-југословенских односа.

У СССР-у су спорт и кошарка унутар земље доприносили идеолошком васпитању становништва, посебно омладине, док је у контексту спољне политике кроз кошаркашке сусрете тежио да пробије гвоздену завесу, и да кроз спортисте које је систем стварао промовише идеологију комунизма као бољег начина живота. Када је у питању била кошарка, оно што је кључно разликовало СССР и давало му додатну предност у односу на Сједињене Државе и западне земље на почетку Хладног рата, била је подршка владе и њихово финансирање обуке кошаркаша.³⁶ Влада је у тимским спортовима видела начин да се подстакне дух колективизма, да се образује совјетска личност којој су интереси тима важнији од личних зарад постизања заједничког циља и да позитивно утиче на здравље.

Сукоб, а потом и разлаз са СССР-ом, утицао је на положај и развој кошарке у Југославији. Начин управљања државом након 1948. године се променио, што је имало и свој одраз у реорганизацији физичке културе. Раскид са Стаљином условио је напуштање совјетског модела организовања телесног васпитања, приликом чега је спорт добио своју аутономију, као и многе друге области живота у то време (посебно култура), што му је омогућило слободнији развој него у другим социјалистичким земљама. Југословенска кошарка је услед тога била принуђена да потражи свој пут развоја и повезивање са Западом како би остала пријемчив спорт за шире народне масе, што је у будућности кошарци донело посебна југословенска обележја³⁷. Поред тога, дошло је и до формирања појединачних спортских савеза, што је последично довело до оснивања Кошаркашког савеза Југославије крајем 1948. године, чиме је остварена самосталност овог спорта од других државних физкултурних организација. Сукоб са Информбироом неминовно је довео до приближавања Југославије Западу на пољу спорта и стицања сопствене аутономије, што је у случају афирмације кошарке пружало већи простор за развој него што је то био случај са другим социјалистичким земљама и систем у ком је она могла да развија своју индивидуалност и свој лични југо-бренд. У контексту спољне политике, Југославија је била свесна да се на том плану могло још више постићи ако би се посветила већа пажња интезивном расту међународног спорта, као значајног фактора у тој сфери, стављајући спортске везе

36 Сједињене Државе нису поседовале државну спортску инфраструктуру и нису директно субвенционисале своје спортисте. Ово се променило када је СССР постао члан МОК-а.

37 Раунић 2007: 192-193, 212-213, 221, 224, 227-229, 238, 365-367.

и спортску сарадњу у функцију афирмације своје несврстане политике. Управо из тог разлога је у Југославији развој и масовност спорта и кошарке био државни пројекат, који је у једном моменту постао битнији чак и од фудбала који је имао дугу традицију у Југославији, али великих проблема у руководству, финансијама и припремама³⁸.

VIII Светско првенство у кошарци (Филипини, 1978)

Констелација снага на међународној кошаркашкој сцени се изменила тек 1972. годином. Колективни спортови, попут кошарке, доминирали су током 70-их и 80-их г. XX в. на светској сцени. Био је то период Детанта, у коме се страх од нуклеарног уништења повукао тек толико да други догађаји привуку већу пажњу³⁹. У том периоду почела су се ид-здвајати два модела кошарке, амерички и европски. Уверени у своју супериорност, Сједињене Државе су почеле губити из вида дешавања у светској кошарци, што је последично, између осталог, довело до наглог успона европске кошарке. Све до 1972. г. Сједињене Државе су одржавале своју хегемонију на том пољу, када је совјетским освајањем злата у кошарци на Олимпијским играма у Минхену европска кошарка то променила⁴⁰. Овај догађај се узимао као прекретница и почетак Хладног рата у кошарци. Кошарка као амерички бренд спорта и као облик културе утопљеног у етос индивидуализма, такмичења и достигнућа, одражавала је његово порекло као изданак капитализма. Стога је СССР као супротност томе покушао да изгради алтернативни међународни систем заснован на изразито пролетерском бренду спорта и физичке културе, који је избегавао индивидуализам и строго осуђивао «рекордсменоманију»⁴¹. Тих година је дошло и до наглог успона југословенске кошарке, која је постала озбиљан конкурент совјетској, али и америчкој⁴². Њихова доминација, али и ривалитет, отворило је ново поглавље у међународној кошарци, а последично и у политици⁴³. Сједињене Државе и СССР, две супротстављене идеологије, стајале су супротстављено и у кошарци, са чиме се и Југославија мерила и одређивала.

38 Tempo. 1978. 1 XI: 8-10.

39 Dichter, Johns (eds) 2014: 297-320.

40 Sweet 2019.

41 Vonnard (ed.) 2018: 137, 141.

42 Louis, Louis (eds) 1980: 42.

43 Doppler-Speranza, Gasparini 2022: 313.

VIII Светско првенство у кошарци коначно је одржано на Филипинама, током октобра 1978. г., под владом тадашњег председника Фердинанда Маркоса. Шеснаест година након неуспелог одржавања првенства у Манили, Филипини су активно радили на међународној признатости и јачању положаја, коме је нарочито допринела флексибилнија спољна политика и излазак из изолационизма. Премда су били успостављени дипломатски односи са Кином и СССР-ом, Сједињене Државе су остале и даље главни војни, политички и економски ослонац са доминантним идеолошким и културним утицајем, иако су били видљиви напори да се Филипини афирмишу са властитим идентитетом на унутрашњем и спољнополитичком плану⁴⁴. Нормализовање односа са СССР-ом представљало је значајан корак у превазилажењу једностране спољнополитичке оријентације Филипина. Такође су се почели залагати и за сарадњу са социјалистичким и несврстаним земљама, јер су кроз њих видели могућност за јачање свог престижа и ширење утицаја. У том смислу, постојао је наглашен интерес за унапређењем односа са Југославијом на свим пољима, па и на пољу спорта. Значај њихових односа се, између осталог, огледа и у томе што је Југославија била прва социјалистичка земља са којом су Филипини успоставили дипломатске односе. Премда је ово првенство представљало део ширег плана председника Маркоса, који је кроз међународни догађај покушао да легитимише свој диктаторски режим пред целим светом, значајан моменат представљао је новопотписани споразум о укидању виза који није постојао 1962. г. и због чега совјетски и југословенски кошаркаши нису несметано могли ући у земљу⁴⁵.

Југословенска јавност је велике наде полагала у своје кошаркаше на првенству у Манили, стога је и најзначајнија освојена медаља управо била златна медаља у дуелу са СССР-ом. Победе над Совјетима и Американцима кроз кошаркашка такмичења представљале су потврду трећег, несврстаног пута којим се Југославија кретала током Хладног рата, доказујући тиме свету легитимитет своје идеологије. Југославији је био циљ да буде присутна на међународној кошаркашкој сцени, не као део одређеног блока, већ као несврстана земља која је као таква кроз победе требала да афирмише сопствени идеолошки трећи пут. Колико је ово било важно, не само на првенству у Манили већ и на сваком претходном и наредном, илуструје податак да је кошаркаше и њихове тренере након победе и повратка у Југославији дочекао лично Тито са функционерима Саве-

44 ДАМСП. Ф. 248. 442465. Информација о Филипинима, 20.07.1978.

45 ДАМСП. Ф. 248. 459186. Писмо заменика министра иностраних послова Филипина М. Collatesa, 22.10.1978.

за за физичку културу на челу са председником Трпетом Јаковлевским. Тито је том приликом изјавио да југословенски кошаркаши носе велике заслуге за престиже Југославије као спортске земље, и не само то, већ и да доприносе општем угледу земље у свету што је посебно било значајно у времену када се спорт сматрао једним од мерила политике⁴⁶. Када би одлазили на спортска такмичења југословенски спортисти нису смели никад да забораве одакле су и да им је дужност да бране боје несврстане социјалистичке Југославије. Поред спољнополитичког значаја, победа за Југославију и за њену унутрашњу политику значила је и идеолошку промоцију политике Братства и јединства⁴⁷.

Колико је важно било ширити ту политику говори и податак из интервјуа вођеним на јутро дочека у Југославији, у ком су кошаркаши изјавили да је то био «тренутак када је лепше било бити Југословен него у обичне дане»⁴⁸.

Југословенска штампа је неретко оштро нападала дипломатију која се није довољно ангажовала за спорт. Често је нешто било схваћено као лична ствар, због чега је изостајала подршка из земље. Југославија је током Хладног рата, пратећи актуелне политичке импурсе, занемаривала и потцењивала нешто што формално није имало политички карактер иако га је итекако имало. Политикин новинар М. Радојичић описао је то стање управо кроз пример првенства у Манили, са речима да «оно што су урадили момци у плавим дресовима за 15 дана било је више него што за име Југославије на даљину од 15.000км могу урадити политика и дипломатија за 50 година»⁴⁹. Југословенска победа на овом првенству често је била истицана од стране Гомељског, али у негативном смислу. Никада није пропуштао да истакне уколико су судије на неким спортским такмичењима «помагале плавима». У прилог томе, често је касније истицао као пример управо финале светског првенства у Манили. То је био само један од начина да омаловажи југословенске резултате и да «настави игру која није имала везе са спортом», како је истакао један *Борбин* новинар. О југословенским наступима на првенству совјетска штампа није публиковала ништа друго сем лаконичних извештаја о резултату игре⁵⁰. У совјетској штампи иначе је био обичај да се непосредно после такми-

46 Tempo. 1978. 8 XI.

47 АЈ. Ф. 9. V редовна - izborna komisija Košarkaškog saveza Jugoslavije, 25.06.1977.

48 Tempo. 1978. 22 X: 17.

49 ДАМСП. Ф. 185. 461278. Информација о активности ССИП и ДКП око кандидатуре С. Глигорића за председника ФИДЕ и коментара у Политици поводом тога, 14.11.1978.

50 Правда. 1978. 16 X: 6.

чења објављују само резултати, а прекосутра тек нешто опширније, у зависности од исхода утакмице. Совјетски медији су били познати по томе да «случајно забораве» да истакну име земље-победнице уколико то није СССР, што је представљало скривену али једноставну идеолошку поруку коју су слали публици. Истакнуте информације СССР је креирао тако што им је давао облик који је њима одговарао.

Победа одређеног тима је представљала победу и величање одређеног политичког система. То је посебно било изражено у СССР-у током Хладног рата, јер је руководство увидело да спортске победе могу успешно рекламирати совјетски начин живота и демонстрирати супериорност социјалистичког система⁵¹. Победа Југославије на првенству у Манили 1978. г. је за СССР у моменту када су односи са Југославијом били у фази захлађења, представљао не само спортски већ и политички пораз. Политизација спортских догађаја, у овом случају кошаркашког првенства, нарочито је била видљива у ситуацијама затегнутих односа између појединих земаља⁵². У том смислу, за целокупни контекст важно је не губити из вида развој њихових билатералних односа у том периоду. Током друге половине 70-их г. у билатералним односима односима Београда и Москве постојао је одређен степен усаглашености ставова, изузев о односима са Кином и сукобу у Индокини. Стални проблем у њиховим односима и даље се односио на југословенско противљење блоковској подели света, као и на привлачењу и увлачењу Југославије у социјалистички лагер. Захлађење односа је наступило након посете Хуа Гуофенга, председника Комунистичке партије Кине, Југославији у августу 1978. г. што је касније додатно било продубљено ратним сукобима у Индокини. Унапређење југословенско-кинеских односа и југословенски став према сукобима у Индокини, последично је довело до захлађења односа са СССР-ом. Након тога је уследила антијугословенска кампања у совјетским медијима, који нису потпуно и објективно извештавали о спољнополитичким активностима Југославије, као ни о одређеним значајним догађајима одржаним те године у којима је Југославија учествовала. Узимајући у обзир да се првенство одиграло у октобру исте године, дакле само три месеца након захлађења односа, био је очекиван совјетски непријатан став према југословенској победи, коју су сматрали непоштеном и непожељном.

51 Sports Illustrated. 1956. 17 XII.

52 Јокић 2019: 51.

Резиме

Сумирајући кошаркашке догађаје у наведеном хронолошком периоду могу се уочити одређене политичке тенденциозности. Спорт и кошарка служили су превасходно као оружје за слање политичких порука, кроз које се настојало афирмисати одређени политички правац или став. Околности политичке и идеолошке супротстављености два блока ставили су у сенку кровну међународну кошаркашку организацију, која се у проучаваном периоду нашла у улози марионете уместо главног модератора спортских догађаја. То је резултирало чињеницом да су остале државе-учеснице неминовно биле принуђене да се прилагоде «новим правилима игре». Сва три споменута спортска догађаја представљају добар пример како се кроз анализу спорта, као друштвеног феномена, заправо добија увид у потпуно нову димензију проучавања друштвено-политичких односа током Хладног рата. Кошаркашка првенства су доказала да међународни спорт није остао имун на утицај политике и да су се спортске сарадње међу анализираним земљама, па и њихова учешћа на међународним спортским догађајима, мењала и усклађивала са њиховим спољнополитичким курсевима.

Списак скраћеница

АЈ – Архив Југославије

ДАМСП – Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије

КИНА – Народна Република Кина

МОК – Међународни олимпијски комитет

СССР – Савез Совјетских Социјалистичких Република

ФИБА – Међународна кошаркашка федерација

ФОРМОЗА – Република Кина

ЦК КПСС – Централни комитет Комунистичке партије Совјетског Савеза

Литература

1. Гелер, Некрич (ур.) 2000 – Утопија на власти: Историја Совјетског Савеза / ур. М. Гелер, Г. Некрич. Београд: ЦИД, 2000. 787 с.
2. Гомельский 2008 – Гомельский В. Папа. Великий тренер. М.: Издательский Дом «Городец», 2008. 496 с.

3. Димић 2022 – *Димић Љ.* Између Истока и Запада: Југославија, велике силе и питање безбедности у Европи (1945-1975). Београд: Филип Вишњић, 2022. 568 с.
4. Јокић 2019 – *Јокић М.* Медији у спорту, спорт у медијима. Горњи Милановац: Графопринт, 2019. 270 с.
5. Креачић 1950 – *Креачић М.* Спорт у Југославији. Београд: Југословенска књига, 1950. 112 с.
6. Милетић 2013 – *Милетић А.* Цез баскет. Београд: Лагуна, 2013. 540 с.
7. Раденовић 2017 – *Раденовић С.* Спорт и друштво: социологија са социологијом спорта, социологија спорта. Београд: Факултет спорта и физичког васпитања, 2017. 296 с.
8. Радовић 2021 – *Радовић С.* Кинеска политика отварања и Југославија: (1969-1980). Докт. дис. Београд, 2021. 454 с. https://nardus.mpn.gov.rs/bitstream/handle/123456789/19027/Disertacija_12184.pdf?sequence=1 (датум приступа: 22.09.2023) (рукопис)
9. Скемблер 2007 – *Скемблер Г.* Спорт и друштво: историја, моћ и култура. Београд: Клио, 2007. 346 с.
10. Чавошки 2009 – *Чавошки Ј.* Југославија и кинеско-индијски конфликт 1959-1962. Београд: Институт за новију историју Србије, 2009. 287 с.
11. Allison 2005 – *Allison L.* Global politics of sport. The role of global institutions in sport. London: Routledge, 2005. 194 p.
12. Angestav 2022 – *Angestav O.* Cold War Politics and Sports: Ice Hockey Competitions and the Image of the USSR in Western Mass Media. Master thesis, Master Program in Russian and Eurasian Studies, Uppsala University Institute for Russian and Eurasian Studies, 2022. 67 p.
13. Bekić 1988 – *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu: Odnosi s velikim silama 1949-1955. Zagreb: Globus, 1988. 764 s.
14. Dichter, Johns (eds) 2014 – Diplomatic Games: sport, statecraft, and international relations since 1945 / eds. H. L. Dichter, A. L. Johns. Lexington: University Press of Kentucky, 2014. 496 p.
15. Doppler-Speranza, Gasparini 2022 – *Doppler-Speranza F., Gasparini W.* 'Europe Gets More Game Everyday'. Professional Basketball, Transatlantic Sports Models and European Integration since the 1950s // Professional Basketball, Transatlantic Sports Models and European Integration. 2022. P. 303-321.
16. Edelman, Young (eds) 2019 – The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War / eds. R. Edelman, C. Young. California: Stanford University Press, 2019. 352 p.
17. Esherick, Baker, Jackson and others (eds) 2017 – Case Studies in Sport Diplomacy / eds. C. Esherick, R. Baker, S. Jackson and others. West Virginia University: FiT Publishing, 2017. 232 p.
18. Klasić 2016 – *Klasić H.* The Tito-Stalin Football War // Radovi – Zavod za hrvatsku povijest. 2016. Vol. 48. S. 387-404.

19. Kobierecki 2016 – *Kobierecki M.* Sport as a Tool for Strengthening a Political Alliance: The Case of the Eastern Bloc during the Cold War // *The Polish Quarterly of International Affairs*. 2016. No. 2. P. 7-24.
20. Louis, Louis (eds) 1980 – *Sport in the Soviet Union* / eds. V. and J. Louis. Great Britain: Pergamon Press, 1980. 146 p.
21. Macapagal 1968 – *Macapagal D.* A Stone for the Edifice: Memoirs of a President. Mac Publishing House, 1968. 560 p.
22. Maguire 1999 – *Maguire J.* Global Sport: Identities, Societies, Civilizations, Cambridge: Polity Press, 1999. 256 p.
23. Mijatov 2020 – *Mijatov N.* Sport u službi socijalizma: jugoslovensko iskustvo 1945-1953. Beograd: Čigoja, 2020. 511 s.
24. Murray 2011 – *Murray S.* Sports-Diplomacy: A Hybrid of Two Halves // *The International Symposium on Cultural Diplomacy in Berlin*. 2011. P. 1-25.
25. Nešić, Radenović (ur.) 2016 – *Život kroz sport* / ur. M. Nešić, S. Radenović. Beograd: Prosveta, 2016. 249 s.
26. Nye 1990 – *Nye J. S.* Bound to Lead: The Changing Nature Of American Power. New York: Basic Books, 1990. 336 p.
27. Nye 2005 – *Nye J. S.* Soft Power: The Means To Success In World Politics. Public Affairs Books, 2005. 191 p.
28. Nygård, Gates 2013 – *Nygård M. H., Gates S.* Soft power at home and abroad: Sport diplomacy, politics and peace-building // *International Area Studies Review*. 2013. 16 (3). P. 235–243.
29. Paunić 2007 – *Paunić S.* Geneza i razvoj košarke. Kovin: Ženski košarkaški klub, 2007. 376 s.
30. Riordan, Krüger (eds) 1999 – *The International Politics of Sport in the Twentieth Century* / eds. J. Riordan, A. Krüger. London and New York: Routledge, 1999. 264 p.
31. Sweet 2019 – *Sweet D. A. F.* Three Seconds in Munich: The Controversial 1972 Olympic Basketball Final. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019. 264 p.
32. Vonnard (ed.) 2018 – *Beyond Boycotts: Sport during the Cold War in Europe (Rethinking the Cold War)* / ed. P. Vonnard. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018. 234 p.
33. Vučetić 2019 – *Vučetić R.* Koka-kola socijalizam: amerikanizacija jugoslovenske popularne kulture šezdesetih godina XX veka. Beograd: Službeni glasnik, 2019. 473 s.

Reference

1. Allison, A., 2005. *Global politics of sport. The role of global institutions in sport*. London: Routledge, 194 p.
2. Angestav, O., 2022. *Cold War Politics and Sports: Ice Hockey Competitions and the Image of the USSR in Western Mass Media*. Master thesis, Master Program in Russian and Eurasian Studies, Uppsala University Institute for Russian and Eurasian Studies, 67 p.

3. Bekić, D., 1988. *Jugoslavija u Hladnom ratu: Odnosi s velikim silama 1949-1955*. Zagreb: Globus, 764 p.
4. Dichter, H., Johns, A., eds, 2014. *Diplomatic Games: sport, statecraft, and international relations since 1945*. Lexington: University Press of Kentucky, 496. p.
5. Dimić, Lj., 2022. *Između Istoka i Zapada: Jugoslavija, velike sile i pitanje bezbednosti u Evropi (1945-1975)* [Between East and West: Yugoslavia, Great Powers and the Question of Security in Europe (1945-1975)]. Beograd: Filip Višnjić, 568 p. (In Serb.)
6. Doppler-Speranza, F., Gasparini, W., 2022. 'Europe Gets More Game Everyday'. Professional Basketball, Transatlantic Sports Models and European Integration since the 1950s. *Professional Basketball, Transatlantic Sports Models and European Integration*, pp. 303-321.
7. Edelman, R., Young, C., eds, 2019. *The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War*. California: Stanford University Press, 352. p.
8. Esherick, C., Baker, R., Jackson, S. and others, eds, 2017. *Case Studies in Sport Diplomacy*. West Virginia University: FiT Publishing, 232. p.
9. Geler, M., Nekrič, A., ur., 2000. *Utopija na vlasti: Istorija Sovjetskog Saveza*. [Utopia in Power: A History of the Soviet Union] Beograd: CID, 787 p. (In Serb.)
10. Gomel'skiĭ, V., 2008. *Papa. Velikiĭ trener*. [Dad. Great coach] Moscow: Izdatel'skiĭ Dom «Gorodets», 496 p. (In Rus.)
11. Jokić, M., 2019. *Mediji u sportu, sport u medijima*. [Media in sport, sport in the media] Gornji Milanovac: Grafoprint, 270 p. (In Serb.)
12. Klasić, H., 2016. The Tito-Stalin Football War. *Radovi – Zavod za hrvatsku povijest*, 48, pp. 387-404.
13. Kobierecki, M. M., 2016. Sport as a Tool for Strengthening a Political Alliance: The Case of the Eastern Bloc during the Cold War. *The Polish Quarterly of International Affairs*, 2, pp. 7-24.
14. Kreačić, M., 1950. *Sport u Jugoslaviji*. [Sport in Yugoslavia] Beograd: Jugoslovenska knjiga, 112. p. (In Serb.)
15. Louis, V., Louis, J., eds, 1980. *Sport in the Soviet Union*. Great Britain: Pergamon Press, 146 p.
16. Macapagal, D., 1968. *A Stone for the Edifice: Memoirs of a President*. Mac Publishing House, 560 p.
17. Maguire, J., 1999. *Global Sport: Identities, Societies, Civilizations*. Cambridge: Polity Press, 256 p.
18. Mijatov, N., 2020. *Sport u službi socijalizma: jugoslovensko iskustvo 1945-1953*. Beograd: Čigoja, 511 p.
19. Miletić, A., 2013. *Džez basket*. [Jazz Basket] Beograd: Laguna, 540 p. (In Serb.)
20. Murray, S., 2011. *Sports-Diplomacy: A Hybrid of Two Halves*. The International Symposium on Cultural Diplomacy in Berlin, pp. 1-25.
21. Nešić, M., Radenović, S., 2016. *Život kroz sport*. Beograd: Prosveta, 249 p. (In Serb.)
22. Nye, J.S., 2005. *Soft Power: The Means To Success In World Politics*. Public Affairs Books, 191. p.

23. Nye, J.S., 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature Of American Power*. New York: Basic Books, 336. p.
24. Nygård, M.H., Gates, S., 2013. Soft power at home and abroad: Sport diplomacy, politics and peace-building. *International Area Studies Review*, 16 (3), pp. 235–243.
25. Paunić, S., 2007. *Geneza i razvoj košarke*. Kovin: Ženski košarkaški klub, 376 p. (In Serb.)
26. Radenović, S., 2017. *Sport i društvo: sociologija sa sociologijom sporta, sociologija sporta*. [Sport and society: sociology with sociology of sport, sociology of sport] Beograd: Fakultet sporta i fizičkog vaspitanja, 296 p. (In Serb.)
27. Radović, S., 2021. *Kineska politika otvaranja i Jugoslavija: (1969-1980)*. Dokt. dis. [China's opening policy and Yugoslavia: (1969-1980). Dr. Sc. thesis]. Beograd, 454. s. https://nardus.mpn.gov.rs/bitstream/handle/123456789/19027/Disertacija_12184.pdf?sequence=1 (accessed: 22.09.2019) (manuscript). (In Serb.)
28. Riordan, J., Krüger, A., eds, 1999. *The International Politics of Sport in the Twentieth Century*. London and New York: Routledge, 264 p.
29. Skembler, G., 2007. *Sport i društvo: istorija, moć i kultura*. [Sport and Society: History, Power and Culture] Beograd: Klio, 346. p.
30. Sweet, D. A., 2019. *Three Seconds in Munich: The Controversial 1972 Olympic Basketball Final*. Lincoln: University of Nebraska Press, 264 p.
31. Vonnard, P. and others, eds, 2018. *Beyond Boycotts: Sport during the Cold War in Europe (Rethinking the Cold War)*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 234. p.
32. Vučetić, R., 2019. *Koka-kola socijalizam: amerikanizacija jugoslovenske popularne kulture šezdesetih godina XX veka*. Beograd: Službeni glasnik, 473. p.
33. Čavoški, J., 2009. *Jugoslavija i kinesko-indijski konflikt 1959-1962*. [Yugoslavia and the Sino-Indian conflict 1959-1962] Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 287. p. (In Serb.)

Jovana Perišić

MA doctoral student, scholarship holder,
Faculty of Philosophy, University of Belgrade
Belgrade, Serbia, 11000, Čika Ljubina 18-20.
jperisic25@gmail.com

Politics or sport: who decides on the medals won? Basketball World Championships (1959, 1962, 1978)

In the context of the study of the Cold War, based on Yugoslav archival materials, relevant domestic and foreign literature, as well as examples from the Soviet, Yugoslav and Philippine press, the paper examines the degree by which politics and mutual relations affect international sports and basketball in particular. Various types of state systems supported sports during the 20th century, especially international sports competitions that were perceived as a training ground for the affirmation of a particular nation or a political system. In this respect, sport was used as a suggestive tool, that is, as a diplomatic tool for spreading a political message or for antagonizing rivals. By joining the International Olympic Committee in the first years of the Cold War, the USSR saw a chance and the possibility of breaking through the Iron Curtain, which in the case of basketball threatened the previous American dominance. Basketball depicted all the complexity of Cold War diplomacy, serving as a tool of soft power to spread certain values around the world and to strengthen the image of opposing blocs in an ideological war. Basketball games attracted global attention, reflecting on the field the rivalry and symbolic battle between the superpowers, but also providing space for overcoming geopolitical tensions. Therefore, three very specific World Championships in basketball (Chile 1959, Philippines 1962 and 1978) were analyzed that created political situations which exceeded the limits of sports ethics. All three case studies, each in their own way, will give an answer to what extent sport was shaped by politics, whether it affected the winning of medals or, if so, in what way.

Keywords: Cold War, politics, sport, basketball, USSR, Chile, Yugoslavia, Philippines, press

Андрија Јовановић

Истраживач приправник, Институт за европске студије,
Београд, Србија. 11000, Београд, Трг Николе Пашића, 11.
andrjkov@gmail.com

Америчке санкције Совјетском Савезу и изградња гасовода Уренгој – Помари – Ужгород

Енергетска сарадња у Хладном рату представља веома специфичну појаву у периоду поделе света на два супротстављена блока. Наиме, кроз готово читав период Хладног рата рата може се пратити извоз совјетских енергената, нафте и гаса, у капиталистичке државе Западне Европе, којих је у тим државама било у малим количинама, а чија је цена у Совјетском Савезу била изузетно повољна. Енергенти су највише извожени у Италију, Аустрију, СР Немачку и Француску, а када се узме у обзир колико је ова сарадња била разграната и дуготрајна може се закључити да је она представљала својеврстан вид интеграције европског континента, упркос политичко – идеолошком сукобу који је делио Европу на Исток и Запад. Сарадња западноевропских држава и Совјетског Савеза у овој области врхунац достиже у првој половини осамдестих година закључивањем уговора о изградњи магистралног гасовода Уренгој – Помари – Ужгород, који представља највећи индустријски договор између Истока и Запада и назива се „Договор века“. Међутим, друга хладноратовска суперсила, Сједињене Државе, у периоду администрације Роналда Регана, коју је одликовао радикалан антисовјетски став, није остала нема на ове догађаје и тежила је да путем санкција поништи овај договор, окарактерисавши га као безбедоносну претњу за америчке савезнике. Западноевропске државе вођене економским принципима и логиком нису узеле учешће у америчким санкцијама чиме су оне постале ништавне и убрзо укинута. Ипак многе државе, укључујући Југославију, тежиле су да искористе овај тренутак и укључе своје грађевинске организације у совјетске пројекте енергетске изградње, а самим тим и узму учешће у процесу енергетске интеграције европског континента.

Кључне речи: природни гас, енергетска сарадња, „Договор века“, санкције, Совјетски Савез, Сједињене Државе, Западна Европа, Југославија

Развој гасне индустрије Совјетског Савеза у почетку је био везан за развој индустрије нафте и свој замах добија померањем експлоатације нафтних ресурса даље на исток, односно њеним измештањем на простор западног Сибира. Такође, тај процес био је директно везан и за процесе индустријализације привреде и модернизације војске који су захтевали све већу потрошњу енергената, те су геолошка истраживања нових извора била неопходна. Иако је претпоставку о постојању огромних нафтних и гасних потенцијала на територији Сибира дао још тридесетих година 20. века совјетски геолог Иван Губкин, у свом реферату на Уралско – кузбаском заседању Академије наука СССР у Свердловску, требало је да прође још много деценија како би истраживање и експлоатација сибирских угљоводоника узела маха.¹

Поставља се питање из ког разлога је било неопходно да протекне толико дуг временски период? Наиме, сами географски и климатски услови у којима је требало радити представљали су главни проблем, који је са собом носио питање исплативости експлоатације сибирских ресурса. Сибирски терен захтевао је далеко сложенији приступ приликом истраживања и експлоатације него што је био случај са ранијим областима, попут Кавказа и басена Волга – Урал. То је значило да је било неопходно изградити потпуно нову инфраструктуру, чак и нове градове и индустријске центре који би омогућили производњу и прераду на самој локацији налазишта, али и обезбедити транспорт енергената путем цевовода у условима сибирске тундре и тајге, где је 70% територије мочвара, а остатак трајно залеђен. То је такође значило и да је немогуће употребити до тада постојећу опрему за експлоатацију гаса, већ је било неопходно спровести нова технолошка решења и изградити напредније цевоводе.²

За такав подухват било је неопходно постизање консензуса на највишем државно – партијском нивоу, али и развијање институционалног система који би „сибирску кампању“ спровео у дело. Може се рећи да прекретницу у развоју совјетске индустрије природног гаса представља XX Конгрес КПСС – а из 1956. године на којем је први пут одређен императив рапидног повећања производње природног гаса, тачније учетворо-

1 Логунов (ред.) 2003: 3.

2 Perovic 2016: 16-17; Hogselius 2013: 33.

стручење производње, са 10 на 40 милијарди кубних метара.³ Исте године основана је и Управа за гасну индустрију при Савету министара – ГЛАВ-ГАЗ.⁴ Даљи развој институција у области гасне индустрије био је везан управо за откриће огромних резерви природног гаса у западном Сибиру, током прве половине шездесетих година. Из тог разлога 1965. године основано је посебно Министарство гасне индустрије - МИНГАЗПРОМ, а већ 6. јуна 1966. године откривено је највеће светско налазиште природног гаса Уренгој.⁵ Оснивање МИНГАЗПРОМ - а представља значајан тренутак јер је гасна индустрија коначно изједначена са осталим индустријским секторима. То је значило да су оквиру исте административне целине обједињени сви ресурси везани за целокупан процес од производње, преко прераде, до расподеле гаса, а то је обухватало индустријске објекте, магистралне гасоводе, подземна складишта, постројења за прераду гаса итд. Захваљујући таквој концентрацији ресурса коначно је било могуће приступити дугорочном процесу развитка индустрије природног гаса.⁶ Коначно совјетска индустрија природног гаса биће институционално обликована 1972. године оснивањем Министарства за изградњу нафтно – гасних предузећа – МИННЕФТГАЗСТРОИ.⁷

Са друге стране била је неопходна и подршка државно партијског руководства, а њу гасна индустрија добија у пуном обиму тек након 1964. године, сменом Никите Хрушчова. Ново државно – партијско руководство оличено у генералном секретару КПСС – а, Леониду Брежњеву и председнику Савета министара, Алексеју Косигину, заступало је идеју промене енергетске политике Совјетског Савеза и истицање западног Сибира у први план.⁸ Њихова подршка „сибирској кампањи“ оличена је у бројним посетама овој регији, а XXV Конгрес КПСС – а из 1976. године, најавио је убрзану индустријализацију Сибира, путем енергетских и инфраструктурних пројеката, у чијем центру је развој индустрије угљоводоника и развијање пратећих индустрија.⁹ Коначно 1978. године Леонид Брежњев одлази у Сибир и обилази Тјумен, Томск, Новосибирск, Краснојарск, Читу и Владивосток, чиме симболично најављује почетак „сибирске кампање“ у развоју совјетске енергетике.¹⁰

3 Hogselius 2013: 13-15.

4 Hogselius 2013: 18.

5 Hogselius 2013: 18; Гайказов 2003: 55-56.

6 Чешко, Трофимова, Нагаев (ред.) 2017: 22; Hogselius 2013: 40.

7 Чирсков, Нагаев 2019: 314; Hogselius 2013: 147.

8 Krempin 2016: 254.

9 Krempin 2016: 265-266.

10 Krempin 2016: 267-268.

Током овог двадесетогодишњег периода, од XX до XXV Конгреса КПСС – а, створени су услови на унутрашњем плану за почетак „сибирске кампање“. Међутим, њено спровођење не би било могуће без сарадње са западноевропским државама, као и стварања повољне климе у међународним односима током седамдесетих година. Наиме, још од двадесетих година може се пратити извоз совјетских енергената на Запад, а статистика показује да је 1928. године 14% зараде у иностраној валути долазило од извоза нафте.¹¹ Ове бројке наставиће да расту и до осамдесетих година Совјетски Савез ће 80% зараде у иностраној валути стицати извозом енергената.¹² Треба напоменути да се испрва извоз енергената заснивао на нафти, али је Алексеј КОРТУНОВ, први министар гасне индустрије, препознао природни гас као нову велику шансу за совјетску привреду.

Пресудан тренутак биле су управо шездесете године и откривање великих резерви природног гаса у западном Сибиру, када постаје јасно да Совјетски Савез, као и државе СЕВ – а, немају капацитет да те ресурсе апсорбују. Министар КОРТУНОВ је на тај начин видео велику могућност у извозу природног гаса, далеко већу него у случају нафте, јер Совјетски Савез није имао прекоокеанску конкуренцију, поготово уколико се узме у обзир да у том периоду свега пет земаља света производи природни гас (СССР, САД, Канада, Холандија и Румунија). То је даље значило и повећање зараде у иностраној валути, а самим тим и могућност да се путем увоза напредне технологије и индустријских компонената, цеви широког пречника, компресора и пратеће опреме, ојача и даље развије совјетска индустрија природног гаса.¹³

Међутим, проблем је био тај што је природни гас још увек представљао мали проценат у западноевропској енергетској потрошњи и како би постао кључни извозни продукт, требало је да постане и једна од главних сировина у европском енергетском систему.¹⁴ Погодна ситуација за реализацију овог плана десиће се 1973. године у виду нафтне кризе. Троструки скок цена нафте натераће европске државе да диверсификују изворе снабдевања, али и саме саме енергетске изворе. Нафтна криза утицаће да Запад у совјетским ресурсима види нову сировинску базу и сигурнијег партнера, преко којег би могао да надокнади губитке настале услед ембарга уведеног од стране држава чланица ОПЕК – а.¹⁵ Такође, немали допри-

11 Perovic 2016: 5.

12 Perovic 2016: 26.

13 Hogselius 2013: 68; Smil 2015: 68.

14 Hogselius 2013: 36-37.

15 Perovic 2016: 17.

нос дала је и Конференција УН о животној средини у Штокхолму, 1972. године, која је ограничила дозвољену количину сумпор – диоксида, који се у великој мери ослобађа сагоревањем нафте. То је такође, била велика шанса за природни гас који је из еколошке перспективе био далеко чистији ресурс, те се све већи број држава опредељивао за њега.¹⁶ На све то треба додати и процес детанта, који се поготово на европском континенту огледао у развијању економских веза, а енергенти су били оно што је Совјетски Савез могао да понуди капиталистичким државама, како би заузврат добио технологију, готове производе и девизе.

Може се закључити да је целокупна међународна ситуација упућивала две стране на сарадњу и од краја шездесетих година долази до првих преговора са западноевропским компанијама и владама, које у име Совјетског Савеза води државно извозно предузеће – САЈУЗГАЗЕКСПОРТ. Ти преговори биће изузетно плодотворни и крајем шездесетих, односно током прве половине седамдесетих година доћи ће до закључивања првих уговора о извозу природног гаса. Први уговор закључен је 1968. године са аустријским ОМВ – ом, а затим и са италијанском компанијом ЕНИ 1969. године. Након тога, у периоду од 1970. до 1974. године закључена три уговора са западнонемачким Рургасом која су предвиђала извоз од 11,5 милијарде метара кубних гаса годишње. Коначно током 1972. и 1974. године закључени су уговори са француским Газ де Франсом.¹⁷ Сви ови уговори били су пионирски, међутим уговор између Совјетског Савеза и СР Немачке био је типски уговор на коме ће се заснивати будућа сарадња Совјетског Савеза и западноевропских држава. Наиме, овај уговор поставио је принцип „гас – цеви“, као темељни принцип сарадње, а то је значило да ће немачке челичане испоручивати материјале за изградњу гасовода, док ће Совјетски Савез испоручивати природни гас. Управо захваљујући том принципу омогућена је експлоатација сибирских гасних поља, а октобра 1973. године прва количина совјетског гаса стигла је до СР Немачке, преко интерконекције са Чехословачком.¹⁸

На основу наведених чињеница закључује се да су до средине седамдесетих година испуњени услови како на унутрашњем, тако и на међународном плану, за спровођење „сибирске кампање“. Како сведочи Борис Шчербина, министар задужен за изградњу нафтно – гасних предузећа, интеграција сибирских налазишта енергената у совјетску привреду у том тренутку постала је централно економско питање, а као главни

16 Hogselius 2013: 167.

17 Драбкин 1984: 148.

18 Ђукић 2011: 13; Beltran, Williot 2016: 237-238.

проблем наметало се питање изградње система магистралних гасовода.¹⁹ Наиме, постало је неопходно градити нове гасоводе јер је Совјетски Савез, поред држава СЕВ – а, сада био у обавези да снабдева и западноевропске државе, а целокупна трансмисија одвијала се преко система и путем интерконекција.²⁰

Уренгој – Помари – Ужгород: преговори, уговори, реакције

Гигантско гасно поље код Уренгоја, чији су потенцијали током седамдесетих година утврђени на 5 трилиона метара кубних гаса, било је кључно за спровођење ових замисли.²¹ Већ у периоду од 1976. до 1980. године спроведени су масовни радови у овој регији, те је налазиште Уренгој повезано са индустријским центрима попут Чељабинска, Ухте и Пунге, док је укупна производња природног гаса на завршетку овог петогодишњег периода износила 435 милијарди метара кубних.²² Такође, у истом периоду, у сарадњи са државама СЕВ – а изграђен је и магистрални, извозни гасовод „Сајуз“, који је гасом из Оренбурга снабдевао социјалистичке државе и доприносио даљој интеграцији СЕВ – а.²³ Следећи, једанаести петогодишњи план (1981 – 1985), предвиђао је даљи раст обима радова у северном реону Западног Сибира, а нафта и гас означени су као основни показатељи економског и друштвеног развоја Совјетског Савеза.²⁴

Изградња, горепоменутог магистралног гасовода „Сајуз“ представљала је, у техничком смислу, увертиру за изградњу магистралног, извозног гасовода који би кренуо из Уренгоја. Ипак, како сведочи Владимир Чирсков министар за изградњу нафтно – гасних предузећа у периоду од 1984. до 1991. године, изградња извозног гасовода из Уренгоја представљала је до тада најзахтевнији гасоводни пројекат на свету. Наиме, сам гасовод требало је да буде дугачак 4451 километар, изграђен од цеви пречника 1420 милиметара и способан да преноси 32 милијарде кубних метара гаса годишње, све до места Ужгород на граници Совјетског Савеза и Чехословачке.²⁵ То је значило да овај гасовод мора проћи у дужини од 2000 километара кроз шуме, 700 километара кроз мочваре, 545 километара Уралских и Карпатских планина, 150 километара подручја под

19 Щербина 1982: 5.

20 Smil 2015: 110.

21 Логунов (ред.) 2003: 38.

22 Цареградская (ред.) 2009: 275; Щербина 1982: 10.

23 Щербина 1982: 11.

24 Щербина 1982: 50.

25 Чирсков 2012 78.

сталним ледом, као и преко 800 великих и малих река, односно око 220 километара подводних прелаза.²⁶

Из тог разлога, за овакав подухват, било је неопходно осигурати партнере на Западу, а као прва заинтересована страна јавио се западноне-мачки Рургас. Преговори су настављени по већ утврђеном принципу „гас – цеви“.²⁷ У таквој ситуацији, ради постизања договора око изградње будућег гасовода, председавајући Рургаса Клаус Лисен сусрео се Николајем Патоличевим, министром спољне трговине и Сабитом Оруцевим, министром гасне индустрије, још априла 1978. године у Москви. Том приликом договорена је испоруку 20 до 25 милијарди метара кубних гаса годишње преко будућег гасовода. Ова количина гаса битно би утицала на енергетски баланс СР Немачке, али је ипак процењено да овај договор не представља ризик јер совјетска страна не би угрозила транзит гаса од којег не зависи само СР Немачка, већ и друге европске државе, али и Совјетски Савез поготово услед потребе за страном валутом, као и услед обавеза које ће настати из зајмова за изградњу гасовода. Чак и уколико би дошло до застоја предвиђало се да он не би трајао дуже од неколико месеци, за које време би СР Немачка пронашла друге изворе снабдевања, пре свега холандске, или би повећала домаћу производњу.²⁸

Међутим, застој у преговорима настаће око датума почетка изградње. Са једне стране Немци су предлагали да извоз из Уренгоја започне 1988. године, док су Совјети заговарали 1984. годину, као годину почетка рада гасовода. Ипак, међународне околности утицаће на решавање овог питања у совјетску корист. Наиме, Иранска револуција проузроковаће пропаст пројекта изградње иранског извозног гасовода (ИГАТ), а самим тим и губитак планираних 13 милијарди метара кубних гаса које је требало да на годишњем нивоу преко Совјетског Савеза стижу у Западну Европу. То ће даље утицати на неопходност постизања што бржег договора између Совјетског Савеза и западноевропских држава око изградње уренгојског гасовода, који је постао и замена за ирански гас. То је значило да је у новим условима било идеално да гас потече што пре, те је Брежњев током 1979. године позвао највеће Западне компаније у Москву, ради договора.²⁹

Ипак, 1979. година, доноси нове потресе на међународном плану, у виду совјетске инвазије на Авганистан, децембра 1979. године, што

26 Логунов (ред.) 2003: 46.

27 Hogselius 2013: 178.

28 Hogselius 2013: 180-181.

29 Hogselius 2013: 182-183.

је представљало увертуру у нову кризу и захуктавање хладноратовских непријатељстава, а самим тим и нови талас антисовјетског сентимента на Западу. Министарство за гасну индустрију окарактерисало је ове догађаје као препреку за остваривање сибирског пројекта, али у исти мах владало је мишљење да западноевропске државе неће ставити геополитичке разлоге изнад економских. Такав став био је заснован на догађајима из 1968. године, односно тиме што совјетска интервенција у Чехословачкој није имала значајнији утицај на енергетске односе са Западом. Слично се догодило и овог пута, а преговори око изградње гасовода настављени су у пролеће 1980. године, превазилазећи политичке и идеолошке препреке.³⁰ Већ маја 1980. године постигнут је консензус на нивоу највиших државних руководстава СР Немачке и Совјетског Савеза, а јула исте године канцелар Хелмут Шмит и министар спољних послова Ханс Дитрих Геншер сусрели су се у Москви са Брежњевим и договорили оквирне количине гаса које би биле транспортоване од Уренгоја. Ови преговори уродили су плодом и 20. новембра 1981. године закључен је уговор између Рурга-са и Сајузекспортгаса који је подразумевао испоруке 10,5 милијарди метара кубних гаса годишње из Совјетског Савеза у СР Немачку, почевши од 1984. године. Уговор је такође обухватао и целокупан инфраструктурни пројекат изградње извозног магистралног гасовода Уренгој – Помари – Ужгород у вредности од 20 милијарди немачких марака, чиме је он постао највећи индустријски договор између Истока и Запада закључен током Хладног рата, а често је називан и „Договор века“.³¹ Овај уговор потврђен је на новембарском пленуму КПСС, 1981. године, чиме је најављен почетак изградње извозног гасовода Уренгој – Помари – Ужгород.³²

Нова енергетска криза настала услед Иранске револуције, довешће и до заустављања пројекта Трансмедитеранског гасовода, од Алжира, преко Туниса, до Сицилије, када Алжир буде тражио нови уговор и паритет између цена нафте и гаса. Из тог разлога и друге западноевропске земље постаће заинтересоване за „Договор века“, те се током 1982. и 1983. године овом договору прикључују се и француски Газ де Франс, холандски Гасуни, белгијски Дистригаз, аустријски ОМВ и коначно до јуна 1983. године и италијански ЕНИ.³³

30 Hogselius 2013: 184.

31 Krempin 2016: 270-271. У руској литератури термин „Договор века“ често се односи и на целокупан процес успостављања трговинског принципа „гас – цев“ између СР Немачке и Совјетског Савеза, види: Демидова, Захаров, Ефимова 2016.

32 Чирсков (ред.) 2012: 56.

33 Hogselius 2013: 188.

На основу наведеног може се видети да је кроз закључивање наведеног договора између СР Немачке и Совјетског Савеза и улазак других великих западноевропских енергетских компанија у исти, постигнута својеврсна интеграција европског континента у енергетском смислу и то мимо неповољних ситуација на међународном плану, стављајући на тај начин економски интерес и сарадњу изнад геополитичких конфронтација. Како наводи А. Драбкин, совјетски новинар који је сведочио овим догађајима, гасовод од западног Сибира до Западне Европе требало је да постане мост који ће европску економију увести у „постнафтну доба“.³⁴ Међутим, нису сви били задовољни оваквим развојем догађаја, а то се посебно односи на новоизабраног председника Сједињених Држава Роналда Регана, који је убрзо након ступања на дужност окарактерисао преговоре и могућу изградњу гасовода као претњу за безбедност америчких савезника, уз отворену жељу да пројекат заустави или одложи.

Америчка реакција и увођење санкција на изградњу гасовода

Долазак Роналда Регана на власт, његов изразити антикомунистички и антисовјетски став, означио је нови период Хладног рата. Наступајући са позиције америчких „јастребова“ Реган је тежио да Совјетском Савезу опонира на свим могућим пољима. Његова спољнополитичка и идеолошка позиција према Совјетском Савезу најбоље је исказана у кованици „империја зла“, те узевши то у обзир уопште не чуди што је министар Борис Шчербина записао да је амерички председник повео „крсташко – каубојски поход против гасовода“.³⁵

Управо у том контексту треба посматрати укључивање Сједињених Држава у преговоре, што је представљало и својеврстан преседан на међународном плану поготово у погледу енергетске сарадње. Наиме, до тада, Сједињене Државе нису узимале активну улогу у погледу извоза совјетског гаса, нити су на било који начин тежиле да спрече раније инфраструктурне пројекте, попут гасовода „Сајуз“.³⁶ Шта више, за време администрације Џимија Картера, Сједињене Државе углавном су подржавале трговину енергентима између западноевропских држава и Совјетског Савеза, сматрајући да би у периоду енергетске кризе повећа-

34 Драбкин 1984: 23.

35 Шчербина 1982: 54.

36 Gustafson 2020: 159.

ни уплив совјетских енергената на светско тржиште стабилизовао цене.³⁷ Ипак, председник Реган одустаје од овог става, те подстакнут Вилијамом Кејсијем, конзервативцем на челу ЦИА – е, питање енергетике и енергетске сарадње са Совјетским Савезом директно везује за питање безбедности америчких савезника, наводећи да би превелика енергетска зависност могла да доведе и до политичке, док би сваки вид извоза напредне технологије директно утицао на јачање совјетске војне моћи. На ово треба додати податак да је у периоду од 1970. до 1981. године извоз гаса из Совјетског Савеза у западноевропске земље порастао с 1 милијарде метара кубних на 27 милијарди, те да ниједна област сарадње Истока и Запада током Хладног рата није бележила тако убрзан раст. Зато и не чуди да је постала примарна мета америчке спољне политике. Ова промена става америчке администрације изазвала бројне негативне реакције, пре свега у Совјетском Савезу, али и у СР Немачкој, чији су стручњаци, као што је већ наведено, кроз бројне анализе утврдили да изградња гасовода од Уренгоја не представља безбедоносну претњу.³⁸

Ипак, америчка администрација није одустајала од свог става и јула 1981. године на самиту Г7 у Отави, у јеку преговора, државни секретар Александар Хејг апеловао је на савезнике да одустану од енергетске сарадње са Совјетским Савезом, обећавајући америчке енергенте, као замену за совјетски гас. Ипак, представници западноевропских држава нису били одушевљени овим понудама сматрајући да оне не би повољно утицале на енергетску безбедност Европе, а немачки канцелар Шмит у потпуности је одбацио било какву могућност инструментализације совјетског гаса у политичке сврхе.³⁹ Истрајавајући у том уверењу, као што је већ речено западноевропске државе у наредних годину и по дана закључују „Договор века“ са Совјетским Савезом.

Наиме, владе западноевропских држава сматрале су да би у било којој ситуацији изградња магистралног гасовода доносила више користи него штете, поготово уколико се у обзир узме опадање холандске производње природног гаса, као и нестабилно снабдевање енергентима са Блиског Истока. Са друге стране сматрали су да је енергетска зависност од Совјетског Савеза немогућа, јер се јавља опадање увоза совјетске нафте, као паралелан процес. Поред тога западноевропске фирме имале су бројне економске бенефите од овог пројекта, док би отказивање уговора значило плаћање отказних пенала, као и довођење у питање хиљаде

37 Hogselius 2013: 184-185.

38 Painter 2016: 292; Hogselius 2013: 185; Gustafson 2020: 159; Драбкин 1984: 6.

39 Painter 2016: 292; Hogselius 2013: 185; Андриянов, Чирсков 2009: 228.

радних места и огромних зарада од извоза опреме за гасовод, поготово када се у обзир узме чињеница да није могуће наћи тржиште које би служило као замена за Совјетски Савез.⁴⁰ Такође и саме бројке говориле су да западноевропске државе заузимају исправан став у погледу изградње гасовода. Наиме, уколико се узме у обзир да почетком осамдесетих западноевропске потребе за природним гасом износе 250 милијарди метара кубних, док укупна количина предвиђена „Договором века“ износи свега 30 милијарди метара кубних, не може бити речи о енергетској зависности.⁴¹ На крају, не најмање важно, треба узети у обзир и тежњу западноевропских држава да се, и поред нарушавања односа између суперсила, одржи детант у Европи, а као један од видова тог подухвата било је и контролисање Совјетског Савеза кроз развијање економских веза на европском континенту.⁴²

Ипак, Сједињене Државе нису биле задовољне оваквим развојем догађаја, те је Реганова администрација приступила новој стратегији, увођењу санкција на технологију и опрему која је неопходна за изградњу гасовода, а која је по уговору требало да буде упућена у Совјетски Савез. Дуго се у америчкој администрацији и структурама ЦИА – е расправљало о најадекватнијем решењу, а управо је напредна технологија гасних турбина неопходна за изградњу компресорских станица била оно што је препознато као кључ за опструкцију изградње гасовода. Поред тога, догађаји у Пољској од децембра 1981. године дали су Регану политичко залађе за спровођење ове замисли.⁴³ Из тог разлога, 29. децембра 1981. године извршном наредбом америчког председника, уведене су санкције које су обухватале прекид продаје технологије за нафтно – гасну индустрију из Сједињених Држава, као и забрану даље продаје лиценци за производњу ове технологије, због чега је, иако уз протест, 60 компанија из Сједињених Држава морало да раскине уговоре о продаји ових лиценци са западноевропским фирмама.⁴⁴

Регановом извршном наредбом отворен је нови хладноратовски фронт – гасни.⁴⁵ Ипак, западноевропске државе нису исказале жељу да се помире са Регановим одлукама, што се пре свега видело у ставу немачког канцелара Хелмута Шмита, који је навео да светска енергетска поли-

40 Painter 2016: 293; Гайказов 2003: 95.

41 Драбкин 1984: 5, 148.

42 Painter 2016: 293.

43 Painter 2016: 293-294.

44 Painter 2016: 294; Gustafson 2020: 159.

45 Андриянов, Чирсков 2009: 230.

тика не може да буде ефикасна на дугорочном плану уколико Совјетски Савез у њој не учествује или буде изолован. Такође, сличан став исказан је на заједничкој седници министара спољних послова Европске економске заједнице, чији коминике од јануара 1982. године наводи да не постоји интерес да се подрже америчке санкције, јер одржавање економских веза са социјалистичким државама представља интерес западноевропских држава.⁴⁶

Овај амерички потез ипак јесте престављао опасност за пројекат јер изградња зависила од увоза опреме, у првом реду компресора, са Запада. Наиме, совјетска индустрија није имала капацитета да произведе компресоре јаче од 16 мегавата, док је за изградњу гасовода био неопходан увоз 215 компресора јачине 25 мегавата.⁴⁷ Ипак, поред могућег негативног сценарија током зиме 1981 – 1982. године почели су припремни, пројектантски радови на гасоводу, али и радови на развоју нових компресорских технологија у „Невском заводу Лењин“ из Лењинграда.⁴⁸ Развој домаће индустрије компресора Совјетски Савез ће тежити да оствари развијањем турбинских технологија примењиваних у оквиру Министарства авиоиндустрије.⁴⁹

Ипак, Реган није одустајао и већ у пролеће 1982. године на састанцима ЕЕЗ у Версају и НАТО у Бону покушао је још једном да придобије западноевропске државе да уведу санкције Совјетском Савезу. Међутим, овај захтев је поново одбијен, овога пута уз образложење да су санкције први корак ка објављивању рата, те да увек постоји могућност ескалације.⁵⁰ Овакав став утицао је на даље погоршање ситуације, те Реган 17. јуна 1982. године уводи нове мере и проширује санкције на сву технологију која се производи по америчким лиценцама, како за америчке компаније на тлу Европе, тако и за све европске компаније које продају опрему по овим лиценцама, а које су, треба напоменути, биле кључне за производњу компресора у западноевропским државама, узевши у обзир да је већина компресорске технологије прављена по лиценци америчког Ценерал Електрика. На тај начин онемогућен је сваки извоз ове технологије у Совјетски Савез, те је претило да изградња гасовода Уренгој – Помари – Ужгород буде одложена и до три године.⁵¹

46 Драбкин 1984: 97, 100.

47 Gustafson 1989: 156.

48 Драбкин 1984: 100.

49 Демидова, Захаров, Ефимова 2016.

50 Драбкин 1984: 111.

51 Painter 2016: 295; Hogselius 2013: 179, 188-189; Драбкин 1984: 111.

Овакав амерички поступак изазвао је совјетску реакцију и већ 8. јула 1982. године ЦК КПСС – а и Савет министара доносе одлуку о почетку радова на гасоводу Уренгој – Помари – Ужгород, уз напомену да ће упркос америчким санкцијама извоз почети 1984. године, у складу са ранијим договорима. Такође, постављен је и нови циљ, а то је изградња гасовода пре рока.⁵²

Са друге стране западноевропске државе бурно су реаговале на овај покушај увођења екстериторијалних трговинских санкција, а Савет Европске економске заједнице оценио је да су санкције донете мимо консултација са државама чланицама, те да на тај начин представљају грубо кршење међународног права, наметање америчких закона на тлу Европе, те покушај да се применом силе пониште међународни уговори. Већ 11. августа западноевропске државе упутиле су ноту Представничком дому захтевајући промену америчког става у вези санкција због кршења међународног права.⁵³ Ситуација се поготово погоршала након што се испоставило да совјетско – америчка трговина житом током 1982. године није прекинута. Из тог разлога владе Немачке, Француске, Италије и Велике Британије, јавно су саветовале своје компаније да испоштују договоре са Совјетским Савезом.⁵⁴ Већ након неколико дана, 24. августа, француска фирма „Дресер Франс“ испоручила је три компресора Совјетском Савезу, чиме су америчке санкције директно прекршене. До средине септембра слично су поступиле и компаније из Велике Британије, Италије, СР Немачке и Холандије, испоручивши турбине, ватрогасну и сеизмолошку опрему у Совјетски Савез. Реганова администрација није остала нема на ове поступке те су све компаније стављене на „црну листу“, чиме им је забрањен сваки вид увоза из Сједињених Држава.⁵⁵

Овде се треба осврнути на разлог због којег су одређене западноевропске фирме биле спремне да крше Реганове санкције, а он је у потпуности на терену економске логике. Наиме, главни проблем за западноевропске фирме био је тај што би поштовање екстериторијалних санкција узроковало, као што је речено, пропаст пословних аранжмана, пре свега за немачке и италијанске челичане, а самим тим и и пропаст посла вредног 8,5 милијарди долара.⁵⁶ Истим путем је чак пошла и Велика Британија, а премијерка Маргарет Тачер, најближа Реганова европска савезни-

52 Драбкин 1984: 101, 115.

53 Андриянов, Чирсков 2009: 229-230; Драбкин 1984, 119, 121.

54 Painter 2016: 295-296.

55 Драбкин 1984: 122, 126-127.

56 Hogselius 2013: 190.

ца, сматрала је да би поштовање санкција још више погоршало већ тешку ситуацију у шкотским челичанама, наводећи да је Регановим санкцијама Британија „рањена од стране пријатеља“.⁵⁷ Реганове мере наишле су и на негативну реакцију Националне асоцијације индустријалаца, која је се изјаснила против дискриминаторних мера, узевши у обзир да су многе санкционисане компаније биле америчке филијале које су дужне да поштују законе држава на чијој се територији налазе.⁵⁸

Поред оваквог расплета Реган је и даље био одлучан да настави са санкцијама, међутим убрзо се међу америчком администрацијом јавило мишљење да је цео подухват био исхитрен и да треба тражити нови начин за решење ситуације. Творац новог приступа био је нови државни секретар Џорџ Шулц, који је сматрао да решење треба тражити у постизању ширег консензуса међу европским државама у вези енергетске трговине са Совјетским Савезом, кроз који би даље било могуће наметнути ограничења и контролисати овај процес. Са друге стране било је јасно да ће након испоруке опреме, гасовод и поред санкција бити изграђен, те би за амерички углед на међународном плану било поражавајуће да се то догоди за време трајања санкција. Узевши ове аргументе у обзир Реган је одлучио да коначно 13. новембра 1982. године укине санкције, док су западноевропске државе декларативно пристале да се не ослањају искључиво на један извор снабдевања енергентима и да раде на диверсификацији извора.⁵⁹ Такође, касније су пристале и да се ограничи на највише 25% гаса из Совјетског Савеза у укупном увозу природног гаса, као и да раде на укључивању гаса из норвешког поља Трол на европско енергетско тржиште.⁶⁰

Са друге стране изградња гасовода представљена је као главни приоритет совјетске економије, док су по сведочењима руских аутора и руководиоца Минњефтгазстроја, санкције изузетно психолошки утицале на морал совјетских радника и на убрзање темпа изградње, док министар Шчербина сведочи да је 15.000 радника и специјалиста захтевало од Минњефтгазстроја да се не прекине са радовима.⁶¹ Коначно 9. септембра 1983. године Мингазпром и Минњефтгазстрој поднели су извештај ЦК КПСС – у о пуштању у рад извозног магистралног гасовода Уренгој – Помари – Ужгород, шест месеци пре планираног рока, а већ 1. јануара

57 Yergin 2011: 643.

58 Драбкин 1984: 126.

59 Painter 2016: 296-297.

60 Yergin 2011: 643; Gustafson 2020: 129.

61 Чирсков, Нагаев 2019: 75; Шчербина 1982: 55.

1984. године совјетски гас почео је да се испоручује у западноевропске државе.⁶² У совјетској јавности то је приказано као велика победа над Сједињеним Државама у Хладном рату, поготово јер је највећи гасоводни пројекат на свету завршен у рекордно кратком року.⁶³ Такође, о значају завршетка гасовода говори и снимање дводелног, играног филма „Уговор века“ (Контракт века), 1985. године, који говори о шпијунским играма које су пратиле изградњу гасовода.⁶⁴ Све то утицало је да се касније у руској јавности духовито примети да је „Реган изгубио прву рунду против Совјетског Савеза“.⁶⁵

До 1985. године отворено је још 6 паралелних гасоводних линија, а западни Сибир постао је центар гасне индустрије, захваљујући којем је 1984. године произведено 536 милијарди метара кубних гаса, чиме је Совјетски Савез прстигао Сједињене Државе у гасној производњи, док је укупан извоз у Западну Европу исте године износио 53 милијарде метара кубних гаса.⁶⁶ Ипак, треба напоменути да је извозни гасовод Уренгој – Помари – Ужгород грађен убрзаним темпом што је оставило последице на сам квалитет пројекта. Последица тога били су чести кварови на трансмисионој мрежи, тачније у просеку 28 квара годишње, као и експлозија из 1989. године која је однела велики број жртава.⁶⁷ Са друге стране ни америчке санкције нису прошле потпуно без последица, о чему најбоље сведочи податак да монтажа компресорских станица није у потпуности завршена ни 1985. године. Наиме, до 1985. године Минњефтгастрој успео је да постави 86% компресорских капацитета, што је проузроковало сталне сметње и губитке количине гаса у процесу трансмисије.⁶⁸ Такође, треба напоменути и то да је око половине компресора постављених на трансмисиону мрежу било домаће производње.⁶⁹

Учешће југословенских радних организација у изградњи магистралног гасовода Уренгој – Помари – Ужгород

Посебан допринос истраживању ове теме даје и анализа документарне грађе доступне у Дипломатском архиву Министарства спољ-

62 Драбкин 1984: 147; Гайказов 2003: 97.

63 Hogselius 2013: 196; Андриянов, Чирсков 2009: 235.

64 Чирсков 2012: 78.

65 Zubok 2007: 271.

66 Hogselius 2013: 196.

67 Hogselius 2013: 196-197; Драбкин 1984: 144.

68 Gustafson 1989: 157, 160.

69 Gustafson 2020: 160.

них послова Републике Србије и Архиву Југославије. Њен допринос је у приказивању начина на који су југословенске грађевинске организације искористиле америчке санкције да пласирају своје услуге на совјетском тржишту енергетске изградње, али и на који начин је Совјетски Савез тежио да евентуално искористи специфичну позицију Југославије као могућност заобилажења санкција.

Совјетско – југословенски односи од почетка шездесетих година стављали су фокус искључиво на питања која спајају интересе две државе, док су раније расправе о блоковској подели, несврстанима, нуклеарном наоружању и различитим путевима у социјализам оставили по страни. У том смислу управо је економска сарадња препозната као основна и трајна оријентација совјетско – југословенских односа у наредном периоду, а акценат је стављен на проширење робне размене, узајамно корисне кооперације и специјализације производње као и на сарадњу на пројектантским и истраживачким радовима у свим гранама привреде неопходним за научно – технички прогрес.⁷⁰ Све ово није остало само на речима већ је имало и конкретне резултате. Наиме, од седамдесетих година рапидно расте трговинска размена две државе и већ у периоду од 1976. до 1980. године достиже суму од 17 милијарди долара.⁷¹ На основу тога може се закључити да Југославија дочекује „Договор века“ и почетак изградње магистралног гасовода Уренгој – Помари – Ужгород имајући Совјетски Савез за највећег трговинског партнера.

Идеја о учешћу југословенских фирми у процесу изградње гасовода Уренгој – Помари – Ужгород објављена је на 352. седници Савезног извршног већа (СИВ) 26. марта 1981. године. Том приликом је констатовано да постоји начелна заинтересованост југословенских грађевинских организација за учешће у изградњи гасовода, те да би Савезни секретаријат за иностране послове (ССИП) требало да о томе обавести Министарство спољне трговине Совјетског Савеза.⁷² СИП поступио је у складу са налогом СИВ – а чиме су током маја 1981. године започети преговори који ће трајати наредних годину дана. Први озбиљнији преговори вођени су између 14. и 17. јула 1981. године, приликом сусрета делегације југословенских грађевинских организација коју је предводио А. Јојић, секретар

70 Више у: Bogetić 2010; Bogetić 2011; Bogetić 2014; Трипковић 2008; Трипковић 2009; Трипковић 2010; Трипковић 2011; Трипковић 2013; Трипковић 2014; Новоселцев 2020;

71 Трипковић 2011; Трипковић 2014.

72 ДА МСП ПА. 1981, СССР. Ф. 110. 417676.

Општег удружења грађевинара Привредне коморе Југославије, са делегацијом Министарства спољне трговине Совјетског Савеза. Приликом тих преговора обављено је упознавање са совјетским потребама, али и са техничко – производним могућностима које југословенске фирме могу да понуде. На основу тога постигнут је начелни договор којим је, за југословенске фирме, предвиђено извођење грађевинских и монтажних радова на компресорским станицама, на основу совјетских пројеката и опреме, као и могући увоз пратеће опреме из СФРЈ. Поред тога предвиђена је и изградња стамбених насеља дуж трасе гасовода, као и изградња целокупне инфраструктуре. Остављен је и простор да се договор разради у директној комуникацији са југословенским фирмама, а питање финансирања требало је решити на основу важећег трговинског уговора. Треба напоменути и то да извештај о овим преговорима, који је југословенска амбасада упутила ССИП – у, садржи интерну напомену да делегације које се упућују на преговоре треба да имају на уму и потребу снабдевања југословенског тржишта природним гасом у периоду од 1986. до 1990. године.⁷³

Белешка о разговору помоћника савезног секретара иностраних послова, А. Башића, са совјетским трговинским представником Стољаровим, од 28. октобра 1981. године, такође потврђује да је ангажовање на овом пројекту за Југославију значило и могућност дугорочног решења питања снабдевања природним гасом из Совјетског Савеза. Наиме, белешка закључује да би југословенска страна требало да покаже већу заинтересованост за изградњу гасовода, узевши у обзир да је то питање директно везано за испоруке гаса из Совјетског Савеза, те да би Југославија требало на време да се укључи у тако велики пројекат, како би на време обезбедила потребне количине гаса.⁷⁴

Поставља се питање шта утиче на ову југословенску намеру? Наиме, овде се треба кратко осврнути на друштвено – економски развој Југославије након Другог светског рата, који је утицао на то да она достигне ниво средње индустријализоване државе. Такав динамичан развој захтевао је и одговарајући развој производње и потрошње енергије. Међутим, индустријски развој Југославије није био усаглашен са њеним енергетским потенцијалима, те чињеница да је Југославија сиромашна енергетским ресурсима (0,1% у укупним светским размерама) није утицала на њено рационално коришћење и штедњу енергије, дозволивши недопустиво ви-

73 ДА МСП ПА. 1981, СССР. Ф. 112. 438145.

74 Исто. 453303.

сок ниво потрошње енергије по јединици друштвеног производа.⁷⁵ Из тог разлога Југославије ја била принуђена да увози примарне видове енергије, а у првом предугу нафту, природни гас и камени угаљ.

Совјетски Савез, као најбогатија држава у погледу енергетских сировина наметнуо се као природан партнер, а увоз енергетских ресурса, пре свега нафте, може се са краћим прекидима пратити од краја Другог светског рата, али и раније узевши у обзир да је руска нафта била предмет трговинске размене још за време Краљевине Србије и Руског Царства.⁷⁶ Што се тиче природног гаса, његов увоз почиње доста касније, поготово уколико се узме у обзир да је потрошња природног гаса у Југославији до 1978. године била једнака скромној домаћој производњи. Ипак, од друге половине седамдесетих година југословенски стручњаци све више почињу да увиђају предности природног гаса над другим носиоцима топлотне енергије, карактеришући га као најмањег загађивача животне средине. У складу са тим ставовима 299. седница СИБ – а од 8. децембра 1977. године закључују да ће у наредном периоду увоз природног гаса бити неопходан. Као могући правци увоза природног гаса назначени су Совјетски Савез, преко интерконекије са Аустријом и Мађарском, али и Алжир и Иран, уколико дође до завршетка изградње гасоводне мреже која би спојила ове државе са Европом.⁷⁷ На основу тих препорука 1978. године долази до увоза прве скромне количине природног гаса из Совјетског Савеза, 136 милиона кубних метара.⁷⁸ Ова скромна количина представљаће само почетак сарадње две државе и у наредним годинама југословенски увоз совјетског гаса убрзано ће расти. На основу публикација Савезног завода за статистику СФРЈ, могуће је пратити овај раст из године у годину. Тако ће увоз совјетског гаса у години почетка преговора о изградњи гасовода износити чак 1.7 милијарди метара кубних гаса.⁷⁹ Ови подаци могу се табеларно приказати:

75 Ђајић 1992: 2-3; Ђајић 2002: 128.

76 Више у: Вишњаков 2023.

77 АЈ, 459, Ф-315, Информација о количинама гаса које ће СФРЈ бити потребне у наредном периоду, о правцима и условима снабдевања (14. април 1978. године)

78 АЈ, 459, Ф-326, Информација о потрошњи нафте и гаса до 1980. године, везано за договорени рандман – утврђени однос црних и белих деривата нафте, платнобилансној позицији земље у вези са увозом нафте; Statistika spoljne trgovine SFR Jugoslavije, Savezni zavod za statistiku SFRJ, 1978.

79 Statistika spoljne trgovine SFR Jugoslavije, Savezni zavod za statistiku SFRJ, 1981.

	Укупан увоз природног гаса (милијарде m ³)	Увоз гаса из Совјетског Савеза (милијарде m ³)	Удео совјетског гаса у укупном увозу
1978	0,26	0,14	52%
1979	0,85	0,74	87%
1980	1,55	1,45	93%
1981	1,81	1,69	93,5%

Извор: *Statistika spoljne trgovine SFR Jugoslavije*, Savezni zavod za statistiku SFRJ, 1978-1981.

Ови подаци показују да је за четири године, до године почетка преговора о изградњи гасовода, количина увоза природног гаса вишеструко увећана и да се у том процесу Совјетски Савез наметнуо као доминантан југословенски партнер, те не чуди југословенска тежња да развија даљу сарадњу са Совјетским Савезом.

Треба обратити пажњу и на још један феномен који се одвијао на међународном плану, а који је утицао да Југославија покаже заинтересованост за изградњу гасовода и тим путем реши питање снабдевања гасом. Наиме, као што је раније наведено СИБ је предложио и могућност увоза гаса из Алжира и Ирана уколико инфраструктурни пројекти у овим државама буду завршени. Раније у раду наведено је да су и друге европске државе тежиле да диверсификују своје изворе снабдевања природним гасом, тако што би се повезале се гасним пољима у овим државама. Мисли се на поменуте пројекте ИГАТ и Трансмедитеранског гасовода, чијим је завршетком условљаван и почетак изградње гасовода Уренгој – Ужгород. Међутим, као што је речено енергетска криза изазвана Иранском револуцијом довела је до пропасти ових пројеката, што је даље директно утицало на неопходност што раније изградње гасовода Уренгој – Ужгород. Закључује се да ни Југославија није остала имуна на ове потресе, те је укључивањем у највећи индустријски договор у хладноратовској Европи тежила да дугорочно реши питање снабдевања природним гасом, али и узме учешће у процесу енергетске интеграције Европе.

Две државе привешће преговоре крају и 3. јуна 1982. године закључиће споразум о изградњи компресорских станица у околини Перма, тачније код места Горнозаводск и Кунгур, док ће пар месеци касније, односно 22. октобра 1982. године закључити споразум о изградњи станице код места Орда. Уговоре су закључиле југословенске фирме Унионинжење-

ринг из Београда и Ингра из Загреба, са једне стране и Сојузвњешстројим-порт са друге стране. Поред поменутих фирми које се јављају као уговорне стране, споразумом је предвиђено и учешће следећих фирми Рад, Конграп, Термоелектро и Монтажа из Београда, Хидроелектра, Монтмонтажа, Гријање, Доминвест и АТМ из Загреба, Ђуро Ђаковић и Електромонтажа из Славонског брода, као и Унионинвест из Сарајева.⁸⁰ Цена изградње сваке компресорске станице појединачно износила је испрва 24 милиона долара, међутим имајући у виду да су америчке санкције ипак довеле до извесних измена у плановима изградње, крајња потраживања износила су 41 милион долара, што је касније створило проблеме око закључивања анекса постојећих уговора.⁸¹

На крају, подаци доступни у *Статистици спољне трговине СФР Југославије* потврђују тезу о тренду повећања увоза количине природног гаса из Совјетског Савеза, који је трајао за све време учешћа југословенских фирми у процесу изградње гасовода.

	Укупан увоз природног гаса (милијарде m ³)	Увоз гаса из Совјетског Савеза (милијарде m ³)	Удео совјетског гаса у укупном увозу
1983	2,40	2,28	94,7%
1984	2,84	2,72	96%
1985	3,06	2,97	97,1%

Извор: *Statistika spoljne trgovine SFR Jugoslavije*, Savezni zavod za statistiku SFRJ, 1983-1985.

Када су утврђени фактори који су утицали на југословенску страну, поставља се питање да ли су постојали слични мотиви са совјетске стране? Пре свега, неопходно је испитати да ли је постојала совјетска тежња да се искористи специфичан положај Југославије, као могући канал за заобилажење америчких санкција и набавку западне опреме, у случају да су амерички планови заживели. Тешко је донети закључак о овоме на основу извора у српским архивима, поготово уколико се узме у обзир да је Совјетски Савез тежио да развије сопствене потенцијале како би надокнадио могуће губитке, док су са друге стране и саме санкције биле неде-

80 ДА МСП ПА. 1983, СССР. Ф. 98. 2271.

81 Исто. 441118.

лотворне и убрзо укинуте. Из тог разлога не може се са сигурношћу тврдити да је Совјетски Савез покушао да преко Југославије заобиђе америчке санкције, али у сваком случају ова претпоставка отвара могућност за даље истраживање овог аспекта совјетско – југословенских односа.

Из документације доступне у српским архивима могу се ипак сагледати извесне тешкоће које су се, услед санкција, јавиле у процесу изградње. Као главни проблем у југословенским извештајима наводи се нагла промена технологије којом је требало да буду изведени радови, што је даље утицало на промену локација самих пројеката, а у крајњој линији и до прекида припремних радова који су започети од стране југословенских фирми. Нови пројекти израђени су тек децембра 1982. године, када су санкције већ укинуте. Ово кашњење југословенски извештаји доводе у директну везу са санкцијама, те наводе да ће промене довести и до нових потраживања, као што је раније поменуто.⁸² О проблему посебно сведочи извештај службеника југословенске амбаседе Т. Карапетрова који је током октобра 1983. године обилазио југословенске раднике на свим градилиштима. Том приликом је навео да је услед економских санкција дошло до промена пројеката, што је захтевало далеко већу количину рада, са застарелом и неадекватном опремом, а све то утицало је на цену самог рада. Са радовима се наставило иако анекси нису потписани, а совјетски инвеститори нису пристали на нове цене испостављене од стране југословенских фирми.⁸³

Проблем цена представљаће централни спор у односима две стране. При самом завршетку монтажних радова на компресорским станицама, током априла 1984. године, одржано је саветовање у Москви на којем су учешће узели представници предузећа из свих држава које су учествовале у изградњи гасовода. Том приликом отворило се питање југословенског учешћа у другим пројектима, међутим совјетска страна није показала интересовање за даљу сарадњу, а као главни проблем наведена је управо цена. Наиме, констатовано је да се југословенски радови плаћају седам до десет пута скупље у односу на радове које изводе државе чланице СЕВ – а, тачније да се фирмама из ових држава исплаћује 3 до 6 милиона преводних рубаља по станици, док се југословенским фирмама за исте аранжмане исплаћује 41 милион долара. Извештај који је југословенска страна послала са овог саветовања може представљати и доказ да је испрва постојала совјетска намера да се Југославија искористи као канал за заобилажење санкција. Наиме, службеници амбаседе закључују да

82 ДА МСП ПА. 1983, СССР. Ф. 98 2271.

83 ДА МСП ПА. 1983, СССР. Ф. 98 6392.

је совјетска страна изгубила интерес за даље ангажовање југословенских фирми, јер је оно било условљено политичким и економским потребама да се умањи утицај економских санкција и изврше уговорене обавезе према СР Немачкој. Када се испоставило да ће санкције бити неуспешне и када је убрзо изградња гасовода нормализована, одлучујућу улогу у будућем избору партнера играће искључиво цена.⁸⁴

Закључак

Овај рад имао је за циљ да на примеру изградње магистралног извозног гасовода Уренгој – Помари – Ужгород сагледа вишеслојне процесе који су утицали на саму изградњу. Дат је кратак приказ развоја гасне индустрије Совјетског Савеза, као и процес успостављања трговине гасом између Совјетског Савеза и западноевропских држава, пре свега у смислу успостављања принципа „гас – цеви“. Такође, приказан је и сам процес преговора око закључивања тзв. „Договора века“, али и реакција Сједињених Држава која се огледала у увођењу санкција од стране администрације Роналда Регана. Опис санкција представља и централно место у раду, а циљ приказа био је да се објасни економска логика којом су се водиле западноевропске државе, стављајући економски интерес испред геополитичког, што је на крају пресудно утицало на неуспех санкција. На крају дат је приказ изградње гасовода у контексту совјетско – југословенских односа, а на основу наведених података могуће је донети следеће закључке везане за мотиве који су утицали на сарадњу две државе. Очигледно је да је Југославија крајем седамдесетих ушла у процес преласка на квалитетније видове горива, те је у ту сврху тежила да обезбеди и сигурне изворе снабдевања. Совјетски Савез који у погледу природног гаса није имао конкуренцију на тлу Европе, наметнуо се као природан партнер. Са друге стране међународна криза из 1979. године и пропаст енергетских пројеката у Ирану и Алжиру натераће Југославију, као и друге европске државе, да се у погледу набавке природног гаса ослони на Совјетски Савез. Из тог разлога може се тврдити да је југословенски мотив да учествује у изградњи гасовода било дугорочно решење питања снабдевања природним гасом. Са друге стране, на питање да ли је Совјетски Савез користио Југославију као канал за заобилажење санкција није у потпуности дат одговор. Наиме, иако се из југословенских извештаја види да је постојала одређена намера да се југословенске фирме искористе у овом контексту, америчке санкције биле су краткотрајне и

84 Исто. Ф. 95. 420863.

изградња гасовода убрзо је нормализована, тако да и уколико је ова намера постојала никада није било потребе за њеном реализацијом. Међутим, ово питање оставља могућност даљег истраживања поготово на основу грађе доступне у руским архивима.

Списак скраћеница

AJ – Архив Југославије

ДА МСП ПА – Дипломатски архив Министарства спољних послова Политича архива

Литература

1. Beltran, Williot 2016 - *Beltran A., Williot, J. Gaz de France and Soviet Natural Gas: Balancing Technological Constraints with Political Considerations, 1950s to 1980s // Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas / ed. by J. Perovic. Palgrave MacMillan, 2016. P. 231-252.*
2. Bogetić 2010 – *Bogetić D. Kriza jugoslovenskog društva početkom 1970 – ih i pitanje sovjetske pomoći opstanku Titovog režima // Istorija 20. veka. 2010. № 2. S. 79-92.*
3. Bogetić 2011 – *Bogetić D. Jugoslovensko – sovjetski odnosi početkom 60 – ih godina: razlika u Titovom i Hruščovljevom poimanju načela miroljubive koegzistencije // Istorija 20. veka. 2011. № 3. S. 205-220.*
4. Bogetić 2014 – *Bogetić D. Sovjetska politika prema Jugoslaviji tokom prve faze bipolarnog detanta // Istorija 20. veka. 2014. № 2. S. 199-213.*
5. Đajić 1992 – *Đajić N. Energetski izvori i postrojenja. Beograd: Rudarsko – geološki fakultet, Beograd, 1992. 232 s.*
6. Đajić 2002 – *Đajić N. Energija za održivi svet. Beograd: Rudarsko – geološki fakultet, Beograd, 2002. 230 s.*
7. Gustafson 1989 – *Gustafson T. Crisis Amid Plenty: The Politics of Soviet Energy Under Brezhnev and Gorbachev. Princeton University Press, 1989. 362 p.*
8. Gustafson 2020 – *Gustafson T. The Bridge – Natural Gas in a Redivided Europe. Harvard University Press, 2020. 508 p.*
9. Hogselius 2013 – *Hogselius P. Red Gas: Russia and the Origins of European Energy Dependence. Palgrave Macmillan, 2013. 279 p.*
10. Krempin 2016 - *Krempin D. Rise of Western Siberia and the Soviet – West German Energy Relationship During the 1970s // Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas / ed. by J. Perovic. Palgrave MacMillan, 2016. P. 253-282*
11. Painter 2014 – *Painter D.S. From Linkage to Economic Warfare: Energy, Soviet – American Relations, and the End of the Cold War // Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas / ed. by J. Perovic. Palgrave MacMillan, 2016. P. 283-318*

12. Perovic 2016 – *Perovic J.* The Soviet Union's Rise as an International Energy Power: A Short History // *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas* / ed. by J. Perovic. Palgrave MacMillan, 2016. P. 1-44.
13. Smil 2015 – *Smil V.* Natural Gas Fuel for the 21st Century. Wiley, 2015. 252 p.
14. Tripković 2009 – *Tripković Đ.* Jugoslovensko – sovjetski odnosi i promena na sovjetskom vrhu 1963 – 1964 // *Istorija 20. veka.* 2009. № 1. S. 107-122.
15. Tripković 2010 – *Tripković Đ.* Odnosi između Jugoslavije i Sovjetskog Saveza 1965 – 1967 // *Istorija 20. veka.* 2010. № 1. S. 133-150.
16. Tripković 2011 – *Tripković Đ.* Obnova političkog dijaloga na najvišem nivou između Beograda i Moskve početkom 70 – ih godina 20. veka // *Istorija 20. veka.* 2011. № 3. S. 221-228.
17. Tripković 2013 – *Tripković Đ.* Jugoslavija – SSSR 1956 – 1971. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2013. 316 s.
18. Tripković 2014 – *Tripković Đ.* Uspon ekonomske saradnje između Jugoslavije i SSSR 1971 – 1980 // *Istorija 20. veka.* 2014. № 1. S. 181-191.
19. Yergin 2011 – *Yergin D.* The Quest – Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. New York: The Penguin Press, 2011. 1727 p.
20. Zubok 2007 – *Zubok V.M.* A Failed Empire – The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. The University of North Carolina Press, 2007. 468 p.
21. Андриянов, Чирсков 2009 – *Андриянов В., Чирсков В.* Борис Щербина. М.: Молодая гвардия, 2009. 393 с.
22. Вишняков 2023 – *Вишняков J.B.* Энергетска политика Руског царства на Балкану крајем XIX и почетком XX века // *Токови историје.* 2023. № 1. С. 13-38.
23. Гайказов 2003 – *Гайказов, М.Н.* Василий Александрович Динков — гордость газонефтяной державы. М.: Недра, 2003. 393 с.
24. *Демидова Е.И., Захаров А.В., Ефимова Е.А.* К истории строительства экспортного газопровода „Уренгой — Помары — Ужгород“ // *Научный журнал российского газового общества.* 2016. № 2. С. 69-76.
25. Драбкин 1984 – *Драбкин А.С.* „Проект века“: факты и домыслы. М.: Международные отношения, 1984. 151 с.
26. Ђукић 2011 – *Ђукић С.* Руски гас у Европи – Од детанта до Јужног тока. Београд: ЈП Службени гласник, 2011. 182 с.
27. Логунов (ред.) 2003 – Арктикнефтегазстрой: Медвежье, Уренгой, Ямбург – и далее везде / под ред. Е.В. Логунов (отв. ред.). Е.: Изд-во Независимого института истории материальной культуры, 2003. 123 с.
28. Новосельцев 2020 – *Новосельцев Б.С.* Совјетско – југословенски односи крајем 60 – их и почетком 70 – их година 20. века // *Токови историје.* 2020. № 1. С. 175-195.
29. Трипковић 2008 – *Трипковић Ђ.* Побольшање југословенско – совјетских односа 1961 – 1962 // *Токови историје.* 2008. № 3-4. С. 76-97.

30. Цареградска (ред.) 2009 – Западна Сибирь: история поиска 1975 – 1995 годы (часть первая) / под ред. Л.В. Цареградская. Екатеринбург: Баско, 2009. 368 с.
31. Чешко, Трофимова, Нагаев (ред.) 2017 – Алексей Кортунув. Соратници. Ученики / под ред. В.Н. Чешко, Т.Л. Трофимова, В.Г. Нагаев (отв. ред.). М.: Союз-Дизайн, 2017. 608 с.
32. Чирсков (ред.) 2012 – Нефтьгазстрой – История и современность / под ред. В.Г. Чирсков. М.: Издательский дом «Регион-пресс Книга», 2012. 304 с.
33. Чирсков 2012 – Чирсков В.Г. Трасса жизни – Записки министра СССР. М.: Инкомбук, 2012. 352 с.
34. Чирсков, Нагаев 2012 – Чирсков В.Г. Нагаев В.Г. Слово о Борисе Щербине - 100 лет со дня рождения. М.: Возрождение, 2019. 320 с.
35. Щербина 1982 – Щербина Б.Е. Магистральный трубопроводный транспорт на рубеже 80-х годов. М.: Недра, 1982. 64 с.

References

1. Andrijanov, V., Čirskov, V., 2009. *Boris Šerbina* [Boris Shcherbina]. Moscow: Molodaja gvardija, 393 p. (In Rus.)
2. Beltran A., Williot, J., 2014. Gaz de France and Soviet Natural Gas: Balancing Technological Constraints with Political Considerations, 1950s to 1980s. In: Perovic J., eds. *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. Palgrave MacMillan, pp. 231-252.
3. Bogetić, D., 2010. Kriza jugoslovenskog društva početkom 1970 – iz i pitanje sovjetske pomoći opstanku Titovog režima. *Istorija 20. veka*, 2, pp. 79-92.
4. Bogetić, D., 2011. Jugoslovensko – sovjetski odnosi početkom 60 – ih godina: razlika u Titovom i Hruščovljevom poimanju načela miroljubive koegzistencije. *Istorija 20. veka*, 3, pp. 205-220.
5. Bogetić, D., 2014. Sovjetska politika prema Jugoslaviji tokom prve faze bipolarnog detanta. *Istorija 20. veka*, 2, pp. 199-213.
6. Caregradskaja, L.V., ed., 2009. *Zapadnaja Sibir': istorija poiska 1975 – 1995 gody (čast' pervaja)* [Western Siberia: The History of Exploration 1975 – 1995 (Part One)]. Yekaterinburg: Basko, 368 p. (in Rus.)
7. Češko, V.N., Trofimova, T.L., Nagaev, V.G., eds, 2017. *Aleksej Kortunov. Soratniki. Učeniki* [Aleksey Kortunov. Comrades. Disciples]. Moscow: Sojuz-Dizajn, 608 p. (in Rus.)
8. Čirskov, V.G., Nagaev V.G., 2012. *Slovo o Borise Šerbine - 100 let so dnja roždenija*. [Letter about Boris Shcherbina - 100 Years Since His Birth] Moscow: Vozroždenie, 320 p. (in Rus.)
9. Čirskov V.G., ed., 2012. *Neftgazstroj – Istorija i sovremennost'* [Neftgazstroj – History and Modernity]. Moscow: Izdatel'skij dom «Region-press Kniga», 304 p. (in Rus.)
10. Čirskov, V.G., 2012. *Trassa žizni – Zapiski ministra SSSR*. [Route of Life - Notes of the USSR Minister] Moscow: Inkombuk, 352 p. (in Rus.)

11. Demidova, E.I., Zaharov, A.V., Efimova, E.A., 2016. K istorii stroitel'stva èksportnogo gazoprovoda „Urengoj — Pomary — Užgorod“ [On the history of the construction of the Urengoy - Pomary - Uzhgorod export gas pipeline]. *Naučnyj žurnal rossijskogo gazovogo obšestva*, 2, pp. 69-76. (in Rus.)
12. Drabkin, A.S., 1984. „Proekt veka“: fakty i domysly. [“Project of the Century”: Facts and Speculations.] Moscow: Meždunarodnye otnošenija, 151 p. (in Rus.)
13. Đajić, N., 1992. *Energetski izvori i postrojenja*. Beograd: Rudarsko – geološki fakultet, 232 p.
14. Đajić, N., 2002. *Energija za održivi svet*. Beograd: Rudarsko – geološki fakultet, 230 p.
15. Đukić, S., 2011. *Ruski gas u Evropi – Od detanta do Južnog toka*. Beograd: JP Službeni glasnik, 182 p. (in Serb.)
16. Gajkazov, M.N., 2003. *Vasilij Aleksandrovič Dinkov — gordost' gazoneftjanoj državy* [Vasily Alexandrovich Dinkov — Pride of the Gas and Oil State]. Moscow: Nedra, 393 p. (in Rus.)
17. Gustafson, T., 1989. *Crisis Amid Plenty: The Politics of Soviet Energy Under Brezhnev and Gorbachev*. Princeton University Press, 362 p.
18. Gustafson, T., 2020. *The Bridge – Natural Gas in a Redivided Europe*. Harvard University Press, 508 p.
19. Hogselius, P., 2013. *Red Gas: Russia and the Origins of European Energy Dependence*. Palgrave Macmillan, 279 p.
20. Krempin, D., 2016. Rise of Western Siberia and the Soviet – West German Energy Relationship During the 1970s. In: Perovic, J., ed. *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. Palgrave MacMillan, pp. 253-282.
21. Logunov, E.V., ed., 2003. *Arktikneftegazstroj: Medvež'e, Urengoj, Jamburg – i dalee vezde* [Arktikneftegazstroj: Medvezhye, Urengoy, Yamburg – and beyond]. Yekaterinburg: Izd-vo Nezavisimogo instituta istorii material'noj kul'tury, 123 p. (in Rus.)
22. Novoseljcev, B.S., 2020. Sovjetsko – jugoslovenski odnosi krajem 60 – ih i početkom 70 – ih godina 20. veka. *Tokovi istorije*, 1, pp. 175-195. (in Serb.)
23. Painter, D. S., 2016. From Linkage to Economic Warfare: Energy, Soviet – American Relations, and the End of the Cold War. In: Perovic J., eds. *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. Palgrave MacMillan, pp. 283-318.
24. Perovic, J., 2016. The Soviet Union's Rise as an International Energy Power: A Short History. In: Perovic, J., ed., *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. Palgrave MacMillan, pp. 1-44.
25. Šerbina, B.E., *Magistral'nyj truboprovodnyj transport na rubeže 80-h godov*. [Magistral Pipeline Transport at the Turn of the 1980s] Moscow: Nedra, 64 p. (in Rus.)
26. Smil, V., 2015. *Natural Gas Fuel for the 21st Century*. Wiley, 252 p.
27. Tripković, Đ., 2009. Jugoslovensko – sovjetski odnosi i promena na sovjetskom vrhu 1963 – 1964. *Istorija 20. veka*, 1, pp. 107-122.
28. Tripković, Đ., 2008. Pобољшanje jugoslovensko – sovjetskih odnosa 1961 – 1962. *Tokovi istorije*, 3-4, pp. 76-97. (in Serb.)

29. Tripković, Đ., 2010. Odnosi između Jugoslavije i Sovjetskog Saveza 1965 – 1967. *Istorija 20. veka*, 1, pp. 133-150.
30. Tripković, Đ., 2011. Obnova političkog dijaloga na najvišem nivou između Beograda i Moskve početkom 70 – ih godina 20. veka. *Istorija 20. veka*, 3, pp. 221-228.
31. Tripković, Đ., 2013. *Jugoslavija – SSSR 1956 – 1971*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 316 p.
32. Tripković, Đ., 2014. Uspon ekonomske saradnje između Jugoslavije i SSSR 1971 – 1980. *Istorija 20. veka*, 1, pp. 181-191.
33. Višnjakov, J.V., 2023. Energetska politika Ruskog carstva na Balkanu krajem XIX i početkom XX veka. *Tokovi istorije*, 1, pp. 13-38. (in Serb.)
34. Yergin, D., 2011. *The Quest – Energy, Security, and the Remaking of the Modern World*. New York: The Penguin Press, 1727 p.
35. Zubok, V. M., 2007. *A Failed Empire – The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. The University of North Carolina Press, 468 p.

Необјављени извори

1. Архив Југославије:
 - Савезни завод за друштвено планирање (459)
2. Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије:
 - Политичка архива

Andrija Jovanović

Research Trainee, Institute of European Studies,
Belgrade, Serbia, 11000 Belgrade, Trg Nikola Pašića 11.
andrjkjov@gmail.com

American sanctions against the Soviet Union and construction of the Urengoy – Pomari – Uzhgorod gas pipeline

Energy cooperation during the Cold War represented a unique phenomenon in a period of world division into two opposing blocs. Throughout most of the Cold War, there was a significant export of Soviet energy resources, such as oil and gas, to capitalist Western European countries, which had limited reserves of these resources and benefited from the favourable prices offered by the Soviet Union. The main recipients of these exports were Italy, Austria, West Germany, and France. Considering the extensive and long-lasting nature of this cooperation, it can be concluded that it represented a form of integration of the European continent, despite the political and ideological conflict that divided Europe into East and West. The collaboration between Western European countries and the Soviet Union in this area reached its peak in the early 1980s with the signing of the agreement to construct the Urengoy–Pomari–Uzhhorod gas pipeline, which was referred to as the “Deal of the Century.” However, the United States, as the other superpower during the Cold War, particularly during Ronald Reagan’s administration with its strongly anti-Soviet stance, did not remain silent about these developments. The U.S. aimed to undermine this agreement through sanctions, considering it a security threat to American allies. However, Western European states, driven by economic principles and logic, did not participate in American sanctions, rendering them ineffective and soon revoked. Nevertheless, many countries, including Yugoslavia, sought to take advantage of this situation and involve their construction organizations in Soviet energy projects, thereby participating in the process of energy integration on the European continent.

Keywords: natural gas, energy cooperation, “Deal of the Century,” sanctions, Soviet Union, United States, Western Europe, Yugoslavia

Константин Владимирович Никифоров
Доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН,
Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.
nikiforov@inslav.ru

Диссиденты в социалистической Сербии

Сербское диссидентское движение развивалось наряду с подобными движениями в других европейских социалистических странах. Диссиденты в Сербии и Югославии возникли даже на 10 лет раньше, что было связано с деятельностью бывшего соратника Тито черногорца Милована Джиласа. Вторым по значимости диссидентом стал публицист и литературовед русского происхождения Михайло Михайлов. Но все же они были еще одиночками. Как явление диссидентское движение складывается чуть позже. Оно черпало в свои ряды деятелей из творческой и научной интеллигенции. В основном это были писатели и философы. Это движение было связано прежде всего с деятельностью известного писателя Добрицы Чосича. С его именем связан поворот от преимущественно правозащитной деятельности к отстаиванию прав сербского народа в Югославии. В какой-то степени эту идею перехватил у диссидентов президент Сербии С. Милошевич. Деятели диссидентского движения активно участвовали в «сербской перестройке» после смерти Тито. Окончание диссидентского движения связано в Сербии с появлением многопартийности.

Ключевые слова: диссиденты, М. Джилас, М. Михайлов, Д. Чосич, правозащитники, «сербская перестройка», многопартийность

В 1960-е годы в Советском Союзе проявилось особое течение среди интеллигенции, представителей которого называли «шестидесятниками». Пробужденные «оттепелью», они обличали недостатки власти, но еще не режима в целом, критиковали Сталина, но не Ленина. Среди них выделилось такое протестное явление, как инакомыслящие (или диссиденты как их крайнее и организованное составляющее). Начало диссидентского движения в СССР обычно связывают с процессом над писа-

телями А. Синявским и Ю. Даниэлем в 1965 г. ¹ Советское диссидентство оказало сильнейшее влияние на развитие подобных процессов в других странах социалистического лагеря.

Кроме того, диссидентство стало существенным международным фактором тех лет. Так, подписанный 1 августа 1975 г. в Хельсинки 33 европейскими государствами, США и Канадой Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе содержал обязательства этих стран придерживаться стандартов в области прав человека.

Инакомыслие по самой своей сути не могло быть однородным явлением. Людмила Михайловна Алексеева, автор до сих пор самой известной книги на тему советского диссидентства ², разделила это пестрое общественное движение на три группы: 1) национальные движения, 2) религиозные движения и 3) гражданские, правозащитные движения. Впрочем, все эти движения часто переплетались, и разделить их иногда на составные части довольно проблематично.

В узком смысле слова правозащитное движение как раз и ассоциируется со всем протестным движением, а правозащитники были теми, кого и называли диссидентами. Нас тоже они интересуют прежде всего, поскольку именно в их среде в бесконечных спорах на кухнях зарождались идеи альтернативного развития общества и государства. В СССР это направление инакомыслия называлось демократическим, либеральным, движением гражданского сопротивления. Позже из него выделились участники русского национального движения, которые разочаровались в демократических и правовых идеалах, в опыте зарубежных западных демократий.

В определенной степени эти процессы были отмечены и в Сербии. Причем там (и в целом в Югославии) диссиденты появились даже на десятилетие раньше, чем в других соцстранах. Начавшееся как правозащитное движение, направленное на смягчение существовавшего режима оно затем все больше стало приобретать национальное направление. Религиозное движение в Сербии особенно в первоначальный период почти не было заметно. Сербская православная церковь играла совсем незначительную роль в оппозиции режиму, в то время как в Хорватии было иначе. Там римско-католическая церковь прочно подпирала и спланивала антикоммунистическую оппозицию ³.

1 Никифоров 2014: 7-12.

2 Алексеева 1992.

3 Клякић 2022: 239.

Первым и главным югославским критиком режима, а затем и диссидентом стал черногорец **Милован Джилас** (1911-1995)⁴, деятель из самого близкого окружения Тито. Причем, повторим, Джилас стал на путь критики социалистического режима на десятилетие раньше, чем диссиденты появились в СССР и других социалистических странах. Сербский поэт М. Бечкович писал, что и понятие диссидент придумано для того, чтобы обозначить то, чем до Джиласа никто не занимался⁵. Так или иначе, но в 1953-1954 гг. Джилас в цикле статей в газете «Борба» предложил демократические изменения в рамках существовавшей политической системы. В 1954 г. на пленуме ЦК СКЮ Тито назвал его статьи атакой на партию». Джиласа сняли со всех партийных и государственных постов. Наряду с бранным словом «коминформовец» или «информбюровец» было придумано новое – джиласовец». В 1956 г. Джилас был первый раз арестован. Его самая известная книга «Новый класс» первым изданием вышла на английском языке в 1957 г.⁶ (На русском языке впервые напечатана в Нью-Йорке в 1961 г.). Вместе с Джиласом репрессиям подвергся писатель и историк Владимир Дедиер.

Однако широкого развития сербское диссидентское движение в то время не получило. Дело Джиласа не вызвало большого потрясения в партии и стране. У него почти не было последователей ни среди партийцев, ни среди некоммунистической, правой гражданской оппозиции⁷. Джилас явно обгонял свое время.

Только в 1986 г. книга «Новый класс» была опубликована на родине автора. В августе 1989 г. впервые за 35 лет по телевидению показали его встречу Джиласа со словенскими студентами. В 1990 г. в Югославии была опубликована его книга «Встречи со Сталиным».

Вторым по значимости югославским диссидентом, следующим сразу после Джиласа, считается серб русского происхождения **Михайло Михайлов** (1934-2010), литературовед, писатель и публицист. Кстати, сам Михайлов также считал Джиласа отцом диссидентского движения, причем не только в Югославии, но и во всем коммунистическом блоке. Михайлов писал: «Именно из-за того, что Югославия на циферблате истории на каких-нибудь десять лет опережает остальные социалистические страны, она уже сейчас оказалась на решающем распутье... для социалистических стран нет другого пути, кроме возвращения к открытой дик-

4 Милетић 2022; Едемский 2021: 300-317.

5 Кљакић 2022: 13.

6 Попов 2022: 870.

7 Цветковић 2021: 133.

татуре или же в либерализации, в результате которой коммунистическая партия лишится власти»⁸.

Михайлов выступал за демократизацию режима, в частности против монополии одной партии. Его печатали за границей, а не в стране. И так же как Джилас он за свои убеждения вынужден был сидеть в тюрьме. В заключение он провел в общей сложности семь лет.

Первый раз Михайлов был осужден в 1965 г. одновременно с Синявским и Даниэлем, и на него большое влияние оказали встречи с русскими неформальными литераторами в Москве. Именно после этих встреч Михайлов написал свое знаменитое эссе «Лето московское», за которое он и пострадал. И если Джилас был еще своего рода предтечей диссидентства, то Михайлов уже вполне вписывался в зарождавшееся повсюду движение. И все же М. Михайлов был еще по большому счету одиночкой, который оказался чуть ли не единственным югославским диссидентом, лишенным за свою деятельность гражданства Югославии. Он эмигрировал в Соединенные Штаты, где с тех пор и проживал. В Сербию вернулся в 2001 г.

Тогда же, в 1960-х годах происходит перелом в общественном развитии как и в Советском Союзе, так и в других социалистических странах. Это было временем попыток преобразований⁹. В частности, именно тогда в СССР задумывалась так и не состоявшаяся реформа А. Косыгина. В Чехословакии случилась «Пражская весна» – самая известная попытка построить «социализм с человеческим лицом». В Югославии в 1964-1965 годах начали проводиться самые радикальные реформы за время всего самоуправленческого эксперимента. Подчеркнем, что с этого момента развитие Югославии, несмотря на все своеобразие, вновь шло синхронно с остальным европейским социалистическими странами. Они развивались по одним и тем же законам и, и их финал был одинаков – застой и коллапс¹⁰.

В целом реформы 1960-х годов способствовали переходу югославской экономики на путь интенсификации, втягиванию ее в международное разделение труда. Это было время наибольшего экономического роста послевоенной Югославии. По сравнению с другими соцстранами уровень жизни в стране стал явно отличаться в лучшую сторону. Сербия, как и Югославия в целом, постепенно становилась более сносной для проживания в ней людей. Жизненный уровень населения неуклонно по-

8 Попов 2022: 871.

9 В поисках новых путей 2011.

10 Никифоров 2020: 259-272.

вышался, хотя и во многом благодаря заимствованиям с Запада разного рода кредитов, займов и т.п. С 1962 по 1970 гг. реальная средняя заработная плата выросла на 90% ¹¹.

Либерализации системы способствовал и приход к власти в Сербии в середине 1960-х годов молодых прагматичных деятелей – сербских «либералов» во главе с М. Никезичем, Л. Перович, Б. Павловичем. Никезич настаивал на том, чтобы Сербия занималась только сама собой, своими проблемами, не отождествлялась с югославской федерацией и не противопоставлялась другим республикам. «Либералы» выступали за модернизацию Сербии, за большее использование западного опыта в экономике, считали, что успешное экономическое развитие позволит разрешить и национальные противоречия ¹². Суровость режима несколько смягчилась и после отставки всесильного шефа государственной безопасности А. Ранковича в 1966 г.

Это был своего рода пик самоуправленческого развития страны. Почти всё, что не касалось непосредственно его власти, югославский режим допускал. Допускался даже выезд граждан в поисках работы за границу. Одновременно расширились возможности инакомыслия, появился простор для общественных дискуссий, увеличилась свобода самовыражения в литературе, живописи, философии. Именно тогда появились «черная волна» в литературе и кинематографе и инакомыслящие в философии, которые группировались вокруг журнала «Praxis». Причем философы еще отдавали предпочтение не многопартийности, а некой социалистической «непартийной демократии» через различные самоуправленческие организации ¹³.

Для истории диссидентского движения особенно важны были изменения в области культуры. Причем власти отчасти даже поощряли отход от социалистического реализма, как сталинского метода. Однако режим всегда вмешивался в творческий процесс, когда считал, что его носители переходят определенные рамки. Формы в отличие от содержания допускались разные ¹⁴.

В то же время даже частичный переход к рыночной экономике не мог не вызвать и болезненных явлений: увеличения внешней задолженности, роста инфляции, сильной социальной дифференциации, обо-

11 Goldstein 2008: 509.

12 Perović 2015.

13 Николић 2011: 263.

14 О культурной политике в социалистической Югославии см., в частности: Зуппан 2016: 476-492.

стрения проблемы занятости. Летом 1968 г. в Белграде прошли студенческие демонстрации, во многом как реакция на экономические трудности. Также они были созвучны тем волнениям, которые проходили в том же году в Париже. Студенты в духе критических высказываний Джиласа и так называемых «новых левых» осуждали моральный облик и привилегии партийной верхушки («красной буржуазии»), требовали возвращения к «аутентичному марксизму и титоизму». На философском факультете Белградского университета провозгласили даже создание «Красного университета имени Карла Маркса». Тито сначала пошел студентам навстречу, а затем обрушился на Белградский университет с репрессиями. Студенческие демонстрации состоялись также в Сараево и Загребе¹⁵.

Однако студенческие волнения вряд ли можно отнести к диссидентству. Если диссиденты в основном выступали с праволиберальных демократических позиций, то это скорее были молодежные левацкие выступления с фактически требованиями уравниловки – отмены привилегий и уменьшения социальных различий. Совсем не вязался с демократией возврат к «аутентичному марксизму». Уместно привести слова писателя-диссидента Борислава Пекича: «Быть демократом, но не быть антикоммунистом – то же самое, что быть гурманом, но не любить есть»¹⁶.

Напуганное «Пражской весной» советское руководство повело дело к сворачиванию любых преобразований у себя в стране. Ужесточились и иерархические отношения внутри социалистического содружества. Именно к этому времени относится так называемая «доктрина Брежнев» – ограничение суверенитета стран социалистического содружества.

Свой испуг пережило и югославское руководство. В конце 60-х – начале 70-х годов в Югославии стали возникать собственные кризисы – первые в социалистический период. Помимо студенческих волнений широкий размах получило скатившееся в национализм движение в Хорватии – Хорватская весна или массовое движение (массовый покрет – маспок). Югославское руководство пыталось разрешить кризисы жестким подавлением всех несанкционированных выступлений и усилением цементирующей роли партии. Вслед за хорватским было отстранено от власти республиканское руководство Сербии, названное «анархо-либеральным». Оно было обвинено в том, что «открыло возможности для укрепления других антисамоуправленческих и антисоциалистических по-

15 Батаковић, Протић, Самарцић, Фотић 2002: 359-360; Perović 1991: 54.

16 Цветковић 2020: 93.

зиций»¹⁷. Начались систематические преследования сербской оппозиции, длившиеся до середины 1980-х»¹⁸. Однако свержение хорватского и сербского руководства оказались последней большой победой Тито¹⁹.

В то же время «дух свободы и критической мысли безвозвратно был выпущен из бутылки»²⁰. В это время в Сербии окончательно оформляется диссидентское движение, именно как движение, а не деятельность отважных одиночек. Движущей силой правозащитного движения, как везде, была интеллигенция, причем часто интеллигенция в первом поколении, выросшая уже при новой власти. Это так называемая «народная интеллигенция» стала формировать собственные интересы. Она в чем-то даже заменила или попыталась заменить уничтоженные коммунистами слои – аристократию и буржуазию. Неполная, усеченная социальная структура социалистических стран привела к тому, что верхушка стала формироваться из двух потоков – все более вырождавшейся номенклатуры и интеллигенции.

В этих условиях интеллигенция стала фактически альтернативой официальной «красной буржуазии» и ощутила себя ответственной за национальное развитие. Вернее – часть интеллигенции обслуживала интересы номенклатуры, пополняя порой ряды системной оппозиции; другая часть оказалась неконформистской, склонной к скрытому или явному протесту в виде инакомыслия и диссидентства.

В 1967 г. в ответ на «Декларацию о названии и положении хорватского литературного языка» 42 члена Союза писателей Сербии подписали обращение, требующее признать культурные права хорватских сербов. Среди подписантов оказалась неформальная группа «Симица-9а» (в частности, Антоние Исакович, бывший партизан, член ЦК СКС, и его друг Борислав Михайлович-Михиз)²¹.

Вместе с тем в Югославии продолжилась политика децентрализации – переноса властных полномочий с уровня федерации на уровень республик. Государство, согласно югославским теориям, отмирало, но отмирало только на федеральном уровне, на уровне же республиканском и краевом оно только усиливалось. В частности, завершилась конституционная реформа, расширившая еще больше права республик и краев. Особенно заметно это происходило в Косово. Поправки к конституции

17 Цветковић 2020: 141.

18 Энциклопедия диссидентства 2022: 821.

19 Николић 2011: 390.

20 Цветковић 2020: 103.

21 Цветковић 2020: 820.

Югославии были восприняты косовскими албанцами как сигнал к началу борьбы за расширение своих национальных прав. Неалбанское население края стало испытывать на себе все большее давление, заметно увеличилось число покидавших Косово сербов и черногорцев. В то же время в партийном руководстве этого автономного края уже тогда стала пропагандироваться идея превращения Косово в республику.

Против такой политики и практики первыми на 14 заседании ЦК СК Сербии в мае 1968 г. высказались писатель Д. Чосич и декан Философского факультета Белградского университета Й. Марьянович. Развитие краевого суверенитета в Косово, по мнению Д. Чосича, неизбежно должно было привести к ирредентизму и трагическим последствиям. Однако к его высказываниям не прислушались. Более того, они были квалифицированы товарищами по партии как «диверсия», а он сам назван «националистом», «этатистом» и представителем «остатков разбитых бюрократических сил»²².

Вскоре после выступлений Чосича и Марьяновича жизнь подтвердила их опасения. В ноябре 1968 г. в Косово и Метохии прошли антисербские и антиюгославские демонстрации. Демонстранты выдвигали экономические и политические лозунги, вплоть до присоединения края к Албании. Для подавления волнений на улицы Приштины ввели танки. События в крае были охарактеризованы югославским руководством как контрреволюция. Однако фактически косовским албанцам пошли на уступки. Большинство албанских требований было удовлетворено в конституции 1974 г. В крае продолжалась кадровая политика, которая отдавала предпочтение албанцам – от поступления в университет и до приема на работу. Тотальная албанизация края затронула все сферы – экономику, образование, культуру. Намного интенсивнее стали связи Косово с Албанией.

Постепенно своей активностью в Сербии стал все больше выделяться упоминавшийся уже **Добрица Чосич** (1921-2014) – некогда коммунистический деятель и выдающийся сербский писатель²³. Фактически Д. Чосич стал третьим по масштабу личности деятелем диссидентского движения в Сербии после М. Джиласа и М. Михайлова. Правда, в отличие от них он никогда не был репрессирован. И в целом политические репрессии в Югославии против инакомыслящих нельзя сравнивать с репрессиями в странах «реального социализма». Многие сербские диссиденты продолжали трудиться в государственных учреждениях, получать

22 Димић 2001: 398-400.

23 Подробнее о Д. Чосиче см.: Бондарев 2021: 399-405.

награды и признание. Они были своего рода «контролируемыми неприятелями»²⁴.

Вокруг фигуры Чосича стали объединяться инакомыслящие и диссидентские круги. В июле 1968 г. Чосич вышел из партии и возглавил Сербское литературное объединение. Вокруг него стала формироваться группа идейно близких представителей интеллигенции. В нее вошли, в частности, художник Мича Попович, лингвист Павле Ивич, юрист Михайло Джурич, философ Михайло Маркович, экономист Коста Михайлович, историк Радован Самарджич, писатели Борислав Михайлович-Михиз, Милорад Павич, Любомир Симович, Слободан Ракитич, Слободан Селенич, Димитрие Богданович²⁵.

Изменения в конституции не могли не вызвать в Сербии глухого недовольства. Однако открыто против них, причем еще на стадии подготовки этого документа в 1971 г., осмелилась выступить только группа профессоров юридического факультета Белградского университета, в частности Михайло Джурич и Коста Чавошки. Первый был за это не только выгнан с работы, но и осужден.

С этих пор диссидентское движение в Сербии формировалось в основном из двух потоков – писательского (и шире – творческих деятелей) и научного, главным образом ученых гуманитариев. В этом не было ничего специфического. Точно так же диссидентское движение формировалось, в частности, в Советском Союзе. Правда, в отличие от Сербии, где преобладали ученые-гуманитарии, в СССР ведущие роли играли технари, преимущественно физики. Причем некоторые темы в Сербии все еще были табуированы: Тито как вождь, Вторая мировая война как высший «идеал» и самоуправление как самый приемлемый общественный порядок²⁶.

Интересная оценка ситуации в среде интеллигенции давалась в материалах, подготовленных к заседанию высшего руководства страны, в мае 1969 г. В этих материалах говорилось, что в результате возросшей активности интеллигенции, особенно гуманитарной, в сфере политической деятельности в стране постепенно оформляется «анархо-либеральное идейно-политическое течение». Оно с неизбежностью оформилось «в идейную и политическую оппозицию по отношению ко всей общественно-политической системе, политике и практическим действиям СКЮ, концепции социалистического самоуправления». Эта оппозиция посте-

24 Цветковић 2020: 394.

25 Энциклопедия диссидентства 2022: 821.

26 Николић 2011: 263.

пенно и без больших трудностей укоренилась «прежде всего в культуре, науке и публицистике»²⁷.

За периодом относительной демократизации общественной жизни (ее пик был достигнут в 1968-1971 гг.) пришел новый, в чем-то противоположный этап развития Югославии. Режим начал бороться с «черной волной» в искусстве и литературе. Многие фильмы положили на полку, запретили играть некоторые театральные спектакли, распространять литературные произведения, которые, как считалось, шли вразрез с государственной идеологией. Тито с начала 1970-х годов подавил все модернизационные течения. Он «остановил развитие, прекратил перемены и вернул творческие общественные, национальные, индивидуальные возможности к упрощенным формулам и отжившим идеалам своей молодости: партия, класс, марксизм, монолитность, индокринация. И – а как же иначе? – к дальнейшему укреплению своей единоличной власти и обожествлению своей личной власти»²⁸.

Во время подготовки к X съезду СКЮ и на самом съезде (1974 г.) югославским руководством был взят решительный курс на укрепление роли партии и государства, на чистку партийных рядов, усиление идеологического воздействия и т.п. Вся Югославия вновь оказалась под контролем партийной бюрократии²⁹. Тито решил именно так преодолеть кризисные моменты в развитии страны, заявив, что если что-то и должно быть в Югославии единым, то это – партия. Был сделан вывод, что и государство в условиях социализма должно играть очень важную роль в управлении материальными процессами общественного развития.

Одновременно на съезде партии Тито заявил, что новая конституция принята, поскольку Югославия вошла в новую фазу строительства социализма, когда власть от имени рабочего класса превращается во власть самого рабочего класса. И новая конституция – условие для создания бесклассового общества. По мнению сербского историка К. Николича, это объяснение показало, что Тито уже определенно потерял всякую возможность реально оценивать политическую ситуацию. Главным же решением X съезда был фактический отказ от рыночной экономики и провозглашение социалистического самоуправления одной из форм диктатуры пролетариата³⁰.

27 Анатолия конфликтов 2012: 566.

28 Джилас 1982: 210; Пирьевец 2019: 529-530.

29 Bilandžić 1999: 629.

30 Николић 2011: 331.

Таким образом, кризисы, которые стали возникать в Югославии в конце 1960-х – начале 1970-х годов, ее руководство пыталась разрешить сразу несколькими способами. С одной стороны – жестким подавлением всех несанкционированных выступлений и усилением цементирующей роли партии. С другой стороны – в Югославии была завершена конституционная реформа и принята новая конституция, расширившая еще больше права республик и краев и фактически превратившая государство в конфедерацию. Обе эти тенденции пересекались в деятельности А. Ранковича, и его падение означало победу децентрализаторской линии в федеративном устройстве. Конституция 1974 г. внесла настолько серьезные изменения во все сферы жизни югославского общества, что некоторые исследователи назвали даже государство, функционировавшее с 1974 по 1990 годы, – карделевской Югославией, по имени главного разработчика этого документа Э. Карделя³¹.

Победа Карделя над Ранковичем означала укрепление процесса создания Югославии на идеологических принципах усиления государственности республик и ослаблении союзных институций под видом реализации марксистского принципа отмирания государства. Но он означал и фактически отход от концепции «братства и единства» и от этнической концепции югославской идентичности. «Братство и единство» осталось жить только в титовских речах³².

«Золотой век титоизма» или самоуправления почти закончился. То, что титоизм – иллюзия в политическом смысле, стало ясно после репрессий и возврата к старым схемам. То, что это иллюзия в экономическом смысле стало ясно на рубеже 1970-1980-х годов³³. Наконец, в идеологическом смысле самоуправление превратилось в некий «фетиш», догму, которую нельзя было критиковать. Вернее, критика допускалась только в рамках так называемой самоуправленческой идеологии, все другие – считались враждебными. Импульсы прежних лет ослабли, а придать системе новое ускорение, найти новые резервы и возможности развития мешали идеологические шоры. Власть использовала старый подержанный идеологический багаж и все более оторванные от жизни схемы.

Сползание к застою началось в Югославии (опять синхронно со странами «реального социализма») уже со второй половины 1970-х годов. В это время в Югославии полностью сформировался культ личности

31 Jović 2003.

32 Николић 2011: 261.

33 Goldstein, Goldstein 2018: 577-578.

Тито³⁴. В 1974 г. по решению X съезда СКЮ и согласно статье 333 новой конституции СФРЮ он стал пожизненным председателем и партии, и государства³⁵. Тито все более чувствовал себя непогрешимым правителем, проводя больше времени за охотой, чем за решением государственных и партийных дел. По мнению К. Николича, «фанфаронство» Тито проявлялось во многих вещах, но больше всего во дворцах и резиденциях, в которых он жил»³⁶. Продолжались его официальные восхваления. В 1977 г. торжественно отмечалось 85-летие югославского лидера и 40-летие его прихода к руководству КПЮ. Этот год официальной пропагандой был объявлен «годом юбилея Тито». Незадолго перед смертью Йосипа Броза предложили наградить четвертым орденом Народного героя за то, что он удачно перенес операцию. Но это предложение не получило одобрения, поскольку Тито вскоре стало хуже³⁷. Характерно, что в те же годы в СССР существовал верхушечный культ «дорогого Леонида Ильича Брежнева». Советский лидер, кстати, был четырежды Героем Советского Союза и имел еще одну звезду – Героя Социалистического Труда.

Кризис режима сопровождался ростом критических замечаний и диссидентских настроений. В критике режима участвовали ученые гуманитарии, преимущественно из философского факультета Белградского университета, сотрудничавшие ранее с известным общегославским журналом «Praxis», который выходил в свет с 1964 по 1975 г. Тито несколько раз обращал внимание на то, что Университет в Белграде превратился в рассадник молодежи, чуждой социалистическому развитию, и что нужно призвать их профессоров к ответственности. После этого систематически начала вестись травля «группы профессоров» – так называемых «деморализаторов молодежи». В черный список попали, в частности, философы Михайло Маркович, Миладин Животич и Светозар Стоянович, социологи Любомир Тадич, Драголюб Мичунович, Небойша Попов, Триво Инджич, антрополог Загорка Пешич-Голубович.

Парламент Сербии в 1975 г. принял решение, на основании которого «группу профессоров» (восемь человек) исключили из университета. Профессора продолжили обучение своих студентов на квартирах, что со временем привело к образованию так называемого Свободного универ-

34 Николић 2011: 354–401.

35 Количество членов Президиума СФРЮ, согласно конституции 1974 г., было уменьшено с 23 до 9 человек: Тито + 8 человек (по одному представителю от 6 республик и 2 автономных краев).

36 Николић 2011: 374.

37 Пирьевец 2019: 583.

ситета. Позже в 1981 г. был достигнут компромисс: профессора не вернулись в университет, но их приняли на работу в новый Центр философии и теории общества, который получил статус университетского подразделения. Через несколько лет некоторые профессора все-таки вернулись в Белградский университет³⁸.

Нужно упомянуть и такие фигуры, как поэт Драголюб Игњатович, который выступал за более радикальную критику режима и боевой союз левых сил и Владимир Маркович, поэт и журналист, бравший интервью у других югославских противников режима и диссидентов и печатавший их за границей. Первый был осужден за свою деятельность на несколько лет тюрьмы, а второй отправлен в психиатрическую больницу, о чем оставил свои воспоминания³⁹.

В декабре 1976 г. началась акция отправки петиций, из которых самые важные касались отмены требований по соблюдению морально-политических условий при приеме на работу (1978), введения свободы печати (1979), амнистии для политзаключенных, приговоренных за «враждебную пропаганду» (1980), и исключения из УК статьи о «враждебной пропаганде» (1980). Под последней петицией было собрано больше всего подписей – 102⁴⁰.

После смерти Тито в Югославии и прежде всего в Сербии начались процессы, в чем-то схожие с советской перестройкой. Все более активной становилось Сербское литературное объединение. Отсутствие политического плюрализма вело к активизации литературной деятельности. И в Сербии часто «поэт был больше, чем поэт». Или по словам Джиласа, «в странах Восточной Европы и в Советском Союзе писатели с некоторых пор взяли на себя роль критиков и просветителей»⁴¹. Интеллектуальная жизнь в Югославии и в Сербии развивалась прежде всего благодаря многочисленным журналам, еженедельникам и газетам.

С первой половины 1980-х годов в публицистике, в художественной и научной литературе начала подниматься волна критики титовского наследия. Речь фактически шла о критике самоуправленческого социализма и о реальной демократизации режима. Было снято табу с запрещенных прежде тем – усташа, четники, Голый остров. Догма о братстве и

38 Попов 2022: 876-878.

39 Попов 2022: 872.

40 Попов 2022: 821-822.

41 Эссе югославского оппозиционного деятеля М. Джиласа «Вырождение национального самосознания» с описанием общественных настроений в общественно-литературных кругах (Анатомия конфликтов 2012: 601).

единстве, которая фактически покоилась на сокрытии геноцида над сербами в НГХ и искусственной симметрии злодеев и жертв разрушалась.

Сербские писатели стали появляться на публичной сцене намного активнее, чем раньше, расширяя свою миссию с литературы на борьбу за свободу мнений, представляя политическую силу, противостоящую правящей партии. Дошло до «своего рода одержимости писателей историей», до того, что «все спорные места истории сербского народа в Югославии растолковывали писатели»⁴².

Фактически в Сербии развивались процессы, сходные с советской перестройкой. Катализатором деятельности сербских оппозиционных интеллектуалов стало запрещение книги «Шерстяные времена» Гойко Джого в апреле 1981 г. В своих стихах поэт замахнулся на самого Тито. Так, в стихотворении «Овидий в Томах» Джого писал: «Кто жил в его время/ Отмечал день его рождения/ Я не жил в его время/ Я призывал его конец»⁴⁸. В другом стихотворении «Гадюка на площади Республики» поэт фактически сравнил Тито со «старой крысой с Дединья»⁴³. Арест Джого вызвал волну протестов сербской интеллигенции, коллективных писем в его защиту и «вечеров солидарности». Эти акции переросли в протест против экономического положения, политического и конституционного устройства, недостатка политических свобод, несвободных СМИ и т.п.

В мае 1982 г. в Сербском литературном объединении был сформирован Комитет по защите свободы мысли и слова. Этот комитет быстро превратился в символ демократического протеста против режима⁴⁴. Причем критические демократические настроения захватили в основном Белград, в то время как Загреб выглядел оплотом догматизма⁴⁵. Как и после «Пражской», после «Хорватской весны» в республике наступили заморозки, сродни чешской «нормализации».

Комитетом по защите свободы мысли и слова была предпринята попытка создания журнала «Явност», главными редакторами которой должны были стать Д. Чосич и Л. Тадич. Они направили письмо 400 югославским интеллектуалам, чтобы они приняли участие в «интеллектуальных диалогах о нашей современности». Однако эта инициатива была жестко пресечена властью, которая посчитала эту деятельность «попыткой организации оппозиции», доказательством «неверия в «идею соци-

42 Селинић 2021: 419.

43 Цит. по: Кириллова 2001: 327; Tomas 2002: 59.

44 Jović 2003: 336-337.

45 Bilandžić 1999: 715-716.

ализма»⁴⁶. В ответ на эту деятельность оппозиции в Белграде в Загребе в 1984 г. вышла «Белая книга», содержащая длинный список «врагов» строя, главным образом сербов⁴⁷.

Юристы Воислав Коштуница и Коста Чавошки были авторами работы «Партийный плюрализм или монизм», в которой оспаривалась легитимность прихода коммунистов к власти в Югославии и установление ими однопартийной системы. За свои взгляды ученые были изгнаны из Белградского университета, а Чавошки еще и осужден на пять месяцев⁴⁸.

Постепенно рушились основные мифы социалистической Югославии. Партизаны уже не воспринимались как единственная антифашистская сила в годы войны, а сама Югославия – как государство, создавшее совершенно иной тип социализма. Признавалось, что революция в Югославии свершилась по большевистскому образцу и даже после 1948 г. с местными действительными или мнимыми сталинистами обращались сталинскими же методами. Многие вопросы были поставлены в книгах А. Исаковича «Мгновение. 2» (1982) о Голом острове и В. Дедиера «Новые материалы к биографии товарища Тито» (1983). А. Исакович потребовал такого же пересмотра личности Тито, как это было после смерти Сталина или Мао, а Л. Тадич заявил, что, оспорив догму о непогрешимости своего бывшего верховного авторитета Сталина, Союз коммунистов Югославии сам от этих догм не отрешился, но только их национализировал. Особую роль сыграла в тот период и книга сербского историка Веселина Джуретича «Союзники и югославская военная драма» (1985), в которой четники первый раз в научной литературе были показаны как антифашистская сила. За эту книгу Джуретич был исключен из СКЮ⁴⁹.

Нельзя сказать, что власти совсем бездействовали. Они пытались остановить начавшееся брожение, в том числе и привычными методами. В апреле 1984 г. на квартире были арестованы 28 сербских интеллектуалов, в том числе и М. Джилас. Шестерых из них позже осудили (Владимира Мияновича, Миодрага Милича, Драгомира Олуича, Гордана Йовановича, Павлушко Имшировича и Милана Николича)⁵⁰. Но, как и в случае с Джого, практически всех из них вскоре выпустили. Это дело по-

46 Селинић 2021: 398.

47 Попов 2022: 879-880, 882.

48 Bilandžić 1999: 698-700; Tomas 2002: 56-57.

49 Bilandžić 1999: 698-699.

50 Из предложения Комитета по защите свободы мысли отменить существующие в законодательстве ограничения (Анатомия конфликтов 2012: 729-730).

лучило в обиходе название процесса «белградской шестерки», и это был последний большой процесс.

Белградская интеллигенция выступала за соблюдение прав человека, не только в Сербии, но и по всей Югославии. Однако в Комитет по защите свободы мысли и слова отказались войти представители словенской и хорватской интеллигенции, хотя и были в него приглашены. Тем не менее, Комитет протестовал и против ареста Алии Изетбеговича и других боснийских мусульман в Сараево, требовал освобождения находившихся в тюрьме Владо Готоваца и других участников массового движения в Хорватии. Комитет также выступал в защиту косовских албанцев, осужденных после событий 1981 г. За 1984-1989 гг. Комитет по защите свободы мысли и слова направил более 100 писем, протестуя против поправа в Югославии основных демократических прав⁵¹.

Сразу же после очередных косовских событий сербские власти попытались вновь поднять вопрос об изменениях в конституции⁵². Однако оппоненты Сербии в югославском руководстве из других республик любую подобную попытку трактовали как возвращение к этатизму, централизму и великосербским поползновениям. Изменения конституции были заблокированы. Хотя именно «политическая система, установленная конституцией 1974 г., делала существовавший кризис более глубоким, тяжелым и безвыходным»⁵³.

Сербский политолог из Хорватии Д. Йович в своей монографии, посвященной распаду югославской федерации, соглашается, что после принятия этой конституции в Югославии стал доминировать сербский вопрос, подобно тому, как в королевской Югославии доминировал хорватский. И это ослабляло страну, как в первом, так и во втором случае. В целом же, полагает Йович, конституция базировалась на марксистском тезисе об «отмирании государства», и тем самым «социализм благодаря своей господствующей саморазрушающей идеологии растворился изнутри... Он совершил самоубийство, увлекая за собой Югославию... Югославия была (анти)государством, которое отмерло»⁵⁴.

Российский историк П.Е. Кандель справедливо ставит под сомнение реальное стремление Э. Карделя к отмиранию государства. Такой лукавый царедворец и искусственный идеолог практически мог истолковать

51 Bilandžić 1999: 339.

52 Попытки пересмотра конституции со стороны Сербии предпринимались в 1975, 1981, 1984 и 1985 годах. См., например: Димић 2005: 102.

53 Димић 2005: 100.

54 Jović 2003: 17, 58.

что угодно и как угодно. «Последователен Кардель был в одном – он был убежденным противником централизованной федерации. Это в общем неудивительно для словенца коминтерновской выучки»⁵⁵.

Отсутствие правового способа решения проблемы конституции 1974 г. не могло не вызвать постепенной радикализации сербских настроений. Обострилось и давняя борьба в ЦК Союза коммунистов Сербии между «либералами» во главе с И. Стамболичем и сторонниками радикального разрешения существовавших противоречий.

В 1984 г. на политической арене Сербии появился С. Милошевич – главное действующее лицо сербской истории 90-х годов XX в. «Либералы» среди сербских коммунистов потерпели поражение, а «радикалы» привели Милошевича через несколько лет к руководству партией. Сербский историк Л. Димич считает, что в тот момент, когда тоталитарная модель, включающая идеологический утопизм и неограниченную власть партийной элиты с харизматическими вождями, стала терять свою мощь в Европе, она начала укрепляться в Сербии, до тех пор самой либеральной югославской республики⁵⁶.

События в Косово в решающей степени повлияли на то, что общегославский демократизм сербской оппозиционной интеллигенции постепенно все больше стал заменяться национальными идеями. Полагают, что именно Добрица Чосич придал оппозиционному движению в Сербии национальный характер. И если раньше многие из оппозиционеров, включая того же Чосича, считали югославскую федерацию лучшим решением сербского вопроса, то теперь она начинала трактоваться ими как прежде всего механизм для подавления всего сербского⁵⁷.

Тогда же члены Сербской академии наук и искусств в проекте своего известного меморандума фактически обвинили коммунистическую власть в 45-летней антисербской деятельности и в создании антисербской коалиции в Югославии. В целом сербские власти главными проводниками национализма и великосербизма считали Сербскую академию наук и искусств, Сербское литературное объединение и Сербскую православную церковь. Самыми опасными противниками режима в этом плане рассматривали Добрицу Чосича, Матию Бечковича, Анастасия (Ефтича) и Амфилохия (Радонича)⁵⁸.

55 Кандель 2011: 103-194.

56 Димич 2001: 450-451, 454.

57 Павловић 2004: 218, 227.

58 Селинић 2021: 386.

Одновременно лидер сербских коммунистов С. Милошевич начал использовать такие настроения для упрочения своего положения. Ему это во многом удалось. Союз коммунистов Сербии в глазах многих сербов превратился в главного защитника сербских интересов, прежде всего в Косово. В целом С. Милошевич в то время довольно ловко совершил идеологический переход «от власти от имени класса к власти от имени нации»⁵⁹.

В то время, когда везде в Восточной Европе коммунизм доживал последние дни, старый режим в Сербии сумел основательно утвердиться. «Старый режим выступил в роли нового», сербское партийное руководство ухитрилось «стать одновременно и властью, и оппозицией». Наконец, в какой-то момент в Сербии «власть и оппозиция оказались не противоборствующими сторонами, а единым фронтом, противостоящим интересам других югославских народов и их элит»⁶⁰.

1-2 декабря 1989 г. группа оппозиционных югославских деятелей обратилось с призывом покончить с однопартийным коммунистическим режимом. «Партия, – говорилось в обращении, – демонстрирует свою готовность ... прервать движение к естественному демократическому и экономическому пути преобразования общества». Однако «начать успешно решать национальные и все остальные проблемы можно только в том случае, если отменить монополию этой власти и установить парламентскую демократию»⁶¹.

Диссидентское движение в Сербии на этом полностью себя исчерпало. Окончательно оно сошло на нет после введения в Югославии многопартийности. Власти Сербии этому процессу в своей республике пытались противостоять. Лидер сербских коммунистов Слободан Милошевич, его супруга Мирьяна Маркович и один из идеологов нового сербского режима Михайло Маркович развивали, в частности, идею о «демократическом беспартийном плюрализме», который для Югославии и Сербии якобы предпочтительнее многопартийности. Но остановить неизбежное было уже невозможно.

Конечно, и после введения многопартийности политические преследования и сопротивления им полностью не исчезли, но они происходили уже совсем в ином общественном контексте. Вскоре Добрица Чосич

59 Павловић 2004: 244.

60 Стоянович 2005: 117.

61 Из обращения к общественности группы оппозиционных югославских деятелей с призывом покончить с однопартийным коммунистическим режимом (Анатомия конфликтов 2012: 839).

стал даже на короткое время первым президентом сербско-черногорской федерации – Союзной Республики Югославии. Однако можно согласиться с сербским историком С. Цветковичем, который писал, что в государстве, «умершем в крови и гражданской войне, когда говорим о Сербии, не диссиденты и носители сопротивления сыграли главную роль, а в основном бывшие коммунисты, подверженные национальной фразеологии»⁶². Нечто схожее происходило и в других социалистических странах, в частности в республиках распавшегося Советского Союза.

Литература

1. Алексеева 1992 – Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. М: Весть, 1992.
2. Анатомия конфликтов 2012 – Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. СПб.: Алетейя, 2012.
3. Батаковић, Протић, Самарцић, Фотић 2002 – Батаковић Д., Протић М. Ст., Самарцић Н., Фотић А., Нова историја српског народа. Београд: Наш дом, 2002.
4. Бондарев 2021 – Бондарев Н. Добрица Чосич: pro et contra // Записки балканиста. М.: Вече, 2021.
5. В поисках новых путей 2011 – В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
6. Джилас 1982 – Джилас М. Тито, мой друг и мой враг. Париж: Лев, 1982.
7. Димић 2001 – Димић Љ. Историја српске државности. Књ. III. Србија у Југославији. Нови Сад: Српска акад. наука и уметности. Огранак у Новом Саду. 2001.
8. Димић 2005 – Димић Љ. Србија 1804-2004 (суочавање са прошлошћу) // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804-2004: три виђења или позив на дијалог. Београд: Удружење за друштвену историју, 2005.
9. Едемский 2021 – Едемский А.Б. Милован Джилас о «саморазрушении коммунизма» // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий 1989-2019. СПб.: Нестор-История, 2021.
10. Зуппан 2016 – Зуппан А. Югославская культурная политика в эпоху Тито // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.
11. Кандель 2011 – Кандель П. Югославянский «Вавилон» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10.

62 Цветковић 2021: 5, 7.

12. Кириллова 2021 – *Кириллова О.Л.* Сербская литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2 т. М.: Индрик, 2001. Том второй. 1970-1980-е гг.
13. Кљакић 2022 – *Кљакић С.* Српски дисиденти. Београд: Вукотић медиа, 2022.
14. Милетић 2022 – *Милетић А.В.* Сарадник, противник, непријатељ. Идејно-политичка делатност Милована Ђиласа 1945-1954. Београд: Пекограф, 2022.
15. Никифоров 2020 – *Никифоров К.В.* «Особый путь» социалистической Югославии и постюгославских государств // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950-е – 1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки. СПб: Нестор-История., 2020.
16. Никифоров 2014 – *Никифоров К.В.* Предисловие // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е годы XX в. М.: Институт славяноведения РАН, 2014.
17. Николић 2011 – *Николић К.* Србија у Титовој Југославији (1941-1980). Београд: Завод за уџбенике, 2011.
18. Павловић 2004 – *Павловић Ст.К.* Србија иза имена. Београд: Сlio, 2004.
19. Пирьевец 2019 – *Пирьевец Й.* Тито и товарищи. М.-СПб: Нестор-История, 2019, 632 с.
20. Попов 2022 – *Попов Н.* Сербия. Черногория. Исторический очерк // Энциклопедия диссидентства. Восточная Европа, 1956-1989. Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
21. Селинић 2021 – *Селинић С.* Србија 1980-1986. Политичка историја од Тита до Милошевића. Београд: Институт за новију историју Србије, 2021.
22. Стоянович 2005 – *Стоянович Д.* Порочный круг сербской оппозиции // Сербия о себе. М.: Европа, 2005.
23. Цветковић 2020 – *Цветковић С.* Борислав Пекић: живот бунтовника. Београд: Catena mundi, 2020.
24. Цветковић 2021 – *Цветковић С.* Отпор комунистичком режиму у Србији 1945-1991. Београд: Catena mundi, 2021.
25. Энциклопедия диссидентства 2022 – Энциклопедия диссидентства. Восточная Европа, 1956-1989. Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
26. Bilandžić 1999 – *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb: Golden marketing, 1999. 814 s.
27. Goldstein 2008 – *Goldstein I.* Hrvatska 1918-2008. Zagreb: Europapress holding Novi Liber, 2008.
28. Goldstein, Goldstein 2018 – *Goldstein I., Goldstein S.* Tito. Novi Sad: Akademska knjiga, 2018.

29. Jović 2003 – Jović D. Jugoslavija: država koja odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974-1990). Zagreb: Prometej, 2003.
30. Perović 2015 – Perović L. Dominantna i neželjena elita: Beleške o intelektualnoj i političkoj eliti u Srbiji (XX–XXI vek). Beograd: Dan Graf, 2015.
31. Perović 1991 – Perović L. Zatvaranje kruga: ishod političkog rascjepa u SKJ 1971-1972. Sarajevo: Svjetlost, 1991.
32. Tomas 2002 – Tomas R. Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih. Beograd: Samizdat B92, 2002.

References

1. Alekseyeva, L.M., 1992. *Istoriya inakomyслиya v SSSR* [History of dissent in the USSR]. Moscow: Vest'. (In Rus.)
2. *Anatomiya konfliktov. Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Yevropa: dokumenty i materialy posledney treći XX veka. T. I. Nachalo 1970 – pervaya polovina 1980 godov.* [Anatomy of conflicts. Central and South-Eastern Europe: documents and materials of the last third of the twentieth century. I. Early 1970s - first half of the 1980s] Saint-Petersburg: Aleteyya, 2012. (In Rus.)
3. Bataković, D., Protić, M.St., Samardžić, N., Fotić, A., 2002. *Nova istorija srpskog naroda* [A new history of the Serbian people]. Belgrade: Naš dom. (In Serb.)
4. Bilandžić, D., 1999. *Hrvatska moderna povijest*. Zagreb: Golden marketing, 814 p.
5. Bondarev, N., 2021. Dobrica Ćosić: pro et contra. In: Bondarev, N., ed. *Zapiski balkanista*. [Notes of a Balkanist] Moscow: Veche. (In Rus.)
6. Cvetković, S., 2020. *Borislav Pekić: život buntovnika*. [Borislav Pekić: the life of a rebel] Belgrade: Catena mundi. (In Serb.)
7. Cvetković, S., 2021. *Otpor komunističkom režimu u Srbiji 1945-1991*. [Resistance to the communist regime in Serbia 1945-1991] Belgrade: Catena mundi. (In Serb.)
8. Dimić, Lj., 2001. *Istoriya srpske državnosti. Knj. III. Srbija u Jugoslaviji*. [History of Serbian statehood. III. Serbia in Yugoslavia] Novi Sad: Srpska akad. nauka i umetnosti. Ogranak u Novom Sadu. (In Serb.)
9. Dimić, Lj., 2005. *Srbija 1804-2004 (suočavanje sa prošlošću)* [Serbia 1804-2004 (facing the past)] In: Dimić, Lj., Stojanović, D., Jovanović, M., *Srbija 1804-2004: tri viđenja ili poziv na dijalog*. [Serbia 1804-2004: three visions or an invitation to dialogue] Belgrade: Udruženje za društvenu istoriju. (In Serb.)
10. Džilas, M., 1982. *Tito, moy drug i moy vrag* [Tito, My Friend and My Enemy]. Paris: Lev. (In Rus.)
11. Edemskiy, A.B., 2021. *Milovan Džilas o «samorazrušenii kommunizma»* [Milovan Djilas on the “self-destruction of communism”] In: Nikiforov, K.V., ed. *Transformatsionnyye revolyutsii v stranakh Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy. K 30-letiyu sobytiy 1989-2019*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Rus.)
12. *Entsiklopediya dissidentstva. Vostochnaya Yevropa, 1956-1989. Albaniya, Bolgariya, Vengriya, Vostochnaya Germaniya, Pol'sha, Rumyniya, Chekhoslovakiya, Yugoslaviya*. [Encyclopedia of dissidents. Eastern Europe, 1956-1989. Albania, Bu-

- Igaria, Hungary, East Germany, Poland, Romania, Czechoslovakia, Yugoslavia.] Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. (In Rus.)
13. Goldstein, I., 2008. *Hrvatska 1918-2008*. Zagreb: Europapress holding Novi Liber.
 14. Goldstein, I., Goldstein, S., 2018. *Tito*. Novi Sad: Akademska knjiga.
 15. Jović, D., 2003. *Jugoslavija: država koja odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974-1990)*. Zagreb: Prometej.
 16. Kandel', P., 2011. Yugoslavianskiy «Vavilon». [Yugoslav «Babylon»] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyy otnosheniya*, 10. (In Rus.)
 17. Kirillova, O.L., 2001. Serbskaya literatura [Serbian literature] In: Horev, V.A. ed. *Istoriya literatur Vostochnoy Yevropy posle Vtoroy mirovoy vojny (1970-1980)*. [History of Eastern European Literatures after World War II] II, Moscow: Indrik. (In Rus.)
 18. Kljakić, S., 2022. *Srpski disidenti*. [Serbian Dissidents] Belgrade: Vukotić media. (In Serb.)
 19. Miletić, A.V., 2022. *Saradnik, protivnik, neprijatelj. Idejno-politička delatnost Milovana Đilasa 1945-1954*. [Collaborator, opponent, enemy. Ideological and political activity of Milovan Đilas 1945-1954] Belgrade: Pekograf. (In Serb.)
 20. Nikiforov, K.V., 2020. «Osoby put'» sotsialisticheskoy Yugoslavii i postyugoslavskikh gosudarstv [«Osoby put'» socialist Yugoslavia and post-Yugoslav states] In: Anikeev, A.S. ed. *Moskva i Vostochnaya Yevropa. Natsional'nyye modeli sotsializma v stranakh regiona (1950-1970 gg.)*. *Formirovaniye, osobennosti, sovremennyye otsenki*. [Moscow and Eastern Europe. National models of socialism in the countries of the region (1950s – 1970s). Formation, features, modern assessments] Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Rus.)
 21. Nikiforov, K.V., 2014. Predisloviye [Preface] In: Nikiforov, K.V. ed. *Inakomyслиye v usloviyakh «real'nogo sotsializma»*. *Poiski novoy gosudarstvennosti. Konets 60 – 80 gody XX v*. [Dissent in the conditions of “real socialism”. The search for a new statehood. Late 60s – 80s of the twentieth century.] Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. (In Rus.)
 22. Nikolić, K., 2011. *Srbija u Titovoj Jugoslaviji (1941-1980)*. [Serbia in Tito's Yugoslavia (1941-1980)] Belgrade: Zavod za udžbenike. (In Serb.)
 23. Pavlović, St. K., 2004. *Srbija iza imena*. [Serbia behind the name] Belgrade: Clio. (In Serb.)
 24. Perović, L., 2015. *Dominantna i neželjena elita: Beleške o intelektualnoj i političkoj eliti u Srbiji (XX - XXI vek)*. Belgrade: Dan Graf.
 25. Perović, L., 1991. *Zatvaranje kruga: ishod političkog rascepa u SKJ 1971-1972*. Sarajevo: Svetlost.
 26. Pirjevec, J., 2019. *Tito i tovarishchi*. [Tito and comrades] Moscow-Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 632 p. (In Rus.)
 27. Popov, N., 2022. Serbiya. Chernogoriya. Istoricheskiy ocherk. [Serbia. Montenegro. Historical essay] In: Daniel', A.YU, ed. *Entsiklopediya dissidentstva. Vostochnaya Yevropa, 1956-1989. Albaniya, Bolgariya, Vengriya, Vostochnaya Germaniya, Pol'sha, Rumyniya, Chekhoslovakiya, Yugoslaviya*. [Encyclopedia of

- dissidence. Eastern Europe, 1956-1989. Albania, Bulgaria, Hungary, East Germany, Poland, Romania, Czechoslovakia, Yugoslavia] Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Rus.)
28. Selinić, S., 2021. Srbija 1980-1986. *Politička istorija od Tita do Miloševića*. [Serbia 1980-1986. Political history from Tito to Milošević] Belgrade: Institut za noviju istoriju Srbije. (In Serb.)
 29. Stojanović, D., 2005. Poročnyj krug serbskoj opoziciji. [The vicious circle of the Serbian opposition] In: Jovanović, M., ed. *Serbiâ o sebe*. [Serbia about itself] Moscow: Evropa. (In Rus.)
 30. Tomas, R., 2002. *Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih*. Belgrade: Samizdat B92.
 31. *V poiskakh novykh putey. Vlast' i obshchestvo v SSSR i stranakh Vostochnoy Yevropy v 50-60 gg. XX v.* [Looking for new ways. Power and society in the USSR and Eastern European countries in the 50s - 60s. XX century] Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2011. (In Rus.)
 32. Zuppan, A., 2016. Yugoslavskaya kul'turnaya politika v epokhu Tito. [Yugoslav cultural policy in the Tito era] In: Khavanova, O.V., ed. *Istoriya, yazyk, kul'tura Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy v natsional'nom i regional'nom kontekste*. [History, language, culture of Central and South-Eastern Europe in national and regional context.] Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. (In Rus.)

Konstantin V. Nikiforov

D.Sc. (History), Director of the
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
nikiforov@inslav.ru

Dissidents in socialist Serbia

The Serbian dissident movement emerged along with similar movements in other European socialist countries. Dissidents in Serbia and Yugoslavia arose even 10 years earlier, a fact that was associated with the activities of Tito's former comrade-in-arms, Montenegrin Milovan Djilas. The second most important dissident was the publicist and literary critic of Russian origin, Mikhailo Mihajlov. But at the time, they were still the only ones. As a phenomenon, the dissident movement took shape a little later, drawing into its ranks figures from the artistic and scientific intelligentsia, among them mainly writers and philosophers. This movement was primarily linked to the activities of the famous writer Dobrica Ćosić. His name is associated with a turn from predominantly human rights activities to defending the rights of the Serbian people in Yugoslavia. To some extent, this idea was intercepted by Serbian President S. Milošević. Figures of the dissident movement actively participated in the "Serbian perestroika" after the death of Tito. The end of the dissident movement in Serbia is connected to the emergence of a multi-party system.

Keywords: dissidents, M. Djilas, M. Mihajlov, D. Ćosić, human rights activists, "Serbian perestroika", multi-party system

Љубомир З. Поповић

Докторанд,

Универзитет у Београду, Филозофски факултет.

Чика Љубина 18-20, 11000, Београд, Србија.

ljuboz.popov@gmail.com

Посјета патријарха Пимена Косову у октобру 1984. године у контексту међуцрквених односа

Везе Српске патријаршије са Московском патријаршијом нарочито су ојачале од доласка на чело СПЦ патријарха Германа (1958). Он је у више наврата боравио у посјету Руској цркви, последњи пут 1974. До поновног сусрета два црквена великодостојника доћи ће кроз десет година, иако је позива било и раније. Од стране црквених органа посјета је најављена као узвратна и поклоничка. Њеној реализацији погодвали су и повољни политички односи између СССР-а и СФРЈ. За детаље протокола и програма посјете били су заинтересовани југословенски органи, али и совјетска амбасада у Београду. Програмом је било предвиђено да се један дио посјете реализује у виду поклоњења и обиласка српских светиња у САП Косово, које су, као и српски живаљ, већ више деценија изложене појачаним притисцима албанизације, која се испољавала у различитим видовима. Због тога је у дипломатском кору у Београду посјета схватана као нека врста подршке РПЦ и СССР-а српском и црногорском живљу на Косову, док су из совјетске амбасаде у Београду то одбацивали, доводећи посјету у везу са обиљежавањем стогодишњице доласка руских светогорских калуђера у српске манастире на Косову. За разлику од тога, органи САП Косово посјети су приписивали више политички него вјерски карактер, имајући у виду план обиласка, одликовања која су том приликом додијељена, интересовања за посјету од стране руске амбасаде, боравак у делегацији представника руске амбасаде и др. Насупрот томе, представници органа федерације и СР Србије посјету су стављали у контекст доприноса укупном развоју добрих односа Југославије и Совјетског Савеза, притом истичући улогу цркве у борби за мир и спречавању актуелне трке у наоружању између двије суперсиле, у циљу избегавања нуклеарне катастрофе. Приликом разговора двојице црквених поглавара размијењена су мишљења о низу „хитних проблема“ која стоје

пред Православљем, док је служење миру апострофирано као један од главних практичних задатака хришћанства уопште. На крају посјете издато је заједничко саопштење, а руски патријарх позвао је поглавара СПЦ да посјети Московску патријаршију, што је са задовољством прихваћено.

Кључне ријечи: Српска православна црква, Руска православна црква, патријарх Герман, патријарх Пимен, црквене посјете, Косово

Контекст посјете

Од усвајања Устава 1974. отпочео је процес слабљења централизма унутар југословенске федерације, што је довело до снажења република и покрајина. Још раније, уставним амандманом из 1968, Аутономна покрајина Косово и Метохија промијенила је назив у Социјалистичка аутономна покрајина Косово (САП Косово). Почетком 1980-их избили су масовни немири албанског становништва на Косову (11. март 1981), што је био већ трећи удар албанског сепатаризма на југословенску федерацију (том приликом истакнуте су паролe „Косово – Република“, „Косово – Косоварима“, „Уједињење са Албанијом“ и др.). Тиме је за Косово тражен статус републике и право на самоопредјељење до отцјепљења. Политички врх СФРЈ осудио је демонстрације назвавши их „контрареволуцијом“. Иначе, узроци јачања албанског национализма били су још и друштвени и економски.¹ Исељавање Срба и Црногораца са Косова под притиском почело је много раније, али се нарочито појачало крајем 1960-их (после Брионског пленума) и током 1970-их, што се поклапа са почетком интензивне „албанизације“ Косова. Као најчешћи узроци исељавања били су општа друштвено-политичка атмосфера и стање несигурности, нарушене међунационални односи, губљење економске и животне перспективе (заузеће земље, причињавање материјалне штете, сјеча шуме, убијање стоке, пријетње, малтретирање, силовања, убиства...), тешкоће у остваривању права грађана пред надлежним органима, притисци за продају имовине и др.² Албанизацији Косова и Метохије погодовала је и велика демографска експлозија: 1948. било је 480.000 Албанаца на Косову, а 1981. већ 1.227.000. Удио Албанца у становништву Покрајине износио је 1981. 77,4 % (1948. 68,5 %), Срба 13,2 % (1948. 23,6 %), а Црногораца 1,7 % (1948. 3,9 %). За непуну деценију (од 1974) косовско руководство успјело

1 Petranović 1988: 397, 401; Димић 2001: 444-445; 448-449.

2 Мишковић 1987: 264-265, 267; Ристановић 2013: 207; Ристановић 2018: 453-503.

је да албански језик наметне као званични у Покрајини, док је сва управна власт била концентрисана у рукама Албанаца.³

Проблемима је била изложена и Српска црква и њени вјерници на Косову. Још је било свјеже сјећање на пожар у којем је изгорео стари конак манастира Пећке патријаршије (за који је у црквеним круговима владало увјерење да је подметнут), до кога је дошло током ноћи 16. марта 1981, свега пет дана након што су у Приштини 11. марта избили студентски немири.⁴ О проблемима СПЦ и њених вјерника на Косову упечатљиво свједоче извјештаји које је епископ рашко-призренски Павле (патријарх српски 1990-2009) слао Синоду за Сабор СПЦ још од 1958. Проблеми су били присутни и током 1980-их. Примјера ради, у периоду 1. април 1983. – 1. април 1984. надлежни епископ навео је више проблема: и даље присуство албанске иреденте, мада нешто уздржаније; у селу Муштутишту код Суве Реке нападнута је монахиња Херувима из манастира св. Тројице; у манастиру Девичу запаљена је ограда око винограда и шума; подизање нових кућа на црквеном земљишту (село Ново Читаково); појава новог рушења споменика на гробљима цркве у Клокоту; исељавање српског живља поново се наставља чак и из нових кућа, а само из једне парохије прошле године иселила су се 53 дома. Притисак на исељавање и даље се врши, док жалбе властима остају без резултата, истиче епископ Павле. Проблема је било и у месецима непосредно прије посјете руског патријарха. Ноћу 6/7. августа 1984. опет је запаљено сијено манастира Девича; починиоци су овог пута пронађени и осуђени на робију, а исти су подметнули пожар и спалили сијено прије двије године (новембра 1982. – Љ. П.). Домаћину Радоју Шмигићу у селу Дрснику код Клине у Метохији 5/6. августа запаљен је кош са кукурузом, а 7. августа у селу Бело Поље код Пећи силована је једна православна Српкиња, а само пет дана раније и једна дјевојчица од 12 година у селу Љубинић код Пећи; оба дјела извршили су Албанци. На гробљу у селу Дворане код Призрена ноћу 10. јуна 1984. срушено је 29 надгробних споменика. Како истиче епископ, расељавање живља врши се и даље.⁵ У црквеној штам-

3 Батаковић 2006: 61, 63; Ристановић 2018: 490.

4 Ристановић 2013: 210; Гласник СПЦ, 6/1981. С. 106; Православље. 1981. 1 IV: 8-10; Јевтић 2021: 49-50. У тренутку избијања пожара, који је подметнут на 3 мјеста, у манастиру је било 30 монахиња, 3 свештенмонаха и неколико гостију. Након тога почеле су изјаве да је узрок пожара електрична инсталација, па димњак на конаку, чиме се свјесно прећуткивало да је пожар намјерно изазван.

5 Епископ Павле 2013: 389, 391, 402-403; Јевтић 2021: 55-56, 60. Под термином „албанска иредента“ (лат. *irredento* – присталице иреденте; фигуративно: сви они који теже за присаједињењем неке области која је под туђином, земљи или држави којој би,

пи објављен је „Апел за заштиту српског живља и његових светиња на Косову“, потписан од стране 21 свештеног и монашког лица, и упућен је Предсједништву СФРЈ, Председништву СР Србије, Скупштини СР Србије и Синоду за Сабор СПЦ. Апел је потписан на Велики петак 16/3. априла 1982, „у заштиту духовног и биолошког бића Српског народа“ на Косову и Метохији, јер се СПЦ приговарало да се њен глас није довољно чуо у јавности по овом питању. Управо од објављивања Апела све више почиње јавно дјеловање СПЦ у вези догађаја у САП Косово.⁶

Почетком 1980-их СПЦ се враћа на јавну и политичку сцену са маргине друштва, дијелом и због покретања косовског питања. На примјер, извјештавање *Православља* промијењено је 1982, и све више постаје смјелије, директније, отвореније и учесталије о тешком положају СПЦ и њених вјерника у САП Косово. Године 1984. СПЦ је добила дозволу за наставак градње Спомен-храма Светог Саве на Врачару у Београду (градња почела 1935), одобрење за изградњу зграде новог Богословског факултета на Карабурми у Београду, а исте године медији су први пут честитали вјерницима Божић. У септембру је освећена Спомен-црква у Јасеновцу.⁷ По мишљењу појединих истраживача, управо од ових дешавања постепено се завршава раздобље контроле и надзора државе над црквом, и почиње победа „вјере над идеологијом“.⁸

Контакти између СПЦ и РПЦ одржавани су и током 1970-их година. На интронизације митрополита крутичког и коломенског Пимена за новог патријарха московског и цијеле Русије 1971. присуствовала је делегација из Српске цркве.⁹ Већ наредне године новоизабрани московски патријарх посетио је Српску (октобар 1972), Грчку и Румунску цркву.¹⁰ Српски патријарх Герман је у октобру 1974. узвратио посјету Руској цркви¹¹, и од тада па у наредних десет година није било сусрета између првојерараха двије цркве. У међувремену је једна делегација српских духов-

по праву самоопредељења народа, требало да припада) подразумевале су се све активности припадника албанске етничке заједнице уперене против реда и мира у САП Косово. У медијску употребу ушао је након албанске побуне 1981. Ристановић 2013: 215-216, нап. 30. Манастир Девич у Дреници (позната као друга српска Света гора) током 1982-1984. често је био у средишту интересовања јавности због напада и угрожености, која је иначе трајала више деценија. Ђокић 2017: 141; Вукановић 1998.

6 Православље. 1982. 15 V: 1-4. Ђокић 2017: 123.

7 Radić 2016: 257, 259; Ђокић 2017: 141; Јанковић 2001: 99; Слијепчевић 2002: 246; Ђурић Мишина 2012: 368; Јањић 2017: 180; Православље. 1984. 15 IX.

8 Јањић 2017: 175-213.

9 Гласник СПЦ. 8/1971. С. 187-189.

10 Гласник СПЦ. 11/1972. С. 274-303; ЖМП. 12/1972, 1/1973.

11 Гласник СПЦ. 11/1974. С. 234-264; ЖМП. 12/1974, 1/1975.

них школа боравила у званичној посјети РПЦ с циљем упознавања праксе рада и живота духовних школа под њеним покровитељством, у Москви, Лењинграду и Одеси (1975).¹² Подворје Московске патријаршије у Београду такође је било мјесто одржавања контаката између СПЦ и РПЦ, разним поводима (предаја поклона, прослава славе храма св. Тројице, поводом обиљежавања јубилеја из архијерејске службе руског патријарха као и старјешине Подворја проте Василија Тарасјева, прослава јубилеја знаменитих историјских догађаја попут 600-годишњице Куликовске битке 1980, и томе слично). Мимо тога, организована су путовања ходочасника из Српске цркве у циљу обиласка руских светиња и историјских споменика СССР-а.¹³

Припреме за посјету

Још током разговора патријарха Германа са предсједником Комисије ИВ Скупштине СР Србије за односе са верским заједницама (у даљем тексту Комисија) 19. новембра 1982. било је ријечи и о плановима за контакте са другим православним црквама. Српски патријарх је том приликом затражио мишљење о евентуалној посјети патријарха Пимена, и изнио да је иницијатива потекла од старјешине Подворја РПЦ у Београду, митроносног протојереја Василија Тарасјева, који је током боравка у Москви „на своју руку“ преговарао са руским патријархом о посјети Југославији. Како се наводи у биљешци са овог разговора у републичкој Комисији, проти Тарасјеву је, с једне стране, било стало да му два патријарха (српски и руски) освештају позлаћени крст на руској цркви св. Тројице у Београду, а, с друге стране, рачунао је да српски патријарх не би тако олако желио да одбије посјету руског патријарха. У Комисији је оцијењено да је то неуобичајен пут за остваривање контаката међу црквама. Став Комисије био је да неће „имати никаквих примедби уколико се оваква посета уклапа у планове Патријаршије“, тим прије што су односи Југославије са СССР-ом добри и повољни.¹⁴ Скоро двије године касније, током поновног разговора предсједника Комисије Ж. Станковића са патријархом Германом (29. маја 1984), забиљежено је како је српски патријарх навео да се и поред низа иницијатива од стране руског патријарха са њим није сусрео 10 година, и да намјерава да га позове у посјету СПЦ чији би термин вјероватно био половином септембра 1984, а да се о про-

12 Скурат 1994: 91-94; Јовановић 2012: 215.

13 Чакић 1979; Хиландарац 1988; ДАС. Г-19, РИВ, 1983. Ф. 33.

14 ДАС. Г-19, РИВ, 1982. Ф. 28.

граму боравка „заједнички размисли“. На то је српском патријарху казано да „од стране државе свакако неће бити примедби“. ¹⁵ У духу након Другог свјетског рата успостављене контроле државе над црквом било је уобичајено и за очекивати да се у вези посјета српског патријарха иностраним црквеним поглаварима и обрнуто, кад они долазе у госте СПЦ, око програма и припрема за дочек консултује са државним органима, односно са Комисијом.

Српски патријарх је 3. септембра 1984. обавијестио предсједника Комисије СИВ-а за односе са вјерским заједницама др Анту Сучића о томе да је упућен званичан позив сверуском патријарху Пимену да са пратњом учини посјету СПЦ у периоду 29. септембар – 6. октобар 1984, па у вези тога моли да се за високе госте издејствује пријем код највиших органа СИВ-а. Такође, послат је и детаљан програм посјете високог госта. С тим у вези из Комисије СИВ-а обратили су се начелнику II управе југословенског ССИП-а да „са становишта међудржавних односа између СФРЈ и СССР и нашег интереса оцените и писмено нам доставите ваше мишљење о третману“ делегације РПЦ. ¹⁶ Разговори у вези третмана делегације вођени су и у совјетској амбасади у Београду, док је извјесна задужења око тога имала и југословенска амбасада у Москви. Руководилац Групе за СССР Р. Фехимовић-Ђураковић разговарао је 21. септембра са секретаром совјетске амбасаде у Београду С. Волковом. На питање какав третман по државној линији предвиђа совјетски протокол приликом посјета шефова цркава московском патријарху, Волков је рекао да третман зависи од карактера и нивоа односа између СССР и земље из које црквени поглавар долази, као и тренутних политичких околности. Још је поменуо да је патријарху Герману приликом посјете Москви (1974. године – Љ. П.) био дат највиши могући третман. Из забиљешке о овом разговору види се да је и Амбасада СССР-а индиректно укључена у програм посјете, као и да ће њен амбасадор Н. Н. Родионов уприличити пријем или

15 ДАС. Г-19, РИВ, 1984. Ф. 39. Белешке о разговорима. С. 5. На констатацију српског патријарха да је претходни руски патријарх Алексије I ишао у Македонију (у склопу посјете Српској цркви у мају 1962. – Љ. П.), од стране Комисије речено је да би и сада требало размислити о таквој могућности, али је патријарх прешао ћутке преко ове сугестије. Подсјећања ради, Македонска православна црква је на црквено-народном сабору у Охриду 16-19. јула 1967. самовољно и неканонски прогласила аутокефалност, због чега је СПЦ са њом прекинула богослужбено и канонско општење. Томос о аутокефалности Македонска православна црква – Охридска архиепископија добила је од Српске патријаршије 5. јуна 2022, чиме је превладан вишедеценијски раскол. Пузовић 1997: 82-102; Слијепчевић 2002: 240-245.

16 ДАМСП ПА. 1984, СССР. Ф. 93. Д. 14. Сигн. 5280.

објед за двије делегације и личности које их прате, док ће Волков прати-ти делегацију у друштвеном дијелу програма, а разговори ће бити само између представника двају цркава.¹⁷ Из II управе ССИП-а послат је телеграм Амбасади СФРЈ у Москви 18. септембра, у којем су тражене сугестије за протокол на државном нивоу, имајући у виду реципрочни третман, нашу праксу и ниво сарадње у овој области.¹⁸

У вези захтјева Комисије, из југословенске амбасаде у Москви затражен је разговор у Савјету за питања религије при Савјету министара СССР-а. Замјеник председника Савјета Фицев рекао је Пајковићу да се у Совјетском Савезу примјењује јединствен протокол за све иностране црквене великодостојнике, али да од овога понекад има одступања, уколико црквени поглавар обавља неку друштвену функцију или пак има посебну мисију. Навео је примјер да је патријарху Пимену у неким социјалистичким земљама (ЧССР, Мађарска и др.) понекад пружан богатији програм, међутим „ви у Југославији сте направили добар програм и мислим да је то довољно“, да су црквене власти предвидјеле велики број активности, а сасвим је довољно и оно што је планирано по државној линији. На крају, Фицев је упутио личну молбу патријарха Пимена да му се обезбиједи аутомобил са већим сједиштима будући да је болестан и тешко се креће.¹⁹ Из ССИП-а је обавијештена Комисија СИВ-а о томе какав третман би требало дати делегацији РПЦ на челу са патријархом, сматрајући да би „требало показати највиши протоколарни третман по државној линији какав дајемо у оваквим приликама“, уз подсјећање да је српском патријарху током боравка у Москви указан највиши третман који совјетске државне власти дају у таквим приликама. Уз то, још је истакнуто да су сусрети између поглавара СПЦ и РПЦ „један од облика веома разгранате сарадње која постоји између организација и установа двеју земаља, а која у овом домену даје допринос узајамном разумевању и развоју пријатељских веза и сарадње између народа и народности СФРЈ и СССР“. На основу тога овај орган је предложио да патријарху Пимену прими члан

17 ДАМСП ПА. 1984, СССР. Ф. 93. Д. 13. Сигн. 444848.

18 Исто. Сигн. 444236.

19 Исто. Сигн. 445704. Суштина совјетског протокола за иностране црквене поглаваре била је у следећем: замјеник председника Савјета за питања религије дочекује и испраћа црквене поглаваре; у пратњи током боравка поглавара не узима учешће представник државних или владиних органа; замјеник председника Савјета присуствује пријему који у част госта приређује руски патријарх, али не иступа са здравицом; инострани гост чини протоколарну посјету Савјету за питања религије при СМ СССР; иностраном госту се обично обезбеђује пријем у Врховном савјету СССР.

Предсједништва СФРЈ. Овај предлог ССИП-а прихваћен је на сједници Предсједништва СФРЈ од 26. септембра 1984, на којој је одлучено да руског патријарха прими Лазар Мојсов, члан Председништва.²⁰

У црквеним гласилима дават је публицитет предстојећој посјети. Тако је прота др Лазар Милин у кратким потезима „насликао Руску цркву“, са којом смо кроз историју „имали најтежније додире и најснажније узајамне утицаје“ који су били свестрани. Као еклатантан примјер навео је интервенцију руског цара у критичном моменту за српску војску 1915, када су савезници на његову молбу пристали да превезу остатке исцрпљене српске војске која је прошла албанску Голготу. За руског патријарха рекао је да је „велика личност велике Цркве“, оне која има највећи број вјерника, највећи број светитеља, мученика и свједока Христових, која има највелељепније храмове, која је дала у прошлом вијеку најбогатију теолошку литературу, и да је у „овом материјалистичком и атеистичком добу издржала најтежи испит и положила га са најсјајнијом оценом“, па ко хоће „да види јачину православне вере“ нека оде у Москву, Загорск, Кијев и бивши Петроград.²¹

Програм и ток посјете

Састав делегације, боравак у Београду, пријем у Предсједништву СФРЈ (29. септембар – 2. октобар). У саставу бројне делегације РПЦ било је 14 чланова. Осим патријарха московског и цијеле Русије Пимена, делегацију су чинили још: митрополит лењинградски и новгородски Антоније, митрополит мински и бјелоруски Филарет, архиепископ владимирски и суздаљски Серапион, епископ вороњешки и лепецки Методије, патријархов секретар протопрезвитер Матеј Стадњук, намјесник Тројице-Сергијеве лавре архимандрит Алексеј, одговорни секретар редакције Журнала Московске патријаршије Вјечеслав Овсјаников, професор Лењинградске духовне академије протојереј Евгеније Едан, члан Одељења спољних црквених послова Московске патријаршије протођакон Владимир Назаркин, референт Одељења спољних црквених послова Сергеј Трофимов, патријархови ипођакони јерођакон Сергеј Соколов и ђакон Федор Соколов, и лични патријархов љекар Владимир Молостовски. Госте је на аеродрому дочекао лично патријарх Герман са још три архијереја, члановима Синода, групом сарадника и протом Василијем Тарасјевим. Ту је био и руски амбасадор Родионов са секретаром и сарадницима. Од друштвене зајед-

20 Исто. Сигн. 444880; 444973; 447443.

21 Православље. 1984. 15 IX: 1-2.

нице дочеку су присуствовали предсједник (Ж. Станковић) и секретар (Р. Самарџић) Комисије СИБ-а за односе са вјерским заједницама, као и секретар републичке Верске комисије (В. Станојевић). По дочеку упутили су се у београдску Саборну цркву гдје је услиједила свечана доксологија и размјена поздрава, уз присуство великог броја свештеника, вјерника, студената Богословског факултета и ученика богословије Свети Сава. Руски патријарх је истакао да су допутовали „да би се поклонили великим светињама Светосавске цркве“. Сјутрадан су свечану литургију служила оба патријарха. Српски патријарх је током обраћања за високог госта казао да је „столп Православља“, велики духовник и молитвеник, и велики поборник за мир Христов. За односе са Руском црквом истакао је да су братски, никада непомућени и непрекинути, а патријарху Пимену уручио је поклон – икону Богородице. Руски патријарх подсјетио је да у историјским збивањима два народа има много заједничког, дотакао се историјата веза које трају још од св. Саве, и поменуо оне личности из српске средине „који су се много потрудили“ за добро Руске цркве (митрополит кијевски и цијеле Русије св. Кипријан, који је ујединио кијевску и московску митрополију односно Руску цркву, затим црквени писац Григорије Цамблук, па калуђер Пахомије Србин), уз констатацију да су везе двије цркве нарочито ојачале за последњих 10-20 година, обухвативши многе видове црквеног живота. Патријарх Пимен навео је низ „хитних проблема“ који стоје пред православљем: припрема за сазив Великог сабора Православне цркве, припрема дијалога са древним источним црквама, наставак дијалога са Римокатоличком, Старокатоличком, Англиканском и Лутеранском црквом, активно учешће у раду Свјетског савјета цркава и екуменском покрету у цјелини, док је служење миру „један од главних практичних задатака хришћанског добротинства“. Истакао је увјерење да ће добри односи између двије цркве дати допринос „развитку и учвршћивању пријатељства и сарадње“ међу народима СС-СР-а и Југославије. Како преноси црквена штампа, приликом изласка из цркве народ је бурно поздравио два патријарха, након чега је услиједио свечани ручак у Патријаршији и духовни концерт у Саборној цркви.²²

22 Гласник СПЦ, 11/1984. С. 230-234; ЖМП, 12/1984. С. 6-10; Православље, 1984. 15 X: 1-5; Политика, 1984. 30 IX: 2. Коришћење религијског фактора за интересе спољне политике совјетске државе у условима Хладног рата било је евидентно, а једно од подручја активности гдје се очекивао допринос цркве била је борба за мир. На међународним религијским форумима разматрана су и важна политичка питања попут забране проба термонуклеарног оружја, постизање општег разоружања, против расне дискриминације и др. Синод Московске патријаршије је 20. марта 1980. осудио одлуку о распоређивању нуклеарног оружја средњег домета у Западној

За наредна два дана (1. и 2. октобар) програмом је био предвиђен боравак у Београду. Услиједио је обилазак споменика ослободилаца Београда, посјета Иверској капели на Новом гробљу, док је код споменика Бранилаца Београда служен помен. Потом је патријарх Пимен отишао у званичну посјету амбасадору Родионову, док је српски патријарх отишао у Патријаршију гдје је тог дана уприличен свечани пријем у част високог госта, коме је присуствовао већи број амбасадора и представника дипломатског кора у Београду, потпредседници СИВ-а и Скупштине СР Србије, академици, културни и јавни радници, београдски надбискуп А. Турк и др. Након тога услиједио је одлазак на Авалу и на гроб Незнаног јунака. По повратку служено је бденије у Руској цркви у Београду. Сјутрадан је у храму Подворја служена литургија и чин освећења позлаћених крстова на Светотројицком храму, чиме је обиљежен јубилеј – 60 година од освећења овог храма. Руски патријарх је у свом обраћању назвао овај храм мостом који повезује двије патријаршије, који промовише и доприноси што је више могуће развоју и продубљивању пријатељства између двије цркве. Прота Тарасјев припремио је свечани ручак у хотелу „Метропол“. Истог дана услиједио је пријем у Председништву СФРЈ.²³

Како је раније било предвиђено, члан Председништва СФРЈ Лазар Мојсов примио је оба патријарха 2. октобра у Палати федерације у Београду. Он је долзак руског патријарха ставио у контекст „веома добрих традиционалних веза“ између двије цркве, али и као допринос разумијевању и сарадњи „народа и народности Југославије и народа Совјетског Савеза“. По оцјени Мојсова, ова посјета је тим прије потребнија у времену када се суочавамо са великом бригом за очување мира у свијету, нагласивши да у тој борби за мир велику улогу игра и црква. Није пропустио да каже како Југославија није само вишенационална него и вишерелигиозна заједница, као и да власт омогућује „пуну слободу вероисповести и акције цркава“. Патријарх Пимен је прочитао унапријед припремљен говор уз подсјећање да му је ово друга посјета Југославији, и „да му је драго да види велики напредак који су остварили наши народи“, осврнувши се на досадашњу сарадњу двије цркве и њихове „братске везе“, те „да му је драго што и даље припадамо заједничкој великославенској право-

Европи. У том кључу било је обраћање патријарха Пимена на Генералној скупштини ОУН-а у Њујорку 1982. о неопходности разоружања, као и његово отворено писмо председнику САД Р. Регану 1983, које је било објављено и у *The New York Times*-у. За своје поборништво за очување мира у свијету патријарх Пимен је 30. децембра 1986. добио златну медаљу од стране Совјетског фонда за мир. Шкаровский 2010: 333, 334, 335.

23 Гласник СПЦ. 11/1984. С. 234-236; ЖМП. 12/1984. С. 10-11.

славној породици“. Овакви односи двије цркве уједно „доприносе сарадњи и пријатељству, као и јачању добрих односа“ између двије земље. И патријарх Герман говорио је о неопходности очувања мира у свијету, уз смањење трошкова за наоружање и њихово преусмјеравање у пројекте развоја и социјалног благостања, указавши на опасности од даље трке у наоружању и могућег изазивања свјетске катастрофе. Пријему код Мојсова присуствовао је и совјетски амбасадор у Југославији. У црквеној штампи овај пријем оцијењен је као „пријатељски, отворен и срдачан“. Након ове посјете митрополит Филарет, иначе предсједник Одељења за спољне црквене послове Московске патријаршије, у присуству двојице српских владика, одржао је конференцију за штампу, којој су присуствовали представници више листова (*Глас концила*, *АКСЕ*, московски *ТАСС*, *Данас*, *Православље* и други). Митрополит је истакао значај овог „братског сусрета двају поглавара сестринских православних Цркава у овоме историјском тренутку“, подвукавши значај доприноса православних цркава „светском миротворству и настојању да се заштити дар људског живота од нуклеарне катастрофе.“²⁴

Поклонички пут у српске светиње на Косову и у Жичкој епархији (3-5. октобар). Преко Крушевца услиједио је пут на Косово. Прва станица био је Газиместан, гдје је служен кратак помен косовским јунацима. Одатле се кренуло у манастир Грачаницу, гдје је био окупљен велики број вјерника, а, према писању црквене штампе, „било је поклика и аплауза, суза и осмеха“. Клицало се патријарсима, који су међусобно размијенили поздраве. Из Грачанице краља Милутина отишло се у Призрен цара Душана, и ту је био „дочек величанствен“. Надлежни епископ рашко-призренски Павле поздравио је уваженог госта подсјетивши да је ово „први пут у току векова да нас посети један патријарх сестринске Руске Цркве и братског руског народа“. Указао је да је за српски народ у Призрену и овим крајевима „непроцењива (је) помоћ коју су му указивали руски конзули Јастребов, Гиљфердинг и др.“ Епископ Павле је истакао да су руски патријарх и његова пратња „сада дошли да посетите наше светиње, које су исто тако светиње за Вас и руски народ, као што су Ваше светиње светиње за нас и наш народ. Дошли сте, у ово озбиљно време, да се видите са нама, својом једноверном браћом, и да нам поделите свој патријаршки благослов“. У Призрену су гости посјетили и Богословију Свети

24 ДАМСП ПА. 1984, СССР. Ф. 93. Д. 13. Сигн. 451097; Гласник СПЦ. 11/1984. С. 235-236; Православље. 1984. 1 XI: 2-3.

Кирило и Методије. Одатле се кренуло у манастир Високе Дечане, а затим у Пећку патријаршију, гдје је организовано ноћење.²⁵

Сјутрадан, 4. октобра, у храму св. Димитрија у Пећкој патријаршији митрополит Филарет је служио литургију, уз молитвено учешће патријараха и присуство великог броја вјерних, уз обраћање двојице првојерараха. Руски патријарх је у свом слову још једном заблагодарио домаћину на позиву да посјети Српску цркву и Пећ – престони град српских првојерараха, који је био током вјекова не само духовни центар Српске цркве, него и центар национално-ослободилачког покрета на чијем челу су неријетко стајали пећки патријарси. Поменуо је патријарха Пајсија Јањевца и митрополита Михаила Јовановића, који су дали значајан допринос пријатељству између Московске и Српске патријаршије. Одавде је пут водио у манастир Девич, гдје су госте дочекале монахиње овог манастира са вјерним народом. Како је у свом обраћању истакао свештеник Милован Киковић, ово је дан велике духовне радости за сестринство манастира и за народ плодносне Метохије, „јер, први пут у његовој историји долазе два православна патријарха да се поклоне целебним моштима св. Јоаникија Девичког“. Руски патријарх је поздравио монахиње овог манастира, чију је игуманију Параскеву одликовао Орденом преподобног Сергија Радоњешког III степена.²⁶

Поклоничко путовање настављено је преко Т. Митровице и долином Ибра до манастира Студнице. Ту се протосинђел Јован обратио високом госту и његовој пратњи, подсјетивши на везе Студнице са Руском црквом и руским народом. Патријарх Пимен је казао како му је драго што се налази на овом мјесту који је „један од најстаријих манастира на српској земљи“, уз подсећање да се овдје подвизавао св. Сава „који је ударио темељ везама братства и сарадње“ између двије цркве. Овдје је било организовано ноћење, а сјутрадан, 5. октобра, служена је литургија, након чега се кренуло у манастир Жичу. Ту је домаћин био епископ жички Стефан који је и поздравио високог госта, истакавши у свом обраћању да је баш на овом мјесту св. Сава прокламовао самосталност Српске цркве. Епископ Стефан је патријарху Пимену поклатио икону са ликом св.

25 Гласник СПЦ. 11/1984. С. 237-239; Православље. 1984. 1 XI: 3-4; Епископ Павле 2013: 396. У некрологу патријарху Пимену прота Василије Тарасјев наводи да је преминули патријарх „веома пажљиво пратио збивања око тих светиња (српских светиња на Косову – Љ. П.), јер је знао да су те светиње биле пре сто година чуване и од стране руских светогорских монаха, а који су били упућени од стране Руске Цркве према позиву Српске владе и Српске Цркве, пошто је монаштво у Србији било десетковано од стране Турака.“ Гласник СПЦ. 6/1990. С. 146; Батаковић 1989.

26 ЖМП. 12/1984. С. 11-13; Православље. 1984. 1 XI: 3-4.

Саве, иначе рад иконописачке школе при манастиру Жичи, а овдје је за госте приређен ручак. Током обједа размјењиване су поздравна слова, у којима се говорило о узајмној православно-словенској љубави, о дугим везама двије цркве...²⁷

Повратак у Београд, посјета Председништву СР Србије, заједничко саопштење, испраћај (5-6. октобар). По повратку са поклоничког пута организован је пријем за два патријарха и у Председништву СР Србије, гдје их је 5. октобра примио предсједник Душан Чкребић, такође у присуству амбасадора Родионова. Осим Чкребића, пријему су присуствовали још и Д. Тешић, члан Председништва СР Србије, М. Богдановић, потпредседник ИВ Скупштине СР Србије, и Ж. Станковић, председник републичке Комисије за односе са верским заједницама. Чкребић је изразио задовољство због тога што је дошло до ове посјете, за коју је казао „да улази у контекст укупног развоја односа“ између Југославије и СССР-а, који су, по његовом мишљењу, веома добри. Нагласио је да ће ова посјета осим тога што ће појачати сарадњу између самих цркава исто тако побољшати сарадњу и два народа „и то на линији на којој се одвија сарадња руководства двије независних земаља“. Уједно, говорио је о потреби ангажовања како руководства двије земље тако и поглавара двије цркве у борби за мир. И овом приликом руски патријарх прочитао је унапријед припремљен текст, у којем је највише ријечи било управо о борби за мир у свијету. И овај пријем, као и онај у Предсједништву СФРЈ, позитивно је оцијењен у црквеној штампи, да је „протекао у врло пријатној атмосфери“, а да је Чкребић ову посјету оцијенио „веома позитивно“ ставивши је у контекст укупног развијања пријатељских билатералних односа између двије државе. Вијест о овом сусрету била је објављена и у дневној штампи.²⁸ У наставку програма чланови делегације посјетили су Богословски факултет и Богословију Свети Сава, а затим је услиједио свечани пријем који је у част двојице патријараха приредио руски амбасадор у Београду. Ноћење је било организовано у Патријаршији.

Последњег дана посјете (6. октобар), прије одласка руске делегације за Москву, усаглашен је текст заједничког саопштења. У њему је поред осталог наведено да је ова посјета имала званични и поклонички карактер, као и да је „на сваком кораку српски православни верујући народ дочекивао (је) са необичном свечаношћу и одушевљењем“ поглаваре двије цркве и њихове пратиоце. Током посјете разматрана су питања братске

27 Православље. 1984. 1 XI: 5; Гласник СПЦ. 11/1984. С. 240.

28 ДАС. Г-19, РИВ, 1982. Ф. 27. Седнице Комисије; Гласник СПЦ. 11/1984. С. 243; Православље. 1984. 1 XI: 6; Политика. 1984. 6 X: 6.

сарадње између двије цркве, међуцрквене и екуменске сарадње, узајамног служења миротворству, учвршћивању пријатељства и братства народа СССР-а и СФРЈ. Ова посјета је, стоји даље у саопштењу, истовремено и свједочанство дубоке забринутости двије цркве „да буде сачуван свети дар живота од атомске катастрофе“, али и одраз њихове тежње за што јачим екуменским служењем. Руски патријарх позвао је патријарха Германа да дође у званичну посјету Руској цркви, што је прихваћено са захвалношћу.²⁹ До реализације посјете српског патријарха доћи ће кроз двије године, што је уједно била његова последња посјета Руској цркви и Русији.³⁰

Нека запажања о боравку делегације на Косову од стране покрајинских органа

Два дана по завршетку посјете у Комисији за односе са верским заједницама при ИВ Скупштине САП Косова сачињена је информација о боравку делегације РПЦ на Косову. Констатовано је да се радило о узвратној посјети, будући да сарадњи са православним црквама у свијету патријарх Герман „придаје приличан значај“. И Амбасада СССР-а у Југославији овој посјети је придавала велики значај, на начин што се интересовала о третману који ће патријарх Пимен имати приликом посјете Југославији, ко ће га од званичних лица дочекати и примити на разговоре, на ком нивоу и да ли ће уопште државни званичници приредити ручак или вечеру у част високог госта. И не само совјетска амбасада него је и Влада Совјетског Савеза била заинтересована за ову посјету „и да је до ње дошло добијањем сагласности од одговарајућих органа Совјетске владе“, мислило се у покрајинској Комисији на основу разговора вођених у Комисији СИВ-а за односе са вјерским заједницама. На питање које је постављано у дипломатском кору у Београду зашто у овом тренутку делегација Руске цркве на челу с патријархом посјећује Косово, представници совјетске амбасаде везивали су за стогодишњицу доласка првих руских калуђера из Грчке у Пећку патријаршију, а да су приче у дипломатским круговима „шпекулације у функцији задњих намера“. Комисија ипак констатује да је ово била црквено-вјерска посјета, као и да је о програму боравка и местима која ће делегација посјетити била, исто као и републичка Комисија, обавијештена од стране Патријаршије СПЦ.³¹

29 Гласник СПЦ, 11/1984. С. 245-246; ЖМП. 12/1984. С. 13-14; Политика. 1984. 7 X: 2; Борба. 1984. 8 X: 6.

30 Гласник СПЦ, 11/1986. С. 259-264; ЖМП. 12/1986. С. 9-11, 15-18.

31 ДАС. Г-19, РИВ, 1984. Ф. 40. Седнице комисија. С. 2-3.

Услиједио је осврт на боравак делегације на Косову. Наводи се да је најмасовнији дочек двојици поглавара и њиховој пратњи приређен у Грачаници, уз претпоставку да је било присутно преко 1.000 лица, од чега је велики дио био из Приштине, гњиланске и урошевачке општине, Т. Митровице и Вучитрна, као и да је било возила са регистарским ознакама из нишке, лесковачке, врањске и прокупљанске општине. Грађани су благовремено били обавијештени о овој посјети, цијенили су у Комисији, вјероватно „преко црквених канала“, а на вратима манастира Грачанице неколико дана при је посјете било је истакнуто обавјештење, иако штампа и остала средства јавног информисања нису претходно објављивала вијест о посјети. Осим вјерника, међу присутнима било је и оних из радозналости, „док су појединци дошли и са одређеним политичким намерама“. Током обраћања руског патријарха унутар манастира Грачанице из приправе се чуо узвик „Живела Русија“, иако садржај говора није упућивао на такву паролу. Комисија претпоставља да је у тој маси било лица који су раније били информбироовци или из групе тзв. „Барског конгреса“, који су искористили тренутак за овакав инцидент са политичким тенденцијама. Потом су се осврнули на посјету делегације осталим мјестима у којима је дочек био скромнији, није био толики број присутних као у Грачаници, нити је било узвикивања икаквих паролата, а у Дечанима су на дочек делегације била и два представника у албанској народној ношњи. На ручку у Пећкој патријаршији 4. октобра присуствовали су службеници Комисије ИВ САП Косова за односе са верским заједницама, предсједник Скупштине општине Пећ, и други представници друштвено-политичких организација пећке општине. Комисија закључује да је кретање и боравак делегације РПЦ на Косову „сем дочека и политички непожељних паролата у Грачаници, била је у црквеним и верским оквирима“, а да „према првим сазнањима на пропутовању кроз Косово није било никаквих инцидената“.³²

32 Исто. С. 4-6. Барски конгрес организовали је група разочараних комуниста највећма из Црне Горе и са Косова и Метохије, и то на дан кад је почео напад Њемачке на Југославију. Конгрес је одржан 6/7. априла 1974. у Бару (Црна Гора), у кући Бранислава Бошковића, професора историје из Приштине. Конгресу је присуствовало 12 лица. Изабрали су ЦК, Политбиро, Надзорну и Ревизиону комисију, суспендовали су СКЈ и усвојили Статут Нове Комунистичке партије Југославије (НКПЈ), а југословенски режим се оптужује за рестаурацију капиталистичких односа, да се ради о личној власти Ј. Б. Тита, о идеолошком ревизионизму и др., а посебно су били незадовољни „тихом“ издајом Космета од стране Титовог режима. За генералног секретара НКПЈ изабран је Милета Перовић. Постојале су пећка (иначе најбројнија), приштинска, новосадска, београдска, бањалучка, тузланска и барска група. Ускоро су сви били

Међутим, информација Председништва САП Косова (од 9. новембра 1984) о посјети делегације РПЦ овој покрајини, која је прослијеђена Председништву СФРЈ, у појединим сегментима знатно је оштрија од извјештаја Комисије. Најприје се каже да за ову посјету и програм боравка делегације Руске цркве „није затражена сагласност одговарајућих покрајинских органа“, већ да је о томе била информисана само Комисија Скупштине САП Косова и то од стране Патријаршије, као и да претходно нису разрађена нека питања око циља, мотива и тренутка посјете. Управо због тога, као и недовољне и неблаговремене информисаности и организованости надлежних покрајинских органа и организација, посјета „није била у одговарајућој мери оцењена и организовано праћена“.³³

За разлику од покрајинске Верске комисије, Председништво је стекло утисак „да је посета имала више политички него верски карактер“, имајући у виду састав делегације РПЦ, велику заинтересованост представника совјетске амбасаде, као и одликовања која су том приликом додијељена. Такође, „време посете и одабрана места за посете указују да је ова посета имала за циљ непосредно информисање о актуелној политичкој ситуацији на Косову, о политичком расположењу верника, као и о положају Срба и Црногораца на Косову“. Председништво сматра да је посета била добро организована, да је истој међу вјерницима СПЦ дат велики публицитет. Наводно је непосредно прије посјете међу вјерницима Српске цркве било коментара да је ова и оваква посета планирана под утицајем РПЦ, како би се иста ближе упознала са ситуацијом у САП Косово, и „да је посета доказ да Руска православна црква брижљиво прати догађаје на Косову и Југославији и да је 'спремна да пружи братску помоћ Српској православној цркви у Југославији' и тд.“ И овдје се наводи да је одређени број грађана дошао на дочек и са одређеним политичким намјерама, с обзиром да је једна мања група приликом уласка делегације у манастир Грачаницу узвикивала „Живела Русија“, а да су неки од присутних говорили „Ево стижу наши спасиоци“. У Призрену је на дочеку било око 600 лица, а у Дечанима једна особа је узвикивала „Живела Русија“, док на другим мјестима нису утврђене „ексцесне појаве“. Из информације даље сазнајемо да су се два представника совјетске амбасаде из Београда који су били у саставу делегације, интересовали о националној структури становника Косова, о тренутној политичко-безбједносној ситуацији и цјелокупној ситуацији, има ли међунационалних конфлика-

похапшени од стране оперативаца СДБ Црне Горе, прво њих 36, а касније је приведено више стотина симпатизера и присталица широм Југославије. Cvetković 2012: 152.

33 ДАМСП ПА. 1984, СССР. Ф. 93. Д. 13. Сигн. 451129. С. 1-2.

та, и траје ли и даље исељавање Срба и Црногораца са Косова. Председништво констатује да посјета „није била у функцији стабилизације политичког стања на Косову, већ напротив имала је политички карактер са политичким последицама“, и предлаже да савезни и републички органи сачине детаљнију анализу о карактеру и циљу ове посјете, о томе како је дошло до усмјеравања посјете на Косово, као и о политичким импликацијама исте.³⁴

Оцјена посјете од стране црквених и државних органа

У Српској патријаршији били су задовољни посјетом. Патријарх Герман је током разговара са Ж. Станковићем 17. октобра 1984. истакао да је посјета протекла добро, те „да је била од опште користи“, као и да су размијењена мишљења „о сарадњи између двије цркве, затим о екуменској сарадњи, о напорима које цркве треба да чине за очување мира у свету, о доприносу пријатељству народа СССР и СФРЈ.“ Патријарх је замолио Извршно веће СР Србије да Патријаршији пружи извјесну материјалну помоћ, с обзиром да је руска делегација била бројна, да је боравила више дана и да су трошкови велики. Ж. Станковић је рекао да је ова посјета на сличан начин оцијењена и од стране државних органа, како у федерацији тако и у СР Србији. Станковић напомиње да је било спекулација, највећма од страних агенција, да је овом приликом РПЦ пружила обимну финансијску помоћ Српској цркви, што је српски патријарх одбацио као неосновано, поменувши да је патријарх Пимен још раније дао лични прилог за подизање зграде Богословског факултета у Београду у износу од 10 милиона старих динара.³⁵ Патријарх Герман се званично обратио 29. октобра 1984. председнику Комисије ИВ Скупштине СР Србије за односе са верским заједницама да су за вријеме боравка патријарха Пимена остварени трошкови у износу од 758.045,65 динара, што је од

34 Исто. С. 2-4. Патријарх Пимен додијелио је ордене следећим лицима у служби СПЦ на Косову: Орден преподобног Сергија Радоњешког II степена добио је епископ рашко-призренски Павле, Орден св. кнеза Владимира III степена додијељен је протосинђелу Јустину, настојатељу манастира Високи Дечани, и синђелу Дамаскину Давидовићу, професору Призренске богословије, док су Орденом преподобног Сергија Радоњешког III степена одликоване игуманије манастира св. Тројице код Призрена, Девича, Грачанице и Пећке патријаршије. Српски патријарх добио је Орден преподобног Сергија Радоњешког I степена. ЖМП. 12/1984. С. 14.

35 ДАС. Г-19, РИВ, 1984. Ф. 38.

стране Комисије позитивно ријешено па је ускоро на рачун епархије Београдско-карловачке уплаћен тражени износ.³⁶

Посјета је помињана и наредне године разним поводима. У Богословији Свети Сава у Београду јануара 1985. одржан је семинар Синдесмоса³⁷, на којем су узели учешћа и теолози из РПЦ (игуман Платон, професор Јегоров и прота В. Тарасјев), који су посјетили Комисију за односе са верским заједницама. Секретар Комисије осврнуо се на недавну посјету патријарха Пимена Српској цркви, у чему је видио потврду добрих односа двије цркве, а у чину пријема сверуског патријарха од стране представника друштвене заједнице и „интерес наше земље за однос двеју цркава“.³⁸ У материјалима Комисије СИВ-а за односе са верским заједницама од фебруара 1985. третиран је међународни црквено-религијски фактор и његов утицај на понашање вјерских заједница у СФРЈ. За РПЦ наведено је да тежи да постане „искључиви центар окупљања православља на основама панславизма“, док о „значењу и импликацијама“ прошлогodiшње посјете руске делегације најбоље говори интерес који је том приликом показала Амбасада СССР-а у Југославији.³⁹ Међународни аспекти деловања вјерских заједница (католичке, православне, исламске) разматрани су током сједнице Савезног друштвеног савјета за међународне односе крајем 1985. Зденко Свете, предсједник Комисије ИВ Сабора СР Хрватске за односе са вјерским заједницама, казао је том приликом како СПЦ има мањи обим међународних веза, али се њихов квалитет не може потцјењивати, при чему је довољно подсјетити се посјете патријарха Пимена и правца његовог кретања. Опет је Ж. Станковић истакао да РПЦ, као највећа црква међу православним црквама, настоји да оствари свој утицај међу њима, и да спроводећи политику совјетске владе настоји да постигне противтежу Католичкој цркви, као и да има „велику материјалну кадровски подршку“ СССР-а „у функцији блоковске политике“. На супрот томе, СПЦ спроводи самосталну политику на унутрашњем плану и „настоји да води“ самосталну политику и на међународном плану при чему „слиједи несврстану политику наше земље“.⁴⁰

36 ДАС. Г-19, РИВ, 1984. Ф. 41. Буџет Комисије; ДАС. Г-19, РИВ, 1984. Ф. 38. Трошковник посјете који је из Патријаршије достављен Комисији укључивао је четири ставке: храна и безалкохолна пића, поклони и фотографије, награде особљу и куварима, и за путне трошкове и преноћиште у мотелу „Студеница“.

37 Свјетска федерација (заједница) православне омладине Синдесмос основана 1953. у Француској (<http://syndesmostemporary.blogspot.com>).

38 ДАС. Г-19, РИВ, 1984. Ф. 49. Незавођено.

39 Исто. Ф. 47. С. 25-26.

40 ДАМСП ПА. 1985, Југославија. Ф. 118. Д. 2. 457474.

У републичкој Комисији, у марту 1985, анализирана је вјерска штампа за претходну годину, међу њима и писање *Православља* новина Српске патријаршије, гдје је објављено више чланака поводом посјете руског патријарха. Апострофиран је чланак „У сусрет посети руског патријарха аутора професора и свештеника Лазара Милина, у којем се, по мишљењу надлежних из Комисије, „глорификује улога РПЦ у православној свету“, док је, за разлику од овог, цио ток боравка патријарха Пимена „приказан је коректно“. Још је истакнуто да су неки страни листови коментарисали посјету руског патријарха САП Косову, конкретно неким манастирима тамо, „као неку врсту подршке РПЦ односно СССР српском и црногорском живљу на Косову“.⁴¹

Списак скраћеница

ДАМСП ПА – Дипломатски архив Министарства спољних послова. Политичка архива

ДАС – Државни архив Србије

ЖМП – Журнал Московской Патриархии

ИВ – Извршно веће

РИВ – Републичко извршно веће

РПЦ – Руска православна црква

САП – Социјалистичка аутономна покрајина

СИВ – Савезно извршно веће

Сигн. – Сигнатура

СМ – Савјет министара

СПЦ – Српска православна црква

СР – Социјалистичка република

ССИП – Савезни секретаријат за спољне послове

СССР – Савез Совјетских Социјалистичких Република

СФРЈ – Социјалистичка Федеративна Република Југославија

Литература

1. Батаковић 1989 – *Батаковић Д.Т.* Дечанско питање. Београд: Просвета, 1989. 225 с.

41 ДАС. Г-19, РИВ, 1984. Ф. 42; Православље. 1984. 15 IX: 1-2.

2. Батаковић 2006 – *Батаковић Д. Т.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима. Београд: Чигоја штампа, 2006. 393 с.
3. Вукановић 1998 – *Вукановић Т.* Дреница – друга српска Света гора. Приштина: Музеј : Народна и универзитетска библиотека, 1998. 378 с.
4. Димић 2001 – *Димић Љ.* Историја српске државности. Књ. 3, Србија у Југославији. Нови Сад: Српска академија наука и уметности – Огранак у Новом Саду, 2001. 472 с.
5. Ђокић 2017 – *Ђокић Б.* Српска Православна Црква о међуетничким односима у Социјалистичкој Аутономној Покрајини Косово у периоду 1981-1985. г. // Теолошки погледи. 2017. Бр. 1. С. 115-148.
6. Ђурић Мишина 2012 – *Ђурић Мишина В.* Герман Ђорић – патријарх у обезбоженом времену 1-2. Београд: Манастир Светог првомученика и архиђакона Стефана Сланци, 2012. 826 с.
7. Епископ Павле 2013 – *Епископ рашко-призренски Павле.* Извештаји са распетог Косова Светом Архијерејском Синоду за Свети Архијерејски Сабор Српске Православне Цркве 1957–1990 [прир. В. Вукашиновић, Г. Станић]. Београд: Издавачка фондација Архиепископије београдско-карловачке: Фондација патријарх Павле, 2013. 479 с.
8. Јанковић 2001 – *Јанковић Д. М.* Патријарх Герман у животу и борби за Спомен-храм. Крагујевац: Каленић, 2001. 747 с.
9. Јањић 2017 – *Јањић Ј.* Културолошка димензија деловања Српске православне цркве у другој половини XX века 1945-2000 (рукопис докторске дисертације). Београд: Универзитет „Дон Незбит“ – Факултет за културу и медије, 2017. 433 с.
10. Јевтић 2021 – *Јевтић А.* Од Косова и Метохије до Јадовна, Јасеновца и Пребиловаца: путни записи јеромонаха Атанасија Јевтића. Књ. 2, Метохија [прир. Епископ Максим и др.]. Призрен–Јасеновац–Пребиловци: Епархија рашко-призренска и др., 2021. 478 с.
11. Јовановић 2012 – *Јовановић М.* Срби и Руси 12–21. век: историја односа. Београд: Народна библиотека Србије, 2012. 254 с.
12. Пузовић 1997 – *Пузовић П.* Раскол у Српској православној цркви – Македонско црквено питање. Београд: Свети архијерејски синод Српске православне цркве, 1997. 184 с.
13. Ристановић 2013 – *Ристановић П.* Листови Српске православне цркве и 'Косовско питање' 1980-1982 // Баштина. 2013. Бр. 35. С. 205-228.
14. Ристановић 2018 – *Ристановић П.* Српска интелектуална елита и косовско питање 1974-1989 (рукопис докторске дисертације). Београд: Универзитет у Београду – Филозофски факултет, 2018. 773 с.
15. Скурат 1994 – *Скурат К. Е.* История Поместных Православных Церквей. Т. 1. Москва: Русские огни, 1994. 334 с.
16. Слијепчевић 2002 – *Слијепчевић Ђ.* Историја Српске православне цркве. Књ. 3, За време Другог светског рата и после њега. Београд: ЈРЈ, 2002. 452 с.

17. Хиландарац 1988 – *Хиландарац М.* Светогорци по светињама Русије. Београд: Хиландарски фонд, 1988. 154 с.
18. Чакић 1979 – *Чакић С.* У посети великим светињама и историјским споменицима Русије. Нови Сад: Издање аутора, 1979. 98 с.
19. Шкаровскии 2010 – *Шкаровскии М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. Москва: Вече, Лепта, 2010. 480 с.
20. Cvetković 2012 – *Cvetković S.* Neoibeovci. Обрачун са просовјетском опозицијом у СФРЈ и kidnapовање Владе Дапчевића // *Istorija 20. века.* 2012. Br. 2. S. 147-164.
21. Mišović 1987 – *Mišović M.* Ко је тражио Републику Косово 1945–1985. Београд: Народна књига, 1987. 462 с.
22. Petranović 1988 – *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 3, Socijalistička Jugoslavija 1945–1988. Београд: Nolit, 1988. 492 с.
23. Radić 2016 – *Radić R.* Srpska pravoslavna crkva tokom 90-ih // *Poznanske studija slawistyczne.* 2016. Br. 10. S. 257-268.

References

1. Bataković, D.T., 1989. *Dečansko pitanje.* Београд: Prosveta, 225 p. (In Serb.)
2. Bataković, D.T., 2006. *Kosovo i Metohija u srpsko-arbanaškim odnosima.* Београд: Čigoja štampa, 393 p. (In Serb.)
3. Cvetković, S., 2012. Neoibeovci. Обрачун са просовјетском опозицијом у СФРЈ и kidnapовање Владе Дапчевића. *Istorija 20. века,* 2, pp. 147-164. (In Serb.)
4. Čakić, S., 1979. *U poseti velikim svetinjama i istorijskim spomenicima Rusije.* Нови Сад: Издање аутора, 98 p. (In Serb.)
5. Dimić, Lj., 2001. *Istorija srpske državnosti. Knj. 3, Srbija u Jugoslaviji.* Нови Сад: Српска академија наука и уметности – Огранак у Новом Саду, 472 p. (In Serb.)
6. Đokić, B., 2017. Српска Православна Црква о међуетничким односима у Социјалистичкој Аутономној Pokрајини Косово у периоду 1981-1985. г. *Teološki pogledi,* 1, pp. 115-148. (In Serb.)
7. Đurić Mišina, V., 2012. *German Đorić – patrijarh u obezboženom vremenu 1-2.* Београд: Манастир Светог првомученика и архидакона Стефана Слани, 826 p. (In Serb.)
8. Епископ рашко-призренски Павле, 2013. *Izveštaji sa raspetog Kosova Svetom Arhijerejskom Sinodu za Sveti Arhijerejski Sabor Srpske Pravoslavne Crkve 1957-1990* [прир. В. Вукашиновић, Г. Станић]. Београд: Издавачка фондација Архиепископије београдско-карловачке, Фондација Патријарх Павле, 479 p. (In Serb.)
9. Hilandarac, M., 1988. *Svetogorci po svetinjama Rusije.* Београд: Hilendarski fond, 154 p. (In Serb.)
10. Janković, M.D., 2001. *Patrijarh German u životu i borbi za Spomen-hram.* Крагујевац: Каленић, 747 p. (In Serb.)
11. Janjić, J., 2017. *Kulturološka dimenzija delovanja Srpske pravoslavne crkve u drugoj polovini XX veka 1945-2000 (rukopis doktorske disertacije).* Београд: Универзитет „Дžон Незбит“ – Факултет за културу и медије, 433 p. (In Serb.)

12. Jevtić, A., 2021. *Od Kosova i Metohije do Jadovna, Jasenovca i Prebilovaca: putni zapisi jeromonaha Atanasija Jevtića. Knj. 2, Metohija* [prir. Episkop Maksim i dr.]. Prizren–Jasenovac–Prebilovci: Eparhija raško-prizrenska i dr., 478 p. (In Serb.)
13. Jovanović, M., 2012. *Srbi i Rusi 12–21. vek: istorija odnosa*. Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 254 p. (In Serb.)
14. Mišović, M., 1987. *Ko je tražio Republiku Kosovo 1945–1985*. Beograd: Narodna knjiga, 462 p. (In Serb.)
15. Petranović, B., 1988. *Istorija Jugoslavije 1918-1988. Knj. 3, Socijalistička Jugoslavija 1945-1988*. Beograd: Nolit, 492 p. (In Serb.)
16. Puzović, P., 1997. *Raskol u Srpskoj pravoslavnoj crkvi – Makedonsko crkveno pitanje*. Beograd: Sveti arhijerejski sinod Srpske pravoslavne crkve, 184 p. (In Serb.)
17. Radić, R., 2016. Srpska pravoslavna crkva tokom 90-ih. *Poznanskie studia slawisty-czne*, 10, pp. 257-268. (In Serb.)
18. Ristanović, P., 2013. Listovi Srpske pravoslavne crkve i „Kosovsko pitanje“ 1980-1982. *Baština*, 35, pp. 205-228. (In Serb.)
19. Ristanović, P., 2018. *Srpska intelektualna elita i kosovsko pitanje 1974-1989 (rukopis doktorske disertacije)*. Beograd: Univerzitet u Beogradu – Filozofski fakultet, 773 p. (In Serb.)
20. Shkarovsky, M.V., 2010. *Russian Orthodox Church in the 20th century*. Moscow: Veche, Lepta, 480 p. (In Rus.)
21. Skurat, K.E., 1994. *History of Local Orthodox Churches*. T. 1. Moscow: Russkie ogni, 334 p. (In Rus.)
22. Slijepčević, Đ., 2002. *Istorija Srpske pravoslavne crkve. Knj. 3, Za vreme Drugog svetskog rata i posle njega*. Beograd: JRJ, 452 p. (In Serb.)
23. Vukanović, T., 1998. *Drenica – druga srpska Sveta gora*. Priština: Muzej i Narodna i univerzitetska biblioteka, 378 p. (In Serb.)

Ljubomir Z. Popović

Doctoral student,
Faculty of Philosophy, University of Belgrade
Belgrade, Serbia, 11000, Ćika Ljubina 18-20
ljuboz.popov@gmail.com

The visit of Russian Patriarch Pimen to Kosovo in October 1984 in the context of inter-church relations

The ties between the Serbian Patriarchate and the Moscow Patriarchate have strengthened since the establishment of Patriarch German as the head of the Serbian Orthodox Church. He visited the Russian Church several times, the last time in 1974. The reunion of the two church leaders took place ten years later, although there had been earlier invitations. Church authorities announced the visit in 1984 as a reciprocation and gift. Its realization was favoured by amicable political relations between the USSR and SFRY. The Yugoslav authorities, as well as the Soviet embassy in Belgrade, were interested in the details of the protocol and the schedule of the visit. The programme stipulated that the guest would be visiting and paying homage to Serbian shrines in Kosovo and Metohija, which, like the Serbian population, had been exposed to the pressures of Albanianization for several decades, which had manifested itself in various ways. In diplomatic circles in Belgrade, the visit was understood as a kind of support from the Russian Church and the USSR to the Serbian and Montenegrin population in Kosovo, while the Soviet embassy in Belgrade rejected it, linking the visit to the celebration of the centenary of the arrival of Russian monks from Mount Athos to Serbian monasteries in Kosovo and Metohija. By contrast, Kosovo SAP authorities attributed to the visit a more political than religious character, taking into account the plan of the tour, the decorations that were awarded on that occasion, the interest of the Russian embassy in the visit, the participation in the delegation of representatives of the Russian embassy, etc. The representatives of the organs of the Yugoslav federation and the SR of Serbia, however, put the visit in the context of contributing to the overall development of good relations between Yugoslavia and the Soviet Union, emphasizing the role of the church in the fight for peace and the prevention of the current arms race between the two superpowers, in order to avoid a nuclear catastrophe. During the conversation of the two church leaders, opinions were exchanged on a series of “urgent problems” faced by Orthodoxy, while serving peace was mentioned as one of the main practical tasks of Christianity in general. At the end of the visit, a joint

statement was issued, and the Russian patriarch invited the head of the Serbian Orthodox Church to return the visit, which was accepted with pleasure. Patriarch German would visit the Russian Church in September 1986.

Keywords: Serbian Orthodox Church, Russian Orthodox Church, Patriarch German, Patriarch Pimen, church visits, inter-church relations, Kosovo

Михаил Валерьевич Белов

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой
и новейшей истории Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия.
belov_mihail@mail.ru

«Воспоминания» Васы Чубриловича как исторический источник

Опубликованные в 2022 г. мемуары известного югославского историка Васы Чубриловича (1897–1990) содержат уникальные свидетельства о сербских радикальных активистах из «поколения 1914 г.»; о некоторых обстоятельствах покушения на австро-венгерского престолонаследника Франца Фердинанда; об условиях пребывания в заключении в период Первой мировой войны; об университетском быте и взаимоотношениях между белградскими профессорами в 1920–30-х годах; а также о некоторых аспектах партийной жизни Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии) и деятельности «Сербского культурного клуба» (1937–1941 гг.). Помимо этого, «Воспоминания» Чубриловича представляют несомненный интерес и как эго-документ — история историка, написанная им самим.

Ключевые слова: эго-документы, мемуары историков, убийство Франца Фердинанда, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Белградский университет

В 2022 г. вышли в свет мемуары одного из самых известных югославских историков и организаторов исторической науки в СФРЮ, академика Сербской академии наук и искусств (в сербской аббревиатуре — САНУ), основателя и первого директора Института балканологии (Белград) Васы Чубриловича¹ (1897–1990). Будучи семнадцатилетним гимназистом он участвовал в покушении на австро-венгерского престолонаследника, эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве 28 июня 1914 г. И

1 Чубриловић В. Сећања. Београд: Вукотић медиа д.о.о., 2022. 499 с.

поскольку именно этот эпизод ранней биографии Чубриловича мог вызвать особый интерес у широкой публики, издатели в очевидных коммерческих целях вынесли на обложку его арестантское фото конца того же года со стилизованным под сургучную печать рекламным ярлыком, в котором помещена надпись: «Первая исповедь сараевского атентатора», то есть участника покушения. При этом вполне понятно, что никакой второй или последующей исповеди уже не может последовать. Вероятно, издатели имели в виду нечто другое: при жизни Чубрилович настойчиво избегал публичных высказываний о том, что произошло тогда.

Рассчитанное таким образом на массового читателя, издание, между тем, имеет и важные признаки научной публикации. Оно снабжено пространной вводной статьей другого известного историка, академика Василие Крестича (датирована 14 сентября 2022 г.), в которой дан обзор наиболее важных мемуарных свидетельств Чубриловича, а также выявлены некоторые особенности рукописи и содержания текста его «Воспоминаний»². И хотя их публикация сопровождается минимальными подстрочными примечаниями, в ней всегда отмечены слова или словосочетания, которые не удалось разобрать при расшифровке.

В конце вводной статьи Крестич указывает, что рукопись «Воспоминаний», по завещанию Чубриловича, оказалась в Архиве САНУ в Белграде (инвентарный номер 14.731) и состоит из девяти тетрадей, заполненных чернильными записями не слишком разборчивого почерка. Кропотливую работу над рукописью при подготовке ее к печати провела сотрудница Архива А. Радованович.

Записи велись на протяжении ряда лет, возможно, как посчитал В. Крестич с опорой на конкретно названную в одном из фрагментов рукописи дату, начиная с 1977 г., когда историку уже исполнилось восемьдесят³, и следовательно, уже после принятия Конституции 1974 г., усилившей статус и полномочия Республик и Автономных Краев в составе Федерации, что, по мнению многих, обозначило начало ее кризиса⁴. В главе о сараевском покушении Чубрилович, сетуя на дефекты памяти, называет разрыв в «более 60 лет» с описываемыми событиями⁵, что допускает и чуть более раннюю датировку. Записи продолжались, по крайней мере, вплоть до 1987 г., на который указывает попавший в рукопись

2 Крестич 2022.

3 Чубрилович В. Сећања. С. 176.

4 См., например, об этом периоде: Никифоров 2011: 735–764.

5 Чубрилович В. Сећања. С. 187.

фрагмент, относящийся к избранию Чубриловича почетным членом Академии наук СССР⁶.

Замысел «Воспоминаний» предполагал доведение повествования до времени их написания⁷, однако он реализован не был. Чубрилович остановился на рубеже 1930–40-х годов и на общих размышлениях о происхождении Второй мировой войны, месте Югославии в системе международных отношений того времени. Между тем, отдельные главы планировалось посвятить событиям 1941–1945 гг., а также послевоенному периоду, когда Чубрилович (до 1951 г.) занимал министерские должности, а затем вернулся в Белградский университет и продолжил академическую карьеру.

Реализованный текст «Воспоминаний» начинается с рассказа о детстве в кругу большого семейства Чубриловичей, а затем речь идет о годах обучения в Тузлинской гимназии, о сараевском покушении, аресте, суде и времени, проведенном в заключении, и далее — о межвоенном периоде, где наблюдения над политической эволюцией «первой» Югославии перемежаются рассказом о становлении молодого историка и о его коллегах по Белградскому университету.

В. Крестич во вводной статье с полуупреком заметил, что в обстоятельных рассуждениях, часто попадающих на страницы рукописи, Чубрилович выступает скорее как историк, нежели как мемуарист. «Историк во многих случаях в [его] «Воспоминаниях» оттесняет мемуариста, и в них переплетаются исторический анализ и мемуары»⁸. Вряд ли стоило ожидать иного от профессионального историка, прожившего столь долгую и насыщенную жизнь. Скорее, такая попытка встраивания собственной биографии в большую историю является главным достоинством текста, позволяющим, кроме прочего, проникнуть во внутренний мир историка позднетитовской и посттитовской Югославии, находящегося на самой вершине академической карьеры.

Писание мемуаров являлось для Чубриловича своеобразным способом отстоять и защитить свои убеждения, которым он чувствовал угрозу в условиях нарастающего кризиса Югославской Федерации. Опирались для них он искал в сплетении жизненных и исторических обстоятельств, обращаясь к самым истокам формирования собственной личности в подростковом возрасте. Выработанные, как ему казалось, уже тогда его убеждения прошли проверку в результате сделанных сознательно

6 Там же. С. 74.

7 Там же. С. 42.

8 Крестич 2022: 10.

жизненных выборов и получили подтверждение в удивительных поворотах исторической судьбы. Их и можно только понять сквозь призму правильных убеждений. Подобная установка повторяется неоднократно в тексте «Воспоминаний».

Наиболее выпукло позиция историка в актуальном общественно-политическом контексте высказана на последних страницах главы «Сараево в 1914 г.» (после исключения из Тузлинской гимназии он доучивался там), которая предшествует главе о покушении на Франца Фердинанда. Здесь, подводя итог характеристике своего круга — политически активной учащейся молодежи, сумевшей возвыситься над конфессиональными различиями, — Чубрилович относил себя к «поколению 1914 г.». Из предвоенного периода сквозь все «громадные кризисы, войны и глубокие перемены в Югославии и ее народах» он пронес «... глубокую, нерушимую веру в югославянское объединение и необходимость бороться за сохранение этого единства»⁹. Вероятно, в те далекие времена такие убеждения молодежи, как допускал историк, были «излишне книжными», но дальнейшие события подтвердили истинность самого направления мысли. «И теперь [в 1977 г.] после многолетнего изучения истории югославянских народов и их государства и после моего личного опыта, накопленного с 1914 г. и до сего дня, я остаюсь при своем убеждении юности: югославянская этническая и культурная общность и общее государство были и остаются надежным фундаментом и политического единства югославянских народов»¹⁰.

Беспокойство относительно устойчивости такого фундамента далее косвенно выражена в критике (коммунистического?) интернационализма, готового к «взаимности» со всеми народами мира в теории, но «на практике не способного преодолеть узкие взгляды и нетерпимость по отношению к своим ближайшим соседям»¹¹. Напротив, восприятие иных культур и народов, по мнению Чубриловича, улучшится, если будет преодолена нетерпимость между самими югославянскими народами. Здесь мемуарист упоминает споры с известным хорватским писателем и общественным деятелем Мирославом Крлежой, считавшим югославизм Чубриловича уже устаревшим.

Под этим замечанием читается скрытый намек, поскольку контекст полемики остался не до конца раскрытым. «Народно-освободительная война и социалистическая революция 1941–1945 гг.», обеспечившие

9 Чубрилович В. Сећања. С. 176–177.

10 Там же. С. 177.

11 Там же. С. 177–178.

выбор в пользу коммунистической федерации, в изложении Чубриловича стали только возможностью реализовать заветную мечту о югославском единстве. Сама же убежденность в ее насущной необходимости укореняется в преддверии Первой мировой войны, результатом которой стало рождение «первой» Югославии, загубленной монархическим авторитаризмом и национализмом. В следующей главе автор прямо пишет, что не испытывает угрызений совести от участия в покушении на Франца Фердинанда, которое в конечном итоге обрекло Сербию на долгую и изнурительную войну¹². Его соотечественники никогда не высказывали подобных претензий, а распад Австро-Венгрии и объединение югославянских народов показали правоту заговорщиков¹³. Более того, покушение, организованное по большей части снизу, узкой группой молодых людей, отвечало народным чаяниям и явилось продолжением балканских традиций стихийного сопротивления. Поэтому и народ воспринял покушение как «свое» дело, прославляя его на Видов день наравне с Косовской битвой 1389 г.¹⁴

Таким образом, довоенный некоммунистический югославизм виделся Чубриловичу более надежной опорой для сохранения единства, нежели актуальный в поздней Югославии идеологический дискурс. С другой стороны, Гаврило Принцип и его сообщники в такой трактовке выпадают из канвы узко-национального видения истории, где они представляются сербскими мучениками, и становятся подвижниками обреченного югославского проекта. Именно в этом заключается идеологический анахронизм свидетельств В. Чубриловича, который только нарастал после его смерти и распада Югославии. Возможно, это стало одной из причин долгого пути «Воспоминаний» к читателю.

Текст мемуаров открывается предисловием, составленным полуконспективно, очевидно, незаконченным. В нем автор, тем не менее, сформулировал некоторые принципы, которых намеревался придерживаться: «связать общее с особенным, объективное с субъективным»; «...спокойное, трезвое, критическое рассмотрение того, что сам видел, запомнил и пережил»¹⁵. В соответствии с привычной источниковедческой квалификацией Чубрилович указывал на обычную субъективность мемуарных текстов, но при этом предостерегал от излишней недоверчивости к ним, поскольку они несут в себе уникальные, личностные свидетель-

12 Чубрилович справедливо подчеркивает, что война началась бы и без покушения.

13 Там же. С. 227.

14 Там же. С. 230.

15 Там же. С. 37.

ства о прошлом. Причисляя себя к людям, которых более интересует то, что происходит сегодня, и то, что будет завтра, нежели то, что было вчера, историк относил это свойство, как и интерес к общему в ущерб частностям, к трудностям в его работе над мемуарами, и рядом подчеркивал другую черту своего характера: судить о людях по их поведению так же, если не более, чем по тому, что они говорят. «По большей части по тому, что они делают и что намереваются делать»¹⁶. И тут же автор уверял читателя, что не относит себя к «хорошему знатоку людей», в которых так часто ошибался, отметив эту свою особенность еще будучи учителем в школе. К положительным же свойствам собственной личности он отнес «природный оптимизм», способность «ясно видеть то, что перед тобой и за тобой», чему «... нельзя выучиться, но это несешь в себе»¹⁷.

Основной текст мемуаров начинается с повествования о роде Чубриловичей, сербских торговцев (в прошлом — крестьян) из боснийской Градишки¹⁸, многие из которых были участниками национально-освободительного движения в кризисных 1875–1878 гг., а после австрийской оккупации, возвратившись к мирной жизни, хранили и передавали потомкам память о той героической эпохе. Отец умер через год после рождения последнего ребенка (Васы) и заботу о его семье из семи детей взяли на себя родственники.

Раннее детство будущего историка совпало с усилением борьбы за церковно-школьную автономию на манер той, что существовала у сербов в Воеводине в XVIII в. Согласно названию одной из подглавок, детство мемуариста прошло «в тени сопротивления»¹⁹, в центре которого находилось теперь учреждение школы, управляемой комитетом церковно-школьной общины. И он в первую голову следил за обрядовой стороной ее жизни.

Этно-конфессиональная сегрегация проявилась уже в том, что «... в своем детстве я не знал ни одного ребенка-мусульманина или католика — ни как друга, ни как хорошего знакомого. Я жил и вращался в чисто сербской среде. Основная школа была сербской, потому и воспитан я был в строго сербском духе»²⁰. Впрочем, мусульмане и католики составляли в городе явное меньшинство. Отец историка, сербский нацио-

16 Там же. С. 39.

17 Там же. С. 40.

18 Имя Чубрила, как уточняет автор мемуаров, скорее всего, влашского происхождения, а славянизация его предков состоялась при их вселении в Боснию и при переходе от полукочевого образа жизни к оседлости.

19 Там же. С. 65.

20 Там же. С. 64.

налист, не был чужд новациям и слыл сторонником прогресса. Вопреки негативному отношению к австрийской оккупации, его дом был обставлен в европейском вкусе (а не в старо-боснийской традиции, еще устойчивой), хотя на стенах красовались репродукции картин и гравюр из сербской истории, отпечатанные в Нови Саде. И когда Васа отправлялся на каникулы в деревню, его называли «швабом» за европейский головной убор, в то время как там носили фески и шубары. Учащаяся молодежь в Градишке одевалась преимущественно по-новому.

И в противоположность сказанному: как свидетельство взаимопроникновения культур, восточная традиция в быту (а также демонстративное исполнение мусульманских песен в кафанах) сохранялась долго среди сербов Боснии в знак сопротивления оккупации, и сам Васа, в ряду других детей, иногда облачался в традиционный костюм. А в тех же кафанах особенно часто осуждали европейские новации в женских нарядах²¹. Что же касается мусульман, то они, по сравнению с сербами, были гораздо более консервативны в восприятии нового. Нюансы бытового обихода представляют отдельный интерес в «детской» части мемуаров Чубриловича, особенно когда он сравнивает свои впечатления от города и традиционного села, куда всегда отправлялся на лето.

После смерти матери осенью 1907 г. и с окончанием основной школы весной следующего года родственники приняли решение направить Васу для продолжения обучения в гимназию г. Тузла. Там учителем в школе работал его самый старший брат Велько, а другой брат, старший его на три года, уже обучался в той же гимназии. Годы учения в Тузле, которым отведена отдельная глава мемуаров, Чубрилович считал во многом сформировавшими его личность, поскольку именно там произошла встреча с учащимися иных конфессий, а обучение и чтение были проникнуты «выраженным гуманистически-этическим настроем»²². «Понемногу я начал привыкать ходить в школу и приятельствовать с товарищами, которые не были сербами, но другой веры, народности, а также культуры и воспитания. Кажется мне, насколько я помню, легче так происходило с местными — боснийцами, тяжелее — с сыновьями приехавших высоких чиновников, адвокатов или врачей и аптекарей. Они долго держались в стороне, были хорошим учениками, сидели на первых партах, но неохотно сближались с нами»²³.

21 Там же. С. 66–67.

22 Там же. С. 117.

23 Там же. С. 118.

Сквозь призму долгих лет Чубрилович с благодарностью вспоминает и гимназическую зубрежку, привившую навык к систематическому, упорному труду, и даже затрецины наставников. Среди них он выделяет тогдашнего директора и профессора немецкого языка словенца Новака. «Особое внимание он уделял стипендиатам и ученикам бедных родителей. Их он чаще других спрашивал, хвалил или ругал, если требовалось. Иногда мог и побить. Только все знали что старый Новак делает это из любви и заботы, и никто за то не обижался»²⁴.

Аннексия Боснии и Герцеговины (БиГ), объявленная Веной в 1908 г., стала поворотным пунктом для сербского национального движения, и моментом политической инициации для малолетнего Васы. Как считает уже престарелый мемуарист, после признания церковно-школьной автономии в 1906 г. еще какое-то время здесь доминировали старые авторитеты, отстаивавшие требование о широкой автономии в составе Османской империи, но их позиции слабели под влиянием модернизации, ставшей следствием колониального управления эпохи оккупации, и сопутствовавших ей социальных трансформаций. Лидерство переходило в руки новой интеллигенции. «Большинство, что касается сербов, было ориентировано югославянски, многие обучались в Праге под влиянием... Томаша Масарика»²⁵. В одну из ночей после объявления аннексии гимназист первого класса Васа вместе со своим братом Бранко предприняли, в тайне от взрослых, дерзкую и столь же мальчишескую акцию — они срывали австрийские флаги и плакаты, провозглашавшие суверенитет императора над БиГ. Часть из них хранилась в доме Велько вплоть до Первой мировой²⁶.

После 1908 г. сербские учащиеся из Боснии все чаще отправлялись в Сербию, не только для продолжения учебы. Некоторые из них участвовали в движении четников, развернувшемся с 1903 г. в Старой Сербии и Македонии, а аннексия БиГ стала сигналом к образованию сербской «Народной обороны», которая начала действовать и в Тузле с ее окрестностями²⁷, о чем хорошо знали, и в чем иногда участвовали

24 Там же. С. 119. Чубрилович возвращается к этим воспоминаниям, когда рассказывает о начале своего собственного учительства (с. 351). Возможно, признательность к взыскательным наставникам является следствием раннего сиротства и поисков авторитетной фигуры-заместителя отца.

25 Там же. С. 126–127.

26 Там же. С. 125.

27 В другом месте Чубрилович называет рубежом, когда югославянская молодежная активность в Вене, Праге, Граце и Будапеште, а также менее значимых образовательных центрах Империи стала смещаться от культуры к политике,

местные гимназисты. Они продолжали собираться вокруг сербских культурных институций вроде читален, столовых, сокольских и хоровых обществ, не зная толком, что делается в аналогичных учреждениях иных конфессий²⁸. И, тем не менее, каким-то образом такая замкнутость в сознании и практике молодых активистов стала преодолеваться. «Много раз я сам себя спрашивал, как и когда и при каких условиях я оставил узко-сербское национальное и культурное [направление] мысли и принял югославянское»²⁹. Отвечая на этот вопрос, Чубрилович видел объяснение в гуманистическом этосе гимназического воспитания и возможности подружиться во время учебы с представителями иных народов и конфессий, сравнив их обычаи с собственными. Прежде всего речь идет о хорватах-католиках и мусульманах.

Межобщинная конкуренция проявлялась в «языковых» соревнованиях гимназистов. Попытки сконструировать боснийский язык, предпринятые Б. Каллаем после 1878 г., к началу нового века уже провалились³⁰, и на уроках чистописания гимназисты могли сами начертать название предмета на прописях: сербский, хорватский, сербско-хорватский или хорватско-сербский язык. Борьба шла за неопределившихся мусульман, которых склоняли на свою сторону (православные и католики) маленькими услугами: давали займы или списать домашнее задание. «Хотя я был еще ребенком 12–13 лет, — уверяет Чубрилович в мемуарах, — мне не понравился такой способ привлечения своих школьных товарищей к своей нации»³¹.

Гимназисты учились по загребским учебникам, «иногда невразумительным» для носителей штокавско-иекавского наречия, но вопреки этим недоразумениям, как замечает мемуарист, учащиеся убеждали, и они сами уверились в единстве сербскохорватского языка. В то время как несколькими страницами выше он упоминал о неоднозначности в определении его именованья и заметных различиях в политико-культурной

1910 г. или около этой даты — тогда было объявлено о созыве провинциального представительства — Боснийского сабора. Там же. С. 133.

28 Там же. С. 129. Несколько позже Чубрилович упоминает о новых увлечениях учащейся молодежи: об участии в антиалкогольном движении и занятиях по «системе Миллера»: «Ученики ходили без шапки, с утра занимались шведской гимнастикой и обливались холодной водой». Там же. С. 150. Такая закалка, как был убежден мемуарист, сильно помогла ему выжить в австрийских тюрьмах.

29 Там же. С. 131

30 Там же. С. 140.

31 Там же. С. 132.

ориентации своих учителей³². Языковое единство поддерживалось фольклорной литературной ориентацией: «В школе мы читали народные песни, не только сербские, но и хорватские и мусульманские. Качич-Миошич был обязательной литературой. Дубровницкие поэты трактовались как обще югославянские. Так был прочитан «Осман» Гундулича. Меньше изучались сербские писатели, больше хорватские. Но главным поэтом считался Прерадович. Стихи Мажуранича «Смерть Измаила-аги Ченгича» мы учили наизусть. Как и «Горный венец» Негоша. Вук [Караджич] трактовался как великий сербско-хорватский реформатор языка»³³.

С 1909 г. брат Велько стал работать учителем в сербской школе села Прибой в 25 км от Тузлы, где возглавил ячейку «Народной обороны» и стал последователем Петара Кочича в борьбе за земельные права крестьянства, когда после принятия закона о выкупе кметских обязательств в 1911 г. они столкнулись со спекуляциями и махинациями. Во время каникул, которые в предвоенные годы Васа проводил в Прибое и других селах у своих многочисленных родственников, его ранняя политическая социализация прогрессировала.

Глава о Балканских войнах начинается с рассказа о визите в Тузлу Велько, который благодаря контактам в «Народной обороне» сообщил своим младшим братьям о планируемых действиях за месяц до их начала, когда об этом не знал даже министр иностранных дел Австро-Венгрии, как замечает с гордостью мемуарист³⁴. И хотя Велько считал Васу еще слишком маленьким для участия в его конспиративной работе, однажды, в феврале 1913 г. он использовал его в качестве курьера, чтобы доставить в Сербию сведения о расположении австрийских войск в Тузле.

Чубрилович особо подчеркивает уникальность той среды, в которой ему посчастливилось обучаться: «Это было поистине удивительное ученическое общество в Тузле перед Первой мировой войной. По моему мнению, по даровитым индивидуальностям, по революционной силе и сознательности всех учащихся, это было наиболее боевитый и сознательный ученический коллектив не только в Тузле и Боснии, но и на всем славянском Юге»³⁵. Его Чубриловичу пришлось покинуть после по-

32 Страницей ниже он резко различает позиции учителей-сербов и хорватов, среди которых в свою очередь выделялись клерикалы, последователи А. Старчевича и «югославянски ориентированные». Там же. С. 141.

33 Там же. С. 140.

34 Там же. С. 153.

35 Там же. С. 161.

лускомканной протестной акции во время празднования Дня св. Саввы в январе 1914 г.

Проявленная нелояльность не помешала ему продолжить обучение в феврале в Сараевской гимназии и влиться в новую среду учащейся молодежи. Протекцию Васе составила его самая старшая сестра Стака, работавшая врачом в государственной больнице Сараева вместе со своим мужем доктором Йовом Боконьичем. У них он и поселился.

Помимо гимназии, в Сараеве имелись также реальное училище, торговая академия, мужская и женская учительские школы. Васа стал членом правления Содружества сараевских учащихся и был настроен радикально. Когда в апреле 1914 г. к ним с визитом прибыл студент медицины Боголюб Константинович с поручением передать о решении Содружества югославских студентов в Вене прекратить на время антиавстрийские акции, Васа был в ряду тех, кто ему возражал. Национально-революционное молодежное движение, в котором он участвовал, признает мемуарист, «... не было движением с утвержденной программой и какой-то четкой организацией. И его идеи, особенно общественно-политические, были смутными, неопределенными и противоречивыми»³⁶. Но многие знакомые из этой среды после 1918 г. оказались в рядах коммунистов.

Одна из самых объемных глав в «Воспоминаниях» Чубриловича посвящена сараевскому покушению³⁷, а некоторые из приведенных в ней свидетельств можно считать уникальными. В начале главы автор размышляет об источниках самой идеи покушения. Среди вдохновляющих примеров он называет русских народников, о которых сербская молодежь узнавала из книг П.А. Кропоткина и С.М. Степняка-Кравчинского. В южнославянских владениях Австро-Венгрии в начале XX века уже осуществлялись покушения на жизнь генералов и имперских чиновников. Но кроме этого Чубрилович упоминает и об эпической парадигме: «У нас сербов традиция личной инициативы в противостоянии носителю чуждой власти основывается на мифе о Милоше Обиличе. <...> Косово стало символом борьбы против иноземного завоевания. Милош Обилич представляет героическую сторону той борьбы. Влияя веками на многие поколения, это повлияло и на нас в 1914 г.»³⁸.

Гимназистом Чубрилович жадно читал и слушал сообщения о совершенных покушениях, обсуждал их с друзьями, а после переезда в Сараево уже примеривал на себя роль участника заговора. Тогда много го-

36 Там же. С. 175.

37 Там же. С. 180–230.

38 Там же. С. 182.

ворили о генерале О. Потioreке, наместнике БиГ, как о наиболее важной фигуре возмездия. Однако когда в начале весны стало известно о намеченном на лето приезде в Боснию Франца Фердинанда, внимание переключилось на него. Его считали «... человеком консервативным, связанным с реакционными кругами католической церкви, армии, аристократии и бюрократии Монархии. <...> Как и всегда, мы обобщали, не могли и не хотели задаваться вопросом, насколько он действительно был ответствен за политику Габсбургской монархии по отношению к нам»³⁹.

Где-то в середине апреля на прогулке с другим молодежным активистом, студентом учительской школы Лазарем Джукичем, Чубрилович высказал свое мнение о визите Франца Фердинанда: «Его надо встретить»⁴⁰. Джукич не возражал, поскольку понял намек, сказав, что и другие люди о том подумывают. Он свел Чубриловича с учителем Данило Иличем, чье мировоззрение, по оценке мемуариста, формировалось под влиянием русских авторов и представляло собой смесь социализма с национализмом. Илич уже был связан с ядром заговорщиков, в которую входили Гаврило Принцип, Трифко Грабеж (знакомые Чубриловича по Тузлинской гимназии) и печатник Неделько Чабринович. Все они в то время учились или работали в Белграде. Со слов Чубриловича, Принцип попросил Илича подобрать еще несколько человек в Сараеве. А Чубрилович, по просьбе Илича, переданной через Джукича, вовлек в заговор своего знакомого, студента учительской школы Цветко Поповича, который ранее уже задерживался полицией за политические акции. В конце апреля Чубрилович познакомился с Иличем и стал с ним встречаться без посредника. Из конспиративных соображений они не обсуждали имена заговорщиков, но Чубрилович знал, что, помимо него и Поповича, в покушении будут участвовать еще четверо.

Тем временем сараевские приятели осматривали улицы города, выбирая приемлемые позиции. Однажды, сидя в кафане они заметили Принципа играющего недалеко в бильярд. По утверждению Чубриловича, Попович, увидев его изрек: «Если Гавро замешан в подготовку покушения, не нужно нам остальным выходить на улицу. Он сделает все сам»⁴¹.

Впрочем, конспирация заговорщиков была из рук вон слабой. Васа и Цветко известили, по крайней мере, четырех своих приятелей по молодежному движению о своих намерениях (их имена названы в тексте), тогда как Илич, будучи, по-видимому, и сам неопытен в таких делах,

39 Там же. С. 181.

40 Там же. С. 183.

41 Там же. С. 185.

не предупредил их о том, что следует держать язык за зубами. У самого Васы были сомнения относительно участия в покушении, и как он выяснил позже, такие же одолевали других участников группы. Когда он получил оружие из рук Илича, он сразу знал, что оно поступило из Сербии, но не спрашивал, кто его передал, считая, что после Балканских войн им наводнена вся прифронтовая территория. Кто и где должен стоять ожидавая кортежа престолонаследника, определилось за несколько дней до визита, но Васа не знал всех предусмотренных позиций. Решение Франца Фердинанда посетить Сараево как раз на Видов день, в годовщину Косовской битвы 1389 г., вызвало возмущение в сербских кругах. То ли в шутку, то ли всерьез в доверительном общении поговаривали о том, как бы ему не разделить судьбу султана Мурата, убитого тогда.

Чубрилович свидетельствует о слабости полицейских мер во время визита престолонаследника в Сараево и связывает это с недооценкой угрозы, бюрократическим пренебрежением к молодежному антигабсбургскому движению, а также с системными недостатками в работе местной полиции, которая и ранее проявляла неэффективность в пресечении протестных акций. Таким образом слабости конспираторов и полиции уравновешивали друг друга. Мемуарист приводит один анекдотический пример ее просчетов. В доме, в котором в то время квартировался Васа, жил один из руководителей политической полиции, доктор Глик. Вечером перед покушением, когда гимназист возвращался с последней встречи с Иличем и Поповичем, где была указана его позиция, полученно оружие и яд, обернутый в папиросную бумагу⁴², они раскланялись в дверях как добрые знакомые с ничего не подозревавшим Гликом. И он же выдал Чубриловичу пропуск для выезда из Сараева, когда тот спустя три дня после покушения отправился на каникулы к своей сестре Лепе в Славонску Дубицу. Впрочем, каникулы длились не долго. Сразу вечером в день приезда Васа был задержан и доставлен обратно в Сараево.

Другая анекдотическая ситуация произошла уже на позиции, когда, стоя под липой на набережной р. Миляцки и ожидая проезда кортежа с престолонаследником и его супругой, Чубрилович встретил знакомого из учительской школы. Между ними состоялся шуточный разговор, начатый приятелем: «Осторожно, здесь бомба», — и показал на место, где должен был стоять Васа. Тот поддержал беседу: «Да, жду, ког-

42 Ядом необходимо было воспользоваться, чтобы избежать ареста, но он оказался недейственным, как считал Чубрилович, потому что он выветрился, будучи завернут в ненадежную обертку. Заговорщики не обсуждали, как они избавятся от оружия после покушения и где будут скрываться.

да взорвется». «Надо подготовиться», — отозвался приятель⁴³. Когда же в 10–15 м от этого места грянул взрыв от гранаты, брошенной другим заговорщиком (Неделько Чабриновичем, стоявшим на противоположной стороне, ближе к реке, и оказавшимся рядом с кортежем), Чубрилович успел отскочить и броситься на землю, а его растерявшийся приятель был ранен в ногу.

Хотя некоторые детали происходившего после ареста выветрились из памяти (мемуарист, например, не помнит, о чем его спрашивали и что он отвечал во время первого ночного допроса в полиции Сараева), другие подробности сохранились: в частности, о пребывании до суда в гарнизонной тюрьме, и их можно считать уникальными. Например, это рассказ Чубриловича о новообретенном опыте межкамерной коммуникации путем записей, нацарапанных на котелках, в которых им подавали еду, и путем перестукивания. С помощью этой тюремной «азбуки», как свидетельствует Чубрилович, Г. Принцип, чтобы приободрить своих товарищей, выстукивал строки из «Горного венца» Негоша. От скуки арестанты забавлялись и жестокими шутками над сокамерниками (тем же Принципом). При этом они были неплохо осведомлены и о том, что происходило за тюремными стенами, на фронтах мировой войны. В целом же обращение с арестованными было весьма корректным, на что неоднократно указывает мемуарист, признавая правовой характер режима в Габсбургской монархии. Поэтому его сравнение с открыто террористическим режимом нацистской оккупации, с которым мемуарист тоже имел несчастье познакомиться, совершенно неуместно.

Только в гарнизонной тюрьме Васа узнал, что в заговор был вовлечен его брат Велько, участвовавший в переправке оружия. Тот в свою очередь не знал о вовлеченности младшего брата, как объясняет мемуарист, поскольку Принцип и Грабеж, с которыми тот встречался, тоже не знали точного состава участников покушения. Чтобы увериться в неосведомленности братьев, судебный следователь Л. Пфедер организовал маленький спектакль в виде их «случайного» свидания.

Представляют интерес и некоторые детали происходившего в зале суда, в который была превращена переоборудованная армейская казарма, в середине октября 1914 г. По взаимному соглашению, заключенному накануне слушаний, когда арестованные встретились для предъявления им официального обвинения, «... непосредственные участники [покушения] решили ничего не отрицать, признать сделанное, не просить снисхождения, но рассказать о причинах, побудивших предпринять

43 Там же. С. 191.

покушение. Также намеревались заявить, что не хотели убивать супругу престолонаследника Фердинанда»⁴⁴. По свидетельству Чубриловича, судебные чиновники вели себя на процессе бюрократически отстраненно, придерживаясь строго формальных позиций, что мемуарист связывал с угасающей верой в служение Монархии. Что же касается «масонской легенды», пущенной в оборот на процессе⁴⁵, и других скандальных нападок на обвиняемых, то к ним были причастны лишь некоторые клерикально настроенные адвокаты-хорваты, назначенные судом. Напротив, «молодые участники процесса, на мой теперешний взгляд, были несколько излишне агрессивны. Среди них и я. Некоторые мои заявления были чрезмерно демонстративны. <...> Я получил наказание на три года больше, 16 вместо 13 лет заключения, из-за дерзкого поведения на слушании»⁴⁶.

Хотя Чубрилович несколько раз оговаривался, что будучи историком хорошо понимает, насколько затруднительно участнику событий выступать в качестве их аналитика⁴⁷, последняя часть главы с подзаголовком «Война случилась бы и без покушения»⁴⁸ посвящена именно такому анализу. На протяжении многих лет мемуарист собирал все возможные свидетельства, знакомился с документами и публикациями по теме⁴⁹, но никогда ничего не писал о сараевском покушении. Теперь же это оправдано тем, что «Воспоминанию» увидят свет только после его смерти. Значительная часть рассуждений здесь посвящена опровержению версии о причастности сербского правительства во главе с Николой Пашичем к событиям покушения. Чубрилович напоминает о конфликте между правительством и верхушкой офицеров из объединения «Черная рука» (их участие он с осторожностью допускает), разгоревшемся с новой силой после Балканских войн, а также о стремлении Пашича направить деятельность «Народной обороны» на рубеже 1913–1914 гг. в мирное русло, во избежание провокаций. С осуждением Чубрилович отзывается о брошюре историка (его профессора в Белградском университете) Станое Станоевича «Кровь славянства» (1923). Выступив на стороне Любомира Йовановича в его борьбе за лидерство в радикальной партии, он опорочил

44 Там же. С. 206.

45 Чубрилович упоминает, что об этом уже писали ранее Иво Кравчевич и Цветко Попович. Там же. С. 210.

46 Там же. С. 216.

47 Там же. С. 212, 217.

48 Там же. С. 217–230.

49 Чубрилович упоминает, по крайней мере, одного автора — Владимира Дидиера (Dediđer 1966). Там же. С. 227. Однако он избегает какой-либо историографической полемики.

чил Пашича, якобы причастного к покушению. Тем самым он оказал непомерную услугу антисербской и, в частности, нацистской пропаганде⁵⁰.

Следующие главы «Воспоминаний» посвящены тюремным впечатлениям Чубриловича, который провел в заключении все годы Первой мировой войны. Сначала, в декабре 1914 г. он был помещен в «современную тюрьму» Зеницы⁵¹, но затем вместе с несколькими другими фигурантами по делу о сараевском покушении отправлен в военную тюрьму Мелерсдорфа под Баденом, откуда вновь возвращен в Зеницу осенью 1917 г. Особенно тяжелой стала зима 1915–1916 гг., когда стали резко сокращаться нормы питания заключенных, что привело к смерти многих из них. Описания тюремного быта и выработанных стратегий выживания в жестких условиях следует, пожалуй, также отнести к уникальным свидетельствам мемуариста.

После вклейки с фотографиями, некоторые из которых публикуются впервые в данном издании, следуют оставшиеся главы мемуаров, относящиеся к межвоенному периоду. Представляют интерес страницы «Воспоминаний», повествующие о студенческих годах (1919–1922) в послевоенном Белграде, наполненных не только учебой⁵², но и участием в студенческих беспорядках, а также ознаменовавшихся началом работы в качестве политического активиста. Свой выбор Чубрилович сделал в 1921 г. в пользу Земледельческой партии, отстаивавшей интересы крестьянства. Партийная работа была продолжена и после переезда в Сараево, где до 1926 г. Чубрилович работал учителем истории в гимназии, в которой раньше учился.

Мемуарист дает довольно точный диагноз национально-политическому кризису, усиливавшемуся на протяжении 1920-х годов и проявившемуся с особой отчетливостью в БиГ. Нарастающая этно-конфессиональная и региональная разобщенность в партийно-политическом строительстве ослабляла легитимность централизма, закрепленного в Видовданской конституции. В частности же, эта тенденция воспрепятствовала проекту создания общегославской крестьянской партии, поскольку социальная программа в процессе межпартийной конкуренции замешалась националистической пропагандой. Чубрилович связывал этот провал с противоречием между стремлением довоенных элит сохранить

50 Там же. С. 222. Чубрилович еще раз возвращается к этому сюжету в одной из последних написанных глав. Там же. С. 482.

51 Там же. С. 233.

52 Чубрилович дает портреты своих профессоров, среди которых выделяет Йована Цвийича, ректора Белградского университета во время его учебы.

старый порядок и переменами, которые принесла с собой Первая мировая война и послевоенная революционная волна в Европе.

Продолжение этих размышлений — две главы, разделяющие «сараевский» и «белградский» периоды в профессиональной карьере Чубриловича⁵³. Они представляют двоякую ценность. С одной стороны — рисуют эволюцию партийно-политическую эволюцию межвоенного режима с точки зрения вовлеченного наблюдателя и профессионального историка⁵⁴. С другой стороны — содержат значительный компонент критического осмысления его собственных идейных иллюзий и опыта участия в Земледельческой партии. Чубрилович разделял, как он признается, ложную убежденность значительной части сербских интеллектуалов в том, что модель парламентской демократии, утвердившаяся в Сербии после переворота 1903 г., в соединении с демократическими силами на территориях, ранее входивших в состав Австро-Венгрии, является достаточным фундаментом для стабильного развития многонационального государства, имеющего противоядие против авторитарных устремлений монарха. Недооцененным оказался той же группой интеллектуалов, воспитанных на освободительных идеях XIX века, к которой Чубрилович причислял и себя, опасный потенциал националистической мобилизации в обществах, охваченных вихрем кризисных перемен, что принес с собой XX век (Первая мировая война, Российская революция, капиталистический рынок и т.д.).

Разочаровывающими оказались и результаты его практической деятельности как одного из функционеров Земледельческой партии. Надежды на создание общегосударственной аграристской партии в многонациональном Королевстве сербов, хорватов и словенцев потерпели крах в силу переоценки силы социальной солидарности в среде патриархальной и малообразованной крестьянской массы. Представители разных народов и областей гораздо охотнее проявляли солидарность на этнических, конфессиональных или регионалистских основаниях. При этом

53 «Снова в Белграде» и «Диктатура шестого января». Там же. С. 380–408.

54 Политический анализ дополняется порой весьма проницательным социально-психологическим диагнозом. Так, Чубрилович констатирует противоречие между политическими амбициями Сербии стать интегративным ядром многонационального государства и совершенно недостаточным для этого экономическим потенциалом. Там же. С. 394. В другом месте историк указывает на преувеличенное ощущение национального достоинства в сербской патриархальной среде (вообще характерное для таких типов «национального характера»), усиленное эпохой войн 1912–1918 гг., чем злоупотребляли разные политические деятели в процессе выборов. Там же. С. 389.

сторонники югославянской общности, среди которых — представители революционно настроенной молодежи довоенного периода из поколения Чубриловича, не выработали внятной программы урегулирования межобщинных конфликтов⁵⁵, уповая на их преодоление в парламентской дискуссии на основе Видовданской конституции. Дробление политико-идеологического поля проявилось и в самой Земледельческой партии, где выделились левое, правое крыло и центр. Историк рисует интересные портреты своих партийных вождей-соратников с учетом этих различий.

Глава, посвященная работе в качестве преподавателя Белградского университета в 1930-е годы, хотя и не имеет подзаголовков, отчетливо делится на две смысловые части. В первой из них даны зарисовки «университетского быта» того времени, который мало изменился со времени учебы Чубриловича в начале 1920-х. Это была, по большей части, весьма консервативная среда, разделенная на кланы: «На Философском факультете самыми известными были группы братьев Поповичей и Александра Белича и Станое Станоевича»⁵⁶. Во второй части историк пытается осмыслить свой путь в науке и довольно откровенно высказывается об особенностях своей интеллектуальной биографии.

После критики «иречековской школы», которую прошло старшее поколение историков Белградского университета, его учителей⁵⁷, Чубрилович подробно рассуждает о фигурах интеллектуалов, на которые он сам ориентировался — это Вук Стефанович Караджич, Светозар Маркович и Йован Цвийич. Затем историк признается в недостаточной приверженности марксизму. Метод К. Маркса, разработанный для критики капиталистического развития в передовых странах Европы, по его мнению, менее применим к феодальным и патриархальным обществам Балканского полуострова, где в большей степени проявлялась связь человека с природно-географической средой. Поэтому здесь и в большей

55 Говоря об интегральном югославизме в духе Светозара Прибичевича, надеявшегося преодолеть различия в результате культурной работы современного государства, Чубрилович определяет ошибочность этих надежд так: «Югославянство было для них не синтезом хорошо связанных этнических и культурных исторических ценностей отдельных югославских народов, но отрицанием этих ценностей». Там же. С. 384.

56 Там же. С. 416.

57 Чубрилович вовсе не отрицал значимости привитого в позитивизме «критического метода» в работе с историческими источниками, но предлагал дополнить его комплексным использованием всех свидетельств материальной и духовной культуры при помощи методов социологии, антропогеографии, экономической науки и т.д. Там же. С. 413, 425. Такие попытки он ставил себе в заслугу.

степени полезны Цвийич, а также его учитель Фридрих Ратцель⁵⁸. Намечившийся экологический кризис, как подчеркивает Чубрилович, доказывает неразрывную связь человека и природы, несмотря или даже вопреки его уровню цивилизованности. При всем созвучии таких размышлений актуальным тенденциям в исторической науке и общественной мысли времени написания мемуаров, интеллектуальные ориентиры Чубриловича оставались достаточно консервативными.

Существенный интерес представляют главы «Воспоминаний», посвященные «Сербскому культурному клубу» и его председателю Слободану Йовановичу. По его-то предложению, вопреки подчеркнутому мемуаристом расхождению во взглядах, Чубрилович занял пост секретаря организации, созданной в условиях нарастания внутри- и внешнеполитического кризиса как ассоциация интеллектуалов и крупных предпринимателей осенью 1937 г. — «некое подобие интеллектуального оппозиционного центра»⁵⁹. Между тем, оказавшись в среде столичной бизнес-элиты, мемуарист пришел уже тогда, если верить ему, к малоутешительным выводам: «Это были люди малых знаний, еще меньших способностей, часто неумело скрывающие свои узкие стремления и интересы в рамках общих дискуссий»⁶⁰. В свою очередь собравшиеся в Клубе интеллектуалы придерживались, по большей части, националистических позиций, в то время как его секретарь и солидарное с ним меньшинство, опять же если верить мемуаристу, выступали в роли противовеса, отставившая необходимость учета интересов разных народов, помимо сербского. Любопытным свидетельством является приведенная Чубриловичем версия об обстоятельствах сближения Йовановича с главой генштаба Душаном Симовичем⁶¹.

С осени 1939 г., когда деятельность Клуба стала склоняться вправо, Чубрилович покинул пост его секретаря. Но, возможно, именно в этой части мемуаров взгляды историка тогда (во второй половине 1930-х годов) подверглись максимальной идеологической коррекции, а его контакты с националистами, предпринимательской верхушкой и генералитетом — преуменьшению. Во всяком случае, мемуарист признался

58 «Действительно, думаю, что помимо Дарвина и Маркса, Ратцель более других привнес в изучение развития человека и его общества как части всего живого на нашей планете». Там же. С. 430.

59 Там же. С. 467.

60 Там же. С. 465.

61 Там же. С. 454–455.

в затруднениях, когда пытался дать однозначную оценку деятельности Клуба и своему участию в нем.

Косвенным подтверждением испытанных мемуаристом неудобств в объяснении своей тогдашней позиции служат и сбивчивые самооправдания по поводу участия в работе Института обороны страны в 1935–1941 гг. и написанного для него меморандума с предложением о выселении албанцев из Косова, Метохии и Македонии (1937), чем уже в 1970-х годах воспользовалась антисербская пропаганда Тираны⁶².

Полемическая природа мемуарного текста, вероятно, оказалось ущербной для каких-то эпизодов из жизни историка, на что обратил внимание В. Крстич. Однако она же обеспечила интерес мемуариста к иным аспектам, слабо отраженным в историографии. Например, с чем согласился и Крстич, до сих пор не написана история молодежного движения в БиГ и других югославянских землях накануне Первой мировой войны⁶³. Чубрилович привел уникальные свидетельства о жизни, характере обучения, социальной коммуникации, круге чтения, интересах и увлечениях гимназистов и других учащихся в Тузле и Сараеве; о слабости конспирации и подготовки покушения на Франца Фердинанда (как и о слабости полиции в обеспечении безопасности престолонаследника); об условиях пребывания в заключении в период Первой мировой войны; об университетском быте и взаимоотношениях между белградскими профессорами в 1920–30-х годах; а также о некоторых аспектах партийной жизни и деятельности «Сербского культурного клуба» — амбициозного объединения интеллектуалов и предпринимателей, в котором Чубрилович принимал участие в качестве секретаря.

Помимо этого, его «Воспоминания» представляют несомненный интерес и как эго-документ — история историка, написанная им самим.

Литература

1. Крстич 2022 — *Крстич В. Ђ. Уводник // Чубриловић В. Сећања*. Београд: Вукотић медиа д.о.о., 2022. С. 5–36.
2. Никифоров (ред.) 2011 — *Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Ответственный редактор К. В. Никифоров*. М.: Индрик, 888 с. (In Rus.)
3. Dedijer 1966 — *Dedijer V. The Road to Sarajevo*. New York: Simon and Schuster, 1966. 550 p.

62 Там же. С. 487–488.

63 Крстич 2022: 16.

References

1. Dedijer, V., 1966. *The Road to Sarajevo*. New York: Simon and Schuster, 550 p.
2. Krestić, V.Đ., 2022. Uvodnik [Introduction]. In: Čubrilović V. *Sećanja* [Memories]. . Beograd: Vukotić media d.o.o., pp. 5–36. (in Serb.)
3. Nikiforov, K.V., ed., 2011. *Jugoslavija v 20 veke: Oчерki političeskoj istorii* [Yugoslavia in the twentieth century: Essays on political history]. Moscow: Indrik, 2011. 888 p. (In Rus.)

Michael V. Belov

D.Sc. (History), the Head of the Chair of Modern and Contemporary History at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Russian Federation.
belov_mihail@mail.ru

“Memoirs” of Vasa Čubrilović as a historical source

The memoirs of the famous Yugoslav historian Vasa Čubrilović (1897–1990), published in 2022, contain unique information about Serbian radical activists from the “generation of 1914”; about some circum-stances of the attempted assassination of the Austro-Hungarian heir to the throne, Franz Ferdinand; about the conditions of imprisonment during the First World War; about university life and relationships among Belgrade professors in the 1920s and 30s; as well as about some features of the party system of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Yugoslavia) and the activities of the “Serbian Cultural Club” (1937–1941). In addition, Čubrilović’s “Memoirs” are of undoubted interest as an ego-document – the history of a historian, written by himself.

Keywords: ego-documents, memoirs of historians, assassination of Franz Ferdinand, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, University of Belgrade

Людмила Васильевна Кузьмичева

Кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.

119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
kuzmicheva3@yandex.ru

Содружество энтузиастов. Историки Латинка Перович и Андрей Шемякин

Сербская исследовательница Латинка Перович (1933–2022) и российский историк Андрей Леонидович Шемякин (1960–2018) занимались исследованием сербско-русских связей и отношений, прежде всего в области идеологии. Известный исследователь истории и функционирования Радикальной партии Сербии А.Л. Шемякин во многом разделял позицию Л. Перович о российских истоках сербского радикализма. Сотрудничество историков сложилось в начале 90-х годов XX в. и продолжалось до смерти А.Л. Шемякина в 2018 г. Особенно плодотворно работали историки в издании источников по истории Сербии и сербско-русских связей. Ученых связывала большая личная дружба, они активно помогали друг другу в научной работе, делились своими планами научного поиска. Ярким примером их совместной работы стала публикация документального наследия Николы Пашича.

Ключевые слова: сербо-русские научные связи, Перович Л., Шемякин А.Л., Радикальная партия Сербии, Н. Пашич, расправа с сербскими либералами 1972 г.

Толковые словари дают разную трактовку термина энтузиаст, но сходятся в том, что это человек, горячо преданный делу, отдающий ему все силы, и при этом добавляют, что энтузиастом можно назвать человека только в тех случаях, когда основная мотивация цели человека – внутренняя, не ориентированная на получение прямой выгоды. Мне представляется, что именно так можно охарактеризовать преданность своему делу замечательных историков-энтузиастов – сербской исследовательницы Латинки Перович (1933–2022) и российского ученого Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). Они активно сотрудничали на про-

тяжении более четверти века, с момента ученичества молодого историка А.Л. Шемякина и до его равноценного партнерства с авторитетной исследовательницей Л. Перович.

Если А.Л. Шемякин хорошо известен в отечественной славистике, ему посвящены несколько сборников трудов¹, то вклад в историческую науку Латинки Перович еще нуждается в серьезной историографической оценке в нашей стране. Имя доктора наук Л. Перович хорошо известно в мире, ей посвящены статьи в энциклопедиях на многих языках. Она известна и как политический и общественный деятель, и как ученый. Конечно, во всех энциклопедиях и википедиях на первое место ставится самый яркий и, наверное, самый трагический эпизод ее политической карьеры – так называемая расправа с сербскими либералами в 1972 г. Тогда она как член ЦК Союза коммунистов Сербии вместе с лидером партии Марко Никезичем открыто выступила с критикой политики руководства страны и лично товарища Тито. Оба они были исключены из партии и смещены со всех занимаемых постов. В ссылку или тюрьму, к счастью, не попали, но под надзором соответствующих органов находились еще долго. Это значимое в истории социалистической Югославии событие неожиданно стало большой удачей для исторической науки Сербии. Ибо Латинка Перович после двух лет практически домашнего ареста была «сослана» в науку, в Институт рабочего движения, впоследствии ставший Институтом новейшей истории Сербии. Она проработала там до ухода на пенсию в 1998 г. Уже как профессиональный историк Латинка проанализировала события 1971–1972 гг. и атаку на сербских «либералов» (как называли ее и ее товарищей их оппоненты) в своей обширной монографии «Круг замкнулся», или может быть точнее «Как замыкался круг» с подзаголовком «финал политического раскола в СКЮ. 1971/1972»². Эту книгу она посвятила своему соратнику и другу М. Никезичу, смерть которого в 1991 г. была для нее большим ударом. Тогда я в первый и последний раз видела эту несгибаемую женщину плачущей. Герой Народно-освободительной войны, политик, дипломат и скульптор, эрудит и полиглот, Марко Никезич, безусловно, был одним из самых ярких интеллектуалов на сербской политической арене.

1 Тимофе́ев (одг. ур.) 2020; Силкин, Серапионова, Лобачева, Тимофеев (ред.) 2020.
2 Perović L. Zatvaranje kruga: ishod političkog rascepa u SKJ 1971/1972. Sarajevo: Svjetlost, 1991. 471 s.

Латинка издала в 2003 г. его труды³ с обширным и всесторонним анализом его жизни и творчества.

Она пережила своего друга и соратника Никезича на 30 с лишним лет и скончалась в декабре 2022 г. в возрасте 89 лет. До последних дней она сохранила не только ясный ум, но и невероятную работоспособность. Могила Латинки Перович и ее мужа Слободана Петровича на Новом Кладбище Белграда чрезвычайно достойна и скромна – простое белое надгробие и два имени с датами рождения и смерти. Это очень символично для Латинки, и в жизни она была достойным и скромным человеком. Но если бы надо было поставить памятник Латинке Перович, то он на мой взгляд должен был бы выглядеть следующим образом: громадный письменный стол, полностью заставленный книгами, брошюрами, фолиантами и виднеющаяся из-за них голова исследовательницы Латинки Перович, склонившейся над очередной своей рукописью. Именно такую картину каждый день с 8.00 до 16.00 часов можно было видеть в профессорском зале Университетской библиотеки «Светозар Маркович» в Белграде. Ориентиром для ищущих ее могилу очень символично является находящаяся рядом русская часовня, поскольку Латинка похоронена рядом с русской parcelлой Нового кладбища. Символично это потому, что вся ее научная деятельность была тесно связана с русской темой. Именно в этом направлении ее исследований они больше всего сотрудничали с А.Л. Шемякиным.

Латинка Перович была великой труженицей, не знавшей праздности. К своему делу историка она относилась очень серьезно, постоянно совершенствуя квалификацию. А работать в библиотеке по 8 часов в день считала нормальной трудовой вахтой, как и у любого другого трудящегося человека своей страны. И при этом успевала выступить на многих конференциях, участвовать в презентациях научных трудов, в обсуждениях и дискуссиях по проблемам исторического знания.

Ее научное наследие велико – оно насчитывает 22 книги и сотни статей, рецензий и обзоров. К великой нашей чести одними из ее последних трудов стали – опубликованный в 2022 г. в журнале «Токови исто-

3 Nikezić M. Srpska krhka vertikala / [priređ.; autor uvodne studije Latinka Perović]. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2003. 343 s.

рије» отчет о конференции памяти В.Г. Карасева⁴ и ее статья в сборнике по итогам этой конференции⁵.

Если политическая и общественная деятельность Латинки Перович хорошо известна и изучена, то в меньшей степени анализируется ее научное творчество как историка. Пожалуй, в этом плане наиболее значимым стал сборник, посвященный 75-летию Латинки Перович, изданный Хельсинкским комитетом по правам человека в 2008 г.⁶ Кончина Латинки Перович в декабре 2022 г. вызвала публикацию ряда некрологов, написанных как ее единомышленниками и соратниками, так и политическими противниками и научными оппонентами, прозвучали в них и оценки ее научной деятельности. Но наиболее глубоким анализом и оценкой ее научной позиции и всего ее многолетнего труда можно считать статью А.Л. Шемякина, увидевшую свет незадолго до его столь раннего ухода в первом номере журнала «Славяноведение» за 2018 г.⁷ Эта статья посвящена последней монографии Латинки Перович «Русские идеи и сербские реплики»⁸. Андрей Леонидович, как бы предчувствуя, что не увидит выход в свет этой книги, анализирует ее по рукописи и даже дает неверные выходные данные – 2017 г. На самом деле эта книга Латинки вышла в 2019 г. и автор посвятила ее своему другу и соратнику Андрею Леонидовичу Шемякину. Монография эта содержит тексты предисловий Латинки к многочисленным подготовленным ею и ее коллегами изданиям источников – документов, мемуаров, дневников. Андрей Леонидович пишет в своей статье, что идея издать такую книгу принадлежала ему: «Уже много лет, во время наших, по счастью, довольно частых, встреч и разговоров, я предлагал Л. Перович собрать все свои самые важные “введения” и выпустить их отдельным изданием, подчеркивая несомненную нужность такого шага для историографии»⁹.

4 *Перовић Л.* Сто година од рођења Виктора Георгијевића Карасјева // Токови историје. 2022. № 2. С. 373–374.

5 *Перович Л.* Мои личные и профессиональные воспоминания о профессоре В.Г. Карасеве // Историки-слависты МГУ: Кн. 15: Ключевые проблемы истории южных и западных славян в новое и новейшее время (к 100-летию профессора В.Г. Карасева). М.: Издатель Степаненко, 2023. С. 24–26.

6 *Snaga lične odgovornosti* 2008.

7 *Шемякин А.Л.* Новый тип исторического труда в контексте дискуссии о природе сербского радикализма // Славяноведение. 2018. № 1. С. 1–17.

8 *Perović L.* Ruske ideje i srpske replike. Sarajevo, Beograd: University press – izdanja Magistrat, Apostrof, 2019. 774 s.

9 *Шемякин А.Л.* Новый тип исторического труда в контексте дискуссии о природе сербского радикализма. С. 4.

Латинка в своем очерке об Андрее Леонидовиче, подтверждает, что идея эта была его¹⁰. Представляется, что этот опыт, наверное, можно было бы применить и к предисловиям, написанным А.Л. Шемякиным к публикациям документов – «Москва – Сербия. Белград – Россия»; «Переписка митрополита Михаила и Николы Пашича»; трехтомнику «Русские о Сербии и сербах» и другим публикациям. Возможно, что его ученики возьмутся за эту работу.

Не случайно в сборнике по итогам очередной конференции памяти Андрея Леонидовича Шемякина мы вспоминаем научную деятельность доктора Латинки Перович. Их связывала многолетняя дружба, научное сотрудничество, выполненные в соавторстве труды и взаимное уважение. Их научные интересы совпадали и тесно переплетались, и их сотрудничество было чрезвычайно плодотворным. Они оставили и очень высокую и точную оценку деятельности друг друга. Он – в упоминавшейся выше статье, ставшей одной из последних его прижизненных публикаций, а Латинка Перович – в сборнике, посвященном А.Л. Шемякину, с характерным названием своего очерка: «Дружба и сотрудничество с А.Л. Шемякиным»¹¹. Ее очерк, пронзительный и щемяще-нежный рассказ о друге и товарище, наполнен поистине материнской печалью. Они столь разные по возрасту и положению были во многом схожи – в трудолюбии, стремлении к постоянному совершенствованию, а также любовью и заботой о близких. Не случайно Латинка написала о нежной привязанности Шемякина к своей мамушке, ведь и сама она была невероятно заботливой и любящей дочерью.

Латинка получила гуманитарное образование и постоянно совершенствовала свое мастерство. Как профессиональный историк она работала, начиная с 1972 г., когда готовила к защите свою докторскую диссертацию, а с 1975 по 1998 гг. работала научным сотрудником в Институте рабочего движения, переименованного позже в Институт новейшей истории Сербии. Ее докторская диссертация «Дебаты о национальном вопросе в Независимой рабочей партии Югославии в 1923 г.» была защищена 2 декабря 1975 г. на факультете политических наук Белградского университета. Монография на ее основе «От централизма к федерализму. КПЮ

10 *Перовић Л.* Пријатељство и сарадња са А.Л. Шемјакином // Русија и Србија на прелому века: српске теме Андреја Шемјакина / [одговорни уредник Алексеј Ј. Тимофејевић]. Београд: Институт за новију историју: Центар за Руске и Источноевропске студије «М. Јовановић» Филозофског факултета Универзитета: Информатика; Москва: Институт за словенске студије РАН, 2020 (Београд: Графо сан). С. 91–96.

11 Там же.

и национальный вопрос» не случайно вышла именно в Загребе в 1984 г., а одним из оппонентов на защите был выдающийся словенский историк Янко Плетерский. Интернационализм не был для Латинки пустым звуком, она была его адептом, и это ей ставили в вину оголтелые националисты до конца ее жизни. Это было ее первое и глубокое исследование сути национального вопроса, но тему эту она не оставляла. Показательно в этом плане ее выступление на Круглом столе «Сербы и хорваты» в Загребе в разгар войны (опубликованное в 2000 г.), где она не снимает ответственности за произошедшее с сербского руководства и исследует корни возникшего антагонизма.

Строительство государства нового типа, на основе социалистической идеологии стало предметом изысканий Латинки Перович на долгие годы. Она с присущей ей основательностью взялась исследовать истоки сербской революционной и радикальной идеологии, досконально изучив и западноевропейское и русское влияние. Именно об этом, о примате русской общественно-политической мысли в становлении сербской радикальной идеологии с присущей ему горячностью и страстностью пишет в упомянутой статье А.Л. Шемякин. Они с Латинкой в этом вопросе единомышленники. Латинка для сербских читателей издает со своими комментариями труды Герцена, Бакунина, Лаврова и Кропоткина. Ее монография «Спланированная революция»¹² посвящена анализу практически неизвестной в Сербии русской революционной мысли. В 1993 г. она приезжает в Москву на конференцию посвященную П.А. Кропоткину, где одновременно проходит и импровизированный съезд анархистов. Ее выступление посвящено влиянию идей Кропоткина на сербскую научную и общественную мысль¹³. Разрабатывая эту тему она написала трехтомное исследование «Сербские социалисты XIX века»¹⁴, продолжив его уже специальным анализом русско-сербских революционных связей¹⁵.

Латинка всегда была верна слову и обладала сильным характером. В конце августа 1991 г. я ждала ее в Москве, она должна была прочесть курс лекций у нас на Историческом факультете МГУ. Я позвонила ей 21 августа и сказала: «Латинка, может, не стоит ехать, у нас танки

12 Planirana revolucija / prired. L. Perović. Beograd – Zagreb: BIGZ – Globus, 1988. 581 s.

13 Перович Л. Влияние идей П.А. Кропоткина на сербскую научную и общественную мысль // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. М.: [б. и.], 2001. Вып. 3. С.115–144.

14 Perović L. Srpski socijalisti 19. veka. Knj. 1–2. Beograd: Rad, 1985; Перовић Л. Српски социјалисти 19. века. Књ. 3. Београд: Службени лист СРЈ, 1995.

15 Перовић Л. Српско-руске револуционе везе. Прилози за историју народњаштва у Србији. Београд: Службени лист СРЈ, 1993. 220 с.

на улицах», а она ответила: «У нас тоже». И приехала, и прочитала замечательный курс о политических партиях Сербии XIX в., а после лекций сидела в архивах и библиотеках, изучая журнал «Вперед» Петра Лавровича Лаврова, где сотрудничал и герой творчества А.Л. Шемякина Никола Пашич.

Радикальная партия стала еще одним важным направлением в исследовательской деятельности Латинки Перович. Уже в 1983 г. вышла ее книга об одном из главных действующих лиц радикального движения – Пере Тодоровиче. Латинка позже издаст и его «Дневник», его публицистику, инициирует большую научную конференцию, ему посвященную. Это было настоящее открытие в научной жизни Сербии. Пера Тодорович, этот блестящий публицист, затмивший своего бывшего соратника Пашича, во многом объяснил реалии Сербии конца XIX в.

В орбите ее научных интересов, безусловно, был и сам Никола Пашич. Поэтому не случайно, что совместно с А.Л. Шемякиным они издают его труды, речи и письма¹⁶. По инициативе А.Л. Шемякина на русском языке вышел и большой монографический текст Л. Перович об истоках становления и деятельности радикальной партии Сербии¹⁷. Она здесь убедительно продемонстрировала влияние идей российского народничества на становление радикальной партии Николы Пашича.

В начале 1990-х годов Латинка становится редактором журнала «Токови историје». Это стало временем его взлета и расцвета, где Л. Перович задает тон и начало новым направлениям в изучении истории Сербии и Югославии. В первую очередь это проблемы модернизации, представленные как в теоретических, так и в конкретно-исторических исследованиях. В 1994 г. увидел свет сборник докладов прошедшей годом ранее конференции: «Сербия в процессах модернизации XX века». И следом идут серии работ по модернизации – проблема элит, женское движение, экономические и политические аспекты модернизации¹⁸. Л. Перович су-

16 Пашић Н. Писма, чланци и говори (1869–1891) / приред. Л. Перовић, А. Шемјакин. Београд: Новинско-изд. установа, 1995. 354 с.

17 Перович Л. Народная радикальная партия: утверждение идеологии социального, национального и политического единства сербского народа // Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.): Сб. ст. / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб.: Алетея, 2009. С. 272–333.

18 Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka: (naučni skup) = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference) / [ured. odb. L. Perović, M. Obradović, D. Stojanović]. Beograd: ČIP Štampa, 1994. 452 s.; Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2. Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup / gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd: Čigoja štampa, 1998. 580 s.; Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 3. Uloga elita / [ur. L. Perović]. Beograd: Čigoja štampa, 2003. 276 s.

мела сплотить большой коллектив историков, занимающихся проблемами модернизации. Эту тему горячо поддержал и развил в своих трудах и А.Л. Шемякин. В нескольких выпусках инициированной им и его коллегами серии работ под общим названием «Человек на Балканах» он много внимания уделяет теме модернизации¹⁹. А.Л. Шемякин также опубликовал в сборнике этой серии и перевод части труда Л. Перович о модернизации в Сербии²⁰, позволяющий составить представление о научной позиции автора по этому вопросу.

Многое можно сказать и об общественной деятельности Латинки Перович, но достаточно только того, что во время военных действий 1990-х годов она много сил уделяла помощи беженцам, наводнившим Сербию, неустанно ездила по местам их размещения, беседовала с ними, старалась решить их насущные проблемы.

Можно с уверенностью сказать, что труды Л. Перович последних лет это еще и ценный источник по истории Югославии и Сербии за более чем 50 лет с 1970-х годов по 2022 г. Ее гражданская активность выражалась и в поддержке молодых ученых и политиков, стремящихся найти выход из сложного положения, в котором оказалась страна. Латинка Перович активно занималась историей становления политической и интеллектуальной элиты в Сербии XIX–XX вв. Она продолжила изучать эту проблему и на примере современной ей Сербии. Научным подвигом представляется ее 700-страничный труд «Доминирующая и нежелательная элита»²¹, увидевший свет в 2015 г. и выдержавший два издания. Это мартиролог самым ярким фигурам общественно-политической и научной жизни Сербии второй половины XX в., где в доминирующей элите Добрица Чосич, а в нежелательной – Марко Никезич, Коча Попович, Милован Джилас, Иван Стамболич, Сима Чиркович, Зоран Джинджич, Богдан Богданович, Радомир Константинович и многие другие. Книга вызвала жаркую полемику и острую критику историка и социолога Миры Богданович. Но Латинка, которая всегда охотно шла на публичные дис-

19 См., например: *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // *Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.)*. СПб.: Алетейя, 2004. С. 10–53.

20 *Перович Л.* Сербия в модернизационных процессах XIX–XX веков // *Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.)*: Сб. ст. / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2007. С. 16–40.

21 *Perović L.* Dominantna i neželjena elita – Beleške o intelektualnoj i političkoj eliti u Srbiji (XX–XXI vek). Beograd, 2015. 688 s.

куссии, сумела отстоять свое мнение об отторжении сербским обществом своей интеллектуальной элиты, неготовности идти на те перемены, которые ему предлагались этой элитой. В число ярких личностей нежелательной элиты Латинка включила и рано ушедшую блистательную исследовательницу государства и права Ольгу Обрадович-Попович, книга которой о парламентской системе в Сербии появилась благодаря инициативе Латинки. Она вообще много сделала для продвижения трудов молодых ученых. Многие из них считают ее своим учителем, так думал и Андрей Леонидович, так думаю и я, считая ее своим учителем в науке и жизни.

Л. Перович написала, что труды А.Л. Шемякина недостаточно хорошо знают в Сербии, то же можно сказать и о ее трудах в России. Хотя все мы, ее коллеги и друзья, прилагали усилия, чтобы ее работы были доступны российскому читателю²².

Литература

1. Силкин, Серапионова, Лобачева, Тимофеев (ред.) 2020 – Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А.А. Силкина, Е.П. Серапионовой, Ю.В. Лобачевой, А.Ю. Тимофеева. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 432 с. DOI: 10.31168/4469-1772-3.
2. Snaga lične odgovornosti 2008 – Snaga lične odgovornosti: prijatelji o Latinki Perović / [grupa autora]. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2008 (Beograd: Zagoras). 331 s.
3. Тимофејев (одг. ур.) 2020 – Русија и Србија на прелому века: српске теме Андреја Шемјакина / [одговорни уредник Алексеј Ј. Тимофејев]. Београд: Институт за новију историју: Центар за Руске и Источноевропске студије «М. Јовановић» Филозофског факултета Универзитета: Информатика; Москва: Институт за словенске студије РАН, 2020 (Београд: Графо сан). 354 с. DOI: <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijairsbija>.

References

1. Silkin, A.A., Serapionova, E.P., Lobacheva, Ju.V., Timofeev, A.Ju., eds, 2020. *Chelovek na Balkanakh. Pamiati Andreia Leonidovicha Shemiakina (1960–2018)* [A Man in the Balkans. A Collection of Articles in Memoriam of Andrey Leo-

22 См., например: *Перович Л.* Об источниках социалистической мысли в Сербии // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 135–139; *Перович Л.* Магия русского бунта // Родина. 2001. № 1–2. Специальный выпуск «Славянский мир». С. 122–124; *Перович Л.* Утраченные иллюзии // Родина. 2003. № 10. Специальный выпуск «Россия и Сербия: веки истории». С. 63–64; *Перович Л.* Личность князя Михаила Обреновича на страницах дневника Николы Крстича // *Studia Balkanica*. К юбилею Р.П. Гришиной / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2010. С. 69–82.

- nidovich Shemyakin (1960–2018)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 432 p. DOI: 10.31168/4469-1772-3. (in Rus.)
2. Snaga lične odgovornosti: prijatelji o Latinki Perović / [grupa autora]. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2008 (Beograd: Zagorac), 331 s.
 3. Timofejev, ed., 2020. *Russia i Srbija na prelomu vekova: srpske teme Andreja Šemjakina* [Russia and Serbia at the turn of the centuries: Serbian themes by Andrei Shemyakin]. Beograd: Institut za noviju istoriju: Centar za Ruske i Istočnoevropske studije “M. Jovanovic” Filozofskogo fakulteta Univerziteta: Informatika; Moscow: Institut za slovenske studije RAN (Beograd: Grafo san), 354 p. DOI: <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija>. (in Rus., Serb.)

Lyudmila V. Kuzmicheva

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, Moscow,
Russian Federation, 119991, Lomonosovsky Prospekt, 27, building 4.
kuzmicheva3@yandex.ru

A Community of Enthusiasts. Historians Latinka Perovich and Andrey Shemyakin

Serbian researcher Latinka Perovich (1933–2022) and Russian historian Andrey Leonidovich Shemyakin (1960–2018) studied Serbian-Russian relations, primarily in the field of ideology. A.L. Shemyakin, a well-known researcher of the history and functioning of the Radical Party of Serbia, largely shared L. Perovich's position on the Russian origins of Serbian radicalism. The cooperation between the historians developed in the early 90s of the twentieth century and continued until the death of A.L. Shemyakin in 2018. Historians have worked especially fruitfully in publishing sources on the history of Serbia and Serbian-Russian relations. Scientists were connected by a great personal friendship, as they actively helped each other with their respective scientific work and shared their plans for scientific research with each other. A striking example of their joint efforts was the publication of the documentary legacy of Nikola Pasic

Keywords: Serbo-Russian scientific relations, Perovich L., Shemyakin A.L., Radical Party of Serbia, N. Pasic, massacre of Serbian Liberals 1972

Вопросы истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XXI вв.
Шемякинские чтения.
Выпуск 2

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН (Протокол № 8
заседания Ученого совета ФГБУН Института славяноведения РАН от 28.11.2023)

Прелом и дизајн Ђорђе Секерезовић

Дизајн обложки П.К. Донской

Центар за руске и источноевропске студије Филозофског факултета
Универзитета у Београду
Чика-Љубина 18-20, Београд, Србија

Руски научни институт
Сарајевска 11, Београд, Србија

Архив Српске Православне Цркве
Краља Петра 5, Београд, Србија

Штампарија: МИА принт
Војводе Степе 3476, 11000 Београд

Тираж: 300 примерака

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

94(4-191.2)»18/20»(082)
94(4-12)»18/20»(082)
323(4-191.2)»18/20»(082)
323(4-12)»18/20»(082)
314.15(=161.1)(497.1)»19»(082)

ШЕМЯКИНСКИЕ чтения. Выпуск 2, Вопросы истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XXI вв. / [научный редактор Алексей Юрьевич Тимофеев]. - Москва : Институт славяноведения РАН ; Белград : Центр по изучению России и Восточной Европы им. М.Иовановича Филозофског факултета Белградског универзитета : Архив Српской православной церкви : Русский научный институт, 2023 (Београд : МИА принт). - 471 стр. : илустр. ; 24 см

Радови на срп. и рус. језику. - Тираж 300. - Стр. 9-11: Предисловие / Ю.(Юлия) В.(Владимировна) Лобачева. - Напомене и библиографске референце уз радове. - Библиографија уз сваки рад. - Summaries.

ISBN 978-86-81328-13-2 (РНИ)

а) Емигранти, руски -- Југославија -- 20в -- Зборници б) Централна Европа -- Историја -- 19в-21в -- Зборници в) Југоисточна Европа -- Историја -- 19в-21в -- Зборници

COBISS.SR-ID 131773449